

Микола Прокопович Василенко (1866–1935)
Наталія Дмитрівна Полонська-Василенко (1884–1973)

В.І. Вернадський — М.П. Василенку¹

№ 102

30 листопада 1917 р., [Полтава]*

30.XI. [1]917**

Дорогой Николай Прокофьевич.

Ваше письмо получил перед отъездом.

Передал С[офье] Влад[имировне]² бумаги, но думаю, они не дали им хода. Хотел бы приехать в Киев с Вами повидаться — известите, можно ли Вас застать? Лучше всего напишите Елиз[авете] Петр[овне]³ — она меня известит.

Ваш *В. Вернадский*

Прошу ответить скорее.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 2. Листівка.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 103

5 грудня 1917 р., Київ

5 декабря 1917 г.

Киев, Тарасовская, 20

Отвечаю сейчас же. Видите, как теперь скоро почта ходит! Мне так хочется повидаться и потолковать с Вами. Русская революция создала такую свободу и самостоятельность, что не знаешь, что делается кругом. Из Петрограда, из Москвы, из [проч.] мы знаем только газетные сведения, да отрывочные ходячие слухи, которым трудно верить.

Если приедете в Киев, то, конечно, ко мне. У меня маленькая, но уютная квартирка, и Вы устроитесь совершенно свободно и спокойно. Сейчас только не трогайтесь с места до получения моего второго письма. В Киеве у нас пока спокойно, жизнь течет, по внешности, вполне нормально. Но ультиматум Троцкого и ответ Рады⁴, хотя и построенный в тон большевистской идеологии, но отрицательный, могут очень скоро послужить основанием для больших осложнений возле Киева, а, быть может, и в Киеве. Уже, кое-где, с севера по направлению к Киеву разобраны пути. И кто знает: быть может, нам предстоит и в Киеве пережить подобие того, что переживают другие крупные центры. В такое время ехать сюда не следует. Пройдет несколько дней, тучи рассеятся, и я извещу Вас.

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

** Адреса на звороті: Николаю Прокофьевичу Василенко, Тарасовская, 20, Киев.

Другое обстоятельство, которое Вы должны учесть при поездке, — это ужасная перегруженность поездов. Когда я ехал из Москвы, в течение суток я не мог выйти из купе.

Мы на днях говорили о Вас. Кой-какие сведения о Вас у меня были. Вопрос шел о Вашей кандидатуре в Укр[аинское] Учр[едительное] Собрание⁵. На днях у нас было областное собрание по этому поводу. Совещание пришло к заключению о необходимости принять участие и работать. Конечно, мы будем на выборах иметь очень малый успех, так как мы официально не признаем принципа федерализма и, кроме того, автономию Украины мыслим опирающейся на автономию областей, входящих в нее (Ваша мысль). Все же, как всегда, мы должны идти и бороться. Не нашли бы Вы возможным выставить и свою кандидатуру, если официально Вы можете причислить себя к лицам, имеющим постоянную оседлость на Украине.

Я придаю большое значение участию в Укр[аинском] Учр[едительном] Собр[ании], больше даже, чем участию в 1-м всероссийском учредительном собрании. Последнее, конечно, не состоится, а если состоится, то в уродливом виде.

Я думаю, что принцип федерализма все больше и больше завоевывает себе почву в России. Центральная власть не создается в СПб и Москве: ей не на кого там опереться. Власть организуется в нескольких центрах на окраинах, а затем путем соглашения, а, быть может, в иных случаях и принуждения, и будет создана на федеративных началах центральная власть. Исходя из такого положения, я считаю строительство областной власти и устройства одной из важнейших и очередных задач.

Поэтому я так и хотел бы, чтобы и Вы с Вашим таким критическим умом были в числе членов Укр[аинского] Учр[едительного] Собрания.

Известие относительно Софьи Владимировны все не дает мне покоя, хотя самый факт не был для меня неожиданностью⁶ ввиду той красивой и сильной роли, которую она играла в последнее время в питерской общественной жизни и о которой с восторгом говорил один из н[ародной] с[вободы] здесь в Киеве. Вы работали с нею со времени большевистского переворота.

Я в ноябре не мог попасть в Питер. Телеграмма, посланная 17 ноября, получена мною 24 вечером (ночью), письмо Софьи Вл[адимировны] — 26 ноября утром, а срочная почтой получена только 30 ноября! Так как основанием для моего вызова послужили начало заседаний Комитета в 2 ч[аса] дня 26 ноября и отчет к Учред[ительному] Собранию, то оказалось, что я, благодаря опозданию, не могу поспеть ни к 26, ни к 28. Затем последовали известные события. Друзья нашли, что мне ехать бесполезно пока не станет функционировать собрание.

Выехать сразу из Киева я не мог и по другим основаниям. 29 ноября у нас было краевое собрание относительно выборов в Учредительное Украинское Собрание. У нас есть несколько оттенков, и мне хотелось, чтобы больше было того, к которому принадлежу я (федерализм).

---

* Далі одне слово нерозбірливе. Варіант прочитання — «соли».

Выборы в Всероссийское Учредительное Собрание у нас закончились, но дай бог, чтобы по Киевской губернии мы и одного провели. У нас боролись здесь национальные списки, главным образом украинский и антиукраинский (русских избирателей)⁷.

Возвратившись в Киев, я сейчас же почувствовал себя в своей сфере и как-то сразу отошел. Уже обложился и книгами, и в досужие часы с такой любовью и наслаждением возвращаюсь к ним и вспоминаю Вас с фолиантом в руках, как обычно в последние дни видел Вас среди тревожных событий у Вас в кабинете.

Я выставил свою кандидатуру на кафедру западно-русского права. Конкурс кончается 15 декабря. Позавчера Бубнов (декан историко-фил[ологического] факультета)⁸ предлагал мне выставить кандидатуру на кафедру украинской истории. Но я предпочту первую: 1) не совсем хорошие воспоминания у меня остались от отношений с историко-фил[ологическим] факультетом в прошлом и 2) боюсь, не вызвано ли предложение желанием парализовать кандидатуру А.С. Грушевского⁹. Я же не хочу мешаться в эту кашу по многим причинам.

Вчера вечером был у меня Мг. Вильямс (муж Тырковой)¹⁰. Он выехал во вторник прошлый из Петербурга и сообщил мало утешительного. Вчера после долгого перерыва получил № 2 «Нашего века»¹¹, где звучат те же мотивы. Утешительно упорство, с каким ведется борьба. А все-таки нужно не менее ста дней (трех месяцев), чтобы совершился перелом и мы почувствовали уклон к чему-то другому.

Я, значит, напишу Вам, когда выяснится положение дел в Киеве. Крепко жму руку.

Душевно преданный *Ник. Василенко*

ІР НБУВ, ф. І, од. зб. 26919, арк. 1–4зв. *Опубл.: Василенко М.П. Вибрані твори: у 3 т. Т. 3: Спогади. Щоденники. Листування / М.П. Василенко; НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького; упоряд. І.Б. Усенко. — К.: Юридична думка, 2008. — С. 431–433.*

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 104

8 грудня 1917 р., [Полтава]*

8.XII. [1]917

Дорогой Николай Прокофьевич,

Пишу несколько строк, т. к. надеюсь побывать в Киеве. Мне хотелось бы о многом поговорить с Вами и кое-что выяснить. Буду ждать Вашего второго письма и с удовольствием воспользуюсь Вашим приглашением — приеду прямо к Вам. Я придаю очень большое значение Укр[аинскому] Учр[едительному] Собр[анию]. Здесь мы обсуждали вопрос о к[онституционно]-д[емократической]

* Місце написання листа встановлено за змістом.

программе для него. Я пишу сейчас программу-статью, связанную с народным образованием¹². Выдвинем широкую автономию Полтавщины¹³. Надо бы областной съезд и областную к[онституционно]-д[емократическую] газету в Киеве. Если сочтете нужным выставить мою кандидатуру в Учр[едительное] Собр[ание] Украины — согласен. Я считаю себя «постоян[ным] представит[елем] Украины» — Миргород[ского] у[езда] Полт[авской] губ[ернии], Шишаки¹⁴.

Всего лучшего.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 3. *Опубл.: Василенко М.П.* Вибрані твори: у 3 т. Т. 3: Спогади. Щоденники. Листування / М.П. Василенко; НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького; упоряд. І.Б. Усенко. — К.: Юридична думка, 2008. — С. 433.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 105

20 грудня 1917 р., Київ

Для передачи В.И.

Киев, Тарасовская, 20
20 декабря 1917 г.

В Киев приехал на днях Н.Н. Черненко¹⁵, командированный Ц.К. для ознакомления с киевскими делами и для живого ознакомления Ц.К. Слава Богу. Ожидался, а, быть может, и ожидается приезд с тою же целью П.В. Герасимова¹⁶. Его задержал арест В.А. Степанова¹⁷.

У Н.Н. Черненкова явилась мысль устроить совещание с некоторыми из членов Ц.К. в Киеве. Поэтому вчера поручено мне написать Вам и просить Вас, если Ваше здоровье позволяет и если можно физически пробраться в Киев, приехать к нам возможно скорей. Тогда можно будет вызвать из Чернигова и А.А. Свечина¹⁸. Он хоть не член Ц.К., но, говорит Н.Н., случайно только не кооптирован снова.

Если Вы успеете, было бы хорошо известить меня, когда Вы сможете добраться до Киева? Тогда к этому времени можно было бы просить и А.А. Свечина приехать.

Имейте в виду, что письма, кажется, идут скорей телеграмм. Для верности можно и написать письмо, и послать телеграмму.

Судя по газетным сведениям, ходят только теплушки. Насколько верно это — не знаю. Говорят только, что поезда ужасно переполнены. Это бывает ежегодно перед праздниками, а в этом году в особенности. Поэтому и желательно получить от Вас известия о возможности или невозможности Вашего скорого приезда. Быть может, Вы сможете приехать на праздниках, когда движение

немного уменьшится. Н.Н. Черненко, по-видимому, праздники пробудет в Киеве.

Всего хорошего.

Душевно Ваш *Ник. Василенко*

ІР НБУВ, ф. І, од. зб. 26920, арк. 1–2.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 106

29 грудня 1917 р., [Полтава]*

29.XII. [1]917

Дорогой Николай Прокофьевич,

не приехал и не мог Вам дать знать, т. к. почта стала действовать только вчера. Четыре дня «отдыхала». Я не решился выехать в Киев, т. к. мы ждали тех событий, какие разыгрались, и я не хотел оставить дочку¹⁹, боясь, что не удастся вернуться. Тем более, что полтавцы рассказывали ужасы о возвращении в поезде из Киева даже лиц, снабженных всякими полномочиями секретариата. Секретариат в этой и многих других областях совершенно бессилён. К тому же дочка слегла, сейчас ей лучше и третьего дня вечером совершенно неожиданно — и, благодарю случайность, очень хорошо — приехала из Петрограда жена. Так что мы теперь все вместе. Н.Е. узнала о возможности своего проезда (ехала с прежним комфортом до Харькова) за час до выезда на вокзал²⁰! Я все-таки не отчаиваюсь приехать в Киев. Много мне хотелось бы видеть своими глазами и о многом переговорить. Здесь я усердно и плодотворно работаю над большим трудом «о живом веществе в его геохимическом значении»²¹. И в этой работе, столь далекой от текущих событий, нахожу нужную мне спокойную силу. К тому же я во многом совершающемся (в возможности федерации, в возрождении украинства и т. д.) вижу очень положительные стороны. Написал было статью об украинизации школы, но не знаю, как ее напечатать²². Мы думаем, что 1-го ян[варя] начнется «Полт[авский] День»²³ — но сейчас идет забастовка типогр[афов] и опять подняли голову советы с[олдатских] и р[абочих] д[епутатов] с Харьк[овской] ориент[ацией].

Здесь оказались склады бессар[абского] вина (по-видимому, для Рум[ынско-го] фронта). Перед праздниками были выданы порции солдатам («укр[аинцам]»). Те узнали, где склады, и в сочельник начался ими погром, длившийся совершенно беспрепятственно два дня. На третий день праздника, т. к. представители Рады объявили себя бессильными, взялся за улучшение город. Но он тоже бессилён — но фактически милиция с самообороной горожан вчера остановила разгром, образовав вооруженные патрули (в солд[атской] форме с ружь-

* Місце написання листа встановлено за змістом.

ями). Вчера всполошился Совет р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], вновь ожил, объявил обывательскую милицию контрревол[юционной] и начал пытаться ее разоружить. Сейчас положение неясное. Если укр[аинская] рада не пришлет небольшое количество верных ей войск (150–200 чел[овек]), то Полтава попадет в руки большевиков, как Харьков. Беда, что в секретариате Стешенки <и> Мартосы²⁴! Отчего прекратилась Ваша газета? Если что будет нового — пишите.

Всего лучшего.

В. Вернадский

Как адрес Науменко — хотел бы ему написать. Его зовут Влад[имир] Павл[ович]^{25*}?

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 4–4зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 107

5 січня 1918 р., [Полтава]**

5.І. [1]918

Дорогой Николай Прокофьевич!

Очень извиняюсь, что беспокою Вас, но рассчитываю на Вашу дружбу. Если можно, пришлите на имя Ниночки следующие книги:

1. Z dziejów Ukrainy. Pod red. W. Lipńskiego. K., 1912²⁶.
2. Огієнко. Вчимося рідної мови. К., 1917²⁷.

Здесь страшно трудно с книгами. Если есть что-нибудь из других брошюр Огиенко — пришлите. Что он из себя? Положение здесь неопределенное и неясное. Работаю хорошо и [странно, как мысль моя] в такой обстановке неожиданно углубляется. Сделал много и ежедневно работаю несколько часов. Писал Вам [о том, что] не приезжаю в Киев пока. Сейчас дочка встала с постели и ей лучше.

Всего лучшего.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 21, арк. 1. Відрізний купон поштового переказу на 10 руб.

* Адреса на звороті: Заказное. Николаю Прокофьевичу Василенку, Тарасовская, 20, Киев.

** Місце написання листа встановлено за щоденником В.І. Вернадського.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 108

25 лютого 1918 р., [Полтава]*

12/25.II. [1]918

Дорогой Николай Прокофьевич,

Сердечно рад был получить Ваше письмо²⁸, из которого узнал, что Вы пережили благополучно эти ужасы и преступления в Киеве²⁹. Я часто был мыслью и сердцем с Вами за эти дни и тяжело переживаю происходящее. Сейчас еще положение усложняется немецкой оккупацией — уже за многие последние недели для меня сделалась ясной ее неизбежность. В конце концов и укр[аинский] и другие вопросы зависят от окончательной победы в этой войне. Для меня все еще совершенно осталась неясной уверенность в окончательной победе англо-американцев и соответственно я оценивал происходящее. Думаю, что рада, морально не имеющая здесь почти никакой поддержки, сделала безумный шаг. Отдала себя в рабство и поставила Украину в невозможное положение³⁰. Как это ни странно, в Полтаве есть лишь ничтожная кучка «украинцев» в их [смысле] — все остальные или против, или скрытно враждебны и индифферентны. Но мы ждем здесь оккупацию, и положение большевиков ([накопивших] на себя и на евреев, которые в большом числе здесь большевики) чрезвычайно пошатнулось. Ждем здесь всяких эксцессов перед их уходом против инакомыслящих.

Ваше письмо застало меня в постели — проболел более двух недель, точно не знаю, что было (до 39° темп[ература]), но не туберкулезный процесс. Однако объяснение объяснением, но чувствовал все же себя плохо и теперь еще на положении полубольного. Работаю научно и в этой работе я нахожу силу, нужную, чтобы перенести переживаемые нами несчастья. Надо направить сейчас все силы на усиление научного творчества и на защиту интересов науки и других духовных ценностей в среде невежественного народа и пораженной социалистическим маразмом интеллигенции! Я думаю, эту борьбу мы выдержим.

Конечно, я подпишу устав, и не присылал его Вам только потому, что почтовые сношения с Киевом у нас не налаживались. Присылаю его на днях. Я считаю, что с уходом М[илокова] и с гибелью Учредительного Собрания наша с Вами функция кончилась³¹. Из Петрограда имею известия, что большевики собираются уничтожить Уч[еный] Ком[итет] Зем[леделия]³² — это большой удар культуре. Сделали ли они это или нет — не знаю. Газеты мы получаем случайно и писем о результате я еще не имел.

Очень извиняюсь, что затруднил Вас просьбой о книге «Z dz[iejów] Ukr[ainy]». Я сейчас же собрался написать Вам, что если она стала дороже — то не присылайте и теперь тоже. Я хотел подарить ее дочке, которая учится польскому яз[ыку].

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

Недавно прочел с негодованием брошюру Огиенко (изд[анную] Радой) об украинск[ой] культуре³³. Невежественная, шовинистическая и нечестная! Вот правда, заставь дурака Богу молиться... Можно ли так фальсифицировать историю! И это в «Университете». Боюсь, что Перец* был прав³⁴, когда он говорил мне о нем.

Пишите — всегда рады мы все известиям от Вас. Много пострадал Университет, Полит[ехнический] <институт> и Укр[аинский] Музей? Соборы? Над чем Вы сейчас работаете?

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 5–6зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 109

17 квітня 1918 р., Полтава

4/17.IV. [1]918,
Полтава

Дорогой Николай Прокофьевич,

Давным-давно от Вас нет известий — а между тем, было бы очень важно знать, что сейчас делается и предпринимается в Киеве. Им[шенецкий]³⁵ хотел написать Вам или Гр[игоровичу]-Бар[скому]³⁶ — но не знаю, написал ли, т. к. он частью завален работой, частью находится в несколько угнетенном состоянии. Я Вам писал перед самым занятием Киева немцами и не знаю, дошло ли к Вам мое это письмо.

Мы здесь сидим, отрезанные от России и, в сущности, всего мира. Ни с Харьковом, ни с Киевом до сих пор сообщение не налажилось. Газеты киевские, б[ольшей] ч[астью] «К[иевская] М[ысль]»³⁷, доходят к нам очень неаккуратно (на аэропланах). Здесь положение очень неустойчивое. Начинается усиленная украинизация, вызывающая скрываемую внутри ненависть; в некоторых местах взрослые люди боятся не говорить «по-украински» (но как говорят!), боясь доносов товарищей. Как еще недавно в царском режиме. Боюсь, что вообще все худшие черты царского режима будут восприняты украинск[ой] жизнью, и в М[инистерстве] Н[ародного] Пр[освещения] все пойдет по стопам Делянова³⁸, а тень Плеве³⁹ может возрадоваться. Безумный проект — 32 земель: есть один из способов централизации⁴⁰. Хороша и «автономия школы» по французскому типу. Где во французской школе автономия?! Сейчас у нас ожидается голод. Частию это связано с нарушением ж[елезно]-д[орожного] движения — но в основе он создан грабежом, сперва большевиков, потом немцев, а затем безобразной деятельностью «социалистической» городской думы. Я должен сказать,

* Так в оригіналі. Правильно: Перетц.

что сейчас совсем поражен той картиной, какая открывается в «самоуправлении» нашего народа — это сводится к грабежу, бесхозяйничанию, самому беззащитному кормлению, развитию чиновничества и взяточничества, и nepoтизма... Больше всего меня и других здесь страшит мысль потери земли населением: земля скоро будет переходить к немцам. Думать о социализации и национализации, сохраняя невежественное ведение хозяйства мужиками (под самой Полтавой на днях наблюдал сев наволоком — как в XVI и XVII в[еках]!) и соответственную производительность при тесном соприкосновении с капиталистическим и мощным Западом — безумие. При первой возможности помещики будут продавать свою землю немцам — явно или скрыто — да и крестьяне, когда наладятся налоги (огромные), тоже. Я вообще не понимаю, чем будет расплачиваться Украина, главное богатство которой — земля, если она землю выведет из товарообмена. Придется защищаться, как полякам в Познани — особенно страшно для Подолии и Волыни⁴¹. Это страшно даже в том случае, если при столкновении с союзниками немцы будут в конце концов разбиты. А битва японцев и американцев будет у нас — на Дону или на Волге? Или, м[ожет] б[ыть], в Украине?

Немцы держат здесь себя господами. По деревням грабят и насилюют женщин. Проходят массами, в т. ч. минуя Полтаву, но идут и через Полтаву.

Думаем скоро выпустить «Полт[авский] День». Затруднение с типографией. Выходит пошлая социалистическая «Наша Мысль»⁴² и шовинистическая германофильская «Вільний Голос»⁴³. Как в Киеве с газетой?

Мне представляется, что сейчас вся эта работа особенно важна. Приходится собирать Россию по частям — как, помню, как-то говорил и Церетели⁴⁴ на заседании у С[офьи] Влад[имировны]⁴⁵! Я, м[ожет] б[ыть], в качестве отвлеченного по характеру человека — полагаю даже, что может создаться нечто большее, чем Рос[сийская] империя — начало Европейской конфедерации. Но сейчас для нее здесь борьба с украинск[им] шовинизмом и централизацией полицейского государства. Удивительно странное впечатление производит археологическая реставрация: яркие мундиры укр[аинских] войск, дурацкие их колпаки (немцы в разговорах с полтавцами весьма откровенно — слишком — отзываются и о раде и об украинских войсках). А между тем, что общего <u>этих археологических воспоминаний не смогшего сложиться казацкого государства с частью настоящей Москвы как Харьковск[ая] и уезды Курской и Воронежской или Подольск[ой] и Волынск[ой] <губерний>! Да еще Херсонская и вся Новороссия (за исключением Запорожья).

Надо бы съехаться. Здесь мы считаем необходим[ым] создать особую украинскую партию нар[одной] св[ободы] с независимым ц[ентральным] к[омитетом] в Киеве с новой платформой. Деятельность старой партии мы прекратили и об этом объявили в печати. Сейчас заканчивается платформа новой украинской партии⁴⁶. Что Вы думаете?

Всматриваясь в происходящее, я больше всего боюсь немцев и считаю шаг рады величайшей изменой и предательством всему славянству. Но неизвестно, что в конце концов будет. Возрождение украинск[ого] языка и интереса и чувства своей национальной личности я горячо переживаю и в этом отличаюсь

от здешних кадетов⁴⁷. Однако надо сказать, что в Полтаве среди украинцев почти нет людей и настоящей национальной прочной среды нет. Можно ли при этих условиях создать что-нибудь прочное? Особенно, если они будут действовать кулаком и палкой.

Много работаю и сильно подвинул свою книгу⁴⁸. Но работы еще надолго, и очень тяжело без библиотек. Стараюсь сделать, что могу. Теперь удалось создать Полтавское Общество Любителей Природы, и оно, по-видимому, хорошо пойдет и явится хорошим и живым центром культурной жизни⁴⁹. Мне кажется, сейчас же должна быть организована широкая сеть хорошо поставленных городских библиотек. Русская культура не должна быть потеряна для украинцев, и нельзя терять связь с мировой литературой, легко доступной последнему крестьянину.

Тяжела отрезанность от близких. Уже давно ни от сына (в Перми)⁵⁰, ни от близких из Москвы и Петрограда не имею известий! И вообще я очутился безработным; деньги из Перми не успели прийти, жалованья не получаю, и, думаю, скоро может быть тяжело. Лето надеюсь провести у себя в Шишаках (где меня обокрали «товарищи социалисты» — книги не тронули — но бельё, посуду — сплошь!), если новый закон о подданстве не лишит меня этой возможности. Смеюсь, что сейчас материально поддерживает дочь — заведует педагогическим музеем в земстве⁵¹. Но как то будет будущее? Неужели большевики продержатся до осени? Тогда гибель России и непоправимый удар культуре. Всего лучшего. Пишите и держите меня в курсе дел. Мы отрезаны и от Киева.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 7–8зв. *Опубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 6–9.*

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 110

27 квітня 1918 р., [Полтава]*

14/27.IV. [1]918

Дорогой Николай Прокофьевич,

Пишу Вам несколько слов, пользуясь оказией в Киев. Я Вам писал заказное письмо, но потом узнал, что письма принимают и не отсылают! Вообще можно сказать, что Укр[аинская] Рада только и годится, что для декларации. В общем, она и ничего не делает, и присылает сюда Бог знает кого. Было бы очень важно получить от Вас известие. Здесь у нас много обсуждалось вопросов, связанных с образованием особой украинской партии народной свободы, с новой платфор-

* Місце написання листа встановлено за змістом.

мой. Я пришлю Вам при первой возможности проект нашей платформы. Старый полтавский комитет закрыт. Необходим съезд — мы в газетах читали о предположении киевлян, но ничего не получаем — т. к. почты между Киевом и Полтавой нет. Если они послали по почте, то мы, м[ожет] б[ыть], получим через месяц.

Ужасно тяжело отсутствие известий из Петрограда и России. От сына уже не имею известий целый месяц. Не бывает ли в Киеве okazji от едущих в Россию? М[ожет] б[ыть], Вы меня известите и тогда возьмете на себя передать для отсылки письмо в Пермь, в университет, которое Вам пришлем. У нас все благополучно. О многом хотелось бы с Вами переговорить. Очень тяжела здесь украинизация, которая проводится в духе Каткова–Победоносцева⁵², замененных соответствующими украинскими деятелями. Появились свои маленькие Юзефовичи и Флоринские разного типа⁵³.

Нас очень смущает вопрос о вероятном переходе земли в немецкие руки: никто не верит ни в социализацию, ни в раду, и, в сущности, все держится немецким войском, которое все прибывает. Вероятно, самостийная Украина скоро превратится в оккупированную Украину.

Как Вы? Как у Вас? Напишите.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 9–9зв. *Опубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 9–10.*

В.И. Вернадський — М.П. Василенку

№ 111

8 травня 1918 р., [Київ]*

Дорогой Николай Прокофьевич,

Приехал на съезд⁵⁴. Пока оставил вещи у Вас. Очень хочу Вас видеть. Сейчас иду на Владим[ирскую], чтобы узнать, а оттуда еще раз зайду. Не мог Вас дозвониться в губерн[аторском] доме, и там не знают, где Вы и где мин[истр]⁵⁵.

Ваш *В. Вернадский*

8.V. [1]918

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 12–12зв.

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 112

18 травня 1918 р., Полтава

18/5.V. [1]918

Полтава

Дорогой Николай Прокофьевич,

Пользуясь тем, что в Киев едет двоюродный брат жены Г.А. Старицкий⁵⁶ — посылаю это письмо с ним. У нас здесь почта с Киевом все еще не наладилась. Это прямо удивительно, т. к. немцы получают свою аккуратно.

Если Вы не раздумали — я согласен взять на себя временно председательство в Комиссии по ученым учреждениям и высшим учебным заведениям, причем, выработка законопроекта об организации национальной Украинской Академии Наук должна быть одной из очередных задач Комиссии (или выделенной из нее подкомиссии?)⁵⁷. В комиссии председательствует М[инистр] Н[ародного] Пр[освещения], когда он этого пожелает (или когда он присутствует?). Я надеюсь набросать записку об организации Академии Наук и привезти ее Вам в Киев. Мне кажется, надо решительно стать на новый путь — на котором стоит Петрогр[адская] Акад[емия] Наук, еще дальше расширив эту организацию. Академия Наук — не простое общество, не имеющее своих институтов (подобно устарелой по организации Парижской, которая, впрочем, тоже начинает меняться) — но Академия Наук есть собрание государственных ученых учреждений: Библиотека, Архив, Геологическая и, если возможно, Географическая карта, национальные Музеи, Институты для опытных и гуманитарных наук должны быть обставлены достаточными средствами. Было бы хорошо, чтобы Академия была за городом, вблизи Киева, с удобным помещением. Очевидно, сразу создать ее не под силу слагающемуся государственному организму; на первом месте, прежде всего, должно быть создано хорошо обставленное отделение украинского языка, литературы и истории, (м[ожет] б[ыть], совместно с славянскими?) и те отделы институтов, которые связаны с практически важными для государства интересами — связанные с изучением производительных сил страны и экономическо-статистического ее обследования. Желательна возможно широкая свобода Академии в создании форм таких учреждений — в зависимости от наличия научных сил и поднимаемых государственных вопросов. Я полагал бы необходимым создаваемую Академию ввести в возможно тесное общение с русской, но не немецкой наукой — но связь с славянскими учеными очень желательна. Это, конечно, вопрос дальнейшего будущего.

Как мы с Вами говорили, все члены комиссии назначаются министром. При ней должен быть служебный аппарат, конечно, минимальный — но достаточный. Я думаю, на время она совершенно заменит отдел высшей школы при М[инистерстве] Н[ародного] Пр[освещения].

Как я уже Вам говорил по вопросу о высшей школе, я думаю, чрезвычайно необходимо обратить внимание на запад Украины. Будет ли в Львове украинский университет? Очевидно, не скоро. В таком случае при полонизации и

германизации запада Украины совершенно недостаточно то отделение украинского университета в Каменце, которое предполагается. Оно будет в значительной мере буцафорским, т. к. Киевский Унив[ерситет] св. Владимира должен направить свои силы в Крым⁵⁸, и теперь это еще важнее, чем было прежде. На запад надо перенести какое-нибудь из высших учебных заведений или создать новое. И это возможно. Если чисто украинское, то воспользоваться галицкими силами — но их мало, и ослабится Галиция, что нежелательно. Конечно, возможен смешанный тип. Я бы решительно был против использования немецких сил (я исключаю славян, но не знаю, как быть с поляками).

Несомненно желательно и необходимо объединить все высшие школы в М[инистерстве] Н[ародного] Пр[освещения] (т. е. политех[нический], горный институт, инст[итут] с[ельского] х[озяйства] и т. д.) и сейчас же поднять вопрос о создании высш[его] уч[ебного] зав[едения] в Екатеринославской губ[ернии] на многомиллионное пожертвование Калачевского⁵⁹. Надо здесь начать хлопоты о земле сейчас же. Вопрос о наследстве Кал[ачевского] был в бытность мою в Петрограде не окончательно решен — но т. к. это дело не миновало бы или Уч[еный] Ком[итет] М[инистерства] З[емледелия], или М[инистерства] Н[ародного] Пр[освещения], где в обоих случаях был тогда я же, то я не очень торопил решением. Но я считаю — как и говорил — более правильным — передачу его М[инистерству] Н[ародного] Пр[освещения]. Сейчас, конечно, может быть, вопрос и более сложный, т. к. оно еще правительству передано не было.

Нельзя не обратить внимания, что даже при вовлечении в пределы Украины Харькова, Одессы и Екатеринослава общая сеть высших школ является недостаточной для отдельного государства, какова бы его судьба в будущем ни была, ибо мы имеем осколок чего-то большего, к тому же тоже случайного. Должен быть выяснен общий план и общие цели. Я считаю особенно недостаточным техническое в[ысшее] образование. В то же самое время отсутствуют совершенно такие науки и дисциплины, как те, которые связаны с Ближним и Дальним Востоком.

Очевидно, необходим созыв съезда или совещания 1) высших школ — их делегатов и 2) ученых учреждений и обществ. Для этого потребуются некоторые средства.

Должен быть создан фонд для помощи ученым учреждениям, и, если возможно, начать действовать в текущем же году.

Для высшей школы еще на года и украинцы должны признать значение русского яз[ыка]. То, что мне приходилось слышать в их среде о немецком яз[ыке], недопустимо — даже с точки зрения украинской славянской политики — чему я придаю огромное значение ввиду хотя бы судьбы Угорской Руси, Буковины и Галичины.

Быстро придется решать вопрос о Нежине⁶⁰. Кстати, здесь были толки о закрытии гончарно-художественной школы в Миргороде и открытии чего-то высшего в Полтаве. Мне кажется все это очень легкомысленным и требует осторожности.

Придется, д[олжно] б[ыть], лично проехать в Харьков, Одессу, Екатеринослав, м[ожет] б[ыть], Нежин, и на это надо некоторые средства.

Наконец, как Вы знаете, я, к сожалению, тоже должен брать оплату за свой труд, т. к. мое финансовое положение в виду отрезанности от Петрограда, очень плохое. Если в течение тех 2, (м[ожет] б[ыть], 3) месяцев, о которых мы с Вами говорили, возобновится сообщение с Петроградом, я бы хотел иметь в случае нужды отпуск на неделю для проезда в Петроград.

Эти все мысли — если В.П. Науменко будет на Вашем месте⁶¹, как Вы говорили, как о возможном — было бы хорошо высказать и ему.

Если не получу от Вас никаких извещений, рассчитываю выехать в Киев 27–31 мая (н[ового] с[тиля])⁶². На день, на два позволю себе по Вашему разрешению остановиться у Вас — но, м[ожет] б[ыть], можно найти и теперь комнату, о чем Вы писали в письме, которое нашел здесь⁶³. Здесь все благополучно.

Ваш В. Вернадский

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 10–11зв. *Опубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 10–13.*

***Лист міністра народної освіти М.П. Василенка
до голови Комісії в справах вищої школи та наукових закладів України
В.І. Вернадського***

№ 113

24 червня 1918 р., Київ*

Академику В.И. Вернадскому
г-ну Председателю Комиссии
по Высшей школе

Милостивый Государь Владимир Иванович!

Я не мог остаться до конца в заседании Комиссии в прошлый четверг и не мог высказать в ней некоторых своих соображений.

Комиссия рассматривала вопрос, исходя из предположения, что вопрос о существовании в Киеве двух державных университетов уже окончательно предрешен.

Между тем, это далеко не так. Вопрос окончательно будет решен только Радой Министров.

Так как соображения Комиссии под Вашим председательством мною будут доложены Раде Министров, то я считаю чрезвычайно важным, чтобы комиссия поставила вопрос об учреждении в Киеве второго Державного университета во всей широте и обсудила с научной, финансовой и общественной точки зрения возможность учреждения второго университета или же учреждения в университете св. Владимира параллельных кафедр с украинским языком преподавания⁶⁴.

---

* На бланку: Міністр Народної Освіти і Мистецтва.

Я просил бы комиссию учесть наличие научных сил, владеющих украинским языком настолько, чтобы в новом университете преподавание началось действительно на украинском языке. Необходимо также принять во внимание, что создание нового университета, при неиспользовании до конца расширения старого, вызовет лишние расходы со стороны казны в то самое время, как тяжелое финансовое положение Украины требует самого бережного отношения к государственным средствам. Нельзя не отметить в связи с этим, что отказ от расширения старых университетов может тормозить создание новых университетов в других пунктах или достаточное финансирование их государственными средствами. Между тем, в интересах украинской науки и культуры чрезвычайно важно создание новых научных центров вне старых университетских городов.

Помимо соображений финансового характера, я считаю нужным указать и на соображение общего характера. Создание двух университетов под одной крышей, живущих своей особой жизнью, может вызвать в ближайшем будущем осложнения на национальной почве — как между студентами, так и между самими профессорскими корпорациями. Этому учит нас опыт Западной Европы.

Хотя пребывание двух университетов под одной крышей предполагается временным, но, принимая во внимание современную трудность построек и недостаток помещений в Киеве, нужно думать, что пребывание это будет продолжительным.

Нельзя закрывать глаз на то, что в настоящее время нельзя обставить новый университет более или менее удовлетворительно учебно-вспомогательными средствами и учреждениями. Поэтому украинский университет долгое время еще будет в этом отношении отставать от университета св. Владимира, что, конечно, не в пользу будет служить национальной культуре.

Ввиду всех этих соображений, я, закрывая Комиссию, существовавшую при министерстве под председательством Товарища Министра П.И. Холодного⁶⁵, и передавая все делопроизводство ее в Комиссию под Вашим председательством, покорнейше прошу Вас, Глубокоуважаемый Владимир Иванович, подвергнуть в комиссии всестороннему обсуждению затронутые мной вопросы и высказанные соображения.

К этому я должен прибавить, что вопрос, затрагиваемый мною, имеет более общее значение. Он касается не только Киева, но и других городов, в которых существуют университеты на Украине. Наиболее практичным и целесообразным для данного момента мне представлялось бы учреждение при существующих уже университетах, по мере нахождения научных сил, параллельных кафедр с обязательным преподаванием на украинском языке и с расширением, соответственно с этим, существующих уже учебно-вспомогательных учреждений.

Буду очень благодарен Вам, если Вы поставите затронутые мной вопросы на обсуждение Комиссии и соображения последней сообщите мне.

Прошу принять уверение в моем глубоком к Вам уважении и преданности.

Николай Василенко

Киев 24/11 июня (червня) 1918 года

ЦДАВО України, ф. 2201, оп. 1, спр. 329, арк. 26. Машинопис.

**Лист міністра народної освіти М.П. Василенка
до голови Комісії з вироблення законопроекту про заснування УАН
В.І. Вернадського**

№ 114

7 липня 1918 р., Київ

Копія*

Многоуважаемый Владимир Иванович.

В виду открытия занятий Комиссии под Вашим председательством об учреждении в Киеве Украинской Национальной Академии Наук я покорнейше прошу Вас поставить в первую же очередь также обсуждение и следующих вопросов, которые я считаю срочными и о которых мы уже с Вами говорили:

1) О приобретении и оборудовании Типографии Академии Наук. Типографией этой могло бы пользоваться и Министерство Освиты и Мистецтва, а также и научные общества.

2) О выборе места, где бы могла на первых порах открыть свои действия Академия Наук, а также места, где бы со временем могли быть возведены все необходимые для Академии Наук здания.

3) Последние вопросы необходимо также обсудить и относительно Национальной Библиотеки и Национального Музея, как тесно связанных с Академией Наук.

4) Необходимо немедленно же принять все меры к приобретению книг, библиотек и собраний, которые имеют научную ценность и которые могут войти в состав Национальных Библиотеки и Музея. С этой точки зрения я полагал бы целесообразным выяснить, какие дубликаты могли бы передать в Национальную Библиотеку университеты, другие высшие учебные заведения, средние учебные заведения, публичные библиотеки и т. д. Подобная же мера может быть принята и относительно музеев.

Я полагаю, что учебные заведения, общества и отдельные лица с большой отзывчивостью отнесутся к созданию мощной Национальной Библиотеки в Киеве своим содействием, пожертвованиями и т. д.

Считаю долгом прибавить, что я обратился к помощнику Державного Секретаря Н.М. Могилянскому⁶⁶ с просьбой взять на себя переговоры по приобретению библиотеки и собрания покойного Ф.К. Вовка⁶⁷.

Прошу принять уверение в моем искреннем и глубоком к Вам уважении.

(підпис)

Н. Василенко

З оригіналом згідно:

Секретар канцелярії міністра

[С. Матюшенко]

(підпис)

ЦДАВО України, ф. 2201, оп. 1, спр. 135, арк. 6–6зв. Машинописна засвідчена копія**.

* Відтворено реквізити бланка: У.Д. Міністр Народної Освіти. Липня 7 дня 1918 р. Нижче адреса: Председателю Комиссии по учреждению Украинской Академии Наук, Академику В.И. Вернадскому.

** Інший примірник копії цього листа підшито у цій справі, арк. 86–86зв.

**Лист міністра народної освіти М.П. Василенка
до голови Комісії в справах вищої школи та наукових закладів України
В.І. Вернадського**

№ 115
8 липня 1918 р., Київ

Копія*

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Прослушав прения в заседании Комиссии 4 июля и после беседы с Вами, я склоняюсь к мысли, что наиболее отвечающим пользе дела является учреждение в Киеве самостоятельного второго Государственного Университета Украинского, а не параллельных кафедр при Государственном Университете св. Владимира.

При этом, как мы уже с Вами говорили, необходимыми условиями, которые я прошу обсудить в Комиссии, являются следующие:

1. Чтение лекций в Государственном Украинском Университете должно производиться обязательно на языке украинском. Отступления от этого могут быть допущены только в особо исключительных случаях и с особого каждый раз разрешения Министра Освты.

2. Украинский Государственный Университет должен иметь свое собственное особое помещение. Помещение Украинского Университета в одном здании с Университетом св. Владимира или с другим учебным заведением может быть допущено, в виду исключительных условий только временно и на короткий срок, с разрешения Министра Освты.

Вместе с учреждением в Киеве второго Государственного Университета Украинского вопрос об учреждении параллельных кафедр с украинским языком преподавания в Университете св. Владимира отпадает сам собою.

Что же касается учреждения таких кафедр в университетах Харьковском и Новороссийском, а также в других высших учебных заведениях, то я прошу обсудить этот вопрос в комиссии. В ближайших заседаниях Комиссии, в виду срочности вопроса, прошу обсудить вопрос о введении кафедр Украиноведения (украинского языка, литературы, истории Украины и истории западно-русского права) во всех Университетах Украины и в Нежинском Историко-Филологическом Институте и об обязательности этих предметов для всех слушателей соответствующих факультетов. Прошу принять уверение в моем глубоком к Вам уважении.

Ник. Василенко

ЦДАВО України, ф. 2201, оп. 1, спр. 329, арк. 42. Машинопис.

---

* Відтворено реквізити бланка: У.Д. Міністр Народної Освіти. Липня 8 дня 1918 р. Нижче адреса: Академику В.І. Вернадському, Председателю Комиссии по высшей школе.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 116

12 липня 1918 р., [Київ]*

12.VII. [1]918

Милостивый Государь Николай Прокофьевич.

Согласно Вашему приглашению профессор Лазаревского Института в Москве А.Е. Крымский⁶⁸ должен был войти в состав Комиссии по организации Академии Наук в Киеве. Однако официальное приглашение к нему в Москву не дошло; оно было послано через Мин[истерство] Ин[остранных] Дел. Уже по собственной инициативе, желая переехать в Украину, А.Е. Крымский прислал сюда своего личного секретаря Павла Никиф[оровича] Лозиева⁶⁹ (Дегтярная, 9) для того, чтобы выхлопотать проезд себе и своей библиотеке. Библиотека эта, представляющая ценный подбор книг по востоковедению, по мысли А.Е., должна поступить в одно из учреждений в Украине. В Киеве — и вообще на Украине — нет ни одного значительного и систематического собрания книг на восточных языках и тем более собрание Крымского представляет огромную ценность для Украины. Для того, чтобы перевезти библиотеку, необходимо: 1) получить товарный вагон до Москвы и обратно и 2) проезд туда и обратно П.Н. Лозиева. Несмотря на все старания, П.Н. Лозиев не мог выхлопотать необходимого разрешения и в последнюю минуту получил окончательный отказ от Державного Секретаря⁷⁰, к которому он обратился. Считая и прибытие А.Е. Крымского, и привоз его библиотеки чрезвычайно важным, очень прошу Вас исхлопотать для П.Н. Лозиева необходимые разрешения. Вначале от него потребовали свидетельства от нашей комиссии для получения разрешений, а когда он принес свидетельство, отказали через несколько дней самым решительным образом.

Прошу Вас помочь в этом деле.

С совершенным уважением и таковой же преданностью

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛІМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 13–13а.

* Місце написання листа встановлено за змістом.

**Лист міністра народної освіти М.П. Василенка
до голови Комісії в справах вищої школи та наукових закладів України
В.І. Вернадського**

№ 117
17 липня 1918 р., Київ

Київ*

17 июля 1918 года
Академику В.И. Вернадскому
г. Председателю Комиссии
по Высшей Школе

Милостивый Государь Владимир Иванович.

Учреждаемые в Киеве и Каменце Подольском Украинские Государственные Университеты на первых порах вряд ли будут иметь требуемый законом состав факультетов и Советов, чтобы давать ученые степени.

В виду этого является вопрос, не следует ли представить ученым право, в случае их желаний представлять для защиты диссертации, писанные на украинском языке, и в университеты св. Владимира, Харьковский и Новороссийский, а также и в другие высшие учебные заведения.

После обмена мнений с Вами, я прошу Вас внести этот вопрос на обсуждение Комиссии под Вашим председательством и мнение Комиссии сообщить мне.

Со своей стороны, я полагал бы необходимым допустить представление диссертаций, написанных на украинском языке, наряду с диссертациями, написанными на русском языке, во все высшие учебные заведения Украины.

Полагаю, это обстоятельство не представит никаких практических затруднений для профессорской коллегии в виду близости украинского языка к языку русскому, на что указывали не раз видные профессора-филологи.

Прошу принять уверение в моем глубоком к Вам уважении.

Ник. Василенко

ЦДАВО України, ф. 2201, оп. 1, спр. 329, арк. 9. Машинописна копія. *Оубл.*: ALMA MATER: Університет св. Володимира напередодні та в добу Української революції. 1917–1920. Матеріали, документи, спогади: У 3 кн. — Кн. 2: Університет св. Володимира за доби Української Центральної Ради та Гетьманату Павла Скоропадського. — К., 2001. — С. 479.

---

* Відтворено реквізити бланка: Міністр Народної Освіти і Мистецтва; діловодний номер 65в.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 118
7 грудня 1918 р., [Київ]*

7.XII. [1]918

Дорогой Николай Прокофьевич,
Совершенно забыл, что сегодня у меня заседание Академии Наук⁷¹, и потому не мог у Вас быть.

Думал забрать сам, но приехал Багалея⁷² и меня задержал.

Ваш *В. Вернадский*

Р.С. Багалея рассказывал, что в Харькове управление Украинск[ой] рес-публики, но ее войска по распоряжению немцев отошли на 20 км от города. Есть и Совдеп резко антиукраинский. Распоряжаются немцы, среди которых растут большев[истские] настроения. Все власти и учреждения остались, они исполняют распоряжения центрального правительства, когда они до них доходят. Искусственно почта была удержана петлюровцами и стали раздавать ее только последние дни. Грабеж бандитов чрезвычайно развился. В общем — анархия⁷³.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 14–14зв.

В.І. Вернадський — [М.П. Василенку]⁷⁴

№ 119
31 липня 1919 р., [Старосілля]^{75 **}

31.VII. [1]919

Дорогой Иван Петрович^{***},

Пишу не из Киева — на время уехал из него; к сожалению, не удалось проехать в Полтавщину — м[ожет] б[ыть], сам виноват, запоздал. Но кто знает, что лучше?

Здесь я закончил и отдал отчет по Ком[иссии] по в[ысшей] ш[коле] и уч[еным] уч[реждениям], начерно написанный Бор[исом] Леон[идовичем]⁷⁶. Отчет будет от нас, как предс[едателя] и секр[етаря], и я всюду предпосылаю принципиальную мотивировку деятельности. Вышла целая книжка. Мне кажется, она интересна — и во всяком случае может иметь исторический интерес, но я думаю, будет иметь и практический, т. к. придется защищать свою деятельность, а затем необходимо и добиваться и дальнейшего развития. Думаю,

* Місце написання листа встановлено за змістом.

** Місце написання листа встановлено за змістом і щоденником В.І. Вернадського.

*** Звернення до Івана Петровича зроблено з конспіративною метою. Насправді лист адресовано М.П. Василенку.

что очень многие будут и рассержены, и недовольны, особенно «українці», т. к. я вполне ясно и определенно ставлю и свою точку зрения и выясняю действительный ход дел создания в[ысшей] шк[олы] укр[аинской], а не ту фальсифицированную, которую они начали на торжествах открытия Киев[ского] и Под[ольского] унив[ерситетов]. Отчет хочу напечатать при первой возможности⁷⁷. М[ожет] б[ыть], следовало бы издать и по-украински? К Вам перешлю копию, как только сделают, если Б.Л. будет согласен с моей переработкой и вставками. От него еще не имею известий. Но с ним мы очень во многом согласны⁷⁸. Очень интересно и важно Ваше мнение.

Здесь я без книг или, вернее, почти без книг. Но много думаю и пишу. Написал целую статью «О значении живого вещества для создания почв»⁷⁹. Сейчас начал обрабатывать и писать лекции по геохимии — сколько смогу это сделать без книг. А затем есть и ряд других тем — хочется набросать воспоминания детства и статью о прогрессе, как проявлении автотрофности человечества. Тут, мне кажется, у меня получаются новые черточки к пониманию явлений.

Без книг могу обходиться совсем свободно, ибо тем для мысли бесконечное множество, да и для писаний тоже. А затем природа мне дает очень много. Недавно был в глухих лесах, последних остатках мало тронутых, среди болот придеснянских. И много мыслей. Пытаюсь учесть живое вещество леса. Приходится выдумывать методы работы. Вчера несколько часов ловил жуков на шелюге; за последние дни жучек (наловил более 6000 — достаточный материал для анализа и исследований). Есть ли он у Вас? Если есть, очень прошу Вас набрать тысяч 6–5 (в банку, хорошо закупорить; жучек одного вида — Lino — 75–100» 10% формалина). Лучше взвесить живых в банке (сосчитав количество). Эти массовые размножения («взрывы жив[ого] вещ[ества]») очень интересны и, думаю, удастся в этом явлении найти законности*.

Вы писали, что ловите рыбу — а здесь ее почти не имею. Если можно, соберите кости отдельно разных рыб. В костях я ищу редких земель. Доставить их надо — с указанием рыбы, времени улова и реки — Ир[ине] Дм[итриевне] Старынкевич⁸⁰, Фундуклеев[ская], Лаборатория Франкфурта⁸¹. Да, рыба не должна быть раньше сварена: кости надо вынуть из сырой.

Н[аталию] Ег[оровну] я просил послать Вам 1-й выпуск Книжн[ого] Вісника и 1-й том записок I Отд[ела]⁸². И то и другое среднее. Но важно, что вышло. И это *tour de force*^{**}. Сейчас очень жалею, что не могу быть в Ком[иссии] Нац[иональной] библ[иотеки]. Там опять шовинистические течения и бедному Евг[ению] Ал[ександровичу]⁸³ тяжело. Ужасно неприятна вся эта мелкая политиканская работа. Ничего не поделаешь.

А я тут мечтаю заехать на 6–8 мес[яцев] в Лондон и засесть в библиотеках для окончания своего жив[ого] вещ[ества]. Будет ли возможность это сделать? В през[иденты] я во всяком случае не пойду — эта должность не по моему характеру⁸⁴. Мне хочется оставшиеся мне годы жизни отдать только научной

* Так в оригиналі.

** Тут: складна справа (*фр.*).

работе, т. к. передо мной раскрываются все новые и новые горизонты. Будет ли это возможно на Украине и для Украины? Будет ли морально возможно отойти от практич[еской] общ[ественно]-политич[еской] работы украинцам нашего типа или как раз нам придется выступать? Ведь это может быть. Эгоистически я страстно хотел бы, чтобы миновала меня чаша сия.

Всего лучшего. Ниночка⁸⁵ со мной, ей лучше. Я для нее, гл[авным] обр[азом], и уехал, и очень виню себя, что не решился уехать к себе на хутор: пропустил момент. Н.Е. в Киеве.

Всего лучшего.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 15–16зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 120

24–26 лютого* 1921 р., Київ

Киев, Тарасовская, 20
24 февраля 1921 г., вечер

Дорогой Владимир Иванович!

Носов⁸⁶ привез мне письмо от Вас. Это первая весточка после долгого, долгого времени. После того, как мы расстались с Вами, первое известие <о> Вас я получил от Степана Прокофьевича, который в мае приезжал сюда из Загреба, взял с собою семью и поехал снова за границу, сначала в Хорватию, а потом надеялся добраться до Америки⁸⁷. Думаю, это удалось ему сделать, так как он по складу своего характера «американец». Он сообщил мне тревожную весть, что покинул Вас в Ялте, когда Вы заболели сыпняком. Долго я боялся даже думать о Вас, так как в наши годы перенести сыпняк удастся немногим⁸⁸. Только через длинный промежуток времени я мог вздохнуть свободно. Получил почти одновременно два известия через Грузию и через Одессу, что Вы переболели сыпняком и живы. Скажу прямо, это был радостный день в моей жизни. Затем опять через длинный промежуток времени из Вашей телеграммы в Академию узнал, что Вы — ректор университета⁸⁹, наконец, теперь дошло до меня и Ваше письмо⁹⁰.

Как много пережито за этот год! До последнего времени я мечтал, что Вы заедете или, скорей, приедете в Киев, и мы поделимся нашими впечатлениями, расскажем друг другу о том, что видели, слышали, пережили со времени нашего последнего свидания. Мечта, однако, так и осталась и, вероятно, останется мечтой.

---

* Дату написання листа встановлено за змістом.

Я не уехал из Р[остова], остался там не случайно, а вполне сознательно⁹¹. Впечатления от всего, что я видел и наблюдал там, были самые безотрадные. Ехать дальше на юг значило связать себя с авантюрой, в успех которой не только не верил, но больше того, в гибели которой был вполне убежден. Правда, когда на Рождество, значит, накануне падения Р[остова], я зашел утром к Софье Владимировне⁹², она так меня [подвинула], что я приготовил для себя нужные документы. Но ими не воспользовался. Не было стимула — это раз, а, во-вторых, катастрофа на другой день так быстро случилась, что только при особом желании и риске можно было двинуться в путь. У меня же не было ни того, ни другого. Умное и трезвое слово служителя при клинике, в которой лежал Д.Н. Требинский⁹³ и которую я посещал, [укротило] мое решение: куда и чем Вы поедете, барин? И в самом деле, куда и зачем? Разве из стадного чувства...

В три дня Р[остов] стал неузнаваем. Из чистого европейского города он превратился в грязный, опустошенный, разгромленный: окна разбиты, везде грязь, дворы полны навоза, лавки разграблены, иные сожжены. Над жителями никаких серьезных насилий не было, кроме грабежей. Но жители больше месяца переживали тревогу, так как добровольцы остановились в Батайске и оттуда обстреливали город, причиняя вред ни в чем не повинным жителям. 9 февраля им удалось взять Р[остов], но только на один день. Затем все пошло чрезвычайно быстро.

Я оставался в Р[остове] до весны, до конца марта. Сначала был без всякого дела. Стали иссякать деньги. Дм[итрию] Ник[олаевичу] грозило быть усланным в глубину области. Я мог остаться один. Я, было, думал сначала устроиться в университет, и мое желание встречало сочувствие там. Но чем теплее пригревало солнце, тем сильнее чувствовалась тоска по Киеву, по Днепру, по сизым заднепровским далям. Улыбнетесь, может быть, такому сентиментализму на старости лет. Но меня потянуло сюда, потянуло сильно, глубоко и горячо. Потянуло в Полтаву и Якова Кондратьевича⁹⁴, с которым мы жили в одном дворе и переживали горе и радости. К сожалению, ему не удалось выехать одновременно с нами. Как-то даже серьезно не думалось, что мы чем-то серьезным могли рисковать.

В Киев я приехал на второй день Пасхи, в конце марта, задержавшись на несколько дней в Харькове. Там я виделся с Дм[итрием] Ив[ановичем]⁹⁵, который сообщил мне об особом неблаговолении к университету св. Владимира. Видел и Сумцова⁹⁶. Он потерял сына, умершего от сыпняка в Звенигородке Киев[ской] губ[ернии], и был озабочен судьбой семьи его. Дм[итрий] Ив[анович] стоит во главе какой-то комиссии по архивам и похвалился мне, что уже в Харькове архив есть. Уехать из Харькова в Киев он не видел возможности: не хотелось бросать дом, библиотеку, насиженное место и ехать в такое гиблое место, каким является Киев. О Киеве до Харькова доходили разные слухи. Публика верила им. Харьков в ту пору произвел на меня благоприятное впечатление. Все оставалось по-старому, как и тогда, когда мы видели его с Вами в последний раз.

Дорога наша до Киева была не интересна, а приятна. Начавшаяся весна давала себя чувствовать. Правда, впечатления были невеселые при виде раз-

рушений, особливо между Ростовом и Таганрогом, где путь прямо-таки был устлан разбитыми и сброшенными под откос вагонами. Один раз чуть-чуть поезд наш не потерпел крушение, так как часть его оторвалась, но масса пассажиров удержала его от развития дальнейшей скорости. Все же серо-голубое весеннее небо, трели жаворонков, голубой и жемчужный ковер цветов в лесах упоительно действовали на душу. В Киев мы приехали ночью, и поэтому только утром попали домой. Извозчиков, конечно, не было, но тележек развелось много. Пришлось за тележку заплатить 800 руб. Возница жаловался на дороговизну, на высокую цену хлеба, около 600 руб. Мы же оставили в Р[остове] цену фунта хлеба в 6 рублей.

В Киев мы попали в переходное время. Ввиду наступления поляков началась эвакуация и радянская власть готовилась к уходу. Было бы долго описывать настроение киевлян. Поэтому я его опускаю. Скажу только, что к полякам относились все крайне сдержанно. Более левые украинские партии относились враждебно к соглашениям Петлюры⁹⁷ с поляками, а с[оциалисты]-ф[едералисты] были мрачны и молчаливы. Около месяца длилось выжидательное положение. Наконец, пришли поляки. Что идет сила иная, завоевательная, а не организующая, как немцы, это уже чувствовалось и раньше. Доходили слухи о жестокостях поляков, [которые мы] испытали. Они бросали бомбы с аэропланов, чего ни разу здесь до того времени не практиковалось. Если приход немцев произвел на многих подавленное, тягостное впечатление, то приход поляков еще больше, и это настроение не исчезало во все время пребывания поляков в Киеве. Правда, поляков встречали и цветами. Тогда цвела сирень и польские легионеры ездили по городу с пучками сирени в руках и сиренью украшали свои седла. Но встречали их и украшали, главным образом, поляки и польки, которых в ту пору в Киеве было очень много. На улицах появилась такая масса паничив и барышень с белыми орлами, так часто начала слышаться на улицах польская речь, что невольно приходила в голову мысль: какой странный город Киев, с переменной власти так быстро меняет свою физиономию. С внешней стороны польские войска производят отличное впечатление. Прекрасно, с иголки одетые, хорошо вооруженные, тащившие за собою громадные пушки в новеньких чехах, польские войска, казалось всем, так прочно займут Украину, что их никогда и не выбьешь отсюда. Глядя на них, многие качали головами. «Не бійтесь, це все наше буде, ми все це заберемо у них» — неожиданно сказал какой-то селянин, стоявший возле меня в группе, наблюдавший возле памятника Бобринского* движение польских войск от Еврейского базара в город. Все с удивлением и, мне показалось, сочувственно посмотрели на говорившего, и улыбнулись.

Движение польских войск продолжалось несколько дней. Киев был отдан без боя. Польские войска двигались на Печерск и далее в Дарницю за Днепр. Стали носиться слухи, что поляки перейдут через Днепр и займут там только 50-верстную полосу, а дальше не пойдут.

---

* Так в оригіналі.

Несколько дней было тихо, а затем стали доноситься из-за Днепра гулкие пушечные выстрелы и так было во все время пребывания поляков. Они дошли до Борисполя, и далее большевики их не пустили.

После первых дней, последовавших за сменой власти, начались толки об ее организации. Власть должна была быть украинская. Но, по-видимому, Киев не намечался центром ее. Говорили о Виннице, также об Одессе, хотя до нее еще было далеко. Как отнесутся партии к соглашению с поляками? Я уже говорил, что левые партии отнеслись враждебно, но решили не мешать организации власти. С[оциалисты]-ф[едералисты] же после долгих обсуждений постановили принять активное участие в организации власти. Был образован Громадский комитет из представителей разных общественных учреждений, что-то вроде предпарламента. Там и делалась политика. Скажу одно — никогда еще Киев не переживал так долго полосу безвластия, как в это время. Вместо того, чтобы образовать правительство (министерство) в 24 часа, Громадский комитет тянул это дело 1½ месяца, все время пребывания на Украине поляков и фактически не образовал кабинета. Правда, в то время, когда начался уже отход поляков, был опубликован (неполный) список кабинета, но он по своему составу вызывал в широких, особенно неукраинских кругах, удивление, и до сих пор никто не знает, организовалось ли действительно министерство при поляках? Поляки к этому вопросу относились совершенно равнодушно и безразлично. Среди публики стали даже раздаваться голоса, не мистификация ли все это? Существует ли Петлюра? Поэтому был устроен в Киеве специальный приезд Петлюры, чтобы показать, что он действительно существует. Прием его прошел, однако, вяло и оживления в политическую жизнь не внес. Странное впечатление производило также появление представителей Петлюры с диктаторскими полномочиями, напр[имер], Лосского, который наподписал такие распоряжения, что уму непостижимо. Закрывал учебные заведения, распоряжался чужим имуществом, сослал протоиерея Трегубова⁹⁸ в монастырь и т. д. Таков был этот нелепый «организатор власти». Словом, повторяю, дело не клеилось и не склеилось. Не хватило силы, не хватило умения, не доставало людей. Многие ведь убежали из Киева, живут за границей. Принцип же «Україна повинна будуватися тільки українськими руками» не давал возможности приглашать на ответственные места многих полезных работников. В партии, ставшей у власти, у с[оциалистов]-ф[едералистов], не было уверенности, не было силы воли, чтобы организовать и провести в жизнь твердую власть. Все «балачки, балачки и балачки», соблюдение партийного принципа, соглашение партий и пр. Время уходило, уходила и благоприятная обстановка для власти.

Поляки вели себя как в завоеванной стране. Заняли все склады, занимали те помещения, какие хотели и пр. Политика польская на Украине шла под флагом самостоятельности Украины и безусловной вражды к России, к ее возрождению. Цензура была тройная: польская, украинская и военная. Попытка моя сделать возражения польской прессе, особенно «Dziennik'у Kijowsk'ому»⁹⁹, который проводил отмеченную мною политику, была пресечена цензурой, и за это время большая часть моих статей не попадала в печать, а писал я почти ежедневно. Приезжали из Варшавы и киевские поляки, говорили о своей любви к Украине,

о том, что они мыслят Украину в федерации с Россией и т. д. Но эти мнения не внушали особого внимания. Они расходились с официальной политикой Пилсудского¹⁰⁰, да и приезды киевлян-поляков имели место тогда уже, когда приходилось убежать.

Уход поляков для многих (но не для меня) явился неожиданностью. Они ушли, как завоеватели, нанеся огромные убытки Киеву и Украине. В Киеве разрушены мосты. Железнодорожный мост уже исправлен, а цепной так и погиб. Сожжены склады, некоторые здания, непонятно даже почему, напр[имер], дворец, где жил гетман, или 4 гимназии на Васильковской улице. Отступая, по дороге, поляки также причинили немало вреда: густой дым был виден из Киева от сожженных деревень. Вообще поляки оставили после себя крайне недобрую славу, и я удивляюсь, как некоторые могут верить в какую-то дружбу поляков. Конечно, среди отдельных поляков можно найти друзей, но в массе поляки и Польша, как государство, не может быть «другом» ни Украине, ни России (без или вместе с Украиной). Для этого препятствиями служат исторические переживания, от которых поляки отделаться не могут. Мало этого. Территории России и Украины являются единственными, за счет которых может и будет стремиться развиваться Польша. Исторические уроки кое-что да значат. Поэтому не следует обольщать себя дружбой ни Польши, ни Англии... Ну, словом, я затаюл свою обычную волынку, которую Вы хорошо знаете. Поэтому я и обрываю ее, чтобы поговорить о другом.

После ухода поляков я остался в Киеве и, несмотря на все застрачивания, которыми меня окружали, начал работать в университете и других высших учебных заведениях. Пока все шло хорошо. Но в последнее время в связи с введением академического пайка поднялся шум, произвели его отдельные лица, явилось желание лишить меня этого пайка. Для этого не было аргументного основания. Поэтому сделана попытка уволить меня из некоторых учебных заведений. Чем это разрешится, не знаю, тем более, что мои интересы находят защиту не только в среде учебных заведений, но и у других лиц, имеющих влияние. Вся история представляет ряд нелепостей, о которых и говорить не хочется. Я держу себя сторонним наблюдателем и жду... Увольнение, к смущению лиц, затеявших историю, не влечет, оказывается, для меня потерю пайка, так как я вошел в состав Академии, а по новому декрету академики имеют права на получение пресловутого пайка.

Мне было предложено войти в Академию по кафедре западно-русского и украинского права в июне 1920 г. Помните, я как-то высказывал Вам свое мнение, что если бы мне предложили, я не пошел бы ввиду того, что могли бы думать, будто я заранее подготовлял для себя место¹⁰¹. Теперь, конечно, вспомнив Ваши возражения, я ни на минуту не считал серьезным этот мотив. Наоборот, я считал, что я должен войти, так как Академия замерла, а III отдел тем более, так как большинство его членов разъехалось. Оставались только О.И. Левицкий, Р.М. Орженский да Птуха М.В.¹⁰² Я дал согласие, и был избран, получив один черняк.

Какое впечатление произвела на меня Академия? Признаюсь, я вступил в нее с предвзятым мнением. Мне говорили и о nepoтизме, царившем там, и о

единоличном управлении, вредно отражавшемся на делах, и о полной безгласности академиков. Многое из того, что говорили, оказалось справедливым. Все ждали Вашего приезда, говорили о Вас и надеялись, что приедет В.И. и повернет все дело на новый лад. Но надежда на Ваш скорый приезд то вспыхивала, то погасала, а общее недовольство порядками все росло и росло, и Академия, казалось, разваливается. Некоторые из академиков перестали посещать Академию, а часть співробітників приходила только за получением жалованья. Тягостное впечатление производили висевшие на дверях различных комнат в Академии замки. Вообще грустное было зрелище. Таким являлось и «спільне зібрання» с молчавшими, как я узнал, его членами. Особенно этим отличались члены Вашего відділа, который вообще какой-то странный, безвольный и поглядывающий по сторонам, чем и пользовался для своего влияния П.А. Тутковский¹⁰³. Всем же в «спільному зібранню» распоряжался неодмінний секретар, так как заменяющий Вас О.И. Левицкий настолько за это время одряхлел, что сидел безразлично, молчаливо в кресле и ни слова не говорил за все время заседания. Теперь дело немного поправилось, Академия как будто зашевелилась, как будто идет по пути к началу работы, если что-нибудь не помешает. Но тут другое препятствие. Назначена комиссия для преобразования Академии. Правда, во главе ее поставлен А.Е. Крымский, который является защитником старого статута и тех принципов, которые Вы клали в основу Украинской Академии. Вдохновителем же реформы, по словам Крымского, является Яната¹⁰⁴, проводящий точку зрения М.С. Грушевского, а именно, соединение Украинского наукового товариства с Академиею. Комиссия вообще состоит из Крымского, Тутковского, Янаты и двух коммунистов — Касьяненко и Тараненко¹⁰⁵, причем указано, что в преобразовании видную роль должно принять Наукове товариство. Пользуясь своими полномочиями, Крымский запросил для него А.В. Корчак-Чепурковского, проф[ессора] Д.А. Граве и проф[ессора] В.И. Синайского¹⁰⁶. Сегодня (25 февраля) первое заседание комиссии. Что та наметит и как пойдет реформа, будет ли выработан компромисс или все будет поломано — сказать трудно. Пока Академия живет по-старому и по-старому избирает себе членов. Сейчас состав Академии в Киеве такой: I отдел: Крымский, Петров, Беляшевский, Мищенко. II отдел: Тутковский, Срезневский, Плотников, Граве, Пфейф[ф]ер. III отдел: Левицкий, Орженский, Птуха, Василенко¹⁰⁷. В I отделе намечена кандидатура В.С. Иконникова, который дал свое согласие вступить в Академию¹⁰⁸. Во II отделе выставились кандидатуры Корчак-Чепурковского и анатома Старкова¹⁰⁹. Это медики. Повод к этим кандидатурам дал мой разговор с Тутковским о том, что следовало бы нам обсудить кандидатуру Линдемана¹¹⁰, как хорошего организатора и научного работника (Образцов умер¹¹¹). В ответ на это последовало внесение Тутковским кандидатуры Корчак-Чепурковского, но эта кандидатура встретила возражение во II отделе. Произведено было на отдел давление со стороны Крымского и Тутковского и в результате отдел согласился поставить кандидатуру Корчак-Чепурковского, но чтобы рядом с ним была и кандидатура другого медика. Таким явился проф[ессор] анатомии Старков. Оба, конечно, будут избраны. Я пишу Вам так подробно об Академии, потому что, думаю, академические дела

и даже академические мелочи Вас должны интересовать. Я в Академии теперь Головою Правління и разных комиссий (західно-руського права, біографічного словника), а также редактором изданий III відділу. Ко многим начинаниям Академии Наук прибавилось еще одно — издание Энциклопедического словника наподобие Брокгауза-Ефрона на украинском, конечно, языке. Дело уже организуется, и я уверен, что оно будет успешно. Конечно, при теперешних условиях печатать его нельзя. Но по расчету на подготовительную работу уйдет года два, а там посмотрим. Пока же мы мечтаем окончить печатанием начатое. Это может удасться, если будет осуществлен декрет из Харькова, приказывающий отвести для Академии типографию и снабдить ее достаточным количеством бумаги.

Новой [струей] в Академии является ослабление националистического духа. Последний вообще нелюбим в Киеве, хотя такие господа как Гр. Гр. и К^{о112}, стараются искусственно раздуть его. Причину такого ослабления я ищу в пережитых очарованиях и разочарованиях, в сознании малости сил и необходимости для создания национальной культуры пользоваться помощью других, наконец, тот естественный ход украинизации, который сейчас уже замечается в Киеве. Наиболее видные и [упорные] противники украинства отсутствуют из Киева*. Оставшаяся здесь интеллигенция приспосабливается к новым условиям. Поэтому это последнее и принимает более мирные, но я бы сказал, и более глубокие формы. Некоторые предлагали в учебных заведениях читать уже по-украински, и это чтение не вызывает уже никаких инцидентов. В Медицинской академии, перестроенном и обособленном медицинском факультете, существует два цикла — русский и украинский. Даже некоторые русские профессора делают попытку читать по-украински. Я не скажу, что процесс идет широкой волной, но, по моим наблюдениям, он идет постепенно вперед и захватывает все больше и больше почвы вглубь. А тут поспевают новое молодое поколение, прошедшее курс четырехклассных украинских гимназий. Это уже новая, совершенно особая и интересная формация, которая должна дать новую силу украинской культуре. Это поколение заложит и самобытные начала украинской интеллигенции, так как оно, в силу переживаемых нами условий, растет и развивается особо, без всякой связи с интеллигенцией других народов. Я не говорю о литературе. Я говорю о фактах жизни, переживать которые украинской молодой интеллигенции приходится при условиях, совершенно не похожих на условия русской, белорусской, польской, литовской и т. п. жизни. Что касается литературы, особенно русской, публицистической, которая имела такое большое значение в развитии интеллигенции у нас, то общие принципы, конечно, имеют и сейчас огромное значение и влияние, но фактическое содержание ее — это история, как все, что имело место до войны. Поэтому и в этом отношении на Украине должно, по моему мнению, появиться что-то особое, самобытное. Поэтому я нахожу, что после борьбы украинство, как культурная сила, набирается новой мощи. Лица, живущие здесь, сделают это. Поэтому, мне кажется, так легко и начинают примиряться с украинством, оставляют свою прежнюю боевую пози-

---

* Так в оригіналі.

цию. Возьмем церковь. Она решительно было выступила сначала против украинизации. Украинцы стали действовать активно, захватили силой Софийский собор. Все это производило тягостное впечатление. В конце концов епархиальное начальство заметило, что количество приходов, особенно в Белоцерковщине (около Белой Церкви), которые присоединяют к украинизованной церкви, все растет и растет. А украинизация, между тем, заключается не в изменении обрядов, а в переводе богослужения на украинский язык. В конце концов епархиальное начальство пошло на уступки и вчера (25 февр[аля]) состоялось с благословения патриарха, у ректора несуществующей сейчас Духовной академии епископа Василия¹¹³ было совещание с украинскими преосвященными соседних епархий по поводу перевода священных и богослужебных книг на украинский язык. На мой взгляд, это самый правильный и разумный путь, на который теперь и вступило духовенство.

Что касается сепаратистичины в политическом смысле стремлений, то они, конечно, есть, особенно у молодежи, их самостийность отстаивается иногда как идеал, теперь же [сила] мечтаний о федерации, а другие о самой широкой автономии. Во всяком случае, почва для мирного сожительства с Россией крепнет, и я думаю и верю, что *modus vivendi** будет найден, особенно после тех тяжелых испытаний, которые пришлось пережить.

Я пишу о культуре, а условия для развития ее, между тем, сейчас крайне неблагоприятны, особенно когда не отстоялась жизнь, и творятся ощупью новые формы ее. В Киеве уничтожен университет св. Владимира. Уже в Харькове Дм[итрий] Ив[анович] предупредил меня, что власть питает к этому университету особое враждебное чувство, как к очагу контрреволюции. На месте университета создали Высший институт народного образования имени М.П. Драгоманова, известный в общезнании под именем В.И.Н.О. Это не то педагогический институт, не то высшее общеобразовательное заведение. Некоторые факультеты (математичный) сохранили старые традиции, программы и пр., другие расплылись (историко-фил[ологический]), юридический уничтожен, медицинский обособлен в некую академию. Введено два новых факультета — школьный и дошкольный. Мысль не особенно удачная — превратить учреждение с лабораториями, музеями, громадной библиотекой в такое неопределенное учреждение. Поговаривают о новом преобразовании. Вообще мы опять в полосе преобразований, счет которым уже потерял. В Политех[ническом] инст[итуте] начали такие преобразования, что их, говорят, приостановили из Харькова. Кащенко¹¹⁴, между прочим, уволили из Политех[нического] института. Больше стойкости обнаружил Коммерческий институт, переименованный теперь в институт народного хозяйства. Во главе его стоит проф[ессор] Митилино¹¹⁵. По последнему преобразованию институт этот будет представлять из себя высшее учебное заведение с 8 факультетами, в числе которых кроме экономических и хозяйственных будут и железнодорожный и юридический. Долго ли продержится это преобразование, не вызовет ли оно нового — трудно сказать. Все это делается наспех, и уловить принципа я не могу, да и состав

---

* Тут: прийнятний стан відносин (*лат.*).

преобразователей чисто случаен, среди них немалую роль играет зеленая молодежь, студенчество. Конечно, видимая оболочка не играла бы роли, если бы условия для работы были подходящи. А то вот зима пришла: холодно, голодно, отсутствие света, а занятия производятся по вечерам. Студенты днем служат, а вечером усталые идут на лекции. Конечно, много бывает пропусков, лекции часто не могут состояться. С весной, может быть, дело и поправится. А зима пропала. Научная работа в высших учебных заведениях сейчас затихла. Есть, конечно, среди молодежи такие, которые хотят и готовы работать научно, но большинство интересуется общими вопросами, социальными, этикой и т. п. В общем, стремление к научной специализации среди молодого поколения еще не намечилось и трудно сказать, даст ли современное поколение контингент видных научных работников. Я думаю, что в конце концов даст.

Я уже говорил Вам, что в интеллигентном отношении Киев опустел. Много уехало. Большинство киевских профессоров, по словам Степ[ана] Прокоф[ьевича], в Белграде. Он насчитывает их там 35. Среди них киевляне: Спекторский, Демченко, Ясинский, 2 Билимовича, Зиньковский и др. Там же Тарановский¹¹⁶. Профессора образовали русское научное общество. Председатель его Спекторский, секретарь Зиньковский. Профессора читают в университете по-русски, но через 3 года обещают читать по-сербски. Получают 1200 франков. Ряд киевских профессоров и ученых погубило. Умер проф[ессор] Константинович от сыпного тифа, умер Богданов, Таранухин, Малков, умер Богдан Александрович Кистяковский в Екатеринодаре после операции желчных камней, умер от сыпняка, осложненного менингитом, Гарф¹¹⁷. Страшно даже подумать, сколько погубило людей. Умер проф[ессор] Образцов, Е.А. Кивлицкий. Когда начинаешь вспоминать и подсчитывать, становится просто-таки жутко. А о скольких мы еще не знаем? Летом так было пусто в Киеве, что знакомого лица, бывало, не встретишь. Все чужие физиономии, точно в совершенно чужой город попал. Теперь иначе стало. Киевляне мало-помалу тянутся в Киев, возвращаются. Хочет возвращаться немало лиц и причастных к Академии: В.А. Кистяковский, В.И. Лучицкий, Орлов из Одессы¹¹⁸ и т. д.

Общественной жизни никакой, умственной тоже, если не считать лекций и работы в Академии. Новых книг не видишь, о них узнаешь случайно, а достать для чтения — целое событие. Главные интересы занимают всех материальные. С третьего же слова при встрече вас спросят: а не дают ли академический паек, не платят ли жалованье там-то. Борьба за существование поглотила все интересы. Сейчас хлеб черный 500 руб., сало 5000 р.[уб.] фунт, картофель 9000 <руб.> пуд, капуста 1000–1500 <руб.> головка, мука 24000 <руб.> (черная) пуд, а белая 45000 руб. пуд и т. д. Тенденция к росту цен все усиливается. Чувствуется, что идет к какой-то страшной катастрофе.

Киев поменял свою физиономию. Он сделался городом еврейским по преимуществу. Страшные погромы по местечкам заставили евреев спасаться в Киеве. Их наехало очень много, а много других национальностей: украинцы, русские, поляки уезжали отсюда на село, любя там жить, или же уехало с войсками. Вот и получилось преобладание еврейства. Оно занимало кварталы за кварталами. Мариинско-Благовещ[енская], напр[имер], улица, Кузнечная и при-

легающие обратились в кварталы чисто еврейские, а угол Кузнечной и Маринской напоминает любое украинское местечко в день субботний. Еврейство привезло с собою деньги, нажитые за время войны, и поэтому может существовать в Киеве более или менее хорошо. Они и одеты, и обуты лучше, и едят лучше многих других. Сосредоточение в Киеве еврейства повело за собою переполнение ими учреждений. Сами евреи говорят, что некоторые учреждения похожи на местечковую синагогу. А так как жаргон у нас теперь процветает даже в учреждениях, то на всякого входящего по делу туда человека, особенно селянина, это производит странное впечатление.

Киев страшно загрязнен и разрушен. Я не говорю уже об окрестных лесах, которые вырублены. Многие деревья срублены в самом Киеве, палисадники разобраны, в некоторых местах уничтожены, деревянные заборы истреблены и сожжены, усадьбы проходные, деревья поломаны. Памятники сняты. Николая I, при снимании его, разбили. В особенности много пострадали Липки и Печерск, которые приведены в неузнаваемое состояние. Много домов без окон, иные сожжены, так как в Киеве пожары очень часты. Начинали гореть присутств[енные] места, сгорели верхние этажи вновь строящегося дома губ[ернского] земства на Владимир[ской]. Сгорело реальное училище на Лютеранской возле кирхи, дом на углу Крещатика и Фундуклеевской, где был магазин Брабец¹¹⁹, лежит в развалинах и т. д. Квартира Добровольских¹²⁰, в которой жили Вы, обращена в карточное бюро, штукатурка отбита, обои ободраны, мебели уже нет, замки в дверях попорчены, а на верхней ступеньке перед входной дверью выбит громадный треугольник в мраморной плите. В других квартирах живут прежние квартиранты, кроме квартиры самого хозяина, где помещается какая-то школа. Вообще, если бы Вы заехали в Киев, думаю, невесело бы Вы ходили по его улицам. Тем не менее народу в Киеве сейчас как-то много и улицы бывают им усеяны в известные часы, особенно, когда люди возвращаются со службы. Но жизни, повторяю, нет, <когда> наступают сумерки, на улицах пустеет, большинство сидят по домам при слабом свете керосиновых коптилок. Электричества нет, так как нет топлива.

Какое настроение у киевлян? Евреи боятся погромов, так как вражда к ним и юдофобство растет в народных массах. Поэтому за последнее время среди них заметна усиленная эмиграция. Уезжают, конечно, отдельные лица, но уезжает их много. Что касается других, то ждут весны, а с нею каких-то событий. Каких? — никто Вам не скажет, равно как никто не положит оснований для своей веры. Но вера так сильна, так глубока, что имеет все признаки заразительности и носит точно эпидемический характер. Это интересное психологическое явление: так, вероятно, ждали мессию в Иудее, такой массовый психоз переживался, должно быть, накануне тысячного года.

Возле Киева неспокойно. Партизаны или бандиты, как их официально называют, не унимаются и доставляют немало беспокойства властям. Можно думать, что с наступлением тепла это явление усилится. Киев, конечно, безопасен, но это отражается на подвозе продуктов. Колебание в снабжении Киева часто стоит в связи с событиями, которые совершаются вокруг него.

Я перечитал Ваше письмо, писанное на Новый год. Я встречал Новый год в Академии, где часть спивробитников устроила маленькую вечеринку. Было мило и хорошо. Во всяком случае, под Новый год я не был в том тяжелом, грустном, безотрадном настроении, которое сквозит в каждой строке Вашего письма. Я понимаю это настроение, так как представляю себе всю сложность пережитых Вами дум и настроений за последний год с того времени, как мы расстались. Вы видели иных людей, иную обстановку, жили в иной атмосфере, чем я. Я остаюсь оптимистом по-прежнему, несмотря на все тяжелое, что приходится наблюдать и переживать, потому что уверен в силе того «живого вещества», над которым Вы так усердно работаете и которому готовы посвятить остаток своей жизни. Тот катастрофический переворот, который переживали мы и который мы подготовляли, упал всей тяжестью на плечи нашего поколения и процесс переживания очень тяжел, как всякий болезненный процесс. Но все же мы не можем закрывать глаза на то, что совершились в жизни громадные перемены, проснулась мысль у народа, народ поднялся умственно многими ступенями выше по направлению к интеллигенции. И это не пройдет бесследно для будущего строительства народной жизни на всех началах. Думаю, Вы не усмотрите в этом фразы. До сих пор делалась попытка удержать жизнь в старых формах, теперь нужно поставить вопрос иначе: нужно создавать новые формы ее. Наше время переходное. Многое из того, что теперь существует, отпадет, но и старое не вернется. Значит, нужно искать эти новые формы. Правда, условия неблагоприятны, мысль, слово связано, но ведь это явление преходящее. Творчество придет и придет скоро. Поэтому не следует падать духом и уезжать далеко на Запад. Работа нужна здесь, и чем больше будет работников, тем скорее мы вернемся к нормальным условиям жизни. Разрушение и теперь еще происходит; нужно, чтобы его пересилило созидание, а это дается только [длительной] работой. Если даже не создадутся для нее сразу благоприятные условия, то всякая созидательная работа даже над живым веществом, т. е. чисто научная, но непременно здесь, на родине, как червяк будет пролагать путь к созданию этих условий. Не знаю, поймете ли Вы мою путаную речь. Она путана не потому, что в голове туман, а потому, что бумага не все терпит. Во всяком случае, для меня было бы грустно узнать, что Вы покинули Россию.

Я мечтаю о Вашем возвращении в Киев и работе здесь. Пусть Академия пошла ложным путем и состав ее пополняется так, как мы опасались, все же Вы смогли бы дать ей надлежащее направление и поставить на правильный путь. Это не мое мнение, это мнение многих, очень многих людей, которые ждали Вашего возвращения сюда, боялись, что Вы не возвратитесь, и теперь огорчены Вашим отъездом в СПб¹²¹. На Украине Вы оставили глубокий след и, думаю, почва для Вашей работы здесь будет еще Вас ждать. Я убежден, повторяю, что здесь зарождается новая, героическая и самобытная жизнь.

Жалко очень, что Вы не написали мне, как живут Наталья Егор[овна] и Нина Вл[адимировна]. Как здоровье последней? Поехали ли они с Вами в Питер, или остались в Крыму? Будет время, черкните слово. Что Георг[ий] Егор[ович]¹²²?

Простите за такое длинное письмо. Я всегда удивлялся, какие длинные письма писали в 1830–1840 годах, когда не было железных дорог и почта ходила плохо. Мы переживаем подобное время. Оттого и письмо вышло также длинное. Как я соскучился без Вас и как мне хотелось бы увидеть и побеседовать с Вами. Привет мой сердечный Наталии Егор[овне] и Нине Влад[имировне]. Привет Сергею Фед[оровичу] Ольденбургу¹²³. Крепко жму руку.

Всей душой любящий Вас *Ник. Василенко*

P.S. Из наших сослуживцев в ноябре 1919 года приезжал сюда инж[енер] Есманский¹²⁴, произвел неотразимое впечатление человека, искусственно подлаживающегося ко времени. О судьбе других не знаю. Ф.П. Сушицкий не доехал до Киева, а умер в Умани от сыпного тифа¹²⁵.

А теперь вот что: если пальто мое уцелело, если оно не конфисковано, не съела моль, то пришлите его мне через Ив[ана] Ив[ановича] Клодницкого¹²⁶.

Напишите мне, как нашли свою квартиру, библиотеку.

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 233, арк. 2–11.

М.П. Василенко — В.И. Вернадському

№ 121

25 березня 1921 р., Київ

Київ, Тарасовська, 20
25 марта 1921 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Написал я Вам длинное-преддлинное письмо. Повез его Ив[ан] Ив[анович] Клодницкий в СПб. Ему же поручено отвезти и Ваши рукописи, которым под наблюдением М.Н. Зелинской¹²⁷ составлена опись. Все, что хранилось у Е.Н. Антонович¹²⁸, послано. В «Живом веществе» недостает, если не ошибаюсь, двух первых глав¹²⁹. Думаю, Вы взяли их с собой.

Грустно нам было отсылать Ваши рукописи. Мне кажется, это последние нити, которые связывали Вас с Киевом. Далее возвратитесь Вы на Васильевский, уйдете в работу, и те ниточки, которые связывали Вас с Киевом, отойдут на дальний план, а потом затухнут. Мне грустно писать эти строки, но я думаю, что это будет так. Это естественный ход вещей. Даже если бы условия жизни были другие, все равно рано или поздно это случилось бы. Поэтому Вашим предположениям, что Вы вернетесь к нам, я не верю. В них говорит больше чувство, чем холодный рассудок. А Вас здесь так все ждали и с такой теплотой вспоминают! Свое имя Вы вписали в историю украинской культуры и в историю Украинской Академии, которая без Вас никогда не создалась бы. Это тоже мое глубокое убеждение, а не только комплимент Вам.

Какие бы превратности судьбы не пришлось еще переживать нам, я убежден, что Академия выживет именно как Академия. И в этом тоже Ваша

заслуга; Вы сумели за короткое время придать ей тот характер научности, который нелегко уничтожить и от которого так легко нельзя отказаться.

Да, я согласен с Вами. Что-то трагическое есть в судьбе Украины: сами украинцы не дают ничего построить и разрушают уж начатое. Вспомнились мне при этом слова В.Б. Антоновича в его «Бесідах про часи козацькі на Україні»¹³⁰: «Трагічна розв'язка історії України викликана тим, що народ український ніколи не міг виробити ані ґрунтовної цивілізації, а ні міцного дисциплінування себе, бо ті, що ставали на чолі його та бралися піклуватись над долею народною, мали в собі вельми недостатній запас культури» (стр. 7). В общем, полагаю, здесь верно подмечена одна из основных причин.

О реформе Академии сейчас не могу Вам написать обстоятельно. Насколько я знаком с этими делами по проекту, выработанному в Киеве Крымским, Янатой и Тараненко (коммунистом) и данному мне на мгновение Крымским, Академия в своих основных чертах остается, изменится ее управление, которое не исходит из начал автономности, прибавляется новый відділ сільсько-господарчий. Выбор академиком, по тому проекту, который я видел, остается в руках Академии. Повторяю, что проект этот я так мало видел, что могу только напутать. Как только он будет в моих руках, сейчас же пришлю Вам. Теперь же ограничусь только сообщением по поводу реформы Академии.

От кого мысль о реформе исходит? Это вопрос, на который ответить нелегко. Правда, декрет совпал с пребыванием Янаты в Харькове и Яната привез его в Киев. Но еще раньше приезда Янаты Крымский нас пугал, что замышляется реформа Академии в Киеве в среде редакторов газет, людей, далеких от Академии. Лучше-де нам пойти все-таки на уступки и т. д. А так как «восточный политик» в жизни Академии играет большую роль, то слишком широко распространено убеждение в украинских кругах (к реформе в общем, можно сказать, относящихся неодобрительно), что <к> возбуждению вопроса о реформе приложил свою руку и Крымский. Проверить это сейчас трудно. Я только передаю то, что говорят.

Когда возвратился в Киев Яната, Кр[ымский] в академических кругах бранит его за то, что он наделал это, прилюдно за глаза. В глаза же Кр[ымский] страшно льстил и заискивал перед Янатой. Это производило на всех отвратительное впечатление и косвенно только подтверждало то предположение, что в деле реформы свою лапку приложил и Кр[ымский].

Прежде всего вопрос был поведен в том направлении, что нужно добровольно объединиться с Наук[овым] Тов[ариством], а то это будет сделано декретом из Харькова. Собрано было заседание голов секций. Я не участвовал в нем. Собрание, не без протестов (А.С. Грушевский), решило уступить необходимости и объединиться с Академией. После этого было созвано общее собрание. На нем я присутствовал. Доклад делал Крымский. Начал с того, что это собрание историческое. Была сделана крупная исторична помилка: Наукове Тов[ариство] должно было перетвориться в Академию, а «замість того по зразку петербурзької Академії утворена зовсім нова Академія. Через те такий видатний вчений як М.С. Груш[евський]¹³¹ і одмовився стати на чолі цієї Академії. Коли по дорученню гетьмана через Д.І. Дорошенка¹³² я балакав з М.С. Гр[ушевським],

то він назвав Академію, що вона вишла з нечестного ложа. Коли я уже виходив од нього, то він запитав: здається, президент Академії це особа 2 класа, значить носе лосини-штани. Ні, я не хочу брати од гетьмана штанів¹³³. Ось тепер ми мусимо поправити цю історичну помилку і з'єднатись». Речь на всех, по-видимому, произвела неприятное впечатление. Начались речи, что оба учреждения могут существовать отдельно и от этого будет польза. Наконец, председатель заявил, что тут разговаривать: нас принуждают сливаться, нужно это сделать, но сделать так, чтобы каждое учреждение сохранило свою физиономию и, когда изменятся обстоятельства, могло бы существовать отдельно. На том и порешили. Предположено собрать уготову комиссию: 3 члена от Наук[ового] Тов[ариства], 3 от Академии. Эти члены избирают себе [суперарбитра] и вырабатывают условия соединения. От Наук[ового] Тов[ариства] избраны Яната, Крымский и хирург Черняховский¹³⁴; от Академии Птуха, Тутковский и Срезневский. Кр[ымский] хотел подстроить и меня, но я заявил, что я основание Академии не считаю помилкой, а потому мне исправлять нечего. Кр[ымский] заявил, что он говорил не свое, а по доручению. Я на это ответил, что для меня это безразлично. Знаменательно только то, что он взял такое доручения.

Комиссия избрала было суперарбитром Синайского, который теперь в фаворе у Кр[ымского], но затем на этом имени повздорила, едва не распалась и только Спільне Зібрання уладило конфликт. Что из этого выйдет, не знаю. Во всяком случае, все* и сообщу Вам при первой возможности в СПб.

Из того, что я сообщаю Вам, Вы видите, что роль Кр[ымского] далеко не пассивная в переробленню Академии. Это уже видно и из того, что в комиссии для выработки статута ему отведена не последняя роль, а первая. Ему же поручено и керування Академией. Но он заявил, что все останется по-старому. Он будет только Неодминным Секретарем, причем по наивности проболтался, что посада Президента не впливова, а Неодминного Секр[етаря] впливова.

Теперь носятся слухи, что после реформы имеется в виду вызвать М.С. Грушевского, которому посылают в Прагу всякие охоронные листы. Он должен сделаться президентом. Я думаю, что из этого ничего не выйдет, так как вряд ли М.С. решится на такую авантюру, как приехать сейчас в Киев, где нельзя ничего печатать и очень трудно научно работать¹³⁵. Как видите, вопрос о реформе Академии несколько сложнее и запутанней, чем это может казаться сначала.

Тем не менее, жизнь Академии течет пока по-прежнему. На днях избран единогласно на кафедре русской истории академиком В.С. Иконников¹³⁶. Он же поставлен во главе Археографической комиссии. Я придаю этому избранию громадное значение, равно как и тому, что оно прошло единогласно. Избрание Вл[адимира] Ст[епановича] должно заставить замкнуть те шипящие звуки против Академии, которые раздавались до последнего времени среди некоторой части профессуры. С другой же стороны, избрание свидетельствует и о том, что сейчас в Академии шовинизма нет. Вообще он в значительной степени ослаблен и в обществе. Суровые уроки дали себя знать.

---

* Далі одне слово нерозбірливе. Варіант прочитання — «поизучаю».

По II отд[елению] избраны по медиц[инской] кафедре Корчак-Чепурковский и Старков (анатом). Орлов из Одессы хочет переселиться в Киев и за ним послали. В.И. Лучицкому также послано приглашение приехать в Киев.

У нас на III отдел[ении] выдвигают кандидатуру харьковского Н.И. Папиенко¹³⁷ (госуд[арственное] право вместо Б.А.¹³⁸) и Васьковского¹³⁹ (из Одессы на гражд[анское] право). Согласятся ли?

Вернулся из СПб. Алешо¹⁴⁰, привез библиотеку и музей Волкова. Предполагается основание особого антрополого-этнографического института им. Волкова при II отделении.

По этнографии на I від[діленні] намечается кандидатура Гнатюка¹⁴¹. Является надежда воспользоваться миром с Польшей и перевезти его в Киев.

Живем мы все замкнуто. Извне, из-за пределов Киева вести доходят слабо. Каменецкий университет в своей жизни пережил уже несколько фаз. Так быстро почему-то меняются там профессора. Теперь там читают, между прочим, историк права М.Н. Ясинский¹⁴², Е.Д. Сташевский¹⁴³, собирается переехать туда из Одессы и В.А. Косинский, вопрос о котором Академия, наконец, на днях решила, признав его позаштатным академиком¹⁴⁴.

В Киеве университета нет. Жизнь высших учебных заведений никак наладиться не может: и студенты не ходят, и профессоров нет, и в лабораториях нельзя заниматься. Словом, погано. В деле среднего образования и того хуже. Не знаю, что будет дальше.

Занимаюсь я наукой и довольно усиленно. Много отдаю времени и Академии, где я <являюсь> Головою Правления и головою комиссии по складанию биографического словника, головою комиссии по виучуванню західно-руського та українського права и редактором изданий III відділу. Подобрался небольшой гурток по истории права, работаем и думаем, что-нибудь успеем.

III відділ поставил тоже на очередь вопрос о семинарах (Ваша идея) по научным дисциплинам для подготовки ученых, а то боимся, как бы совсем не остаться без ученых специалистов.

Тому, что Вы думаете отрешиться от внешнего мира и зарыться в науку, я не верю. Слишком уж Вы живой человек, и думаю, сейчас уже, когда я пишу это письмо, дело обстоит не так, как Вы написали. В этом случае сужу о Вас по себе.

Мой самый искренний привет Наталии Егоровне и Нине Владимировне. [Днепр вскрылся]. Неужели Нина Вл[адимировна] изменила Киеву?

Всею душой любящий Вас *Ник. Василенко*

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 122

30 березня 1921 р., Москва

30.ІІІ.1921

Москва

Дорогой Николай Прокофьевич,

Пишу Вам с Петр[ом] Павл[овичем]¹⁴⁵, который Вам обо всем расскажет. Собираюсь ехать в Петроград¹⁴⁶, но меня все еще задерживают другие, но думаю, на днях выеду. Там весь уйду в окончание моей книги о живом веществе и геохимии, хотя меня сейчас очень сильно тянет в сторону, в область моих старых работ по кристаллографии и в теорию атома. Здесь я познакомился с новой немецкой и английской литературой, которая проходит сюда очень плохо, раньше в Крыму с франц[узской] и английск[ой], и весь нахожусь под влиянием тех новых успехов, какие достигнуты в этом отношении. Разложение азота и, по-видимому, кислорода, доказанная сложность кремния, брома, хлора и т. д. во многом переворачивает наши идеи, и передо мной открываются все новые и новые горизонты. Здесь вошел в состав комиссии по изучению Курской магнитной аномалии¹⁴⁷, где много загадочного и интересного.

Научная работа и здесь, и в Петрограде идет, но при очень тяжелых, можно сказать, невозможных условиях. Помимо необходимости заботиться о пропитании и т. п. очень тяжело полное отсутствие уважения к человек[ескому] достоинству и жест[окость]. Ведь в этом отношении удивительное историческое явление получилось в результате русского освободительного движения. Тяжело невыносимо отсутствие печати и сношений с иностр[анной] литературой...

Пришел за письмом П.П. Поэтому пишу главное: просьбы и поручения.

1. Держите меня в курсе Акад[емии] и Библ[иотеки]. Чем можете, мною воспользуйтесь.

2. Писал Кивлицкому и Носову¹⁴⁸ — надо наладить получение в библиотеке всех здешних изданий. Книжная Палата (Москва, Тверская, 48) послала по указанию Гринько¹⁴⁹ в Публичную Библиотеку в Киев¹⁵⁰. Получает ли их библиотека? Надо непосредственно снести с Кн[ижной] Палатой.

3. Как мои рукописи — Живое вещество, Геохимия? Мой экземпляр минералогии ([лекции] по минер[алогии] — экземпляр, подготовл[енный] к печати), и добавления к опис[ательной] минералогии (лежали вместе с жив[ым] вещ[еством])¹⁵¹?

4. Мне очень нужны гранки, очень исписанные, моей описательной минералогии (о сероводороде)¹⁵², нельзя ли их собрать и прислать в Петроград, в Академию Наук оказией или заказным письмом. Устройте мне это дело.

5. Нельзя ли собрать в ящик все мои рукописи и книги, часть была в моей комнате, часть в большой зале в Академии?

6. Сохранились ли наши вещи и мебель (постели и т. д.), бывшие в Академии?

7. Нельзя ли мне получить оттуда какие-нибудь деньги, мне следуемые?

8. Сохранился ли материал по живому веществу, сохранявшийся у Франкфурта в Лаборатории¹⁵³?

9. Где Мария Иван[овна] Безсмертная¹⁵⁴, над ним работавшая?

10. Не знает ли она, где Личков, что-нибудь о Добржанском¹⁵⁵, студенте у меня работавшем? Где он?

Осмотрюсь в Петрограде и тогда устрою перевозку туда моих рукописей, если будет нужно.

От Дуб[янского]¹⁵⁶ узнал, что шел вопрос о печатании моей рукописи о жив[ом] вещ[естве]. Я не давал права Академии ей распоряжаться, и она в таком виде, что ее печатать нельзя. Пожалуйста, остановите это решение. Пока я жив, я распоряжаюсь этим.

Что за комиссия по реформе Академии? Напишите. Надо несомненно действовать через Наук[овое] Тов[ариство]. Ведь это все старая интрига.

Как Каменец-Подольский Унив[ерситет]?

Как Ваше положение?

Пишите. Писал Крымскому, Носову, Личкову, Кивлицкому — без ответа.

Мой адрес: Петроград, Росс[ийская] Акад[емия] Наук или Вас[ильевский] остр[ов], Николаевская набережная, 2. Моя квартира пострадала¹⁵⁷, но я часть ее сохранил. Библиотека и рукописи сохранены.

Ваш *В. Вернадский*

Привет всем, кто помнит. Фомину¹⁵⁸ очень кланяюсь. Как жаль Кушакевича¹⁵⁹ и Богдана Кистяк[овского].

Нельзя ли получить издания Наук[ового] Тов[ариства] и Академии?

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 17–18зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 123

20 квітня 1921 р., Петроград

Петроград, Академия Наук,
20.IV. [1]1921

Дорогой Николай Прокофьевич,

Получил Ваше большое, страшно интересное письмо, за которое очень Вас благодарю. Так о многом хочется с Вами переговорить и многое обсудить. Жизнь сейчас нас разметала в сторону, но я чувствую крепкую, сильную связь между нами — пока мы живы. Вы знаете, как мне дорога Украина и как глубоко украинское возрождение проникает все мое национальное и личное мировоззрение, и я считаю, что на мою долю выпало большое счастье принять в нем участие. Я верю не только в его будущее, но и, в частности, в будущее Киевской Ак[адемии] Н[аук] и Нац[иональной] Библиотеки. Время отбросит окалину и останется чистый металл — металл благородный, враг окалины. И хотя в моем мировоззрении произошел под влиянием событий глубокий сдвиг — мое отно-

шение к украинской культуре и ее будущему осталось нетронутым — м[ожет] б[ыть], даже в противоречии с некоторыми из моих жизненных верований. Но я считаю, что логически доведенные до конца положения всегда неверны при соприкосновении с жизнью, и в них непременно должен быть иррациональный элемент. Таким является — при моем теоретическом интернационализме и аристократизме духовной работы — мое отношение к украинской, русской, славянской культуре. Русская культура должна быть русско-украинской. Я чувствую это сейчас здесь даже теперь, когда идет огромное духовное возрождение Севера, которому предстоит огромное будущее. Вчера только читал любопытную книжку Ильинского — Вологодский Север¹⁶⁰ — мечтают о Вологде, как о конкуренте Москвы, и, всматриваясь в естественные ресурсы Севера, я много вижу здесь правдивого и здорового. Очень интересна утопия Чаянова — о послебольшевистской России — издана Госуд[арственным] Издательством с антидатом (на 16 страницах) какого-то бесталанного большевика, кажется Орловского, ее опровергающим¹⁶¹. В ней рисуется интересная крестьянская Россия с резким местным колоритом и местной — областной — культурой (Москва). К сожалению, достать ее нельзя, т. к., хотя издать издали — но не выпускают. Постараюсь Вам достать и направить. Летом я собираюсь на Мурман¹⁶².

Сперва о киевских делах. Хотя издали трудно советовать — но неволью мысль работает, и Вы на меня не посетуйте — напишу, хотя бы бранили. Необходимо овладеть Науковым Товариством — это легко. Иначе вся эта дрянная мелкота — Янаты, А. Грушевские и К^о — будут вести свою работу слишком интенсивно. Вы не думайте, чтобы я к ним относился совсем отрицательно — я думаю, что они искренне преданы национальной идее, делают и хорошее дело — но вся их работа какая-то *terre-a-terre** — они опошляют великое. Они должны быть не вождями¹⁶³. Овладеть Н[ауковым] Т[овариством] мне представляется делом не трудным. Кстати, я очень прошу прислать мне все издания после 1918 (лучше 1917) <г.>Наукового Товариства. М[ожет] б[ыть], можно прислать с посланным.

Пишите мне подробно об Академии. Верю, что Вы отстоите. Нельзя ли переслать все мои книги и рукописи? Я получил, — но не все. Мне хочется иметь письма, кое-какие записи и газетные издания (отобранные мною газеты). Если нельзя всего, то, м[ожет] б[ыть], с посланным можно прислать корректуры (очень рваные и исписанные) моей минералогии, которые мне сейчас очень нужны, и, м[ожет] б[ыть], в запечатанном пакете мои записи. М[ожет] б[ыть], Вы бы могли это сделать? Вообще, не знаю, что сделать с моими вещами, о которых мне пишет В.И. Липский¹⁶⁴. Я ему пишу об этом — с одной стороны, хотелось бы оставить на всякий случай в Киеве, я не знаю как будет дальнейшая судьба — с другой стороны, м[ожет] б[ыть], все пропадет, а сейчас очень это жаль, т. к. жить трудно. Нельзя ли мне как-нибудь достать мой новый сюртук, который там есть, а я здесь совсем износился.

---

* Тут: вульгарна (*фр.*).

К сожалению, Ваше пальто не сохранилось. У нас сохранились мебель, книги, рукописи — но во время 4-х обысков забрали почти все белье и платье (в том числе и Ваше пальто), пишущую машинку и т. п.

Я уверен, что с Академией все обойдется — но все-таки нередко тревожно. Меня не смущает временное замирение, лишь бы сохранился центр для лучшего будущего, а оно несомненно настает. Пишите мне о положении дел. В числе пересланных писем есть копия письма Кр[ымского] от конца декабря, где он говорит, что я считаюсь президентом — я пишу ему официально (и частно)¹⁶⁵ — но такое положение, конечно, невозможное и необходимы скорее выборы.

Напишу Вам скоро еще — сейчас надо кончать. Ужасно тяжело. Меня как-то больше всего гнетет не трудность физической формы, даже не террор — а то чувство рабства, которое так сильно испытывается — отсутствие возможности сношений, поездок, постоянное врывание в личную жизнь, то положение крепостного, в котором находимся¹⁶⁶. Иногда грустно жалею, что не уехал летом в British Museum¹⁶⁷. * — но думаю, что поступил тогда все-таки правильно, ибо сделал так, как считал тогда хорошим не с личной точки зрения. Сейчас работаю и начинаю печатать. Все сопряжено с величайшими усилиями. Здесь все так же не налажено и такой же завал, как и везде. Никакого улучшения и упрочения. Как жаль Евг[ения] Ал[ександровича] Кивлицкого¹⁶⁸ — а я ему все писал!

Пишите.

Ваш *В. Вернадский*

P.S. Н.Е. и Ниночка Вам шлют горячий привет. И С.Ф.¹⁶⁹, который массу сделал. Посылаю Вам № «Наука и ее деятели»¹⁷⁰. Не дадите ли заметку о украинской научной работе? Привет всем, пишите. Страшно рад, что Вы в Академии.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 19–19зв. *Опубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 13–15.*

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 124

6 травня 1921 р., Київ

Киев, Тарасовская, 20
6 мая/23 апреля 1921 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Пишу Вам только с оказиями. Хотя письма получают и из далеких даже мест, но против исправности почты и скорости ее в публике существует предубеждение. Поневоле и сам им заражаешься.

* Британський музей (*англ.*).

Вы пишете: «писал Крымскому, Носову, Личкову, Кивлицкому — без ответа»¹⁷¹.

Кивлицкий умер в начале января, собственно говоря, от истощения. Еще осенью стал он неимоверно быстро стариться и дряхлеть. Напала куриная слепота — следствие недоедания. К этому присоединились и неприятности по библиотеке. Его стали усиленно «выживать» и в конце концов в начале декабря он ушел из б[иблиоте]ки. Правда, его удалось устроить на хорошее, спокойное и его склонности подходящее место — редактор по древней истории в биографическом словаре; но эту радость я ему принес накануне его смерти: воспаление легких, как последняя причина, доконало его.

Крымский получил от Вас письмо из Крыма и ответил Вам. Носова давно не видел, а Личков вчера мне говорил, что никакого письма от Вас не получал. Как видите, есть много оснований писать хоть реже, но через оказию.

На большинство Ваших вопросов Вы уже получили ответ через Клодницкого, который письма и Ваши рукописи оставил у Ферсмана¹⁷². Отправкой Ваших рукописей заведывал я при посредстве Марии Николаевны Зелинской. Рукописям была составлена опись. Кажется, собрали все. Если чего не достает, напишите через Василия Ивановича Барвинка¹⁷³, который передаст это письмо. Меня особенно смущают «гранки», хотя М.Н. Зелинская, которая описывала рукописи, сообщила мне, что «гранки» Вам также отправлены.

В Петербург ездили Птуха и Алешо. Они привезли музей и библиотеку Вовка, а также много книг и разных изданий. Барвинок и Макаренко¹⁷⁴, которые теперь едут, должны еще привезти. Они имеют полномочия. Конечно, мы все надеялись, что Вы уже огляделись в Питере и окажете всякое содействие с присущей Вам энергией и любовью к своему детищу — Украинской Академии Наук.

Я пришел к заключению, что при Академии Наук должна существовать особая большая библиотека — такая же как Национальная и совершенно отдельная от нее. Существование библиотеки по виддилам полезно в смысле подбора специальных подручных книг, но у нас оно [отчасти] получает уродливые формы создания особых библиотек: не знаешь, есть ли в Академии такая-то книга и к библиотеке какого виддила она принадлежит. Я поэтому являюсь поклонником учреждения такой библиотеки, какая существует при Российской Академии Наук. Пока моя мысль не встречает сочувствия у Крымского.

Ваша мебель и вещи сохранились в Академии. Но кое-что пропало. Об этом писал Вам через Клодницкого В.И. Липский¹⁷⁵.

В виду перемены режимов денег никаких от Академии Вам получить нельзя.

Мария Ив[ановна] Безсмертная в Киеве, часто бывает в Академии. О ней надеюсь сообщить в P.S., равно как и о материалах по живому веществу, хранившихся у Франкфурта. Сами Франкфурты в Берлине, куда уехали при поляках.

Добржанский в Киеве в университете (так у нас продолжают называть в публике красное здание)¹⁷⁶, работает в последнее время по зоологии. На днях будет держать экзамен по геологии у Личкова. Добржанский оканчивает курс.

Дубянский сообщил Вам неверные сведения. Никакого намерения или решения печатать Ваши рукописи без Вас не было. Рукописи Ваши фигурировали в списке не работ, предназначенных к печати, а могуших быть приготовленными к печати, если бы наметилась возможность приступить к печатанию. Как известно, был издан даже декрет о предоставлении Академии возможности печатать. Из этого, однако, ничего не вышло. Словом, рукописи Ваши попали в список из академического тщеславия, а не вследствие решения их печатать без ведома автора. Я даже представить не могу, чтобы когда-нибудь созрело у кого-нибудь из академиков такое дикое решение.

Кажется, на все Вам ответил. Теперь могу предоставить уже волю самому себе.

С.А. Ефремов¹⁷⁷ вернулся в Академию. Во время поляков он стоял во главе громадского комитета, который руководил политик[ой] в Киеве. Вследствие этого С.А. должен был скрываться. По ходатайству Академии он амнистирован и в среду Академии вернулся ценный работник. За это время он успел написать 2 т[ома] воспоминаний, доведя их до 1905 г.

С реформой Академии дело пока стоит. Какую форму оно примет — не знаю. В.И. Барвинок, который передаст это письмо, расскажет Вам то, что узнал он в Харькове, где реформа попала в руки Машкина¹⁷⁸. Надеемся, что Д.И. Багaley повлияет, чтобы Академия не была уничтожена фактически.

В вопросе о реформе Академии я разобраться не могу. Хотя Кр[ымский] обещал раздать проект реформы академикам и познакомить с ним, но этого не сделал, да, по-видимому, и сам теперь запутался в этом деле. Вместо того, чтобы стать на твердую почву защиты устава Академии, стал крутить, политиковать и в конце концов, судя по сведениям, привезенным Барвинком из Харькова, упустил дело из рук. Думаю все-таки, что сущность Академии будет сохранена. Инициатором реформы Академии Кр[ымский] считает Янату, а последний говорит, что он «спасает Академию». Кто их разберет? Мы здесь так привыкли ко всевозможным «реформам», что относимся пока пассивно и к реформе Академии: Бог не выдаст — свинья не съест! Одно только скажу Вам, ничего реального я про реформу сообщить не могу. Если узнаю что-нибудь, конечно, будете знать и Вы. Если реформа Академии идет из украинских кругов, то Вы правы: точно какой-то злой рок тяготеет над строительством украинцев. Только и знают, что разрушать то, что имеют. А Академия, между тем, за последнее время, несмотря на все трудности жизни, является единственным на Украине крупным культурным и научным центром, группирующим возле себя много сил. Будь возможность печатать, Академия Наук скоро выявила бы себя и о ней заговорили бы. Теперь при Академии организовано новое дело — издание энциклопедического словаря по типу Брокгауза-Ефрона на украинском языке. Группа лиц — организаторов во главе со Стебническим¹⁷⁹ взялась за это дело очень усиленно и дело обещает быть поставленным серьезно.

Недавно в Киеве появился А.Я. Орлов, который думает переехать из Одессы в Киев. На меня он произвел впечатление человека энергичного, с широким размахом, который только и нужно признавать при всяком строительстве. Он пробыл в Киеве недели две и сразу же взволновал и зашевелил наш мертвый

2-й отдел. Орлов забраковал наш с Вами выбор места для обсерватории в Китаеве, а наметил подалее от Киева, возле Канева и горы Шевченко. Он сказал, что по сведениям Метеорологической обсерватории, это место наиболее ясное в Приднепровье. Для обсерватории ему нужно не 6 дес[ятин] земли, как мы предполагали, а 100 дес[ятин] или 1 кв. версту, чтобы горизонт не закрывался. За Орловым к Каневу тянет и Липский. Тоже находит, что и Ботаническому Саду следует быть подалее от города. Если первое имеет резон, то второе м[ожет] б[ыть] и увлечение.

Зато Кащенко затих, пережив большую трагедию. Его заподозревают в неосторожном расходовании казенных сумм. Из Полит[ехнического] Инст[иту-та] его выбросили, выбрасывают и из квартиры, хотят отобрать и акклиматиз[ационный] сад. Вообще создалась тяжелая атмосфера, которая на старика сильно действует. Поддержки он нигде не находит.

За последнее время Академия приобрела несколько новых членов. Я уже писал Вам, что избран академиком В.С. Иконников. Это избрание имело большое значение для Академии. Оно сразу же примирило те круги, которые относились к Академии подозрительно. Кроме того по 2 отделению избраны анатом Старков и Корчак-Чепурковский. В виду сильной агитации и давления по поводу второго, 2-й отдел решил избрать сразу 2-х. Старков — человек образованный и ученый. Но ни Старков, ни Чепурковский не организаторы и, на мой взгляд, медицинского отделения по-прежнему при академии не существует. Кандидатура Линдемана встречает противодействие — у одних вследствие его характера, у других — украинцев — как «черносотенца». А между тем Линдеман стремится в Академию, хочет [научить] работать и, будучи [отлучен] от Бактериологического Института, жаждет инициативы, организаторской деятельности и мог бы развить ее. Теперь он собирается покинуть Киев и куда-нибудь уехать. Жаль будет.

3-й отдел не пополняется. Никто из юристов не соглашается переезжать в Киев, боится срываться с места и устраиваться в чужом, малоизвестном городе.

До сих пор письмо было написано, когда получил Ваше от 20.IV. Оно даст уже новое направление мыслям, но я пока остаюсь на почве чисто фактов, а не рассуждений.

Национальная библиотека помещается теперь в 1-й гимназии, здание которой все освобождается для Академии. Библиотека выросла в большое, громадное, я бы сказал, по числу книг учреждение. В нее свезены и вливаются все новые книгохранилища, главным образом, из брошенных владельцами в провинции и вырванных буквально из рук невежественной толпы, которая их уничтожала и жгла. Таковы библиотеки Браницкой, Долгоруковых, Шуваловых и т. д. Не все удастся перевезти в Киев. Кое-какие лежат и ждут своей очереди, как библиотека [Горчакова] в Переяславе. Не все библиотеки, конечно, одинаковой ценности, но уже то обстоятельство, что они остались для культуры — великое благо. А книги сильно уничтожаются, сколько их уже уничтожено и будет уничтожено!

Библиотека открыта для публики, производится усиленная регистрация и каталогизация книг, но большинство их все же свалено в кучи и недоступно для публики. Вообще, библиотека тогда будет приведена в порядок, когда обзаведется собственным зданием. А когда это будет. В библиотеке действует, по-прежнему, временный комитет с неудачным и[сполняющим] д[олжность] председателя Кордтом¹⁸⁰, который под влиянием ли голода, усталости или переобременения занятиями за последнее время значительно опустился. От Академии входили в комитет Крымский, Тутковский, Липский и Граве. Последние два, конечно, роли не играют. Такое обилие академиков объясняется причинами практического свойства. Старшим библиотекарем состоит теперь Иванов-Меженко¹⁸¹ (не знаю, знаете ли его?). Летом Кр[ымскому] почему-то полюбился Данилевич¹⁸² (теперь они не кланяются), и Кр[ымский] провел его в председатели комитета. Данилевич с Меженко задумали отделиться от Академии в самостоятельное учреждение. В [идее] мысль правильная, но несвоевременная. Академия, чтобы [стерилизовать] сепаратистические стремления, усилила количество своих представителей в комитете. Я далек от библиотечных дел и встречаюсь с ними только в качестве председателя Правления <Академии>, но знаю, что работа идет усиленно и интенсивно. Против сотрудников, приглашенных Вами (Е.А. Кивлицкий, И.П. Житецкий, Балинский¹⁸³) Меженко вел явную борьбу вместе с Данилевичем. Е.А. принужден был уйти. Житецкий и Балинский еще держатся. Но Житецкому причиняют на каждом шагу неприятности. Это штрихи для характеристики атмосферы, в которой протекает работа. Меженко, говорят, человек крайне грубый и поддается влияниям, но человек энергичный. Я знаю его мало. Кр[ымский], конечно, никогда не может заменить Вас, и Ваше отсутствие в библиотечном комитете сильно чувствуется. Все об этом говорят и все с таким нетерпением ждали Вашего возвращения.

Относительно Наук[ового] Тов[ариства] я вполне разделяю точку зрения, которую Вы высказали. В сущности к этому дело и идет. Я должен отметить отрадное явление — большинство украинского общества отнеслись безусловно отрицательно к слиянию и подчинилось этому, как *vim majori**, причем обнаружилось уважение к авторитету Академии, с которой Наукове Товариство даже не равняется. Я уже писал Вам, что избрана угодова комиссия. Дело принимает такой оборот, что Наукове Тов[ариство] фактически уничтожается. Сохраняются секции. Одна из них вливается в комиссию Академии, причем, так как в некоторых из них одни и те же члены, то *de facto*** секции уничтожаются; другие секции будут продолжать свое существование. Головы секций будут входить в собрания отдельных видделов с правом совещательного голоса. В таком направлении прогнозируется решение вопроса о слиянии. Как будет решен он, посмотрим. Но, судя по настроению, Академия не даст себя подчинить. В этом отношении я больше всего боюсь второго отделения. Орлова нет в Киеве и он не в курсе дел, а остальные, кроме Тутковского, такие все безличные какие-то.

---

* Більша сила (*лат.*).

** Фактично (*лат.*).

Тутковский же ведет какую-то в этом деле «демагогическую» линию, выдвигая Наукове Товариство.

А.С. Грушевский — противник слияния, а сторонник отдельного существования О[бщест]ва, равно как и Данилевич. Последний вместе с Веселовским¹⁸⁴ в виде протеста против Академии вышли даже из общества, когда оно принципиально решило вопрос о слиянии.

Пишу Вам мелочи, так как, думаю, они могут быть интересны для Вас и рисуют нашу обстановку. Жаль, что Вас нет с нами. Многие, очень многие, видевшие Вашу работу и работавшие при Вас, от Демьянчука¹⁸⁵, Зелинской, Носова до членов отдельных Ваших комиссий страшно жалеют, что Вы не возвращаетесь к нам. С Вашим возвращением связывалось столько надежд на организацию деятельности Академии, тем более, что некоторые комиссии без Вас (по изучению богатств) совсем замерли. Президента у нас нет. И[сполняющий] д[олжность] О.И. Левицкий, но он так постарел и осунулся, что сидит безучастно, а все делает Непременный Секретарь. В последнем декрете керующим справами Академии назначен Крымский, но он фактически остался Непременным Секретарем, а не Президентом, и заявил, что, несмотря на декрет, все будет по-старому. Раз Вы ставите на очередь выбор Президента, то создаете для Академии большую трудность¹⁸⁶. Кого? Тутковского? Но это не приобретение — Вы сами знаете это хорошо.

Ваше письмо с намеками на перемены в Вашем мировоззрении будит во мне такое желание увидеться с Вами; на письме, вероятно, всего нельзя сказать. Ваша точка зрения на украинскую культуру, Академию Наук, Национ[альную] Библиотеку так совпадает с моей, что у меня радостно бьется сердце, когда я читаю Ваши строки. Свой мысли я выскажу Вам в следующем письме. Теперь же нужно кончать и вручить письмо оказии. Чрезвычайно заинтересовало меня то, что Вы пишете о возрождении Севера. Петербуржан, правда, тянуло всегда на север. Но меня интересует пробуждение этих местных интересов, мечтаний и пр. Еще в 1860-х годах Щапов отмечал пробуждение местной жизни в смутное время XVII в.¹⁸⁷ Государство тогда не сумело воспользоваться этим и создало централизм и бюрократию, которая с Петра < I > получила особый колорит. Будем надеяться, что теперь пойдет дело не так. Поэтому мечты о конкуренции Вологды с Москвой чрезвычайно интересны: в таких новых центрах, как Вологда и пр. и может начаться русское возрождение, там могут появиться новые люди, новые мысли, новые задачи и интересы.

Книги, которые Вы прислали, еще не дошли до меня. Постараюсь написать и прислать Вам со следующей оказией об украинской научной работе для «Науки и ее деятелей». Многого я не успел сказать. Вероятно, длинное письмо получите от меня со следующей оказией с Вашим посланником.

У нас сейчас весна в полном расцвете. Фруктовые деревья уже отцвели, цветут каштаны и сирень. Тепло. Пасха была дивная. Я был в церкви и возвращался ранним утром. Распустившиеся деревья прикрыли разрушения Киева. Светила подернутая дымкой ущербная луна, малиновка в Николаевском саду тянула свою предрассветную песню, далеко, далеко вверху перекликались пролетавшие гуси. Так хотелось и мне на время улететь куда-то и сильнее

чувствовалось то рабское состояние, которое так гнетет и Вас... Будьте здоровы. Нат[алье] Ег[оровне] и Нине Вл[адимировне] и Сергею Фед[оровичу] мой привет.

На Пасху, возвратясь из церкви, умер Зилов¹⁸⁸ от разрыва сердца. Он все время жил в Киеве и работал. Его не трогали.

Всей душой любящий Вас *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 233, арк. 16–21зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 125

6 травня 1921 р., [Київ]*

6.V. [1]921 г.

Дорогой Владимир Иванович!

У меня есть такой дерзновенный план. Я теперь работаю над курсом по истории западно-рус[ского] права. Дефектов в унив[ерситетской] б[иблиоте]ке масса. Поэтому созрела у меня мысль обратиться к Академии Наук с просьбой, не могла бы она меня ссудить рядом отчетов о прениях. Отчеты эти заключают в себе отзывы о книгах, мне нужных для моей работы.

Если бы это возможно было, посодействуйте. В.И. Барвинок привезет. Невозможно — так и быть.

Список отчетный и бланк заявления я вручил Василию Ивановичу Барвинку. Если бы можно было покупать, я бы купил книги, но теперь этого сделать нельзя, а между тем книги нужны. Многие из отчетов, которые я прошу взять, [цитовались] профессорами и студентами.

С тревогой я жду решения судьбы о библиотеке Киев[ского] Унив[ерситета]. Читал я в одной польской газете, что Сергей Федорович отстаивал интересы сохранения культурных сокровищ, но удалось ли это ему, так для нас и остается неясным. Как в конце концов вырешено дело?

Видите, какая наша осведомленность.

Еще раз всего хорошего.

Ник. Василенко

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 233, арк. 22–22зв.

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 126

29–30 травня * 1921 р., Київ

Київ, Тарасовская, 20
29 мая 1921 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Собирался написать Вам большое письмо, но не удалось. Сильно был занят эту неделю, да и поздно узнал об отъезде Л.¹⁸⁹ Он уезжает завтра как раз накануне некоторых наших киевских событий, которые интересуют Вас, и о которых, значит, придется сообщить Вам только со следующей оказией, а поэтому с опозданием. Завтра в 12½ час. будет общее собрание Укр[аинского] Наук[ового] Т[овариств]ва, на котором Крымский сделает доклад о результатах работы согласительной комиссии по слиянию Укр[аинского] Наук[ового] Т[овариств]ва с Академией. Послезавтра этот же вопрос будет рассматриваться и окончательно решаться Спільним Зібранням Академии. Жалко очень, что не могу Вам сообщить подробностей работ комиссии — не знаю. В понедельник же в Спільном Зібранні будет доложено и проект преобразования Академии, как он выработался в Харькове. Н.И. Палиенко пишет, что Д.И. Багалей употребил все усилия, чтобы Академия как можно меньше пострадала. В общем, проект вышел не так страшным, но все же изменения существенны. Сначала хотели уничтожить отделения и дать право основывать филиальные отделения Академии в Харькове, Одессе, но затем мысль эта была оставлена. Академия будет состоять из таких отделений: 1) физико-математического; 2) социально-гуманитарного; 3) экономического; 4) медицинского и 5) педагогического, причем Академии Наук предоставляется право открывать и другие отделения. Конференция (Спільне Зібрання) Академии отменяется. Вместо нее вводится Рада, в которую входят все академики и представители от Наркомпроса, если не ошибаюсь, в количестве 2-х. Рада избирает академиком, которые утверждаются Наркомпросом, устраивает торжественные заседания и пр. Все управление Академии как научное, так и хозяйственное сосредотачивается в руках нового органа — Президиума Академии, в состав которого входит Президент Академии, Вице-президент и Непременный Секретарь. Они утверждаются Наркомпросом. В остальном устав представляет взгляд и [нечто] и дает возможность не менять прав Академии и академической работы. Очень жалею, что сейчас не успею переписать этого проекта и я его не могу послать Вам. В следующий раз.

Самый неприятный пункт в уставе — это участие в Раде чуждого Академии элемента. Что касается тройки (президиума), то с ней можно помириться, так как [напротив] жизнь потребует коррективы и, в сущности, приведет к тому, что было. Рада также может быть поставлена ** как конференция.

* Дату написання листа встановлено за змістом.

** Далі одне слово нерозбірливе. Варіант прочитання — «частично».

Введение педагогического отделения, боюсь, сдвинет Академию с научного пути. Но я смотрю без боязни в будущее, так как можно было ожидать худшего. Как мы будем приспосабливаться к новой жизни — буду сообщать. Хорошее дело: у Академии есть уже традиции, привитые при Вашем благосклонном участии. Это дает Академии значительную устойчивость, и я думаю, она устоит и будет сохранять себя до лучших времен.

Ваш отказ от президентства создал у нас большие трудности с замещением этого звания. Нет в среде Академии подходящего человека. Крымский решительно отказывается, так как считает, что непреременный секретарь более влиятельное положение создает, чем президент. Намечали кандидатов: получили Тутковский 5 гол[осов], О.И. Левицкий и я по 4. Выборы назначены на понедельник. Они или будут отложены до введения нового устава, или выбор лица будет чисто случайный.

Академии отвели, наконец, всю первую гимназию и туда переехал 2-й отдел, хотя окончательно не уселся еще, все спорят: каждый хочет захватить себе побольше помещения. Там же и Национальная библиотека — крупнейшее книжное богатство, к сожалению, еще совсем почти не приведенное в порядок. Думают теперь расставлять книги по полкам. До Национальной библиотеки я не имею прямого отношения, но если зададите мне вопросы, окажется, сумно на них ответить.

Академия понемногу работает. К сожалению, отсутствие возможности что-нибудь печатать губит все, а главное, энергию: совсем иначе люди чувствовали бы себя и работали, если бы видели результаты своей работы в печати. Я думаю, вопрос с печатаньем стоит в Киеве хуже, гораздо хуже, чем у Вас. Говорят, обещают, что этим дело и ограничивается. Бумаги нет и доставлять ее сюда, при расстройстве транспорта, далеко. Да и с работниками типографскими, говорят, плохо, разбегаются, несмотря ни на какие мобилизации. Жить в Киеве трудно, платят плохо, пайки фактически свелись к фикции. Острый, все усиливающийся продовольственный кризис и разруха, из которой нет выхода, с каждым днем чувствуется все сильнее и сильнее.

Я писал уж, что общественной жизни в Киеве, конечно, никакой. Публика придавлена, забита. Интересовалась зимой пайками, теперь огородами. Всякий разговор даже на научную и общественную тему в конце концов сводится на разговор об огороде. Я тоже имею огород, который обработал собственными руками, и тоже, как видите, заговорил о нем, следуя киевским нравам. Народное образование в Киеве в большом упадке. Учителя страдают от голода. Задолженность им большая. Профессора обставлены сравнительно лучше, но тоже живут в большой нужде. Из высших учебных заведений создан какой-то сумбур, причем реформы уже производились по несколько раз и, кажется, в недалеком будущем будут производиться еще. Университет, где для научных занятий существуют лаборатории, кабинеты, ценнейшая библиотека, уничтожен и после ряда опытов превращен фактически в учительский институт, причем «историко-филологический цикл», говорят, вовсе исчезнет. Коммерческий Институт или, как теперь его называют, Институт Народного Хозяйства, <превращен> в факультетное учебное заведение. Чего там только нет! И экономика, и железно-

дорожное дело, и правовой факультет, и институт внешних сношений. На женских курсах, учреждении [маленьком], мало приспособленном для научных занятий, толкуют об основании института теоретических и практических знаний и т. д. Археологический институт преобразуется в учебное заведение с колоссальным количеством кафедр. А ученых сил, между тем, нет и их негде взять: кто только теперь не профессор! Был бы только язык да умение излагать свои мысли, а есть ли знания, ученость — это дело не важное!

Конечно, все это явления временные, переходные. Жизнь [выкует] что-то новое. Но пока явления печальные, что и говорить!

Несмотря на трудность нашей жизни, упадок образования и просвещения, на молодежь, которая подрастает, я смотрю с большой надеждой и интересом. Конечно, есть между молодежью и немало отрицательных типов и явлений, но в общем, поскольку я могу наблюдать, есть и много такого серьезного, самобытного, что заставляет смотреть в будущее с большой надеждой. Среди молодежи есть немало серьезно занимающих[ся], желающих и стремящихся обогатить себя занятиями, разобраться в них. Это приходится им делать самостоятельно, самоучкой нередко — дело, без сомнения, трудное. Но зато в этой трудной работе может скорей дисциплинироваться и выковаться мысль. Это дает почву моему оптимизму и заставляет бодро смотреть в будущее, даже очень ближайшее.

Есть уже новая молодежь и среди украинцев. Она вышла из новых украинских селянских гимназий. Это самобытная оригинальная селянская интеллигенция, во многом отличающаяся от прежних украинцев-народников. Она также является зародышем новой жизни.

Эх, Владимир Иванович, Владимир Иванович, всего не напишешь, всех мыслей не изложишь как следует, так бы о многом хотелось бы поговорить, и б[ыть] м[ожет], и поспорить с Вами.

Уже поздно. 2 ч[аса] ночи. Нужно кончать. Завтра возобновление деятельности исторического общества летописца Нестора, которое теперь, с уничтожением университета, присоединилось к Академии Наук и при ней будет продолжать свою деятельность¹⁹⁰. Вопрос об языке молчаливо решили так, как мы с Вами решали: кто на каком хочет, на том и делает доклады. Эта точка зрения теперь как-то все больше и больше [прививается] в жизни. Ей следует и Крымский, который часто подчеркивает ее. Надолго ли? Очень бы хотелось, чтобы у украинской интеллигенции создалось, наконец, убеждение, что не насильем, а только мирным строительством с русской культурой можно укрепить культуру украинскую и привлечь на ее сторону более или менее видных деятелей. М[ожет] б[ыть], я ошибаюсь, но мне кажется, что направление, о котором я пишу, уже приносит свои плоды: все больше и больше людей привлекает к своей работе Академию из тех, которые раньше становились к ней враждебно. Некоторые, как П.П. Смирнов¹⁹¹, уже работают в Академии и по поручению Академии.

Завтра зайду к Липскому, чтобы взять у него Ваш сюртук и переслать Вам. Успех будет зависеть от того, застану ли Липского?*

---

* Примітка М.П. Василенка: Сюртук и жилет получил и посылаю.

А хорошо у нас в Киеве, не среди людей, а среди природы! Как ни рубят деревья, как ни уничтожают их, каштаны и липы пышно раскинули свою листву и закрыли все те разрушения и ту грязь, какую причинили Киеву за последние годы разные пришлые элементы. На почве, где так быстро возрождается природа, не может замереть человеческая мысль и жизнь!

Будьте здоровы. Нат[алье] Егор[овне] и Нине Вл[адимировне] сердечный привет. Глубокоуважаемому Сергею Фед[оровичу] тоже.

Всею душою Ваш *Ник. Василенко*

Кажется, писал я Вам, что на Пасху скоропостижно умер Зилов. Что с его библиотекой, не знаю¹⁹². Вы, кажется, вели о ней с ним переговоры для Национ[альной] б[иблиоте]ки?

Нас очень беспокоит судьба киевской библиотеки и Центрального архива в связи с миром, заключенным Россией с Польшей, и обязательством возратить Польше все культурные ценности, вывезенные оттуда. Нигде мы основательно не ознакомились с тем, как решили этот вопрос. Так как Сергей Фед[орович] давал заключение, то, быть может, через Вас можно узнать истинное положение дел¹⁹³? Напишите.

Читал я, что Российская Академия подняла вопрос о покупке книг за границей? В каком положении это дело и нельзя ли Украинской Академии соединиться в этом деле с Российской? У нас поднят вопрос М.В. Птухой о командировании его за границу для покупки книг, но я что-то в осуществление этого последнего плана плохо верю. Вообще было бы хорошо, если бы Вы при всех подобных начинаниях Российской Академии вспоминали и про нас грешных, про Украинскую Академию. Вы оказали бы ей такую громадную поддержку. Я верю в ее существование и развитие, лишь бы только явилась возможность поставить ее на ноги, на научные рельсы. Вот тут-то помощь Ваша крайне необходима. Не забывайте, что мы провинциалы, и у нас поэтому мысль работает медленнее, всегда опаздываем и многого не знаем или оцениваем не так, как следует. Поэтому давайте инициативу [свою] и Вы.

С академиками у нас плохо по III отделу. Фед[ор] Вас[ильевич]¹⁹⁴ заграницей, других [приемов] нет. На место Богдана Ал[ександровича] мы наметили Н.И. Палиенко. Он соглашается, но не хочет переезжать до поры до времени в Киев. И, действительно, требовать немедленного переезда — варварство, но с другой стороны, набирать таких, которые не будут жить в Киеве, нецелесообразно по многим причинам, о которых мы в свое время немало с Вами говорили. В этом заколдованном круге мы и находимся теперь.

Медики наметили академиком Заболотного¹⁹⁵. Он изъявил свое согласие. Но вопрос о переезде остается невыясненным, и поэтому избрание тормозится до получения от него сведений. Вот, [подите] же, где оказалось препятствие! Никто и не подозревал его раньше. Заболотный выставлен в противовес Линдеману, кандидатура которого встречает большое противодействие, благодаря его характеру. Это, кажется, и Вас в свое время удерживало. А Линдеману, между тем, очень хочется попасть в Академию и он не раз уже заговаривал об этом со мной. И я думаю, он бы был очень полезен.

Пока еще Вы не оторвались от Киева, полагаю, наши житейские мелочи, о которых сообщаю, интересны для Вас.

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 233, арк. 23–27зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 127

17 червня 1921 р., Київ

17 июня 1921 г.
Киев, Тарасовская, 20

Дорогой Владимир Иванович!

Это уже третье письмо шлю я Вам с оказией после получения Вашего последнего письма ко мне через Лукьянова.

Посылаю Вам выписку из протокола Спільного Зібрання. Вы сами увидите условия слияния Наукового Товариства с Академией. Фактически дело сводится к упразднению Наукового Товариства. С моей точки зрения это большая ошибка. Общество имело уже издания, работало, хотя и плохо за последнее время, как и все учреждения. Вообще же я, как и Вы, кажется, считаю большой ошибкой сейчас ломать и уничтожать уже существующие украинские учреждения. Большинство членов Общества отнеслось к факту уничтожения его, безусловно, пассивно. Это я объясняю тем упадком мысли, самодеятельности, воли, который сейчас замечается в результате гражданской войны. «Безумное молчание», которым в смутное время дьяк Тимофеев объяснял разруху¹⁹⁶, царит всюду и у нас. С людьми многое можно проделывать, и люди идут, повинуются как бараны, мало отдавая себе отчета в том, что делают. Небольшая только группа противников Академии подняла свой голос против уничтожения О[бществ]а и, я писал Вам уже, доводы их были вески. В кружке Ал[ександра] С[ергеевича] Грушевского объясняют факт уничтожения О[бществ]а политикой А.Е. К[рымск]ого. На случай возвращения М.С. Г[рушевск]ого в Киев уничтожают тот очаг, где он мог бы вести борьбу против Академии. Это соображение не лишено остроумия. Оно характерно для настроения в известных группах, насколько оно имеет реальную почву, трудно сказать. Но такая «восточная» политика возможна. Во всяком случае факт уничтожения О[бществ]а свершился. Я сожалею об этом. Академия получила большое имущество. Так как большинство сотрудников О[бществ]а и так работает в Академии, то остальные антиакадемисты потонут или уже потонули в общей массе. Два же, Данилевич и Веселовский (экономист) и совсем ушли.

Первая гимназия перешла в фактическое ведение Академии¹⁹⁷. Раньше там помещался Наробраз. Гимназия разрушена вконец. Все вывезено. Уничтожен физич[еский] кабинет, кабинет природы, даже увезли церковь куда-то в далекую деревню Сквирского уезда. Есть люди, которые этому радовались: разрушено «гнездо черносотенства» — пример того, как еще загрязнено наше самосоз-

нание, которое до сих пор не может отделить культурных ценностей само по себе от того соуса, в котором их преподносят, и вместо того, чтобы выплеснуть соус (который уже и выплеснут), готовы уничтожить самые ценности.

Первая гимназия отдана Национальной Библиотеке и почти исключительно II отделению. Первая помещена в нижнем этаже и актовом зале. Академики II отделения хотя расселись уже предварительно, но все еще продолжают ссориться из-за места: делать нечего, а каждому хочется побольше места захватить. Вот будем их мирить.

Национальная Библиотека обогащается не по дням, а по часам. Спасаемые от разгрома библиотеки свозятся в нее. Вчера прибыла колоссальная библиотека Браницких из Белой Церкви. Теперь ждем прибытия библиотеки из Немирова. К сожалению, разбор библиотек идет такими черепашьими шагами, что трудно себе и представить. На мой взгляд, все дело тормозит принятая десятичная система каталогизации с разделением систематическим на отделы. Работа по каталогизации (в связи с [отъездом] работников) принимает прямо-таки катастрофический характер по своей медленности. Я уже писал Вам, что пока стою от библиотеки далеко и знаю только то, что доходит до правления или что скажет мне А.Е. К[рымск]ий. Могу только сказать то, что я уже писал Вам: в Киев свезены колоссальные книжные ценности. Киев действительно может делаться со временем научным центром.

Зато с архивами дело из рук вон плохо. Вообще наши с Вами учреждения живут и завоевывают почву. Теперь уже не один раз мне приходилось слышать: «Чого Ви того або іншого не утворили?» — «А чого ж Ви мішали, перешкоджали?» — приходится отвечать на это.

Я уже писал Вам, как трудно у нас, в Киеве, работать. Потуг к работе много, но она обрывается скоро. Присматриваюсь я ко II отделению и вижу, что оно бессильно: нет ни приспособлений, ни кабинетов, ни лабораторий. Когда все это может наладиться? До недавнего времени я был противником пополнения штата Академии киевскими профессорами, чтобы не делать Академию отхожим промыслом для киевских профессоров. Теперь я отступил от такого взгляда. Для Академии и в Академии могут работать при данных условиях только профессора, имеющие университетские кабинеты и лаборатории. Сейчас дело обстоит так. Реформаторы обратили университет в учительский институт. Научные кабинеты и лаборатории не нужны. Поэтому они, оставаясь на месте, могут быть использованы для Академии. А это возможно, если их директора будут связаны с Академией.

Другой трудный вопрос в жизни Академии — это переезд профессоров из другого города. На кафедру госуд[арственного] права в Академии мы намечаем харьков[ского] проф[ессора] Н.И. Палиенко. Получили от него принципиальное согласие, но он сейчас не может двинуться с места. Мы же не можем согласиться, чтобы штатный академик не жил в Киеве. Академия при таких условиях потеряла бы смысл, как учреждение. И вот дело стоит на точке замерзания. А между тем положение III отдела прямо-таки отчаянное. Ф.В. Тарановский неизвестно когда приедет. Воблѣй¹⁹⁸ в отсутствии. Ждем его, но когда? О.И. Левицкий — развалина в буквальном смысле этого слова. Остаемся я,

Орженский и Птуха. Последний слишком занят своею работою для того, чтобы мог всей душой отдаваться строительству Академии. Что касается Р.М. Орженского, то глубоко уважая его как человека и ученого, я должен согласиться, что он индивидуалист большой руки и организатор плохой: все он бы закрывал да уничтожал. К тому же, мне кажется, у него не установилось связи и не установится с Академией. Он есть и будет ей чужой, как и наоборот. При таких условиях просто не знаешь, что делать, как быть?

Вы не думайте только, что я прихожу в отчаяние. Я просто рисую Вам трудности. Но выход нужно искать, работать нужно и вот бьемся лбом об стену, авось где-нибудь и в дверь попадешь. Конечно, все зависит от общих условий нашей жизни. Они тяжелы, но хочется, чтобы видна была борьба с ними, желание их преодолеть, а не подчиниться им.

Моя личная работа идет вяло. День разбивается на такие кусочки, что получается какая-то амальгама. К разного рода занятиям у меня прибавился огород, которому я посвящаю, поневоле, достаточно времени. Правда, это дает отдых от умственной работы, но зато так иногда утомляет физически, что хочется скорей полежать, чем сидеть за письменным столом.

Мы переживаем здесь большую разруху и продовольственный кризис. Цены растут. Выхода нет. Засуха продолжается. Дождей нет; все сохнет. Голод неминуем. Такие же известия поступают с юга, из Донецкого бассейна, Кубани. Кажется, самый продовольственный район охвачен засухой и поля выжжены. Как будто повторяются события Смутного времени.

У нас много всевозможных слухов, постоянно чередующихся. Но так как *der Wunsch ist der Vater des Gedankes*^{*}, то слухи эти более интересны для общественной психологии, чем для проверки действительных фактов.

Из последних событий у нас здесь следует отметить украинский духовный собор¹⁹⁹, который ставит вопрос решительный. Кто виноват, трудно сказать, но я немалую долю вины отвожу на долю киевских епископов, которые не понимают ни времени, ни духа времени и вместо того, чтобы идти на компромисс и примирение, принимают резкие меры и доводят до личного озлобления. Последнее, во всяком случае, скверно, не исключая и церкви. Я не буду защищать представителей и украинской церкви, которые в значительной степени искусственно стараются создать раздвоение, но с того больше спрашивается, кто имеет больше силы. А таким является епископ. Не пишу Вам об этом подробно, ибо часу немає, да Вам може часу не буде і читати.

Сейчас раздался взрыв, взрывают сгоревший дом Грушевского, который начал было обрушиваться²⁰⁰. По этому поводу вспомнил, что от М.С. Грушевского получено в Академии письмо из Праги, в котором он пишет, что печатает француз[ский] перевод своей истории, написал историю культуры, соскучился по Киеву и охотно приехал бы, если бы знал, что приезд его желателен.

Скажу Вам прямо, многие украинцы считают, что приезд его нежелателен, так как внесет смуту. Как будет написано — не знаю. Я думаю, что М.С. сейчас

---

* Бажання — батько думки (*нім.*).

в Киев не приедет. С его стороны этот шаг был бы не очень разумным. Впрочем, за последнее время он глупостей наделал немало.

Нельзя ли сделать что-нибудь для В.С. Иконникова? Из Российской Академии он ничего не получает, так как живет в Киеве. 80-летний старик не может, конечно, сейчас поехать в Питер. Мы его избрали академиком, поддерживаем как-нибудь материально, но, конечно, этого мало. В.С. не может набирать на себя разных занятий, как это делаем мы, бегая по лекциям. Положение его материальное поэтому плохое. В.С. между тем продолжает работу над историографией²⁰¹. Неужели же нельзя ему дать особое поручение от Академии, чтобы он мог здесь в Киеве по счету Российской Академии получать материальную поддержку. Ведь просто даже странно, когда человек, всю жизнь живший наукой и работавший для нее, достигши 80 лет и продолжая работать, забыт совершенно учреждением, к составу которого принадлежит и забыт по чисто формальным соображениям. Помогите, если можете: поговорите с Серг[еем] Фед[оровичем], с Платоновым²⁰².

В.С. Иконников настолько забыт, что ему даже не высылают книг, которые выходят: ни изданий Академии, ни других изданий: «Дела и Дни», «Исторический Архив», «Записки Академии Материальной Культуры» и т. п. — все это он должен где-то выискивать в частных руках, чтобы знакомиться с тем, что выходит.

Нельзя ли также устроить регулярную высылку книг, вышедших с 1917 г. и входящих в библиотеку университета св. Владимира и в Академию? Подумайте. Помогите.

Забыл сообщить Вам новость. В виду уничтожения университета Историческое общество Нестора-Летописца присоединилось к Академии на автономных началах и продолжает свою деятельность по-русски и по старому уставу.

Комиссия для разбора древних актов слилась с Академической Археологической Комиссией. Во главе стал В.С. Иконников. Т[аким] о[бразом], вопрос, прежде казавшийся так трудным, разрешился вполне целесообразно и миролюбиво. Одно только плохо. Много изданий комиссии уничтожено за последнее время. В типографии Кульженко погибло 2 тома актов о копных судах, подготовленных М.Н. Ясинским к изданию²⁰³.

На днях в Киеве инженером И.В. Моргилевским²⁰⁴, производящим обмер св. Софии, открыты новые фрески снаружи храма. Фрески были заложены великокняжеской кладкой, значит, по мнению Моргилевского, вскоре после построения собора. Почему? Моргилевский полагает, что по образцу восточных храмов в храме Софии существовала колоннада, откуда мог быть ход в γυναικῶν (женское отделение). Колоннада была расписана фресками, но климатические условия наши повели к скорому разрушению фресковой живописи, а потому ее и закрыли. Насколько верно это предположение, покажут дальнейшие исследования. На днях приезжает в Киев харьковский профессор Ф.И. Шмидт²⁰⁵. Он избран академиком по кафедре истории искусств; ликвидирует уже свои дела в Харькове и окончательно переезжает в Киев. Ф.И. Шмидт стоит во главе Софийского комитета, учрежденного еще при гетмане Управлением мистецтва и национальной культуры для изучения Софийского собора. С приездом Шмидта

начнется работа по исследованию фресок. Теперь же они временно снова закрыты. Если предположение Моргилевского подтвердится, то должно будет измениться наше представление о первоначальном виде Софии.

Выбор президента Академии по моему предложению отложен до выяснения вопроса о преобразовании Академии. Пока о нем ни слуху, ни духу. В университетских городах (Харьков, Одесса) есть тяга основывать филиальные отделения Академии. Это, конечно, будет разрушение самой Академии как сильного украинского научного центра. К сожалению, люди как-то проектируют и творят в наше время без плана. Так, придет что-нибудь в голову, мысль покажется заманчивой, и сейчас стараются осуществить, не думая о том, чем и как она служит общему делу.

Получил известие о смерти Елиз[аветы] Петр[овны]²⁰⁶. Бедная! Мы ведь вместе проводили славное детство и юность, и так больно, больно мне было услышать весть об этой смерти, хотя она и не была для меня неожиданной.

Правда, что Нина Влад[имировна] станет медиком? Переход решительный от грамот боспорских до анатомии. (Кстати, на днях Академия купила для Национальной б[иблиоте]ки славянскую библиотеку Г.А. Ильинского²⁰⁷, очень ценную).

Привет сердечный Наталии Егоровне, Нине Влад[имировне] и Сергею Федоровичу.

Будьте здоровы. Крепко жму руку.

Всей душой Ваш *Ник. Василенко*

P.S. Сюртук я передал через Лукьянова. Получили? Не забудьте написать об этом, ибо у меня есть на этот счет маленькая тревога.

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 233, арк. 28–31зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 128

7 серпня 1921 р., Київ

Київ, Тарасовская, 20

7 августа 1921 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Грустно мне было, когда Барвинок не привез вестей от Вас. Я думал, что Вы захлопотались. Ваши письма разъяснили мне, да и из других источников я узнал, что Барвинок был больше занят устройством своих личных дел (перевез в Киев даже мебель), чем поручений Академии. Станные теперь бывают люди. Придется как-то исправлять его упущения и добыть те издания Палеонтологического Общества и Геологического Комитета, о которых Вы пишете. Л.А. Кулик²⁰⁸ быстротой напоминает Вас. Вчера приехал, сделал все дела, а сегодня уже уезжает. Благодаря этому, не все Ваши поручения можно выполнить. Говорят, Ваши вещи под недреманным оком В.И. Липского. А он как раз накануне

приезда Л.А. уехал в Бердичевский уезд к своей семье, которую он уже несколько лет не видел. Приедет Липский, вмиг Ваши вещи разыщем и пришлем Вам при первом же удобном случае. Тяга к сношениям с СПб и Москвой у нас, кажется, усиливается. Это дает основания надеяться, что случая ждать долго не придется. А может быть и у Вас будет?

Скорый отъезд Л. Кулика не дает мне возможность написать Вам обо всем. Буду преимущественно придерживаться Ваших писем и Ваших вопросов.

[Тот] развал власти, доходящий уж до геркулесовых пределов, чувствуется и замечается и здесь. Так как общественная мысль не останавливается ни на каком другом правительственном центре, то многие опасаются наступления анархии. Это вполне возможно. Справиться с голодом, конечно, нельзя. Надеяться на Украину, что она может прокормить голодающих — страшно. Половина Украины сама будет голодать. В некоторых местах сбор с десятины достигает 6 пуд[ов], а об Екатер[инославской] губ[ернии] говорят, что в некоторых местностях по 25 ф[унтов] с десятины (!) Вот уж месяца полтора у нас ни одного дождя: жара и сушь. Все вышло. Сохнут огороды, на которые интеллигенция положила столько труда, сохнут и яровые. Это только усилит продовольственный кризис. А последний должен будет повести и к большей дезорганизации власти. Власть же больше всего дезорганизуется, когда сознает свое бессилие и полную невозможность помочь делу. На всероссийский комитет помощи голодающим²⁰⁹ я смотрю при данных условиях, как на общественно-положительный факт, который может положить начало <объединению> разбросанных, запуганных общественных сил. У нас в Киеве родилась мысль об основании такого же всеукраинского комитета. Делегаты уже поехали в Харьков. Но вчера в [официозе] появилось известие, что уже будто бы основан такой комитет. На почве основания комитета появился полный разброд и конкуренция, а с[оциал]-д[емократы] обещались войти в комитет, так как не имели еще разрешения партии. Впечатление такое, что сумбур в умах продолжается и люди ничему не научились, да, вероятно, и не научатся. Меня стараются втянуть в эти комитеты, но значительная группа друзей не хочет пустить, чтобы я выступал на арену общественной деятельности, и мое настроение поэтому как маятник... На заседания я хожу, прислушиваюсь, что говорят другие, иногда и сам принимаю участие в разговорах. Дело пока еще не начиналось.

Главная моя работа теперь, конечно, в Академии. Сообщу Вам ошеломительную весть. Я избран Вашим преемником — президентом Академии. Из 15 голосов я получил 3 отрицательных и 12 положительных²¹⁰. Получил новый устав. Утвердят ли меня — не знаю. Новый устав прилагаю. Два пункта неудобных: это присутствие на совете представителей Наркомпроса и утверждение академиков Наркомпросом. В остальном решили жить по-старому, не ломать структуры Академии, не изменять отделов и учреждений и т. д. Будут изменены только органы управления: вероятно, будет новая канцелярия и 3 отделения по научным, хозяйственным и регистрационным <вопросам>. Академия делается чем-то вроде комиссариата науки на Украине. Поэтому регистрация всех обществ будет принадлежать ей. В ней же будет сосредоточена и вся научная отчетность по Украине. Завтра первое спильне зібрання по

поводу реформы. Была избрана под моим председательством особая комиссия для предварительного обсуждения вопроса о введении устава. Комиссия составила из 2-х представителей от виддилов и пришла к тем предположениям, о которых я писал выше.

Президия Академии будет состоять из меня как Президента, тов[арища] президента В.И. Липского и неперменного секретаря (теперь ученого секретаря) А.Е. Крымского. Фактически мы и должны провести реформу. Мы все думаем, что Академия будет жить по-старому, по старым традициям.

В прочность Академии я верю. В последнее время спільні зібрання носили [имитантний] характер, там участвовало 19 академиков. Кроме Орлова вернулся Воблый. Что касается В.А. Кистяковского, то деньги ему не перевели просто потому, что в тот момент операция эта была безнадежна. Он их все равно не получил бы. Сумма небольшая. Если бы он хотел вернуться в Киев и Академию, то, конечно, вернулся бы, как вернулись Воблый, В.И. Лучицкий, Караваев, Шапошников. Идет речь об Оппокове и Де-Метце²¹¹ и т. д. Вообще в Киев тяга большая, и Киев снова может мобилизовать силы и сделаться научным центром. От Вас хочет переезжать сюда В.Н. Перетц, из Казани Харлампович, из Минска Пичета (не академиком, но для работы в Академии)²¹². Веду переписку с В.А. Мякотиним²¹³, убеждаю его переехать и стать во главе комитета по изучению социальной и экономической истории Украины, главным образом, по изучению Румянцевской описи.

Я должен сказать, что у нас в Академии сейчас шовинистического духа нет. Конечно, отдельные выражения могут показаться такими, но, как Вы правильно указали, выбор и приезд отдельных лиц является свидетельством того, что у нас создается атмосфера научно-благоприятная. Должен Вам прямо сказать, что сейчас больше нетерпимости иногда проявляется со стороны некоторых русских, которые все никак не могут понять и примириться с украинской культурой. Я вполне допускаю возможность взрыва шовинизма и со стороны некоторых русских. Это будет жаль. Сейчас на Украине момент, я бы сказал, переходный. Благодаря тому, что разверстка производилась руками русских солдат, вражда к «кацапам» сильна. Углубится или сгладится эта вражда, будет зависеть от такта интеллигенции, между прочим, русской. Возьмет последняя боевой нетерпимый тон, добра из этого не выйдет, тем более, что сейчас, пожалуй, среди народностей, населяющих Россию, сочувствующих украинцам больше, чем русским с их задором. Признаться, я вообще очень боюсь эмигрантов: придут эти чужие люди, не пережившие на своей шкуре тот, все-таки громадный, сдвиг, который дала революция, и начнут снова «восстанавливать» по старым шаблонам: повредить много могут!

В последнее время серьезными кандидатами в Академию называются Д.К. Заболотный, Вол[одимир] Гнатюк и Н.И. Палиенко. Палиенко и хочется и не хочется переезжать в Киев и бросать Харьков. Заболотный раньше окончания своих работ в Питере переезжать в Киев, где нет лабораторий, не хочет. Вероятно, то же самое будет и с Гнатюком. Если удастся снестись с ним, то переезд в Киев сейчас для него, больного, будет связан, я думаю, с большими затруднениями. Кандидаты сильные, хорошие, да надежды мало, а тех, кто не будет жить в Киеве, мы выбирать не хотим.

Если у Вас печатать нельзя, то у нас и подавно. А какое это препятствие для упрочения положения нашей молодой Академии! Работа все-таки у нас делается, а показать ее мы не можем. Недоброжелатели же нашей Академии, конечно, могут указывать на то, что трудов не появляется, значит, ничего не делают.

Не знаю, почему Вы так решительно высказываетесь против отделения Национальной библиотеки из Академической? Я исхожу из такого соображения. Сейчас свезено в Киев удивительно большое число книжных ценностей. Всех их вместить Национ[альная] Биб[блиотека] не может. Много не только дублетов, но [экземпляров] и т. д. Куда их девать? Неужели продавать? Пусть создается новая библиотека, академическая. Представьте себе, если в будущем — пусть Академия будет выстроена в Китаеве или Голосееве (Вы сочувствовали этому!), а здание библиотеки будет построено на месте Анатомич[еского] театра, какое затруднение создастся для работающих в Академии? Вот тут-то существование своей академической библиотеки необходимо. Что касается университетской библиотеки, то это учебная библиотека. Именно же в наше время, когда привезено много книг в Киев, и следует организовывать все три библиотеки.

В частности, что касается Национальной библиотеки, то не знаю, писал ли я Вам: дело каталогизации подвигается крайне медленно, там все делается слишком по-ученому. Началось течение за упрощение системы каталогизации, не по брюссельскому десятичному порядку²¹⁴, а по тому, какой существует в универ[ситетской] библиотеке. Думаю, это течение одержит верх и библиотека начнет быстро переноситься из подвалов на полки. Теперь же книги без записей и счета лежат в коморах и никому не доступны. А какие там есть ценности!

Я уже несколько раз писал, как сильно чувствуется Ваше отсутствие, особенно на 2 отделении. Скажу Вам откровенно, что это единственное отделение, где есть борьба личная и нет того единства и дружности, какие замечаются в данный момент в I и III отделениях. Для 2 отделения нужен Ваш авторитет. Кашенко забаллотирован как голова отделения и заменен Тутковским. Не знаю, как будет вести себя Орлов, займет ли он самостоятельное положение. Но другие члены отделения какие-то безличности. Недавно, напр[имер], Тутковский предложил внештатным академиком Янату, и он на отделении прошел 4 голосами против 2. Скандал поднялся только в Спільному Зібранні и кандидатура снята. Любопытно, что отзыв о трудах Янаты давал Тутковский, а специалист Липский молчал и только возмущался за спиной. Словом, повторяю, нужно встряхнуть отделение, влить в него душу, общую мысль, а это может сделать такой только человек как Вы. Вот почему я повторяю в каждом письме, что у нас в Академии так заметно Ваше отсутствие, особенно при организации такого важного отделения как II-е.

От И.А. Малиновского я получил письмо и в четверг будем обсуждать его на заседании III відділа. Может быть, что-нибудь придумаем для него сделать²¹⁵.

Все Ваши письма носят на себе отпечаток какого-то пессимизма и безнадёжности. Я бы очень хотел, чтобы Вы съездили за границу и для той большой работы, над которой трудитесь Вы, и для того, чтобы «подышать свежим

воздухом». Но, думаю, Вы неправы, представляя наше положение таким уже безнадежным. Я уверен, что общественность проснется, и очень скоро, и вернется к своей работе. Конечно, впереди тяжелая зима, более тяжелая, чем прошедшая зима, и это Вы верно замечаете, но зато в эту зиму, по-видимому, должен начаться и просвет, так как из равнодушия общество может вывести только большое несчастье. Помните, у Толстого, равнодушную, апатичную, мертвую Наташу вывела к жизни смерть Пети²¹⁶. Это в высшей степени верный психологический факт. Так, думаю, будет и у нас в жизни. И как ни велико несчастье надвинулось на нас, я убежден, что оно и послужит для нас выходом к иной жизни, к иному будущему.

Нужно кончать. Отвечаю на вопросы:

1. Семья Волковых²¹⁷ год тому назад уехала в Звенигородский уезд и там учителем.

2. М.В. Кистяковская служит в Академии Наук, болеет, видимо, туберкулезом. Средств, конечно, не хватает. Младший сын тоже хворает. Сейчас они на даче. Средний сын Саша служит в Акад[емии] Наук при Зоологич[еском] кабинете. Очень доволен там его работой и внимательным отношением Холодный. Старший сын за границей. От него имели два письма. Его поддерживает Игорь Алекс[андрович], который проявляет по отношению к нему отеческое попечение.

Игорь Ал[ександрович] развелся с женой и женился на молоденькой дочери М.П. Чубинского²¹⁸.

О Кистяковском старшем сообщает и Франкфурт, который в Берлине, хорошо устроился и пишет, что они (Франкфурты) чувствуют себя хорошо. Человек этот, как я наблюдал его при поляках, хорошо приспосабливается к обстоятельствам. В Берлине ему тоже может быть хорошо.

Д.Н. Григорович-Барский в Берлине.

Добровольские²¹⁹ вернулись. Он профессором в Медакадемии. Крымом недовольны, а здесь недовольны украинцами. Я мало могу сообщить о Д[обровольском], так как никак мы не встретимся так, чтобы можно было порасспросить и потолковать.

Что касается устава Академии, то «анакронизм» я заметил, но теперь все равно перепечатать устава нельзя. В будущем же можно будет его исправить.

Все, о чем Вы пишете, мы примем во внимание и при первой же возможности постараюсь собрать и переслать Ваши вещи.

Если не нужен «Словарь», то я охотно его возьму себе. Спасибо Вам за него.

Пишу урывками, а потому отрывочно и нескладно. Кулику и Шибаеву²²⁰ все сказал, что мог.

Наталии Егоровне и Нине Владимировне шире привитанья.

Всей душой Ваш *Ник. Василенко*

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 129

4 вересня 1921 р., Київ

Київ, Тарасовская, 20
4 сентября 1921 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Через В.П. Шибаева не посылаю Вам ничего. У нас скоро будет оказия в Питер, и я разыщу и пришлю курс²²¹. О нем не беспокойтесь. Он цел. Со времени Вашего отъезда из Киева в жизни Академии ничего не случилось, что могло бы повлиять на судьбу курса. Нужно только его найти. Я был уверен, что его послали Вам. В.И. Липский, который мог мне помочь в отыскании курса, был в отсутствии. Ездил к отцу и семье, которых он много уже лет не видел.

Вот с вещами Вашими дело будет потрудней. Они тоже целы.

Сразу переправить их, конечно, нельзя. Можно переправлять при случае по частям. Напишите только инструкцию В.И. Липскому. Он ведь, знаете, человек упрямый.

Я Вам послал письмо через Кулика. С того времени нового у нас мало. Жизнь Академии идет по-старому, и мы живем по старому уставу, так как все берегают его²²². Он будет и надежным руководством для нашей академической жизни. Новшества будут использованы, поскольку это выгодно для Академии и может быть полезно для научной работы на Украине.

Для согласования нового устава со старым и для введения его в действие образована особая комиссия по 2 чел[овека] от відділа под моим председательством. (Устав я Вам послал раньше). Число відділов и их состав остается прежним. Таково решение комиссии, утвержденное уже Спільним Зібранням.

Кроме официального органа — Рада, которая избирает академиком и на которой присутствуют представители Наркомосвіти, учреждается расширенный президиум, который является прежним Спільним Зібранням без посторонних Академии элементов.

На Академию, как известно, возложена регистрация обществ научных и руководство их деятельностью. Тут будет применяться явочный порядок, а для тех, кто хочет иметь субсидию, разрешительный. Подробности сообщу Вам в другой раз. Регистрация будет производиться особой комиссией по одному академику или по 2 от отдела. Общества должны 2 раза в год доставлять Академии отчеты о своей деятельности.

Третий важный пункт — право Академии давать научные степени. Так как другие высшие учебные заведения лишились официально этого права, то Академия думает использовать свое право очень широко. Иначе Украина останется без [патентованных] ученых. Академическая комиссия пришла к заключению о производстве экзаменов и допущении к защите диссертаций в самой Академии. Кроме того, Академия оставляет за собой право поручать все это отдельным высшим учреждениям. Когда будет все сформулировано и представлено в

Спільне Зібрання, я Вам вышлю. Я думаю, в проекте комиссии есть немало поучительного.

В Киев мало-помалу возвращаются беженцы из ученого мира. Писал я, кажется, Вам, что приехали Шапошников, Слезкин²²³, Карваев. Дня четыре тому назад приехали Г.Г. Де-Метц, Оппоков и др. Киев снова становится маленьким научным центром. Быть может, оживится и согласованная работа естественников. Теперь как-то все идет врозь, соревнуются, и в этом соревновании, кажется, играют более личные причины. В Академии же, к сожалению, нет лица, которое могло бы всех и все объединить, как делали это Вы. А это жаль, так как II відділ в Академии, как я не раз писал Вам, не представляет той [стройности] и энергии, какая бы желательна была.

Кашенко выжили из Политехнич[еского] Института, лишили его даже квартиры. Против него поднято много обвинений в смешении личных и общественных интересов. Старику много пришлось пережить, но в то же время, нужно сказать, что сам он так мало имеет самолюбия и так мало разбирается в тех положениях, в которые попадает, что трудно себе и представить. Акклиматизационный Сад возвращен Политехникуму и теперь ютится в другом месте. Постоянного места еще не имеет опять-таки, на мой взгляд, вследствие, таким образом, инертного II отдела. Больше бы энергии и инициативы и сад бы был. А тут еще связи с Политехникумом и дальность расположения от квартиры директора немало мешали делу.

Голосеевский лес находится в неопределенном положении. Дело теперь осложняется тем, что там имеет место Советское Хозяйство, которое служит для содержания высших учреждений Киева. Делаем попытку оттянуть этот Совхоз для Академии. В виду трудности жизни и недостатка денежных знаков и продуктов рекомендуется теперь у нас брать советские хозяйства (совхозы), вести их и питаться их продуктами. На этой почве теперь снова возникает вопрос о Голосеевском лесе.

Каникулы, казалось бы, кончились, а занятия не начинаются, откладываются, так как студенты на полевых работах (якобы, конечно). Кончатся эти работы, начнутся холода, недостаток будет электрической энергии и т. п. Вот так и пойдет та обычная канитель, которая и в прошлом году убила всякие занятия в высших школах. Вы спросите: а какие у вас высшие школы? Я могу Вам сказать их названия, а какой строй их учебный и административный, пожалуй, мало кто скажет. Масса курсов читается самых разнообразных и самыми разнообразными людьми. Системы в этих курсах нет: каждый избирает их по своему выбору, так что студенту разобраться трудно в этом калейдоскопе.

Что касается строя учебных заведений, то, кажется, мы перешли самых реакционнейших министров старого времени: ректор по назначению. Если ему не верят, при нем назначают политического комиссара. Совета нет, факультетских советов тоже, а существуют какие-то суррогаты, сущности которых я не уловил. Говорят, скоро опять будет реформа. Последняя имеет место чуть ли не каждые две недели.

Общественной жизни в Киеве по-прежнему никакой, как и везде, должно быть. Известие об учреждении общ[ественного] комитета в Москве оживило

было инертное общество. Явилась мысль учредить Всеукраинский Комитет помощи голодающим. Но когда обратились к властям в Харьков, те согласились на все условия, готовы были признать положение всероссийского комитета и за всеукраинским, потребовали только включения двух условий: участие в борьбе с бандитизмом и в сборе продналога. Так как это деятельность политическая, то делегация эти условия отклонила. Комитет и не состоялся.

Слухи, по-прежнему, рождаются, живут несколько дней, как коротко живет мотылек, и исчезают. В последнее время много ходило слухов о возможности войны с Румынией. Повод к возникновению слухов подали массовые передвижения войск, как говорят официально, для каких-то маневров.

Предстоящая зима вызывает у многих большую тревогу и мрачные мысли. Дороговизна хоть и не так велика, как в других местах, но растет, а денег нет, их не платят: академики получили содержание за июнь, а профессора только за апрель. Что касается учителей, то им, кажется, не заплачено с начала года. Их судьбою вообще никто не интересуется. Люди живут продажей вещей, а так как такое состояние продолжается уже несколько лет, то и вещи приходят к концу, продавать нечего или вещи плохо уже покупают, так как на руках остались такие, которые не находят себе сбыта. Поэтому некоторые из интеллигенции считают себя прямо-таки обреченными на смерть в эту зиму и высказывают самые пессимистические, безотрадные и безнадежные мысли. Такое состояние убивает и волю и энергию. Воцаряется какое-то тупое равнодушие. Прибавьте к этому запуганность, боязнь всего, а главное, боязнь за себя, и вы начинаете теряться, стараясь в этом царстве полумертвых или мертвых найти выход к чему-то живому, светлому, идейному. Но было бы ошибкой рисовать все и всех одними мрачными красками. Я писал уже Вам о молодежи. Я замечал там ростки новой жизни, новых стремлений. Вообще процесс совершается сложный, болезненный, тяжелый, но он выведет нас на дорогу.

Многие мечтают о бегстве за границу, рисуя себе самые радужные перспективы и представляя жизнь уехавших туда самыми веселыми красками. Я не могу стать на их точку зрения. Мне думается, наоборот, что те, кто добровольно стремится уехать туда, ставят себя в еще более трудное положение. Жизнь эмигранта сама по себе ужасна, а затем она ведет к отчуждению от родины. Как ни тяжело то, что мы переживаем, но участвуя в процессе переживания, мы приспосабливаемся к условиям новой творимой жизни. Люди же, живущие за границей, будут чужды ей и вернуться домой чужими, не понимающими многое, враждебные тому, что складывается в глубине народной жизни. В этом будет трагизм тех, кто стремится за границу не для временных научных занятий там, а для жизни, лишь бы только избавиться от кошмарной жизни наших дней. Я много думал над этим и пришел к заключению, что долг граждан не бежать, а оставаться на месте и, борясь за жизнь, бороться и за все то, что считаешь здоровым, сильным, нужным в этой жизни. Конечно, борьба, может быть, будет и слаба, но она для создания новых условий жизни будет более полезна, чем пассивное пребывание за границей, в чуждой обстановке, в условиях, так непохожих и далеких от тех, в которых выковывается новая, какая-то своеобразная жизнь. Сущность ее не в тех уродливых формах, которые нам бросаются в глаза,

свидетелями которых мы являемся, а в тех переживаниях, тяжелых, м[ожет] б[ыть], мрачных, которые мы испытываем и которые должны в конце концов перестроить всю нашу психику. Мы уже сделались демократами не на словах, а на деле. Мы уже не боимся и не стыдимся «черной работы». Под влиянием невзгод наше общество из дряблого должно сделаться энергичным, если не хочет погибнуть. Необходимость заботиться о куске хлеба заставляет нас что-то измышлять, предпринимать. Тип студента, посещающего университет и работающего на огороде, в поле — это что-то новое. Я не говорю уже о том, что под влиянием жестокого режима все больше и больше люди сознают свое бесправие, значит, думают о своих правах. В учреждениях, как ни уродливы они, заметны также новые ростки. Деятельность народных судей, насколько я ее наблюдаю, начинает склоняться к тому, что они становятся нередко защитниками прав граждан, по образцу английских судей и т. д. Это факты, м[ожет] б[ыть], и мелкие, но такие, которые говорят, что создается какая-то новая жизнь, закладываются новые основы ее. Раз изменятся условия (а они изменятся очень скоро — в этом я убежден и жалею, что не могу развить перед Вами своих оснований) — на новых основах начинает строиться новая, не похожая на прежнюю, жизнь. Вот тогда люди, которые оставались здесь, окажутся в большей выгоде, чем те, кто живет сейчас спокойней по ту сторону кордона. Так мне все рисуется с точки зрения не сегодняшнего только дня и личных интересов, а в известной перспективе близкого будущего и с точки зрения интересов общественных.

Ну, нужно кончать. Пока выковывается новая жизнь, мы занимаемся огородами. Вчера я выкопал свою картошку, посаженную собственными руками, и накопал — подумать только — целых пять пудов. Сейчас идет уборка огородов — и все ими заняты: наука и рвение к ней ослабели, хотя общества, напр[имер], Нестора-летописца, где Ваш покорный слуга председатель, заседает по обычаю каждые две недели. Будем заседать и сегодня. Работают и другие организации. Я писал уже Вам, что при Академии основали так наз[ываемый] Софийский Комитет для исследования храма св. Софии в Киеве. Во главе его стоит акад[емик] Ф.И. Шмит, харьковский профессор, избранный в Академию академиком по кафедре истории искусств и переехавший сюда.

Ближайшие исследования св. Софии совершенно переворачивают наши сведения о ней. Я уже писал Вам как-то об открытии новых фресок снаружи. За последнее время произошли новые открытия, и Ф.И. Шмит позавчера сообщил мне, что они совершенно меняют наше представление о храме, как он выглядел при Ярославе Муд[ром]. Храм был расписан фресками и снаружи, и выглядел как писанка; к собору были пристроены две башни, правая четырехугольная, левая круглая и т. д. Ожидают интересных сообщений в этой области.

Пришел В.П. Шибаев. Едет на вокзал. Через него посылаю сердечный привет Наталье Егоровне и Нине Владимировне. Всего хорошего. Крепко жму руку.

Душевно преданный и любящий Вас *Ник. Василенко*

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 130

10 вересня 1921 р., Петроград

10.IX. [1]921,
Петроград

Дорогой Николай Прокофьевич,

Прежде всего хочу выразить Вам мою глубокую радость, что Вы выбраны Президентом Академии. Я думаю, что это как раз тот шаг, который может ее спасти и вывести на правильный путь. Чем больше я присматриваюсь к деятельности таких людей, как Тутковский, который, по-видимому, орудует на 2-м отделении, тем более иногда берет страх за будущее. Сейчас он украинский шовинист, а был во время русификации инспектором народных училищ на Украине! И одно его предложение в академики Янаты характерно — хотя и Чепурковского достаточно. Как Ч[епурковскому] не стыдно... По крайней мере стал ли он научно работать?

Здесь много мне выяснили разговоры со Срезневским (оч[ень] небольшой человек) и Орловым. Орлова я считаю самым крупным человеком теперь на 2-м Отделении, и с этим надо считаться. Тутковский, Липский, Граве — хорошие ученые, но Орлову — большая будущность. И мне кажется, надо иметь это в виду. У него огромная инициатива и, по-видимому, организаторские способности. Из разговора с ним здесь я вижу, какое тяжелое впечатление производит пресловутый пункт об особых условиях для печатания на русском языке²²⁴. Ведь этот пункт, введенный Директорией (т. е. с ведома и, м[ожет] б[ыть], и под диктовку Крымского — его эмоциональная форма борьбы) никогда не был принят Акад[емией], о чем я и Тимошенко занесли в протокол, и он уже не исполнялся во время большевиков — Ком[иссией] по изуч[ению] ест[ественных] пр[ои]зводительных сил Украины. Я считаю, что его исчезновение важно для будущего Академии. Он неприличен по своей мелочности. Надо или восстановить старый пункт — печатать на укр[аинском] и на том языке, на котором пожелает автор. Мое мнение Вы знаете — печатать на том языке, на котором сочтет нужным Академия с согласия автора. Но это трудно провести — у людей нет кругозора и нет достаточной веры в украинскую культуру. Посмотрите на этот пункт, учитывая то впечатление, какое он здесь производит, и то трудное положение, в какое его существование ставит друзей Академии.

Я писал во 2-ое Отделение о желании своем продолжать организацию Минералогии Украины. Ответа нет. Спросите «п[ана] Голову» — Отделения²²⁵ — в чем дело. Ох уж этот «п[ан] Голова» — совсем Гоголевский тип.

У меня был Конисский²²⁶, и я посылаю Вам его письмо. Я, как Вам писал, считаю — при современной конъюнктуре — самым правильным и наиболее имеющим шансы на успех — ходат[айство] Укр[аинской] Академии об Иоан[икии] Алекс[еевиче]²²⁷ — все равно, будете ли Вы его вытребовать как академика или как необходимого научного сотрудника. Здесь все пути, какие были в моем распоряжении, испробованы.

Спешу это письмо кончить, но хочу написать несколько еще, сколько успею. Настроение мое и всех здесь очень тяжелое — вследствие преступных и безумных проявлений террора здешней ЧК. Эти убийства не вызывают сейчас страха, но негодование. По-видимому, здесь перемешаны совершенно невинные люди с людьми, боровшимися с большевиками. Среди невинных такие как Н.И. Лазаревский, М.М. Тихвинский²²⁸. Смерть последнего мне лично очень тяжела — это был близкий мне человек, который собирался работать со мной (с жив[ым] вещ[еством] и гелием), организовывал мои лекции по геохимии. В полном расцвете сил, лучший русский специалист по химии нефти, стоял во главе особой лаборатории, б[ывший] главный химик Нобеля. Еще до моего отъезда на Мурман он был у меня и разговаривал о своих новых — очень крупных достижениях по химии красок. И все это сразу уничтожено. Ни в одной стране это не мыслимо. Мне сейчас все это напоминает миф о Полифеме, в пещере которого находятся русские ученые. А смерть Гумилева²²⁹!

Работа моя идет — медленно, но неуклонно, и мне удастся достигнуть многого. Сейчас много трачу времени в связи с заработком: печатаю свои статьи, минералогию, лекции по геохимии. Все это не закончено, но, с другой стороны, иначе жить нельзя. При первой благоприятной конъюнктуре буду хлопотать о заграничной командировке.

Печатанье у нас медленно, но идет. Что же касается лабораторной работы и получения новой иностранной литературы, то это все достается с величайшим трудом и реально выражается в очень скромных размерах. Больше ожидали улучшения или, вернее, результата наших огромнейших усилий и хлопот.

У меня были представители Полтавск[ого] Музея²³⁰. Достал им книги. От них узнал, что они совершенно отрезаны от Киева — киевских изданий совсем не знают. Неужели у Вас такая полная разруха почтовых отношений? В смысле почты здесь за последнее время улучшились заметно сношения с границей — начинаем думать, что есть почта, хотя и с перлюстрациями. Что за новая история с Груш[евским], о котором здесь пишут в газетах? Он возвращается?

В Полтаву надо бы послать издания Укр[аинской] Академии, или туда они действительно не доходят.

От Фр[анкфурта] я имел письмо из Берлина²³¹. Сын мой работает над Ви-зант[ийской] ист[орией], и я отчасти рад, что он сидит при лучших условиях²³².

Всего лучшего. Пишите при всякой оказии. Я так сильно чувствую свою связь и с Укр[аиной] и с Киевом.

О десятичной системе в Библ[иотеке] — я с Вами не согласен. Беда не в системе — а в неумных исполнителях. Система эта облегчает. Но Вы знаете пословицу о молящихся Богу: «заставь... и пр.». Посадили во главу «урядовца», и вышла чиновничья работа. Как ни плоха киевская университетская система — она, конечно, лучше такой десятичной самодельщины.

Ваш В.

При следующей оказии отвечу Бор[ису] Леон[идовичу]²³³. Сейчас не успею.

ЦДАМЛІМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 21–22зв. *Опубл.*: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 15–18.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 131

14 жовтня 1921 р., Київ

Київ, Тарасовская, 20
14/1 октября 1921 г.

Где Вы и что с Вами, дорогой Владимир Иванович? Сообщения с Питером так редки, что с августа, с той поры, как уехал В.П. Шибаев, мне не представлялось ни одной оказии к Вам. Так-то мы живем оторванными, разрозненными.

В окна уже стучится зима. Холодно у нас. Деревья почти все стоят голыми, дни большею частью серые, мрачные. Время от времени только проглянет солнышко и озолотит увядающую зелень и дымчатые дали. Все заняты мыслью о дровах, о запасах пропитания. Удивительно ловкое и приспособляющееся животное человек. Несмотря на полную разруху кругом, на эту зиму люди устраиваются лучше, удобнее, чем в прошлом году. Казалось, и продали все, и средств меньше, и дороговизна страшная, а вот подите же: зиму переживем более приспособленными к ней.

С объявлением свободной торговли²³⁴ Киев начинает принимать своеобразный вид: точно стремится ожить после пожара. Полупустые магазины, но их много, особенно на Крещатике: съестные припасы, подтяжки, галстуки, шляпы, куски мануфактуры и пр. Старых роскошных вывесок нет, все больше новые, маленькие, неуклюжие, и люди новые, преимущественно евреи. И товары какие-то подозрительные... Нарождается новый хищный, торговый люд. Да и немудрено. Мне рассказывали такой факт. На днях между ст[анциями] Трубецкой и Тетеревом (по Ковельской линии) произошло крушение поезда, вызванное партизанами, с множеством человеческих жертв. Партизаны ничего не взяли у пассажиров, но когда удалялись, велели всем лечь на землю и лежать 15 м[инут], пока они уйдут. Публика повиновалась, но когда прошло 15 минут — первое движение ее было броситься к вагонам и грабить у самих же себя. До какого хищничества нужно дойти, чтобы пережив страх крушения поезда и нахождения во власти неизвестных вооруженных людей, немедленно заняться грабежом своих же соседей по поезду! Да, хищнические инстинкты выросли, и они поведут нас к анархии. Последняя чувствуется уже теперь. Уже сейчас из Киева трудно ездить — грабят. Кто — неизвестно. Все называются партизанами (слово сделалось народным, как бандиты — официальным)²³⁵. Когда наступят холода, усилится голод — опасность нападений, несомненно, увеличится. Я, по крайней мере, наблюдая жизнь, жду их: будут нападать на села, дома в городах и грабить их.

Київ по-прежнему красив и зелени много, но разрушение идет быстро: решетки поломаны и, проходя мимо Николаевского сквера, я каждый день жду, что решетка повалится, так как висит на воздухе. Дома еще сохраняют прежний вид, но облупливаются и на них заметно начинает уже налагать руку разру-

шение. Много в Киеве сгорело хороших домов, так как в них помещались учреждения. Как только назначают ликвидацию или ревизию учреждения, смотришь, дом и горит...

Университет находится в печальном положении и внешнем, и внутреннем. Грязно. Неуютно. Библиотека полурасхищена. Масса книг не возвращена как профессорами, так и студентами, которые погибли или убежали. А тут новое горе: поговаривают об учреждении особой польско-украинской комиссии для возвращения культурных богатств Польше²³⁶. Сердце сжимается при мысли, что уйдут они из Киева. Правда, до сих пор мало ими пользовались, но впереди разворачиваешь иные перспективы, и горько становится. Университет по-прежнему превращен в педагогическое учебное заведение. Современные деятели боятся слова университет и всячески изгоняют это название. Недавно при В.И.Н.О. (Высший Институт Народного Образования) имени Драгоманова учрежден особый факультет Губпрофобра. Я не сумею Вам изложить сущность его: тут и математика, и история, и общественные науки. Циклы, циклы, циклы. Масса курсов, прослушать которые можно располагая целыми сутками, а не 3–4 часами. Много новых «профессоров». Вообще новый опыт, от которого еще дольше будет страдать молодое несчастное поколение наших дней. Я тоже состою профессором этого факультета по кафедре Польши и Литвы. Во главе учреждения стоит молодой человек Н.И. Лобода²³⁷, коммунист, недавно окончивший университет, а деканом одного из отделений А.П. Оглоблин, студент 2 курса, очень талантливый юноша²³⁸. Оба к просвещению люди благожелательные. Лекции еще не наладились, да я сомневаюсь, чтобы наладились зимой, хотя слушателей толчется много. Жажда знания громадная. Я, кажется, писал уже Вам, что в университете слышишь больше украинскую речь. Мне думается, что университет сам собою украинизируется, и когда он восстановится как университет, то, вероятно, чтение лекций на украинском языке будет в нем делом естественным. Так развивается жизнь и прокладывает себе главные пути.

Отсутствие денег больше всего отражается на положении учебного дела. Учительство серьезно поговаривало о забастовке. Обложили базары, добыли 600 миллионов этим путем и удовлетворили учителей. Теперь выкинут лозунг сокращения. Сокращают курсы, закрывают школы. Был проект ввести плату за правоучение — отклонено.

В других учебных заведениях, Коммерч[еском] Институте, Политехническом та же разруха, что и везде. Долго только писать об этом.

Вам интереснее, конечно, знать про Академию. Новый статут, копию которого я переслал Вам раньше, вводится в действие. Была избрана академическая комиссия, которая рассмотрела статут и развила некоторые его положения. Фактически жизнь Академии будет идти по-старому и в старых рамках. Медицинское отделение не будет отделено от II-го, а педагогическое отделение не будет основано, а будет в виде секции существовать при I отделении. Кстати, эта секция унаследована Академией от Наукового Т[овариств]ва. Важнейшими новшествами являются: 1) регистрация обществ и 2) дарование научных степеней. При Академии будет существовать особая регистрационная комиссия из представителей отделений Академии, которая и будет решать вопросы регистрации

обществ. Всякое общество обязано будет два раза в году представлять отчеты о своей деятельности в Академию. Раз общество не просит о субсидии и не претендует на звание академического, порядок регистрации явочный, если же испрашивается субсидия или высказывается желание носить название академического, то порядок разрешительный, причем внесено правило: если Академия в течение [некоторого] времени не откажет, то общество считается открытым. Правила я со временем отошлю Вам, теперь же сообщаю Вам в самых общих, а потому, м[ожет] б[ыть], и не вполне точных чертах. Что касается научных степеней, то на Украине право даровать их оставлено, по-видимому, только за Академией. Академическая комиссия решила сохранить две степени, сохранить магистерский экзамен, после которого <диссертация> может быть сразу представлена на докторскую степень и, если будет признана [годной], то аспирант получает сразу доктора. Экзамены производятся в Академии, для чего приглашаются специалисты-профессора. Но Академия может по желанию аспиранта поручить производство испытания и соответствующему высшему учебному заведению. Диссертация защищается публично.

Академия имеет свою Управу (Президия), так что Президент и Голова правления сливаются в одном лице, Непременный Секретарь под именем Ученого Секретаря делается фактически Секретарем Президии. Но мы хотим сохранить старый строй, приспособив его формально к требованиям нового устава.

Важное новшество последнего — это члены-корреспонденты. Идея их возникла в Харькове. Кажется, имелось в виду сначала основывать отделения (филии) Академии в Харькове, Одессе, т. е. фактически уничтожить единство Академии, т. е. саму Академию. От мысли этой отказались, но нашли выход в членах-корреспондентах.

Фактически, повторяю, жизнь Академии будет идти в старом русле. Условия для работы Академии, однако, печальны.

М[ожет] б[ыть], я очень требователен, но мне кажется, что среди громадного большинства академиков нет «захлопывания» идеей Академии, присутствует какое-то вялое, чисто формальное отношение. Нет того огня, который вносили Вы в организационную работу. Академики готовы работать, но дайте им все удобства. Борьба с трудными условиями жизни и работать редко кто хочет. Поэтому порой в тупик становишься: неужели так мало интересуется всех членов Академии сама идея Академии или же время наложило и здесь свою мертвящую руку и только со временем все изменится? Поживем, увидим.

Особенно много грусти навеивает на меня Ваше Второе Отделение. В отдельности некоторые из членов этого отделения работают (Б.И. Срезневский, Тутковский, Граве), но как-то нет у них широкого размаха в организационной работе. Особенно это нужно сказать про Тутковского. Он не только не организатор, но убивает всякую организацию и не терпит возле себя людей более или менее выдающихся. Наиболее организаторских стремлений в отделении обнаруживает Б.И. Срезневский, но он зато слишком мягок, чтобы играть роль в Академии. Зато среди членов второго отделения есть прямо-таки*, вроде поч-

---

* Далі одне слово нерозбірливе.

тенного В.И. Липского, или же люди, ни на что уже не способные, вроде Корчак-Чепурковского. На днях мы единогласно избрали академиком А.В. Фомина²³⁹. Это большая рабочая сила, но, к сожалению, не боевой человек, а во втором отделении нужно именно боевого человека. Отделение же во главе с Тутковским и при секретаре Липском, на мой взгляд, не способно проявлять инициативу. А между тем, второе отделение должно быть гвоздем Академии. Приехал Лучицкий В.И., приехал Г.Г. Де-Метц, Шапошников, Оппоков — хотят возобновить деятельность комиссии по изучению природных богатств, а Тутковский все ее не созывает, хотя я два раза уже напоминал об этом. Прислал Козлов²⁴⁰ [телеграмму], что он едет в Асканию. [Пожевали, пожевали] телеграмму. Не нашлось никого, кто бы поехал туда, даже не ответили. Фактически отказались от Аскании, на которую теперь претендует Сильскогосподарчий Комитет. Голосеев проворонили, и пока дело будет не у Фомина, а у Липского, Ботанического Сада Академия иметь не будет. Я пишу Вам не жалобу, а факты. Не лучше дело у нас на III отделении. Мы не можем найти даже академиков. Все соглашаются, но не хотят рискнуть переезжать. И ничего не поделаешь. Таково время, таковы условия. Трудно идет дело, не так, как хотелось бы. Избранный президентом, я теперь ближе стою к делам Академии, а потому и болею ими. По новому уставу Президия утверждается Наркомпросом. Меня, конечно, не утвердят.

Большое затруднение в деятельности Академии зависит и от недостатка средств. Долго было бы писать об этом. Жалованье запаздывает, пайков фактически не дают, на ремонты, устройство денег нет. И все-таки, несмотря на все эти неблагоприятные условия, Академия вырастает в согласие и ее существование представляет уже реальную ценность.

Отсутствие обеспеченности в Академии заставляет набирать лекции. Я имею 12 час[ов] лекций, сам убираю комнаты, сам варю завтраки, сам мою белье. Благодаря этому вечером ложишься в постель совершенно усталым. Но удивительно: я физически чувствую себя здоровее, чем чувствовал тогда, когда носил брюшко.

Я уже писал несколько раз, что общественной жизни в Киеве — никакой, научная же кой-как прозябает. Но печатать ничего нельзя: обещают одни, а другие вставляют палки в колеса при выполнении. В последнее время заметно оживление в религиозном отношении. Немало интеллигентов постриглось после окончания университета в священники. Не могу сказать Вам с уверенностью: признак ли это религиозности или же просто голода, а, м[ожет] б[ыть], и то и другое. Группа лиц, среди которых немало дам, устраивает духовные курсы. Они открываются в среду 19.X, и я с интересом буду следить за их успехом или неуспехом. Это будет, в некотором виде, барометр нашей общественности или скорее уклона ее в сторону пассивности. Проявлений активности в киевском обществе я не замечаю. Лица, приезжающие из Москвы, Саратова, говорят, что Киев напоминает им эти города два года тому назад, в 1919 г., такая же запуганность, пассивность, отсутствие инициативы.

То же мне пишет Яков Кондрат[ьевич] Имшенецкий из Полтавы. Он считает, что «история надолго». Сам он, бедный потерял сына-врача, умершего от

тифа, и находится в большом горе. В Ростове мы жили с ним в одном дворе. Разговаривая с ним, я часто вспоминал Ваши слова, что это человек с государственным умом. Як[ов] Кондр[атьевич] сообщил мне и о смерти в Миргороде дочери Павла Ник[олаевича]²⁴¹. Думаю, редко теперь найдется семья, у которой бы не было своего горя.

На днях я получил из Берлина «Архив русской революции»²⁴² и с большим, большим наслаждением прочел его. «Воспоминания» Набокова о Врем[енном] Правительстве²⁴³, м[ожет] б[ыть], слишком поверхностны, внешние, но написаны так интересно и блестяще, что читаются с неослабевающим интересом. Мне кажется, по характеристике отдельных членов правительства чрезвычайно честны и правдивы. В первый раз имел возможность познакомиться с конституцией Крамаржа²⁴⁴. О ней пусть в другой раз. Теперь же два слова о церковных делах на Украине.

Правда, они не имеют широкого значения сейчас и представляют интерес для небольшой сравнительно группы, но, при благоприятных условиях, могут разгореться, тем более, что большевики откровенно говорят: им на руку церковные раздоры. А раздоры зашли далеко. Мне кажется, тут виновны много киевские архиереи, которые отнеслись к делу формально и своим упорством довели дело до обострения. Патриарх стал на примирительную почву и назначил в Киев «Экзарха всех Украины» — митрополита Гродненского и Брестского Михаила Ермакова²⁴⁵, человека симпатичного, но мягкого и нерешительного. Такое он произвел впечатление на меня при свидании. Украинские церковники всё упорствуют. Им нужен свой архиерей, который бы взял на свои плечи борьбу за аутокефалию. Такого нет, и вот у некоторых более горячих есть проект посвятить епископов по апостольскому чину возложением руки всех присутствующих в храме (духовенства и мирян). Если это сбудется, получится схизма, а вместе с тем будет (мне кажется) и конец этому непримиримому течению. Оно не получит народного значения. Народ не станет на сторону схизмы.

Официальные круги в Харькове говорят, что едет М.С. Грушевский, который, вероятно, станет во главе Академии. Грушевский, говорят, стал на советскую платформу и значит на платформу русской федерации. Все недоумевают, и если факт свершится, ждут больших осложнений в украинских кругах. Я, признаться, не особенно доверяю известию о приезде Грушевского. Станным кажется мне уехать в голодную и рабскую страну из сытой и свободной. Он сейчас в Праге Чешской. Будьте здоровы, дорогой мой. Наталье Егоровне и Нине Вл[адимировне] привет.

Всей душой Ваш *Ник. Василенко*

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 132

22 жовтня 1921 р., Київ

Київ, Тарасовская, 20
22 октября 1921 г.

Дорогой Владимир Иванович!

П.П. Сушкина я не видел. Письмо Ваше и Сергея Федоровича, а также отношение Непременного Секретаря Академии попали в Академию Украинскую неведомым ни мне, ни Крымскому путем. Все будет сделано как хотите Вы и Сергей Фед[орович]. В понедельник, 24 октября, будет Спільне Зібрання и оно решит дело в благоприятном смысле, так что до наступающих постоянных холодов еще успеете получить коллекции²⁴⁶.

Очень, очень рад, если Вы подошли уже к «новому и большому» в Вашей работе. Я прочел это в Вашем письме с некоторым волнением. Скорей бы только смогли опубликовать.

Относительно Ваших личных поручений (относительно Минералогии Украины и отбора сотрудника и относительно отнятия у Вас работы [бес-срочной]) я с этой оказией ничего не пишу. Получил Ваше письмо²⁴⁷ всего три дня назад и ничего еще не сделал. Разузнаю ясно и постараюсь продвинуть его. Ох уж этот мне II отдел, в особенности, Тутковский! Я написал Вам в прошлую оказию целую жалобу на них. С отъездом Вашим нет там самостоятельного и энергичного человека. Тутковского я никак не могу подвинуть, чтобы он созвал комиссию по изучению природных богатств. Сегодня мы с ним снова должны были говорить по этому поводу, и я думаю, не без его инспирации, появилось в «Вістях» местная статья, в которой говорится, что теперь не время выучивать, а потому Комитет для выучування природных богатств и не собирается. Теперь время пускать в ход производительные силы, поэтому основывается новый комитет производительных сил и т. п. белиберда. Статья подписывается О.Т. (сын?). Я уже писал Вам, что Т[утковск]ий не терпит возле себя мало-мальски выдающееся. Это общее мнение. В справедливости его я убедился. Поэтому боюсь, что он может тормозить и Ваше дело, пока Вы лично не приедете. Ну, да посмотрим. Не буду забегать вперед. Повторяю, постараюсь все сделать, разузнавши дело. Вашу Минералогию с дополнением²⁴⁸ я нашел и передам через Б.И. Срезневского. Ища ее, я натолкнулся и на Ваш архив (в Спільном Зібранні). Какое богатство! Вся история Академии и Комиссии о высшей школе там!

Получили ли Вы новый статут Академии, который я переслал Вам? Носятся слухи о приезде М.С. Грушевского. Об этом говорят даже официозно. В украинских кругах к приезду его относятся неодобрительно. Думаю, приезд внесет много осложнений в отношениях. Не знаю, как он поведет себя по отношению к Академии. М[ожет] б[ыть], он утихомирится, а может быть, ломать станет. Теперь, конечно, он не будет проводить шовинистическую точку зрения, так как

такая линия не находит одобрения в правительственных сферах. Слышал я, что Грушевский написал какую-то статью: Варшава или Москва? Содержания ее²⁴⁹ не знаю, но, вероятно, он высказался за ориентацию на Москву, если сюда едет. Говорят, он уже в Берлине и поедет через Эстонию, чтобы миновать Польшу, т[а]к к[а]к поляков он побаивается. Это тоже доказательство его новой, московской, ориентации. Словом, удивительная пестрота ориентаций: какой же верить?

Получил я как-то письмо от Малиновского И.А. Ссылаясь на Ваш совет, он написал мне и просил, чтобы Академия хлопотала о возвращении его к научной работе. Все мы сделали. Спільне Зібрання по докладу III відділа постановило просить о возвращении И.А. к научной работе и об отпуске его в Киев. На нашем представлении Народный Комиссар Освиты на Украине Гринько присоединил свою просьбу к Луначарскому²⁵⁰, чтобы была удовлетворена просьба Академии. Будем ожидать. И.А. я еще не собрался написать, хотя уже недели две, как последовала резолюция Гринько.

Посылаю Вам брошюру Шарлеманя об Аскания Нова²⁵¹. Наш відділ, конечно, проворонил ее. Я теперь думаю взяться за Ботанический Сад, хочу раскачать ботаников. Удастся ли — посмотрим.

Хотя Вы религиозными делами не интересуетесь, но в прошлом письме я все же заговорил об украинском церковном соборе, который в последнюю неделю заседал в Киеве²⁵². Примирения с епископатом не состоялось. Так как украинцы не могли добиться, чтобы посвятили им избранных собором епископов из женатых священников, то решили поступить так. Двух лиц завтра посвятят сами без епископов, возложением на них руки митрополита Макария, мощи которого лежат в Софийском соборе²⁵³. Выходит что-то несуразное. Все рассказывают об этом как о курьезе, с усмешкой. Думаю, путь, на который стал собор, погубит все его дело. Народ такого посвящения женатых епископов не примет. Уже и собор раскололся. Часть его, преимущественно полтавские священники, уехали с собора. Словом, и тут, и в церковных делах практически повторилось то же, что было и со строительством державы на Украине: довели до абсурда и политики. Нет, не наша революция и не наши современники разрешат эти вопросы. Разрешит их та нарождающаяся новая интеллигенция украинская, о которой я писал уже Вам не раз.

Эх, Владимир Иванович, как бы хорошо было, если бы Вы приехали в Киев хоть проведать нас. С будущей недели Академия начинает издавать свои «Вісті»²⁵⁴. Это что-то вроде бюллетеня наподобие «Науки и ее работников». За Академией забронировано 2 (два) печатных листа ежемесячно. Подумайте, как много! Отсюда уже можете судить, как у нас обстоит дело с печатаньем. А без печати о нас никто не знает и не узнает. Получить же типографию все никак не удастся. Киев ведь теперь провинциальный город, а не столица. Поэтому местные власти не всегда готовы исполнять благие пожелания и распоряжения харьковских властей.

Очень рад был услышать, что Нина Вл[адимировна], по-прежнему, любит Киев и мечтает о нем. Для меня как киевского патриота это чрезвычайно дорого.

Будьте здоровы. Наталье Егор[овне] и Нине Влад[имировне] мой привет, Сергею Фед[оровичу] тоже. Ему, впрочем, пишу отдельно и разборчивей, конечно, чем Вам.

Крепко жму руку. Всей душой Ваш *Ник. Василенко* «Вісті», конечно, будут высылаться Вам, Сергею Фед[оровичу] и Академии.

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 233, арк. 43–46зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 133

24 грудня 1921 р., Київ

Київ, Тарасовская, 20
24 декабря 1921 г.

Дорогой Владимир Иванович.

Я так привык с каждой оказией получать от Вас письма, что возвращение Морозова²⁵⁵ с пустыми руками меня очень огорчило. Но дня через два я получил по почте Ваше очень интересное письмо²⁵⁶.

То, что Вы отходите от старого дела и старых интересов (минералогии), как-то грустно. Но то, что Вы становитесь во главе Радиевого Института²⁵⁷, будет, конечно, всеми приветствуемо, кто хочет быстрого развития русской науки. Зная Ваш интерес научный, Вашу энергию, думаю, трудно найти другое лицо, более подходящее, чем Вы, для этого нового дела. Одного боюсь я только — той бестолочи, которая нас окружает, той болтовни, которая последует вместо дела. Боюсь, что Вам придется много потратить сил на то, что пообещают, а не сделают и не могут сделать, как это теперь сплошь и рядом бывает. Широкие жюль-верновские перспективы и полное бессилие приступить к делу, благодаря отсутствию средств и возможностей — такова характерная особенность нашего времени. Боюсь, что с нею Вы встретитесь в качестве директора Радиевого Института и бесплодно потратите много сил, которые употребили бы на другую научную продуктивную работу. Дай Бог, чтобы я ошибался. Но общее состояние жизни, которое я наблюдаю при данных условиях, не дает розовых перспектив для серьезной планомерной работы. Я не хочу этим сказать, что не нужно работать, не нужно бороться за дело — наоборот, нужно. Я хочу только отметить ту трудность, которая стоит у Вас на пути.

Так наз[ываемого] «восстановления жизни» я еще не вижу. Нет продуктивности, не сберегается капитал, а разрушается по-прежнему. Это меня не пугает, а огорчает. Конечно, жизнь восстанавливается, накопление производительных сил тоже, но процесс, видимо, действительно, будет длинный, если он пойдет сам собой. Положительную сторону пережитого года следует видеть в пробуждении у интеллигенции и научных деятелей сознания необходимости работать при всяких условиях, как бы они тяжелы ни были. Я не сомневаюсь, что в 1922 г. это сознание спустится и пониже. А это должно повести и к

перемене обывательского взгляда на государство, как исключительного работодателя. Перемена же взгляда может отразиться и на психологии масс.

Однако, у меня мало времени. Сегодня я должен передать письмо Ив[ану] Ив[ановичу] Соколову²⁵⁸.

Начну с Академии. Мое такое впечатление, что М.И. Безмертную хотят из Академии выжить. Резко о ней отзывается Плотников, подобострастно ему поддакивает Крымский. Такое впечатление я вынес вчера. Проверю и напишу Вам. От Липского толку никогда не добьешься, и вообще это какой-то странный человек: все молчит, от всего уклоняется, мнения своего не имеет. Что касается коллекции Сушкина, то я, кажется, писал Вам. Спільне Зібрання признало, что Украинская Академия Наук к этим коллекциям никакого отношения не имеет и просит комиссара освіти выдать эти коллекции Сушкину или Российской Академии Наук (точно не скажу, забыл). Т[аким] о[бразом] дело тогда же, как Вы писали в первый раз, решено было вполне благоприятно. Если задержка происходит, то в Харькове, потому что заключение Академии туда сообщено.

У нас в Академии новость: назначен политический комиссар. Это местный учитель, ботаник Левицкий²⁵⁹. При первом своем появлении он произвел благоприятное впечатление. Перед Академиею стоит вопрос о сокращениях. Особая комиссия Академии над этим работала, а теперь еще назначена специальная комиссия из Харькова. В нее вошел от Академии Крымский, а остальные местные коммунисты. Что из всего этого выйдет — не знаю. Не исключена возможность и ломки Академии. Теперь же пока Академия как будто в чести.

Вы пишете об университетской реформе у Вас, которая раздражает всех. У нас университеты давно уничтожены и само название университета изгнано. Фактически у нас высшего образования не существует, «профессорами» делают кого угодно. Предметов, отдельных курсов — видимо-невидимо, а цельности нет. Любопытно, что среди слушателей поднимаются голоса протеста против такого положения дел и против новых, неизвестных в науке профессоров. Правда, протесты робкие, но важно, что они есть.

Тут может явиться у нас недоразумение. Вы, я знаю, поклонник множества курсов, поклонник их и я, но дефект современных чтений и высшей школы тот, что нет объединяющего центра из научных дисциплин, которые бы могли возле себя объединить и множество других курсов. Все носит более или менее случайный характер. В результате в высшей школе царит хаос и неразбериха.

Что касается среднего образования, то оно разрушено вконец. Средств нет, книг нет, нет топлива. Среднее образование, по моему мнению, может быть восстановлено только путем частной инициативы, путем частных школ. Для государства оно не по силам сейчас. Такое восстановление отчасти уже и идет. У нас еще существует целый ряд частных школ под разными соусами (официально они запрещены) и школы эти действуют более или менее регулярно.

Издательское дело у нас из рук вон плохо. Киев в этом отношении поставлен в худшее положение, чем все другие города.

Бумага сейчас у нас 800 тыс. <руб.> стопа. Подумать только, какая должна быть стоимость книги в 20–25 печ[атных] листов. Высчитывают, что до 400 тыс. <руб.> Разве при таких условиях мыслимо издательство. Политика, часто

меняющаяся, также мешает издательству, а также соперничество центра (Харькова) и Киева. Благодаря этому последнему Академия не может получить лаврской типографии. Лавра просит, чтобы мы взяли, Харьков делает рапорыжение в этом смысле, а в Киеве типографию не дают.

По новому уставу Академии последняя должна издавать бюллетень, что-то вроде петербургской «Наука и ее работники». Мы решили издавать поэтому «Вісті Академії Наук». Первый номер уже отпечатан, готов, нужно только выпустить. Новое течение в политике — нужно зарегистрировать издательство, и вот вторую неделю регистрируют. И так все!

В Киеве сейчас какое-то страшное явление: неизмеримо быстрое и высокое поднятие цен. Хлеб с 2500 руб. за фунт за несколько дней поднялся до 4800 руб. и соответственно этому поднялись высоко продукты. Картофель доходит до 90 тыс. <руб.> пуд. Чем объяснить? Повышение цены в ноябре-декабре я предсказывал на основании сведений о хлебных запасах, но не такое резкое. Нужно думать, что цены будут расти и зима будет трудная.

Если у Вас плохо обеспечены ученые, то что же говорить про наших? Ставки у нас старые, а не новые. Миллионные ставки до нас еще не дошли. Жалованье академики не получают с июля, а в других высших учеб[ных] заведениях и того хуже. Академии хоть выдали паек за ноябрь, а в других учебных заведениях медлят: нет продуктов. Кажется, писал я Вам, что на этой почве была попытка провести забастовку. Она было началась, но скоро кончилась по разным причинам. С 15 дек[абря] занятия в высших учеб[ных] заведениях прекратились в некоторых до 1 марта: холодно, дров нет.

Воровство, взяточничество и у нас сильно развито. Горе в том, что под склады позанимали в Киеве большие хорошие дома. Склады эти часто горят, а с ними уничтожаются и дома. Как только назначат ревизию склада, смотри он и горит. Сначала в этом обвиняли «белогвардейцев», а теперь уже обвиняют настоящих виновников — служащих складов. Таких пожаров немало уже было в Киеве.

Два последних месяца у нас стояла очень холодная погода. Морозы доходили до 20° Re²⁶⁰. Сейчас оттепель. Но Срезневский предсказывает снова скорое возвращение морозов.

Второй отдел Академии деятельно пополняется академиками. Избран, кроме Фомина, Вотчал²⁶¹. Т[аким] о[бразом], мы имеем три ботаника! На очереди стоит избрание Крылова, проф[ессора] Таврич[еского] ун[иверсите]та по кафедре теоретической физики²⁶². Затем, вероятно, будет избран Косоногов²⁶³, который в академических комиссиях проявляет большую активность. Думаю, он будет в Академии полезен. Жаль только, что академиками делаются все киевляне. Из других городов никто не хочет переезжать, боятся.

На днях отпраздновали 40-летний юбилей деятельности Тутковского. Вышло раздуто, конечно, но очень мило.

Спільне Зібрання по моему предложению постановило выразить глубокую благодарность Российской Академии Наук и всем учреждениям за присылку книг. Официально благодарность, вероятно, уже послана, и на будущее время я буду следить за тем, чтобы это делалось своевременно.

Прилагаемое письмецо передайте С.Ф. Ольденбургу. Это официальная благодарность Академии за снабжение им лично книгами. Кроме того, лично Сергею Фед[оровичу] я уже выражал и еще выражаю самую глубокую благодарность за книги.

Должен кончать. На праздники напишу Вам обстоятельнее и «порассуждаю» кое о чем. Всего, всего хорошего. Всем Вашим и Сергею Фед[оровичу] мой самый искренний привет.

Всей душой Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 233, арк. 47–50.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 134

7 січня 1922 р., Київ

Київ

Тарасовская, 20

7 января (25 декабря) 1922 г.

С новым годом поздравляю всех вас, дорогой Владимир Иванович!

Все пожелания в новом году сводятся к одному, к скорейшему восстановлению нормальной жизни, отсутствие которой отражается на всем. От Бориса Леонидовича²⁶⁴ Вы, конечно, узнаете многое, а главное, как мы живем в Киеве. Жизнь необыкновенно мертвенна. Иногда бывает какой-то мираж в этом отношении. Он быстро рассеивается. От Бор[иса] Леон[идовича] Вы получите большие сведения и о высшей школе, ее составе, преподавателях и пр., т. е. то, о чем я все мечтал написать Вам обстоятельно, да не успевал. Бор[ис] Леон[идович] близко ко всему этому стоит теперь, гораздо ближе, чем я, а потому он больше и обстоятельней даст Вам информации.

Київ переживає сейчас бешеное поднятие цен. Почему? Все теряются в догадках. Одни склонны это объяснять новым счетом на другую валюту (4 р.[уб.] 50 к.[оп.] = 45 тыс. знаков)²⁶⁵. Но это объяснение я не нахожу правильным. У нас еще такого счета официально нет; деревне он неизвестен; старые знаки принимаются так же беспрепятственно, как прежде. Значит, причина не в этом. Общее обесценение денег? Конечно, эта причина играет большую роль. Но мне кажется все же, суть не в этом, а в общем уменьшении продуктов. Мне думалось еще летом, что такое явление мы почувствуем в ноябре. Наступит рост цен, почувствуется голод. Так и случилось теперь. Официальные газеты пишут про недобор продналога. Думают власти взывать этот недобор. В экономическом отношении такая мера будет губительной. Как за последние 2–3 недели выросли цены, можете судить по хлебу: с 1500 руб. до 12 тыс. Этот экономический кризис отражается на всей государственной машине, которая благодаря этому начинает работать плохо во всех своих частях. Это общее мнение. И если экономический кризис будет расти, то положение государственного строительства будет, несом-

ненно, ухудшаться и к весне мы можем зайти в такой тупик, из которого, пожалуй, и выхода не будет. Нельзя забывать и того, что наступил январь, время метелей у нас на юге. А одна хорошая метель может на несколько дней приостановить движение, и распределение хлеба будет нарушено. А это может отразиться и на армии, и на рабочем классе. Теперь они снабжаются удовлетворительно, а потому и спокойны. Но раз нарушено будет снабжение, могут возникнуть затруднения. Вот почему приходится задумываться над экономическими явлениями современной нам действительности. Возможность появления забастовок не исключена. У нас они вспыхивают время от времени на экономической почве, но в малом размере, в отдельных предприятиях. Правительственные органы могут их пока локализовать и устранить путем быстрого удовлетворения требований. Но нарастающий экономический кризис заставляет опасаться, что в будущем не всегда такое удовлетворение будет возможным. А тогда что?

На почве экономического кризиса есть основания опасаться анархическо-разбойных выступлений. Признаки их есть уже у нас в Киеве. Снятие по вечерам пальто с обывателей — явление заурядное. Обыкновенно количество таких случаев преувеличивается молвой, но так как несколько моих знакомых подверглись этой операции на людных улицах, то я убедился, что снятие пальто — явление бытовое. Обыватель поэтому с раннего вечера старается забиться в свою нору, а в 10 ч[асов] вечера на улицах вы встретите только отдельные фигуры. Нужно прибавить к этому, что когда нет лучин, на улицах у нас темно. Темно и в домах, так как вследствие недостатка топлива и изнашивания машин у нас недостаток и в электричестве и в воде. Дровами мы запаслись в этом году лучше, чем в прошлом. На дрова уничтожается за счет будущего строевой лес. Просто жаль смотреть, когда везут подобные дрова!

В Академию прибавлен еще новый академик на кафедру математической физики. Это таврический профессор Крылов. Интересно Ваше мнение о нем. Это кандидатура Граве. Поставлена затем кандидатура Косоногова, которая встречает оппозицию, кажется, со стороны Плотникова. У Косоногова было столкновение с Янатою в университете и вот этого «украинцы» (т. е. те, кто всякое выступление против отдельных лиц считает «национальным» явлением) простить не могут. А у Косоногова выступление было лично против Янаты и составленного им протокола! Думаю, однако, что Косоногов пройдет. Он теперь много работает.

Что касается Орлова, то он как-то многих против себя восстановил. У него много широких затей, но работы для Академии не видно. Тут им недовольны, потому что в Киев не является и как-то хочет себя точно обособить от Академии, требуя от нее только денег. В последнее время он внес в Спільне Зібрання заявление, чтобы в академических изданиях труды печатались только на том языке, который изберет сам автор, и чтобы переводы на другой язык (разумея, очевидно, украинский) делались только с согласия автора. Конечно, никто на это не пойдет. В Украинской Академии все труды прежде всего должны печататься на украинском языке, а затем уже на том, на каком пожелает автор. Конечно, в постановке Орлова вопрос провалится, но думаю, что будет

восстановлен старый, Вами выработанный § Устава²⁶⁶. Орлова это, конечно, не удовлетворит. Вообще я ожидаю скорого разрыва Орлова со 2 отделением и выхода его из Академии. Уже один раз так было — Орлов создал в Киеве дорогостоящее вычислительное бюро. Оно просуществовало без руководства несколько месяцев. Людям делать было нечего. 2-й отдел закрыл его. Орлов обиделся, грозил уйти из Академии. Мне удалось уладить эту историю. Теперь, я чувствую, не за горами другой конфликт, м[ожет] б[ыть], относительно языка, но скорей всего на почве отсутствия Орлова в Киеве.

В Академии теперь проводится сокращение штатов. Академики не будут тронуты. Количество их будет даже увеличено. Сокращение коснется, главным образом, «співробітників», которых действительно [сейчас] много, а дела нет. Сокращение находится в связи с общим сокращением штатов по всем учреждениям безмерно раздутой советской административно-бюрократической машины. В Академии [сокращает штаты] и неприятный корыстный расчет. Говорят, содержание на Академию будет отпускаться [огулом] — Академия сама уже будет устанавливать оклады. Естественно, чем меньше будет служащих, тем больше будут оклады. Пересмотр штатов был произведен сначала по инициативе самой Академии особой, ею избранной комиссией, без всякой задней мысли, а просто для упорядочения служащего персонала. Теперь же назначена особая комиссия из Харькова из 2 коммунистов и Крымского. Она должна произвести уже окончательное «сокращение».

Меня, как Президента, еще не утвердили в должности, хотя уже прошло полгода. Как Президент я чувствую себя бессильным вне Академии по основаниям, вполне Вам понятным. С Непременным Секретарем у нас отношения вполне корректные, никаких споров не бывает, но зато противопоставить ему свою политику относительно Академии я не могу, так как несмотря на сильную поддержку в Спільном Зібранні, вне Академии, [повыше] я бессилён. Крымский пользуется полным доверием правящих кругов, а я нет. Положение же мое, как неутвержденного еще Президента, еще более ослабляет мою позицию.

В прошлом письме я высказал опасение, что Безсмертную хотят выжить из Академии. Ее, действительно, Плотников выжил из лаборатории. Он убежден, что она ничего не знает. Но М.И. Безсмертной дали особое поручение согласно Вашему заявлению, поэтому все опасения мои не имеют под собой реальных оснований.

Читаете ли Вы «Архив русской революции», издаваемый в Берлине И.В. Гессеном? Я получил уже два первых тома. Третий разошелся и будет выслан мне по отпечатании вторым изданием. Записки Витте выкрадены из посылки²⁶⁷. По-моему, «Архив» очень интересное издание. Записки Краснова²⁶⁸ я прочитал с захватывающим интересом. Интересны также и записки Набокова. Если Вы Архива не читали, достаньте и прочтите.

Прочитал я также и воспоминания Н.П. Карабчевского²⁶⁹. Очень субъективны: везде я, я, я...

Положение ученых материальное у нас сейчас лучше, хотя далеко не всех. Но вообще условия жизни, особенно с моральной стороны, неважны: работать трудно, новых книг нет. Поэтому отъезд ученых из Киева продолжается. Уехал

заграницу Катков, уезжает на днях в Познань Якубанис (философ), собирается уезжать в Ригу проф[ессор] глазных болезней Руберт, в Финляндию А.И. Сонни²⁷⁰. Это еще более ослабляет научные кадры Киева. Я уже не один раз писал Вам, что состав новой профессуры чисто случайный. Есть и талантливые люди, но много такого случайного элемента, который к науке собственно никакого отношения не имеет. И вот когда старые профессора из голода, холода и невозможности работать покидают Киев, невольно боишься, что заполонят еще больше кафедры случайные люди. Это, конечно, будет не на пользу науки. В Киеве вообще мало людей, поэтому случайные ученые обыкновенно не высокой марки.

Насколько у нас, в Киеве, мертва жизнь, можете судить по тому, что смерть В.Г. Короленко²⁷¹ прошла как-то малозаметно. Правда, к мысли о ней уже привыкли и что Короленко умирает, что он лишен речи, говорили давно. А такое долгое ожидание не вызывает такого впечатления, как неожиданность. Но все-таки хотелось бы большего. Правда, будь пресса, внимание бы общественности к этой смерти было бы приковано, но теперь ... на всех языках все молчать*. Академия Наук почтила память вставанием, решила выразить сочувствие семье и устроить торжественное заседание памяти Короленко. Предполагается 4 доклада: Общая характеристика Короленко (автор мне неизвестен), Украинские мотивы в сочинениях Короленко (проф[ессор] А.М. Лобода²⁷²), Из воспоминаний о Короленко (С.А. Ефремов), Короленко как наш современник (публицист[ическая] деятельность К[ороленко]) (прочту я).

В последнем Вашем письме Вы писали, что получили обратно академ[ическую] типографию и думаете печатать. Я уже не раз писал Вам, что у нас на этот счет ничего не выходит. Харьков делает благоприятные для Академии распоряжения, а местные власти не исполняют предписаний Харькова и не дают нам типографию. «Вісті» Академии так и не могут быть выпущены в свет. Первый номер их, правда, отпечатан, но не может быть выпущен, так как заведен новый порядок регистрации изданий, и вот дело тянется и тянется. Единственное издание Академии, которое вышло в свет — это соч[инение] Сушицкого о западно-рус[ских] летописях, отпечатанное еще при его жизни и обрывающееся на полуслове²⁷³.

Ничего не слышали про Малиновского? Я писал Вам, что Академия подняла о нем хлопоты. Но так как она может хлопотать только через Харьков, то обратилась к Комиссару Просвещения Гринько. Он отнесся сочувственно и с своей стороны просит Луначарского. Недавно в Харьков поехал посланец Академии. Я просил его навести справки, в каком положении дело. Не знаете ли Вы об этом? Мы просили отпустить Малиновского в Киев для работы.

Два слова еще о церковных делах. Получены сведения от акад[емика] Соболевского²⁷⁴ одним из его знакомых, что в Москве в церковной сфере есть движение, подобное киевскому, именно придать церкви национальный характер. В Москве есть уже церкви, где богослужение совершается не на славянском, а на русском языке. Ожидается также посвящение в епископы лица из белого

---

* Так в оригіналі.

духовенства. В Києве (я, кажется, писал уже Вам) зашли далеко, так что создалась даже оппозиция среди украинского духовенства. Но если отбросить неканоническое посвящение епископов, то стремление восстановить старые народные формы, обращение храма в культурный центр (пение колядок и пр.) вызывает в народе большие симпатии и привлекает к себе богомольцев. Я не вижу сейчас среди украинского церковного движения талантливых руководителей, а потому и не ожидаю развития его, но при других условиях это движение могло бы сдвинуть застывшую, удалившуюся от жизни церковь с ее мертвенного пути. Ну, будьте здоровы. Всем Вашим и Сергею Фед[оровичу] мой щирый привет и поздравление с Новым годом.

Всею душою Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 233, арк. 51–54зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 135

3 лютого 1922 р., Київ

Київ, Тарасовская, 20
3 февраля 1922 г.

Дорогой Владимир Иванович.

Перечитал сейчас Ваше письмо²⁷⁵, переданное через А.П.²⁷⁶ несколько недель тому назад. Столько мечтаний, столько широких планов, такой бодрый, оптимистический взгляд в далекое будущее и вера в то, что грядет царство науки, которая будет править человечеством и которая будет интернациональной, принесет человечеству покой, счастье. Такое настроение могло зародиться только под влиянием знакомства с такими успехами науки, которые были скрыты от нас благодаря войне и революции, а теперь предстали пред Вами во всей их красоте и мощи. Я радуюсь за Вас. Но будучи ярким оптимистом, веря в лучшее будущее, в торжество науки и влияние ее на ход жизни людей, я все-таки не могу предаться мечтам о далеком будущем и оторваться от сурового, тяжелого настоящего. Причина лежит отчасти в том, что мы, провинциалы, продолжаем быть отрезанными от остального мира и успехи знания и жизни доходят до нас через тусклую закопченную среду.

Вы, дорогой мой, весь, я вижу, ушли в науку, живете и дышите ею. Я радуюсь за Вас. В наше тяжелое время это счастливое состояние. Но я все-таки не могу жить для будущего, как бы то красиво и заманчиво ни было, и оставить в стороне настоящее. Вот почему моя мысль больше вращается в вопросах современности: какими усилиями можно выйти из того тупика, в который мы зашли, из той разрухи, в которой мы очутились. Как могло случиться, что народ, который что-то творил, вдруг точно замер, лишился энергии и бессильно бредет, точно какое-то стадо. Может быть, будущие поколения и будут счастливо жить; слава тем, кто работает для этого. Я преклоняюсь перед ними. Но строить счастье будущих поколений на гибели настоящего я не могу.

Жизнь есть великое благо, а то, что так поспешно вымирает наше поколение, разве это не большое несчастье? Поэтому меня и не захватывают всецело перспективы будущего далёкого, далеки и радужные перспективы о нем. Для меня чуждо то настроение, которое переживаете Вы, когда говорите, что можете надолго уехать за границу, там отдалиться научной работе, отрешившись от нашей скверной действительности. Я не мог бы это сделать. И дела я не делаю или делаю маленькое, маленькое, но сознание, что я среди страдающего народа, что его страдания заставляют мою мысль думать об его ближайшей судьбе, как-то успокаивает мою психику.

Много, много интересных вопросов затрагиваете Вы в своем письме. Как мне хотелось бы прочитать воспоминания И.М. Гревса²⁷⁷. «Былое», к сожалению, сюда не доходит аккуратно, так как историки не ездят в Питер, а естественникам оно не интересно. Думаю, под влиянием воспоминаний о молодых переживаниях Вы ставите и вопрос о новой этике. Конечно, она не на религии будет строиться. Слишком далеко отошли мы от религии и слишком уже реальность заслонила мистицизм и мечтательность, которые нужны для религии. Я с глубоким уважением смотрю на деятельность и усилия отдельных личностей и с большим вниманием слежу за их деятельностью, направленной на то, чтобы вернуть общество к религии, обновить ее и заставить проникнуться ею так, как это было когда-то. Но я не вижу успеха и не верю в него. Смотрю я на ту публику, которая идет за такими людьми и проповедниками. Кто эти люди? Есть ли перед ними молодежь? Мало, очень мало. Больше старшее поколение, главным образом, женщины с изболевшейся и исстрадавшейся от революции и жизни душой. Такие люди ничего создать не могут. А других религиозная проповедь не захватывает или захватывает как политический прием. Это мы видим у украинцев. Не знаю, писал ли я Вам, что в Киеве борьба большевиков с религией вызвала движение среди молодежи с высшим, даже университетским образованием. Некоторые надели уже рясы, другие собираются. Среди них выдается священник Жураковский²⁷⁸, сын местного учителя гимназии, окончивший историко-фил[ологический] фак[ультет] и получивший серебряную медаль за сочинение. Это большой энтузиаст и выдающийся оратор, прямо-таки иногда, когда он бывает в ударе, захватывающий аудиторию. Таких ораторов я еще и не слыхал. Он необычайно силен в своих речах, построенных очень красиво, и провозглашает идею «воинствующей церкви». Но и его деятельность, о которой в Киеве много говорят, не дает оснований думать, что такое направление может иметь успех и оказать влияние на общество — вглубь и вширь. Наше время утилитарное и на основе утилитарности самую жизнь воспитывается новое молодое поколение. Поэтому и этика будет строиться на принципах утилитарности. Я думаю, будущая этика будет приближаться все более и более к праву. Таково наше практическое время.

Как-то не удастся мне написать как следует письмо. Все мешают. Скажу несколько слов об Академии.

Состав ее пополнился Д.К. Заболотным²⁷⁹. Академия будет давать ему командировки для работы в СПб. Приезжал на днях А.Я. Орлов. Он в Киев не переезжает, так трудно ему здесь устроиться удовлетворительно в материальном отношении. Было совещание у меня на квартире и решено устроить в Киеве

сейсмическую станцию. Приборы будут доставлены Орловым из Одессы (системы кн[язя] Голицына²⁸⁰). Станция будет помещаться в подвале Андреевской церкви (постр[оенной] Растрелли над Подолом). Состоять она будет при Академии Наук.

Трудно иметь дело с математиками. Столько недоразумений возникает. Вот и с А.Я. Орловым. Он так широко сыплет деньгами на командировки и поездки, что мы, при наших небольших средствах по Академии прямо-таки стесняемся удовлетворять его требования. А это ведет к трениям.

Я уже не один раз писал Вам про II отделение, которое Вас особенно интересует. Вопрос о метеорологической службе на Украине получил нехорошую постановку на Украине, отчасти благодаря соперничеству в этом отношении с Академией Сільськогоспод[арського] Комитета, отчасти благодаря доверчивости и непрозорливости Б.И. Срезневского и пассивности 2 отделения. Благодаря пассивности одного, как известно, Аскания-Нова очутилась в заведывании не Академии, а Сільськогоспод[арського] Ком[итета]. Теперь этот последний исхлопотал в Харькове декрет на основе декрета московского об объединении Метеорологической службы в Сільськогоспод[арському] Комитете, в т. н. Укрмете. Академия и Б.И. Срезневский, т[аким] о[бразом], оказались в подчиненном положении по отношению к Укрмету. Академия протестовала против декрета. Но сейчас в виду съезда, назначенного на 6 февраля при Глав[ной] Физ[ической] Обсерв[атории], конфликт обострился и не разгорится дальше только благодаря тому, что Б.И. Срезневский не едет в СПб. из опасения заболеть сыпняком. Сыпняк у нас свирепствует в сильной степени и тяжелой форме с осложнениями. За декабрь и январь в Киеве умерло от тифа 16 врачей, среди них и проф[ессор] А.И. Косткевич²⁸¹. Большинство заражается при поездках. Вот Б.И. и боится этого.

Комиссию по изучению богатств Украины все не удастся собрать. Тутковский под разными предлогами не собирает. Тутковский — это такое зло для организации Академии. Человек крайне лживый, он в своих действиях руководствуется исключительно личными мотивами. Вражда его к В.И. Лучицкому ведет к тому, что никак не удастся наладить в Академии никакого научного дела, на котором встретились бы Лучицкий и Тутковский. Лучицкий получил в Харькове и Москве большие деньги для исследования недр Украины. Я убедил В.И. Лучицкого делать эти исследования в связи с Академией. Он подал заявление мне, я передал его в 2 отд[еление]. Поручено дело Тутковскому и, конечно, погребено.

Большую борьбу вызывает во 2 отд[елении] кандидатура Косоногова. Главным противником его является Плотников. Но думаю, что в конце концов он пройдет.

Я писал Вам, что А.Я. Орлов возбудил вопрос об языке, хотя и в неприемлемой форме. При свидании с ним оказалось, что А.Я. не точно сформулировал свою мысль, а на самом деле он стоит на нашей с Вами точке зрения, которая внесена в первоначальный устав Академии. К сожалению, заявление Орлова было рассмотрено в Спільном Зібранні в мое отсутствие (я опасно разбил себе голову, поскользнувшись на улице, и лежал в постели). Я поручил М.В. Птухе настаивать на восстановлении первоначальной редакции статьи об языке, но не

знаю, случайно ли или «политично» он в тот момент, когда рассматривался вопрос, вышел из заседания. Крымскому я написал письмо, прося отложить вопрос до моего выздоровления, хотя был уверен, что он именно поставит вопрос в мое отсутствие. Так и случилось. Заявление Орлова было отложено, а новой постановки вопроса никто не сделал. Таким образом, придется этот вопрос поставить через некоторое время заново. Крымский все отстаивает точку зрения, которую провели при Директории.

Дороговизна у нас растет с каждым днем. Хлеб доходит до 20 т[ысяч] <рублей> фунт, бестолочь увеличивается. С приближением весны все больше и больше уверенность овладевает людьми, что условия жизни должны эволюционным путем в этом году, этим даже летом измениться. У нас все время стояли холода, а сейчас выпал большой снег, какой я помню в Киеве только в начале 1890-х годов.

Общественной жизни у нас по-прежнему никакой. Да оно и понятно. Киев так отрезан отовсюду, точно это какое-то захолустное село. Новых впечатлений нет, новой пищи для ума тоже. Все ловят «информацию» из центра, чтобы как-нибудь освежить себя и заполнить душевную и умственную пустоту. Словом, мы ведем жизнь старосветских помещиков. Просили мы разрешить для Академии получать «Berliner Tageblatt»²⁸². Не разрешили.

Недавно получил из Берлина III т[ом] Архива русской революции и «Мемуары» Витте. Последние читаю с большим интересом, так как они много нам фактически объясняют.

Получил я очень трудное и ответственное поручение. Меня назначили членом бюро (в Харькове) по выдаче культурных ценностей Польше. Бюро это состоит под председательством Нар[одного] Ком[иссара] Освиты Гринько, из Багалея, П.Г. Ковалевского²⁸³ (искусство) и меня. Я назначен уполномоченным на Киев и Правобережье. Это дело очень трудное и большое. Отказаться нельзя по разным причинам, но одна мысль, что киевские библиотеки придется разрознить, не дает мне покоя.

Благодаря поручению этому я ознакомился с Рижским мирным договором. Я думаю, такого ужасного договора еще никто никогда не заключал. Польские юристы и советники употребили все, что возможно, чтобы обобрать Россию. Когда я перечитывал договор, мне просто казалось и кажется, что он фактически невыполним.

Ну будет. Всего хорошего желаю Вам от всей души. Наталье Егор[овне] и Нине Вл[адимировне] сердечный привет. Сергею Фед[оровичу] тоже.

М[ожет] б[ыть], увидевши П.Е. Щеголева²⁸⁴, Вы попросите у него для меня «Былое» и пришлете мне при случае. Буду очень благодарен. Хочу прочесть воспоминания И.М. Гревса. А что, жив ли А.А. Корнилов²⁸⁵?

Всей душой любящий Вас *Ник. Василенко*

Пустьят ли Вас во Францию? Когда Вы думаете ехать? Как хорошо, что Вас, при Вашей [известности], пригласили в Париж²⁸⁶. И честь большая, и, я уверен, много, много Вы сделаете там.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 136

[Кінець квітня 1922 р., Київ]*

Дорогой Владимир Иванович!

Хотя А.З. Носов за две недели предупредил меня о своей поездке, но разные дела заставляли меня откладывать написание Вам письма, и вот пришел последний день, а у меня ничего не готово. А написать много хочется. Еще больше хочется спросить. Как дела с Вашей поездкой за границу? Удалось ли Вам выхлопотать разрешение уехать туда с семьей? Так я давно не получал от Вас весточки, что не знаю и что думать.

За два последних месяца у нас много перемен. Во 1-х, меня не утвердили (на словах, а не на бумаге) Президентом²⁸⁷. Инициатива в этом деле исходила из Киева (от комиссара Академии Левицкого²⁸⁸), а не из Харькова. Президиум Академии был переизбран. Шансы быть избранным в Президенты имел один Крымский, но он решительно отказался и остался Непр[еменным] Секр[етарем]. Тутковский был забаллотирован громадным большинством голосов. Два раза выборы не состоялись. Наконец, избран был О.И. Левицкий²⁸⁹, который даже не живет в Киеве, а живет в деревне. Это, конечно, фикция.

Вслед за неутверждением меня последовало сокращение Академии чисто механическим путем сначала до 100 ч[еловек], а затем до 150. В результате получилась полная приостановка работ Академии, так как в некоторых комиссиях осталось по 1 ч[еловеку]. Денег в Академии фактически не платят или платят такими мизерными суммами, что работники разбегаются. До сих пор Академия жила своей жизнью, в материальном отношении стояла лучше других, но теперь «крыло смерти», общая разруха и разрушение коснулись и ее. Я все вспоминаю Ваши слова и приводил их в Спільном Зібранні, что то учреждение выживет, которое найдет у себя достаточно сил отстоять свое существование. Судя по всему, Академия входит в полосу прозябания. Хорошо, что дело так кончается, так как в Харькове была мысль назначить президентом Крымского, а непр[еменным] секр[етарем] Янату. Это хороший образчик того, как делается в Харькове политика и как идет управление. Крымский, конечно, не пошел бы по назначению. К тому же он и Яната — это два врага, совместная работа которых прямо-таки немислима.

Количество академиков не сокращено, но число и распределение кафедр, которое выработано Вами, нарушено: у нас, напр[имер], в Академии уже три ботаника: Липский, Фомин и Вотчал, три математика: Граве, Пфейффер и Крылов. Избран академиком А.Н. Гиляров по III отд[елению] философии и энциклопедии права и Косоногов²⁹⁰. Избрание последнего вызвало большую борьбу во II отд[елении]. В конце концов И.И. был избран, но пробыл академиком всего два дня, так как умер скорострительно от грудной жабы, которой страдал.

---

* Дату і місце написання листа встановлено за змістом.

У нас в Киеве вообще большая смертность. За последнее время умер Алешо от туберкулеза, проф[ессор] Косткевич от сыпного тифа, проф[ессор] А.И. Сонни тоже, особенно много умерло врачей, так что жутко как-то становится, и я вспоминаю Ваши слова о вымирании. Думаю только, что наше вымирание не есть уничтожение нации, так как все-таки много у нас сильного физически народа, который даст, вероятно, со временем и сильное поколение, новое духовно.

Жизнь в Киеве течет по-прежнему крайне вяло. Потуг к работе много, но темп жизни крайне слабый. Заботы о материальных средствах захватывают многих целиком. Упрекать их в этом, конечно, нельзя. Мы за последнее время уже пережили две забастовки учителей. Одна из них была поддержана и высшей школой. Забастовки эти не носили характера твердого: скорей обнаруживали малую решительность. Было несколько частичных забастовок и у рабочих. Администрация спешила удовлетворить их материальные требования. Поэтому забастовки были не продолжительнее 2–3 дней.

Материальный кризис чувствуется вовсю. Количество школ сократилось до 25%. Вот Вам ответ живой действительности на гордые лозунги об уничтожении безграмотности, бесплатное и всеобщее обучение сразу. В деле врачебном то же самое, закрываются больницы, переводятся на самокупаемость, т. е., другими словами, тоже закрываются, так как по селам принцип самокупаемости больниц не находит себе признания.

Все это свидетельствует, что созидания нет, а идет дальнейшее разрушение. В Киеве голода не чувствуется, но цены растут бешено: хлеб сейчас 140–150 тыс. <руб.> Торговцы стонут от колоссальных налогов и закрывают лавочки. Отдел коммунального хозяйства говорит о недостатке жилья, о разрушении домов и в то же время требует существования дворников. Я не представляю, чтобы теперь можно было произвести какие-нибудь ремонты, когда даже правительство за год не могло окончить сгоревшей крыши над домом Губерн[ского] Земства: нет ни материалов, ни работников. Рабочих рук нет, а между тем уже безработица начинает чувствоваться: многие взялись за тележки. Теперь сбор с тележек большой, громадный, появились извозчики-тележники. Жалуются на недостаток работы, на безысходность их промысла. Так тяжело идет процесс восстановления жизни!

У нас много возникло надежд на Генуэзскую конференцию, на открытие границы и пр. Газеты поэтому читались и читаются сильно, хотя дорого и стоят. Но, по-видимому, наступает разочарование²⁹¹.

Весна у нас поздняя. Но уже тепло, солнышко греет вовсю, деревья развиваются. Кроме чтения лекций, занятий в Академии и на дому, я занят также и копанием и посадкой огорода за городом. Уже есть у меня и мозоли. Но я люблю провести несколько часов за физической работой, вдали от города и городских впечатлений. Полезно это очень.

Научно я продолжаю работать, хотя не с таким рвением и интересом, как Вы. Наша новая жизнь заставляет все время думать о будущем, о великих перспективах человечества. В этом отношении Ваши занятия дают Вам внутреннее удовлетворение. Заниматься же историей, прошлым, когда жизнь могуче рвется

вперед, как будто и не ко времени. Вот почему у меня нет того внутреннего трепета, который чувствуется у Вас.

Как мне жаль бедного В.Д. Набокова²⁹²...

Будьте здоровы, дорогой мой. Приветы всем Вашим и Сергею Федор[овичу].

Крепко жму руку.

Душевно всегда Ваш *Н. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 233, арк. 59–62зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 137

4–10 лютого 1923 р., Париж

Paris V.
7 Rue Toullier
4.П. [1]923

Дорогой Николай Прокофьевич,

Очень большую радость доставили Вы мне Вашим письмом²⁹³. Не получая так долго от Вас никаких весточек, я не знал, что и думать. Пишу это и сознаю, что при тех ценах, какие требуются для письма в России, и при ничтожном заработке, требовать и ждать ответов на письма, по меньшей мере, очень эгоистично. Письма к нам доходят аккуратно, но обычно пачками, и одновременно я получил ряд писем из России. Сейчас воскресенье, и хотя я совершенно завален работой — я сегодня хочу написать ряд писем, т. к. моя — очень большая — переписка совсем запущена. Каждую неделю я читаю в Сорбонне лекцию по-французски — надо ее отделать. Я ее читаю, но сейчас решаюсь иногда прямо говорить. Доклад в Минер[алогическом] Общ[естве] делал (и скоро буду делать второй) без всякой подготовки — прямо говорю. Но читать лекции не решаюсь без полной и обработанной записи. Тем более, что весь курс мне предложили издать, и я после его окончания останусь здесь, для того чтобы привести его в полную возможность печатать — месяца два²⁹⁴. Конечно, курс (книга) не вполне окупит эти два месяца — но мне важна проповедь моих идей в широкой среде — французская книга читается широко. Работаю над курсом с большим удовольствием. По-здешнему имею успех — слушатели — с улицы — французы — молодые ученые, инженеры, старики и молодежь. Держится 15–20 чел[овек]. Говорят, это очень много для специального курса. Да и предложение издать это показывает.

Я даю здесь синтез моих работ — но зато моя большая книга застряла, т. к. живое вещество в этом курсе только часть. Странно мне сейчас видеть, как входят в жизнь мои идеи о силикатах, высказанные 30 лет тому назад! Здесь у меня появились молодые последователи и это мне дорого.

Я хочу здесь побыть возможно долго. Так или иначе, цель моей жизни — а я конец ее вижу очень и очень — кончить большую книгу, которую начал в 1917 году.

9. II пятница

Письмо прервалось и сейчас пишу в профессорской перед лекцией. Но сегодня письмо кончу. Эти дни до понедельника могу не посвящать лекции, хотя мысль невольно все идет в тех же рамках. Лабораторную работу запустил — не справляюсь. Запустил и американских друзей, с которыми у меня большая научная переписка. Сейчас надо туда послать записку — тоже о живом веществе — в которой я очень заинтересован — а между тем я это должен был сделать месяца два назад — и не сделал. Надеюсь, на этой неделе сделаю — последний срок. А затем у меня туда еще статья — в связи с моими работами — да еще на английском языке!²⁹⁵

Мне страшно дороги всякие сведения об Украинской Академии и о Национ[альной] Библиотеке. Я верю в их будущее, т. к. жизнь и вера заставила многих их поддержать.

10. II. 1922*

Здесь видел я одного из заведующих выпиской книг и мне обещали выслать в Укр[аинскую] Акад[емию] Наук три из важнейших (и дорогих) французских книг²⁹⁶ по минералогии и физике**. Уверяют, что непосредственно в Киев из Берлина высланы целые ящики новой литературы. А между тем все пишут, что новой литературы в Киеве совсем нет. Я стараюсь здесь организовать обмен французских ученых с Россией и направить его в провинцию, но это идет медленно. Научную новую литературу трудно найти новую*** и во Франции — средств на покупку книг при подъеме цен и относительном падении франка не дают в достаточной мере. Да и раньше иностранная литература не была здесь собрана в достаточной мере. Сейчас и немецкая литература здесь в недостаточной мере, и не то чтобы французы не хотели ее получать, а им затрудняют ее получение немцы.

Научная работа идет, но в том хаосе и неустойчивости, которая чувствуется, она идет далеко не так, как следует. Необходима мировая научная организация, а она чрезвычайно затруднена, и то, что делается для этого, крайне недостаточно. Центр научного творчества сейчас явно переносится в Америку, а в Европе он в целых областях в Англии. Во Франции, где научная работа идет, нет достаточно людей. Огромные потери в талантливой молодежи — а затем настроения идут в организационную работу крупной промышленности, торговли, инженерии. Явно центр жизни там, а не в парламенте, и в связи с этим силу и

* Так в оригіналі. Правильно: 1923.

** Примітка В.І. Вернадського: Минералогію Мадагаскара Лакруа (200 фр[анков]). Введение в осадочную петрографию (Кайе) и серию обзоров по физике.

*** Так в оригіналі.

значение приобретают новые люди. И социализм, и коммунизм в здешней жизни совершенно не чувствуются. Все талантливое и энергичное не [такое].

Немецкая научная работа идет, но она явно теряет почву, и мне кажется, она гегемонию не восстановит. Очень важны славянские начинания — здесь серьезные начинания не только в Чехословакии и Польше, но и в Югославии. Для немецкой научной работы характерно относительно малое количество талантов — по сравнению с французами, англичанами и русскими — очень сильна организационная работа, которая, надеюсь, выдержит переживаемый кризис. Но славянство должно отойти от немецкой указки. Кончаю писать в лаборатории. Всего всего лучшего. Еще раз горячо благодарю за Ваше письмо. Н.Е. здесь со мной, сын в Праге профессором — читает историю русского права, но его все интересы в истории Византии, дочь на медиц[инском] фак[ультете] там же²⁹⁷. Тяжела рознь укр[аинцев] и русских в эмиграции и [польские] настроения укр[аинцев]²⁹⁸.

<Ваш В. Вернадский>

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 23–24зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 138

18 вересня 1923 р., Ліверпуль

Ліверпуль
18.IX. [1]923*

Дорогой Николай Прокофьевич!

От Вас бесконечное время нет писем, и знаю о Вас только стороной и горячо желаю Вам всего лучшего, хорошего счастья²⁹⁹.

Собирался в ноябре вернуться в Петроград, но, д[олжно] б[ыть], отложу приезд до весны. Перед самым отъездом сюда со мной начали переговоры о продлении моих лекций в Сорбонне зимою и о нескольких conferences** в Музеуме весною. Если это устроится, вернусь только весною³⁰⁰. Мне страшно хочется тогда побывать в Киеве — м[ожет] б[ыть], проехать в Москву и Петроград через Киев, если это возможно. По-видимому, за мое отсутствие многое стало возможно, что раньше не было им.

Здесь много интересного. Царит физика и тот новый мир, который открывается. Иногда, оглядываясь назад, сам удивляешься, как далеко запад, и кажутся такими доктринерскими и смешными ходячие трафареты, которые так часто встречал до своего отъезда. Между прочим, большая вещь — оптофон:

---

* На бланку: British Association for the ADVANCEMENT of SCIENCE. Liverpool, Meeting. September 12–19. 1923 (сесія Британської Асоціації сприяння розвитку науки, Ліверпуль).

** Тут: публічна лекція (фр.).

слепые могут читать газеты и книги, если у них хороший слух. Это изобретение оригинального английского инженера-философа Фурнье д'Альба³⁰¹, усовершенствованное в этом году. Я видел прибор в деле (основан на действии света на селен).

Работа моя идет медленно, но я все углубляюсь дальше и дальше в те вопросы, какими и жил в Киеве. Хочется тексты перевести в состояние, удобное для печати.

Слежу в Париже за отделкой моих лекций <по> геохимии: к 1-му октябрю должны быть окончены и рукопись сдана в печать.

Завтра возвращаюсь через Лондон, (где пробуду несколько дней), в Париж (Paris V, 7 Rue Toullier). Как Академия? Как Библиотека?

Всего всего лучшего.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 25–25зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 139

13 березня 1926 р., Ленінград

13.ІІІ. [1]1926

Петроград

Дорогой Николай Прокофьевич,

На днях вернулся в Петербург после долгого отсутствия и сейчас хотел Вам написать, но дорогой захватил инфлюенцу, которая усилилась здесь, где она сейчас захватывает почти всех поголовно.

Ужасно рад был бы я иметь от Вас какую-нибудь весточку, знать, как себя чувствуете, чем занимаетесь, как работаете. Последние Ваши работы, которые дошли до меня, были Ваша биография Ор[еста] Ив[ановича] и статья о Кременецком лицее³⁰². Есть ли возможность сейчас печататься? Идет ли издание дальнейших исторических документов Археограф[ической] Ком[иссии] (она теперь при Академии?)³⁰³. Мне дорого все знать об Академии и получить ее издания, которые до меня доходили лишь урывками. По-видимому, печатание у нас здесь наладилось, конечно, не в той мере, в какой это хотелось бы при условии *optimuma*, но все же наладилось. Ваша биография Ореста Иван[овича] очень интересна и дает живой образ.

Эти годы я нахожусь в непрерывном процессе научного творчества и, мне кажется, мне удалось подойти к обобщениям в области геохимии и живого вещества, которые мне кажутся очень важными. Я весь живу в новом, открывающемся передо мной мире явлений и иногда переживаю большие впечатления. Это, наконец, результаты той работы, которую я, если помните, я перевел в Киеве и начал в 1917 году в Шишаках. Она все разрастается, а с 1924–1925 <г.> я стал получать крупные результаты...

Мне очень бы хотелось получить более конкретное представление о научной работе на Украине, за которой я старался следить и за границей. Очень бы хотел получить издания Академии и библиотеки. Разбирая свои вещи, нашел здесь письмо Чепурковского³⁰⁴ и пакет книг для Укр[аинской] Академии, пришедший в мое отсутствие. Пришлю их в ближайшее же время.

Передаю мой привет всем, кто меня помнит в дорогом мне Киеве. Наш сердечный — мой и Нат[альи] Ег[оровны] — привет Вам и Вашей жене.

Ваш *В. Вернадский*

P.S. Ниночка моя вышла замуж за молодого очень талантливого археолога Н.П. Толля в Праге. Она очень счастлива — она кончает Медиц[инский] Факультет³⁰⁵.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 26–26зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 140

21 березня 1926 р., Київ

Киев, Тарасовская, 20
21 марта 1926 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Вчера получил Ваше письмо. С каким волнением увидел я на столе у себя знакомый почерк! Как давно, давно уже я не имел ни строчки от Вас, не получал от Вас писем, считая это нормальным при создавшихся условиях жизни. И вдруг Вы здесь, снова близко, снова я могу время от времени перекинуться с Вами, хоть письменно, словечком.

Таким длинным был перерыв в наших сношениях³⁰⁶, что не знаешь, с чего и начать! В настоящее время я работаю исключительно в Академии Наук и живу ее интересами. В Вузах я не читаю. Так как и Вас интересует, главным образом, Академия, то с нее и начну. За это время она не раз переживала тревожные моменты. Но теперь, после 200-летнего юбилея Российской Академии существование ее как будто укрепилось³⁰⁷ и факт, по-видимому, считается признанным.

На очередь поставлен вопрос о реформе Академии. Реформу, однако, откладывают, фактически Академия существует скорей по обычному праву, чем по Уставу. По какому принципу предполагается реформа — трудно сказать. Принципы так часто менялись и меняются, что нет возможности угадать, какой из них восторжествует. Одним из основных требований выдвигается уничтожение нашего III социально-экономического отделения и слияние его с первым, т. е. с историко-филологическим. Есть и разновидности проекта: временно (на 10 лет) выделить филологию в особое отделение, отнести исторические науки к III отд[елению]. При реформе Академия должна состоять из двух отделений: 1) физико-естественного и 2) гуманитарных наук. Кроме того, выдвигается проект 5 отд[елений] и т. д., а также участие в заседаниях Академии младших

сотрудников и т. д. За уничтожение III отд[еления] в Харькове развита сильно агитация. Несомненно, тут играет роль и название отдела «социально-экономический», так как у нас проводится принцип, что социально-экономические науки должны быть в руках исключительно марксистов. Идея уничтожения III отд[еления] находит поддержку и среди некоторых членов Академии (Грушевский, Тутковский). За два отделения Академии, согласно течению из Харькова, высказалось было и большинство академиков, преимущественно II отд[еления]. Правда, оно перерешило вопрос под влиянием III отделения; но это только обострило вопрос и укрепило течение в пользу уничтожения III отд[еления] и слияния его с I-м.

Пока идет речь о реформе Академия продолжает понемногу расти и укрепляться. Правда, в общем она представляет собой недостроенные углы. Лабораторий — до сих пор нет, а существование исследовательских кафедр создает в некоторых частях параллелизм. Несмотря на все вопли, денег на основание лабораторий нет, Голосеевский лес и Ботанический сад в Китаеве не вышли из той стадии, в которой оставили Вы вопрос об них³⁰⁸. Но все-таки издательская деятельность Академии значительно подвинулась вперед. Деньги отпускают и на это мало. Обещали нам на издательство три миллиона, но теперь носятся слухи, что дело ограничится фактически 25 тыс. Но и на эти маленькие средства кой-что можно издать. Мы мечтали очень о развитии издательской деятельности. Конечно, мечта должна будет разлететься в прах. То же и с командировками. Сокращение бюджета по Наркомпросу, уже состоявшееся и еще предполагаемое, должно болезненно затронуть и отразиться на Академии. Штаты у нас очень небольшие (158 ч[еловек], включая всех до мелких служащих). Мы пережили ряд сильных и болезненных сокращений. Если Академия может существовать и развивать свою деятельность, то благодаря не только штатным работникам, но и нештатным, которые работают в Академии бесплатно. Их больше, чем штатных. Это бескорыстные труженики науки, которые из любви к ней и народной культуре несут прямо-таки гигантскую работу, следы и результаты которой могут быть оценены и осознаны только впоследствии. Таким образом, Академия является громадным, научно-организаторским центром и в этом отношении вполне выполнила и выполняет ту задачу, которую ставили Вы перед ней. Большинство научных заседаний в Киеве происходит обыкновенно в стенах Академии, и двери ее снаружи обыкновенно украшены массой объявлений о разного рода заседаниях. Уже выкристаллизовывается и особая публика посетителей этих заседаний, а также и из молодежи начинает выделяться группа, которая охотно ходит и исправно заседает на чисто научных академических заседаниях. Это явление новое. Оно скоро начнет давать и активные результаты, введет новых активных научных деятелей.

Что касается состава Академии, то он значительно пополнился, хотя практических результатов от этого мало. Дело в том, что материальные условия существования в Киеве академиков гораздо хуже, чем преподавателей Вузов. Акад[емик] до марта получал 115 р. в месяц, а теперь — 147 р., тогда как жалованье преподавателя Вуза — 180 руб. Квартиру в Киеве трудно найти. В результате, поэтому, получается, что никто в Киев переезжать не хочет и не

может, и Академия фактически пополнялась до сих пор только киевскими профессорами. Иногородние носят почетные звания академиков. Отсутствие лабораторий и невозможность оборудовать их отражается на составе Академии. Мы теряем В.А. Кистяковского³⁰⁹. Заболотный хотел остаться в Киеве, но должен был вернуться в Питер. В Киеве ему работать негде. За последнее время в Киев переехал один только Иоан[икий] Алекс[еевич] Малиновский, которого мы избрали на кафедру обычного права на место покойного О.И. Левицкого³¹⁰. Потеряли за это время тоже многих, особенно III отд[еление]: Кистяковского, Левицкого, Орженцкого, Гуляева, Гордона³¹¹. II отд[еление] потеряло Косоногова (я имею в виду только живших в Киеве). Если Вы пересмотрите состав Академии, то увидите, что шовинизма нет, при выборах играет роль научный стаж и невраждебность украинской культуре. Шовинистические нотки проявляются у отдельных членов редко, притом самым неожиданным образом. Самым ярким примером является, пожалуй, Д.А. Граве, сделавшийся ярым украинцем и выступающий против избрания Г.Г. Де-Метца аргумент, что тот «вороже ставився до українців».

Во внутренней нашей жизни есть живая струя с возвращением в Киев М.С. Грушевского. Началась упорная борьба между ним и А.Е. Крымским, причем пускаются в ход приемы, к которым мы в обычной жизни относимся обыкновенно и безусловно отрицательно. Обо всем сообщается в Харьков и частным и официальным лицам. Порой борьба принимает такой мелочный и неприятный характер, что напоминает блаженной памяти шумахеровщину³¹². Большинство Академии стоит в стороне от этой борьбы, которая поэтому принимает характер личной борьбы за власть. В эту борьбу втягиваются, однако, отдельные учреждения (Институт наукової мови, где вырабатывается научная терминология и где влияние принадлежит Грушевскому и Тутковскому) и отдельные лица: С.А. Ефремов, разорвавший личные даже отношения с М.С. Грушевским³¹³. Большинство академиков не на стороне М.С. Грушевского, собственно-то и не на стороне А.Е. Крымского, но признает его громадные заслуги для укрепления Академии, поэтому будет поддерживать его, тем более, что в данный момент нет другого, влиятельного лица среди академиков, которые бы заменили его. К Тутковскому в Академии отношении поголовно отрицательное. Хотя Харьков и хотел бы видеть его Президентом, но Тутковский при выборах в Академии не получает обыкновенно больше 3-х голосов. Эта кандидатура безнадежная. К кандидатуре Грушевского Харьков, вероятно, отнесся бы отрицательно: ему там явно не верят, как это можно судить по официальным заявлениям, сделанным не раз ответственными политическими деятелями. Да и вся Академия не на стороне М.С. Грушевского, а против него. В Академии он с Тутковским пока одиноки. Хотя Грушевский сам и поднял вопрос о своем членстве в Академии, как будто примирился с фактом ее существования, но старую волюнку тянет, не может помириться с ней. В одном из заседаний Спільного Зібрання он как-то с грустью вспомнил Ваши слова: «как Вы не преобразовывайте Академии, а все-таки факт остается фактом: она основана в 1918 году!».

Основание Академии он старается представить в неправильном свете.

У Вас в Академии б[иблите]ка получает, кажется, «Украину», которая под фирмой Укр[аинской] Академии издается Держиздатом (Госуд[арственным] Изд[ательством]), под редакцией Грушевского. Прочитайте заметку об Академии в № 1–2 за 1925-й год³¹⁴. Эта заметка возмутила многих. С.А. Ефремов дал предварительно свою подпись «як невідмінного секретаря» и затем его возмущению пределов не было. Это послужило одним из ступеней к полному разрыву между Ефремовым и Грушевским. Такое отношение к Академии со стороны последнего повело к тому обособлению, о котором я писал выше, и к тому, что сейчас, при данном составе Академии, она кандидатуру М.С. Грушевского не поддержит, а по назначению, он, конечно, не пойдет, что свободно может сделать Тутковский. Во всяком случае, повторяю, несмотря на несочувствие многих, сила в Академии сейчас на стороне А.Е. Крымского. Кажется, он берет перевес и в Харькове.

Заговоривши о статье в «Украине», я вспоминаю то неприятное чувство, с которым я читал ее. Такое чувство всегда бывает, когда встречаешься с заведомо корыстным сообщением и освещением. Я невольно думал: прочитаете ли Вы эту статью, известна ли она Вам? Теперь я уверен, что прочитаете, и мне хотелось бы, чтобы Вы написали, хотя на память потомству (если не для «Былого»), правду про то, что в таком неверном освещении преподнесено читателям «Украины»³¹⁵.

Ну, будет про Академию, чтобы не надоело очень.

Вы пишете, чтобы я передал поклон всем, кто Вас помнит. Все Вас помнят и вспоминают с большой теплотой. Номер «Известий» с извещением о Вашем возвращении получили в Киеве 11 марта, в день обычного Акта Академии (Шевченковский день). Акт проходил академически, без рукоплесканий. Когда же Липский, как президент, предложил «привітати Вас», предложение было встречено рукоплесканиями академиков и всей присутствовавшей публики³¹⁶. А С.А. Ефремов сказал мне: «То коли б Вол[одимир] Ів[анович] повернувся знову до нас, от кого нам треба зараз більше, може, ніж коли-небудь...».

Я работаю хорошо. Основная моя работа — подготовка материала для двухтомного курса історії західно-руського та вкраїнського права. Отвлекаюсь, конечно, и в сторону. В 2–3 т[оме] «Записок» поместил большую статью об уничтожении Литовского Статута³¹⁷. Этот том «Записок» выйдет на днях. Немедленно он будет выслан Вам. Будут высланы (на имя Академии) и все издания нашей Академии для Вас. Об этом скажу сегодня.

Живу я спокойно, в чисто академической обстановке. Наталия Дмитр[иевна], жена моя, состоит науковим співробітником для окремих доручень при I Відділі и работает над Запорожьем в его последнее время существования. Чувствую я себя физически хорошо. Лето мы провели под Киевом в Боярке и отдохнули хорошо, набрались сил на целый год.

Я так рад, что Вы вернулись. Рад не только потому, что является для меня возможность встретиться с Вами, а и потому, что не могу я представить себе Вас вне родной обстановки, в стороне от строительства новой жизни и науки в новых условиях ее развития. Вы, человек таких широких планов и перспектив,

за границей, казалось мне, оторвались бы от почвы. Теперь, мне кажется, она к Вам или Вы к ней возвратились.

Мы расстались с Вами при недочитанных Ваших набросках о живом веществе. Теперь я вижу из Вашего письма, что Вы довольны результатами работы. А в одном из парижских писем Вы писали о колебаниях, неуверенности в Ваших выводах и обобщениях. Какое удовлетворение получили Вы. Какой интерес представляла бы для меня теперь встреча с Вами.

Очень радуюсь за Нину Влад[имировну] и за Вас с Наталией Егоровной. Ваши несколько строк мне показывают, что и Вы счастливы за них. А где Георгий Егор[ович]? Георг[ий] Влад[имирович]?³¹⁸ Где Вы теперь живете? Там же, в своей старой академической квартире, <напротив> Никол[аевского] моста? Вы мне не написали своего адреса. Поэтому я пишу на Академию.

Будьте здоровы. Наталии Егор[овне] искренний и сердечный привет. Нат[алья] Дм[итриевна] также приветствует Вас. Благодаря ее заботам, я живу теперь как у Бога за пазухой.

Всей душой Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 1–6зв. *Оубл.: Василенко Н.П.* «После нас, вероятно, наступит упорная борьба за свободу науки. И она победит...»: [письма к В.И. Вернадскому] / Н.П. Василенко; вступ., публ. Л. Матвеевой // *Віче.* — 1993. — № 11. — С. 134–137; *Василенко М.П.* Вибрані твори: у 3 т. Т. 3: Спогади. Щоденники. Листування / М.П. Василенко; НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького; упоряд. І.Б. Усенко. — К.: Юридична думка, 2008. С. 473–475.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 141

8 квітня 1926 р., [Ленінград]*

Вас[ильевский] остр[ов], 7 линия, 2,
8.IV. [1]1926

Дорогой Николай Прокофьевич,

Очень обрадован был Вашим письмом. Так живо я перенесся в дорогую обстановку Киева и так хочу не быть теперь от нее оторванным. Для нас с Вами это большие годы нашей жизни и ясен нам правильный шаг, нами тогда сделанный.

Отвечаю не сразу, т. к. страшный завал работы и время на переписку у меня ограничено. Сперва отвечу на Ваши вопросы.

1. Одну заметку Грушевского об основании Укр[аинской] Акад[емии] в «Україні» я прочел еще в Париже (там «Україна» по моей инициативе приобретена Тургеневской библиотек[ой]³¹⁹) — думаю, что это та, о которой Вы пишете. Отношусь я к этой фальсификации бывшего очень безразлично, сейчас ее

* Місце написання листа встановлено за змістом.

много кругом и здесь, и за кордоном. Время возьмет свое, и оно, в конце концов, даст настоящую мерку. Писать мне что-нибудь сейчас трудно. В свое время мы с Бор[исом] Леон[идовичем] написали и хотели издать — но в тогдашних условиях 1919 года не успели — рукопись осталась и у меня, и у него. Постараюсь ее найти и посмотреть — может ли быть издана³²⁰. Я знаю, что Дм[итрий] Ив[анович] посвятил истории Академии целую главу в своей работе об этом времени; но она еще не вышла³²¹. Я вообще очень плохо все помню, а мои бумаги остались в Акад[емии] в Киеве — кстати, узнайте о[б] их судьбе у президента. Я очень хотел бы, когда буду в Киеве, их пересмотреть³²².

2. Изданий Академии до сих пор не получил, а раньше получал — и следил — урывками. Буду страшно благодарен, если они будут мне высланы; я сейчас вообще озабочиваюсь с тем, что издано за время моей командировки и чего не мог видеть за границей.

3. Я весь ушел в живое вещество, и целый мир открылся и открывается передо мною — сейчас хочу сделать его видным другим. Удивительно много понимал Тютчев³²³. Надеюсь прислать Вам вскоре две работы о живом веществе — в общем аспекте — которые, м[ожет] б[ыть], — я очень бы этого хотел, и Вы прочтете. А поговорить с Вами обо всем мне было бы великой радостью. Мой Георгий очень много и хорошо работает, углубляется в историю Византии и Древней Руси — татарское нашествие на фоне мировой истории не Зап[адной] Европы только, но и Азии³²⁴. Сейчас он, мой зять, и их кружок издали сборник памяти Кондакова³²⁵ — я надеюсь, что они пришлют его в Укр[аинскую] Акад[емию], создали новый, очень живой центр работ по византоведению — *Seminarium Kondakovianum*. Я думаю, что это будет большое дело. Для меня вообще была большая радость свидание с ним, т. к. я почувствовал как прочно, глубоко и широко он вошел в научную работу и как сознательно высоко он относится к окружающей жизни. С украинск[им] научн[ым] и политич[еским] возрождением он идейно далек и враждебен — но считается с ним, как с фактом, и примиряется. Он старается следить за ним, и мне кажется, — при его большой честности и чувстве историч[еской] правды, он, мне кажется, в ближайшее время много поймет. Та резкая рознь, какая, к несчастью, сейчас наблюдается между украинск[ой] и русской средой в его окружении, надеюсь, сгладится после нашего свидания³²⁶. Он очень хорошо отзывается о действительно прекрасной книжке Дм[итрия] Ив[ановича] — истории изучения украинской истории³²⁷ — и ею пользуется; сейчас в связи с своими работами входит больше в украинск[ую] историю (по нашему), в частности, в историю Дунайской Руси и Сучавской (Молдавской). Я напишу ему, чтобы он выслал Вам или в Академию свое литографир[ованное] издание — мне представляется очень интересным — об уставной грамоте Ал[ександра] I.³²⁸ Это, по его толкованию, попытка федералист[ического] строя России сверху, и тут выясняется (он это вносит в немецкое издание) роль «малорос[сийского] короля»³²⁹ Репнина* — я смеюсь над ним: возрождение Котляревского. Кстати, если Вы (или Серг[ей])

---

* Примітка В.І. Вернадського: Если Георгий прав, «королевство» Репнина вовсе в то время не было пустой мечтой.

Алекс[андрович]³³⁰) сможете указать ему работы о Репнине (где архив?), м[ожет] б[ыть], напишите ему (Praha, Bubeneč, Vučkova ul., 597) или мне. Издания Укр[аинской] Ак[адемии], какие могу, я ему пересылаю. Георг[ий] Ег[орович], к которому теперь из Москвы приехала дочка³³¹, живет недурно, зарабатывая достаточно в банке софийском.

4. Мы живем на старой квартире вместе с Успенскими³³². Так странно опять попасть в иную обстановку, иного, размаха. В Bourg la Reine мы имели свою квартиру, но наша меблировка была совсем иная, в Праге, где Георгий имеет квартиру — собственность в новом доме — тоже вся обстановка иная. В Париже мы жили хорошо, но жизнь там необычайно резко отличается от здешней и по внешним формам, и по внутреннему содержанию, и по тенденциям, в каких она развивается. Очень много живого, большого во французской жизни, и, я думаю, Франция — богатая талантами, но бедная людьми — переживает глубокий духовный кризис, связанный с любопытнейшим углублением религиозных исканий (необычный рост католичества — захватившего elite* молодежи и сейчас идущего в рабочую и крестьянскую среду), значение активной работы молодежи (Африка — наш Кавказ — для идейного роста Франции); рост и значение колоний, падение парламентаризма и социализма. Очень любопытные и глубокие искания, еще не вышедшие на поверхность.

Я здесь сейчас организую работу — огромен недостаток новой научной литературы и недостаток средств; очень тяжела накладываемая извне болтовня и бумажные лавины никому не нужных анкет, исследований и т. п. Но пока крепко надеюсь, что двину научную работу, которая меня захватила в небывалой в моей жизни силе. Мне кажется, я сейчас подхожу к тому, что подготавливалось всей моей жизнью, и период научного творчества, которым жил эти годы, еще не окончился.

Очень буду рад иметь от Вас весточки — знать все о научной и культурной работе украинской. Я писал Крымскому о судьбе Полтавск[ого] Музея, который душат³³³. Надо бы его связать с Укрглавнаукой, а не с тем довольно варварским учреждением, с которым он связан. Ведь это драгоценный научный очаг и не только с украинской или русской, но и с общей точки зрения.

Как у Вас новая литература? Как Библиотека и Наук[ове] Товариство?

Наш сердечный привет Вам и Нат[алье] Дм[итриевне].

Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

P.S. Здесь нашлось старое ватное пальто, вероятно, Ваше. Что с ним делать? Оно в таком виде, что Нат[алья] Ег[оровна] думает, что его не стоит посылать.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 27–28зв. *Опубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 18–21.*

* Еліта (*фр.*).

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 142

13 квітня 1926 р., [Ленінград]*

13.IV. [1]926**

Вас[ильевский] остр[ов], 7 л[иния], 2

Дорогой Николай Прокофьевич,

Вдогонку к моему письму спешу Вас уведомить, что я получил пакет книг Акад[емии] Наук. Очень Вас благодарю и прошу поблагодарить Академию. Очень все-таки много сделано³³⁴, зная условия работы. Нет некоторых томов, в том числе меня интересуют Титов (Стара вища освіта), Грушевской (3 приміт[ивної] культури)³³⁵ и т. д. М[ожет] б[ыть], это — как и словари — изданы на особые средства? Любопытно послесловие Д.И. Багалея³³⁶ — во многом «исторический документ». Будете писать, черкните, как обстоит дело с изданиями историч[еских] памятников и документов — ведь многое было подготовлено.

Всего лучшего.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 29. Листівка.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 143

25 квітня 1926 р., Київ

Киев, Тарасовская, 20

25 апреля 1926

Дорогой Владимир Иванович! Пользуюсь оказией, чтоб написать Вам несколько строк. Сначала часть чисто деловая. 1) Заметка Грушевского — это, действительно та, о которой Вы пишете. 2) Ваш архив цел. Если хотите, его можно Вам выслать. Напишите только об этом Григорию Антоновичу Иванцу, который его хранит. 3) Книгу Титова Вам обещали выслать (сообщите, если не получите). Книга эта конфискована Г.П.У. и предназначена к уничтожению. Академия получила несколько экземпляров и хлопочет, чтобы сохранить все издание. Поэтому просьба от заведующего складом академич[еских] изданий — не делать попытки послать книгу за границу. 4) Некоторых изданий Академия не может выслать (в том числе и Словарь³³⁷). Вы правы: книга эта напечатана на средства Держиздата (Госиздата) и носит только фирму Академии, но ей не

* Місце написання листа встановлено за поштовим штемпелем.

** Адреса на звороті: Академику Николаю Прокофьевичу Василенко, Тарасовская, 20, Київ, Україна.

принадлежит. 5) Сделано распоряжение высылать Вам все издания немедленно, но на Академию. Сообщайте мне в случае неполучения. У нас в канцелярии не очень-то внимательны. 6) Кой-какие издания материалов (напр[имер], Резанова³³⁸) есть у Академии, но в общем дело с изданием материалов обстоит плохо за неимением денег. В этом году Археограф[ическая] Комиссия, во главе которой стоит Грушевский, предполагает издать Археограф[ический] Сборник, где всего 7 листов сообщено мною³³⁹. Многие статьи еще при Тарановском были подготовлены, но напечатать их до сих пор не удалось; не удастся, за неимением денег, и в этом году.

Вы правы: с основанием Академии в Киеве сделано большое дело. Факт существования ее и значение в научной и национальной жизни признан официально. Теперь его уже не вычеркнешь из истории. Но с какими трудностями все это признано, и с какими мучительными болями рождалась и укреплялась Академия — трудно себе и представить. В том, что Академия спасена — величайшая заслуга А.Е. Крымского. Это я должен засвидетельствовать открыто, по совести. Нужно было иметь много ловкости и восточной практической хитрости, иногда вызывавшей брезгливость, чтобы в течение 8 лет сохранить ее невредимой, почти такой же, какой она была при основании, с ее строго научным, далеким от политики характером. Как близкий наблюдатель, я могу это засвидетельствовать с полной правдивостью. Трудное время для Академии, я думаю, уже прошло. Впереди, однако, грядет реформа. Плохо, что на Украине всякий хочет быть академиком, решать дела, вмешиваться во внутреннюю жизнь Академии и т. д. Стремление младшего персонала влиять на Академию и вершить ее дела еще не изжито у нас, на Украине, и доставляет много беспокойства. Это грозит болтовней, понижением научного уровня Академии и ее престижа, особенно в ряду других академий. Насколько течение ввести в акад[емическую] жизнь заведующих исследовательскими кафедрами и пр. — возьмет верх, трудно сказать. Но что-то грозит. Это привезли наши делегаты из Харькова. Реформу отстаивают из акад[емиков] особенно Тутковский и Грушевский. Последний делает, конечно, политику.

Я писал Вам, кажется, что в материальном отношении дела Академии плохи. Едва удалось отбить дальнейшее сокращение штата. Обещали Академию не трогать, но поручиться трудно. Командировки свели до минимума, кредиты на издательство уменьшены, расходы на хозяйств[енные] нужды тоже. О расходах на лаборатории и др. учреждения и говорить нечего. Они и раньше были так крохотны, что их почти не было, а теперь не только не увеличение, а в некоторых частях и уменьшение. Финансовый кризис, м[ожет] б[ыть], у нас отражается и чувствуется больше, чем у Вас.

Поэтому мысль о том, чтобы добиться снятия Украинской Академии с местного украинского бюджета и перевести ее на бюджет общесоюзный, получает для Украинской Академии особенно важное значение для ближайшего фактического существования и развития.

Караваев получил интересный ответ от директора вашего зоологического музея Бялыницкого-Бирули³⁴⁰ на просьбу прислать издания Академии. Ответ был приблизительно в таком роде, что надежды на удовлетворение просьбы

мало, так как Украинская Академия ведет себя исключительно напыщенно к своей старшей сестре. Крымский А.Е. передавал, что он послал Коковцеву³⁴¹ свои работы и получил ответ, что Коковцев благодарит его за присылку интересных работ, но прочесть их, к сожалению, не может. Эти факты показывают, что отношения между Питером и Киевом ненормальны, и что факт существования Украинской Академии еще режет глаза. Конечно, мелкие уколы вроде письма Бирули и ответа Коковцева оставляют неприятный осадок, тем более, что письмо Бирули несправедливо, так как непочтительного отношения к Союзной Академии нет. Наоборот. Академия Украины всячески старается показать свои знаки уважения к Союзной Академии. Единственно, за чем она болезненно следит, это чтобы было полное юридическое равенство и не было никакой тени гегемонии. Любопытно, что эту точку зрения с новой силой отстаивают русские же академики в Киеве, члены 2-го отд[еления]. Если взять состав Украин[ской] Акад[емии], разве можно думать, что она заключает в себе врагов рус[ской] культуры? Мне кажется, что сейчас как раз и достигнуто то, чего мы с Вами желали — создан новый научный центр, который должен способствовать не только украинской, но и русской культуре. На все недоразумения я смотрю как на временные. Переживать их, конечно, тяжело и неизбежно, но пережить их надо. Что поделаешь! Когда окончательно укрепится Укр[аинская] Акад[емия] наук как научный центр украинской культуры, ее признают все, как признают сов[етскую] власть после того, как она укрепилась.

В Академии новые потери. Умер Н.Ф. Беляшевский³⁴² от грудной жабы. Он, правда, в научном отношении, давно уже был мертвым человеком и не давал ничего, но в свое время он сделал многое: при его энергии, настойчивости и умении организовался громадный Музей на Александровской улице. Беляшевский вошел в Музей, когда он был пустым, и ушел, когда в нем не было уже места. Большое значение имел в деле организации Музея пок[ройный] Б.И. Ханенко³⁴³, без которого Беляшевский ничего бы не сделал, но это не уменьшает заслуги Беляшевского. Ему удалось подобрать себе энергичнейших сотрудников (Щербаковский³⁴⁴), безукоризненно преданных делу. Много помогла и революция. В Музей натаскали большое количество ценнейших вещей, и теперь он заключает в себе многое такого, что имеет прямо-таки мировое значение.

Другое Ваше детище — Национальная Библиотека развивается слабо. Она более или менее приведена в порядок или приводится, ее наполнение иностр[анными] изданиями и новой коллекцией идет слабо. Денег нет. Вопрос о Библиотеке Иконникова не решен и до сих пор³⁴⁵. Думаю, не скоро он и решится, и Библиотеку эту ждет какая-нибудь случайность. В Харькове эту библиотеку не ценят, как подбор книг старых и стариков, по мнению Харькова, никому не нужных. Поэтому денег не дают и дадут нескоро, когда снова возродится уважение к научному знанию, независимо от партийных целей и интересов.

О ВУЗах, о научной и общественной жизни Вам расскажет живой свидетель — податель этого письма³⁴⁶. Он ближе меня все это знает.

Я же чувствую себя уставшим и скоро перееду на дачу, о которой мечтаю. Буду жить с Нат[альей] Дм[итриевой] в Боярке. Хочется застать там еще

цветущие деревья. Сообщение с Бояркой хорошее. Время от времени буду наезжать в Киев; работать же буду в Боярке. Пальто, о котором Вы пишете, явно не мое. Мое, как Вы сообщали мне уже, пропало. Мое пальто осеннее было, новое, темносерое на подкладке черной и с бархатным воротником. Таким оно мне рисуется теперь. М[ожет] б[ыть], в некоторых деталях я ошибаюсь.

Что напечате — не забудьте прислать мне. Обязательно прочитаю.

Помните: Вы взяли для Г[еоргия] Вл[адимировича] у меня [Семевского]³⁴⁷ и еще что-то? Где книги эти? М[ожет] б[ыть], в Симферополе — откуда нельзя ли их как-нибудь выцарапать обратно?

Привет Нат[алье] Егор[овне]. Нат[алья] Дмитр[иевна] кланяется.

Всей душой Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 7–10 зв. *Опубл.: Василенко Н.П.* «После нас, вероятно, наступит упорная борьба за свободу науки. И она победит...»: [письма к В.И. Вернадскому] / Н.П. Василенко; вступ., публ. Л. Матвеевой // *Віче*. — 1993. — № 11. — С. 138–139; *Василенко М.П.* Вибрані твори: у 3 т. Т. 3: Спогади. Щоденники. Листування / М.П. Василенко; НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького; упоряд. І.Б. Усенко. — К.: Юридична думка, 2008. — С. 476–477.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 144

30 травня 1926 р., [Ленінград]*

В[асильевский] о[стров], 7 л[иния], 2
30.V. [1]1926

Дорогой Николай Прокофьевич,

Вы не думайте — не получая от меня письма, — что я ничего не сделал для того, чтобы выслать Вам нужные Вам книги. Я сейчас же принял все меры — но делается все медленно. Книг, Вам нужных, не оказалось и в библиотеке Академии, хотя они должны были там быть. С.Ф. Платонов (директор Акад[емической] библиотек[и])³⁴⁸ сам навел справки в Публичн[ой] библиотек[е] — там они оказались, и Н.Я. Марр (директор Публ[ичной] библиотек[и])³⁴⁹ обещал мне выслать их для Вас в Украинскую Академию Наук. Известите, когда получите.

Не отвечал своевременно и на Ваше большое письмо, переданное мне Бор[исом] Леон[идовичем]³⁵⁰. Но я был все это время совершенно завален работой, и оно пошло у меня в очередь — и так вот до сих пор на него не ответил. Но я сейчас же выяснил тот вопрос о частном письме Бирули (Зоол[огический] Музей) к Караваеву, о котором Вы писали, и успокоился, когда мне дали справку, что наша Акад[емия] постановила выслать Зоол[огическому] Музею Укр[аинской] Акад[емии] все, что возможно. Я думаю, что это просто или неудачная шутка Б[ирули] или же его личное мнение, которое никаких

* Місце написання листа встановлено за змістом.

последствий не имеет. Сейчас русско-украинские отношения, конечно, очень сложны и далеко еще не приняли нормальной окраски — но отношения учреждений вполне корректны, чтобы не сказать больше. Идущая теперь на Украине украинизация, несомненно, подливает масла в огонь — но я думаю, что *modus vivendi** найдется: часть русских примирится с фактом, другая поймет правильность и необходимость укр[аинского] возрождения искренно. Все-таки, если сравнить 1916 и 1926 годы, ясно для всякого огромное изменение — коренное, какое произошло в укр[аинской] истории. Дело кончено, и никакие силы — реально существующие — его не остановят. Даже язык сделал за эти годы огромные успехи — несравненно больше русского, сильно пострадавшего от диких новообразований.

Книгу Титова получил: очень поблагодарите Академию, останется у меня — но я уже видел ее в Праге. Неужели все примечания пропали³⁵¹?

Мои книги здесь в полном порядке (вернее, беспорядке) — я не помню, какую книгу [Семевского] я у Вас взял? Напишите — постараюсь найти и выслать. Не думаю, чтобы книга была в Симферополе. Спишитесь с ним.

Летом хочу проехать с Нат[альей] Егор[овной] на месяц на Кавказ или куда-нибудь на воды. Не знаю, удастся ли. Сейчас же я совершенно завален работой; много подготавливаю к печати и печатаю. Сейчас сам лабораторно не работаю — нет времени и сил — но направляю работу. Осенью думаю и сам наладить кое-какие опыты, хотя сейчас слишком много сил и времени берет организация работы других. Посылаю Вам свою статью об автотрофности человечества³⁵² — и очень хотел бы, чтобы Вы ее прочли.

Всего лучшего. Наш горячий привет; передайте его и Нат[алье] Дм[итриевне].

Ваш В. Вернадский

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 30–30зв. *Оубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 22–23.*

В.И. Вернадський — М.П. Василенку

№ 145

13 вересня 1926 р., [Ленінград]**

Васил[ьевский] остр[ов], 7 линия, д. 2
13.IX. [1]1926

Дорогой Николай Прокофьевич,

Вчера получил 2 выпуска Праць Ком[ісії] для виуч[ування] історії зах[ідно]-р[уського] та вкраїн[ського] права³⁵³. Очень благодарю.

* Тут: спосіб дій (*лат.*).

** Місце написання листа встановлено за змістом.

Собираюсь к 30 сентября, к Геологич[ескому] съезду в Киев и заранее радуюсь свиданию с Вами³⁵⁴. Надеюсь, что ничто не помешает приехать. К сожалению, могу пробыть немного дней.

Недавно мы вернулись с Нат[альей] Ег[оровной] из Ессентуков³⁵⁵, где оба подлечивали сердца. Провели хорошо лечение: думаю, что это поможет провести зиму.

Больше не пишу, т. к. надеюсь лично повидать Вас и с Вами побеседовать.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 31. Листівка*.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 146

3 жовтня 1926 р., Київ

3.X.1926, Киев

Дорогой Николай Прокофьевич.

Это письмо Вам передаст моя двоюродная сестра Лидия Александровна Неелова³⁵⁶. Очень прошу Вас приграть ее и сделать, что можно.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 32.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 147

13 лютого 1927 р., [Ленінград]**

13.II. [1]927

Дорогой Николай Прокофьевич.

Давным-давно не писал Вам — хотя часто думаю и о Вас, и о Н[аталье] Дм[итриевне] и переносюсь к тем дням, когда мы с Вами опять свиделись.

И сейчас пишу Вам в связи с тем, что только теперь ответил А.Е. Крымскому³⁵⁷, который просил статью для сборника в честь Д.И. Багалая³⁵⁸. Я некоторое время колебался, долго не отвечал и сейчас послал ему откровенное частное письмо (учитывая, конечно, чуждые моральные навыки А.Е.) на его частное же письмо, написанное в дружеском аспекте наших давних дружеских отношений. Одновременно ему вложил и официальное письмо, надеясь, что он только его и огласит, если это нужно.

* Адреса на звороті: Тарасовская ул., 20, Украина. Академику Николаю Прокофьевичу Василенку.

** Місце написання листа встановлено за змістом.

Мне хочется Вам подчеркнуть мою точку зрения. Я вполне понимаю, что, может быть, выгодно сейчас — с точки зрения академической политики — издать такой сборник — но сейчас деятельность Д.И. по цинизму превысила все допустимое. Я даже не понимаю, для чего он это делает, и думаю, что здесь уже сказывается его возраст. Этот цинизм его сказывается не только в его публичных (и в частных беседах) оправданиях разрушения высшей школы и высшего образования на Украине — но и в введении в науку принципов научной работы, которые от науки далеки и житейски выгодны. Я чувствую, что я лично не могу участвовать в его сборнике. Очень возможно, что я бы иначе судил, если бы был в Киеве и в среде Академии. Сейчас каждый должен решать все вопросы единолично и согласно только со своей совестью. И расхождения его решений с решением его близких друзей — при таком условии — неизбежны. У меня нет скверного чувства к Д.И., и я думаю, что его жизнь — его прошлое — не прошла напрасно, и его большой труд оставит след — замечательный, во всяком случае. Он запутался в том сложном положении, в каком, может быть — на его месте — запутался бы и каждый из нас. Но все же при всем этом мое участие в сборнике было бы для меня такой фальшью, на которую я пойти не мог. Активно я его чувствовать не могу — отзовусь на его юбилей (когда он будет?) со стороны.

Теперь другой вопрос: мне писал Е.В. Оппоков (которому я еще тоже не ответил и на днях пишу) о происшедшем с ним невыбором³⁵⁹, потом я получил — без всякого письма — его список работ и отзыв о нем Ланге³⁶⁰. От К.Г. Воблого — мимоходом — узнал, что, как-будто, от меня хотят отзыва? Я ничего ни от кого — кроме просьбы Опп[окова] о помощи ему — не получал. Как мне нужно быть с Оппоковым — не знаю. К сожалению, второй раз Воблого не видел. Я очень ценю работы Оппокова и считаю, что, как ученый, он вполне заслуживает выбора — но совершенно не знаю, как и кому нужно это высказывать. Вы помните, что мы его намечали и раньше, давно уже. Но люди ведь меняются.

Теперь у меня к Вам просьба. Сейчас у нас образовалась, как я Вам говорил, Комиссия по истории знаний при Академии Наук. Я являюсь ее председателем³⁶¹. Она образовала выставку, посвященную К.М. фон Бэру, и подготавливает чествование его³⁶², изучение его деятельности (и Академии его времени) в 1928 году. В то же время, комиссия издает Труды Комиссии по истории знаний. Мне бы очень хотелось, если бы Вы вошли в члены комиссии и, может быть, при случае, дали бы какую-нибудь статью, связанную с вопросами по истории знаний. Если Вы согласны, я предложу Вас в члены Комиссии. Пока было два заседания; печатаются труды; подготавливается юбилейное торжество Бэра — в марте будет заседание Академии, посвященное Ньютону³⁶³. Вы занимались Бодянским, Левицким, Кременецким лицеем³⁶⁴ — и вопросы истории научных исканий входят в область Ваших интересов.

Все никак не могу выехать в Прагу — все еще делятся хлопоты с паспортом. Может быть, даже поеду только в Германию. Во всяком случае, надеюсь выехать в ближайшее время. Летом вернусь, и собираемся ехать с женой опять на Кавказ.

Моя научная работа все разрастается и расширяется, и я все глубже и дальше вхожу в какую-то новую и большую область.

Наш сердечный привет Вам и Вашей жене.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 33–34. *Опубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н.Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 23–25.*

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 148

18 лютого 1927 р., Київ

Київ, Тарасовская ул., 20
18 февраля 1927 г.

Дорогой Владимир Иванович.

Если бы Вы знали, как я обрадовался Вашему письму. О Вас я имел сведения только понаслышке, знал, что Вы весь ушли в работу. Без глубокого волнения не могу читать Ваших слов «моя научная работа все разрастается и расширяется, и я все глубже и дальше вхожу в какую-то новую и большую область».

Я только что собирался писать Вам, так как слышал, что Вы уезжаете на некоторое время за границу. Пока собирался, получил от Вас письмо.

Мысль о сборнике в честь Д.И. Багалия и о чествовании его шумном имеет свою историю и свою особую подкладку. У нас, в Академии, идет борьба за власть между А.Е. Крымским и М.С. Грушевским. Борьба эта принимает подчас неприличные формы. «Если бы Вы знали, что они друг на друга пишут», — сказал мне Иван Адамович³⁶⁵ в Харькове, когда я с ним виделся в ноябре. Несомненно, в целях агитационных был устроен юбилей М.С. Грушевского. Устроен он был помимо Академии, хотя группа лиц, его устраивавшая, с неизбежным в таких случаях Тутковским во главе, действовала от имени Академии. По этому поводу в Спільном Зібранні были очень неприятные разговоры. Вообще в Академии юбилей был встречен кисло и даже враждебно. Для М.С. Грушевского он также не дал желательных результатов, так как масса телеграмм повела к тому, что в официальных сферах нашли нужным ослабить впечатление, и юбиляру пришлось пережить немало неприятных моментов. Президия Академии участия не принимала, хотя приветствие от Академии, конечно, было. Вообще, с академической точки зрения, юбилей вышел подмоченным. Крымский во время юбилея устроил себе командировку в Крым, а Ефремов совсем уклонился от участия в чествовании.

Когда Крымский возвращался из Крыма и заехал к Багалию, то узнал, что приближается его юбилей, им-то он и задумал воспользоваться в противовес юбилею Грушевского, придав характер строго академический. Инициативу в устройстве юбилея взяла на себя президия Академии (Липский, Крымский,

Ефремов), тогда как юбилей Грушевского устраивала частная группа во главе с Тутковским при секретарстве родственника Грушевского Савченко³⁶⁶, его правой руки. Первый шаг к юбилею, который, по мысли президии, должен затмить юбилей Грушевского и, во всяком случае, придать ему иной характер, и есть издание сборника от имени Академии. Редакторами этого сборника, который будет грандиозен по объему, является президия Академии. На днях я получил за подписью Тутковского и Савченко приглашение принять участие в таком же сборнике в честь Грушевского. Очевидно, конкуренция продолжается. Я лично буду принимать участие в обоих сборниках³⁶⁷. Не придавая своему участию принципиального значения, я хочу подчеркнуть, что я стою вне той личной борьбы, которая ведется в стенах Академии. Но я понимаю Вашу точку зрения, если посмотреть на дело шире, чем смотрю я, замыкаясь в круг отношений чисто академических. Поведение Д.И. действительно смущает и удивляет очень многих. Может быть, действительно роль играет возраст, а, может быть, и это, пожалуй, вероятнее, непрочность положения, при котором часто перегибается палка. Никто не верит, но все же кажется, что льстивыми словесами можно удержать положение.

В таком положении, как и Вы, был и Д.М. Петрушевский³⁶⁸, к которому Крымский также обратился с предложением участвовать в сборнике. Он отклонил предложение почти по тем же соображениям, как и Вы. Я думаю, А.Е. Крымский, конечно, для официальных отношений воспользуется Вашим официальным отказом. Что касается Вашего частного письма, то, уверен я, содержание его дальше Липского, Ефремова, как редакционной коллегии, не пойдет. В этом случае у него, необузданного, хватит, конечно, такта.

Вопрос относительно Оппокова тоже имеет свою историю, связанную с той борьбой за власть, о которой я говорил выше. Я хорошо помню, как Оппокова намечали в академики, и я всегда смотрел на него, как на будущего академика, так, как Вы смотрели на его научную деятельность и работы, как на заслуживающие внимания. Кандидатура Оппокова до сих пор встречала оппозицию со стороны Тутковского. Причину я видел в том, что Вы ее поддерживали. Так было до приезда Грушевского, которому Оппоков по матери приходится близким родственником, кажется, двоюродным братом³⁶⁹.

Когда началась погоня за голосами для президентства, появилась снова кандидатура и Оппокова, как явного сторонника Грушевского. Теперь ее стал муссировать и поддерживать Тутковский. Но против Оппокова высказалось второе отделение.

При баллотировке в отделении голоса поделились поровну. Считать избранным или нет? Дело было перенесено в спільне зібрання, которое, несмотря на отстаивание избрания со стороны Тутковского и Грушевского, высказалось за неизбрание, указав отделению, что этим не исключается возможность через некоторое время возбудить снова вопрос об Оппокове в отделении. После этого М.С. Грушевский совершенно частным образом просил меня прозондировать почву в нашем 3-м отделении, как оно отнесется к кандидатуре Оп[покова]. Я после одного из заседаний нашего отделения, закрывши официальную часть, поставил на обсуждение вопрос об Оппокове. Припомнили все то, о чем я

только что писал, и вынесли такую резолюцию, что мы в этом деле будем стоять на чисто научной точке зрения. Если нам докажут, что Оп[поков] крупная величина, будем голосовать за него. Но отзыв должен быть дан, напр[имер], В.И. Вернадским, а не нашими специалистами, запутавшимися в борьбу, не имеющую отношения к науке. Все эти соображения я передал М.С. Грушевскому с согласия, конечно, нашего отделения. Результатом этого и является, очевидно, письмо и просьба Оппокова к Вам. Мне кажется, что ввиду настроений 2-го отделения, о которых я выше говорил, я бы не советовал Вам давать частный отзыв о трудах Оппокова, а выждал бы официального запроса от отделения, если он будет (как обстоит теперь дело с Оппоковым — не знаю). В противном случае, Вы, не зная местных целей и отношений, можете попасть в какую-нибудь грязную историю, которых у нас не оберешься. Ничего дурного об Оппокове я не знаю. Академического места он добивается давно и настойчиво.

Спасибо Вам за предложение войти в состав комиссии по истории знаний. Буду считать это за великую для себя честь и, конечно, беру на себя обязательство прислать какую-нибудь статью, соответствующую программе комиссии.

В настоящее время мои занятия сосредоточены на истории права. Скоро начну печатание работы, когда-то Вами мне подсказанной — нечто вроде введения в науки истории западно-русского и украинского права. Сейчас работаю над историей ее разработки. К сожалению, участие в юбилейных сборниках меня выбило из колеи. Меня очень удовлетворяет работа Комиссии по изучению истории западно-русского и украинского права, во главе которой стою я. История права — наука, обретающаяся в загоне, нигде она не преподается, тем не менее, Комиссия работает и продуктивно и с интересом. Вероятно, ко времени Вашего возвращения из Германии пришло Вам третий выпуск ее трудов. Комиссии удастся объединять историков права не только киевских, не только живущих вне Киева, но даже и за границей. Благодаря этому Комиссия начинает получать некоторое значение. Отношение к украинскому языку среди русских за границей чувствуется все же враждебное. Это я сужу по некоторым письмам в ответ на запрос. Напр[имер], на предложение Лаппо³⁷⁰ издать по-украински подготовленный им к печати Литовский Ст[атут] я получил очень вежливый отказ, мотивированный принципиально тем, что для русских народностей языком научным должен быть русский.

Мы часто и до сих пор очень часто вспоминаем с Нат[альей] Дм[итриевной] те вечера, когда Вы хоть на минутку забегали к нам, внося столько интереса и оживления. Нат[алья] Дмитр[иевна] с месяц уже болеет. Началось дело гриппом, но темп[ература] не падает, а держится на 37,5. Очевидно, где-то открылся туберкулезный фокус, который никак не залечивается. Она сидит дома и работает над историей Новороссии, главным образом, над историей ликвидации Запорожья. Приходит к очень интересным и новым выводам, особенно относительно землевладения.

Был я в начале ноября в Москве, пробыл там около 10 дней по вызову Наркоминдела для отстаивания Литовской Метрики против литовцев с точки зрения Украины. Это был мой первый выезд с 20-го года. Свободное время проводил в обществе милейшего Д.М. Петрушевского, с которым не один раз вспоминали и Вас.

Не знаю, известно ли Вам, что в число академиков избран В.Э. Грабарь³⁷¹? Мы мечтаем, чтобы он переехал в Киев, как сделал это И.А. Малиновский. Боюсь только, что В.Э. слишком отвык от Киева. Наш город, все-таки, чем дальше, тем больше отдает провинциализмом. Отсутствие общественной жизни чувствуется очень. Вузы убиты, и научная жизнь для украинцев теплится в Академии, а для неукраинцев в разных обществах, большинство которых, если не ошибаюсь, собирается также в помещении Академии.

Как проведем мы лето — еще не знаем. Основным нашим местопребыванием будет Боярка под Киевом, к которому мы уже привыкли. Но мне хочется в этом году проехаться по Каме. Это путешествие продлится не более 2-х недель, но зато будет полный отдых: новые места, свежий воздух, отсутствие людей и необходимости быть постоянно на людях — все это должно дать отдых. О загранице мне еще мечтать не приходится.

Если поедем на Каму, то, конечно, вдвоем с Нат[альей] Дм[итриевой].

Будьте здоровы. Привет Наталии Егоровне. Нат[алья] Дмитр[иевна] шлет Вам сердечный привет.

Всей душой Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк 11–15зв. Авторизований машинопис.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 149

23 лютого 1927 р., Київ

Киев, Тарасовская ул., 20
23 февраля 1927 г.

Дорогой Владимир Иванович,

отправив Вам письмо, я все думаю про Оппокова: правильно ли я поступил, посоветовавши Вам лучше не давать отзыва без запроса 2-го отделения? Теперь думаю, что давши такой совет, я поступил неправильно. Раз Вы высокого мнения о трудах Оппокова, почему не высказать этого на письме, хотя бы и по просьбе самого заинтересованного? Тут дело только научной совести. «Грязные истории», о которых я упоминал, пустяки; на них обращать внимания не стоит, тем более, что я, зная о них понаслышке, могу представлять их в неправильном виде. Поэтому я очень бы не хотел стоять на пути Оппокова, так как считал бы это несправедливым. Для меня лично, да и для многих моих коллег Ваш отзыв имел бы большое значение, потому что мы хотим при выборе держаться строго научной точки зрения, оставляя в стороне посторонние соображения. Я думаю, что 2-е отд[еление] запроса Вам не пошлет, имея уже отзыв Тутковского о трудах Оп[покова]. Это значило бы отнестись к отзыву Тутк[овского] с недоверием. Раз дело стоит так, то правильно ли лишать Оппокова Вашего отзыва,

хотя бы в частном порядке? Мне кажется, оснований для этого и нет. Scripsi etaninam levavi*.

С Лидией Александр[овной] Нееловой мы изредка виделись. Она раз обедала у нас и просидела несколько часов. Она очень милый человек. Жаль, что болезнь Нат[альи] Дм[итриевны] (она не выходит уже месяца полтора) прервала наше знакомство. Как только Нат[алья] Дмитр[иевна] выйдет, то сейчас же пойдет к Лидии Алекс[андровне].

Сегодня мы будем слушать Козлова об его путешествии в Монголию.

Для характеристики Тутковского: университетская библиотека считается теперь учреждением ненужным. Решено передать ее в Национ[альную] библиотеку. При этом Медич[инский] инст[итут] особым распоряжением Главнауки получил «медицинскую» библиотеку и забрал ее, прихватив биологическую. Академия Наук постановила университетской библиотеки не разъединять, а оставить ее в том виде, как она есть, дополнив ее триплетами из Нац[иональной] библи[отеки]. Возбуждено также ходатайство о возвращении частей библиотек, уже отданных в другие руки. Тутковский присутствовал при этом и участвовал в постановлении, а между тем оказалось в то же время тайно возбудил ходатайство о передаче Геологич[ескому] комит[ету] библиотеки Геологич[еского] кабинета и книг по геологии из университета. Правление В.И.Н.О. уже постановило было передать. Как раз в это время Академия и Нац[иональная] библи[отека] узнали про это, запротестовали и приостановили действия в смысле раздробления библиотеки у[ниверсите]та. Как Вам это нравится? Меня удивляет беспринципность, с какой старые воспитанники университета с такой легкостью разрушают свою alma mater**.

Предполагается отстроить новое здание унив[ерситетской] библиотеки (ас[сигновано] 70 т[ысяч] <рублей> и перенести туда унив[ерситетскую] библи[отеку], которая, сохраняя свою целостность, будет составлять особое отделение Нац[иональной] библи[отеки]³⁷², как составляет, напр[имер], особое отделение ее библи[отека] Духов[ной] Академ[ии]. На днях Нац[иональная] библи[отека] признана Академией снова за свою фундаментальную библи[отеку] и, таким образом, теснее закреплена ее связь с Академией.

Будьте здоровы. Нат[алье] Егор[овне] привет низкий***.

Когда уезжаете?

Всей душой Ваш Ник. Василенко

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк 16–17зв. Авторизованный машинопис.

* Я сказав та заспокоїв свою совість (лат.).

** Тут: рідний університет (лат.).

*** Так в оригіналі.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 150

13 травня 1927 р., [Ленінград]*

13.V. [1]927

Дорогой Николай Прокофьевич,

На днях уезжаю в заграничную командировку — к сожалению, не в Чехословакию, но только в Германию и, вероятно, в Норвегию. Невозможность поехать в Чехию поставила в очень трудное положение, как по отношению к Унив[ерситету] и Чешск[ой] Акад[емии], так и по отношению ко всей моей работе: я готовился к прочтению курса по геохимии³⁷³ и приостановил мою работу над моими *Études biogéochimiques*³⁷⁴. Пострадала и моя личная экспериментальная работа, к которой так и не приступил в этом году. Я начал уже хлопоты — подав заявление в Академию — о поездке в Чехию в будущем году.

Еду сейчас в Берлин (Berlin NW, Levetzow Str., 18^{II}. Frau E.A. Argutinsky³⁷⁵ для меня), где думаю около месяца заняться отработкой тех двух сообщений, которые хочу сделать во время *Forscher-Woche*^{**}. А затем хочу поехать с женой и детьми куда-нибудь на воды. Возвращаюсь к половине августа — у меня сейчас здесь организована большая экспериментальная работа — более 20 человек — над живым веществом. Получил деньги от Академии; думаю, что наши работы дадут, наконец, такие результаты, которые помогут разобраться в тех своеобразных проблемах, которыми столько лет занимаюсь³⁷⁶. Сейчас, благодаря тому, что один из крупных агрономов, мой большой друг А.Н. Лебединцев³⁷⁷ выздоровел и хочет поставить эти же задачи в план работ своих и своих сотрудников, я неожиданно получил возможность направить эти исследования в область земледелия. Я уверен, что в области вопросов плодородия здесь открываются новые пути.

Послал Вам не так давно мою речь об истории науки — первый выпуск Трудов нашей комиссии³⁷⁸. В осеннем заседании мы Вас выберем в ее члены: мне очень было бы удобно иметь Ваш самый краткий научный *curriculum vitae*^{***} (на одной-двух страницах). Если Вам не трудно — пришлите³⁷⁹.

Мы сейчас, сколько можем, развиваем издательскую деятельность — уже сейчас у нас есть больше материала, чем возможностей. Я надеюсь все же двинуть энергично это дело. В будущем наша комиссия должна превратиться в Исследовательский Институт по истории знаний с большим Музеем. Чем больше я вдумываюсь, тем больше вижу и значение — и необходимость — этой работы. В сущности — в общей истории человечества — да и каждого народа — творческая работа в области знаний (науки и техники) основная — а рост человеческой мысли и умения — самый важный процесс его жизни — с той планетной точки зрения, на которую невольно становится натуралист.

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

** Тут: Тиждень науки (нім.).

*** Життєпис (лат.).

На днях получил статью Нат[альи] Дм[итриевны]; сердечно ее благодарю — непременно прочту по возвращении. Я стараюсь быть в курсе основных течений украинской и русской истории. Хорошо бы и в украинской проследить ход истории мысли.

Всего лучшего.

Ваш *В. Вернадский*

Наш сердечный привет Вам и Нат[алье] Дм[итриевне]. Я всегда вспоминаю с теплым чувством нашу последнюю встречу в Киеве и мечтаю и в наступающем академич[еском] году попасть туда на несколько дней.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 35–36зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 151

24 вересня 1927 р., Боярка

Боярка

24 сентября 1927 г.

Дорогой Владимир Иванович. Давно, давно не писал я Вам. На извещение о времени Вашего отъезда за границу я ответить не мог, потому что письмо не застало бы Вас в Питере, если бы Вы не задержались. За границу писать не хотелось. Думаю, Вы теперь уже дома. Рассчитывая на это, я и просил Яснопольского³⁸⁰ передать Вам привет.

Мы еще сидим в Боярке, в 25 верстах от Киева. Здесь проводили лето. Оно было у нас в этом году теплое, ясное и прошло в общем хорошо. Мы много с Нат[альей] Дм[итриевной] работали, но больше отдыхали. Теперь же доживаем последние дни. Они такие хорошие и красивые здесь, что не хочется и переезжать в город. А нужно, и мы переедем в воскресенье, 2 октября. Было у нас много планов. Хотели проехать по Волге, Каме, но заехали сюда и уже не двинулись с места. Получили приглашение на Херсонесский съезд³⁸¹, но тоже не поехали. Не пережили, таким образом, и сильных и тяжелых впечатлений от землетрясения³⁸².

В жизни нашей Академии начинается какой-то новый период. Послужит ли он к дальнейшему развитию, трудно сказать. Но только сейчас Академия как будто получает характер боевого задания. Нам дали и уже почти достроили новое здание б[ывшей] Ольгинской гимназии на углу Фундуклеевской и Владимирской улиц. Там будет помещаться 2-е отдел[ение] исключительно. Вопрос только заключается в том, дадут ли возможность заполнить пустоту комнат? Десять лет проходит со времени основания Академии, а до сих пор у нее нет лабораторий. Это, на мой взгляд, объясняется как неопределенным положением Академии, которая носила какой-то полулегальный характер только терпимого учреждения, так и недостаточным интересом к математическим и естественным наукам со стороны лиц, стоявших во главе Академии и руководивших ею.

В ведение Академии переходит также и университетская библиотека, которая составит отделение Национальной Библиотеки, перейдет в новое здание, которое достраивается, но сохранит свою самостоятельность и цельность. Часть ее, главным образом студенческий отдел, остается, однако, в ведении В.И.Н.О. Это последнее очень тяготится библиотекой и старалось всячески от нее избавиться. По характеру своему расширенный учительский институт прежнего времени, В.И.Н.О. заняло университет и ему, оказалось, тесно. Не только оно заняло бывшую церковь, но повыгоняло из здания все общества, уничтожило кабинеты (искусств, нумизматический и т. п.), изгнало библиотеку. Словом, на месте бывшего университета — руины, и только заново хорошо выкрашенное в красную краску здание напоминает о распаднике просвещения, которому скоро будет 100 лет. Любопытно, что в разрушении университета деятельную часть принимали беспринципные питомцы и профессора университета вроде Столярова³⁸³ или Граве.

На руинах университета должна укрепиться Академия. Теперь мы ждем нового устава. Осенью он будет непременно издан.

Каков он будет, трудно угадать. Во всяком случае, он явится результатом не целесообразности, а случайной борьбы влияний. Вероятно, новый Ваш устав окажет свое влияние. Наша академическая личная борьба за власть — тоже. Жертвою этой борьбы может пасть наше 3-е отделение путем слияния его с 1-м. Академия, в конце концов, стала на нашу сторону <и> высказалась за сохранение отделения. Но противниками отдельного существования его являются Грушевский и Тутковский. Мотивы неясны, но конечно, какой-нибудь расчет. Они действуют ходами помимо Академии. Тутковский теперь в Харькове персоне гратиссима*. Он считается мировым ученым, он — член Киевского горсовета, он — член ВУЦИКА вместо Крымского. Его хотят и прочтут в президенты Академии. Так как Академия решительно против него, то может быть нежелательный конфликт. В связи со всем этим говорят о падении влияния Крымского. Словом, накануне нового устава и десятилетия Академии у нас запутанное положение. Одно всех удивляет, откуда и на основании каких данных научных и общественных такие симпатии у власть имущих к Тутковскому?

Новое явление в нашей украинской просветительной жизни это наплыв галичан. Напоминает что-то вроде наплыва чехов при Толстом³⁸⁴. Правда, это можно объяснить случайностью, тем обстоятельством, что Главнаукою фактически руководил галичанин Яворский³⁸⁵, теперь снятый. Естественно, что он тянул своих, ему известных. Но если принять во внимание, что появлению галичан предшествовала борьба путем украинизации с русскими учеными, то факт появления галичан получает особое значение. Во всяком случае, на мой взгляд, это не послужит укреплению Союза. После последней войны галичане особенно враждебно относятся к русским и, конечно, вражду эту принесут с собой и на Украину. К тому же уж больно они угодовническую политику ведут.

---

* Так в оригіналі: *persona gratissima* — найбажаніша особа (лат.).

Искренности мало, а отсутствие ее может много вреда принести нашему федеративному Союзу.

Получил я Вашу брошюрку «Мысли о современном значении истории знаний»³⁸⁶. Прочитали ее мы с Нат[альей] Дм[итриевной] вместе, прочитали запоем и с большим интересом. Такие широкие перспективы и такая глубокая вера в науку, в ее мощь, силу и достижения. Без волнения читать невозможно. Когда-то выйдет в свет Ваш большой труд о живом веществе, над которым Вы работаете? Много успели за границей?

По приезде в Киев пришлю Вам свое научное curriculum vitae*. Здесь накануне переезда не хочется заниматься им, да у меня под руками и нет экземпляра.

Осенью будем праздновать юбилей Д.И. Багалея. Точка зрения, на которую стали Вы, разделяется и некоторыми другими. По тем же мотивам отказались принять участие в сборнике и другие, правда, немногие лица. Из сборника наш Непременный Секретарь сделал демонстрацию против М.С. Грушевского. Выходит в честь Багалея сборник — Левиафан. Я видел 1082 стр. сборника³⁸⁷. В противовес ему Грушевский–Тутковский затеяли, в свою очередь, сборник в честь Грушевского размером в 40 листов³⁸⁸. Оба сборника издаются на средства Академии. В этом эпизоде, как в зеркале, отражается наша мелкая повседневная академическая жизнь, борьба личных самолюбий, честолюбий и стремления к власти. Приятно только отметить, что Академия до сих пор не свернула с того пути, на который Вы ее поставили — это при избрании академиков руководствоваться научным, а не национальным только критерием. Последними по времени избраниями были Ф.Г. Яновский и Солнцев³⁸⁹ по политической экономике.

Издательская деятельность Академии развивается. Пока преобладает 1-е отделение, но скоро в один уровень с ним пойдут и два другие отделения.

Общественной жизни, вне коммунистической партии в Киеве, конечно, никакой. Научные общества действуют, но все с одинаковой интенсивностью. Любопытно также отметить борьбу литературных направлений. Когда-нибудь напишу о них. На мой взгляд, в них много и ерунды, но немало и живых ростков.

Много ли времени провели со своими детьми? Над чем работает теперь Георгий Владимирович? По-видимому, он теперь всецело вошел в Византию? Долго он останется в Праге или для научных занятий переедет куда-нибудь? Я слышал, что в Праге факультет русский закрывается. Украинский университет тоже³⁹⁰. По крайней мере, профессора-галичане едут сюда. Получает ли Г.В. наши издания III отделения? Скоро пошлем ему новые.

Как же живет Нина Владимировна? Она тоже пошла по научной линии?

Наталье Егоровне передайте мой искренний привет, а также привет и от Натальи Дм[итриевны], которая и Вам шлет его и свои наилучшие пожелания. Крепко, дружески жму Вашу руку.

Всею душою Ваш Ник. Василенко

---

* Так в оригиналі: curriculum vitae — життєпис (лат.).

А жаль, что Вы забираете от нас Бориса Леон[идовича]³⁹¹. Для него это хорошо, а для Киева, для Украины плохо, очень плохо...

Адрес мой прежний — Тарасовская, 20.

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк 18–21зв. Авторизований машинопис.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 152

18–21 жовтня 1927 р., Ленінград

Петербург

В[асильевский] о[стров], 7 л[иния], 2
18.X. [1]927–21.X. [1]927

Дорогой Николай Прокофьевич — я был страшно рад получить Ваше письмо, все время собирался — еще раньше — Вам написать, и если сейчас пишу так поздно, то причиной этого отнюдь не является какое-нибудь мое волевое проявление. Хочется написать в тишине и на свободе, а не в сутолоке текущей жизни. Приходится выбирать моменты.

Сперва на Ваши вопросы. Мне не пришлось поехать в Прагу, и дети должны были приехать к нам в Германию — но я с ними там хорошо виделся. Мой сын сейчас в Америке в New Haven'e, где он получил приглашение в Yale-ский университет, пока на год, профессором по русской (и византийской) истории³⁹². Я думаю, что он там останется. Он получал Ваши издания, очень их ценил и говорил мне, что хотел Вам о них писать³⁹³. Я очень доволен своим свиданием с ним. Его мысль очень выросла, и то, что я ценю очень в нем — что встречается не так-то часто — это искренность научной мысли. Это видно и по отношению, напр[имер], к украинским изданиям и украинскому вопросу. Сейчас он выпустил очень интересный, по моему мнению, очерк русской истории (Начертание русской истории. I. Внешняя история) на фоне истории Евразии³⁹⁴. Мне кажется, он впервые ввел очень большой новый материал, связанный с историей Азии, и многое в русской истории представляется иначе, чем думалось раньше. Книга его, как ставящая на обсуждение коренные вопросы, вызовет, конечно, большие возражения. Но, я думаю, постановка этих вопросов, особенно в наше время, полезна и нужна. Он ее перерабатывает по-английски и пишет на русском яз[ыке] еще сжатый общий очерк (сводку) истории Евразии с 500 г[ода] по Р[ождеству] Х[ристову] до наших дней³⁹⁵. Мой зять (Н.П. Толль) в связи с этим очерком сейчас кончает общий очерк истории Евразии с 500 [года] до Р[ождества] Х[ристова] по 500 [год] по Р[ождеству] Х[ристову]³⁹⁶. Летом я много с ним говорил в связи с этими — в высшей степени интересными, вопросами. Я напишу сыну, чтобы он прислал Вам свою книгу, но он мне говорил, что он Вам ее пришлет.

Моя Ниночка теперь доктор медицины — она научно работает по психиатрии и бактериологии; учится китайскому языку и очень много помогает мужу

в его археологических работах. У них обоих — большая критика Европы; чешская жизнь их не удовлетворяет. Пока, временно, они в Праге, но переезжают или в Париж, или в Софию. Оба, очевидно, всецело отдаются научной работе³⁹⁷.

Я очень мечтаю — и серьезно это подготавливаю — провести ближайшее лето на Украине, около Киева. Медленно — но, надеюсь, прочно — развивается моя работа по живому веществу. Организуется биохимическая лаборатория. Пока Академия помогает из своих средств. Приходится идти новыми путями, создавать формы работы. Летом хотим выехать скопом, всей лабораторией в природу, и я мечтаю, как о таком центре — о Староселье или окрестностях³⁹⁸. Я буду об этом списываться с своими киевскими друзьями и буду еще просить о моральном содействии Украинскую Академию.

Сколько могу, слежу за украинской жизнью и за украинским движением. Мне кажется, что его сила — глубокое чувство национальности, — не рациональное, а бессознательное. Этого нет в русском движении. Но все так зависит от внешних обстоятельств!

Я не считаю исторический процесс клубком случайностей. Не с точки зрения, конечно, человеческой — но в нем есть определенное направление, которому можно придать понятие цели. Сила культурного человечества есть крупный фактор геологический, и можно считать рост человеческого сознания космическим явлением. Как геологическое явление, человеческая история входит в геологические процессы, как их часть. С этой точки зрения она — в своем основном течении также мало может быть остановлена нашими усилиями (сознательными или бессознательными), как мало могло быть остановлено создание млекопитающих или цветковых растений: предыдущая палеонтологическая история к этому шла. Это основное явление ни одна теория эволюции не объясняет. Уже за миллионы лет наблюдаемый результат — сознание цивилизованного человечества — подготавлилось. Мне кажется, в результате будет создание автотрофного человечества — его независимость от остального живого. Перейдет ли в этот нов[ый] *Übermensch** все человечество или его часть? Сейчас я с глубоким интересом читаю книгу американского ученого Breasted'a (его история Египта переведена по-русски) — *The conquest of civilisation*³⁹⁹ и в нем нахожу то же понимание — уже историка, а не натуралиста — космического значения появления на Земле человеческого сознания, человеческой мысли. За границей меня глубоко охватил чрезвычайный и для меня неожиданный рост немцев, а затем, сейчас идет огромное философское движение — идеалистическое — захватывающее всю мысль и всю молодежь. Один из моих друзей-американцев говорит, и я вижу это по литературе, что никогда американские ученые не имели столько денег для научной работы, как теперь. Он не знает, хорошо ли это! Я думаю, что это, конечно, не случайное явление. Чувство закономерности так охватывает мысль, что в Германии и на Западе возрождается астрология — проявление зарвавшейся мысли? Или, наоборот, ее бодрой смелости?

---

* Надлюдина (нім.).

Наш горячий привет.

Ваш *В. Вернадский*

Нат[алью] Дм[итриевну] очень благодарю за статью.

Надеюсь съездить на два месяца в Прагу — прочесть курс.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 37–38зв. *Опубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 26–28.*

М.П. Василенко — В.И. Вернадському

№ 153

23 грудня 1927 р., Київ

Київ, Тарасовская, 20

23 декабря 1927

Дорогой Владимир Иванович!

Вчера получили мы с Нат[альей] Дмитриевной Вашу брошюру «Памяти акад[емика] Бэра»⁴⁰⁰. Я сейчас же прочел ее с большим интересом. На основную мысль ее я смотрю как на реакцию против стремления провести демаркационную линию между прошлой «буржуазной» наукой и теперешней, «пролетарской». Это стремятся, как известно, делать и некоторые научные деятели старого времени, стараясь унизить и уменьшить научные приобретения и методы дореволюционного времени сравнительно с новым.

Но я не согласен с Вашей основной мыслью, что русский народ, создавший крупные культурные ценности, сознает их. Сознает маленькая кучка интеллигенции, которую никак нельзя принимать за народ. До сих пор этот последний являлся бессознательным разрушителем, и много еще нужно времени, чтобы он осознал те творческие результаты, которые обнаруживаются в его среде. Ваш оптимизм, который в основе разделял и разделяю и я, для нашего времени требует больших ограничений. Если такие культурные ценности, как Киевский университет, разрушен и разрушается, и в этом участвуют деятели науки, бывшие профессора и питомцы этого университета, о каком народном сознании можно говорить. Тоже и о Пушкине, Врангеле⁴⁰¹, не говоря уже о Бэре. Нет, много еще времени пройдет, очень много, прежде чем народ осознает себя. Чрезмерному оптимизму здесь нет места.

Я рассчитывал написать Вам сейчас после Багалеевского юбилея, но почти две недели чувствовал себя плохо. Юбилей в Киеве прошел довольно внушительно. 27 дек[абря] он будет праздноваться еще в Харькове. Киев[ский] юбилей, устроенный академической организационной комиссией, носил академический характер. В таких тонах говорили речи и представители власти. Харьковский юбилей, думаю, будет носить преимущественно политический характер. Всем известен основной мотив юбилея Д.И. Багалея — противо-

поставить юбилею Грушевского, в устройстве которого Академия не принимала участия, юбилей же Д.И. Багалея целиком устроен Академией. Поэтому у нас о последнем юбилее говорят не иначе, как сравнительно. Организации в юбилее Грушевского было больше, он был стройней. Не было того наивничания, которое пускает иногда в ход Непр[еменный] Секр[етарь] и которое нарушает и портит строгость наших академ[ических] торжеств. Зато приветствий было больше. Юбилею был поднесен известный уже Вам Сборник в парчевом переплете. Речей интересных не было. Ответная речь Д.И. Багалея была бесцветна и, конечно, не может сравниться с умной, тактичной и содержательной речью М.С. Грушевского на его юбилее. На другой день был банкет. Как и у Грушевского, было очень мало академиков. Банкет прошел очень мило, просто и оживленно и совсем был не похож на прошлогодний банкет Грушевского, где ожидалась власть, но эти уклонились и места их были пустыми. У Багалея этого не было. Никого не ожидали, и все места были тесно заняты.

Жизнь в Киеве течет в этом году вяло. Хотя уже декабрь, но мы как будто начинаем только раскачиваться. В Академии вечная борьба Грушевского и Тутковского с Управой (Крымский, Ефремов, Липский). Борьба эта происходит и за кулисами, и в Спільному Зібранні, переносится и в Харьков, вмешивают в нее власть имущих. Словом, каждая Академия, вероятно, должна пережить свою шумахеровщину. Борьба идет, конечно, за власть. Чтобы достигнуть своего, борющиеся готовы обособиться от Академии, и Управе стоит много усилий поддерживать и сохранять единство Академии.

Академия получила, как Вы знаете, новое здание быв[шей] Министерской гимназии⁴⁰². Оно уже закончено почти и представляет собой украшение города. Там будет помещаться только 2 отд[еление]. Небольшая сумма, около 130 т[ысяч] <руб.>, отпущена на устройство лабораторий. Сумма мизерная, но все же она — начало чего-то реального.

Наполовину закончено здание Библиотеки и в нее уже перенесено ок[оло] половины унив[ерситетской] библиотеки. Унив[ерситетские] шкафы большею частью поступят в Академию.

У нас стоит суровая зима. Трещат морозы до 18°. Снегу много, так как на прошлой неделе бушевали метели.

Ну, всего хорошего. Нат[алья] Дм[итриевна] шлет привет и благодарит за память. Мой привет Наталии Егоровне.

Всей душой Ваш *Ник. Василенко*

О реформе Академии ничего сейчас не слышно. Но ждем. Куда посылать академические издания Георгию Владим[ировичу]?

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 22–23зв. *Опубл.: Василенко Н.П.* «После нас, вероятно, наступит упорная борьба за свободу науки. И она победит...»: [письма к В.И. Вернадскому] / Н.П. Василенко; вступ., публ. Л. Матвеевой // Віче. — 1993. — № 11. — С. 140–141; *Василенко М.П.* Вибрані твори: у 3 т. Т. 3: Спогади. Щоденники. Листування / М.П. Василенко; НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького; упоряд. І.Б. Усенко. — К.: Юридична думка, 2008. — С. 531–532.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 154

6 травня 1928 р., Москва

Москва
6.V. [1]928

Дорогой Николай Прокофьевич,

Сейчас уезжаю дальше. Страшно огорчен, что доставляю еще хлопоты. Я оставил у Вас⁴⁰³ в передней (налево, кажется) калоши. Очень прошу мне их прислать в Ленинград. Вот еще новая Вам забота. Страшно рад, что виделся с Вами и Нат[альей] Дм[итриевой] и самым сердечным образом Вас благодарю.

Ваш *В. Вернадский*

Видел Дм[итрия] Моис[еевича]⁴⁰⁴, который здравствует и много рассказывал интересного и расспрашивал.

В.В.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 39. Листівка.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 155

19 травня 1928 р., [Ленінград]*

19.V. [1]928

Дорогой Николай Прокофьевич,

Вчера я получил калоши. Очень благодарю и чувствую огромные угрызения совести, т. к. заставил Вас — это видно по ящику — потратить на эту работу и силы и время. Но ничего не поделаешь.

У нас идут разговоры о выборах⁴⁰⁵. Срок кончается к 14 июня — выборы будут, д[олжно] б[ыть], только в октябре. В общем, гораздо менее предложенный кандидатов, чем можно было ждать.

Я принялся здесь за работу. Очень надеюсь быть часть лета в окрестностях Киева. Нат[алья] Егоровна еще в Пятигорске — ей лучше. Жду ее или в конце этого месяца, или в начале июня.

Всего лучшего. Мой сердечный привет Нат[алье] Дм[итриевне].

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 41–41зв.

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 156

30 червня 1928 р., [Ленінград]*

30.VI.1928

Дорогой Николай Прокофьевич,

Все время собирался Вам написать, но так только теперь перед отъездом могу это сделать. Не знаю даже, поблагодарил ли я Вас за присылку калош, т. к. к ужасу своему нашел Вашу приписку не там, где она должна была бы находиться, если бы я Вам ответил!

Вернувшись из Киева, я несколько расхворался и, в сущности, до последнего времени старческие немощи давали себя временами чувствовать. Завтра едем с женой в Ессентуки (Ессентуки, Кисловодская ул., 14, санаторий Бальнеологического Института) — уже билеты взяты. Там думаем пробыть месяц, а затем едем в Киев, где я хотел бы пробыть с Н.Е. тоже месяц⁴⁰⁶.

А затем думал было ехать в Туркестан — но у нас как раз в конце сентября в начале октября начнут действовать избирательные комиссии, характер состава и работы которых неясен — но которые должны прочистить тех 240 кандидатов, каких мы имеем на 40 мест⁴⁰⁷. Сейчас в местной петербургской «прессе» идет полная инсинуаций травля лиц, служащих в Академии (пока академиков не затрагивали) — опровержения не принимаются⁴⁰⁸.

Я все это время — в очень, правда, трудных условиях и в очень плохо оборудованных научных учреждениях — продолжаю свою работу и передо мной открываются все новые и новые горизонты и явления. Даже удивительно для моего возраста.

Очень мечтаю пожить месяц в Киеве, повидаться с Вами и прикоснуться к «земле». Хотя я и считаюсь книжным человеком и даже эрудитом, я никогда не мог отойти в кабинетную работу. После долгого перерыва опять вошел в лабораторную работу и в Киеве надеюсь прикоснуться к природе. Никогда книга не даст того, что дает реальное созерцание...

Мне хочется Вам, как близкому и родному человеку, сообщить, что недавно я выбран членом-кор[респондентом] Парижской Акад[емии] Наук⁴⁰⁹ — у нас был им только И.П. Павлов и тот выбран был до войны⁴¹⁰. Это очень меняет мое положение во Франции.

Всего лучшего. На письмо Н[аталье] Дм[итриевны]⁴¹¹, которую очень благодарю, ответила Н.Е.

Наш горячий привет.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 43–43зв.

* Місце написання листа встановлено за змістом.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 157

11 липня 1928 р., Боярка

Боярка, Киев[ского] Округа,
Крещатик, 68, дача Езерских
11 июля 1928 г.

Дорогой Владимир Иванович! Вчера на Лукьяновском кладбище в Киеве похоронили Ф.Г. Яновского⁴¹². Две недели тому назад в Академии Наук во время защиты диссертации доктором Базилевичем⁴¹³, одним из младших его учеников, Ф.Г. очень волновался и Ф.Г. постиг во время диспута удар. Ф.Г. отвезли в карете Скорой помощи домой. У него была парализована правая рука и нога и несколько попорчена речь. Сознание сохранилось и речь настолько, что Ф.Г. сам мог сделать некоторые указания, как с ним обращаться. Врачи думали, что удастся поставить его на ноги. Но неожиданно от лежания появился отек легкого и обострилась старая болезнь почек, и трех болезней сразу Ф.Г. побороть не мог. Он умер вечером 8 июля на 68 году жизни. Бесспорно, это был самый популярный человек в Киеве. Хоронили его по православному обряду и очень торжественно. За гробом шла десятитысячная толпа, которая постоянно сменялась. Тут были люди разных положений и национальностей, и евреи на улице служили панихиду торжественно с кантором. Из Софийского собора Ф.Г. пронесли мимо Академии и клиник. У Академии речи говорили Воблый, Корчак-Чепурковский, д[октор] Базилевич и проф[ессор] А.П. Крымов⁴¹⁴. Последний сказал трогательную речь от имени старого медицинского факультета. Пародируя Кони⁴¹⁵, А.П. напомнил о «сердце» Ф.Г., за которым идет теперь тысячная толпа. Да, смерть Ф.Г. в полном смысле этого слова, незаменимая потеря для Киева. Уходят старые деятели науки и бывшего киевского университета, который разрушен вконец и персонально и в отношении учреждений. Недавно от саркомы позвоночника умер хирург профессор Н.М. Волкович⁴¹⁶. Ф.Г. Яновский был организатором его похорон. В одно время с Ф.Г. умер Зворыкин⁴¹⁷, а раньше Ерченко⁴¹⁸ и Слезкин. Таким образом, и Политехникум терпит большие брешы, заделать которые некем. Смены серьезной пока нет. Она будет. Но когда?

У нас в Академии наступили каникулы, которые смягчают переходный момент. С неутверждением Крымского и откладыванием выборов непр[еменного] секретаря до октября, президия состоит из двух человек — Президента Заболотного и вице-презид[ента] Воблого. Заболотный как президент производит оч[ень] хорошее впечатление. Он сразу вступил в борьбу с анархизмом наших собраний. Человек он, по-видимому, уживчивый, энергичный и заинтересован своим новым положением, как и К.Г. Воблый. У последнего есть административная жилка и он увлечен мыслью поднять престиж Академии, упавший во время личной борьбы последнего времени. Принимая во внимание особенности личного характера Д.К. Заболотного и К.Г. Воблого, людей уме-

лых, энергичных, по натуре мягких и настойчивых, можно думать, что они могут и будут работать в согласии и начнут новую эру в жизни Академии. Может быть, даже хорошо, что сейчас не замещена должность непр[еменного] секретаря. Это поможет президенту и вице-президенту занять в Академии то доминирующее положение, которое в свое время старались придать Вы, и которое так пало вследствие слабости В.И. Липского и автократизма А.Е. Крымского. Кандидатов серьезных в Неп[ременные] Секретари два — М.В. Птуха и А.В. Фомин. Перевес той или другой кандидатуры определится не борьбой, а соглашением, в зависимости от компромисса с Харьковом относительно названных кандидатов. Других кандидатов нет и быть не может, чтобы они получили большинство.

Я думаю, с Союзной Академией произойдет что-то вроде нашей. Будет ревизия. Мелочи будут выведены в серьезные нарушения. Все это, чтобы придать законность вмешательству во внутренний строй Академии. Мы пережили все это. Теперь, по-видимому, очередь за вами. Вся трагичность и заключается в том, что обвинения сыпятся как из рога изобилия, а оправдаться негде, возражений не принимают.

Я, признаться, не дооценил важности избрания Вас во француз[скую] академию. Дружески искренно радуюсь и от всей души поздравляю.

Прилагаю письмо Нат[альи] Дм[итриевны] Нат[алье] Егоровне. Оно было написано в день получения от Вас письма и поэтому не отослано, как адресованное в СПб., а я с письмом своим задержался.

Будьте здоровы. Нат[алье] Егор[овне] привет.

Искренне преданный *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 24–25зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 158

16 липня 1928 р., Єссентуки

16.VII. [1]928

Єссентуки, Кисловодська, 14

Клиника Кавказск[ого] Бальнеолог[ического] Інститута

Дорогой Николай Прокофьевич,

Очень поразило меня сообщение о кончине Феоф[ила] Гавр[иловича]. Еще недавно мы с Вами у него обедали, а потом в Петербурге он заезжал ко мне и был оживлен. Хотя и жаловался на здоровье — но никак нельзя было ждать такого быстрого конца.

В моем возрасте, когда быстро уходят сверстники и нарождается новое, надо, казалось бы, быть спокойным. Но всякая смерть всегда действует вопреки разуму. И сейчас с отъезда моего из Петербурга — за эти две недели — это вторая неожиданная смерть. Я знал и Зворыкина — в ранней молодости — мы

оба с ним чуть не попали в ту тяжелую историю, которая жестоко отразилась на многих — в связи с делом Александра Ульянова. Теперь и из этих людей осталось немного — Лукашевич, Агафонов, я — кажется, все⁴¹⁹.

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы написали мне адрес и имя сына Ф.Г. Яновского — я хочу ему написать несколько слов. В последних разговорах он так трогательно интересовался новым в естествознании и, в частности, так сердечно выражал свое отношение ко мне. Я очень жалею, что не записал рассказа о «предчувствии», которое он имел и которое нам рассказывал за обедом. Это область явлений, к которой сейчас и научная мысль подходит и, кажется, склоняется к положительному разрешению. Во всяком случае, в ближайшие десятилетия вопрос получит разрешение и, м[ожет] б[ыть], откроется новый мир в научном охвате.

Вы угадали о ревизии нашей АН. Она явилась как раз накануне моего отъезда из Петербурга — а в это время как раз у нас все разъехались или находились в инвалидном состоянии. Из всего президиума почти никого не осталось. До приезда Ферсмана «диктатором», заместителем всех должен быть Сушкин, да и того я оставил в постели. Ферсм[ан] возвращается 1 авг[уста]; С.Ф.⁴²⁰ совсем болен и изнервничался. А затем все разъехались в отпуск или на работы. Начались переговоры с Москвой; все отложено до октября и эти господа уехали или ушли — не знаю. Октябрь будет для нас месяц страдный. И ревизия, и выборы. Больше 240 человек на 43 места!

Я думаю, что и Птуха и Фомин — оба друг друга лучше. Мне кажется, что, конечно, положение, когда Презид[ент] и В[ице]-През[идент] являются [пешками] — не допустимо. Раз будет Воблый и один из указанных двух лиц — я думаю, это лучшее возможное решение. Все же выбор президиума прошел в обстановке, которая не подрывает авторитета Укр[аинской] Ак[адемии] Н[аук]. Может быть, Заболотный и окажется хорошим президентом — я его мало знаю — но отзывы о нем неважные.

Очень хотелось бы Вас повидать в Киеве лучше. Но отсюда раньше 5-го августа не удастся выехать. Мы получили билеты 20-го только на 1 июля. А между тем вагоны имеют много пустых мест! В чем тут секрет — не пойму. Думаю, что очередная, обычная бездарная организация. Она, конечно, бездарна для каждого отдельного человека, с удобствами которого принципиально не считаются. Много и здесь удивительного.

Во всяком случае, врачи говорят, что надо месяц или месяц и 5 дней здесь провести, т[ак] что в Киев поедет между 5–10 августа и там я останусь до конца нашей работы, т. е. до сентября — так что нам неделю придется пробыть на даче. Но все же, особенно для жены — я хотел бы жить вне города. Надеюсь, к этому времени Вы вернетесь с Волги?

Нат[алья] Ег[оровна] благодарит Нат[алью] Дм[итриевну] за письмо, на которое скоро ответит: она здесь заболела было — не то малярия, не то желудочное. Сейчас лучше.

Шлем Вам и Н.Д. горячий привет.

Ваш *В. Вернадский*

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 159

23 липня 1928 р., Боярка

Боярка, Крещатик, 68

23 июля 1928 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Феофил Гаврилович оставил двух сыновей. Оба они жили с ним вместе на Большой Подвальной улице, 13. Старший из них, — с которым Вы беседовали об естествознании — Виктор Феофилович — государствовед по специальности, но читает теперь всякие предметы, лишь бы набрать часы и не умереть с голоду. Человек он очень добрый, деликатный, но недаровитый⁴²¹. Младший — Михаил Феофилович — служит в архиве. Раньше он служил в Москве в Книжной Палате, где занимал интересное место. С разъездами и надеждой на улучшение. Но года два тому назад у Яновских умерла за границей замужняя сестра от туберкулеза и, уступая просьбам матери, Мих[аил] Феоф[илович] бросил московскую службу и переехал в Киев на совсем незаметное место в Архиве, но зато место покойное и прочное⁴²². Положение его лучше, чем старшего брата, который при наших вечных реформах высших учеб[ных] заведений может всегда попасть под сокращение. О нем, его более прочном устройстве на нас лежит долг еще позаботиться. Он к тому ж человек семейный. Феофил Гавр[илович], хотя и имел колоссальнейшую практику, но благодаря, с одной стороны, бескорыстию, а, с другой, благодаря помощи, которую он щедро рукою оказывал отдельным лицам, выбитым из колеи нашего времени, состояния никакого не оставил, кроме дома, который будет доставлять, конечно, только тревоги его осиротевшей семье. Я думаю, Ваше письмо Виктору Феофиловичу даст ему большое утешение. Как человек скромный, он будет переживать свое горе внутри и всякое сочувствие будет ему доставлять большое утешение и облегчение.

Поездка наша на Волгу расстроилась. Приезжие из Москвы понаговорили нам такие ужасы об ожидании и очередях на получение железнодорож[ных] билетов в Москве, что мы решили было проехать вместо Волги по Днепру до Екатеринослава и через пороги до Херсона. Но сведения, полученные нами, снова оказались неблагоприятными, и, в конце концов, мы оселись* в Боярке, где и будем отдыхать уже до конца. Сведения, собранные нами, свидетельствуют, что путешествие, при современных условиях, не всегда может способствовать отдыху, а еще большему утомлению, так как нигде с уверенностью нельзя рассчитывать. Так как мы будем сидеть в Боярке, то нас радует перспектива провести месяц вблизи Вас и Нат[альи] Егор[овны]. Не знаем, удастся ли Вас устроить в Боярке. До последнего времени Боярка была пуста. Но в июле наступили теплые дни, и все комнаты в Боярке оказались занятыми. Мы, впрочем, надеемся, что в начале августа или, скорее, к середине его, когда Вы

* Так в оригіналі.

приедете, комнаты в Боярке начнут уже освобождаться. Вы только точно напишите нам, когда Вы предполагаете быть в Киеве на Тарасовской.

В Академии наступили каникулы. Так как я не живу в Киеве, то мало принимаю теперь летом участие в академических делах. На днях возвратились из Харькова Заболотный и Воблый. Они собрали всех академиков, живущих в Киеве, и доложили им о своих достижениях в Харькове. Я не был в этом собрании. Но мне передавали, что бюджет Академии будет значительно увеличен. Кроме того, предполагается избрать до 4 апреля 20 академиков новых. Способ избрания будет тот же, как в союзной Академии. Это будет задача трудная, так как, где взять хорошо квалифицированных ученых, которые к тому же непременно были <бы> и украинцы. У нас на Украине так мало ученых людей. Еще время не создало их.

До скорого, значит, уже свидания. Приедете, тогда потолкуем.

Нат[алья] Дмитр[иевна] шлет привет Вам и Наталии Егор[овне]. Я тоже.

Всей душой любящий Вас *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 26–27зв. Авторизованый машинопис.

В.И. Вернадський — М.П. Василенку

№ 160

2 серпня 1928 р., Єссентуки

Єссентуки, 2 авг[уста] [1]1928

Дорогой Николай Прокофьевич

Очень благодарю за телеграмму. Проеду прямо в Академию. Наши планы несколько изменились. Во-первых, меня после Єссентуков направляют в Кисловодск на 10 дней (Nachkur)* и послезавтра мы туда переезжаем (адрес: Кисловодск, Санаторий Цекубу) — а, во-вторых, Нат[алья] Ег[оровна] останется в Кисловодске до сентября и прямо оттуда проедет в Петербург. Ей всякий лишний переезд труден — Кисловодск ей страшно нравится и она поедет назад с нашими друзьями. Я же заказал себе место в Киев на 15 августа. Пробуду, сколько потребуется — до начала сентября⁴²³. Очень буду рад Вас повидать.

Чувствую себя хорошо и, очевидно, мы бы обошлись без Nachkur'a, но заботы предстоит впереди много, и я хочу запастись силами. Как-то на днях был в Кисловодске в санатории ЦКУБУ и тут попал в круг сверстников и даже более молодых, многих из которых не видел многие годы: и так живо и ярко почувствовал «работу» времени. Очевидно, и сам такой, хотя этого обычно не сознаешь. Некоторых я даже не узнал.

Очень буду рад повидаться с Вами и Н.Д.

Ваш всей душой *В. Вернадський*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 46–46зв.

* Додатковий курс лікування (нім.).

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 161

3 вересня 1928 р., Ленінград

Петербург, 3.IX. [1]928

Дорогой Николай Прокофьевич,

Вернулся на днях в Петербург и застал здесь Нат[алью] Егор[овну], приехавшую из Кисловодска в хорошем виде.

Я еще не вошел в работу, которой очень много. Только много читаю.

По-видимому, инструкцию выборов составит Акад[емия] Н[аук]. По крайней мере, Президиум выработал и представил на утверждение. Еще ½ месяца до начала. Ревизия отложена на после выборов. Она, по-видимому, острием направлена против личного состава служащих. И очевидно нет физической возможности вести выборы среди того кавардака, который она может поднять.

Интересно, как все сложится в Укр[аинской] Академии. Надеюсь, удастся обеим Академиям выйти из положения и не подвергнуться тому разложению, которое выпало на долю университетам.

Очень обращаю Ваше внимание на книгу Е. Тарле «Европа в эпоху империализма»⁴²⁴. Очень интересная сводка; много заставляет думать. Кончил дорóгой.

Всего лучшего.

Ваш *В. Вернадский*

Наш горячий привет Вам и Н.Д.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 47–48зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 162

6 вересня 1928 р., Ленінград

Петербург, 6.IX. [1]928

Дорогой Николай Прокофьевич.

На днях послал Вам лекарство (в Академию) и письмо. Как здоровье Нат[альи] Дм[итриевны]? Очень прошу Вас, когда будете в Киеве, направить мою корреспонденцию, присланную в Академию, мне сюда (Ленинград, Васил[ьевский] остр[ов], Академия Наук). Из Укр[аинской] Акад[емии] мне не присылают издания. Когда я был на выборах, я как будто обо всем сговорился с какой-то барышней: она все обещала и ничего не сделала. Пусть посмотрят, что они не выслали. В частности, хочу иметь Сборник в честь Багалея и книгу Сиповского⁴²⁵. 2 и 3 отделы высылают более аккуратно.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 49. Листівка.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 163

13 вересня 1928 р., Боярка

Боярка, Киевского Округа,
Крещатик, 68
13 сентября 1928 года

Дорогой Владимир Иванович. Получил я оба Ваших письма — закрытое и открытку. В городе был неделю тому назад. Лекарства, посланного Вами, еще не было. Великое спасибо Вам и Нат[алья] Егор[овне] за них. Нат[алья] Дмит[рие]вна] совсем оправилась от болезни. Так как температура долго колебалась, то было опасение, не открылся ли новый фокус. Теперь опасность прошла. Температура стала нормальной, и мы уже ходим за грибами.

Так было больно (другого слова не найду) нам, что Вы так скоро уехали. Особенно жалела Нат[алья] Дмит[рие]вна], которая так ждала Вас и которой пришлось время свидания с Вами провести в постели. Мы думаем остаться здесь до начала октября, если погода не прогонит раньше. Теперь настали чудные дни киевской осени, чистые, ясные. Деревья уже одеваются пестролистной листвой. Груши яркими пятнами выделяются на темной сухой зелени хвойного леса. Работа у нас здесь есть, мои сотрудники по научным делам навещают меня здесь, и, кажется, раскаиваются: стоит ли раньше прекращения хороших теплых дней возвращаться в город с его шумом и пылью?

Относительно Вашей корреспонденции и присылки Вам академических изданий еще не урегулировал вопроса, так как не был в Киеве. То, что было адресовано на мой, кстати, неверный адрес, пересылаю Вам через Академию. Вопрос экспедиционный — большой вопрос в Академии, и новой Президии придется на него обратить серьезное внимание. Составленный по родственному и приятельскому принципу, он проявляет удивительную халатность. Я сколько раз говорил о высылке Вам решительно всех изданий Академии. Меня заверяли, что Вам все высылается, и вдруг узнаю от Вас, что многое Вам не выслано. То же и с получением заграничных изданий. Сколько раз Спільне Зібрання делало постановление о том, чтобы все вновь поступающие издания предварительно выставлялись в особой витрине. Это постановление никогда приведено в исполнение не было: книги попадали не туда, куда следует, а то просто не доходили по назначению. Со мной на днях случилась на этой почве неприятная история. Мне прислали последнюю книгу Н.П. Толля (кстати, как имя и отчество?) о скифах и гуннах. К ней приложена была статья Савицкого краеведческого характера о значении изучения гуннов⁴²⁶. И что же, эта небольшая статейка оказалась вырванной. Не цензура же это сделала? Очевидно, какой-нибудь так наз[ываемый] краевед (а их у нас с легкой руки Сергея Федоровича расплодилось много, теперь количество их уменьшается) поинтересовался статьей и ничтоже сумняшеся извлек ее из моего частного обладания в свое. Такие явления показывают, что тут машину нужно поправить. Книгу Толля я еще не

прочитал, так как передавал в Академию на предмет расследования порчи. Прочитаю, напишу Вам о ней.

Мы теперь переживаем время маневров и, живя на даче, где они происходят, я, конечно, поддаюсь настроению, создаваемому ими. Все это очень интересно. Конечно, на маневрах отсутствует серьезный стимул — чувство страха.

Нат[алья] Дмит[риевна] поручила мне передать привет Вам и Нат[алье] Егор[овне]. Она сама хотела писать, но сегодня неожиданно поехала в Киев. Заболел опасно желудком наш «Дружок», собачка, которую, помните, мы с Вами постоянно приманивали, чтоб не отбегала далеко, в Боярском лесу. Мы оба очень любим этого Дружка и здоровье его вызывает у нас тревогу.

В Академии у нас еще пусто. Жизнь еще не началась. Не начинается она серьезно пока и в ВУЗах.

Будьте здоровы, дорогой мой. Крепко жму руку. Нат[алье] Егор[овне] мой искренний привет.

Всею душою Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 29–30зв. Авторизованный машинопис.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 164

4 листопада 1928 р., [Ленінград]*

4.XI. [1]1928

Дорогой Николай Прокофьевич,

Не писал Вам давно — Ваши сентябрьские письма лежат у меня среди неотвеченных. Вы сами понимаете, в какой передрыге приходилось — и приходится — мне сейчас жить. Кроме выборов в Академию, весьма сложных, у меня идет организация новой лаборатории при чрезвычайно трудных условиях, борьба в Академии за Комиссию по изуч[ению] ест[ественных] произ[водительных] сил, которую хотят перекраивать, по моему мнению, совершенно неправильно — все время пытались воспользоваться моим отсутствием — то заграничным, то Кисловодском и Ессентуками⁴²⁷. Надеюсь скоро прислать мою записку в защиту⁴²⁸. В связи с этим мне пришлось уже после Киева съездить на 3 дня в Тверскую губернию... Сверх того у меня вся работа в Радиевом Институте остановилась или задержалась — нет цемента, нет мастеров, нельзя купить кабели и т. п. Прямо какой-то паралич. Со своей работой собственной переехал в Академию. А так как я сверх сего нахожусь в самом разгаре творческой мысли, что довольно редко в моем возрасте — то все время у меня занято до конца — и я ничего не успеваю вовремя делать.

О выборах по газетам не судите; они дают кривое зеркало — по крайней мере, здешние. Но информации везде ведь одни: могут они писать только то, что

* Місце написання листа встановлено за змістом.

дает верховная цензура. В общем наше положение чрезвычайно трудное и много неясного. Украина стояла в центре внимания⁴²⁹. Кандидатура Грушевского, напр[имер], поддерживалась правительством — но его научный авторитет признавался его врагами. Трудное и очень неясное положение Заболотного. Любопытно, что о Кистяковском, научное значение которого, по-видимому, было неожиданностью для официальн[ого] представителя Украины, все время официально говорили, как об украинском академике. Вначале Оз[ерский] указал, что недоразумения формального характера были — что-то такое, что ни я, ни едва ли другие поняли. Я думаю, что Кист[яковский] хорошо пройдет. Жаль, что он не устроится в Киеве.

Толля зовут Никол[аем] Петр[овичем]. С заграничными книгами и здесь бывают казусы, и тоже не ясно — цензура ли это или же промежуточные любители. Ко мне не дошли 3 №№ «Mercure de France»⁴³⁰ — судя по содержанию, в них, как-будто, ничего не было запретного. Надеюсь, Вы книгу Толля высвободили. Это переделанная его диссертация (у Нидерле⁴³¹), без научного аппарата. Она меня не очень удовлетворяет, и внешне он недостаточно обработал. Но он — человек с характером и будет идти дальше.

В свободное время — дни отдыха, я читаю, м[ежду] пр[очим], «Историю украинской литературы» Грушевского⁴³². Сплошь — не перескакивая, читать ее, конечно, нельзя — но книга и интересная, и значительная. Любопытен тезис, который невольно выявляется: культурное единство и украинцев и великороссов в их духовном творчестве на протяжении почти всего периода их историч[еской] жизни. Незаметно для себя Гр[ушевский] это доказывает.

Всего лучшего. Дружеский привет и Вам и Нат[алье] Дм[итриевне].

Ваш *В. Вернадский*

Многоуважаемая Наталья Дмитриевна, приписываю несколько слов, ч[то]б[ы] поблагодарить Вас за Ваше письмо. Так нам и не удалось этим летом свидеться и познакомиться. Надеюсь, что мы все-таки когда-нибудь встретимся. Теперь, как-будто, Ваша очередь приехать в Ленинград.

Всего хорошего. Шлю Вам обоим сердечный привет*.

Н. Вернадская

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 50–51зв. (конверт — арк. 52). *Опубл.:* Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 28–29.

* Дописано рукою Н.С. Вернадської, дружини В.І. Вернадського.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 165

19 листопада 1928 р., Київ

Київ, Тарасовская ул., 20
19 ноября 1928 г.

Дорогой Владимир Иванович.

С большой радостью получили Ваше и Нат[альи] Егоровны письмо. Мы часто Вас вспоминаем и уже соскучились по Вас.

Месяц, как мы переехали из Боярки. Помните нашу маленькую собачку «Дружка», которая доставляла нам с Вами столько беспокойства во время нашей с Вами прогулки по боярским лесам? Он погиб от двустороннего воспаления легких. Мы до сих пор горюем. Трудно представить себе, чтобы собака заняла такое место в нашей с Нат[альей] Дмит[риевной] жизни, как это чувствуем мы, потерявши Дружка. Маленькая по росту, это была собака исключительного ума, понимания, привязанности и деликатности.

У нас сейчас стоит чудная осенняя погода после нескольких дней слякоти. Но дело уже приближается к зиме. Все уже на своих местах и работают. Но темп работы в этом году почему-то вялый. На это жалуются все. Замечается какое-то упадочное настроение. Все дорожает, хотя у нас хвосты бывают только за маслом да изредка, в дни перебоев, за хлебом.

В начале ноября, 5 и 6, заседала у нас академическая Рада, суррогат прежнего Спільного Зібрання. Из харьковского начальства приезжал только зав. финансовым отделом Наркомпроса Бутвин⁴³³, который давал пояснения к бюджету Академии. Мы рассчитывали на бюджет в 1 200 000 рублей, но придется ограничиться 1 мил[лионом]. Рада прошла вяло, академики, хотя присутствовали на ней в значительном числе, но вносили мало активности, пожалуй, больше говорили из публики, так как поговорить теперь у некоторых есть большая охота.

Вопрос о довыборах Президії и выборе Непрем[енного] Секретаря стоит открытым. Шансы Чепурковского невелики. Весьма вероятно кандидатура А.В. Фомина. Секретарем же отделения вместо уехавшего Липского⁴³⁴ избран Шмальгаузен. Есть среди академиков течение (небольшое), чтобы отложить избрание Непр[еменного] Секретаря до того времени, как Академия отпразднует 10-летний юбилей, т. е. до июня. Все, конечно, будет зависеть от Харькова.

Вопрос о праздновании юбилея Академии занимает у нас видное место. Образована особая для этого комиссия под председательством Президен[та]. Туда входят и представители от отделений. III отдел хотел избрать меня, но я уклонился. Жаль, что всю подготовительную работу по учреждению Академии, кажется, предполагается представить так, что для Академии на первых порах ничего не было сделано. Такой точке зрения способствовал, между прочим, в свое время Крымский, делая официальные публичные заявления, что для Академии первоначально было отведено помещение из одной комнаты рядом с

клозетом. Празднество думают обставить очень торжественно. На это, говорят, предполагается ассигнование 200 тысяч. На празднование предполагается пригласить много ученых учреждений и отдельных ученых Запада. Как это будет, еще не известно, так как комиссия заседала один только раз еще. Предполагается также ряд изданий юбилейного характера; разработку плана в этом отношении поручено Багалию, который на днях уехал в Харьков, пробывши в Киеве две недели. Празднество предполагается весной, в мае–июне, когда легче можно занять гостей, устроив для них и осмотр окрестностей Киева, и поездку по Днепру на Шевченкову гору, на Днепрельстан⁴³⁵ и т. п. В мае, значит, будем иметь удовольствие видеть Вас в Киеве. Ведь Вы же приедете на наши торжества?

Президент наш что-то ведет себя плохо относительно здоровья⁴³⁶. В последнюю пятницу на заседании отделения ему сделалось дурно. Врачи пока не находят ничего опасного, но все же рекомендуют покой. А тут как раз из Президента хотят сделать глашатая вроде С.Ф. Ольденбурга, приглашают на разные торжества, а это связано именно с нарушением покоя. Пока из Президии особенно усиленно работает Воблый. У него, несомненно, есть административная жилка.

Большое затруднение представляет у нас предположение об избрании к апрелю 20 новых академиков. При курсе на украинцев и галичан является вопрос, где их взять? Вы хорошо знаете наши научные силы.

Будьте здоровы. Привет от Нат[альи] Дм[итриевны] Вам и Нат[алье] Егоровне. От меня также.

Всей душой Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк 31–32зв. Авторизований машинопис.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 166

2 січня 1929 р., [Ленінград]*

2.І. [1]929

Дорогой Николай Прокофьевич,

Часто думаю о Вас и от общих друзей узнаю и знаю о Вашем здоровье и бытѣ-житѣ. И очень часто хочется писать Вам, но жизнь в ее бессмысленной сейчас форме мешала и мешает это сделать.

Сейчас урвал несколько минут и хочется Вам послать строки.

С тревогой переживаю и болею [близкие] события обоих академий и всей научной работы нашей страны и, наконец, всего колеблющегося и разлагающегося ее нравственного облика. Во что оно выльется? Идем ли вперед или

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

быстро назад? Сейчас этого никто не скажет, т. к. ясно, что те задачи и цели, которые сейчас высказывают, не отвечают реальности.

Я неуклонно и много работаю и, в общем, плодотворно. Конечно, далеко не так, как это хотелось бы и как это сейчас возможно в странах Запада и заокеанской республики. Но все же удается непрерывно научно работать и не только мыслью (чего никто остановить не может), но и конкретно — в лаборатории, печатно и в направлении и организации работы других.

Получили ли Вы книжку Бузескула⁴³⁷? Второй том сдан в печать. Сейчас у нас в Комиссии по ист[ории] знаний работа заторможена. Ни с того ни с сего сместили нашего секретаря пр[офессора] М.М. Соловьева⁴³⁸ — а у нас единственная единица! Он лично мало пострадал — если не считать того, что не может столько отдавать времени изучению К. фон Бэра и его эпохи. Удалось доказать, что все обвинения на него (по-видимому какие-то доносы из окружающей научной (?) среды) оказались ложными, но его у нас не оставили, а перевели на прежнюю работу зоолога, благо оказалось место. По существу это, конечно, озорство — но наша работа пострадала. А с тех пор никак не могут ответить нам по поводу представленного кандидата.

Удивительное время: maximum жизни и minimum эффекта!

Как Вы себя чувствуете? Как работается? Сердечный привет Вам и Н.Д.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 53–53зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 167

3 січня 1929 р., [Ленінград]*

3.І. [1]929

Дорогой Николай Прокофьевич,

Немного я жду хорошего от нового года — но по старой традиции с новым годом!

Не знаю, была ли у Вас дочка Ал[ександра] Ал[ександровича] Корнилова⁴³⁹ — она еще не возвращалась. Я дал ей записку к Вам и Нат[алье] Дм[итриевне] и надеюсь, что она к Вам зашла. Это новое поколение, приспособливающееся к новым условиям жизни — она средний человек, но человек недурной. Очень мне интересно Ваше и Н.Д. впечатление, если она была у Вас...

Я переживаю эти месяцы быстрый и неожиданный уход друзей — disposition**, как говорят о смерти французы. После нашего киевского свидания тяжело поразила смерть Успенского⁴⁴⁰, Сушкина⁴⁴¹, Радлова⁴⁴². Каждый из них незаменим — и хотя Успенский и Радлов много меня старше — они были полны

* Місце написання листа встановлено за змістом.

** Становище (фр.).

сил и мысли... Я смотрю на смерть очень спокойно — для меня это одна из тех неразрешимых загадок, которые создал себе человек своей жизнью. Все ее решения вероятно — а даже наверно — совсем не отвечают действительности; особенно это явно для тех грубо-наивных, которые сейчас являются официальным решением господствующей (номинально) фетишистской религии атеизма.

Больное и грустное чувство остается всякий раз и нескоро свыкаешься с неизбежным. Так и сейчас для меня большой удар — смерть Эрн[еста] Льв[овича] Радлова, с которым постоянно сталкивался по ист[ории] знаний. В русском обществе здесь это был один из самых видных философски мыслящих людей — связывающий нас с тем огромным движением и ростом философской мысли, которые переживали и от которого мы искусственно отрезаны. Это был один из христианских философов, отличавшийся огромной эрудицией и продуктивностью.

Вам расскажет Конст[антин] Григ[орьевич]⁴⁴³ о наших академических делах. Они невеселые. Надеюсь, что Ак[адемия] Н[аук] не будет разрушена, как почти разрушен осыпанный милостями — дежурными — Геологический Комитет⁴⁴⁴. Даже непонятно, как это случилось и почему. Желать этого никто не желал. Совсем мрачно я не смотрю — думаю, что многое может оказаться совсем не тем, чего желают и чего ожидают. Посмотрим... Но люди многие так устали и так измотались, что может не хватить просто сил — а заменить одного человека как раз здесь нельзя.

Еще раз горячий привет Вам и Н.Д. от нас обоих.

Ваш *В. Вернадский*

Моя научная работа идет, все развертываясь.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 54–54зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 168

17 січня 1929 р., Київ

17 января 1929 года
Киев, Тарасовская, 20

Дорогой Владимир Иванович!

Никогда еще не получал от Вас такого грустного, такого полного безнадежности письма, как последнее, в котором Вы поздравляете меня и Нат[алью] Дм[итриевну] с новым годом. Так как новый быт еще не вывел желаний, то от души желаю, чтобы новый год поскорей развеял Ваши мрачные мысли и вернул Вас к тому душевному равновесию, жизнерадостности, энергии, которые всегда Вас отличали и без которых как-то трудно и представить себе В.И. Вернадского.

Процесс быстрого вымирания целого поколения сильных умов, с мыслью о которых сжился, а Вы среди них находили близких Вам по научной работе и отношениям людей, действительно производит страшное, жуткое впечатление. Я как-то еще серьезно не задумывался о близкой смерти. Может быть потому, что мне приходится регистрировать отдельные случаи ее. Для Вас же этот вопрос поставила случайность, когда из жизни вырваны один за другим люди, с которыми Вы работали и без которых в Вашей жизни образовалась пустота, которую уже никем не заполните. Таковы свойства нашего возраста. Все-таки вопрос о смерти странный. Как бы философски ни относиться к нему, а все-таки факт остается фактом, что человек выходит из жизни и уже никогда не возвращается, и все, что составляет красоту ее, что она творит и к чему он был причастен, для него не существует. Я думаю, два вопроса никогда не разрешит человеческий ум. Это зарождение бытия и прекращение его. Между этими двумя вехами человеческий ум будет творить, т. е. отгадывать жизнь. Знаю, Вы с Вашей глубокой верой во всемогущество человеческого ума, не согласитесь с этим. Но ведь Вы же исходите из метафизики, а не реальности. Никто еще не доказал всемогущества человеческого разума. Его только фантазия воплотила в идее всемогущего божества. Это так. Новогодние рассуждения.

Дочь А.А. Корнилова не заходила к нам. Вероятно, она уже уехала. Мы ее поджидали каждый день.

Кон[стантина] Григ[орьевича] еще нет. Ожидаем его на днях. От него надеюсь узнать о Ваших делах. Теперь же слежу по газетам и делаю соответствующие выводы. Они будут поучительны и для нас, ибо мы, по-видимому, будем плестись за Вами, беря у Вас кое-что не перворазрядное. К сожалению, Президия у нас крайне слабая и непринципиальная. Высокая идея Академии и важность ее для культурного развития Украины, как она понималась при основании, значительно потускнела. Теперь преобладает оппортунистический образ мышления: Академия существует, ну и хорошо. Нет любви к ней, нет сознания ее важности. Это, дорогой Владимир Иванович, к сожалению, не мое брюзжание, а факт. Академии, как целого, у нас уже не существует. Мы, академики, являемся «сторонними посетителями Академии». Скоро будет так, изберем нового академика и не будем знать его в лицо.

Следили ли Вы за съездом историков-марксистов в Москве? Там была речь и о нас, украинских историках. Было намечено среди нас три направления: Липинского за границей, другое, которое будто бы представляю я — разновидность Липинского⁴⁴⁵. Направление это, конечно, не может выявлять себя. Оно, по словам докладчика, аналогично, занимается исследованием документов и уклоняется от обобщений. Идеология моих исследований — феодальная монархия на Україні, тогда как идеология М.С. Грушевского — мелкобуржуазная державность. Эту чушь прослушали в Москве. Интересна не она сама по себе, а возможность на научном съезде публично выйти с выдуманной схемой, с чтением в сердцах и выдавать за что-то, имеющее отношение к науке. Ну, да долго про это писать.

Будьте здоровы и бодры. Мой привет Нат[алье] Е[горовне]. Наталья Дмит[риевна] шлет Вам обоим самый теплый привет и горячие пожелания в новом году.

Душевно Ваш Ник. Василенко

Прочитал книгу И.М. Гревса о Виардо⁴⁴⁶. Интересно пристрастно в сторону Виардо.

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 33–34зв. Авторизований машинопис. *Оубл.: Василенко Н.П.* «После нас, вероятно, наступит упорная борьба за свободу науки. И она победит...»: [письма к В.И. Вернадскому] / Н.П. Василенко; вступ., публ. Л. Матвеевой // Віче. — 1993. — № 11. — С. 141–142; *Василенко М.П.* Вибрані твори: у 3 т. Т. 3: Спогади. Щоденники. Листування / М.П. Василенко; НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корещького; упоряд. І.Б. Усенко. — К.: Юридична думка, 2008. — С. 532–533.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 169

20 березня 1929 р., [Ленінград]*

20.III. [1]929

Дорогой Николай Прокофьевич,

Все давно собираюсь писать Вам в ответ на Ваше письмо, а теперь до меня дошел слух, что Вы нездоровы. Хотя Заболотный говорил, что когда он уехал, Вы были здоровы. Очень прошу Вас или Н[аталью] Дм[итриевну] черкнуть мне.

Не знаю, отчего мое последнее письмо показалось Вам таким грустным. Конечно, радости кругом сейчас нет, но в общем весь фон моей личности и жизни остается тем же, и я еще глубже и глубже ухожу не только в научную работу, где передо мной открываются широкие горизонты, но в философию, и вероятно кое-что набросаю — м[ожет] б[ыть], по-французски, т. к. не хочу подвергаться цензуре, да еще такой глупой, как та, которая сейчас у нас расцвела...

А сейчас не только научные достижения чрезвычайны, но и человеческая мысль в области философии и религии творит или подходит к творчеству давно небывалому. То затхлое — и я бы сказал безумное, потому что явно бессмысленно — гниение, которое у нас внешне царит в этих областях человеческой жизни и душит целое поколение совершенно незаметно на общем фоне. Очевидно, оно долго не может сохраниться; нельзя в XX веке создавать китайских драконов и заставлять всех думать, что они настоящие. Одно из самых интересных явлений — это полное идеологическое крушение материализма и переработка основ религиозного сознания. В последнее время я читал ряд работ западноевропейских и американских в этом направлении и кое-какие свои мысли хочу свести в порядок. Но пока масса работы в научной области.

Спешу закончить — еду в лабораторию. Здоровье лучше, но летом хочу лечиться и отдохнуть, куда-нибудь за границу. Наследственность у меня неважная и это надо учитывать.

Наш сердечный привет Вам и Н.Д.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 55–55зв.

* Місце написання листа встановлено за змістом.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 170

30 березня 1929 р., Київ

Київ, Тарасовская, 20
30 марта 1929 г.

Дорогой Владимир Иванович.

Были мы с Нат[альей] Дм[итриевной] очень рады, получив от Вас весточку. До нас дошли слухи, что Вы себя нехорошо чувствовали, и это, признаться, доставляло нам большое беспокойство. Поэтому получение письма, такого бодрого, такого энергичного, полного юношеского пыла в работе, не только успокоило нас, но и доставило большую, большую радость. Думаю, поездка за границу, отдых там и лечение доставят Вам много, если только Вы сможете подчинить себя дисциплине ничего- или малodelания. Мы тоже с Нат[альей] Дм[итриевной] прохворали зиму то вместе, то порознь. Я и до сих пор не совсем оправился. Здоровье заметно с каждым днем восстанавливается, но работоспособность окончательно еще не восстановилась, так что работаю я вяло, малопродуктивно, и это меня больше всего мучит. Следуя внушению докторов, жду теплых дней, которые у нас все же наступают. Говорят, теплые дни все исправят, а пока нужно терпеливо ждать. Что за болезнь ношу я в себе, не знаю. Она прячется за туманным определением «последствия гриппа» и склероз. Все, кто встречает меня, говорит: «Как Вы поправились, как хорошо выглядите», — а я, как раз, тогда-то и скверно себя чувствую.

Пониженная работоспособность уже сама за себя говорит: я этой зимой недоволен в научном для себя отношении. Правда, за это время я выпустил в свет большой том «Материалов для истории украинского права»⁴⁴⁷ с большим предисловием, а сейчас выпускаю под своей редакцией большой <том> «Праць» моей Комиссии⁴⁴⁸, стр[аниц] ок[оло] 600, но все это делалось с большим напряжением с моей стороны: не писал, а вымучивал. Немудрено, что у меня порой бывало мрачное настроение. Да и академические дела радости не доставляют. Шуму много, но упадочность чувствуется. Заболотный не тот человек, который в состоянии внести новый организационный дух и укрепить престиж Академии. Он не умел поставить себя в отношения даже академиков, и остается каким-то чужим, инородным телом в академическом строе. Нет духа живого и нет пульса. А Непр[еменный] Секретарь у нас теперь⁴⁴⁹ существует больше для публичных выступлений, чем для научной организационной работы. На первом он делает карьеру, а для второго он совершенно неспособен.

Вопрос об юбилее Академии откладывается на год. Говорят, главная причина, трудность ассигнования денег. Да и трудно приготовить за короткое время (празднование предполагалось в июне). Что касается избрания новых 20-ти академиков, то вопрос пока находится в неопределенном положении: кто будет назначать кандидатов, и каким путем они будут избираться? Порядок, какой применялся у вас, вряд ли возможен у нас: он сложен, дорого стоит и

требует много времени. Из общественных деятелей, как желательных кандидатов, слухи называют: Скрыпника⁴⁵⁰, Гринько, Затонского⁴⁵¹, Шлихтера⁴⁵², Семковского⁴⁵³, Яворского.

В понедельник, 1-го апреля, Президент созывает совещание по поводу согласования работы Союзной Академии и нашей. Вопрос этот не простой, как Вы знаете, и может вызвать прения, так как у нас есть течение, которое будет стоять не столько за согласование, сколько за конкуренцию. У нас некоторые очень ревниво относятся к возможному руководству со стороны Союзной Академии, и считают ее противником Академии Украинской. Поэтому всякая мысль о координации работы вызывает опасение, что нашу работу хотят отсунуть на задний план. Такое опасение строится, отчасти, на слухах, идущих из Питера. Я думаю, все же, что существование ряда совместных академиков будет значительно содействовать смягчению отношений, если, действительно, в Питере признают факт существования Украинской Академии. Как бы там ни было, на юбилее последней первое место ведь Ваше — академика Союзной Академии и Украинской. Этого замолчать нельзя, как бы этого ни хотелось.

У вас, по-видимому, в связи с преобразованием Академии и введением в нее новых членов, намечается огромная работа, которая бодрит всех вас. По крайней мере, Дмитрий Моис[еевич]⁴⁵⁴ пишет мне такие бодрые письма, что меня прямо-таки зависть берет. А у нас слишком уж начинает пахнуть провинцией...

Будьте здоровы, дорогой мой. Нат[алья] Дмит[риевна] кланяется Вам и Нат[алье] Егор[овне]. Я тоже.

Всей душой любящий Вас *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 35–36зв. Авторизованный машинопис.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 171

18 травня 1929 р., [Ленінград]*

18.V. [1]929

Дорогой Николай Прокофьевич,

Всегда пишется Вам менее часто, чем хочется.

Мне хочется написать прежде всего Вам и Нат[алье] Дм[итриевне] большую радость нашей с Нат[альей] Ег[оровной] жизни — у нашей дочери Ниночки родилась наша внучка — Танечка⁴⁵⁵. Для нас обоих это огромное событие, меняющее всю нашу жизнь. Я даже чувствую, что, как ни странно, во мне самом что-то возродилось — отошло чувство умирания.

Собираемся через недели 3–4 ехать за границу и думаем ехать через Киев, т. к. я хочу посмотреть те работы, которые налаживаются сейчас у меня под Киевом. Думаем быть в Киеве⁴⁵⁶ в первых числах (около 10–15) июня и оттуда

* Місце написання листа встановлено за змістом.

выехать в Прагу. Можно ли мне с Нат[альей] Ег[оровной] остановиться на два дня в Академии? Если Вас не затруднит — узнайте и напишите. Не знаю, в Киеве ли Заболотный: он что-то не приехал на сессию. Напишу еще об этом Воблomu. Хочу ехать за границу на три месяца; больше буду отдыхать, а работать без напряжения. Чувствую, что это необходимо.

Мне здесь сказали в отделении Дерутра⁴⁵⁷ билетов, что в Киеве есть отделение и там можно взять билеты — здесь ничего они не знают! Об этом я попрошу разузнать моих сотрудниц, которые на днях едут в Киев. Но ведь, кажется, сообщение с Киевом Варшавы и Праги хорошее?

Наши академические дела все еще в большом тумане. Основной вопрос — получим ли мы достаточные средства, чтобы реально почувствовать улучшение. В общем сильно увеличилась научная сила Академии — особенно на нашем отделении — но для того, чтобы она сказала, нужно иметь основное орудие — средства.

Всего лучшего, дорогой друг. Надеюсь увидеть Вас поправившимся. Наш сердечный привет Н.Д.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 56–56зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 172

24 травня 1929 р., Київ

Киев, Тарасовская ул., 20
24 мая 1929 года

Дорогой Владимир Иванович. Поздравляем Вас и Нат[алью] Егор[овну] с внучкой. Нам с Нат[альей] Дмит[риевной] так было радостно читать Ваши строки об этом и сознавать, что это событие внесло новую могучую струю в Вашу жизнь, обновило Вас. Мы очень рады, что как раз в этот момент Вы уезжаете за границу, увидите и внучку, и счастливую ее мать. Все это сулит Вам еще больше радостей, которые всецело разделять будем и мы, Ваши друзья. Крепко обнимаю Вас, дорогой мой. Я жду, что поездка эта укрепит Вас и даст Вам запас новых сил.

Мы очень рады, что Вы наметили себе путь через Киев и боимся, как бы не изменили его. Этот страх наш понятен: уж больно это хорошо и неожиданно.

Конечно, Вы остановитесь в Академии. Кому же Академии оказывать гостеприимство, как не ее основателю. Вчера о предстоящем Вашем приезде сказал Никифору Прокофьевичу Янукову⁴⁵⁸. Он с радостью будет ожидать Вас и все для вас с Нат[альей] Егор[овной] приготовит. Судя по числам, когда Вы думаете быть в Киеве (10–15 июня), Вы как раз попадете в разгар наших выборов в Академию новых академиков. Конечно, это привходящее обстоятельство не может доставить удовольствия Вам, ищущему спокойных встреч и отдыха, но Вашей наблюдательности оно, несомненно, даст много интересного материала и

поучительного в то же время для нашего времени. Избежать его Вы не сможете, ибо как раз на вторую половину июня, видимо, и припадет самый кульминационный пункт выборов, точная процедура которых в данный момент еще не совсем ясна...

Через неделю мы с Нат[альей] Дмит[риевной] уезжаем в Боярку на ту же дачу, что и в прошлом году. Но в июне, благодаря незаконченным заседаниям моей комиссии и выборам, мне придется бывать в Киеве почти ежедневно. Я беру даже на июнь мой месячный железнодорожный билет. Поездки в Киев, конечно, создадут большое неудобство, но избежать его нельзя. Зато все это поможет нашей с Вами встрече в Киеве. Вы только не забудьте написать мне точно время, когда Вы приедете в Киев, а еще лучше, выезжая, стукните телеграмму по адресу: Боярка, Крещатик, дача Езерского. Это нам с Нат[альей] Дмит[риевной] нужно, чтобы согласовать свое время с Вашим и Нат[альей] Егоровны.

В этом году в Боярке мы будем не все лето, а только до конца июля. Врачи меня посылают в Пятигорск на 6 недель с 1 августа брать серные и радиоактивные ванны, потому что болят у меня ноги. Врачи находят, <что> это является результатом артрита. Думают, что Пятигорские ванны помогут мне. Посмотрим. С зимы мне лучше и я чувствую осязательно, как летом мне делается с каждым днем лучше. Но опасение, что зимой боли могут вернуться, не покидает меня. Поэтому я охотно и еду в Пятигорск. Со мной поедет и Нат[альей] Дмит[риевна], которая не хочет расставаться со мной.

О наших киевских делах не пишу: скоро увидимся, потолкуем. Сообщение Киева с Варшавой должно быть удобным, так как из Харькова ходит чудный поезд до Шепетовки. Он проходит через Киев. Мест очищается много, так как киевляне часто ездят этим поездом до Харькова. Это я пишу, чтобы Вы не боялись отсутствия плацкарт.

Итак, до скорого свидания в Киеве. У нас сейчас хорошо: весна со всей ее красотой в Киеве в полном разгаре.

Привет Нат[альей] Егор[овне] от меня и Нат[альей] Дмит[риевны], которая также сердечно приветствует и Вас.

Всей душой любящий Вас *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 37–38зв. Авторизованный машинопис.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 173

21 червня 1929 р., [Ленінград]*

21.VI. [1]929

Дорогой Николай Прокофьевич,

К моему большому огорчению, я не могу приехать в Киев — только вчера получил заграничный паспорт вместе с Натальей Егоровной, и мы сможем

* Місце написання листа встановлено за змістом.

выехать. А думал выехать сегодня уже из Киева! Не могу остаться и на выборы⁴⁵⁹: приходится скорее уезжать, чтобы воспользоваться махі[тум'ом] отдыха. Тяжелый будет будущий год и много будет работы. Мне так хотелось повидать в Киеве друзей и Вас в первую очередь. Думал, что и Н.Е. познакомится с Н.Д. Выезжаем при первой возможности: сегодня паспорта пересылают в Москву для получения денег: сейчас новые, чрезвычайно тяжелые правила получения валюты. Как только все это пройдет — выедем. Еще мое дело шло относительно быстро!

Еду сперва в Берлин, где пробуду несколько дней, а затем в Прагу, откуда уеду куда-нибудь дальше в Чехию, где возможно прожить спокойно. Буду гулять, читать и думать. Дочка с внучкой поедут с нами⁴⁶⁰.

Мне хочется коснуться некоторых все больше и больше меня занимающих вопросов, выходящих за пределы точного знания, хочу по-французски подготовить мою старую работу о научном мировоззрении (1905–1906). Жена ее перевела по-французски — а я хочу дополнить — через 23 года. После чисто научной работы, мне кажется, это размышление даст мне нужный отдых.

Наша академическая жизнь находится на перепутьи; с одной стороны, усиливается та дезорганизация, которая проникает кругом нашу жизнь усилением влияния больших и ограниченных людей — с другой — необходимостью дать, наконец, нужные денежные средства для более правильной научной работы. Бюджет Академии превысит 6 миллионов рублей; если мы его получим — я думаю, многое больное и гниющее, что проникает в нашу Академию, будет в значительной мере обезврежено. Мы остались на неопределенном положении в этом году. Болезнь, частью реальная, Рязанова⁴⁶¹ в значительной степени изменила предположенное решение — а затем остановилось дело из-за финансовой базы. Не знаю, как выявится все осенью. Силе Академии дало много избрание большого количества выдающихся людей; выборные партийные работники, по видимому, силы большой наверху не имеют. Это опять-таки не то, что предполагалось...

Может быть, происходящая сейчас кругом чистка коснется и нас — и это еще больше вносит нелепости в положение.

Поживем — увидим. Заграницей, думаю, ярче почувствовали рост научной и философской мысли, чем это возможно у нас. С книгами у нас несколько хуже, чем в прошлом году, но менее худо, чем я думал.

Всего лучшего. Наш дружеский привет Вам и Н.Д.

Ваш *В. Вернадский*

Пришлю адрес — а пока даю адрес университета — Praha, Mineralogický ústav, Albertov, Prof. F. Slavík⁴⁶² для меня.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 174

1 серпня 1929 р., Груба Скала⁴⁶³Hrubá Skalá
Šteklův Hôtel
1.VIII. [1]929

Дорогой Николай Прокофьевич, очень рад был вчера, получив Ваше письмо здесь. Надеюсь, Вам поможет Пятигорск, который очень хвалят. Какие Вам советуют ванны? Буду очень рад получить от Вас весточку.

Мы предполагаем оставаться здесь, если не будет холодно очень, до середины сентября и прямо отсюда выехать назад через Берлин. Мне надо быть в Питере 22 сентября, когда у нас начнется сессия Акад[емии] Наук, думаю очень важная, и я не хочу на нее запаздывать. Мы в так называемом «чешском раю», в очень красивом месте в лесу буковом и хвойном среди разрушающихся песчаных скал мелового возраста (около Турнова).

Я наслаждаюсь свиданием с дочерью и внучкой Танечкой; вчера сюда приехал брат-сын Георгий и он, и дочка шлют Вам сердечный привет. Удивительно, как много в маленьком существе какой-то своеобразной личности и глубины. Иначе я смотрю — умудренный сединой и опытом — на нее, чем смотрел на своих детей, и вижу в ней не только бессловесного младенца, а развертывающуюся личность, которая может жить и действовать — в нормальном случае в 2000 году. Этот год и это — третье — столетие становится для меня таким путем реальностью. Новое чувство и новые мысли... Как сотни поколений до меня стою я, задумываясь над вечной загадкой смысла жизни. Человек ищет его как-то бессознательно... А сейчас в связи с моим научным углублением в вопросы жизни и вечные поднялись философские вопросы. Но я не абстрактный дедушка и внучка мне дорога не как повод для научной или философской мысли. И наука и философия — часть жизни и часть того аппарата, который создан человеком для понимания действительности. Его верно понимают люди в каждом поколении и разными путями...

Девочка хрупкая, синеглазая крошка и спокойная. Бабушка находит, что она «ума палата»... Новая радость и новая тревога человеческие...

Здесь очень хорошо. Погода стоит неровная. Одно время были жары, потом похолодало и пошли дожди и сейчас неровен дождь — но тепло. Девочки почти все время на воздухе. Мы в уединенном отеле в лесу — по-чешски дорого — но раз выехали для отдыха и лечения, и денежные источники позволяют — лучше уже прожить в комфорте; рядом «замок» (т. е. дом) Эренталя⁴⁶⁴, которому принадлежат леса. Масса прогулок с чудными видами.

Думаю много, занимаюсь мало — но все приходится сидеть над немецкими корректурами одной моей книги и немецким переводом другой⁴⁶⁵. Но это все на втором месте. И читаю больше не то, что нужно для напряженной работы — так что отдыхаю. В моем возрасте можно себя только подправлять: это, я думаю, возможно достигнуть...

Прочел еще в Петербурге книгу моего сына — History of Russia — доведенную им до 1929 года⁴⁶⁶! Она пришла в Академию — думаю, он прислал ее и в Киев. По-моему, она значительно интереснее первой — но ему сейчас все время приходится заниматься новейшей историей.

Сердечный привет Вам и Н[аталье] Дм[итриевне].

Ваш всегда *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 59–59зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 175

20 жовтня 1929 р., [Ленінград]*

20.X. [1]1929

Дорогой Николай Прокофьевич,

Писал Вам в Пятигорск — не знаю, получили ли Вы мое письмо. Мне хочется иметь о Вас известия, а потому пишу, думая, что Вы в Киеве. В Москве, откуда я вчера вернулся, видел я и Влад[имира] Мар[тыновича]⁴⁶⁷, и Дмитр[ия] Моис[еевича], которые мне дали о Вас известия о Кисловодском Вашем пребывании.

Мы вернулись с Н.Е. в начале октября. Все время были с дочкой и внучкой. Страшно много дало нам это пребывание и это непрерывное вникание в развращающуюся жизнь дорогого нового существа. Это как-то слилось со всем моим мировоззрением и со всей работой моей научной мысли.

И в этом отношении мое пребывание дало мне очень много. Мне удалось оформить некоторые большие проблемы, связанные с жизнью, которые занимают меня уже десять лет. Вылилось это, м[ежду] п[рочим], в большую статью «Изучение явлений жизни и новая физика»⁴⁶⁸, которую я прочел в Москве в годовом собрании Общества Испытателей Природы, которую хочу повторить здесь и затем напечатать. Мне кажется, сейчас вскрывается научно космическая основа жизни в ее проявлениях в основных концепциях физики.

Перед самым отъездом мое здоровье ухудшилось было — по-видимому, это преходяще и врач даже (Савицкий)⁴⁶⁹ нашел значительные улучшения.

Сразу здесь я попал в круговорот хаоса и приостановки работы, создаваемый «чисткой», охватившей аппарат Академии⁴⁷⁰. Разрушительная работа чистки сказывается и вероятно не скоро залечится. Люди перестают настоящим образом работать и аппарат расстраивается. Даже темп научной работы задерживается. Ну, ничего не поделаешь. Всего лучшего. Наш сердечный привет Н[аталье] Дм[итриевне].

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 60–60зв.

* Місце написання листа встановлено за змістом.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 176

6 листопада 1929 р., Київ

Київ, Тарасовская, 20

6 ноября 1929

Дорогой Владимир Иванович!

Письмо Ваше в Пятигорске я получил, но ответить не мог. Удачное лечение болезни в Пятигорске неожиданно закончилось для меня припадком болезни ног. Врачи были в недоумении и объясняли резкой переменной погоды. Может быть, доля правды в этом и есть. По крайней мере, боль в ногах прекратилась, стоило мне только сесть в вагон, чтобы ехать домой. Зато возобновилась она в Киеве, недели две-три спустя по возвращении моем, и возвратилась со страшной силой. Я дней 20 не спал. Мне давали снотворное, которое действовало отчасти. Врачи определяли нервное заболевание на почве склероза, заболевание, вызванное всем пережитым мною за последние 12 лет. Диагноз, мне кажется, верен, ибо методы лечения, преимущественно ванны, дали, несомненно, положительные результаты. Я чувствую, как с каждым днем я поправляюсь, и в меня вливается здоровье, многие признаки болезни исчезают. Может быть, конечно, воображение: может быть, болезнь только притихла и проявит еще себя. Но я пишу Вам то, что чувствую, а чувствую то, что поправляюсь. Я настолько окреп, что на днях с разрешения врачей, думаю заглянуть и в Академию, от которой моя болезнь держала меня далеко. В Академии полно, по-моему, идет перемена и перестройка, подготавливается почва для новых людей. Будучи, вследствие болезни, оторван от ее дел, я сейчас затрудняюсь наметить Вам общий характер изменений, которые ожидают административную жизнь и научную будущей Укр[аинской] Акад[емии] Наук. В этом отношении, вероятно, немало будет аналогичного с Союзной Академией. Нельзя не предполагать здесь общий план.

Очень радует меня Ваша бодрость в научной работе и успехи в научном творчестве. В этом отношении такую гармонию создает Ваш интерес к внучке, к новому, начинающему жизнь существу, зрелый возраст которого должен совпасть с новыми положительными условиями жизни и работы. Многое из того, что мы переживаем, будет уже пережито и отойдет в вечность. Как бы мне хотелось увидеться с Вами и как грустно, что в перспективе такое свидание, кажется, и не предвидится. Мельком только виделся я на Кавказе с Дм[итрием] Моис[еевичем] и Влад[имиром] Эм[мануиловичем]⁴⁷¹. Письма же не дают то, что хотелось бы от них взять.

У нас продолжается еще очень теплая, золотая <осень>. Будьте здоровы. Мы с Нат[альей] Дмит[риевной] шлем самый сердечный привет Вам и Нат[алье] Егор[овне].

Всею душою любящий Вас *Ник. Василенко*

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 177

10 січня 1930 р., Київ

Київ, Тарасовская, 20

10 января 1930 г.

Если бы Вы, дорогой Владимир Иванович, знали, с какой радостью получил я Ваше письмо! Я хорошо знаю, что время не располагает к писанию писем. Поэтому и не жду их от Вас часто. Но когда получу Ваш поллисточек с немногими строками, написанным, судя по чернилам, не сразу — так много говорит и дает он мне, потому что я чувствую Вас, Ваши думы и мысли.

Судьба Академии тревожит меня, как и Вас: во что выльется она? У нас академики фактически отстранены от преобразования Академии, так как все теперь сосредоточено в Президии. Она решает и вершит все дела. В этот переходный период, когда все в Академии так еще неопределенно и ряды научных работников сильно поредели, работа в академ[ических] учреждениях идет вяло. Она, конечно, должна возродиться, если для этого будут созданы соответствующие условия. Но вопрос: когда они будут созданы? А без этого научная жизнь и работа восстановиться, конечно, не может. Все это наводит на пессимистические мысли. Впрочем, проживем — увидим. Ваши замечания о падении нравственного облика страны, думаю, верны. В провинции это, пожалуй, сильнее чувствуется, чем в столицах. Оттого у нас, в провинции, и жить тяжелее. С явлениями, имевшими место с проф[ессором] Соловьевым, Вы у нас встретитесь на каждом шагу.

Книги Бузескула не получал и не слыхал о ней. Видно, интересная, если на ней Вы останавливаете мое внимание. Что я не знаю об этой книге, нет ничего удивительного. Связь Киева с книжными рынками Москвы и Ленинграда крайне слаба и непостоянна. Нередко книга делается известной в Киеве или получается в Киев только несколько месяцев спустя после ее выхода и то при посредстве комиссионеров. Я думаю, это объясняется не только неорганизованностью рынка, но и [уменьшением] числа читателей.

Профессиональное образование создает однобокие интересы, а наша новая скороспелая интеллигенция недостаточно еще крепка, чтобы выработать в себе потребность в общеобразовательной книге и предъявить свои запросы в этом отношении. А это, в свою очередь, должно вредно отражаться на культуре. Мир двигает критически мыслящая личность. А критика никогда еще не была в таком загоне, как в наше время. Но я думаю, это явление преходящее. Живая мысль пробьет свое русло, и вот тут Ваши сомнения должны поколебаться. Помните, каким бодрым, верующим в великую победу разума вернулись Вы с Запада; думаю, эта вера не может погаснуть у Вас и на родине. На Ваш вопрос, куда мы идем, вперед или назад: можно ответить: только не назад. Может быть, мы топчемся иногда на месте, достигаем мало, но все же идем вперед. И это сознание, какие б мы нелепости не переживали, должно смягчать жизнь нашу,

уходящего со сцены поколения. После нас, вероятно, наступит упорная борьба за свободу науки. И она победит. В противном случае это значило потерять веру в силу и мощь человеческого разума, который так восхищал Вас на Западе.

Что касается моей особы, то вот уже год, как я чувствую себя плохо. Наши киевские светила, видимо, теряются в догадках. У меня болят ноги. Это мне мешает спать и, само собой, отражается на работоспособности и продуктивности. Я почти ничего не делаю. Все это продолжается уже год, за который я дал крайне мало. В выздоровление свое я еще пока верю и мечтаю возвратиться к науке. Вера моя основана на некоторых объективных признаках, правда, появляющихся очень медленно, но все же указывающих на улучшение. Хожу я удовлетворительно, но когда лягу в постель, ночью, начинаются мои мучения, пока засну. И так почти каждый день. Иногда мне удается заснуть только после приема снотворного.

Как бы хотелось повидаться с Вами. Письмо личного свидания не заменит.

Будьте здоровы. Нат[алья] Дм[итриевна] шлет привет Вам и Нат[алье] Егор[овне]. Я тоже.

Всей душой Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 41–42 зв. *Опубл.: Василенко Н.П.* «После нас, вероятно, наступит упорная борьба за свободу науки. И она победит...»: [письма к В.И. Вернадскому] / Н.П. Василенко; вступ., публ. Л. Матвеевой // *Віче*. — 1993. — № 11. — С. 142–143; *Василенко М.П.* Вибрані твори: у 3 т. Т.3: Спогади. Щоденники. Листування / М.П. Василенко; НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького; упоряд. І.Б. Усенко. — К.: Юридична думка, 2008. — С. 535–536.

№ 178

***Лист голови Комісії з історії знань АН СРСР
В.І. Вернадського до М.П. Василенка***

№ 179

17 лютого 1930 р., Ленінград

Ленінград

17 февраля 1930 г. № 33*

Многоуважаемый Николай Прокофьевич!

Комиссия по Истории Знаний одновременно с этим письмом посылает Вам свои издания.

Председатель Комиссии, академик *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 61. Машинопис.

---

* На бланку: АН СССР. Комиссия по Истории Знаний.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 180

7 травня 1930 р., Київ

7 мая 1930 г.

Киев, Тарасовская, 20

Дорогой Владимир Иванович! Только что собрался писать Вам, как Нат[алья] Дмит[риевна] получила Ваше письмо с запросом о моем здоровье. До сих пор не мог писать Вам. Слабость общая не позволяла. С неделю тому я стал замечать прилив сил. Никогда не думал, что болезнь под конец жизни схватит меня с той стороны, с какой хватила, т. е. со стороны центр[альной] нервной системы. Хотя это неудивительно после всего пережитого. В феврале я поехал в санаторию, бывш[ую] Лапинского (на Буль[варно]-Кудр[явской])⁴⁷². Три недели пребывания там дали оч[ень] хорошие результаты: стал я лучше ходить, прекратились ужасные боли в ногах. Но тут на беду, благодаря санаторским сквознякам, я простудился, схватил сильнейший грипп (гриппозное воспаление легких), который сопровождался таким потоотделением, что я представить себе не мог. Он изнурил меня за три недели. 21 апреля меня, совсем еще немощного, привезли домой в карете скорой помощи. Я не мог стоять. Теперь на короткие расстояния я хожу гулять, ощущаю только артритическую боль в ногах. Работоспособность возвращается к прежнему, голова работает удовлетворительно, хотя утомляется быстро, а мне пока советуют ее не утомлять. Как видите, я настроен оптимистически. Но я не забываю и другого: как бессильна медицина в нервных болезнях и как случайны методы лечения, и я не удивлюсь, если в один прекрасный день все пойдет прахом, и я снова вернусь к прежним страданиям.

Мы с Нат[альей] Дмит[риевой] предполагали поехать в Пятигорск, но консилиум киевских врачей находит это лишним. Мне нужно солнце, а его, говорят, много и в Киеве. Мы поселимся на лето в Боярке на той даче, где Вы были у нас. Поселиться в Боярке, под городом, выгодно и в провольственном отношении. С продовольствием у нас здесь, ведь, очень плохо, а летом, вероятно, еще хуже будет. Балуете Вы нас предположением приехать в июне на сессию Академии. Но я отношусь к этому очень сдержанно, так как, по горькому опыту знаю, что при Вашей живой натуре Вы не можете загадывать на большой промежуток времени. Всегда возникает ряд других интересов и задач. Все же мы с Нат[альей] Дмит[риевой] будем мечтать увидеть Вас скоро в Киеве и поделиться с Вами живым словом.

На июньской сессии Академии будет, вероятно, утвержден новый устав Академии. Получили ли Вы проект его? Он в корне меняет структуру Академии. Но еще до введения устава в Академию введено и вводится ряд новых сотрудников, участие которых в работе Академии должно придать Академии новый характер, непохожий на прежний. Думаю, что в июне будет избран новый президент Академии. Кандидат еще не намечен. Сначала называли Шлихтера. В последнее время упорно говорят о Палладине⁴⁷³. Последний сделан уже

членом Ц.И.К. Во время своей поездки за границу он везде и всегда поддерживал престиж советской науки. По возвращении в Харьков не раз отмечал публично превосходство советской науки перед западной и американской. Живой, интересный, энергичный Палладин, думают, может быть для академии научным знаменем. Кроме того, от него могут ждать продолжения этой шумной политики, которую развел Заболотный, но только с большим, конечно, тактом и европеизмом. Так говорят, так думают, а как оно будет со временем, посмотрим. Благодаря болезни и долговременному непосещению Академии, я, естественно, плохо осведомлен в ее жизни и делах.

Весна была у нас холодная. Только три дня, как наступило тепло. Цветут обильно фруктовые деревья, каштаны выгнали уже шишки и вот-вот зацветут, а там и сирень. Словом, начинается в Киеве самое красивое время. Сейчас в Киеве собирается, говорят, обширный съезд зоологов, гистологов и анатомов. Боятся, что негде будет поместить съехавшихся.

Получил от Д.М. Петрушевского брошюру о Виноградове⁴⁷⁴ и вспомнил, что до сих пор не поблагодарил Вас за присылку всего издания по истории знаний. Получил я ее перед самым отъездом в санаторию, а там уже все теперь Вам понятно. Издание еще не прочитано.

Как идет Ваша работа? Где думаете провести лето? Ну, будьте здоровы. Всего хорошего. Нат[алья] Дмит[риевна] шлет свой привет Вам и Нат[алье] Ег[оровне]. Я тоже.

Всею душою Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 43–44 зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 181

20 червня 1930 р., [Ленінград]*

VI.20.1930

Дорогой Николай Прокофьевич,

Так рад был получить Ваше письмо — а отвечаю на него так поздно! Хотелось написать больше — но все время занято и не очень-то напишешь в наших условиях. Сейчас — сегодня еду в Москву выяснять командировку за границу: никакого ответа Акад[емия] не получает — а у нас здесь новая атрофия и власти и секретарского аппарата. Предпочитаю поехать сам и выяснить, если удастся, в чем дело. Если получу отказ — то это такой удар моей научной работе, который заставит меня в корне все перестраивать⁴⁷⁵.

Я хочу провести три месяца с внучкой и дочкой и работать в тиши и спокойствии в деревне — в тех условиях, которые здесь невозможны — вблизи библиотеки. Должен был выехать около 20–25.VI. — но сейчас, очевидно, все

* Місце написання листа встановлено за змістом.

опоздало. Буду добиваться самым решительным образом. Сейчас я подхожу к таким большим ожидаемым обобщениям, что считаю себя вправе не мириться с отказом. Ну, посмотрим. Очень неудобно, что в Москве перед съездом⁴⁷⁶, м[ожет] б[ыть], никакого толку не добьешься!

Сейчас моя работа идет хорошо — по-здешнему. В действительности она поставлена во многом в дикие условия, как это было на Западе при царе Горохе. Но результаты выявляются.

Всего всего лучшего.

Ваш искренно *В. Вернадский*

Наш привет вам обоим. Пишу по киевскому адресу. Пришлите адрес б[о]ярский.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 64–64зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 182

2 липня 1930 р., Боярка

Мой летний адрес прежний —
Боярка, Киев[ского] округа, Крещатик, 68, дача Езерской
2 июля 1930 г.

С чем-то Вы вернулись из Москвы, дорогой Владимир Иванович, и удастся ли Вам провести лето вблизи и с внучкой? Если удастся, то скоро ли Вы думаете двинуться в путь? Ведь разные назойливые формальности могут стать Вам на дороге. Мечта моя увидеть Вас в Киеве на сессии явно несбыточная, хоть ее зерна посеяли Вы первый. Да и будет ли у нас сессия Академии — у многих остается под большим сомнением. XVI партии большевиков съезд, предсъездовские конференции, конечно, заняли все время у теперешних руководителей Академии. Благодаря этому сессия все откладывалась и откладывалась и теперь намечена на 14–16 июля. Но время такое позднее и все после съезда будут так устали, а на сессии нужно несколько дней усиленно напряженной работы, что, думают, не исключено возможности переноса сессии на осень. Я лично в это не верю. Слишком мы знаем настойчивость большевиков, их твердость и выносливость в стремлении к раз намеченной цели, раз достижение ее в данный момент необходимо с их точки зрения. На очереди стоит коренное преобразование Академии. Оно постепенно подготавливается, вводятся в Академию новые, преимущественно партийные люди, с 1 июля началась чистка⁴⁷⁷ особой комиссией, зерно которой в составе 3-х человек, приехало из Харькова. Управление Академией, Секретариат ее, давно уже, не дожидаясь утверждения нового устава, происходит и действует в новых формах, правит всем Президия Академии. Ею создан ряд новых комиссий и преобразовано или уничтожено старые. Словом, в жизни Академии произошел ряд глубоких изменений.

Потребности высшей санкции их и может, не глядя ни на что, сделать сессию неотложной.

На время сессии мы с Нат[альей] Дм[итриевной] предполагаем на несколько дней вернуться в Киев, так как ездить из Боярки трудно, особенно при условии, что заседания сессии могут быть и по вечерам.

Сейчас мы три дня, как живем в Боярке. Поздно в этом году переехали. Причина — в исключительно скверной, холодной и дождливой погоде, которая стоит у нас уже, кажется, полтора месяца. Надеемся на улучшение, и тогда думаю воспользоваться хорошей погодой и отдохнуть. Главный отдых мне нужен от лечения. Здоровье мое лучше, голова работает свежее. Только вот ноги болят, особенно по ночам. Но я рад за то, что я получил снова возможность работать, а то ноги не давали своею болью. В Пятигорск в этом году не едем. Врачи находят лишним. Мы же сожалеем. Так уютно мы прожили в прошлом году в Пятигорске, что вспоминаем его с теплотой, а радиоактивные ванны, которые я брал, чудесная вещь, хотя Нат[алья] Дм[итриевна] и утверждает, что, по ее наблюдению, они мне повредили.

Радуюсь Вашей энергии и Вашим научным достижениям. А летом все-таки больше отдыхайте, чтобы сберечь силы на осень и зиму.

Как бы мне хотелось увидиться с Вами хоть на несколько часов, чтобы побеседовать. Вы правы, говоря: «всего, ведь, не напишешь».

Поклонитесь от меня и Нат[альи] Дм[итриевны] Наталии Егор[овне]. Нат[алья] Дм[итриевна] шлет Вам привет.

Всею душой Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 45–46зв. *Опубл.: Василенко Н.П.* «После нас, вероятно, наступит упорная борьба за свободу науки. И она победит...»: [письма к В.И. Вернадскому] / Н.П. Василенко; вступ., публ. Л. Матвеевой // *Віче*. — 1993. — № 11. — С. 143–144; *Василенко М.П.* Вибрані твори: у 3 т. Т. 3: Спогади. Щоденники. Листування / М.П. Василенко; НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького; упоряд. І.Б. Усенко. — К.: Юридична думка, 2008. — С. 536–537.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 183

3 жовтня 1930 р., [Ленінград]*

3.Х. [1]930

Дорогой Николай Прокофьевич,

Я все еще сижу здесь — хотя мне для моей работы давным-давно надо было бы быть за границей — сидеть там, работая в большой библиотеке и вычисляя. Никакого ответа, несмотря на самые мои энергичные старания. Для меня здесь нет выхода — здесь я вести эту работу не могу — а вести я ее во что бы то ни

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

стало должен. Это те подъемы человеческой души, которые называются «вдохновением» и для которых люди ломают свою жизнь. Я надеюсь, что я все же в ближайшее время выясню положение и буду, наконец, работать над чем хочу.

Сессия проходит вяло, и мне кажется, не рост, а разрушение — замирание работы Академии неуклонно идет. Главные причины две: 1. Ничтожность средств на производительную работу — сейчас катастрофически становится с изданиями и 2. Оторванность новой администрации от понимания научной работы и слабость по сравнению с ней близких к ней академиков. В лучшем случае будет проявляться талантливость отдельных людей, боюсь, и та не в полной мере.

Sub specie aeternitatis* то, что мы переживаем чрезвычайно — я бы сказал, захватывающе интересно — но оно настолько [грязно] и так бьет по струнам души, что редко когда ум может подняться выше... Моя научная работа — помимо той основной темы, которой здесь не могу коснуться — идет хорошо и сейчас я przygotowляю к сдаче в печать, наконец, <итог> моей долголетней работы о воде (1-ую часть)⁴⁷⁸. Этим я как раз и занимаюсь все главное время... Мечтаю о свидании с дочкой и внучкой — главное, с внучкой — к ней стремишься.

Сердечный привет от нас жене и горячие пожелания здоровья.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 65–65зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 184

23 жовтня 1930 р., Київ

23 октября 1930 г.

Киев, Тарасовская, 20

Дорогой Владимир Иванович! Очень рад был получить от Вас весточку. Удивили Вы меня сообщением, что Вам не удалось в этом году поехать за границу. Я так давно не имел о Вас известий, что получив Ваше письмо и увидев на конверте знакомый почерк, был уверен, что Вы делитесь впечатлениями по возвращении домой. И вдруг... Вы еще не трогались с места. Где ж Вы были лето? Неужели в городе, в постоянном ожидании командировки, без необходимого Вам отдыха? Плохо, если это так.

Лето мы провели из рук вон скверно. Бесперывные дожди, холод помешали нам использовать его как следует. Прибавьте к этому запоздавшую сессию, волнения и тревоги, связанные с чисткой в Академии, и Вы увидите, как мало было моментов и у нас для отдыха. Несмотря на это, я чувствую себя

---

* З погляду вічності (*лат.*).

лучше, вернулся к занятиям научным и это меня утешает: в прошлом году я не мог этого делать. Только вот прочитал я, наконец, и книгу Бузескула и прочитал с большим интересом. Хорошо было бы иметь такие обзоры и по другим отраслям знания. А как на каждом шагу чувствуется в Бузескуле харьковчанин* и харьковский патриот, который стремится вывести из забвения харьковских всеобщих историков и явно приписывает им в науке преувеличенную роль. Книга в общем написана так талантливо и содержательно, что читается с неослабевающим интересом, и будет очень жаль, если выход 2-й части затормозится⁴⁷⁹.

У нас жизнь академическая после лета еще не развернулась. 28 окт[ября] будет очередная сессия. Она, может быть, даст толчок. В академической жизни и структуре много нового. Писать об этом было бы утомительно.

Будьте здоровы. Нат[алья] Дмитр[иевна] шлет привет Вам и Наталье Егоровне. Я тоже. Крепко жму руку.

Душевно всегда Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк 47–47зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 185

6 листопада 1930 р., Детское Село

6.XI. [1]930

Детское Село⁴⁸⁰, Широкая ул., 9
Здравница научных работников

Дорогой Николай Прокофьевич,

Очень рад был Вашему письму и тому, что Вы чувствуете себя лучше. Я уже неделю здесь с Н.Е. и пробуду еще 3 недели до конца ноября. Пробыли мы все время в Питере и я все время занимался и работал над большой своей рукописью Истории природных вод, первую часть которой (больше 700 страниц больш[ого] форм[ата!]), на две трети подготовил к переписке для печати. Работал над ней с 1925 года и много, как я писал, в нее вложил своего. Я взял отпуск до 15.XII., не хочу быть на сессии. А т. к. отдохнуть надо и добывать командировки для заграничной работы вообще я буду, т. к. здесь — могу доказать — вести большую проблему, передо мной реально вставшую, не могу без работы в большой европ[ейской] современ[ной] библиотеке — и очевидно эти хлопоты сулят мне много волокиты и т. п. — то я решился набраться сил. Ведь я все время жил, ожидая ответа и сносясь и лично и письменно с властью имущими вплоть до самых верхов⁴⁸¹. Ответа так-таки не получил! Еду в начале декабря в Москву. Мне кажется, я подхожу к таким новым и большим обоб-

* Так в оригіналі.

щениям (связанным с геохимической энергией жизни) — что всякие хлопоты мне легки и для меня ультимативны...

Здесь хорошо и Н.Е. отдохнет от стояния в очередях и добычи припасов и т. п. Я только читаю — но все же не утерпел — и в другой области кое-что набрасываю. На старости лет у меня перелом: научные космогонич[еские] представления, которыми я интересовался, но изгонял из научной работы неприемлемо (в том числе и гипотезу Канта-Лапласа⁴⁸²) дают мне сейчас новые и важные указания — в связи с первым появлением жизни на Земле и историей Тихого Океана. Я не решаюсь углубляться в геохим[ическую] энергию (требует много сил, а без предварит[ельной] работы в научной литературе — бесцельно) — но в этой области — исподволь отдыхая, работать — физич[ески] чувствую себя хорошо⁴⁸³. У нас хорошая комната, хорошо кормят и, несмотря на отчаянную грязь, мы очень много времени проводим на воздухе и в парках (здравница далековато от парков, к сожалению). Известия о внучке Танюсе нас и радуют и утешают, и рвемся к ней. Сын сделал очень интересную поездку в Стэнфорд в Калифорнию (где была платная работа на все лето) и теперь уже в Yalі занят лекциями, которые у него идут хорошо.

Всего лучшего, дорогой друг. Мой дружеский привет Н[аталье] Дм[итриевне].

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 66–66зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 186

17 листопада 1930 р., Київ

Київ, Тарасовская, 20

17 ноября 1930

Дорогой Владимир Иванович!

Вы меня очень порадовали своим переездом на время в Детское. Вы хоть немного физически отдохнете. Воображаю, сколько вынесли нервы, благодаря безнадежным хлопотам об отпуске Вашем за границу. Желаю Вам в этом отношении полного успеха в декабрьскую попытку, но я как-то пессимистически настроен и не жду успеха. Буду ж очень радоваться, если Вам удастся побороть все препятствия и спокойно засесть за научную работу в западноевропейских библиотеках. Это так нужно теперь, когда бурлит в Вас творческая энергия и мысль намечает все более и более широкие горизонты. Жаль, что я не могу провести с Вами несколько часов в дружеской беседе относительно вопросов, намечаемых Вами, и о которых Вы могли мне написать только очень, очень бегло. Какая богатая, головокружительная, напр[имер], тема «История Тихого Океана». Касаться таких вопросов можно, естественно, только за границей. Поймут ли это в Москве?

У нас в Києве научная работа пока идет вяло. Академия коренным образом перестраивается, начинают в ней брать перевес просветительные цели перед научными.

Я теперь сижу дома. В учреждениях пока еще не топят, поэтому в здании холод ужасный, работать нельзя. Но зато дома в тепле работается недурно. Погода пока стоит ясная, нехолодная, изредка проходят дожди, но скоро делается сухо, не то, что у Вас, где гулять приходится по грязи.

Вы же мне черкните, чем кончатся Ваши хождения в Москве, а пока будьте здоровы. Нат[алье] Егор[овне] мой привет. Нат[алья] Дм[итриевна] кланяется и Нат[алье] Егор[овне] и Вам. Она много работает по Запорожью и вносит в свою работу много нового свежего материала.

Крепко жму Вашу руку.

Всей душою Ваш *Ник. Василенко*

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 187

4 січня 1931 р., Київ

4 января 1931 г.

Київ

Дорогой Владимир Иванович!

Поздравляем мы с Нат[альей] Дмит[риевной] Вас и Нат[алью] Егоровну с Новым Годом и шлем Вам наилучшие пожелания. Думаю, Вы давно уже возвратились в Ленинград. Что ж, Детское Село дало Вам возможность отдохнуть и как Вы чувствуете себя после пребывания в нем? Были в Москве? Как в данную минуту обстоит дело с Вашей командировкой за границу? Вопрос о ней удалось ли сдвинуть с мертвой точки и добиться какого-нибудь определенного решения или все остается в прежнем положении? Жаль, если это так.

Как работается? Я не могу похвалиться успешностью своей работы, хотел бы большего, особенно в работе академической. Но что ж поделаешь? Не все то может, что хочется.

Будьте здоровы. Наталья Дм[итриевна] шлет Вам и Нат[алье] Егор[овне] свой привет. Я тоже.

Душевно Ваш *Ник. Василенко*

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 188

22 січня 1931 р., [Ленінград]*

22.І. [1]931

Дорогой Николай Прокофьевич,

В условиях здешней жизни забываешь и о новом годе — а в наши годы яснее видишь конец, о котором напоминает «новый год». Я лично очень спокойно отношусь к «концу» и считаю очень важным о нем помнить.

С новым годом! Я все время в прежнем положении. С 17 декабря моя просьба находится в ЦИК'е — но никакого ответа нет, и завтра я еду в Москву хлопотать и двигать. Я, кажется, писал Вам, что приглашен в Париж прочесть conference** о геохимии и моих работах, и эта задержка нетерпима⁴⁸⁴. Работа моя вообще идет хорошо, но так же нестерпимы те совершенно допотопные условия, в какие здесь моя работа поставлена. В хлопотах о заграничной поездке я совершенно приостановил свою личную экспериментальную работу, чтобы иметь возможность выехать немедленно. Но дела масса, и научная работа, и лаборатория, и другая [тема] берут все время... Подошел сейчас к областям, в которых так, как я поставлен, работать нельзя — а, между тем, то, что нужно, не бог знает что. Люди отвыкли считаться с требованиями науки: создали другой кумир. Но с другим кумиром научной работы не сделаешь.

Думаю, что одной поездкой в Москву не обойдешься. Что ж — поеду еще, но для меня сейчас поездка — единственная возможность работать над тем, что хочу и что я считаю равноценным всему важному, что у нас происходит. Часто думаю об историческом очищении — масштабе. Ведь в эпоху Алекс[андра] II — Достоевский, Мусоргский, к примеру, из другой области делали настоящее первостепенное дело; а не те, кого считали. А если идти вглубь, то еще резче становится переоценка ценностей. Сейчас то течение мысли, в котором я работаю — подымается все более крутой волной — не только у нас — где нет свободного роста — но вне нас — на Западе и в Америке... Ну, не буду философствовать. Но я до самых пределов моей личности охвачен своей творческой работой, и сила, и значение этого течения мысли мне непоколебимо ясно.

Наша Академия неизменно и неудержимо — пока — катится под гору, и я думаю, что она остановится на довольно низком уровне — едва ли <не> совсем развалится. Но и вся научная работа нашей страны — особенно русская — за 2 последних года быстро слабеет. Я иначе оцениваю количественно с русской, конечно, не сравнимую, украинскую. Эта растет, и в истории украинской культуры эти годы имеют иное значение.

Очень прошу Вас сообщить мне, есть ли в Укр[аинской] Академии какие-нибудь материалы о Н.И. Гулаке-Артемовском (умер в Тифлисе); из Кир[илло]-

* Місце написання листа встановлено за змістом.

** Публічна лекція (фр.).

Меф[одиевского] братства⁴⁸⁵. Один из людей, которого я глубоко уважаю⁴⁸⁶, в Москве работает над его ученой работой и считает его одним «из наиболее блестяще одаренных людей 2<-й> половины XIX века». М[ожет] б[ыть], есть в Библиотеке Всеукр[аинской]? Если Вас не затруднит — очень меня обяжете сообщением. Тогда — если есть материалы — можно начать хлопоты об их использовании, не было ли что опубликовано в укр[аинских] изданиях?

Наш сердечный привет Вам и Н.Д.
Всего лучшего.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 67–68зв. *Опубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А.Толстов. — К.: 1991. — С. 30–31.*

В.И. Вернадський — М.П. Василенку

№ 189

29 травня 1931 р., Старий Петергоф

Старый Петергоф
Дом отдыха ЦКУБУ
Садовая ул. (Заячий Ремиз)
29.V. [1]1931

Дорогой Николай Прокофьевич — вместо заграницы очутился здесь⁴⁸⁷! Я получил, наконец, ответ на мое обращение (годовая командировка или загр[аничные] паспорта для меня и жены без денег).

Командировку мою откладывают до апреля, но в то же время устроили меня здесь для работы на 4 месяца, дав хорошие и дешевые условия, дали (реально) 3000 р[ублей] зол[отом] и 30000 р[ублей] «деньгами» нашими на лабораторию. При этих условиях я не мог настаивать на втором варианте, был очень огорчен — но... Огорчение свое я высказал. Как бы то ни было я сейчас не отдыхаю, а работаю — но, конечно, это и отдых, — т. к. вне города, гуляю много и стоит удивительная погода. Мы здесь с женой имеем прекрасную комнату, и жена освобождена от всех хлопот. К тому же мы сейчас сокращаем квартиру — переделывают. Наложили больше 280 р[ублей] в месяц! Причем взяли задним числом и в перспективе дальнейшее увеличение платы! Сейчас мы будем платить 49 р[ублей]. Я добивался, чтобы за кабинет не брали: я не имею кабинета в Академии, т. к. моя лаборатория помещается в жутком помещении и при идущем расширении она тесна. Плата будет повышаться. Сейчас условия питания и дрова ухудшаются. У вас, я знаю, еще хуже. И в доме отдыха боятся, как им удастся провести год. Хотя сейчас хорошо — но хуже, чем раньше. Думаю, что надо обратиться в тот новый комитет, который образован сейчас при ЦИК вместо ЦКУБУ.

Моя научная работа идет, несмотря ни на что, расширяясь и углубляясь. Я переживаю совершенно стихийно (любопытно) подъем научного творчества, который растет, и конца я ему не вижу. Конечно, человеческая иллюзия. Сейчас встречаю препятствия в печатании; за мой сборник «Живое Вещество» мне заплатили, но книгу не выпустили (Госуд[арственное] Издат[ельство] — теперь все деятели, с кем тогда вел переговоры, сидят. Но мне от этого не легче)⁴⁸⁸ и в Академии одну мою статью печатают — но с примечанием редакции⁴⁸⁹. Печатать все за границей не хочется, т. к. тогда исчезает оно из [ведения] здесь. Главное, я думаю, что я самый решительный противник внедрения философии (всякой) в научную работу. Это ясно во всех моих статьях. Надеюсь скоро Вам прислать менее специального. Меня последовательно производят в идеалисты, виталисты, неовиталисты, механисты и никак не хотят признать то, что есть — что я философский скептик и в области, доступной науке, считаю научные методы более глубокими и точными — достоверными, чем методы философские. Сейчас я, под влиянием переживаемого, углубляюсь в философию — там идет сейчас интереснейшее глубокое движение, в котором теряется наша официальная философия, как маленький ручеек.

Но я пишу Вам это письмо не для того, чтобы дать знать о себе, что я также хочу, но чтобы знать о Вас не от других, как теперь, а от Вас или Н.Д. Буду страшно рад получить — и жду — весточку.

Ваш *В. Вернадский*

P.S. В связи с сокращением квартиры продал свою библиотеку и ту, которая была передана и сильно пополнена сыном (его His[tory] of Russ[ia] вышла 2-ым изданием)⁴⁹⁰, в Академию. В Париж официальным путем послал (надеюсь, послали) просьбу о переносе лекций на весну 1932 <г.>⁴⁹¹.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 69–69зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 190

10 червня 1931 р., Київ

10 июня 1931 г.

Киев, Тарасовская, 20

Буду очень рад получить от Вас письмо, дорогой Владимир Иванович, и узнать, что Вы чувствуете себя бодро и с творческой энергией, по-прежнему продолжаете свою научную работу, даже отдыхая. У меня обстоит дело не так хорошо. Вечно чувствую недомогание, работаю вяло, хожу плохо. Читаю зато много, но без всякой надежды использовать это чтение для своих работ, так как вопрос с печатанием у нас стоит не лучше, чем у Вас, а в цензурном отношении, пожалуй, труднее. Мы как раз находимся в полосе усиленного наступа воинствующего марксизма на буржуазную науку и ее методы. Наступает, главным образом, молодежь по определенным директивам. Что из всего этого, в конце

концов, выйдет — не знаю, но только в методологии получается масса путаницы и научная работа, временно, конечно, сильно тормозится.

С нетерпением ожидаю июля и возможности отдохнуть, т. е. уединиться, если это возможно, от впечатлений текущего дня. Боюсь, что с отдыхом дело затянется, так как еще неизвестно, когда будет сессия Академии. Ввиду нахождения у нас в составе сессии ряда лиц, участвующих в правительстве, назначение сессии в значительной степени зависит от того, когда они свободны.

После долгих колебаний и сомнений решили мы вопрос о лете в пользу Боярки. Будем жить на той же даче, где Вы у нас были, и гулять в том самом лесу, где мы с Вами бродили и который так Вам понравился. Думаем, что в последний раз мы поселяемся в Боярке. Она и окрестности села колхозованы и, конечно, будущее не в пользу индивидуальных дач. Мы с Нат[альей] Дм[итриевной] не уверены, удастся ли нам полностью прожить это лето в Боярке, так как вопрос о базаре и питании стоит перед нами в полной своей неопределенности. Все-таки и при таких условиях мы предпочитаем Боярку Дому Отдыха в Преображении (Китаев)⁴⁹², где очень шумно, много молодежи, не подчиняющейся обыкновенно требованиям отдыха, особенно в прелестные лунные летние ночи. У нас, на Украине, нет таких Домов, каким располагает ЦЕКУБУ, где бы Вы могли устроиться более или менее комфортабельно. А нам, обоим, отдых нужен. Я, ведь, со своими больными ногами извожу Нат[алью] Дм[итриевну], которая не всегда досыпает ночами, а днем очень много работает научно, несмотря на все условия, для этого неблагоприятные.

О киевской жизни не пишу Вам. Киев сильно изменился по составу и меняется. Много новых людей появилось, особенно молодежи. Оторванным от нее Киев кажется чужим городом. Старшее поколение не только сходит, а, можно сказать, почти уже сошло со сцены, вымирает. 11 мая умер проф[ессор] И.В. Егоров⁴⁹³. Судьба его за последний год жизни была очень печальной, и он не раз мог посетовать на себя, что покинул Киев и оставил профессорскую деятельность для химической работы на Донбассе.

Вы знаете, также, наверное, и о смерти после операции В.П. Бузескула⁴⁹⁴. Известие об его смерти почти совпало с выходом в свет 21<-го> тома «Историка-марксиста», где очень резкая дается критика «буржуазных историков Запада в СССР», в числе их и В.П. Бузескула.

Воображаю, сколько тревог и волнений причинил Вам и Нат[алье] Егор[овне] квартирный вопрос. Мы, киевляне, особенно его остро чувствуем, так как постройка новых зданий идет очень туго, а между тем новые учеб[ные] заведения привлекают тысячи молодежи. Жить ей негде, поэтому «уплотнения» с нарушением всяких правовых норм и даже насилием — явление у нас частое, и все мы, так или иначе, находимся под угрозой этого удовольствия. Дровами мы запаслись с Нат[альей] Дм[итриевной], но мы счастливое исключение. Для большинства вопрос с дровами катастрофический. Торф на рынке поднялся в цене уже до 1 р. 50 к. пуд! Что за зима будет — неизвестно. За последние годы зимы в Киеве длинны и холодны.

Весна у нас непостоянная, пришла как-то сразу и сразу все отцвело. В Боярку мы уедем в конце июня.

Нат[алья] Дмит[риевна] шлет привет Вам и Нат[алье] Егор[овне]. Я тоже.
Крепко жму руку.

Всей душой Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 50–50зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 191

22 серпня 1931 р., Старий Петергоф

22.VIII. [1]931

Ст[арый] Петергоф

Дорогой Николай Прокофьевич,

Мы все еще здесь в Доме отдыха и уезжаем отсюда 15 сентября — в нашу сокращенную квартиру.

Много я здесь все время работал, но на каждом шагу чувствовал бессмысленное насилие, которое надо мной было совершено отсрочкой на год командировки за границу. Сейчас по возвращении начинаю хлопотать. Я, конечно, мог здесь хорошо жить — но не мог пользоваться тем, что мне было нужно: большой библиотекой. Поездка отсюда в город 4½–5 часов и доступно 20–30% нужных книг! Два часа по железной дороге, час ходьбы туда и обратно до станции — час трамваем и сверх того ожидание и опоздание. А затем трамваи берутся с бою, железная дорога переполнена и т. п.

В конце концов, я оставил ту часть книги, над которой хотел работать, и выбрал главу, где был свободнее от литературы.

Занялся вопросом о времени. Как это не представляется странным — а мы сейчас в науке можем заниматься временем, так же как занимаемся материей. И я занялся жизненным или биологическим временем. Вопрос давно меня интересует и, мне кажется, имеет очень большое значение. В связи с этим мне пришлось очень углубиться в философскую литературу: читал и думал. Конечно, это все хорошо, но все же это не то, что было мне в первую очередь нужно.

Посылаю Вам две свои статьи, которые, м[ожет] б[ыть], Вы пробежите, чтобы меня понять⁴⁹⁵. Чрезвычайно сейчас интересно, что пространство и время могут изучаться и что они являются характерными для жизни⁴⁹⁶.

Ознакомление с новой философской литературой — конечно, я беру вопрос шире, чем требуется для моей прямой цели — очень интересно и важно. Но все же, в основе моей души сейчас негодование.

Работа лаборатории разворачивается также чрезвычайно интересно, хотя очень трудно справляться из-за недостатка средств.

Хочется повидать внучку и дочку. Сын сейчас опять в Калифорнии — читает там летний курс и работает в архиве. Его, очевидно, не увижу скоро.

Буду очень рад иметь от Вас весточку. Сердечный привет Нат[алье] Дм[итриевне].

Здесь с женой веду регулярный рабочий режим: встаю в 6, ложусь в 10½; два раза гуляю. Остальное время занимаюсь и много времени берут здешние герас*. И успеваешь не много из того, что хочется⁴⁹⁷. Были хорошие концерты. Всего лучшего.

Ваш В. Вернадский

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 69а–69а зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 192

28 вересня 1931 р., Київ

28 сентября 1931 г.
Киев, Тарасовская, 20

Дорогой Владимир Иванович!

Вот и лето кончилось. Мы с Нат[альей] Дм[итриевной] вернулись из Боярки в Киев, достаточно намерзлись за последние дни на даче. На смену жарких дней — холода, сопровождаемые обильными дождями, наступили как-то неожиданно. Они продолжаются до сегодня и испортили обычно чудную, теплую и красивую киевскую осень. В эти дни переезда я получил Ваше письмо, и Вам понятно будет мое запоздание с ответом на него.

По-видимому, в общем Вы остались довольны своим пребыванием в Петергофе: и работали, и регулярно гуляли, хорошо питались и жили в хороших, если не отличных, условиях. Тем не менее, письмо Ваше проникнуто большою грустью. Несомненно, невозможность для Вас поехать в этом году за границу испортила расположение духа и не давала необходимого спокойствия. Удастся ли Вам поехать в будущем году — наперед с уверенностью, конечно, сказать нельзя в виду перестройки Академии, когда с интересами научных деятелей мало считаются. Поэтому мне кажется вполне целесообразным, если Вы ни на минуту не ослабите своей энергии в отношении хлопот о поездке. А энергии у Вас не занимать стать.

У нас еще не началась научная жизнь в Академии. Чувствуется вялость и неопределенность, вероятно, результат беспокойства духа после натиска весной воинствующего марксизма на ученых немарксистского направления. Количество ученых в Киеве уменьшается все более и более⁴⁹⁸. В ближайшее время Киев лишается Л.Н. Яснопольского, энергичного научного деятеля. Он подвергся весной особым нападкам и переходит на службу в Москву. Это большая потеря для Киева как научного центра. Есть опасения, что по тем же причинам вслед за Яснопольским может оставить Киев и К.Г. Воблый. Мих[аил] Серг[еевич] живет уже почти вне Киева и Украины⁴⁹⁹. Это значительно ослабляет научный контингент Академии. Киев вообще за последнее время сильно меняется. Старые

---

* Харчування (фр.).

деятели почти исчезли. Все встречаешь новых незнакомых людей. И с внешней стороны Киев за последние 2–3 года очень изменяет свою физиономию. Особенно усиленно застраиваются Липки многоэтажными домами нового утилитарного стиля. Не знаю, насколько они удобны в хозяйственном отношении, но в художественном они не служат к украшению города. Есть исключения. Их, однако, немного. На первом месте нужно поставить здание нового вокзала, построенного по дореволюционному, в главных чертах, еще по проекту. Громадная арка вокзала оригинальна и прямо-таки красива. Постройки связаны с истреблением, самым беспощадным, деревьев. Так, у нас, на Тарасовской, для постройки дома железнодорожников уничтожена половина фруктового сада Притишеля, рубятся деревья в Царском саду. Будет, несомненно, истреблено много деревьев на Лукьяновке при предполагаемом расширении кабельного завода. Таким образом, через несколько лет и очень скоро физиономия Киева должна измениться до неузнаваемости и естественная красота его природы может отойти в вечность. На это обращено уже внимание Комиссии охраны памятников, но удастся ли ей сдержать разрушительный процесс — трудно сказать.

Спасибо Вам за присылку своих трудов. С большим интересом прочитал я «Изучение явлений жизни и новая физика», хоть нужно признаться, нелегко было это чтение: настолько я мало подготовлен в тех вопросах, которые так широко затрагиваете Вы. Ясно, что без широкого использования иностранной литературы нельзя двинуться вперед. Должны же это понять, в конце концов, те, от кого зависят судьбы нашей науки.

Ну, будьте здоровы. Привет от нас обоих Наталье Егоровне. Крепко жму руку. Нат[алья] Дм[итриевна] кланяется Вам.

Как устроились Вы на уменьшенной квартире?

Всей душой Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 51–51зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 193

17 листопада 1931 р., [Ленінград]*

17.XI. [1]1931

Дорогой Николай Прокофьевич,

Поздно отвечаю на Ваше письмо. Время в размеренной жизни течет быстро и не успеваешь сделать то, что хочешь. Но я, дорогой друг, все время сердечно с Вами.

Посылаю Вам свою последнюю статью — как увидите, с примечанием Редак[ционно]-Издат[ельского] Ком[итета] — фактически учреждение с цензурными функциями. Они ничего не изменили в тексте⁵⁰⁰. Причина, думаю, борьба

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

за примат науки: они над ней ставят философию определенного типа — в сущности бюрократическую схоластику. *Sub specie aeternitatis** — это очень интересно, но реально иногда нудно. Я до такой степени чувствую переживаемое *sub specie aeternitatis**, что среди всей жестокости окружающей жизни воспринимаю современную жизнь как интереснейшее явление.

Мы сократились, добился я и незначительного сокращения платы за квартиру — и то, что так для нас ценно — и что Вы имеете — живем в квартире одни. Этого мы не имели со времени моего приезда⁵⁰¹. День идет размеренно: встаю в 6 часов утра, ложусь в 10¼–10½ еще иногда немножко лежа читаю и много работаю. Настал — или, вернее, длится — творческий период в старости. Академия — будущее которой мне рисуется довольно мрачно — в ноябрьском засед[ании] выступит торжественно — с шумом, треском и бумом. Много будет и дельного, много будет всем надоевшей трескотни и лжи. Придется выступить, вероятно. Вначале я сговорился с Непр[еменным] Секр[етарем]⁵⁰², что я выступлю, — в связи с «примечаниями» — в следующей сессии, но неожиданно, после его поездки в Москву, получил настоятельное пожелание выступить сейчас. Выступлю с речью — «Проблема времени в современной науке»⁵⁰³. Тема, над которой много думал. Но едва ли она может быть напечатана без «примечаний». Я кончил ее вчера и почти отделал. А наряду с этим ряд моих работ в печати; работа обоих институтов — и Радиевого, и Геохим[ического], несмотря ни на что, идет, и есть интересные и важные данные, а горизонты огромны. Сейчас меня опять увлекает радий и его спутники. Много читаю из новой литературы, за которую веду настойчивую борьбу: главного добиваюсь, надоедая и мучая, д[олжно] б[ыть], и «начальство», и академических (и иных) чиновников.

Мне кажется, мы живем в научной области — основном стержне жизни ближайших поколений — по-моему, в стихийном процессе, остановить который не могут даже такие большие течения, как перемещение к власти народных масс (вернее, единиц или групп, на них опирающихся, реально их взнуздывающих). Победит тот, который пойдет в унисон с ростом знаний. Я смотрю поэтому относительно спокойно и на тот упадок научной работы, который сейчас у нас замечается. Ибо смотрю на него в его значении. В худшем случае мы выйдем из строя — но я не думаю — думаю, строй придется приноровить к стихийному движению точного знания. Нет в геометрии разных дорог и особой для царей. В этом, надеюсь, убедятся, пока не поздно. А если убедятся поздно — процесс пойдет без нас. Надо кончать. Наш привет Вам и Н[аталье] Дм[итриевне].

Ваш *В. Вернадский*.

Посылая статью, сознаю, что она, м[ожет] б[ыть], трудна — но она все-таки затрагивает большие вопросы, которые не должны быть уделом специалистов.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 70–70зв. *Опубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 31–32.*

* З погляду вічності (лат.).

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 194

25 грудня 1931 р., Київ

25.XII.1931

Київ, Тарасовская, 20

Милый и дорогой Владимир Иванович!

Я сильно виноват перед Вами. Больше месяца прошло, как получил Ваше письмо, и только теперь откликаюсь на него. Все это время чувствовал недоумогание. Оно-то, главным образом, и было причиной моего долгого молчания.

Спасибо Вам за присылку Вашей статьи «Об условиях появления жизни на земле». Немедленно по получении с большим интересом прочел я ее, несмотря на трудность чтения, благодаря обилию специальной терминологии и моей неподготовленности к ней. Статья Ваша свидетельствует о крепости и свежести мысли и этим радует Ваших друзей, надеющихся, что будет кончен труд, над которым Вы столько лет работаете и который должен представить много оригинального. То, что работы Ваши печатаются с «примечанием», свидетельствует о силе мысли и научного знания, которые найдут, в конце концов, свои пути. Поэтому я понимаю Вашу веру в науку и ее победу, хотя и — *sub specie aeternitatis**.

Я не читаю ленинградских газет, а в московских «Известиях» так мало писалось про ноябрьскую сессию Союзной Академии, что я не знаю, читали ли Вы свой доклад о времени и как он был принят — с «примечанием» или без него? Интересно бы знать Ваше впечатление о сессии, ее характере, целесообразности и результатах. Я это спрашиваю не из простого любопытства. По образцу Союзной Академии, у нас на Украине, говорят, предполагено две выездные сессии: в январе — в Харькове; в мае — в Сталино (Донбасс). То, что делала Украинская Академия до сих пор, считается ошибочным, ненужным. Это все сказано в официозной брошюре Головы Комиссии культурной пропаганды А.Я. Артемского «Що таке ВУАН?»⁵⁰⁴. Брошюру эту я посылаю Вам. Она осветит Вам личность в условиях нашей академической жизни и познакомит с характером, который придается ей новыми ее руководителями. Значение академиком сведено почти к нулю. Руководящая роль принадлежит теперь молодежи, членам Харьковского института марксизма и ленинизма и киевской его филии. Под их влиянием Академия перестраивается на совершенно новых началах. Что из этого выйдет — трудно еще сказать. Время переходное. Как такое, оно пока отражается на продуктивности научной работы. Но это явление, надо полагать, временное. Так, по крайней мере, смотрим на это мы, а как оно будет в действительности — покажет недалекое будущее. Сейчас у нас ведется активная борьба с буржуазной наукой и всеми научными методами, кроме марксизма-ленинизма, который один признается правильным. Борьба эта имеет успех, и

---

* З погляду вічності (лат.).

наука строится по этому методу. У вас в естественных науках это менее заметно; в гуманитарных же науках произносится под видом «самокритики» всем предшествующим научным приобретениям. Особое внимание теперь уделено концепции истории Украины М.С. Грушевского. Его «Історія» подвергается уничтожающей критике, причем его ученики публично осудили взгляды своего учителя, подойдя к ним с точки зрения марксизма-ленинизма⁵⁰⁵.

Очень рад, что Вам удалось устроиться, наконец, с квартирой. В нашем ученом быту это большое достижение. А как обстоит дело с Вашей заграничной командировкой? Есть ли надежда на получение ее после посещения Вами Москвы? Вы, очевидно, забыли написать мне об этом.

Зима в Киеве стоит пока мягкая. Но она подарила нас сыпным тифом, который, говорят, принимает угрожающие размеры. Усилению эпидемии способствуют многочисленные очереди, которые в Киеве процветают, отсутствие топлива для бань, отсутствие мыла.

Будьте здоровы. Наталья Дмитриевна шлет привет Вам и Наталье Егоровне. Я тоже.

Не забывайте нас, мой дорогой.

Всей душой любящий Вас *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 52–53зв. *Опубл.: Василенко Н.П.* «После нас, вероятно, наступит упорная борьба за свободу науки. И она победит...»: [письма к В.И. Вернадскому] / Н.П. Василенко; вступ., публ. Л. Матвеевой // *Віче.* — 1993. — № 11. — С. 144–145; *Василенко М.П.* Вибрані твори: у 3 т. Т. 3: Спогади. Щоденники. Листування / М.П. Василенко; НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького; упоряд. І.Б. Усенко. — К.: Юридична думка, 2008. — С. 538–539.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 195

6 квітня 1932 р., [Ленінград]*

6.IV. [1]1932

Дорогой Николай Прокофьевич,

Собираюсь скоро ехать за границу на шесть месяцев. Как-будто все уже выяснено — паспорта еще нет. И.П. Павлов говорит, что пока паспорта в руках нет — нельзя говорить, что едешь. Но мое недоверие не доходит до этого. Видел в Москве, откуда вчера приехал, Луначарского — председателя того учреждения, которое выдает командировки⁵⁰⁶, и он мне сказал, что все уже в порядке и что я, как хочу, около 10.IV. смогу уехать. Но все же пока нет в руках паспорта и денег. Завтра буду здесь узнавать — сегодня выходной день — все закрыто. Реально надеюсь выехать между 10–15.IV.

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

Ехать хочу сперва на недели три подлечиться и отдохнуть, думаю, на юг Словакии, в Писчане⁵⁰⁷ — а затем в Мюнстер на радиологический съезд, затем в Геттинген и Париж⁵⁰⁸. Главное же время проведу где-нибудь в Чехословакии и Берлине, работая над своей книгой о геохимической энергии жизни в земной коре — чего добиваюсь теперь третий год!

Хочется видеть и внучку. Как-то странно, дочка и внучка у меня сливаются в одно, и я не могу сказать — к кому больше стремлюсь. Надо месяц и отдохнуть, и подлечиться: я не отдыхал с конца 1930 года, когда пробыл 3 недели в Царском для отдыха, и сердце, да и всякие старческие немочи давали себя знать последние месяцы. А за границей придется работать очень усиленно...

Сейчас, несмотря ни на что, много печатаю — но добиваюсь напечатания разошедшихся моих книг, которые не выпускаются из-за идеологических соображений. Так как я философский скептик, и философски считаю себя достаточно образованным — то для меня являются фантазиями оценки меня, как идеалиста, материалиста, мистика, виталиста — которые сейчас делаются. Поразительно невежественны присяжные наши философы. В Москве после доклада моего (Океанография и геохимия)⁵⁰⁹ — я высказал свое философ[ское] profession de foi*: присутствующие [«диалектики»] не выступили, молчали. Я считаю, что диалектика природы — мистика, самая настоящая, и это высказал. Моя статья о «проблеме времени в соврем[енной] науке» печатается и уже половина подписана к печати. Говорят, в том же номере (вместо «примечаний»?) будет критика Деборина...⁵¹⁰ Сейчас у нас в области радиологии огромен новый сдвиг и новые интереснейшие явления. Удивительное время.

Всегда с любовью вспоминаю о Вас и с благодарным чувством о пережитом. Всего лучшего Вам и Нат[алье] Дм[итриевне].

Ваш *В. Вернадский*

Дам адрес из заграницы. Командировку получаю на год, с полугодовым перерывом, т. е. два раза — апрель–октябрь. Постоянный адрес дочери: V.P. Paří D-r N. Toll-Vernadská, Praha, Podbabská tř., č. 1088, b. 5 — сообщаю на всякий случай.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 71–71зв. *Опубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 33–34*

* Символ віри (*фр.*).

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 196

13 червня 1932 р., Прага

Прага
13.VI. [1]932

Дорогой Николай Прокофьевич,

Уже более месяца за границей — все хотел Вам написать — но был страшно занят: написал по-немецки три больших доклада, из которых один прочел в Мюнстере и теперь печатаю⁵¹¹, а два буду читать на днях в Геттингене, куда завтра еду. Оттуда еду в Берлин до конца июня или начала июля — а затем возвращаюсь в Прагу, где буду работать над своей книгой. Приезжает и сын из Нью-Гэвна*. А здесь и я и жена живем новой жизнью — внучкой. Очень глубоко я переживаю дедовство. Осенью месяца 1½ хочу провести в Париже — работать над книгой. В самом начале ноября возвращаюсь в Петербург — где будет первая конференция по радиологии под моим председательством: к ней надо будет подготовиться.

Очень прошу Вас или Нат[алью] Дм[итриевну], которой шлю самый сердечный привет, написать мне о вас обоих. Постоянный адрес в Праге моей дочери: Praha, Dejvičé, Podbabská tř., č. 1088, b. 5.

Вероятно, после приезда сына недели три отдохну — очень уже я эти последние месяцы много работал.

Здесь в нашей области сейчас очень важное новое явление — нейтроны — новая составная часть материи. Трудно сказать, к чему это приведет⁵¹².

Посылаю эту открытку — позже напишу.

Всего Вам лучшего.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 72. Листівка.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 197

28 червня 1932 р., Київ

Киев, Тарасовская, 20
28 июня 1932

Обрадовали Вы меня своим письмом-открыткой от 13.VI., дорогой Владимир Иванович. Итак, Вы за границей⁵¹³ и с прежней, даже, может быть, с большей энергией продолжаете свою научную деятельность. Радуюсь за Вас. Радуюсь, что в этом году Вам, по-видимому, удастся провести несколько

---

* Так в оригіналі.

счастливых недель в кругу близких родных. Тут уже Вы будете не только дедушкой, а в некотором роде патриархом, и это дает Вам право на полный отдых, чтобы в ноябре приступить в Ленинграде к своим будничным научным обязанностям.

Мы сидим в Киеве пока. Боярка коллективизована на 100% и обращена в сплошную санаторию. Вместе с этим должны прекратиться и наши поездки туда на дачу. Лето мы думаем провести в Преображенском возле Китаева. Вы, вероятно, эту местность помните. Мы когда-то ездили туда с Вами. Местность очень красива и здорова. Неудобство некоторое представляет шумливость дома отдыха, где придется жить, но с этим приходится мириться. Мне, говорят, нужно побольше движения, и Преображенское дает для этого все удобства, так как соединяет горы с равнинным пространством. А нельзя отвыкать от гор, в виду необходимости ходить по Тарасовской. Думаем отправиться в дом отдыха 1-го июля, если не помешают дожди, которые у нас недели три, почти беспрерывно, обращаясь иногда в ливни с человеческими жертвами. Нат[алья] Дм[итриевна] предполагает работать летом, а потому везет с собой книги; я же еду налегке и, кроме прогулки, рассчитываю заполнять время легким чтением беллетристики и мемуарной литературой. Хочу дать полный отдых своим нервам, значительное улучшение которых я чувствую, хотя не знаю, прочно ли это самочувствие, так как рецидивы болезни повторяются, и я все более и более убеждаюсь, как бессильна медицина в нервных болезнях и, в частности, моей.

В Киеве мало веселого. На ученых точно мор напал. За первое полугодие 1932 г. умерли: И.А. Малиновский, Д.И. Багалея, акад[емик] Резниченко, физик Л.О. Кордыш, акад[емик] К.К. Симинский⁵¹⁴. Просто жутко становится среди живых.

Если будет время и охота, пишите о себе, своих мыслях, работах. Ваши письма доставляют нам большое удовольствие. Они полны бодрости и невольно заражаешь этой бодростью и сам.

Нат[алья] Дм[итриевна] шлет Вам привет. Мы часто Вас вспоминаем. Нат[алье] Егор[овне] и Нине Владимир[овне] поклонитесь. Крепко жму Вашу руку.

Душевно всегда Ваш *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк. 54–55зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 198

20 січня 1933 р., Ленінград

Ленінград
20.I.1933

Дорогой Николай Прокофьевич,

Давным-давно Вам не писал и имею о Вас известия только от приезжих из Киева.

В тяжелых условиях нашей жизни нормально вести переписку нет возможности, и поздно пишу я Вам новогодний привет. Мы живем — по-здешнему — хорошо. Пока академики поставлены привилегированно и в смысле еды и в смысле квартиры. Конечно, однако, очень много ненужных хлопот. Но сравнительно хорошо.

Чрезвычайно тяжело переживаю я затруднения с новой литературой. Тут положение не улучшается, а ухудшается. В сущности, процесс чувствуется у нас гораздо больше, чем где я был на Seine⁵¹⁵ — по крайней мере, для научной области это резко выражено.

Не знаю, что издает Академия украинская — я совсем перестал получать ее издания — кроме Вістей, которые производят удручающее впечатление по своей научной безграмотности и бессодержательности.

Научная работа моя идет, несмотря ни на что — в общем хорошо — хотя приходится очень считаться с тем, что возможно делать в связи с оборудованием.

Не знаю, послал ли я Вам свою речь о проблеме времени? На нее была «критика» Деборина — на нее у меня написан и принят к печати ответ. Деборин слишком постарался и приписал мне такие глупости, что диву даешься⁵¹⁶.

Очень доволен поездкой за границу. В ней много видел и узнал. Надеюсь ехать вновь заканчивать годовую командировку в мае — сперва в Париж, где буду читать давно уже согласованные лекции. Хочу побывать и в Англии. Работа моя все расширяется; кажется, отстою расширение и теперь.

В Праге очень много дала нам внучка, и я хорошо виделся с детьми⁵¹⁷. Об этом Вам писал оттуда⁵¹⁸.

Дружеский привет от нас вам обоим.

Любящий Вас *В. Вернадский*

P.S. Б.Л. Личкова предлагаем в члены-кор[респонденты] Акад[емии] Наук⁵¹⁹.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 73–73зв.

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 199

8 лютого 1933 р., Київ

8 февраля 1933 года
Киев, Тарасовская, 20

Дорогой Владимир Иванович!

Вы правы, тысячу раз правы, когда пишете, что наше трудное время мало располагает к писанию писем. Поэтому я, получив от приезжих известие о Вашем возвращении из заграницы, спокойно выжидал момента, когда придет черед для Вас черкнуть и мне словечко. И вот я получил его, такое бодрое, как всегда. Из этого я заключаю, как много пользы принесли Вам поездка и пре-

бывание заграницей. Надеюсь, продолжение командировки Вашей в мае будет избавлено тех проволочек, какими сопровождалось ее начало, и Вам не придется даром тратить столько энергии, сколько потратили Вы на разрешение в прошлом году.

Очень рад, что большая Ваша работа успешным темпом подвигается вперед. Будем надеяться, что скоро уже начнете ее печатать, если не окажется внешних препятствий. Брошюру Вашу о времени получил давно и тогда же прочел ее. О «критике» Деборина слышал, но самой критики не читал: не хочется углубляться в вопрос, мне чуждый. Слышал, что Вы вообще подверглись обстрелу с точки зрения идеологической, но следить за этим не мог, так как трудно мне, неспециалисту, быть в курсе научной литературы, а получение ее в наших библиотеках не всегда доступно. «Обстрелы» бывают и у нас, только носят они более примитивный характер и приводят к сокращению научной продукции, так как трудно бывает целиком удовлетворить оттенкам идеологии, превалирующим в данный момент. На этой почве вместо действительно научной литературы появляется чертополох вроде академических «Вістей», которые Вы так правдиво и сурово охарактеризовали. То, что Вы не получаете изданий Академии, вытекает из новых условий нашей теперешней жизни. Проводится принцип финансовый. Сначала академиком вовсе не выдавали бесплатно изданий, теперь выдают по особым заявлениям в издательство Академии.

Условия существования академиков у нас, как и у вас, хорошие, но, конечно, не такие, как в Ленинграде. Тут влияют местные условия. Мы, напр[имер], часто сидим без электрики, благодаря этому пропадает много времени. Зима у нас в этом году гнилая, снегу почти нет. Несколько дней, однако, было очень холодных, и многие изрядно мерзли вследствие недостатка топлива.

После лета, проведенного в доме отдыха в Преображении, я чувствую себя значительно окрепшим и могу работать. Побаливают только временами ноги и руки в особенности в связи с атмосферными колебаниями. Много в моей болезни происходит, несомненно, от самовнушения, но бороться с этим очень трудно: не всегда удается должным образом направить свою волю. Досаждают мне дрожание рук и медленность движений.

Собираю сейчас материал для истории «малороссийских козаков» Черниг[овской] и Полтав[ской] губ[ерний], но без надежды когда-нибудь при жизни напечатать эту работу.

С нетерпением ожидал я известия об избрании Б.Л. Личкова членом-кор[респондентом]; но в списке избранных его не нашел. Очевидно, на этот раз Вам не удалось его провести. Жаль.

Посылаю Вам свою последнюю карточку, чтобы Вы видели, какой я теперь. Нат[алья] Дмитр[иевна] шлет сердечный привет.

Всей душой любящий Вас *Ник. Василенко*

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 200

1 червня 1933 р., Київ

Київ, Тарасовская ул., 20

1 июня 1933

Дорогой Владимир Иванович!

Минул май. Как же обстоит дело со второй половиной Вашей заграничной командировки? Состоится ли она, и какой маршрут Вы себе намечаете? Когда думаете двинуться в путь? Я давно не имею о Вас никаких известий и не знаю ничего о Вас: как живете, как работали зиму, довольны ли результатами своей работы научной и общественной? Обстоятельства так за последнее время у нас складываются, что живая связь Питера с Киевом не так интенсивна, как было раньше, и то, что дополнялось личными отношениями, теперь отходит на задний план.

Что сообщить Вам о себе? В общем, зиму я провел удовлетворительно. Здоровье мое не ухудшилось. Напротив, признаки некоторого улучшения, и я порой чувствовал себя совсем недурно. В такие дни я возвращаюсь к работе. Условия ее у нас, в Киеве, вообще неблагоприятны, отсутствует главный стимул ее — надежда видеть свою работу когда-нибудь в печати.

Я приписываю улучшение своего здоровья лету, проведенному под Киевом в Преображенском монастыре. Естественно, поэтому, что мысль моя и Нат[алья] Дм[итриевна] обращается к этому месту, мы мечтаем провести там и предстоящее лето. Пока же с грустью смотрим на погоду, представляющую из себя что-то вполне безнадежное — холод и почти непрерывный дождь. Так хочется весеннего тепла.

Появились ли в печати уже Ваши ответы Деборину? Если да — пришлите.

Нат[алья] Дм[итриевна] шлет свой привет Вам и Наталье Егоровне. Я тоже.

Всей душой любящий Вас *Ник. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 234, арк 58–59.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 201

15 червня 1933 р., [Ленінград]*

15.VI. [1]933

Дорогой Николай Прокофьевич,

Очень рад был получить от Вас письмо и спешу ответить.

Я давно должен был быть за границей, а сижу здесь! Хотя я получил командировку за границу на год и вернулся, сговорившись, что из-за пользы для дела разбиваю ее на две полугодовых — выехать в мае не смог: не отвечают Ака-

* Місце написання листа встановлено за змістом.

демии. Академия вообще в очень большом фактическом пренебрежении у властей и на Волгина⁵²⁰ не обращают внимания. Все наши коммунисты не влиятельны или даже подозреваются.

Гораздо более была влиятельна Академия прежде. Как бы то ни было, приходится действовать самому.

На днях вернулся из Москвы, где хлопотал. По-видимому, причина — неправильное действие Академии: направила мою командировку на дополнит[ельные] суммы Совнаркома (затеи бюрократ[ически] правильной — но неожиданно сорвалась). Этой валюты в этом году не дали. Так, по крайней мере, объясняют. Обещают решить вопрос на днях, и, как-будто бы, есть большие шансы, что исполнят.

Во всяком случае, для моей работы мой выезд на ½ года, по крайней мере, безусловно необходим: для моей работы над новой книгой о геохимии энергии жизни — где я подхожу к крупному и важному новому принципу⁵²¹. Здесь я сделать это не могу. Кажется, я это сделал понятным.

Но, конечно, канитель может затянуться, т. к. аппарат работает очень плохо, да и жизнь чрезвычайно сложна.

Моя научная работа, несмотря на очень плохую и неблагоприятную обстановку, идет очень хорошо, и я подошел к ряду интереснейших проблем, которыми живу и в которых живу.

Как всюду, кругом — контрасты. Действительно, можно иметь размах — при никуда не годной обстановке. Все берется напряжением воли и горбом. Но берется. И все непрочно. Сегодня пан, завтра пропал. В 1932 <г.> Радиев[ый] Институт был закрыт, удалось добиться отмены, и сегодня — пан⁵²². Но вдруг лишился валютной литературы. Один журнал вместо 23 в 1930 <г.> Сейчас удалось экстренно поднять (<на>1933<г.>) до 9, а на 1934 <г.> обещаются восстановить все 23 и вынесли смету на постройку в 3 миллиона. Но я философски учитываю положение и знаю, что живу на колесе.

Не только я сам могу касаться больших проблем — но и кругом рост научного знания необычаен, и я не выхожу из состояния глубочайших переживаний. Иногда удивляюсь, что так интенсивно переживаю их в мои 70 лет!

Посылаю Вам мой ответ Деборину. Он был по моему настоянию напечатан целиком: я согласился на один-два* несущественных изменения. Он ответил: но он просто не понимает той области явлений, о которой пишет. Мысль и замечания его мне скучны⁵²³. Мой отчет о заграничной поездке, однако, остался в рукописи — но доведен до Москвы двумя путями. Жалею, что не могу прислать.

У нас пока все благополучно. Надеюсь скоро выехать с Нат[альей] Ег[оровной] и увидеть внучку.

Горячий привет Вам и Н[аталье] Дм[итриевне].

Ваш всегда *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 74–74зв. *Опубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 34–35.*

* Так в оригіналі.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 202

17 серпня 1933 р., Прага

Praha, Dejvicé,
Zemědělská* ul., 4
patro I, byt X
17.VIII. [1]1933

Дорогой Николай Прокофьевич,

Наконец я получил заграничную командировку на полгода и поспешил в Прагу, где буду работать над своей книгой, которую начал в прошлом году. Хочу позже проехать во Францию и Англию — в Лондон и где не был, в Оксфорде и Кембридже⁵²⁴.

Здесь наслаждаюсь свиданием с внучкой.

Очень жаль, что вместо мая выехал в августе и не захватил лето. Но ничего не поделаешь.

Не знаю, застанет ли Вас эта моя открытка в городе или Вы где-нибудь в санатории или доме отдыха! Очень прошу Вас написать мне о Вашем здоровье и о Вашей жизни. Более или менее слежу за жизнью Академии — но радоваться нечего — работает, в общем, мало.

Здесь еще не осмотрелся и только начинаю свою работу, в которую войду [всецело].

Сердечный привет Н.Д.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 75. Листівка.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 203

20 листопада 1933 р., [Париж]**

Bourg la Reine,
20.XI. [1]1933

Дорогой Николай Прокофьевич,

Ровно через два месяца отвечаю на Ваше письмо — но оно не скоро до меня дошло, и я здесь затуркался со всякими делами. Работаю и работал много, но результаты еще не ясные.

---

* Так в оригіналі. Точніша назва: Zemědělská.

** Місце написання листа встановлено за змістом.

Завтра еду в Лондон и перед этим привожу в порядок все свои здешние дела. В Лондоне пробуду около месяца; хочу осмотреть музеи, восстановить старые личные связи с учеными, подготовить две conférences*, которые прочту в Париже⁵²⁵. Я уже десять лет не был в Англии — не знаю, какое она на меня произведет впечатление.

И во Франции, и, особенно, в Чехословакии изменение после прошлого года значительное — не к лучшему — но сейчас явление приняло другую форму. Все сознают, что сейчас вопрос не чисто экономический — ясно, что экономический кризис кончается — а политический — усиливается. Страх войны и опасность — чувство возможности ее возникновения витает над всем⁵²⁶.

Сколько могу среди моей научной работы, слежу за происходящим. Мне кажется, сейчас самое крупное — Рузвельтовская деятельность. Это первая попытка выхода из тяжелого положения народных масс без нарушения прав человеческой личности — резко иная, чем наша попытка, попытки Муссолини или Гитлера. Свобода мысли и научного искания не затронуты, а масштаб мер сравним с нашими европейскими исканиями. Все делается при свободной критике. Западноевропейская пресса — кроме английской — не дает правильного понятия о происходящем.

Но на это идут отдыхи — а главное — это работа над моей книгой, в которую, может быть, я слишком углубляюсь и расширяю тему.

Очень мне хотелось бы повидать Вас в этом году — но в моем возрасте поездки в наших условиях очень нележки, и хотя несколько раз получал приглашения в Академию в Киев — ни разу не решился поехать. Я стараюсь меньше бывать и на заседаниях нашей Академии, в которых сейчас много начинает проявляться трафаретных форм. Я вижу в этих попытках навязать науке XX века — той форме человеческого сознания, которое непрерывно с конца прошлого века находится в расцвете — язык и облик 1830–1840-х годов, когда было живым то гегельянство, которым сейчас набивают у нас головы. Удивительно, что ни война, такая, какой была <война> 1914–1918 <гг.>, ни такая революция, какая была и есть наша, ни экономический кризис, которого никогда подобного не было — ни на йоту не остановило все идущего научного движения. Равное ему было, вероятно, в 5–6 веке до Р[ождества] Х[ристов]а — создание греческой науки и религиозно-философской мысли Индии, и м[ожет] б[ыть], и другой области Азии.

Я печатаю теперь статьи о биогеохимии и биосфере — надеюсь в 3-ей статье этой серии коснуться человека⁵²⁷. Не знаю только, как цензура.

Всего лучшего. Наш привет Н.Д. В Праге я оживаю и глубоко переживаю при общении со своей внучкой.

Ваш всегда *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 76–76зв. *Опубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 36–37.*

* Публічні лекції (фр.).

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 204

30 квітня 1934 р., [Ленінград]*

30.IV. [1]934

В[асильевский] о[стров]

7 л[иния], 2, кв. 12

Дорогой Николай Прокофьевич,

Давно собирался Вам написать — вернулся уже более двух месяцев. О Вас знаю все время только от и через киевлян. Как я Вам писал, очень доволен работой за границей, хотя сделал гораздо меньше, чем прежде.

Сейчас хотел было писать и о своей двоюродной сестре⁵²⁸, которая страдает из-за переведения столицы в Киев. Мих[аил] Мих[айлович]⁵²⁹, которого видел перед отъездом, думал переговорить об этом с Нат[альей] Дм[итриевной]. Адрес моей дв[оюродной] сестры на всякий случай следующий: (Лид[ия] Александр[овна] Неелова, Пушкинская, 35, кв. 12). Идет вообще перемена: Свердловск (Екатеринбург) — столица Росс[ийской] республики, сейчас в Москву из Ленинграда переводят в срочном порядке Академию Наук с ее учреждениями, Институт эксперим[ентальной] медицины и фактически Геолог[ический] комитет. Очень возможно, что скоро и мне придется вернуться в Москву, если я там получу настоящую лабораторию. Для меня вопрос сейчас окончательно не решен, т. к. Радиев[ый] Институт независим от Академии Наук и остается в министерстве. Но в моем возрасте трудно быть в двух учреждениях во главе, хотя фактически я совсем освобожден почти от всех админ[истративных] и хоз[яйственных] хлопот по Рад[иевому] Инст[итуту]. Но туда для прочности, а моя Биогеох[имическая] Лаб[оратория] Академии наук еще очень непрочно. Начатая ее (и химич[еских] учреждений Академии Н[аук]) постройка остановлена, а в Москве обещают дать хорошее временное помещение (одну из бывших новых лабораторий) и провести постройку.

Все это неясно чем кончится — если не будут истрачены большие деньги. Я перееду, если получу лучшие условия для научной работы⁵³⁰.

Сейчас, несмотря ни на что, научная работа у нас идет, хотя главная масса средств идет на аппарат, а не на настоящих научных работников.

Очень я огорчен Бор[исом] Леон[идовичем]⁵³¹. Но я так и не видел его после моего приезда. Я считаю его одним из самых многообещающих ученых, и уже сейчас он дал много очень, развернулся в последние годы...

Буду очень рад получить от Вас весточку. Сам я сейчас очень много работаю и много печатаю — здесь в непрерывном почти столкновении с цензурой, напоминающей нам худшие времена сто лет тому назад.

Но главное сейчас — это огромное научное движение, которое открывает перед нами огромные новые области. Очень хотелось бы повидать Вас. Летом — июль и август — мы с женой хотим провести в Узком под Москвой⁵³².

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

Сердечный привет Вам и Нат[алье] Дм[итриевне].

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 77–77зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку

№ 205

1 серпня 1934 р., Узкое

Узкое

1.VIII. [1]934

Дорогой Николай Прокофьевич, дорогой любимый друг, я Вам пишу, зная, что Вам сейчас трудно ответить мне.

Но здесь же, в письме Наталье Дмитриевне, я прошу и ответить мне коротко весточкой о Вас.

Кругом уходят от жизни и тяжело живут сверстники — но народилось новое поколение. И я лично очень бодро и оптимистично-сознательно смотрю в будущее — ближайшее моих внуков — в частности, моей единственной этого поколения — если она доживет, чего страстно хочу.

Я хочу узнать о Вас. Знаю, что Вам тяжело, но знаю, что Вы прожили жизнь, давши и оставив многое.

Недавно умер Сергей Федорович⁵³³ — жертва врачей, лечивших его от сердца, когда у него был рак в желудке — да и то констатирована была только опухоль. Врач (который умер раньше его) не решился сделать операцию — был бы жив, как говорили другие. Рентген был сделан неверно и операция была опоздана. Он скончался от случайного воспалит[ельного] процесса, который при этих условиях обычно так кончается.

Переезд Академии в Москву, боюсь как все у нас, во многом отразится пагубно, т. к. исполняется никуда негодно, но бюрократически энергично. Но может привести к созданию крупного научного центра. Подаю записку, которую пришлю Вам⁵³⁴.

Моя работа — к моему удивлению — неуклонно, несмотря на мой возраст, идет вперед, и я сам не понимаю, как это может быть.

Сейчас много и печатаю, а главное — все новое и новое — большое и важное — передо мною вскрывается.

С нежностью и благодарностью вспоминаю вместе пережитое.

Продиктуйте Ваши воспоминания, а мне дайте весточку о Вас.

Я и Нат[алье] Егор[овна] шлем Вам сердечный привет

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 78–78зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку та Н.Д. Полонській-Василенко

№ 206

29 серпня 1934 р., Узкое

Узкое

29.VIII. [1]1934

Дорогие Наталия Дмитриевна и Николай Прокофьевич,

Очень благодарю Вас, Наталия Дмитриевна, за Ваше письмо. Через 10 дней уезжаем отсюда, где провели с Нат[альей] Егоровной очень хорошо два месяца. Н.Е. поправилась. Посылаю Вам мою записку о переводе Академии, которую я подал в Академии. Не думаю, чтобы мне удалось добиться всего, что мне хочется — но буду добиваться. Очень уж решающая среда — и подбор ученых и решающей партии той среды — неблагоприятны.

А между тем, в течение больше 50 лет живя и вдумываясь в окружающее, часто ошибаясь, правда, но все время учась, я все определеннее и яснее вижу примат научного знания в наше время, вижу стихийный ход его. Поэтому очень спокоен за будущее. Мне кажется, как-то люди не видят, что совершается в научной области, при каком необычном явлении мы присутствуем. Геологи говорят о новой геологической эре — психозойской, физиологи — о решении задачи о связи мышления и структуры мозга и об изменении аппарата мыслительной способности, генетики — о создании новых видов и соответственном изменении человека. Философия, религия, государственное устройство должны считаться с таким небывалым изменением *Homo sapiens**. Похоже, что мы подходим к такому периоду, когда род *Homo*** даст начало новому организму, главное применение которого будет в нервной ткани — новая способность проникновения создастся в аппарате мысли и понимания окружающего⁵³⁵. Смешны при этих условиях попытки остановить ход мысли, загнать ее в Прокрустово ложе. Растущая молодежь — сфинкс, а благодаря близорукой недооценке происходящего процесса, попытка остановить ход свободной научной мысли да еще такой мощной — донкихотство. Исчезает в ведущих реальная вера в основы коммунизма и научная среда, идейно его поддерживающая. Все это, конечно, *sub specie aeternitatis**** — но *aeternitas***** сейчас стихийна и близка — м[ожет] б[ыть], ближайшие поколения.

Очень жалею, что не получил письмо Н.П., но письма у нас, в пределах Союза особенно, пропадают более часто, чем обычно допускается. Очень хотелось бы, и, м[ожет] б[ыть], удастся, приехать на одно из заседаний Академии — не для заседания, конечно, а для того, чтобы повидать друзей. Постараюсь это сделать.

7-[го] сент[ября] уезжаем отсюда (где превосходно), 9-[го] возвращаюсь в Ленинград, 10-го — Менделеевский съезд⁵³⁶ — м[ожет] б[ыть], проеду после

* Розумна людина (лат.).

** Людина (лат.).

*** З погляду вічності (лат.).

**** Вічність (лат.).

съезда в Хибины. Переезд Академии — невероятная неразбериха, бестолочь. Боюсь, что будет много потерь: негоден весь хозяйственный и административный аппарат Академии: благонадежные, но бездарные или безразличные к делу. Сердечный привет от нас обоих.

Ваш *В. Вернадский*

Нат[алья] Ег[оровна] поправилась.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 81–81зв. *Опубл.: Вернадский В.И. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / В.И. Вернадский; АН УССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В.И. Вернадского [и др.]; отв. ред. К.М. Сытник; сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. — К.: 1991. — С. 37–38.*

М.П. Василенко — В.І. Вернадському

№ 207

25 жовтня 1934 р., Київ

Київ, Тарасовська, 20, кв. 5
25.X. [19]34

Дорогой Владимир Иванович.

Как давно я не писал Вам и сколько раз я задумывал написать Вам хоть несколько слов, но мешала каторжная болезнь.

Лето мы провели удовлетворительно, вернулись мы в середине сентября, я чувствовал себя бодрым и сильным, а через несколько дней, по приезду в город я заболел какою-то болезнью, которая сразу дала подскок температуры до 40 град[усов]. Продолжалась она недолго, на третий день температура упала до 36,5 град[усов], но надолго осталась слабость, и я только теперь начинаю восстанавливать свои силы. Врачи так и не определили, что было со мной: грипп или что-либо иное.

Я почти ничего не делаю, при таких условиях всякая работа делается трудной.

Я с особою радостью читаю Ваши письма и удивляюсь Вашей энергии, которая дает Вам столько возможностей продолжать научную работу. Это показывает, что Вы физически крепки, и будем надеяться, что свою работу доведете до конца. Было бы жаль, если бы она прервалась по каким бы то ни было причинам. Как отражается на ней неожиданный переезд Академии в Москву? Когда наступит для этого Ваш черед? Прочитал я с величайшим интересом Вашу записку о переезде Академии в Москву, но сомневаюсь, чтобы она имела успех, несмотря на вескость Ваших доводов.

У нас в Киеве много нового, неожиданного. Город переменяет и с каждым днем все более меняет свою физиономию. Старое уходит, а с ним уходят и памятники прошлого. Уже снесены Никольский монастырь на Печерске, Петропавловская и Флоровская церкви на Подоле, Трехсвятительская, Мариинско-

Благовещенская и Михайловский монастырь стоят на очереди. Колокольня монастыря уже разобрана, а на будущий год сносят Присутственные места. Сносят целые улицы домов, например, вся сторона Пироговской от Анатомического театра снесена. На месте снесенных зданий возводятся с изумительной быстротой огромные многоэтажные дома. За лето выросли сотни таких домов. Изменился и вид нашей Тарасовской, но наш домик остается без перемены и неприкосновенным.

Много перемен и в Академии, в условиях ее жизни. В прошлом году было уничтожено деление Академии на два отделения (третье и первое давно уже были слиты в одно социально-экономическое). Были уничтожены и все комиссии и вместо них были образованы 17 отдельных институтов, объединяемых только Президией Академии. Во время этой реорганизации было уволено 60 старых сотрудников Академии, в том числе и Нат[алья] Дмитриевна. На днях было ликвидировано часть институтов, возникших на грунте нашего отделения: кабинет — «радбудівництва та права», поглотивший мою комиссию, бюро экономических исследований, институт литературы и искусства. Все сотрудники этих учреждений уволены, кроме академиков, кафедры которых остались совершенно изолированными. Официальная причина ликвидации — отсутствие научной продукции и «належного керівництва»; по слухам — закрывается и Историко-Археографический институт и сливается с институтом марксизма и ленинизма. Таким образом, от двух мощных отделений Академии остаются теперь только Демографический институт, Институт истории материальной культуры и Философская комиссия, причем состав двух последних учреждений совершенно новый. Мне вспоминаются Ваши слова, что Академия не будет уничтожена.

Изменился и характер города: редко встретишь на улице знакомого. Новое поколение быстро вытесняет нас.

Как хотелось бы, чтобы Вы приехали в Киев. Какая это была бы радость для нас с Нат[альей] Дм[итриевной]. Какая есть потребность во взаимном общении с Вами. Я, признаться, поджидал после Менделеевского съезда от Вас письма, в котором Вы точнее написали бы, когда могли бы приехать в Киев. Вероятно, это можно будет осуществить во время ближайшей сессии. Вы тогда непременно располагайтесь у нас.

Будьте здоровы, не сердитесь на меня за молчание: трудно писать в наше время близким.

Я и Нат[алья] Дм[итриевна] шлем Вам и Нат[алье] Ег[оровне] наш сердечный привет.

Всей душой Ваш *Ник. Василенко*

В.І. Вернадський — М.П. Василенку та Н.Д. Полонській-Василенко

№ 208

25 листопада 1934 р., Ленінград

Ленінград

Васил[ьевский] ост[ров], 7 ли[ния], 2, кв. 12

25.XI. [1]934

Дорогие Николай Прокофьевич и Наталья Дмитриевна,

Очень благодарю Вас за Ваше письмо от 25.X. Отвечаю, как видите, не сразу — не так сразу, как хотел бы.

Очень благодарю за приглашение остановиться у Вас, если мне удастся приехать в Киев. Хотел бы приехать, чтобы особенно повидать Вас. В Киеве у меня не осталось многих близких людей. Но не знаю, соберусь ли — все-таки в мои годы не так легко передвигаться. Мечтаю о поездке к внучке и дочке — буду этого добиваться: это не так просто. В Киев я думал приехать из Москвы, если заседания обеих академий позволят это сделать. Писал Непр[еменному] Секретарю (Агол?)⁵³⁷, прося сообщить о материальной стороне поездки на заседания. Не получил ответа, как не получал ответа и от предыдущих и не получаю никаких изданий. Меня это не удивляет, так как административный аппарат наших учреждений вообще ниже среднего. Напишу на днях еще. Может быть, не Агол непременно секретарем?

Трудно предвидеть судьбу наших академий, но я думаю, что так или иначе они выживут. Будущее очень неясно, но я скорее смотрю вперед спокойно. В происходящем я вижу другой огромный естественно-исторический, природный процесс — в биосфере — и мне кажется, многое связано с теперешним нашим «строительством» (если не по исполнению, то по устремлению) [положительно]*.

А то, что сейчас происходит в мировом аспекте в человеческой истории геологически, так важно и так необычно (мы живем в психозойскую геологическую эру и цивилизация есть новый огромного значения геологический фактор), что значительные части «прогресса» незыблемы в данную геологическую эпоху. Будущее время моей внучки, напр[имер], рисуется мне полным хорошими возможностями. Я даже могу это вывести, исходя из естественно-исторических процессов биосферы. В области, мною изучаемой, «случаю» в нашем обычном <понимании> (в истории, напр[имер]) места нет⁵³⁸.

Моя Лаборатория⁵³⁹ переехала в Москву — но в лучшем случае можно будет к концу декабря работать. Перевод Академии устроен безобразно скандально — без денег, неважные временные помещения, разрушены и силой выброшены их занимавшие учреждения. Виновата главным образом Академия: ее нигде не годный административный аппарат, вполне, конечно, благонадежный. Откуда только выбирают таких людей: разрушать умеют, создавать нет.

---

* Листа пошкоджено. Прочитання ймовірне.

Если верно, как мне сказали, что Алгол* — непр[еменный] секретарь — то я постараюсь добиться от него ответа. Я ему писал заказным 3.XI. Спрашивал, оплачивается ли квартира и пребывание, просил присылки изданий. Начинаю думать, что я вычеркнут из членов Академии, что вполне возможно.

Но я думаю все же, что Академия останется. Белорусская улучшается. Я попрошу Фомина (не знаю, как сейчас его здоровье) или кого-нибудь из нашего отделения (более сейчас уважаемого) — справиться. М[ожет] б[ыть], напишу Шмальгаузену⁵⁴⁰.

Всего лучшего, дорогие друзья. Надеюсь удастся свидеться.

Ваш *В. Вернадский*

Работаю сейчас хорошо и много. Хочется закончить главное начатое.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 82–82зв.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку та Н.Д.Полонській-Василенко

№ 209

3 грудня 1934 р., [Ленінград]**

3.XII.1934

Дорогие Николай Прокофьевич и Наталья Дмитриевна

Только сегодня получил письмо Н.Д. от 29.XI. и спешу ответить.

К моему большому сожалению, на это заседание Укр[аинской] Академии поехать не удастся, т. к. первая сессия Всес[юзной] Акад[емии] в Москве будет 15–24 дек[абря]⁵⁴¹, а мне надо быть там 14-го и отсюда я не могу уехать раньше. Придется отложить до одной из ближайших сессий. Надо знать заранее. Пишу Палладину.

Агола лично я не знал (по Народн[ому] Ком[иссариату] Народн[ого] Пров[ещения] — русской республики) и был поражен его назначению. Это было похоже на насмешку.

Очень хочу повидать Вас и надеюсь, что это мне удастся.

Моя лаборатория переехала в Москву. Переезд совершен в невероятных условиях — полная неразбериха и огромный скандал. Как Вам писал — [всего] вино Академии. Теперь мне много возни и здесь и там.

Здесь у меня остался один научный сотрудник с препаратами в работе с тяжелой водой. А затем работа Радиевого Института. Так что и отсюда мне не очень легко выехать.

С сердечным приветом.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 83–83зв.

* Так в оригіналі.

** Місце написання листа встановлено за змістом.

В.І. Вернадський — М.П. Василенку та Н.Д. Полонській-Василенко

№ 210

27 червня 1935 р., Москва

Москва 17, Коньковское почтовое агентство 42
Санаторий КСУ⁵⁴² «Узкое»
27.VI. [1]1935

Дорогие Николай Прокофьевич и Наталья Дмитриевна,

Надеялся приехать на сессию Академии в Киев, но болезнь помешала мне — так же как приехать и на сессию в Москву. В мои годы такие перерывы расстраивают и резко меняют всю жизнь. Все меньше и меньше можно заранее задолго рассчитывать. Когда-то увидимся?

Я знаю, и сколько могу, слежу и за длительной болезнью дорогого Ник[олая] Прок[офьевича], и за тяжелыми условиями научной работы в Киеве. Думал и мечтал лично пережить с Вами. В письме не напишешь.

Последние 2 месяца совершенно неожиданно для меня у меня начались припадки «желтухи», связанные с болезнью желчного пузыря — припадки не очень болезненные — но потребовавшие строгого режима жизни и несколько раз заставлявшие меня лежать в постели. Последний был около 1-го июня и теперь, по-видимому, остановился. Но я на диете и здесь энергично лечусь.

Мы здесь с женой до 20 июля. Через несколько дней, позже числа 25 июля хотели выехать на три месяца за границу и вернемся в октябре уже в Москву⁵⁴³. Начинается для нас новая полоса жизни, д[олжно] б[ыть], последняя — вторая московская⁵⁴⁴. Вещи наши уложены уже после нашего отъезда (сюда мы приехали 20.VI.). Квартиру получили хорошую в небольшом особняке — во втором этаже мы, внизу ак[адемик] Надсон⁵⁴⁵ в тихом и спокойном месте старой Москвы. Московский адрес постоянный: домашний: Москва, Дурновский переулок, дом № 16 (у Собачьей площадки). Лаборатория: Москва 17, Старомонетный переулок, 33/35, Биогеохимическая лаборатория Академии Наук. 24 года тому назад оставили мы Москву — как-то сложится новая жизнь? Стремимся сейчас к внучке Танечке — ей 6 лет — в Прагу. Собираюсь я для моей работы проехать в Рим и Лондон и получил командировку — но не знаю, удастся ли? Недавно здесь меня смотрел Д.Д. Плетнев⁵⁴⁶ — решительно советует воспользоваться Чехией и 3 недели полечиться в Карлсбаде, но я не хочу ни одного дня терять от пребывания с внучкой — 1½ месяца в Чехии. Братъ ее в Карлсбад не по силам нам с Н.Е. Это от Праги далеко. Пожертвую Лондоном, а м[ожет] б[ыть], и Римом. Хочу кончить свою книгу (о биогеохимической энергии Земли), в которой хочется дать синтез моей научной мысли... Хочу для этого иметь силы — работы несколько лет.

До сих пор работа моя не прерывалась и мысль у меня не стареет — чувствую себя — в этом отношении — более молодым, чем молодые. Хочу для этой работы при первой возможности отойти от заведования институтами; связан до 1937 <г.> с Радиевым Институтом, так в 1937 <г.> будет Геолог[ический] Междун[ародный] Конгресс в Москве, а по моей инициативе

начата нами большая работа по геологическому времени. Сейчас моя работа и работа обоих институтов идет хорошо.

Буду рад, если Н.Д. сможет мне написать сюда или на моск[овскую] квартиру или Лабор[аторию] (перешлют). Нат[алья] Егор[овна] шлет сердечный привет. С любовью часто думаю о Ник[олае] Прок[офьевиче] и так мне тяжело, что не могу приехать.

Ваш всегда *В. Вернадский*

Невеселые вести из Киева и об Академии и об Украине. Но я убежден в большом будущем⁵⁴⁷.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 84–84зв.

*****

*Н.Д. Полонська-Василенко*⁵⁴⁸ — *В.І. Вернадському*

№ 211

20 червня 1928 р., [Київ]*

20.VI.1928

Глубокоуважаемый Владимир Иванович.

Я надеюсь, что Наталия Егоровна уже вернулась и сдвинет вопрос о даче с мертвой точки, на которую он стал.

Борис Леонидович говорил нам, что Вы желаете поселиться в Боярке. Известие это нас очень обрадовало, но выполнить Ваше желание и нанять Вам комнату мы не решились по следующим причинам, которые Борис Леонидович обязался Вам выяснить.

Как Вы собираетесь жить? В Боярке существуют три способа устройства на даче: 1. Живут без прислуги совсем, готовя дома или ходя обедать туда, где дают обеды. Минусы: уборка комнаты, ношение воды из колодца, ношение помойного ведра и т. п. прелести, могущие отравить жизнь. 2. Берут комнату с полным пансионом — уборкой, столом, самоварами и т. д., без стирки белья — на мой взгляд, лучший из всех. 3. Нанимают на лето прислугу «за все». Тут при комнатах часто есть кухни, отдельные или одна на 2–3 комнаты.

Вот я как хозяйка, хоть и скверная, и остановилась перед этим вопросом: как разрешите Вы или, вернее, Наталия Егоровна эту дачную проблему? В зависимости от разрешения ее будет стоять и вопрос о комнате и ее цене. Забыла — есть еще компромиссный способ: не нанимают отдельной прислуги, а пользуются услугами женщины, проживающей на даче и, отдельно от хозяев, берущей подряд обслуживать жильцов одной или нескольких комнат. Тут особенно необходимо, чтобы ее видел сам «хозяйский глаз».

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

Боярка сейчас заселяется хуже, чем в прошлый год: квартирный закон, ударивший по карману служащих, вытравление нэпманов, которые давали прошлые годы 90% дачников, слухи об устройстве курорта и, следовательно — взимании курортного сбора, а также и неблагоприятная до сих пор погода плохо отразилась на Боярке. Комнат много, цены 100–150 <р.> на все лето. Пансионов тоже много, в среднем полный пансион, с маслом, яйцами — не знаю, как с булкой, у нас ее больше нет — 100–125 р. в месяц. Обед, в зависимости от качества — 65 <коп.> — 1 р. 25 к[оп].

Комната есть и на нашей даче. Большая, хорошая, на юг; недостаток ее в том, что веранда ее общая, комната не имеет двери на веранду, а нужно проходить через сенцы — сворачивать на веранду. Я прилагаю план ее. Возможно, что хозяева, если это будет желательно — передвинут перегородку, по стрелке, и тогда ход будет через их веранду. Если Вы ее возьмете, и если у Вас есть — хорошо бы повесить занавеску. Цена 135 р. (все лето) (в прошлом году платили 165 р.).

Хозяйка предлагает и полный пансион: если полный — 100 <р.> с человека. Готовит она великолепно, и очень хороший милый человек, равно и ее муж, сотрудник Академии Наук. Размеры пансиона и цена могут колебаться в зависимости от того, что нужно: напр[имер], первый завтрак, ужин, масло и т. д.

Конечно, мы с Н[иколаем] Пр[окофьевичем] больше всего хотели бы иметь Вас соседями. Все мелочи жизни и хозяйства выяснятся на месте, но тут можно ручаться, что возьмете Вы комнату с пансионом или без него — во всех отношениях хозяева пойдут Вам навстречу. Состав нашей дачи теперь таков: хозяева: он, она и 2 «оно» — 10 л[ет] мальчик и 5 — девочка. Крикуха, но не очень. Другие соседи: семья Марголина — бабушка, 3 дочери, 2 внуков — 5 и 2 лет, абсолютно тихие дети. И мы. Есть еще рояль, это самый неприятный сосед — для меня, но Н.П. его не слышит. Дача чудесная, зимний дом, один фасад в поле, другой на улицу, а за ней лес.

Если Вы дадите точные инструкции, если Вам не улыбается наша дача — мы поищем Вам комнату в других дачах, но нужно точно знать, как Вы собираетесь хозяйничать.

Вот, кажется, деловая сторона вся. Из нее, мне кажется, ясно, что нежелание помочь Вам в приискании комнаты, но реальная невозможность нанять ее, не зная условий Вашей жизни, остановили нас. Если Вы к великой нашей радости согласитесь приехать сюда, то I. Телеграфируйте нам (Боярка, Крещатик, 68, Василенко) так: а) берем вашу комнату или б) комната с кухней, 125 (к примеру) рубл[ей] — будем знать, нужно искать комнату, и что наймете прислугу или в) ищите комнату с пансионом (цена) и т. д.

II. Великохатьки⁵⁴⁹ предупреждены, и Вы можете свободно расположиться у нас. Т. к. ленинградский поезд приходит ночью, лучше предупредите их телеграммой о дне и часе приезда. Мы бываем в городе по субботам, но и в другие дни наезжаем, в Академии обычно знают, когда приедет Н[иколай] Пр[окофьевич], и можно спросить канцелярию по телефону. Я бы советовала, если наша (на нашей даче) комната не соблазняет, приехав, остановиться в нашей квартире и приехать к нам с ранним поездом (отходит из Киева <в> 10.20 утра —

есть и 7.50 утра) и мы покажем всю Боярку. Погода у нас исключительно гнусная, холод, дождь, но должно же быть лето? Остряки уверяют, что погода исправится, т. к. к 1 октября нужно выравнить среднюю годовую. Боюсь, что она начнет выравниваться в сентябре. Шлю сердечный привет и жду письма или телеграммы⁵⁵⁰.

Преданная Вам *Н. Василенко*

Н[иколай] Пр[окофьевич], конечно, шлет свой привет.

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 1–4. Авторизованный машинопис.

Н.Д. Полонська-Василенко — Н.С. Вернадській і В.І. Вернадському

№ 212

20 вересня 1928 р., Боярка

20 сент[ября] 1928 г.

Боярка

Глубокоуважаемые Наталия Егоровна и Владимир Иванович.

Спешу поблагодарить Вас за Ваш ценный и дорогой подарок. Мне даже совестно пользоваться Вашей добротой: ведь это вещь незаменимая в нашей жизни. Получила я посылку вчера, ее так запрятали, что еле нашли — хранилась она в негоряемом шкапе, и в сущности так и следовало ее беречь. Слава Богу, пока я еще не хочу ознакомиться с ее качествами...

Ник[олай] Прок[офьевич] наводил справки относительно высылки книг и ему сказали, что выслано все, и сам напишет об этом подробнее, я же спешу написать, чтобы сегодня же наш милый хозяин, едущий в город, отослал письмо.

Мы все еще сидим в Боярке и думаем пробыть до начала октября. Погода стоит дивная, уже две недели, если не больше, и мой грипп прошел совершенно. И нужно было же мне «загрипиться» именно на те дни, когда Вы были у нас? Прямо рок какой-то. Я так ждала Вас, так мечтала, что мы проведем хоть часть лета вместе — и пролежала те два дня, когда Вы были у нас. Мы с Н[иколаем] Пр[окофьевичем] часто вспоминаем Ваш приезд, а вчера я привезла № «Бюллетеня» <Бюро> Секции Научн[ых] Раб[отников]⁵⁵¹, где довольно скверно, но все же на четверть узнаваемо, изображены Вы, Владимир Иванович, на пристани Днестра, перед отъездом в Кончу-Заспу.

Шлем Вам оба наш сердечный привет и надеемся увидаться в этом году.

Преданная Вам *Н. Полонская-Василенко*

С моей болезнью не исполнила поручения к Вам, Владимир Иванович, от моего приятеля, Арс[ения] Ив[ановича] Маркевича⁵⁵²: узнав от меня, что мы ожидаем Вас в Боярку, он просил узнать у Вас адрес Георгия Владимировича, которому он должен переслать какие-то оттиски. Он спрашивал, не лучше переслать их прямо Вам? Не откажите написать мне, а я извещу его, или прямо ему: Симф[ерополь], Архивная, 28.

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 5–6. Авторизованный машинопис.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 213

28 березня 1930 р., [Київ]*

28.III.1930

Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Иванович.

Получила сегодня Ваше письмо и спешу ответить на него. Думала не раз сама написать Вам, но как-то все не писалось. Вы получили верные сведения, хотя и из вторых рук. Николай Прокофьевич болен и болен тяжело. Начало болезни подметили Вы, когда приезжали полный жизни, бодрости, интереса к жизни в Киеве. С того времени он начал хиреть, слабеть. Осенью того года, после того как Вы гуляли с ним без меня с собачкой, которую он так любил, он стал жаловаться на усилившуюся боль в ногах, и лечивший его все время терапевт, проф[ессор] Свенсон направил его к невропатологу, проф[ессору] Маньковскому⁵⁵³. Тот определил тяжелую, затяжную нервную болезнь, на фоне артериосклероза, с одной стороны, тяжелых переживаний — с другой. Зима прошла у нас тяжело. Летом мы поехали, по совету этих же двух профессоров в Пятигорск, и там радиоактивные ванны дали, казалось, положительный результат. Но болезнь вернулась еще во время пребывания там, и усилившись, мучила всю эту зиму. Страшные боли в ногах, онемение, одеревенение усиливались, только он ляжет в постель, и в результате давали мучительную бессонницу. Он не спал больше трех месяцев. Болезнь развивается волнообразно, и рецидивы в 2–3 недели сменяются периодами улучшения. Теперь он в лечебнице для нервных больных, бывшей санатории Лапинского. Там применяют физические методы лечения: ванны, легкую электризацию. Он пробудет там еще недели 1½. В общем ему лучше: он получил нормальный сон, нет болей в ногах. Но общее состояние далеко от нормального: дрожат правая рука и нога... Голова стала свежей, настроение и вид бодрее. Сегодня был консилиум — я вызвала Свенсона, т. к. меня стало тревожить его сердце — он нашел состояние физическое — прекрасным, лучшим, чем было, все дело в нервной системе. Разрешил консилиум, видимо, вопрос и о лете: нет нужды ехать на Кавказ, это предоставляется свободному выбору Ник[олая] Прок[офьевича], врачи больше советуют поселиться где-нибудь на даче, где можно провести тихо лето. Я думаю, что мы опять поедem в Боярку, если только там не будет угрожать голодная смерть.

Письмо Ваше я прочитала Ник[олаю] Прок[офьевичу], я шла на свидание к нему, и оно очень тронуло его. Он просил написать Вам, что в болезни его нет ничего серьезного (слава Богу, что он в этом уверен), и что он скоро вернется домой и сам напишет Вам.

Он очень тяжело переносит санаторию: она слишком ассоциируется с другими воспоминаниями, которых лучше не будить в душе. Помещаются в одной

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

небольшой комнате 6 человек, правда, все они на редкость хорошо подобрались, спокойные, все очень дружелюбно настроены друг к другу, помогают друг другу, словом — состав безукоризненный, но самый режим — тяжелый. Мало медицинского персонала (то есть ходит-то этот персонал целыми стадами, но толку от этого мало), все дело лежит по существу, на плечах одного врача, больше 100 человек больных. В комнате душно, нет мебели, чтобы посидеть, почитать, давит тоска. Ванн и всяких процедур ждут часами. Словом — слишком далеко все устройство от того, что нужно для нервных больных.

И все же я думаю, что для него будет полезна такая изоляция, и захват местными интересами, даже и отрицательного порядка: поглощенные своими домашними делами, критикой местных порядков, обеда, врачей, сестер и т. д., они все, а в том числе и он, сквозь дымку этих насущных для них интересов воспринимают события внешнего мира. А это очень хорошо.

Академия наша переживает переломный год. Очевидно, два отдела — I и III сливаются вместе. Поговаривают о сокращении, слиянии и ликвидации ряда комиссий. Некоторые уже реорганизованы. Вы, вероятно, слышали это от академиков, приезжавших в Ленинград.

Не собираетесь ли Вы приехать на одну из сессий Академии? Как мы оба были бы рады видеть Вас. Ваши письма бодрые, энергичные, как живая вода действуют на Ник[олая] Прок[офьевича], и только в последнем — ко мне — зазвучала пессимистическая нота.

Простите, что я так много написала: мне, повторяю, давно хотелось написать Вам. Но пусть мой пессимизм не отражается в письмах к нам — Ник[олай] Прок[офьевич] не должен даже подозревать о его существовании. Оба мы шлем Вам и Наталии Егоровне наш сердечный привет.

Н. Полонская-Василенко

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 7–8зв. Авторизованый машинопис.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 214

1 септя 1934 р., Москва

I.VIII. [1]934

Узкое

Москва 17. Санаторий КСУ «Узкое»
Коньковское почтов[ое] агентство 42

Дорогая Наталья Дмитриевна,

Несколько раз из заграницы и из Петербурга я писал Никол[аю] Прокоф[ьевичу], но ответа не получил⁵⁵⁴ и очень тревожился его состоянием.

Потом я услышал, что он не поправился и положение его не улучшилось, но сознание и мысль его живы.

В мой возраст, много старше его, жизнь научает относиться стоически к происходящему. Я думаю, в стоической мудрости было много силы и правильности — если не истины. По мере того как стареешь, все больше и больше редет круг дорогих и близких людей и остаешься одинок. Достаточно сказать, что сейчас в Академии в Ленинграде (которая переезжает в Москву) я третий по старшинству избранных из 90 с лишком человек.

И исключением является та возможность, которая выпала на мою долю, еще чувствовать молодость в своей научной работе и непрерывно идти вперед — к моему собственному удивлению. Я смотрю сейчас на свою жизнь, как на задачу закончить и привести к концу перед уходом из жизни хотя бы часть начатого и осознанного, стихийно и неожиданно для меня все дальше и дальше раскрывающегося.

Я очень прошу Вас написать мне о дорогом Николае Прокофьевиче и о себе. Мне хочется знать о Вашей и его работе, об Академии и прогнозе и о том ужасном, что приходится переживать Украине — поскольку этого можно коснуться в письме⁵⁵⁵.

Я думаю все же, что созданная Н.П. Украинская Академия не погибнет. А будущее непредвидимо. Я лично очень спокойно в него смотрю и думаю, что мои внуки будут жить в удивительном времени в смысле отсутствия многих ужасов, которые еще будут, и развития того, что намечается.

Было бы хорошо, если бы Н.П. продиктовал Вам свои воспоминания. Он прожил все же хорошую жизнь и многое заложил прочное и нужное.

Мы здесь с женой Натальей Егоровной, которая (старше меня) перенесла недавно воспаление легких, но поправляется. Наше большое счастье — и тревоги, конечно — внучка, богато одаренная нежностью и изяществом — которая сейчас в Татрах. Через несколько месяцев буду добиваться поездки к ней.

Остаемся здесь до 7 сентября. Простите, что беспокою Вас просьбой о письме, но Вы поймете, что я хочу иметь известия.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 79–80.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 215

8 серпня 1934 р., [Київ]*

8.VIII. [19]34

Дорогой Владимир Иванович

Получила вчера Ваше письмо и спешу ответить Вам на него. Оно бесконечно тронуло нас Вашей сердечной тревогой за Ник[олая] Прок[офьевича]. Мне кажется, что тут примешались странные явления: Ник[олай] Прок[офьевич]

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

писал Вам собственноручно несколько раз в течение зимы (я думаю, что могу поручиться за 2 письма). За несколько дней до отъезда в Преображение он писал Вам. Я сама читала его письмо — в нем он сообщал кое-что об Академии, выражая сожаление, что мы едем в Преображение, а не узнали, где будете Вы. Неужели эти письма не дошли?

Н[иколаю] Пр[окофьевичу] в общем не хуже, хотя он не поправился (и, вероятно, и не поправится). Болезнь его захватывает все новые центры — прежде у него слабее всего были ноги, а теперь он ходит лучше, но дрожат и плохо действуют руки, и писать ему трудно, хотя он пишет. Горе его, что он не может привыкнуть диктовать мне: как видите, почерк у меня скверный, но дома ведь есть машинка! Тяжело то, что он не может обходиться без посторонней помощи — встать, пить, есть и т. д. — все это он делает с помощью моей. Голова у него совершенно свежая, ясная, но он скоро утомляется. Зимой он даже работал научно. Тут мы только читаем вслух (читаю я, конечно). Все это, разумеется, тяжело. Тут нам не повезло, т. к. сначала он болел желудком, потом простудился, стояли жестокие ветра, и это ослабило его. Тем не менее он много тут гуляет, но небольшими порциями, чтобы не устать.

Вы затронули самое больное место для меня — его воспоминания. Я убеждала его писать их с первого же дня совместной жизни, но убедить не могла. И это большое горе для меня. Он написал часть автобиографии в 2 отдельных частях: сначала эпоху студенчества — Дерпт и Полтаву — окончив въездом в Киев; потом — с рождения до приезда в Полтаву, Есмань и Глухов. Первую часть — Дерпт и Полтаву — я переписала на машинке, детство еще не переписала. В них около 500 страниц — около 25–30 печатных листов⁵⁵⁶. Это — очень интересно, взято широко и оригинально. Воспоминания не имеют хронологической последовательности — но развиваются на фоне общественной жизни в форме ряда характеристик тех людей, с которыми он встречался. Получилась широко построенная картина Дерпта эпохи начала русификации, уездной жизни Есманской округи Глуховского уезда — крестьяне, куркули, земцы, помещики и т. д., Полтава — семья и круг Васьковых... но писать о Киве ему уже трудно, и я думаю, что он этого уже никогда не сможет...

Я хочу теперь собрать по возможности всякие мелочи — письма к нему и его и расположить их в хронологическом порядке — может быть он сможет продиктовать мне те места, которые будут освещать их. Горе наше, что лето ничего не дает ему — он так хорошо поправлялся всегда после Преображения — и тут холодно, сыро, ветра, дожди.

Дела в ВУАН, конечно, очень тяжело отражаются на нем — он, фактически, как и все академики его отдела, устранен от работы — он может только писать, а это ему труднее всего; «руководство» перешло в другие руки. Между тем в таком возрасте он мог бы быть ценным руководителем — но не исполнителем. Пока мне не ясно, что будет. Я изгнана из Академии еще в феврале — к счастью, «за ліквідацією Відділу» — теперь ведь «Відділів» нет, а есть отделение института, в институт я не попала. Это большое горе для меня — мне трудно отказаться от научной работы, трудно и материально жить без заработка, трудно и морально сознавать, что я перешла на «иждивение» Ник[олая] Проко[фь-

евича], потреби которого, как больного человека, очень велики. А состояние его такое, что искать «должность» — службу с обязательными часами сидений где-то я не могу, т. к. оставлять его одного надолго я не могу.

Ник[олай] Прок[офьевич] с интересом следит за Вашей работой и завидует Вашей жизненной энергии — какое это великое счастье сохранить так душевную и физическую бодрость — у нас ее нет. Плохо и то, что нет у нас и того, что дает возможность Вам оптимистически пережить беды «настоящего» — думая о жизни внуков, которая, конечно, будет лучше — наша жизнь кончается с нами — физически, т. к. надеяться на высоту любви к будущему человечеству «вообще», абстрактно — трудно...

Много написала я Вам — да еще так [неблагодаримо] скверно — простите за это. Ник[олай] Прок[офьевич] собирается писать сам, а пока вместе со мною шлет Вам и Наталии Егоровне сердечный привет. Говорят, что в Узком чудесно.

Желаем Вам хорошо отдохнуть и набраться сил на новую работу.

Сердечно преданная *Н. Полонская-Василенко*

Мы приедем до 2 сентября.

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 12–14зв.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 216

[Не пізніше 6 вересня 1934 р.]*, Узкое, Москва

Узкое, Москва 17, Санаторий КСУ
Коньковское почтовое агентство 42

Дорогая Наталья Дмитриевна,

Пишу эти несколько слов через пр. Савченко⁵⁵⁷, чтобы сказать Вам, что я посылаю Вам письмо в дом отдыха по адресу: Киев, Пушкинская, № 1, Обл[астное] КСУ, Преображенский дом отдыха.

К сожалению, я познакомился с Савченко только в день его отъезда. Писал Ник[олаю] Прок[офьевичу] и из заграницы, и из [Парижа], но очень беспокоился, не получая ответа.

Горячий привет и Вам, и Ник[олаю] Прок[офьевичу]. Мы остаемся с Нат[альей] Ег[оровной] здесь до 7 сентября. Буду очень рад иметь от вас весточку.

Ваш искренно *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 96.

* Дату написання листа встановлено за змістом.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 217

26 жовтня 1934 р., [Київ]*

26.X. [19]34

Глибокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович

Это письмо Ник[олая] Проко[фьевича] есть первая ласточка: это первое письмо, которое он продиктовал мне. Я мечтаю приучить его к такому способу передачи своих мыслей. О себе он пишет правильно — силы его, подорванные гриппом, начинают восстанавливаться, и в общем он чувствует себя не плохо, но для работы нет стимула, и вообще положение в академии тревожит его очень: оно потеряло ту прочность, которую имело прежде.

Теперь он с нетерпением ожидает Вашего приезда, так же как и я. Наш диван к Вашим услугам, и мы постараемся сделать так, чтобы пребывание тут было для Вас возможно спокойным. Еще раз шлю Вам и Наталии Егоровне самый теплый привет.

Сердечно преданная *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 15. Авторизованый машинопис.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 218

29 листопада 1934 р., [Київ]**

29.XI. [19]34

Дорогой Владимир Иванович.

Спешу написать Вам несколько слов по поводу полученного от Вас письма: Агол уже не секретарь⁵⁵⁸, подробности узнаете в Киеве, они ни с чем не сравнимы. Сейчас неп[ременный] секретарь — А.В. Палладин — уж он-то, я думаю, Вам ответит немедленно. Сессия, говорят, будет 5–10 декабря.

Сейчас идем на похороны М.С. Грушевского — очень пышные, торжественные⁵⁵⁹.

Ник[олай] Прок[офьевич] в общем чувствует себя вполне прилично: я его оставляю на долгое время одного, он крепче на ходу, спокойно спит, читает. Страдает только при резких переменах погоды, особенно когда сыро.

Итак — ждем Вас. В прошлом году академикам было уделено много «внимания» — отведена была гостиница, кормили три раза в день и роскошно, возили на автомобилях и оплатили дорогу. Но что будет сейчас — не знаю.

* Місце написання листа встановлено за змістом.

** Місце написання листа встановлено за змістом.

Ник[олай] Прок[офьевич] и я шлем Вам и Наталии Егоровне наш сердечный привет и ждем.

Из киевских новостей не могу удержаться, чтобы не сообщить Вам — сегодня, 16 ноября ст[арого] стиля — цветут анютины глазки и васильки. Слыхали ли Вы что-либо подобное?

Сердечно преданная Вам *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 9–9зв. Авторизованый машинопис.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 219

4 липня [1935 р., Київ]*

4 июля

Дорогой Владимир Иванович.

На днях получили Ваше письмо, а до того кое-что знали уже о Вашей болезни и переезде в Москву... Радуемся тому, что Вы, видимо, уже победили ее и не утратили Вашей энергии и работоспособности. У нас пока дела обстоят хуже. Ник[олай] Прок[офьевич] прожил неплохо зиму, хотя часто болел гриппами, которые, конечно, подтачивали его силы. Теперь, в середине июня, он заболел какою-то неясною мучительною болезнью, которая сопровождалась частичными спазмами кровеносных сосудов, потерю сознания и т. д. Все это окончилось вдруг страшным подъемом температуры — 40,6 дес. — оказалась сильнейшая малярия, от которой он не оправился и до сих пор, хотя припадков уже нет. Осталась слабость, вялость, тяжелые галлюцинации... Говорят, что и предыдущее болезненное состояние было проявлением той же малярии. Несмотря на такое состояние, мы едем послезавтра в «Преображение», которое так любит Ник[олай] Прок[офьевич] и на которое и я возлагаю теперь все надежды. Удивительно, что и я в те же дни заболела малярией и тоже в довольно сильной степени. Очевидно «зарядку» мы получили где-то вместе. В Киеве малярия сейчас свирепствует — хина стала редкостью.

Тяжелые переживания последних трех недель заслонили в моем представлении все другие события киевской жизни, среди которых тоже немало тяжелых. Вы совершенно правильно издали оценку состояния УАН, хотя Ник[олай] Прок[офьевич] вполне солидарен с Вами и твердо верит, что в будущем все наладится к лучшему и ждет этого будущего скоро.

Мы с живым напряженным интересом следим по мере возможности, конечно, за Вашей работой — и удивляемся Вашей энергии и душевной молодости. Вы ее ощущаете и сами. От всей души желаем поскорее окончательно побороть Вашу болезнь и бодрым и здоровым поехать к Вашей внучке. Мы

* Рік і місце написання листа встановлено за змістом.

очень желали, чтобы сессия привлекла Вас в Киев, хотя Ник[олай] Прок[офьевич] не верил в возможность Вашего приезда. Сессии УАН теперь приняли характер научных съездов, как и сессии Всесоюзной Академии, и вопросы организационные и административные ушли из их сферы. Так хотелось бы повидать Вас — может быть после заграничной поездки это и осуществится?

Шлем Вам и Наталии Егоровне наш сердечный привет и искренние пожелания здоровья и сил*.

Письмо писала урывками — отрывал Ник[олай] Прок[офьевич] и вечерняя укладка.

Шлем привет.

Искренно преданная *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 10–11зв. Авторизований машинопис.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 220

21 жовтня 1935 р., [Київ]**

21.X.1935

Дорогой Владимир Иванович.

Где Вы? Пишу Вам на всякий случай по московскому адресу, в надежде, что если Вы за границей — Вам перешлют мое письмо. Вы ведь писали нам в июне, что скоро едете в Прагу. За это время у нас все перевернулось: в ночь на 3 октября н[ового] ст[иля] тихо угас, точно заснул после 6 недельной мучительной болезни наш Николай Прокофьевич. Его добила малярия и рак печени — две болезни, которых он всегда больше всего боялся. Я не пишу Вам ничего о нем — мне слишком тяжело писать и думать, что то, что с такою болью пишу — может не дойти до Вас. Получив письмо с верным адресом, напишу уже набело.

А пока шлю привет и лучшие пожелания***.

Сердечно преданная *Н. Василенко*

Если Вам будут попадаться где-либо некрологи, соберите их для меня.

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 16–16зв. Авторизований машинопис.

* Далі дописано від руки.

** Місце написання листа встановлено за змістом.

*** Далі дописано від руки.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 221

21 листопада 1935 р., Москва

Москва 69
Дурновский пер., 16
21.XI. [1]1935

Дорогая Наталья Дмитриевна,

Вчера приехал в Москву и нашел здесь Ваше письмо. О смерти Н.П. я узнал в последние дни отъезда из Праги, случайно в разговоре⁵⁶⁰. Говорят, была короткая заметка в русской зарубежной прессе, но я ее не видел и узнал случайно. Хотел Вам написать, но письмо из Москвы должно было прийти скорее. Здесь же нашел очень хорошее письмо о нем Бор[иса] Леонид[овича] Личкова, который пишет о нем из своего далека⁵⁶¹.

Я спешу послать Вам эти строки. Вы знаете, как я любил Ник[олая] Прок[офьевича] и как он мне дорог. Я надеялся его лично увидеть еще и всегда боялся, что та возможность приезда в Киев, которая была года два назад, не могла быть использована мною из-за моей болезни...

Мне в моем возрасте — 72 года — подходя к неизбежному концу жизни, постоянно приходится переживать уход раньше дорогих и близких людей. За три месяца моего пребывания за границей ушло трое⁵⁶² — один, Сильвен Леви, умер утром в день, когда мы сговорились с ним видаться...

Было бы чрезвычайно важно собрать материалы для биографии Н.П. Об этом я с Вами спишусь. А сегодня я хочу послать эти строки. Для меня — и для Натальи Егоровны — память о Николае Прокофьевиче дорога и близка. А я в нем теряю одного из самых горячо любимых мною людей.

Буду рад за всякие подробности о его последних мыслях и желаниях.

Ваш *В. Вернадский*

Мне незачем писать Вам о глубоком дружеском чувстве, которым охвачено мое отношение к Вам.

ЦДАМЛІМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 85–85зв.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 222

25 листопада 1935 р., [Київ]*

25.XI.1935**

Дорогой Владимир Иванович

Три дня тому назад я прочитала в «Известиях» о Вашем возвращении и хотела писать Вам сама. Вы предупредили меня и я только что, сию минуту,

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

** На початку сторінки написано від руки: Простите мое бессистемное письмо ...

получила и прочитала Ваше письмо. Я, как Вы знаете, написала Вам вскоре после события.

Как случилось оно? Я писала Вам летом, что Ник[олай] Прок[офьевич] заболел в июне малярией в тяжелой форме. Почти что с постели, я перевезла его в «Преображение» и там, несмотря на отвратительное лето — июль, он очень хорошо поправлялся. Много пользовался воздухом, гулял, сидел в саду. Мы много читали вслух — прочитали два тома переписки Чайковского и Мекк, свыше 1000 стр., роман из укр[аинской] истории З. Тулуб «Людоловы»⁵⁶³, читали ежедневно газеты. Духом Ник[олай] Прок[офьевич] был бодр, телом — хуже. Он уже думал о работе в городе и вдруг — после легкого гриппа начал хиреть. Стал температурить, страшно худеть, слабость, потерял сон. Доктор заметил, что печень увеличена. Вызвали Свенсона, нашего всегдашнего врача. Нам сказали, что рецидив малярии. Хина не действовала. Делалось все хуже, 5 сент[ября] я привезла его домой, Свенсон на другой же день посмотрел его и ужаснулся росту печени. Мне он сказал, что это — рак печени. Болезнь шла гигантскими шагами. Он слабел, таял. Все время с самого Преображения он сознавал, что умирает. Пытался говорить о смерти со мною. Я не давала, и до последних дней <он> хотел жить. Жажда жизни, тоска по ней не оставляли его. Страданий физических — больших не было. Их, вероятно, умеряла малярия, кот[орая] все время давала большую температуру. Мы только один раз дали морфий. Но мука для него и для меня было то, что он не мог говорить — он шевелил губами — без звука, или начав фразу — не мог окончить ее. И сколько дум, сколько желаний он унес с собою!

Сама смерть была спокойна, без агонии. Он тихо заснул. Я держала его руки — и вдруг заметила, что они холодеют. Дыхание стало реже. Я дала кислород. Он не подействовал. Часы пробили три часа ночи, когда он вздохнул в последний раз. Это все длилось минут 15–20.

Похоронили его на Лукьяновском кладбище, скромно, без гражданских панихид, была только одна речь — очень хорошая, директора Библиотеки — он говорил от Академии Наук⁵⁶⁴. Присутствовали человек 7 академиков, из президии не было в городе никого, кроме Гольдмана⁵⁶⁵. Недалеко от него через две недели с большою помпой похоронили А.В. Фомина. В конференц-зал не вносили, и даже в газетах не было указано, где хоронят, поэтому многие пошли на Байково. В органе УАН «Рад[янской] Академии»⁵⁶⁶ даже не упомянуто о смерти.

Вспоминая все прошлое, я думаю, что малярию он привез еще в прошлом году из Преображения, она дала некоторые неясные приступы якобы гриппа с необычною для него высокою температурою, и подтачивала силы. Параллельно с нею развивался и рак желудка, на кот[орый] тоже не обратили внимания. С желудка он перешел на печень и добил. И знаете ли Вы, что он всегда боялся двух болезней — рака и малярии? И погиб от них. В июне этого года, в одно почти время с ним, но раньше его, я тоже перенесла острые приступы малярии — когда ему сказали, что у меня малярия, у него вырвалось — «теперь мы все погибнем». Он оказался пророком, к сожалению, только для себя.

Вы упоминаете в письме о важности собирания материалов. Об этом я и хочу писать сейчас Вам.

В прошлом году (весною 1935 г.) мы с ним стали вдвоем разбирать впервые рукописные материалы, собранные им. И он высказал пожелание, и повторил его несколько раз, чтобы часть этих материалов немедленно, а остальные после его смерти были переданы в рукописное отделение Нац[иональной] Библ[иотеки] (теперь уже составляющей фундаментальную библиотеку Академии Наук)⁵⁶⁷. Я сообщила об этом директору ее Иванушкину. Это человек очень культурный и благожелательный. Он с восторгом принял эту весть и пообещал мне устроить «мемориальное» собрание Ник[олая] Прок[офьевича], в отдельном шкафу. По соглашению с ним я написала письмо на его имя с указанием условий, на которых я передаю собрание, и жду теперь официального ответа. Там указано м[ежду] пр[очим], что собрание не может быть разрознено, имеет свой отдельный каталог, что публиковать материалы имею право только я, и т. д. Прошу я также, чтобы мне было поручено научное описание — уже за плату, конечно. Таким образом — собрание будет сохранено и будущий историк найдет его там.

Кроме того я хочу собрать все, что можно, для биографии Ник[олая] Прок[офьевича]. О большем я не мечтаю. Для этого я обращаюсь ко всем друзьям — и, конечно, в первую очередь к Вам — с просьбой помочь мне. Если у Вас целы письма Ник[олая] Прок[офьевича] — пришлите их мне, я перепишу их и верну оригиналы Вам, если Вы потребуете. Их передать лучше всего через Л.Н. Яснопольского (Александроневская, 8/10); он везет мне (когда поедет на сессию) письма Дм[итрия] Моис[еевича]⁵⁶⁸ и, надеюсь, В.Э. Грабаря. Письма Дм[итрия] Моис[еевича] уже у него. Другое — это просьба написать хоть самые черновые набросочного типа воспоминания о Н[иколае] Пр[окофьевиче] и пр. — не для печати, а просто как материал для будущего биографа. Все это будет сложено в Рукоп[исном] Отд[еле]. Ведь в печати — кроме нескольких рецензий, газетных полемик да напечатанного отчета ЦД⁵⁶⁹ — ничего не найдут о нем. Даже некрологов нет и не будет. Даже газетных коротеньких статей...

Я сейчас делаю большое дело, кот[орое] без меня не сделает никто. Я делаю выписки из писем разных лиц к нему — и получается, к моему удивлению, богатый материал. В письмах отвечают на вопросы, задают их сами, высказывают суждения о разных моментах — и получается нечто в стиле «Пушкина» Вересаева: отрывочные строки соединяются в мозаичную биографию⁵⁷⁰. Поправившись (у меня уже эндокардит с температурой и я сижу дома), я продолжу работу — пройду по газетам, по собраниям других деятелей в библиотеке и основа биографии, фактическая сторона у меня будет собрана по документальным данным.

Как Вы знаете, Ник[олай] Прок[офьевич] не писал мемуаров — как я ни просила его об этом. Это ушло навеки и невозвратно. Он начал писать только сидя в Допре — и написал удивительно интересно два отдельных тома — один — детство и учение в глуховской прогимназии — до IV кл[асса], другой — Дерптский университет, и Глуховской уезд (в социальном разрезе — козаки, крестьяне, помещики, панки, земство) и Полтава — в центре ее семья Васьковых и их знакомые. Оба тома страниц по 200 печ[атных]. Я переписываю сейчас последний том. Кроме того у него есть еще маленькая статья «Две недели в

Лукьяновской тюрьме» — в 1906 г. — это дело «К[иевских] Откликов», совершенно готовая к печати⁵⁷¹. Я просила Яснопольского позондировать почву в Москве — нельзя ли их напечатать?

С нетерпением жду Вашего письма и советов. Я бесконечно одинока в Киеве, одинока духовно. Из сотрудников Ник[олая] Прок[офьевича] нет никого. Встает вопрос об окончании его работ, о приведении их в порядок. Не все могу сделать я.

Лишне говорить и мне, как дороги были Вы ему, как он любил Вас и как ждал Вашего приезда в Киев. Не знаю, писали ли Вы теперь летом — мы не получили Вашего письма, и Ник[олай] Прок[офьевич] очень ждал его*.

Шлю Вам и Наталии Егоровне сердечный привет. Не забывайте меня.

<Н. Василенко>

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 17–20зв. Авторизованый машинопис.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 223

18–19 грудня 1935 р., Москва

Москва 69

Дурновский пер., 1б, кв. 2

18.XII. [1]1935

Дорогая Наталья Дмитриевна,

Отвечаю Вам так поздно — хотелось написать спокойно и не разрываясь на части.

Благодарю Вас за Ваше письмо. Всякие подробности мне дороги. Я сильно и глубоко любил Н.П. и мне дорога и для меня жива память о нем⁵⁷². Вспоминаю наши многочисленные беседы и мое пребывание в вашем маленьком низком домике, который переносил нас в далекое прошлое. Прошлое для меня не идеализируется, я об нем отнюдь не горюю и думаю, что для человечества все впереди и человек стихийно вступил в новое. Мы счастливы были, что жили на пороге коренного перелома. Я вижу его даже не в том социальном перевороте, который переживает и наша страна — все человечество — а в том глубочайшем изменении, которое совершается в научном понимании и знании окружающего.

19. XII.1935

Умом мне кажется, я больше чем окружающие понимаю совершающийся переворот в человеческом сознании, ведущий к коренному изменению всех основных представлений об окружающем, с неисчислимыми и представлениями для дорогих и близких мелочей жизни. Умом миришься с смертью и своей и

---

* Далі дописано від руки.

близких. Но ум не составляет и не отражает всего человека, и от горечи утраты нельзя избавиться переживанием своей жизни *sub specie aeternitatis* *.

От рака желудка, упущенного и не узнанного вовремя врачами, умер Серг[ей] Фед[орович] Ольденбург⁵⁷³.

У меня сохранились письма Н.П. и многие из них имеют несомненно большой интерес для нашего времени. Я очень бережно сознательно отношусь к письмам и без стихийно-неизбежной иногда необходимости вообще всегда их храню.

Но мой огромный архив находится в полном беспорядке — он сложен в папки и большие конверты. Надо было бы его разобрать. Но на это не хватает ни сил, ни возможности. Пускать кого-нибудь чужого очень трудно. Мне 72 года, а Н.Е. 75. Нам это не по силам. А затем с переездом из Ленинграда в Москву стало еще хуже...

При всем своем желании прислать Вам письма Ник[олая] Прок[офьевича] я фактически сделать это не могу. Как-то еще до революции я стал складывать архив по годам и накопились десятки больших (огромных) конвертов и папок — в них в беспорядке сложены документы — крупные и мелкие — жизни.

Но многое — особенно за прошлое — не попало в эти папки и собрано в беспорядке.

А я пока весь в текущей работе — больше в будущем, чем в прошлом. По характеру своей работы, а, м[ожет] б[ыть], по своему характеру, м[ожет] б[ыть], чувствую больше будущее, чем прошлое. Не хочу Вас обнадеживать — но думаю, что в ближайшее время не смогу отыскать главных писем Н.П.

Только для самых последних лет их можно будет доступно для меня в данное время найти, т. к. за последние годы письма кладутся в особые папки.

Это я сделаю, поскольку смогу в моей насыщенной работой, с которой не справляюсь, жизни.

Из Вашего письма я вижу, что Вы делаете огромную работу, и она, конечно, — если не сейчас — будет напечатана. Жизнь берет свое — можно ее темп ослабить — на короткий срок, но нельзя остановить.

Мне кажется, в Вашей работе — помимо сбора материалов — было бы самое важное сейчас — пока еще кто жив из сверстников — создать канву жизни Н.П. по документам. Идти вглубь предков и отмечать реальные события жизни. То, что делается для крупных и больших людей с мировым влиянием — как, напр[имер], у нас для Пушкина, Гоголя, Тютчева. Эта канва жизни по документам — если она начата сейчас же после ухода близкого — сохранит для будущего быстро безвозвратно исчезающие ее следы. Было бы хорошо, если бы Вы ее сделали⁵⁷⁴.

Буду рад иметь извещение о получении моего письма и знать о Вас и о Вашей работе, не прерывая нашего общения. Мне Вы близки и дороги — как неразрывно духовно связанный человек с отошедшим.

Ваш всегда В. Вернадский

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 86–86зв.

* З погляду вічності (лат.).

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 224

10 січня 1936 р., [Київ]*

10.I.1936

Дорогой Владимир Иванович!

Мне трудно объяснить Вам причину моего долгого молчания. Я давно, давно получила Ваше длинное, такое интересное и сердечное письмо. И много раз хотела писать Вам, но нет сил. И сейчас пишу я «через силу». Читая Ваше бодрое письмо, я живо представляла себе радость, с которой Ник[олай] Прок[офьевич] прочитал бы его, представляла себе его милое, оживленное, возбужденное Вашим письмом лицо. Он так любил Ваши письма и так восхищался Вашей энергией и бодростью. Причина моего молчания лежит в моем тяжелом психическом состоянии: Вы живете будущим, а я живу только прошлым. Чем дальше идет время, тем тоска моя делается глубже, сознание полной бездеятельности, если можно так выразиться, охватывает меня все полнее. Вначале было много от нервов, сейчас их заменяет острое сознание безнадежности, непоправимости того, что случилось. При условии душевного одиночества, при отсутствии цели, возможности работать — я ведь лишена этой возможности в силу моей специальности, жизнь делается неудобноносимым бременем.

Работа, которую делаю и продолжаю делать я — «Живой Ник[олай] Прок[офьевич]» дает мне некоторое забвение. Она восстанавливает некоторые годы его жизни довольно полно и как «материал» для биографии не только отдельного лица, но временами и шире — материал для истории некоторых эпох общественной жизни Киева — несомненно представляет ценность. Но... И кто воспользуется ею? И когда?

Мне очень жаль, что не удастся двинуть в печать его воспоминания. Они охватывают время с 1870-х годов до 1890 г., до приезда в Киев. Написаны очень оригинально — не хронологически, а широкими мазками, захватывающими общество в его социальном разрезе в определенные эпохи. Жизнь в с. Есмани, глуховская прогимназия, народение революционного настроения — и особенно интересно — формирование духовных интересов юноши, потом — Дерптский университет в эпоху ломки — русификация университета и вместе с тем — «революционизация» — если можно так выразиться, как следствие присылки туда участников разных движений в русских университетах. Наконец — Полтава, семья Васьковых, Старицких, Мясоедовых, Клименок и др., которых он заставал, приезжая студентом в Полтаву, а попутно — глуховской уезд-земство, помещики, крестьяне, козаки — соседи родной Есмани. Все это написано ярко, красочно. Есть еще законченный очерк «Две недели в Лукьяновке» — в 1906 г., это он сам предназначал к печати: это эпизод из истории «Киевск[их] Откликов» — тоже очень хорошо написано.

Невозможность продвигать в печать меня очень печалит.

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

Мне очень жаль, что Ваши письма в таком состоянии. Я прекрасно понимаю, как трудно рассчитывать на них. Мне прислал письма Дм[итрий] Моисеевич, проф[ессор] Грабарь, в общем, я собрала их очень немного. А они, конечно, самый ценный материал, и особенно письма к Вам, должны бы занять видное место.

У нас только что кончилась сессия, на которой даже имя Академии изменено. Но я плохо понимаю цель этой перемены. А на сессию у меня был билет, но я не ходила, была только раз на докладе Яснопольского, да и то, главным образом, потому, что мы сговорились после доклада ехать вместе на кладбище. Страх, нежелание видеть людей и говорить с ними одолеют меня.

Простите мое бессвязное письмо и не забывайте меня. Примите от меня запоздалое поздравление с Новым годом и лучшие пожелания здоровья и душевной бодрости.

Шлю сердечный привет Наталии Егоровне.

Сердечно преданная Вам *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп.3, спр. 235, арк. 21–22зв. Авторизованый машинопис.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 225

12 січня 1936 р., [Київ]*

12.І. [19]36

Дорогой Владимир Иванович.

Пишу Вам несколько слов — чтобы не забыть. Сегодня я нашла Ваше письмо от 18.V.1918 г.⁵⁷⁵ В нем по существу изложена вся программа Вашей деятельности на том посту, председателя Комиссии в[ысших] уч[ебных] заведений и учен[ых] учрежд[ений] — тут и мысли об Академии Наук и университетах и т. д. Если у Вас нет копии (а она изложена в обычном письме, которое начинается обычным обращением) и если она почему-либо может быть нужна Вам — я пришлю Вам копию с нее.

Сколько ценного и интересного нахожу я — и сколько тайн, не разгадываемых, навеки унесенных с собою. И сколько мучительного счастья погружаться в них.

Шлю сердечный привет. Как бы я хотела хоть недолго повидать Вас. Сейчас Москва мне ближе по духу — там все его друзья, здесь нет никого**.

Сердечно преданная

Н. Полонская-Василенко

На днях я Вам написала длинное письмо и это пишу дополнением к нему.

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 25–25зв. Авторизованый машинопис.

* Місце написання листа встановлено за змістом.

** Далі дописано від руки.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 226

23 лютого 1936 р., Москва

Москва 69

Дурновский пер., 1б, кв. 2

23.ІІ. [1]1936

Дорогая Наталья Дмитриевна,

Получил Ваше письмо давно — но не отвечал, потому что все время был в работе и в недомоганье и недавно только наконец из последнего высочил.

Я понимаю чувством Ваше настроение, но умом принять его не могу. Пишу Вам не к утешению, но пишу как друг другу. Мне хочется отозваться умом на Ваше чувство.

Вспоминаю отдаленную юность и беседы почти ночью в молодой чудной обстановке друзей, из которых большинства не осталось в живых — правда, три дорогих семьи, сохранивших дружескую связь, прошедшую нетронутой через испытания, которые, казалось бы, должны были ее разрушить, остались. Испытания дружбу не разрушили. Мы все чувствуем близость ухода и знаем, что не можем долго быть вместе: была недавно одна золотая свадьба, наступает другая и скоро будет третья⁵⁷⁶. Очевидно для остатков нашего братства, как мы тогда его называли и переживали, неизбежен конец. Кто первый — неизвестно — но непреодолимо. Наш остаток Гревсов — Шаховских — Вернадских разломится⁵⁷⁷.

Смерть неизбежна, и горе о ней не должно в жизни проявляться, влиять на жизнь, ее нарушая.

Так вспоминается молодой разговор, о котором часто приходилось вспоминать и чувствовать жизненную правду, в парадоксальной форме мною тогда высказанную... На необитаемом острове, без надежды поведать кому-нибудь мысли и достижения, научные открытия или творческие художественные произведения, без надежды выбраться — надо ли менять творческую работу мысли или же надо продолжать жить, творить и работать, как будто бы ты жил в обществе, и стремиться оставить след своей работой в максимальном ее проявлении и отражении. Я решил, что надо именно так работать — я думал и думаю, что мысль и ее выражение не пропадет, даже если никто не узнает о происходившем духовном творении на этом уединенном острове. Теперь, стариком, углубившись в природу так глубоко, как никогда не мечтал в молодости, я думаю то же и сверх того думаю, что никогда нельзя знать непреодолимость преграды — уединенного острова — в ходе времени...

Смерть дорогого не может остановить работу над воссозданием его духовного наследия, стремлением охранить для будущего. Надо работать над старым материалом для биографии Н.П., как Вы начали работать. Очевидно, нельзя сейчас печатать. Но что же это значит? Надо сохранить в нескольких экземплярах важнейшее.

Мы переживаем время совершенно особенное. Я не говорю только о том большом, что творится в историческом процессе, который, конечно, в конце концов даст совсем не то, к чему сознательно стремится, перерастает рамки, ему поставленные.

Лично я переживаю гораздо большее — в научном перевороте, равного по глубине и силе которого я не знаю — м[ожет] б[ыть], сравнимо лишь время создания философии и науки в VI–V столетиях до Р[ождества] Х[ристов]. Может быть, переживалось что-то похожее тогда. А мы только в начале.

Мысль удержать нельзя, и всходы не будут похожи на те семена, которые сеяли. Взойдут, не узнаем...

Я смотрю на будущее очень спокойно, т. к. вижу стихийный планетный процесс, который независим, как природный процесс, от воли человека и его деятельности. Тайна жизни не ясна — но теснейшая связь жизни с прошлым — создания человеческого разума с выработкой включающего его мозга — непрерывными поколениями организмов — всегда в одном направлении, по крайней мере, два миллиарда лет не могут быть сдвинуты с естественного хода проявлений, никакими событиями человеческой истории. Деятельность человека становится геологической силой...⁵⁷⁸

Вы поставлены в такое положение, что, не боясь голода и без нужды о хлебе насущном, можете перенести в будущее духовную жизнь Н.П. Не все ли равно будет ли это сделано общедоступным сейчас в ближайшие годы или через поколение (что маловероятно)?

Посылаю Вам эти строки как написались.

Ваш *В. Вернадский*

Посылаю и франц[узскую] статью о времени, которая, м[ожет] б[ыть], читалась Н.П. по-русски (и вызвала спор с Дебориным)⁵⁷⁹. Она только что вышла. А наука сейчас подошла к загадке времени.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 87–87зв.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 227

26 лютого 1936 р., [Київ]*

26.ІІ.1936

Дорогой Владимир Иванович.

Знаете, есть при напряжении нервной системы изощренная восприимчивость — я чувствовала, что ко мне движется, преодолевая пространства, Ваше письмо, я вот уже три дня все собиралась написать Вам. В тот момент, когда желание это реализовалось, и я вкладывала лист бумаги в машину — я получила Ваше письмо. Оно меня несказанно порадовало, порадовало и самим фактом —

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

тем, что при всей Вашей перегруженности нашли возможным уделить время написать мне, и дружеским его содержанием. В дружеском отношении Вашем ко мне я не сомневаюсь, как не сомневалась никогда в нашей любви к Н[иколаю] Пр[окофьевичу]. ...И все же Ваше такое удивительное возвышенное, мудрое письмо я — в противоположность тому, как Вы воспринимаете мои письма (и будете и в будущем также воспринимать их, если дружеских чувств хватит на то, чтобы читать их) — восприняли и оценили «умом», но чувство мое говорит иное. И примириться с неизбежностью смерти я не могу. Не могу примириться с тем, что никогда не увижу его, не услышу, не разделю его радости и горя — и он не разделит моих. За 12 лет жизни мы стали «Двое в плоти едины»⁵⁸⁰ — и хотя я всегда отдавала должное его уму, мудрости, душевным свойствам и никогда в мыслях не ставила себя, заурядную женщину, наравне с ним, но все же мы жили едиными мыслями и желаниями. «Вдвоем ничего не страшно, а одному страшно», — любил говорить он. И я осталась одна. Одна абсолютно. Есть люди, которые приходят ко мне, которые называют себя моими друзьями, и стараются в меру сил помогать мне преодолевать трудности жизни, б[ольшей] ч[астью] материальной, но моей жизни они не заполняют. И мне — они не нужны. Три самых близких моих друга вне Киева, и когда мне становится немоготу тяжело, как было в эти дни, я пишу в Москву. Это Вы, Дм[итрий] Моис[еевич] и Леонид Ник[олаевич]⁵⁸¹. Но ведь между нами тысяча верст.

Я работаю все время и сделала много. Я уже закончила в пределах досягаемого для меня собирание материалов: они составили 5 больших папок, подобранных по годам выписок из писем его и к нему, официальных документов, разного рода записок и т. д. ... Остаются газеты, но заняться ими я не могу сейчас, т. к. газетный отдел библиотеки помещается в Софийском соборе (базилике) и там холодно, а я не выхожу всю зиму, несмотря на ее мягкость, из гриппов. Теперь я перехожу на составление библиографии его печатных трудов — опять-таки газетных, научные все собраны. Приведены в порядок немногочисленные, увы, — отрывки воспоминаний, дневников, рукописи ненапечатанных докладов, статей. Я останавливаюсь перед рукописями капитальных трудов и сборников материалов, подготовленных к печати. Это дело тяжелое, большое и я не уверена, что на него у меня хватит умения.

Зато я решила последовать Вашему совету — это и должно было служить темой моего письма Вам, а именно, теперь я хочу писать «канву» для биографии на основании этих материалов, пусть она будет не полна, но, имея ее в руках, легче будет извлекать указания у людей, чем так, как делаю я это сейчас. Но и это можно будет развернуть шире с теплом, т. к. сейчас я никуда ни к кому не хожу. Да и тяжело мне видеть чужих людей. Но сколько тайн ушло с ним! Какую массу в его жизни я не знала, как многогранна была она, и как трудно сейчас устанавливать даже эту канву.

Сейчас в моей работе произошла задержка, вызванная отчасти тем, что жизнь моя сейчас далеко не так обеспечена в материальном отношении, как это кажется Вам: я ведь получаю пенсию по болезни, с ежегодным переосвидетельствованием, и если меня найдут работоспособной, я ее потеряю ... и тогда я

даже с трудом могу представить, что могу я делать в условиях киевской жизни, где слоняются без работы десятки историков в той или <иной> форме «ликвидированных» два года тому назад в Академии. Да и без того пенсии не хватает на самую скромную жизнь, т. к. я по состоянию своего сердца не могу выполнять никаких тяжелых работ — физически, я половину зимы не выхожу из дома, то я должна иметь работницу. Нужно помогать и сестре Ник[олая] Прок[офьевича], бывшей на его иждивении и получающей грошовую пенсию⁵⁸². И вот я очень рада была, когда мне неожиданно предложили срочную и очень трудную работу — перевод на украинский язык документов (с русского, правда) по истории средних веков для хрестоматии, как ни больно отрывать у Ник[олая] Прок[офьевича] время на всех этих Хильдериков и Карлов.

Я так рада, что из письма вижу, что Вы так же бодры, так же уходите в работу и получаете в ней удовлетворение. Жду с нетерпением Вашу статью. Что представляет она — перевод или развитие русской? Следите ли Вы за судьбою Академии нашей и в курсе ли новых перемен, которые переживает она. Сегодня было в газете, что устав ее утвержден. При утверждении или обсуждении его на сессии помянули «не тихим» словом авторов первого устава — «панов» ... и приписали им, что за образец они взяли Духовную Академию⁵⁸³.

Шлю сердечный привет Вам и Наталии Егоровне.

Сердечно преданная Вам *Н. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 23–24зв. Авторизованый машинопис.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 228

6 квітня 1936 р., Москва

Москва 69
Дурновский [пер.], 1б, кв. 2
6.IV. [1]1936

Дорогая Наталья Дмитриевна,

Так поздно отвечаю на Ваше письмо от 26.II. — но я совершенно завален работой — правда нужной и интересной в общем — но все же никак не слажу со своим временем и использованием своих сил. Не перешел еще в положение отдыхающего на старости человека.

Мне очень бы хотелось знать, что большое, подготовленное к печати Н.П., сохранилось в рукописях и в каком виде, о чем Вы писали в своем письме. Я не знал о их существовании. Последняя большая работа его, кроме помещенных в изданиях Укр[аинской] Акад[емии], История Юго-Зап[адной] Руси⁵⁸⁴? Есть ли у Вас еще экземпляр — мой экземпляр очевидно зачитан. Какие работы остались и в каком они состоянии?

Я не имел понятий о форме Вашей пенсии — мне сказали персональная. Но оказывается это не так, и Вы находитесь все время под Дамокловым мечом? Не

лучше ли получить Вам пенсию, связанную с жизненной работой Н.П.? Это было бы и справедливо. Я переговорю с Дм[итрием] Моис[еевичем] и Леон[идом] Ник[олаевичем], но ничего не буду предпринимать без Вашего решения. Можно непосредственно сговориться с Богомольцем⁵⁸⁵.

Я слежу сейчас за Украинской Академией. После моего разговора в прошлом году с Богомольцем — мне стали высылать издания Академии — и сейчас высылают все. По двум работам я связался с ней — с одной стороны — через Свитальского⁵⁸⁶ веду работы по определению возраста (геолог[ического]) украинских пород. Работы под моим руководством — а с другой — в этом году летом у меня будет организован сбор организмов в Староселье на Днепровской станции. Я стараюсь не прерывать связи с Укр[аинской] Акад[емией]. Там кое-что моя лаборатория и печатала. Меня приглашают в Староселье, и если бы я был моложе и не должен был бы держать себя в руках — я бы поехал с удовольствием: там чудно. Но...

Завтра еду на три дня в Петербург — и то только что собрался. Вернувшись 15.IV., поедem с Н.Е. на две недели в Болшево — дом отдыха около Москвы (Сосновый Бор), где хочу закончить обработку небольшого курса лекций (в Академии) об основных понятиях биогеохимии. Это результат долголетней работы, которая неожиданно для меня у меня сейчас складывается. Несколько раз подходил к ним — ничего не мог написать и вдруг недавно вытекает ясно. Второй раз в моей жизни такой случай. Июль хотим провести в санатории в Узком, а в начале августа выехать за границу; двухмесячную научную командировку я провел в Академии, сейчас надо еще хлопотать и о лечении — меня осматривал недавно врач (Плетнев⁵⁸⁷) и советует закончить лечение Карлсбадом. Надо надеяться, что безумная и преступная военная авантюра не произойдет...

К фальсификации истории я отношусь спокойно — сперва покойный Грушевский и сейчас Агол или кто, не знаю, — Палладин?

Всего лучшего.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 88–88зв.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 229

9 квітня 1936 р., [Київ]*

9.IV. [19]36

Дорогой Владимир Иванович.

Меня бесконечно трогает Ваше доброе отношение ко мне и Ваши письма. Я только что получила Ваше письмо и спешу поблагодарить Вас за него и ответить на поставленные Вами вопросы.

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

Рукописи Ник[олая] Прок[офьевича], готовые к печати, состоят из следующих отделов: а) 1/ его воспоминания. Это два тома, приблизительно по 10–11 листов печатных каждый. Первый том охватывает время детства и ранней юности, до 17 лет, до окончания глуховской прогимназии. Там художественно описано детство в деревне, учение в провинциальной прогимназии, учителя, товарищи, превращение ребенка в развитого не по возрасту юношу, первые побеги народничества, нарастание общественно-политических интересов. Второй том — Дерптский университет (два года полтавской гимназии, к сожалению, не описаны). Эпоха учения в Дерпте — начало русификации университета. Прекрасно описан университет, профессура, студенчество — так наз[ываемое] «общество русских студентов», увлечение марксизмом, кружок д[окто]ра Лесника (из которого впоследствии вышел марксистом и Б. Кистяковский). Затем — русификация, и вместе с тем наполнение университета революционным студенчеством ... Далее — снова родная Есмась, и глуховской уезд: здесь подано общество в социальном разрезе: крестьяне, козаки, панки, духовенство, помещики, земство и т. д., и несколько эскизов — Полтава и тот круг, в котором вращался Ник[олай] Прок[офьевич], приезжая в Полтаву на каникулы (Васьковы, их знакомые, Старицкие, Мясоедов⁵⁸⁸ и др.). Оканчивается приездом в Киев в 1890 году. Эти оба тома написаны художественно и представляют, на мой взгляд, огромный исторический интерес. Но ... что ждет их⁵⁸⁹?

2/ Статья Ник[олая] Прок[офьевича], предназначавшаяся в печать «Две недели в Лукьяновской тюрьме» — (1906 г.). В высшей степени интересная, рисующая положение прогрессивной печати в Киеве — это расплата за редактирование «К[иевских] Откликов», и реакцию 1906 г.⁵⁹⁰

3/ «Памяти Науменко как редактора «К[иевской] Старины» — доклад в общ[естве] Нестора. Совершенно законченная статья. Ценна как отрывок истории «К[иевской] Старины» и «Старой Громады».

4/ Памяти Лазаревского (не то, что было напечатано в «Україні», а совершенно самостоятельная статья).

5/ Фаддей Чацкий — начало разработки истории зап[адно]-р[усского] права — часть работы.

6/ Дмитрий Ростовский и его литературная деятельность (доклад в общ[естве] Нестора).

7/ Памяти И.И. Дитятин (то же).

8/ Костомаров (то же).

б) сборники документов: 1/ Материалы по истории монастырского земле-владения на Левобережной Украине и 2/ Материалы по истории магдебургского права (грамоты городам)⁵⁹¹. Кроме того мы вместе хотели составить том — по социальной истории Украины — и не успели.

Это то, что я привела в известность. Научных рукописей я еще не разбираю как следует⁵⁹².

Я бы страстно хотела продвинуть в печать хоть что-нибудь, но говорить об этом в Киеве не приходится — не с кем. В Академии ведь нет ни одного ни историка, ни историка права.

Моя личная работа идет вперед, но натывается на каждом шагу на отсутствие материала. Теперь веду борьбу — чтобы мне дали доступ в библиотеку ВКП(б) общественная — пересмотреть газеты, где он писал и которые редактировал, но не уверена, удастся ли, т. к. я не служу нигде и вообще вишу в воздухе. Придется, видимо, идти в Академию, а для меня при создавшемся отношении это мучение. Я делаю, кажется, так, как советовали Вы: я пишу в виде связного повествования биографию — вернее, материалы для нее. И дошла уже до «Крестов». Начала я с того момента, на котором он остановился сам — с приезда в Киев. Содержание ее пока такое: Гл[ава] I. — 1890–[18]93 г. § 1. Первые шаги в Киеве. Кружок Лазаревского, «К[иевская] Старина», «Стара Громада».

§ 2. Кружок Лучицкого (первый преимущественно украинский, второй — общерусско-прогрессивный). «Бродники». § 3. Участие в конспиративном революционном кружке Фокина. § 4. Научная работа. Архивы. Диссертация. § 5. Магистерский экзамен. Катастрофа (провал). Глава II. — 1893–1903 <г.>. § 1. Учительство в гимназии. § 2. Концентрация общественных деятелей в новый кружок — возле Ник[олая] Прок[офьевича]. § 3. Историч[еское] об[щест]во Нестора и попытка «овладения» им со стороны молодых историков. § 4. Общественные группы — «Об[щест]во Грамотности», «Об[щест]во содействия народн[ому] образованию», «Литерат[урно]-артист[ическое] общество». § 5. Попытки молодых сил овладеть газетным органом: «Жизнь и искусство», «Киевское Слово». § 6. Научная работа: Диссертация. Участие в разн[ых] изданиях. Издания документов и т. д. § 7. Увлечение (попытка жениться). Глава III. 1903–1909 <г.>. Революция. § 1. Уход от педагогики. Статистический комитет и попечительство о народной трезвости. § 2. Подготовка революции 1905 г. «Союз Освобождения». § 3. Газетная деятельность. («К[иевские] Отклики» и все произошедшие от них газеты). § 4. Привлечение к судебной ответственности и суд. § 5. Экзамен экстерном в Одессе в 1907 г. § 6. «Кресты» и возврат к научной работе: подготовка к магистерскому экзамену. Это все уже вчерне написано. Дальше пойдут главы: IV. Научная работа, магистерский экзамен, лекции, неудачная приват-доцентура. V. Адвокатура и председательствование в банке. I. Общественная и политическая деятельность. VII. Попечительство и министерство при врем[енном] прав[ительстве]. VIII. Министерство 1918 г. IX. Смутные годы. X. Академия Наук. Пишу несколькими главками — и по поводу каждой буду опрашивать свидетелей того времени и стороны жизни⁵⁹³. Получается нигде не зафиксированная история не одного лица, но общественной жизни Киева конца XIX и нач[ала] XX стол[етия].

Относительно его печатных работ я не поняла Вашего вопроса: об одной какой-то работе спрашиваете Вы или относительно оттисков вообще? Я с удовольствием вышлю Вам все оттиски, напишите мне коротенькую открытку в одно слово. Они у меня есть все.

Относительно себя — бесконечно благодарю Вас за участие. Но что делать — я сама не знаю. Знаю одно, что-то нужно переделать. Я получаю пенсию «по инвалидности», временную. Сознание, что меня, несмотря на все мои болезни, всегда могут признать работоспособной — ужасно угнетает. Пенсию Ник[олая] Прок[офьевича], нормальную, я не имею права получить, да и она меньше моей:

я получаю 280, а его 250. Получается какой-то нелепый клубок. Получи я персональную — все бы отпало, но ее мне не дали и не дадут. Ее получают теперь Фомина и Грушевская⁵⁹⁴. Все пути ведут к Богомольцу. Мне даже в Наркомсобезе посоветовали. Обратиться нему? Но идти к нему — рассчитывать получить отказ, т. к. формально он имеет право мне отказать — я не решаюсь. Просить за себя я не умею, и его отношения личного по этому вопросу я не знаю: не знаю, как он относился к Н[иколаю] Пр[окофьевичу], а всякий отказ мне будет непереносимо тяжел, т. к. это будет через мою голову отказ ему, это будет трепание его имени. А оно мне дороже всего. Леон[ид] Ник[олаевич] взялся поговорить с Бог[омольцем], подготовить его — но ничего не сделал. А в Киеве я не знаю, кто бы был с ними (обоими — т. к. тут нужно чтобы человек был близок и к Ал[ександру] Ал[ександровичу] и к Н[иколаю] Пр[окофьевичу] и мог бы указать ему на значение Ник[олая] Прок[офьевича] в истории общественной жизни Киева, чего Ал[ександр] Ал[ександрович] абсолютно не знает) — настолько, повторяю, близок, чтобы мог заговорить.

Тут творится что-то странное: я хотела передать рукописи Ник[олая] Прок[офьевича] в дар Академии Наук, но на известных условиях, гарантирующих до моей смерти их неприкосновенность — и вот уже 4 месяца не получаю от Академии ответа. Возможно, что она отчурается. (Под рукописями я разумела не перечисленные выше, а собрание документов огромной исторической ценности).

Так вот, возвращаясь к моей пенсии — идеал была бы, конечно, пенсия персональная. Если нет, помочь мне превратить мою временную в пожизненную, на что я, в сущности, имею право, т. к. работаю с 1910 <г.> (25 лет), но последние полтора года не служу по болезни, но продолжаю работать в той же Академии «сдельно». Если бы Вы могли поговорить с Богом[ольцем], и узнали его принципиальное отношение к делу — я бы пошла к нему с деталями, но идти втемную я боюсь. Но только где и когда Вы можете видеть его?

Как хорошо, что Вы едете в Сосн[овый] Бор, там был Дм[итрий] Мойс[еевич] в прошлом году и очень хвалил его. Узкое Вы знаете и сами. Как жаль, что в Староселье Вы не приедете, как я была бы рада видеть Вас. Как мы ждали Вас с Ник[олаем] Прок[офьевичем] и вспоминали Ваши приезды в Боярку — как тогда было хорошо.

Вы мне не ответили на один вопрос: не прислать ли Вам копии с Ваших писем?

Как изумительна Ваша работоспособность и энергия. Мне рассказывал о Вас Воблый, очевидно он видел Вас уже после Вашей болезни, о кот[орой] Вы писали мне.

Шлю Вам и Наталии Егоровне мой сердечный привет. Простите, что я пишу так много...

Я не помню, есть ли у Вас портрет Ник[олая] Прок[офьевича]? Я могу прислать* .

Душевно преданная *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 26–29зв. Авторизованый машинопис.

* Речення дописано від руки на початку листа.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 230

18 квітня 1936 р., Болшево

Сосновый бор

18.IV. [1]1936

Санат[орий] КСУ

Ст[анция] Болшево Северн[ой] жел[езной] дор[оги]

Дорогая Наталья Дмитриевна,

Пишу несколько слов. Ваше письмо я получил перед отъездом сюда. Я думаю, что Богомолец хорошо ко мне относится — по кр[айней] мере, он мне так говорил. Мы оба ближайшие друзья (оба об этом знали) покойного друга моего Ник[олая] Григ[орьевича] Ушинского, очень замечательного человека и хорошего ученого⁵⁹⁵.

Сегодня я послал ему письмо⁵⁹⁶. К моему удивлению в академической адресной книжке (он член здешней Академии) указан не киевский, а московский адрес. Я написал ему обо всем и спрашивал его, можете ли Вы к нему обратиться. Это человек порядочный — не партийный — но с большими старыми связями и отношениями.

Я, вернувшись, напишу, какие у меня работы Н.П. есть. Я спрашивал Вас об отдельном издании Истории Юго-Западной России, который был выпущен чуть ли не в 1914 году в виде отдельной книжки⁵⁹⁷. Мой экземпляр зачитан.

Приехали сюда 15<-го> — вернемся в Москву (час на автомобиле) 29<-го> утром.

Начал писать свои лекции⁵⁹⁸. Еще у нас зима — парк весь в снегу — весна наступает медленно.

Я думаю, в ближайшие годы многие работы Н.П. смогут быть изданы. Идет все-таки глубокое изменение кругом, которое, не думаю, чтобы можно было задумать.

Было бы важно составить канву жизни по документам (как, напр[имер], теперь составляют том Пушкина и т. д.) — но Ваш план шире и, может быть, Вы сможете обойтись и без такой подготовительной работы. Горячо приветствую Вашу работу и думаю, что Вы дадите биографию того типа, которые у нас так редки.

Очень мне досадно, что сейчас не могу помочь моим архивом, до которого боюсь пока даже дотронуться.

Ваш *В. Вернадский*

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 231

23 квітня 1936 р., [Київ]*

23.VI. [19]36**

Дорогой Владимир Иванович.

Я только что получила Ваше письмо от 18 апреля и спешу поблагодарить Вас за Ваше внимание и удивительную заботу обо мне. Среди Ваших колоссальных работ Вы находите время уделять мне столько внимания. В таких случаях невольно мысль путается в анахронизмах и первое, произвольное движение души — «скажу ему» ... «порадую его». И как он был бы тронут Вашей заботливостью обо мне...

О том, что Богомолец в Москве, я узнала 18<-го>, в тот день, когда писали мне Вы Ваше письмо, но не написала Вам, думая, что Вы уже в Болшеве. Я не сомневаюсь, что Вашего письма вполне достаточно и более чем достаточно и по приезде его в Киев пойду к нему. Все остальное у меня готово.

К большому сожалению, такая же судьба постигла и наши экземпляры «Очерков»⁵⁹⁹ — сейчас с ужасом увидела, что нет даже и моего личного (так сказать — досвадебного экземпляра). Есть только один, нужный мне для работы, и кроме того такой, который невозможно изъять из библиотеки. На эту книгу в Киеве был огромный спрос. И еще в 1927 г. с Н[иколаем] Пр[окофьевичем] велись серьезные переговоры о новом издании, дополненном и расширенном. Но уже ничего не успел он сделать, занятый спешными другими работами. Эти мелкие статьи отнимали у него массу времени и не дали писать то, что стояло на очереди.

Я бесконечно рада, что моя работа встречает такую оценку у Вас. Первая часть — выборка из документов — уже готова. Там все документы расположены в хронологическом порядке, а моя биография пишется уже на основании их, первая стадия занимает 4 огромных папки. Вторая тоже растет. Я пишу сейчас о научной работе Ник[олая] Прок[офьевича] за период 1910–1917. Какую массу он написал за это время, и какая бездна была тем намечена им! И как обидно, что большая часть написанного все же не была научными исследованиями, а писалась для хлеба насущного, для всяких «Пфлуг-Гартунгов» и Сытиных⁶⁰⁰. А выдали Вы его огромную книгу «История кабардинского народа»⁶⁰¹, написанную за это время? Я пишу не оценку, не разбор его научных работ — а только внешнюю историю их — при каких условиях, как, когда и что он делал и что хотел делать.

Сейчас я работаю в Библиотеке (в Общественной) — выбираю его библиографию из газет. Сколько там сил, таланта, времени. Прав был Модзалевский, который писал, что газета «чудовище, которое отняло его у науки». И главное — большинство ведь статей без подписи. Впереди меня еще ждет работа в архиве,

* Місце написання листа встановлено за змістом.

** Так в оригіналі. Правильно: 23.IV. [19]36.

я уверена, что найду там много ценного — и в жандармском, и в губернаторском. На мое счастье, эту работу очень ценит директор библиотеки — и открывает мне все закрытые для меня двери.

Желаю Вам хорошо отдохнуть в Болшеве, а главное, не страдать от резких колебаний погоды. У нас творится что-то несуразное — не знаешь как одеться, выходя из дома: после холода сразу наступает жара и наоборот. Что это значит?

Шлю сердечный привет Вам и Наталии Егоровне.

Душевно преданная *Н. Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 34–35зв. Авторизованный машинопис.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 232

30 квітня 1936 р., [Київ]*

30.IV. [19]36

Дорогой Владимир Иванович.

Сегодня я уже начинаю отходить от впечатлений моей беседы с А.А.⁶⁰² и, вероятно, смогу написать Вам о ней спокойно. Была у него вчера. Принята была чрезвычайно сердечно, я бы сказала, и не официально — на прошлой аудиенции чувствовалось холодно-корректное отношение. Именно оно и лишило меня внутренней возможности говорить с ним самой, не зная, как он отнесся бы и к такому делу. Но ... ничего не вышло, и у меня осталось больное, больное чувство, чувство самоказнения за сделанный шаг.

Не подумайте только, Бога ради, что в том, что я пишу Вам и что я пишу Вам — заключается самая минимальная крупница сетования на Вас — наоборот, я считаю себя в вечном долгу перед Вами за все Ваше доброе отношение ко мне. Я просто думаю, что нужно поставить Вас в известность относительно того, как повернулось дело.

За все время, за все 7 месяцев, которые прошли (через 2 дня уже 7 месяцев), мне ни разу не приходилось встретить человека, который, спрашивая меня о моем пенсионном положении, не высказал самого отрицательного суждения о той форме пенсии, которую получаю я. Даже в Наркомсацсобез'е** случайный чиновник, не знающий ни меня, ни Н.П., и тот дал мне ряд ценных указаний, как перевести ее на постоянную. И только один Ал[ександр] Ал[ександрович] убеждал меня, что этого делать не следует, что «берите, что дают, чтобы не было хуже» и т. д. Вы понимаете — что при такой постановке вопроса у меня абсолютно не было внутренней возможности настаивать на просьбе, просить помощи и т. д., тем более, что помощь эта должна была идти по линии любезности, а не обязанности... И я совершенно растерялась, думая лишь о том,

* Місце написання листа встановлено за змістом.

** Так в листі, правильно — Наркомсоцзабез або Наркомсоцобес (рос.).

как скорее и спокойнее уйти, тем более, что в начале была сказана фраза, касающаяся не меня лично, но вопроса мне более чем дорогого. Я пыталась указать на психологическую сторону дела, на то, как тяжело сознание, что я получаю временно и по особому осмотру ту пенсию, кот[орую] в сущности я могу получать как заработанную моим трудом — законную. На то, что сейчас, когда я проработала в библиотеке Академии два года и имею все документы — прямой путь именно для такого ходатайства. В результате он предложил мне такой выход — если меня снимут по состоянию здоровья — то тогда обратиться к нему... Это, конечно, не серьезно, не говоря уже о том, что это грозит мне многими месяцами висения в воздухе — я ведь 8 месяцев ждала назначения мне этой пенсии — то же может повториться и тогда. К тому же его может не быть в городе, он может быть в отпуску, в командировке и т. д. Я, конечно, потеряла вчера очень много и в смысле психологическом, и в смысле материальном, т. к. получая пенсию за выслугу, я могла бы служить и получать ее в половинном размере, а теперь я этого не могу. Но еще более болезненна мне мотивировка, о которой я когда-либо скажу при личном свидании. Утешает меня только воспоминание о Ник[олае] Прок[офьевиче]. Его фразы вообще вспоминаются мною во всех случаях жизни. За несколько дней до смерти, когда сиделка небрежно выпачкала сразу две простыни, у меня сорвалось «еще две простыни пропали», а он мне сказал: «тут больше чем простыни пропадает». Так и я могу сказать — я больше чем пенсию потеряла...

Как провели Вы время в Болшеве? У нас эти две недели, что Вы были там, были исключительно скверны: непрерывные дожди, переходящие в ливни, а в промежуточные дни — снова холодно. Вот уже два дня стало снова солнечно, но свежо.

Я теперь выбираю библиографию Ник[олая] Прок[офьевича] в газетах 1903–1908 годов и с большим интересом просматриваю их. Все эти «Отклики», «Отголоски» — какая бурная жизнь была в эпоху 1905 года⁶⁰³. Для меня только неясно, как мог Н.П. после его ярких выступлений против к[онституционных] д[емократов] вступить в партию, и когда он это сделал? Очевидно в 1909 г. после «Крестов»⁶⁰⁴. На это есть и намек в письме Мякотина.

Я мечтаю, когда-нибудь переслать Вам мои «материалы», когда я вычерпаю здешние возможности. Если бы Вы жили в Киеве — с каким наслаждением я бы предложила Вам мою помощь (если бы Вы приняли ее) для разборки Вашего архива. Там, я уверена, много очень ценного для Вас. Я не помню, писала ли я Вам, что для меня переписали в Ленинграде 8 писем к Мякотину 1893–1912 гг. исключительной ценности. Они прямо осветили для меня некоторые моменты. Я просила разыскать для меня в московских архивах его письма, хотя таких ценных там уже не будет. А сколько их погибло.

Шлю Вам и Наталии Егоровне мой сердечный привет и лучшие пожелания здоровья и сил*.

Сердечно преданная *Н. Полонская-Василенко*

---

* Далі дописано від руки.

Будь я здорова — я бы искала службы, это единственный выход, но где? Какой? И с моим сердцем...

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 30–31зв. Авторизований машинопис.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 233

27 травня 1936 р., Москва

Москва
27.V. [1]936

Дорогая Наталья Дмитриевна,

Я очень огорчен, что я не сообразил общего положения дел — общего положения академиков как Н.П. на Украине⁶⁰⁵. Мелькала у меня мысль — хотел я переговорить с Ясн[опольским] — но у него нет телефона и он давно ко мне не заглядывал. Я постараюсь лично повидаться с А.А. и выяснить дело по существу. Я думаю, что я недостаточно учел сложность украинских отношений. Не знаю, когда удастся свидеться — но во всяком случае — думаю, что прежде чем свидеться с Леон[идом] Ник[иколаевичем] — лучше мне раньше повидаться с Бог[омольцем]. Впрочем, тут я предоставляю дело случаю. Напишу Вам после свидания — не знаю, когда это будет.

После большевского пребывания в 2 недели, где я хорошо работал, мне пришлось пробыть там три дня для отдыха по совету уже врача. Сейчас чувствую себя хорошо и надеюсь перед границей основательно отдохнуть в Узком — месяц — июль.

Чувствую себя сейчас хорошо — но завален работой — правда, нужной и интересной — но все же оставляющей мало времени для бытовой жизни, и я запустил всю переписку. И теперь пишу это письмо Вам, чтобы откликнуться на Ваше письмо от 30.IV. (с каким запозданием!).

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛІМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 90–90зв.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 234

1 червня 1936 р., [Київ]*

1.VI. [19]36

Дорогой Владимир Иванович.

Я только что получила Ваше письмо и спешу от всей души поблагодарить Вас. Вы не можете себе представить, как глубоко трогает меня Ваше внимание и

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

забота обо мне. Оценить ее может только такой одинокий человек как я. «Людей» около меня много, но «человека», с которым я могла бы посоветоваться, поговорить о том, что мне всего дороже — нет. В этом тоже вина отчасти специфики нашей жизни. Я очень рада, что Вы оценили ее. Чувствую ее 8 месяцев и теперь, после разговора с А.А. окончательно усвоила ее. Но — что же делать? Разговоры с А.А. не приведут ни к чему, дело не в нем, и я очень благодарна Вам за то, что Вы толкнули меня на разговор, открывший мне окончательно глаза. Это был пробный шар, и, конечно, тут дело не в пенсии, или, вернее, не только в пенсии. Я продолжаю усиленно работать. Дошла уже до 1917 г. и «канва» моя приобретает все более общий характер, выходящий за пределы узкой биографии. Мне повезло: я получила месяца два тому назад 8 писем к Мякотину 1893–1912 гг., а сейчас — 72 письма к Модзалевскому (черниговскому)⁶⁰⁶ с 1903 по 1916 год. Они осветили мне многое в прошлом, а, главное, дали богатейший материал для выяснения научных интересов за это время. В то же время я штудирую газеты 1903–1917 гг. и составляю библиографию. Как видите — на размахе работы эта катастрофа (а я так расцениваю беседу с А.А.) не отразилась. Но роль Пимена Летописца⁶⁰⁷ в условиях нашей жизни очень уж анахронична: обеспеченный всем, он мог думать о «монахе трудолюбивом», который через 100 лет прочтет его сказание, мне же думать приходится и о праве на кабинет, и о членстве в Секции, и о праве пользования библиотекой и архивом. Все это на сегодня есть у меня, но в будущем тесно связывалось с тем легальным положением, которое создавало бы для меня принятие дара и поручение мне описывать его. Теперь мне стало ясно, что этого не будет. Нужно придумывать что-то новое, что в силу вещей, помешает моей работе над этим материалом, а не искать посторонней работы при создавшемся положении я не могу. Мне очень жаль, ушел с поста директор библиотеки Академии, который очень ценил эту работу, и хотел оформить и дар, и мое положение. И не смог.

Я серьезно думаю о Москве. Но ведь, с другой стороны, оторвать все от Украины так трудно, ведь Ник[олай] Прок[офьевич] был так тесно связан с нею. И его материалы в Москве не будут иметь той цены, какую они имеют — и должны иметь — здесь.

Простите мне бессвязное письмо. Просто был порыв сейчас же ответить и поблагодарить Вас, а затем потекли мысли и слова, и я их не удерживала.

Вы мне не написали, что дало Вам Болшево, кроме покоя, для большой работы, все же хоть немного отдохнули ли Вы? Ведь трех дней для этого мало. У нас стоит, после пронизывающих ветров, июльская жара, все сохнет и отцветает. А у нас под окном кабинета засох любимый каштан Ник[олая] Прок[офьевича], и сохнуть он начал с августа. Конечно, были естественные причины, но какое совпадение?

Сердечный привет Наталии Егоровне.

Душевно преданная *Н. Полонская-Василенко*

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 235

5 липня 1936 р., [Київ]*

5.VII.1936

Дорогой Владимир Иванович.

Пишу Вам на всякий случай, не зная, в Москве ли Вы или уже отбыли за границу. Так мне передавал Л.Н. Яснопольский. Я думала, что Вы собираетесь ехать в августе. Передал мне А.Е. Крымский слух, что Вы собирались посетить Киев, и как жаль, что это был только слух. Как давно Вы здесь были, как ждал Вас каждый год Ник[олай] Прок[офьевич], и как мечтала я теперь о Вашем приезде. Сейчас город уже пустеет: уехали многие академики и для Вас он уже неинтересен. Жара у нас трудно переносимая, вот уж недели две: днем в тени 35 град[усов] Цельс[ия]. И ни одного дождя. Все горит, на овощи цены растут, клубника отошла дней в 10, яблоки и груши осыпаются... Я изнываю от жары: у нас под окном засох в этом году, начав сохнуть в августе прошлого года, каштан, стоявший возле парадного крыльца, и кабинет, лишенный его тени, накаляется страшно, днем не бывает меньше 25 град[усов]. Я работаю теперь в библиотеке на Александровской — бывш[ей] Публичной, там жара невыносимая. Но я все же ежедневно просматриваю там старые газеты, выбираю библиографию статей Ник[олая] Прок[офьевича]. Тяжелая работа, и, главное, мало продуктивная; вообще моя работа идет своим нормальным ходом. Дошла уже до 1916 года. И в данное время перечитываю Ваши письма. Как они много дают для уяснения пережитых моментов.

Как чувствуете Вы себя? Отдохнули ли после Вашей работы? Куда, собственно, едете Вы, отдохнуть, или работать и как долго думаете пробыть там?

Шлю Вам и Наталии Егоровне мои наилучшие пожелания и сердечный привет. Вы, вероятно, уже предвкушаете радость свидания с внучкой...

Как бы я хотела получить от Вас весточку о том — где Вы, буду очень благодарна Вам.

Сердечно преданная *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 36–36зв. Авторизований машинопис.

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 236

29 липня 1936 р., Узкое

Узкое

29.VII. [1]936

Дорогая Наталья Дмитриевна,

Завтра уезжаем с Нат[альей] Егор[овной] в Москву, а затем 10 августа едем за границу на три месяца. Месяц пойдет на лечение, а два месяца на работу⁶⁰⁸.

Придется лечиться в Карлсбаде. Конечно, заграничная поездка для меня не только научная работа, но и свидание гл[авным] обр[азом] с внучкой Танечкой, которая нас ждет. У детей есть своя жизнь и она идет всегда, это нормально, в рамках иных, чем наша. Каждый год она меняется менее резко, чем жизнь ребенка, который сам превращается все в новое.

Но я добиваюсь своей поездки потому, что со [стихийною] силою хочу кончить свою книгу об основных положениях биогеохимии, которая, наконец, приняла у меня в этом году конкретные формы, и я надеюсь быть в состоянии ее сейчас писать — д[олжно] б[ыть] в Лондоне в большой библиотеке, где все под рукой и где я могу работать свободно и спокойно.

Мне кажется, мои поездки окупятся этой книгой — для меня во всяком случае.

Наш московский адрес: Москва, Дурновский пер., д. 1б, кв.2 — на него пишите. Письма будут пересылать.

Всего лучшего.

Ваш *В. Вернадский*

В Киев так хотелось бы поехать — но только все меньше и меньше близких. С годами к этому привыкаешь.

Здесь видел ряд киевлян — Воблого, Вотчала, В. Чирвинского⁶⁰⁹.

Жизнь сделала огромный сдвиг по сравнению с тем, что было даже в 1928 г., когда я был там последний раз.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 91–91зв.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 237

2 серпня 1936 р., [Київ]*

2.VIII. [19]36

Дорогой Владимир Иванович.

Только что получила Ваше письмо, спасибо Вам за память. Эти последние дни я особенно много думаю о Вас и вспоминаю Вас. В моей работе я дошла до

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

1928 г., знаменитого «3 мая» в истории ВУАН⁶¹⁰, Вашего приезда к нам на Тарасовскую, выступления Тутковского, переписки с Вами, когда Вы были на Кавказе, ожидания Вас и Наталии Егоровны в Боярке и Вашего кратковременного, но такого кипучего пребывания в Киеве в августе и приездов к нам. И прогулки Вашей с Ник[олаем] Прок[офьевичем] (я была больна) и нашим Дружком — помните, маленький таксик, которого так обожал Ник[олай] Прок[офьевич]?

Итак, на днях Вы едете за границу. От всей души желаю Вам и подлечиться, и закончить Вашу работу. Какое это счастье, увидеть свой труд завершенным, счастье, которого был лишен Ник[олай] Прок[офьевич].

У меня есть мысль, которая все чаще приходит ко мне — проехать осенью в Москву. Но мне бы хотелось застать там Вас и Наталию Егоровну. А это, видимо, возможно будет не ранее ноября, и возможно даже конца его. Осуществить ее очень трудно, т. к. нужны большие деньги, которых заработать я так и не смогла, хотя усердно хожу «наниматься» — но на нашей киевской бирже нет спроса на такой труд, который могу предложить я. Вот я и подумываю о Москве, где пристанище мне обеспечено. И мне удалось бы пристроить и свои работы, и работы Ник[олая] Прок[офьевича] — во всяком случае найти какие-либо перспективы для них. Все это очень трудно. А тут у меня нет ни настоящего (кроме пенсии), ни будущего (кроме потери ее). Я мечусь от археологии, геологии, искусства — к XX ст., кажется, диапазон достаточный? Но везде один ответ — сокращение кредитов, «сворачивание» издательской работы. А главное, конечно, полное отсутствие знакомых людей, которые могли бы помочь, к которым можно обратиться. Киев так изменил состав населения, что я часто вспоминаю заграничные впечатления — но это в музеях Берлина или Флоренции чаще можно было встретить знакомого, чем на улицах Киева теперь и в связи с этой быстрой сменой населения мелькает и сомнение в целесообразности той работы, которую делаю я: нужна ли она кому-либо, кроме меня? А мне — мне, конечно, нужна. А как мне нужны письма Ник[олая] Прок[офьевича] к Вам...

Шлю Вам и Наталии Егоровне лучшие пожелания и сердечный привет.

Душевно преданная *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 37–38. Авторизованный машинопис.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 238

2 грудня 1936 р., Москва

Москва 2, Дурновский [пер.], 16

2.XII. [1]1936

Дорогая Наталья Дмитриевна,

Давно не имею от Вас известий, знаю только в общих чертах от Дм[итрия] Мои[сеевича]. Две недели как я вернулся из трехмесячного пребывания за

границей. Работал очень хорошо и в сущности сделал все, для чего я эти годы, 1933–1936, ездил за границу. Могу писать свою книгу — на это потребуется по крайней мере два года. Был в Праге, Париже, Лондоне — на обратном пути на один день остановился в Веймаре и Лейпциге. Главное время провел в Лондоне. Везде встревожены возможностью войны — но экономически в Англии жизнь все улучшается (я был там в 1934 <г.>). Все же есть надежда, что никто не решится начать. В Германии ясно чувствуется трудность жизни, несмотря на внешний порядок. Страшен Гитлер — неуравновешенный человек, обладающий колоссальной, безответственной властью⁶¹¹.

Счастлив был видеть внучку — ей теперь 7 лет — для меня и жены это величайшее счастье — всегда хрупкое и всегда заставляющее страшиться. Но от детей имею постоянно аккуратно известия. Сын из Нью-Хэйвена пишет еженедельно, а сейчас и дочь пишет аккуратно. Дети счастливы и хорошо живут — это самое главное⁶¹².

И это на фоне возможного кровопролития.

Безумный шаг возможной войны нельзя живым людям принимать во внимание при расчетах жизни. И я строю планы, этой возможности не учитывая. Мечтаю теперь в июне с геологич[еским] конгрессом посетить и Украину и Крым, в частности Киев. М[ожет] б[ыть], этот план удастся привести в исполнение⁶¹³.

Здоровье и мое и Н.Е. для нашего возраста сносно — вполне благополучно. Старческие недомогания не считаются. В Праге с дочкой и внучкой отпраздновали золотую свадьбу — 50 лет⁶¹⁴.

Напишите о себе и о Вашей работе. Как прожили лето — здоровье — работа.

Н.Е. шлет дружеский привет.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 92–92зв.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 239

6 грудня 1936 р., [Київ]*

6.XII. [19]36

Дорогой Владимир Иванович

Сказать не могу, как меня обрадовало Ваше письмо и как я благодарна Вам за него. Я все время вспоминала Вас и думала, что Вы должны скоро возвратиться, но ошиблась в расчетах — я думала, что Вы приедете в конце декабря.

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

Как я рада, что поездка оказалась такой удачной во всех отношениях и дала Вам столько удовлетворения и радости, как порадовался бы на Вашу удачу Ник[олай] Прок[офьевич], который так следил всегда за Вашей работой и удивлялся Вашей энергии и работоспособности.

Жутко при мысли, что вдруг внешние политические причины могут нарушить мирное течение работы, я сижу тут как страус, пряча голову от опасности и стараюсь не думать о том, что возможен ужас войны.

Я придаю большое значение наследственности, и мне так больно, что Ник[олай] Прок[офьевич] не оставил детей. Какое счастье видеть продолжение жизни любимого человека в его детях, и как, в этом отношении, счастливы Вы, особенно тем, что у Вас такие хорошие дети и внучка...

О себе ничего хорошего не могу написать. В физическом отношении я уже известным образом приспособилась к своему сердцу и уже вижу, что нового не вставить, нужно жить с этим, но в душевном и моральном отношении мне, конечно, очень тяжело. В прошлом году была острота горя, глушившая все мысли. В этом году я могу уже думать о себе, а эти мысли ничего утешительного не дают. В прошлом году я верила, что не буду жить долго, и потому лихорадочно делала то, что хотела сделать при жизни, чтобы не быть застигнутой врасплох — в этом году я убедилась, что жить буду, и, может быть, буду жить долго, и это сознание повергает в тяжелую и мрачную безнадежность. Есть и другая сторона, как следствие этих дум: веря, что жить недолго, я работала над материалами к биографии Ник[олая] Прок[офьевича] и продавала все, что можно, для того, чтобы сводить концы с концами. Но ведь так можно было жить только в уверенности, что жить недолго, теперь пришлось изменить режим, и взяться за заработок. В условиях киевской жизни я ничего не нашла для себя подходящего, кроме переписки на машине, это дает мне возможность установить некоторый бюджет, но отнимает и время. Взяла я и заказ на научно-популярную работу, которую кончаю и которая выходит у меня крайне скверно, но времени взяла два месяца. Вот и выходит, что в этом году мне пришлось, надеюсь, временно прекратить работу над биографией. Вчерне она закончена, составляет около 40 печ[атных] листов, и отдельные главы ее я читаю друзьям и они ходят «по рукам». Но, конечно, над ней нужно еще много и много поработать. Все лето я просидела в библиотеке, перечитывая газеты 1904–1918 гг., и собрала значительную по размерам библиографию статей Ник[олая] Прок[офьевича]. В моих мечтах, получив гонорар за работу, на несколько месяцев погрузиться снова в биографию. Там очень много, по-моему, исторического ценного.

В моих мечтах есть и другое — получив гонорар (это исходная точка для всех мечтаний), я, может быть, приеду в Москву, если найду себе место для ночлегов, чтобы поговорить на месте — с кем, я еще сама не знаю, по поводу издания воспоминаний Ник[олая] Прок[офьевича] и некоторых глав из моей биографии о нем. Там можно выделить 2–3 совершенно самостоятельных статьи, напр[имер], литературное дело — по поводу статей Короленко о Сорочинских событиях, суд над Ник[олаем] Прок[офьевичем] как редактором «К[иевских] Откликов», его сидение в Крестах — по его письмам и т. д. Есть его

собственная статья «2 недели в Лукьяновской тюрьме» в 1906 году. Все это я думаю привезти в Москву.

Сейчас я получила письмо от директора Гослитмузея в Москве Бонч-Бруевича⁶¹⁵ (это, между прочим, один из тех, с которыми я хочу завязать личные отношения). Он пишет, что узнал от своих общих знакомых об архиве Ник[олая] Прок[офьевича] и предлагает продать его Литмузею. Об этом нужно подумать, т. к. я не уверена, что мне удастся устроить его в Киеве. Та же причина, которая выяснилась в прошлом году в вопросе моей пенсии с А.А.⁶¹⁶, видимо, стоит и здесь поперек дороги. Я сознаю на себе ответственность за наследие Ник[олая] Прок[офьевича], и боюсь сделать ложный шаг. Конечно, прямой путь вел бы к А.А., но, конечно, теперь он для меня закрыт. Простите, что я так много написала Вам, но, почувствовав возможность поговорить с другом, я не могла воздержаться.

Ужас моего теперешнего положения, Владимир Иванович, это осознание полного одиночества. События в Киеве шли таким путем, что не осталось ни одной души, с которой можно было бы говорить серьезно о делах, о работе, о планах.

Шлю Вам и Наталии Егоровне мой сердечный дружеский привет и лучшие пожелания. О себе скажу, что я очень рада, что Вы уже вернулись.

Душевно преданная *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп.3, спр. 235, арк. 39–42зв. Авторизованный машинопис.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 240

2 квітня — 6 червня 1937 р., Узкое, Москва

Узкое

2.IV.1937–6.VI.1937

Дорогая Наталья Дмитриевна,

Давным давно Вам не писал. Это письмо я пишу на бумаге, на которой начал писать два месяца назад, когда тоже был в санатории в Узком — но тогда здесь меня уложили. Теперь вновь приехали 1-го июня на два месяца, и я надеюсь, что я вышел из больного состояния.

Вернулся я, как Вам писал, в середине ноября — а затем в декабре усилился грипп, перешедший на неприятные сердечные явления, которые возобновлялись. Называют врачи их «спазмами» сердца — а затем перебои, которые долго не проходили. Держат под неприятным режимом. А между тем мне как раз надо было быть совсем здоровым — так хорошо идет работа и так много надо сделать.

Надеюсь, что я все-таки это смогу. Начал, как Вам писал кажется, писать свою книгу, которую начал 20 лет — и 20 лет над ней думал. А для нее надо 2–3 года хорошей работы. М[ожет] б[ыть], некоторая дерзость начинать ее писать, когда человеку 74 года, 75-ый! Но умом я чувствую себя совсем молодым.

Но выбора нет — и надо брать жизнь как она есть.

О Вас я ничего не знаю, кроме Вашего письма от 6.XII!

А затем выдаю изредка Ясноп[ольского] и от него узнаю и о Вас. Но он давно не был в Киеве⁶¹⁷.

Бонч-Бруевич, говорят, очень [кряжист] на расплату — но, конечно, материал сохраняет. Я думаю, что скоро не удастся напечатать материалы для биографии Н[иколая] Пр[окофьевича] — но работать над ними надо.

Я тоже считаю, что семья без детей — это искаженная семья. Такова семья моего сына. Оставшийся страдает — помимо того, что прекращается индивидуальность, выражающаяся в поколениях. Сейчас у меня только одна внучка. А мы с Нат[альей] Ег[оровной] живем без детей. В прошлом году была наша золотая свадьба.

Очень буду рад, если побываете в Москве — где у Вас столько друзей. Я представляю себе, мне кажется, конкретно теперешний Киев, населенный в конце концов чужаками. До заболевания вторично я мечтал в июне приехать в Киев с экскурсией Геол[огического] Конгресса — сейчас это все, конечно, отпало.

Вы можете написать мне и сюда (Москва, 17 почт[овое] отд[еление]. Теплый Стан. Санаторий КСУ «Узкое») и по моему городскому адресу. Это 40 минут от нашей квартиры — на автомобиле.

Напишите о себе.

Всегда Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 93–93зв.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 241

18 червня 1937 р., [Київ]*

18.VI. [19]37

Дорогой Владимир Иванович.

Бесконечно благодарна Вам за Ваше письмо и память обо мне. Они мне очень дороги. Я непростительно долго не писала Вам, не писала, сама не зная почему. То есть, знать-то я знаю, но уважительная ли это причина — вопрос другой.

Зимой я слышала о Вашей болезни и пребывании в Болшево. И вот, не зная, вернулись ли Вы оттуда, я ждала известий. А тем временем в моей личной жизни стали происходить разные сдвиги и я все ждала, пока они оформятся, чтобы сообщить Вам нечто готовое...

Жилось мне зимой плохо во всех отношениях. Приходилось много работать, чтобы приработать к пенсии на жизнь — все, что можно было продать без труда,

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

я продала в прошлом году. Попытка моя передать архив Ник[олая] Прок[офьевича] в Академию и получить поручение описывать его, снова потерпела крах, т. е. на словах принимают с радостью, но ... ничего не делают, т. е. договора не оформляют. Так и прошла зима. Была у меня работа по заказу издательства — «межигорская фабрика»⁶¹⁸ и вот уже VI месяц, как она живет у рецензентов...

А тем временем, случайно, без моих собственных хлопот, я получила место в Академии Наук — старшего сотрудника в Институте Экономки. Совершилось это так: одна дама с «большим весом» обратилась к Ал[ександру] Ал[ександровичу] с характеристикой меня и моих работ, заинтересовала моею личностью его, и я получила предложение подать заявление о предоставлении мне места. И вот уже месяц я работаю.

Вся эта история тянулась месяца два — А.А. уезжал, я была больна, потом было 1 мая и т. д. — и я все откладывала письмо Вам, чтобы сообщить уже о свершившемся факте. Работой я довольна, но устаю — приходится высиживать с 10 до 4 ежедневно, и это трудно.

А затем в жизни моей совершилась огромная перемена. Л[еоид] Ник[олая] Яснопольский верить мне не хотел, когда я ему о ней сказала: я вышла замуж. Случилось это как-то так, что для меня стало ясно, что иного выхода для меня нет. Мой муж — старый приятель Ник[олая] Прок[офьевича], товарищ его брата по университету. Он бывал у нас лет десять — он жил раньше в Харькове и в Киеве бывал наездом. В 1933 г. он потерял жену, с которой прожил 30 лет душа в душу и тяжело переживал свою утрату. Переехал в Киев со столицей в 1934 г., и с осени 1936 года поселился недалеко от меня на Мар[иинско]-Благ[овещенской], и стал моим ежедневным гостем. Ему также тяжело и одиноко жилось, как и мне. И мы почувствовали, что нам вдвоем стало хорошо, тепло, уютно. В его лице я нашла преданного верного друга, интересного, умного человека, с мягкой, чуткой душой человека, который горячо и глубоко полюбил меня. Я долго боролась и решила, что нет оснований отказываться от последнего, запоздалого счастья, раз что я уже осталась жить. И мне сейчас так хорошо, так счастливо снова живет. Я по-прежнему чту память Ник[олая] Прок[офьевича], по-прежнему она дорога мне, как дорога А[лександру] Мих[айловичу] память его жены.

Он — полтавец, оппозиционный земский деятель Миргородского уезда, близкий друг Короленко, Богд[ана] Ал[ександровича] Кистяковского, Мякотина — Александр Михайлович Моргун⁶¹⁹. Сейчас он работает в промкооперации, старший консультант. Работает в области кустарных промыслов. Человек с широкими интересами, страстно любит и хорошо понимает искусство, человек интересный и оригинальный. Вот видите, дорогой Владимир Иванович, у меня были некоторые причины, не оправдывающие меня, но объясняющие мое молчание. Сейчас идет сложный проект, вернее, создаются планы реконструкции квартиры — я ведь живу в 2 комнатах — для удобной жизни 2 человек — ведь у меня все было пригнано для удобства 1 персоны.

Но это все второстепенное. Важно то, что я снова живу полной жизнью и снова хочу жить. Я вспоминаю Ваше милое письмо, написанное мне в прошлом году. Помните Вы его? О ценности жизни.

Как в этом году стоит вопрос о Вашей поездке за границу? Едете ли? Или Вы уже все взяли от нее и можете кончать Вашу работу спокойно здесь?

Получала я все это время отчаянные письма от Мих[аил]а Мих[айловича]⁶²⁰, но вчерашнее превзошло все отчаянным настроением — ему нужно спешно очистить комнату, и он не знает, куда деваться, и пишет, что думает о самоубийстве. Я так и не знаю причин его катастрофы. Адреса, куда он поедет, он мне не сообщил.

Шлю Вам и Наталии Егоровне сердечный привет и лучшие пожелания, хорошо провести лето и набраться сил для продолжения Вашей работы. Вы должны за лето полностью изжить все, что нанесли Вам Ваши гриппы. Еще и еще шлю привет и крепко жму Вашу руку.

Душевно преданная *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 43–45.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 242

5 сепня 1937 р., Москва

Москва
5.VIII. [1]937

Дорогая Наталья Дмитриевна,

Не отвечал Вам так долго на Ваше письмо, т. к. мне пришлось в Узком не только отдыхать, но и участвовать в конгрессе и готовиться к нему. Сейчас с 1 авг[уста] я в Москве и хлопочу о заграничной поездке для лечения на 1½ месяца. Надеюсь удастся — здесь не отдохнешь. Чувствую себя хорошо, но все же после конгресса были неприятные симптомы.

Я думаю, что Вы совершенно мудро вновь начали свою жизнь — создаете новую. И горячо желаю Вам счастья. Заочно дружески жму руку Алекс[андру] Мих[айловичу]. Пишу Вам несколько слов, т. к. хотел бы высказать 15.VIII., а между тем, неожиданно произошла или какая-нибудь путаница с данным разрешением на поездку или изменение — непонятное. Узнал об этом через два дня по приезде сюда и теперь пытаюсь выяснить в чем дело. Это в наше время не так просто. Как всегда по характеру учитываю лучшее. Буду добиваться, если отменено — но тогда придется выехать позже — а я хотел провести две недели с внучкой (Танечкой), которая 1-го сентября должна идти в школу, и мне — по академическим делам надо было бы быть в Москве к 1-му октября. Ну, может быть, все пойдет по-ладному.

Письма по моему городскому адресу будут пересылаться.

Всего лучшего.

Ваш *В.Вернадский*

Что Крымский? Писал ему — не отвечает. Он в Киеве или нет? Его киевский адрес?

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 94–94зв.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 243

13 вересня 1937 р., [Київ]*

13.IX.1937

Дорогой Владимир Иванович.

Давно уже получила Ваше письмо, написанное в момент неопределенности — едете Вы за границу или не едете? Так я и не знаю, уехали ли Вы. Спрашивала об этом Дмитрия Моисеевича, но ответа не получила, а сейчас случайно из письма общего приятеля узнала, что он еще продлил пребывание в Болшеве и моего письма не получил.

Пишу вам «на удачу», Вы писали мне, что письма Вам будут пересылать.

Очень буду рада, если Вам удастся подлечиться и отдохнуть для продолжения Вашей огромной и такой ценной работы. Вероятно, после хорошего отдыха оставят Вас и изнурившие Вас так гриппы. Эпидемия гриппов свирепствует и у нас, и мы грустно начинаем в этом отношении новый академический год. Отдали дань гриппу и я в слабой степени, и мой муж — в очень тяжелой — в течение месячного отпуска он два раза болел гриппом. Отпуск мы провели в Киеве, отчасти по недостатку средств, получаем мы оба немного, но у него еще на полном иждивении взрослый, уже женатый сын, оканчивающий сейчас институт. Значит, средств нужно много. Останавливала нас и погода — все время лили дожди, ехать куда-то в неясные и, во всяком случае, плохие условия жизни, чтобы сидеть в комнате, нам не хотелось, и мы все время провели в городе, делая только поездки в Пущу-Водицу, Голосеево или сидя целые дни в Ботаническом саду, который приведен в порядок, снабжен массой удобных скамеек и украшен цветниками.

Мне очень приятно и радостно, что Вы не осудили меня за мой шаг. Многие возмущаются мною... Мой муж очень хороший и интересный человек, и мы с ним очень хорошо подошли друг другу и вполне счастливы. Память о Ник[олае] Прок[офьевиче] по-прежнему дорога для меня. Мне больно, что для нее я ничего не могу сделать. Академия так и не приняла от меня «дары» — его собрание рукописей... Недавно со мной возобновил переговоры о продаже их московский Музей литературы, но мне больно увозить их из Киева и отрываться от Украины и от себя. Не вышло ничего и с проектом издания его статей. Все это так горько. Ведь я не молода, мне 53 года, у меня большое сердце и на долгий век я не могу надеяться, а мне так хотелось сделать все самой и как можно лучше.

Я не теряю надежды на лучшее будущее. И у нас в Киеве чувствуется оживление на историческом фронте, вызванное или совпавшее с изданием учебника Шестакова⁶²¹ и полемикой, охватившей газеты. Если Вы за границей, то, возможно, что Вы и не читали ряда ценнейших и интереснейших статей в наших газетах, особенно в «Правде» и «Известиях» по поводу этого учебника, задач, поставленных перед преподаванием истории, высказывалось убеждение, что каждый гражданин обязан знать свое прошлое, свою историю. Отразилось это

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

новое направление и на нашем Институте, в котором я работаю, и на мне лично. Хотя я занимаю скромное место библиографа, но мне предложено подготовить к печати две мои работы, за что я с радостью взялась, конечно. Буду готовить, а там увидим. Вот я надеюсь, что увидят свет и рукописи Ник[олая] Прок[офьевича]. Материалы к его биографии я закончила, но теперь у меня так мало времени, что я совершенно не в состоянии отделать окончательно. Вот видите, сколько написала я о своих и киевских делах.

Шлю Вам и Наталии Егоровне сердечный привет. Алек[сандр] Мих[айлович] просит Вас принять его поклон. Мы были бы рады, если бы Вы, наконец, собрались посетить Киев. Как давно Вы не были здесь... 10 лет.

Душевно преданная *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 46–47зв.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 244

20 листопада 1937 р., [Київ]*

20.XI. [19]37

Дорогой Владимир Иванович.

Давно не получаю писем от Вас и ничего не знаю о Вас. Как Ваше здоровье? За границу Вы, как я слышала, так и не поехали, но отдохнули ли хоть летом как следует? Эти гриппы ведь оставляют очень продолжительные следы и не так-то скоро изживаются.

Вы, вероятно, получили уже мою посылку. Разбирая рукописи Ник[олая] Прок[офьевича], я нашла эту рукопись и решила, что тут она лишняя, а Вам, вероятно, будет приятно прочитать ее⁶²².

Из небольшого круга людей, посещающих нас, довольно часто видим Агаф[ангела] Евфим[овича]. Он уже или написал, или собирался писать Вам⁶²³. Его настроение в этом году значительно лучше: он был в Ленинграде на съезде востоковедов, работает, получает увеличенный оклад, и меньше жалуется на «злидні».

О себе написать много не могу. Живу в значительной степени в прошлом, хотя мой брак дал мне много тепла и радости. Мне жутко вспоминать годы моего одиночества. Муж мой очень хороший, интересный человек и мы почти нигде не бываем, находя в обществе друг друга достаточно интереса и содержания для нашей духовной жизни.

Я много работаю и очень интересно: хотя я занимаю посаду библиографа, но мне поручили составление сборника документов по истории XVIII в. Новороссии, а я это знаю и люблю. Вообще в Ин[ститу]те у нас прекрасная атмо-

---

* Місце написання листа встановлено за змістом.

сфера, люди работают, работают усердно, и отношения у нас прекрасные. Во главе стоит молодой человек, очень культурный, симпатичный и толковый⁶²⁴.

В свободное время я разбираю рукописи Н.П. Тут их, очевидно, не берут. А мысли о том, что они могут погибнуть внезапно, меня угнетает. Со мной заговорил о них Бонч-Бруевич. Хотя естественно было бы передать их киевскому учреждению, но что же делать? Попробую повести дело с ним. Мне жаль расстаться самой с ними, ведь там осталась часть души Ник[олая] Прок[офьевича].

Биографию его я временно отложила: она почти вся написана вчерне, я даю ее читать тем, кто попросит, а таких немало, но переписать ее и окончательно обработать нет времени. Недавно один из киевских историков, прочитавший часть ее, очень хвалил самый принцип составления ее «документальный». Я старалась в ней избегать личных суждений, а держаться только документов.

Шлю Вам и Наталии Егоровне мой сердечный привет и искренние пожелания здоровья: только одного, чего не достает Вам. Энергии и бодрости у Вас хватит на целый институт.

Душевно преданная *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 48–49зв.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 245

7 грудня 1937 р., Москва

7.XII.1937 г.
Москва, 2

Дорогая Наталья Дмитриевна,

Давно Вам не отвечал и не поблагодарил за любезную присылку работы моего сына. Конечно, лучше бы ей быть у меня. Очень Вас благодарю.

Я теперь поправился, начал работать и чувствую себя бодрим. Очень помогло новое средство «падутин», которое рекомендовала моя дочь и которое я с разрешения врачей применил. Отъезд за границу, вероятно, придется отложить на весну или лето. Положение моего здоровья таково, что я решаюсь не ехать зимой к внучке, что я хотел, когда не знал, разумно ли откладывать свидание. Очень рад, что Ваша работа идет хорошо и надеюсь, что Вы dokonчите биографию Николая Прокофьевича. Если не будет войны — будут все шансы, мне кажется неизбежно, что ее можно будет напечатать.

Сердечный привет от нас обоих.

Ваш *В. Вернадский*

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 95. Авторизований машинопис.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 246

7 квітня 1939 р., [Київ]*

7.IV. [19]39

Дорогой Владимир Иванович!

Давно не писала Вам, давно не получала вестей от Вас, но все же, кое-что знаю о Вас, Вашем здоровье и настроении. С радостью увидала Ваше изображение, исключительно не похожее, в «Известиях». Понадобилась консультация экспертов, чтобы определить, Вы ли это? Знаю, какое большое участие принимали Вы в выборах. Но все это только со слов очевидцев и по литературным подпискам.

Какое впечатление произвели на Вас «Воспоминания» Ник[олая] Прок[офьевича]? Ведь там есть главы, посвященные людям, близким Вам и Наталии Егоровне. Да, вероятно, многое известно Вам из личных рассказов Ник[олая] Прок[офьевича]. Ведь он так любил вспоминать свою молодость: и Дерпт, и Глухов, и Полтаву. Я не смею просить, но если у Вас явились какие-либо замечания, поправки, не могли ли бы Вы сообщить их мне, или просто вложить записочку в несколько слов в книгу⁶²⁵. Сейчас, очевидно, печатать ее нельзя. Хотя, кто знает? И чем эти воспоминания хуже, наприм[ер], Чичеринских⁶²⁶? Я бы очень хотела знать Ваше мнение. Я, видимо, буду редактировать издание дневника А.Ф. Кистяковского; когда-то, в начале 20-х годов, предполагали издать его под редакцией Ник[олая] Прок[офьевича]. Не судилось⁶²⁷. И мне делается обидно — почему это не записки Ник[олая] Прок[офьевича]. Я была бы очень благодарна Вам, если бы Вы нашли минутку сообщить Ваше мнение на этот счет.

Жизнь моя теперь идет тихо и спокойно. Много работаю — я снова служу в Институте Истории Академии Наук, и часто вспоминаю недавнее прошлое, тесно связанное с Вами. А писем Ник[олая] Пр[окофьевича] Вам так и не попало под руку?

Шлю Вам самый дружеский, сердечный привет. Передайте мой поклон Наталии Егоровне. Муж мой просит передать Вам его поклон.

Душевно преданная *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 51–51зв. Авторизованый машинопис.

* Місце написання листа встановлено за змістом.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 247

19 вересня 1940 р., Київ

Київ, Тарасовская, 20, [кв.] 5

19.IX. [19]40

Дорогой Владимир Иванович.

В скором времени, если ничто не помешает, я буду в Москве. На 11 октября в Институте Истории назначена моя защита диссертации⁶²⁸. Приеду я, очевидно, на несколько дней и одним из главных удовольствий, которым манит меня Москва, является свидание с Вами. Я не знаю, когда приеду, не знаю, где меня устроит Институт, вероятно, в доме ученых, но я надеюсь, что мне удастся увидеть Вас и познакомиться с Наталией Егоровной. Я боюсь одного — что Вы уедете на это время из Москвы. Уже полтора года прошло с нашего свидания в Киеве.

Не нужно ли Вам что-нибудь привезти из Киева? Кого-либо о чем-либо спросить. Я же не всегда так неудачно исполняю поручения, как в Полтаве. Получили ли Вы все же сведения о Ваших рукописях⁶²⁹?

Если я могу быть чем-либо полезной Вам — напишите мне. Я думаю выехать 7–8 октября, значит, обмен письмами еще может состояться.

Шлю Вам и Наталии Егоровне мой сердечный привет.

Душевно преданная *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 54–54зв. Авторизованый машинопис.

В.І. Вернадський — Н.Д. Полонській-Василенко

№ 248

26 вересня 1940 р., Москва

Москва

26.IX. [1]940

Дорогая Наталия Дмитриевна,

Только что получил Ваше письмо и очень будем рады повидать Вас. Мы оба с Натальей Егоровной сейчас лежим. Она еще в клинике и, надеюсь, скоро оттуда приедет домой. Третьего июля в санатории «Узкое», где мы были, она упала в комнате и сломала бедренную кость. Удалось поместить ее сейчас же в хорошие условия в Кремлевскую больницу и сейчас она находится на поправлении. Надеюсь, скоро перевезем ее домой⁶³⁰. Я вот уже неделю лежу и потому Вам диктую — сердечное заболевание, связанное с повышением t⁰, к которому врачи относятся с большой осторожностью. Но я надеюсь, что скоро уже встану, т. к. второй день t⁰ нормальная.

У меня к Вам большая просьба. Если можете, то зайдите или вызовите к себе мою двоюродную сестру Лидию Александровну Неелову⁶³¹, беспомощную

старуху (Пушкинская, 35, кв. 12). Я защитил через Богомольца права на ее квартиру, видел ее в последний приезд, а теперь оказывается, что квартира числится за ее сожительницей Ивановой, которая была более бодра, чем она, и которая недавно умерла. Лидия Александровна (более 70-ти лет)* очень болезненна и беспомощна, и я боюсь, чтобы ее не обидело домоуправление.

Мне очень совестно беспокоить Вас этим, но зная Ваше доброе отношение ко мне, я, не сомневаясь, к нему обращаюсь. Очень надеюсь, что во время Вашего пребывания в Москве мы больше с Вами увидимся**, чем в последний раз в Киеве⁶³².

Ваш *В. Вернадский*

Москва 2, Дурновский пер., д. 16.

ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 97–97зв. Авторизований рукопис.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 249

17–18 листопада 1940 р., [Київ]***

17.XI. [19]40

Дорогой Владимир Иванович.

Бесконечно порадовали Вы меня Вашим письмом⁶³³. Я так рада, что Вы победили эндокардит, я считаю, что из всего ассортимента сердечных болезней это самый тяжелый вид. Эндокардит ни на минуту не дает забыть про себя, как забываешь про миокардит. Может, оно и лучше — пока не покончишь с ним, не считаешь себя здоровым, тогда как миокардит часто остается недолеченным именно потому, что его не так остро ощущаешь. У меня эндокардит, по словам врачей, перешел в свою естественную конечную форму, в стеноз... Но это мне уже не мешает.

Записки Ник[олая] Прок[офьевича] я не получила, их задержала на время жена Л[еонида] Ник[олаевича] (киевская), но я надеюсь получить их. Вы совершенно правы во всем, что пишете о них и о Ник[олае] Прок[офьевиче]. В свое время я много сокрушалась о том, что Ник[олай] Прок[офьевич] уделил столько времени и сил на писание первой части, и не продолжил воспоминаний после 1890 года. Но... Вы же знаете, где он их писал⁶³⁴? У него не было никаких материалов, а воспоминания давали ему смысл и радость жизни. Сначала ведь он написал вторую часть — Дерпт и Полтаву, а потом вернулся к детству.

Вы совершенно правы и в Вашей оценке самого Ник[олая] Прок[офьевича] по отношению к его среде. Он чудом вышел такой, какой он был. Его семья

---

* Слова (более 70-ти лет) дописано над рядом у примірнику цього листа, що зберігається в АРАН (ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 57–57зв.).

** Далі дописано рукою Вернадського. Сам лист надиктований, очевидно, Ганні Дмитрівні Шаховській, секретарю академіка з 1938 р.

*** Місце написання листа встановлено за змістом.

осталась такою, какою он ее описывал. И даже Костя⁶³⁵ (Вы ведь знаете его?) гораздо больше хранит черт этой родственной среды.

Я сама думала поступить так, как советуете Вы — положить в какой-то архив один из экземпляров. Не знаю только, куда?

С 1890 года биографию Ник[олая] Прок[офьевича] написала я сама по документам и письмам, которые сохранились. Как только хотя немного освобожусь от обязательной работы, начну переписывать ее и пришлю Вам на прочтение. Я довела биографию почти до конца, во всяком случае много хорошо известного Вам вошло в нее.

Я очень, очень рада была побывать у Вас и познакомиться с Наталией Егоровной и очень жалею, что так неудачно — в отношении здоровья Вашего и Наталии Егоровны — попала в Москву.

В других отношениях поездка моя в Москву была чрезвычайно удачна. Часть моей диссертации будет печататься в Исторических записках московского института истории⁶³⁶, часть — в Историке-Марксисте. В моем Ин[ституте]те меня встретили очень тепло и начальство, и товарищи. У нас на квартире был небольшой «банкет» для моих товарищей и начальства, словом, все прошло очень хорошо. Мне немедленно же предложили читать «спецкурс» в Университете — по моей диссертации и я согласилась и уже читаю.

Вчера (я кончаю письмо 18) был у нас Аг[афангел] Ефим[ович], поклон Ваш передала и передаю его Вам. Он будет в Москве 2<-го> — едет для получения ордена⁶³⁷. Вообще, он вышел из полосы забвения его заслуг, сейчас с ним очень считаются и относятся с большим уважением: особенно восхищаются им его многочисленные аспиранты, на которых он тратит массу времени и внимания.

Шлю вам и Наталии Егоровне мой сердечный привет и пожелания бодрости и здоровья. Александр Михайлович просит передать его поклон. При нашей встрече я не успела рассказать Наталии Егоровне, что он был ведь очень хорош с Ег[ором] Ег[оровичем]⁶³⁸.

Душевно Ваша *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 52–53зв. Авторизованый машинопис.

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 250

26 січня 1941 р., [Київ]*

26.І. [19]41

Дорогой Владимир Иванович.

Как поживаете? Как Ваше здоровье? Как здоровье Наталии Егоровны? Дайте мне как-нибудь весточку о себе, а заодно — и пришлите обещанные мне отписки Ваших работ — помните, Вы мне обещали их прислать?

* Місце написання листа встановлено за змістом.

Недавно, 15.I. слышала Вашу телеграмму, в которой Вы приветствовали Аг[афангела] Ефим [овича]. Я была на его юбилее. Программу его Вы, вероятно, получили. Все было по программе, но торжественная часть заседания проходила в высшей степени хорошо. Сам юбиляр своими «жартами» после официальных речей разгонял настроение несколько чопорной торжественности, какая обычно бывает на таких заседаниях. Он вносил несколько скептический и даже шуточный оттенок, смягчающий выпренность приветствий. Так, после прочтения ему очень красивого стихотворения на арабском языке, присланного ему из Назарета, в котором его сравнивали с непересыхающим источником, питающим Назарет, он заметил, что автор письма — поэт, а всі поети «брешуть, та й сама поезія — брехні». После того по программе вышел читать приветственное стихотворение Тычина: он начал словами, что читать стихи после заявления Аг[афангелу] Ефим[овичу] поэту очень трудно, но его успокаивает то, что сам Аг[афангел] Ефим[ович] тоже ведь поэт... Общий смех и рукоплескания. Необычный и экзотический характер вносили приветствия и ответы Аг[афангела] Ефим[овича] на арабском и турецком языках. В своем последнем слове Аг[афангел] Ефим[ович] очень хорошо рассказал эпизод из прошлого Киева — юбилеев Лысенко и Нечуй-Левицкого, подчеркнув, что вообще словам, говоренным во время юбилеев нельзя верить... После заседания был ужин, на котором я тоже была, но он прошел в очень тяжелой атмосфере: один из последних выступавших, акад[емик] Соколов⁶³⁹, скончался от разрыва сердца, об этом знали все, кроме юбиляра, и всем было тяжело на торжественном банкете. Тут Аг[атангел] Юх[имович] тоже много говорил, но менее удачно. Приезжих было мало, мне даже кажется, не было никого, кроме акад[емика] Крачковского с женою⁶⁴⁰. Он говорил много и всех очаровал. Юбиляру по случаю юбилея обещана квартира, но он ее еще не получил.

Рассказывал он нам о посещениях Вас, говорил, что Вы уже совсем поправились, когда он был у Вас?

У нас в нашем Институте большая новость: организована комиссия для изучения истории Киева и издания подробной истории его. Во главе ее поставлена я. Идея эта очень увлекает меня, теперь мы формируем основную комиссию, подбираем состав авторов, будем составлять программу всех 4 томов, проспект издания. Я мечтаю, что Вы не откажете дать мне маленькую статейку о Киеве: м[ожет] б[ыть], о начале Академии Наук? а, м[ожет] б[ыть], и еще что-либо. Как только дело оформится, я пришлю Вам подробный проспект работы. Теперь я все припоминаю возможных авторов: хочется привлечь всех, кто может быть полезен в таком деле. Мы хотим дать хотя бы краткую историю всех культурных и научных учреждений Киева, краткие биографии всех выдающихся людей Киева.

Недавно поминали Вас «не злым, тихим словом» — собрались случайно у нас: Мар[ия] Карповна⁶⁴¹, Спасокукутский⁶⁴², Крымский: все Ваши друзья и почитатели.

Шлю Вам и Наталии Егоровне сердечный привет. Муж мой просит передать Вам его поклоны.

Ваша *Н. Василенко-Полонская*

Н.Д. Полонська-Василенко — В.І. Вернадському

№ 251
Б/д, [Київ]*

Дорогой Владимир Иванович.

Шлю Вам сердечный привет и очень прошу Вас помочь — как сможете — моим друзьям. На днях буду писать Вам, а пока шлю привет.

Душевно преданная *Н. Полонская-Василенко*

АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 235, арк. 58.

Коментарі

¹ *Василенко Микола Прокопович (1866–1935)*, історик держави і права, громадський та політичний діяч. Закінчив 1890 р. історико-філологічний факультет Дерптського (Юр'євського, тепер Тартуський) університету, отримав ступінь кандидата історії за роботу «Критический обзор литературы по истории земских соборов». Як член Київської Громади (згодом Товариство українських поступовців (ТУП) брав активну участь в українському національному русі. Плідно співпрацював з журналом «Киевская старина». 1905 р. редагував газету національно-демократичного напрямку «Киевские отклики», на сторінках якої відстоював ідею української державності, за що був засуджений до однорічного ув'язнення. Після звільнення склав екстерном іспити за курс юридичного факультету в Новоросійському університеті (Одеса). Від 1908 р. член УНТ в Києві, редактор його «Записок». 1909 р. обраний приват-доцентом Київського університету, але позбавлений права викладати (зазнав переслідувань за політичними мотивами — його звинувачували в українському сепаратизмі). 1917 р. обраний попечителем Київського учбового округу. Від січня 1918 р. член колегії Генерального суду. Належав до Конституційно-демократичної партії (кадетів). У травні 1918 р. затверджений гетьманом П. Скоропадським міністром освіти і тимчасово в. о. міністра закордонних справ, а від липня 1918 р. президент Державного сенату Української Держави. Один із засновників УАН, академік (1920), голова Соціально-економічного відділу (1922–1929). Другий президент УАН (1921–1922), хоча й не затверджений радянською владою. Очолював Постійну комісію для вивчення західноруського та українського права. У 1923 р. заарештований, 8 квітня 1924 р. за звинуваченням «за участь у контрреволюційній організації «Київський обласний центр дії» був засуджений до 10 років. За клопотанням УАН амністований.

Основні праці: *Василенко М.П.* Вибрані твори у трьох томах. — К.; Юридична думка, 2006–2008. — Т. 1: Історичні праці. 2006. — 608 с.; Т. 2: Юридичні праці. 2006. — 560 с.; Т. 3: Спогади. Щоденники. Листування. 2008. — 720 с.

Література: *Вороненко В.В., Кістерська Л.Д., Матвєєва Л.В., Усенко І.Б.* Микола Прокопович Василенко. — К., 1991. — 272 с.; *Усенко І.Б.* Етапи життя і творчості М.П. Василенка // Вибрані твори у трьох томах. — К., 2006. — Т. 1: Історичні праці. —

* Місце написання листа встановлено за змістом.

С. 5–24; Рудько С.О. Суспільно-політична діяльність Миколи Василенка: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Національний ун-т «Острозька академія». — Острог, 2007. — 191 арк.

² Паніна Софія Володимирівна (1871–1956), з 1917 р. член ЦК кадетської партії, товариш міністра народної освіти в останньому складі Тимчасового уряду, 28.11–19.12.1917 р. була заарештована більшовиками. Входила до «Національного центру», активно допомагала Білому руху. В еміграції з 1920 р. (Див. про неї: *Lindenmeyr A. The First Soviet Political Trial: Countess Sofia Panina before the Petrograd Revolutionary Tribunal // The Russian Review.* — 2001. — V. 60, № 4. — P. 505–525).

³ Очевидно, йдеться про Старицьку (уроджена Васькова-Примакова) Єлисавету Петрівну (?–1921), дружину Георгія Єгоровича Старицького (від 1902 р.). М.П. Василенко був знайомий з нею з дитинства.

⁴ Йдеться про ультиматум більшовицького уряду Росії — «Маніфест до українського народу з ультимативними вимогами до Української Ради» (за підписом В. Леніна і Л. Троцького) від 4 (17) грудня 1917 р. Від українського уряду вимагали фактично безумовної підтримки більшовиків. На відповідь давалося 48 год. У разі відмови РНК Росії вважатиме УЦР в стані відкритої війни проти радянської влади в Росії та Україні. Наступного дня Генеральний Секретаріат надіслав свою відповідь. (Див.: *Тинченко Я. Перша українсько-більшовицька війна (грудень 1917 — березень 1918).* — К.; Львів, 1996; *Солдатенко В.Ф. Україна в революційну добу: історичні есе-хроніки: У 4 т.* — Т. 1: Рік 1917. — К., 2010).

⁵ Вибори до Українських Установчих зборів були призначені на 27 грудня 1917 р., день скликання — на 9 січня 1918 р. Проте власне вибори проходили вже в умовах війни з більшовиками і не були завершені. Було обрано 172 депутати на 301 депутатське місце. Після повернення до Києва УЦР ухвалила провести вибори там, де вони не відбулися, і призначила скликання зборів на 12 травня. З припиненням діяльності УЦР вони так і не були скликані.

⁶ Йдеться про арешт С.В. Паніной 28 листопада 1917 р. на підставі декрету РНК про «віддання під суд ревтрибуналів членів керівних установ партії кадетів». Як одна з керівників кампанії за скликання Установчих зборів Паніна відмовилася передати радянській владі кошти Міністерства народної освіти — вона перевела їх в іноземний банк і вимагала видати тільки «законному режиму». 10 грудня 1917 р. ревтрибунал, враховуючи заслуги С.В. Паніной перед російським визвольним рухом, обмежився громадським осудом, зобов'язавши повернути кошти Наркомосу. 19 грудня її звільнили з в'язниці.

⁷ Партія кадетів набрала, наприклад, в Київській губернії 1,9% голосів у той час, як різні соціалістичні партії понад 78%, національні списки — майже 8,9% голосів, більшовики — 4%. Кадети в цілому в Російській республіці отримали підтримку лише 4,5% виборців. (Див.: <http://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/r/russia/1917-uchreditelnoe-sobranie-russia.html>).

⁸ Бубнов Микола Михайлович (1858–1943), історик-медієвіст. Закінчив Петербурзький університет. Від 1891 р. екстраординарний професор, 1895 р. ординарний професор Київського університету. Від 1905 до 1917 р. тричі обирався деканом історично-філологічного факультету. В листопаді 1919 р. виїхав до Одеси, а потім емігрував. Професор Люблянського університету.

⁹ Грушевський Олександр Сергійович (1877–1943), історик, літературознавець, етнограф. Брат М.С. Грушевського. Приват-доцент Новоросійського, Московського, Петербурзького, Українського народного університетів, професор Київського університету. Див. також коментар № 28 у розділі листування В.І. Вернадського з М.С. Грушевським в цій книзі.

¹⁰ Йдеться про Аріадну Тиркову-Вільямс (1869–1962), письменницю, члена ЦК кадетської партії, в еміграції в Англії і США; а також про її чоловіка (від 1906 р.) Гарольда Вітмоора Вільямса (1876–1928), відомого британського журналіста.

¹¹ Під такою останньою назвою (раніше під назвами «Свободная речь», «Новая речь», «Век») видавалася в 1917–1918 рр. заборонена після більшовицького перевороту газета «Речь», головний орган кадетської партії. «Наш век» закрили 3 серпня 1918 р.

¹² Статтю не було написано. Основні її тези див.: *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — К., 1994. — С. 189–190.

¹³ Цікаво порівняти розвиток поглядів В.І. Вернадського 1917–1919 рр. щодо автономії і місцевого врядування: див. його статті «Об автономии» (1917) та «Об организации местной власти» (кінець 1919 р.): Т. 1, кн. 2. — С. 230–237.

¹⁴ Сім'я Вернадських володіла невеличким «мастком» на лівому березі р. Псьол на так званій Бутовій горі з ділянкою лісу в районі дачного містечка Єреськи (близько 7 верст від волосного містечка Шишаки) загальною площею майже 12 десятин. Цей масток В.І. Вернадський купив в травні–червні 1913 р. у Миколи Григоровича Вірського за 6 тис. руб. (АРАН, ф. 518, оп. 2, спр. 157, арк. 342–346). Тут в 1913–1914 рр. було зведено невеликий будинок у два поверхи. Наприкінці громадянської війни дача була пограбована і спалена. Сьогодні є наміри відновити будинок. (Див.: *Губарь В.М.* Меморіальні заходи з увічнення пам'яті В.І. Вернадського на Полтавщині (до 147-річчя від дня народження вченого) // Біосферно-ноосферні ідеї В.І. Вернадського й еколого-економічні та гуманітарні проблеми розвитку регіонів, міжнар. наук.-практ. конф. — Кременчук, 2010. — С. 5–16).

¹⁵ Черненко Микола Миколайович (1863–?), економіст, один з найбільш видатних представників земської статистики в Росії, кадет, товариш міністра землеробства в уряді Української Держави. Завідувач статистико-довідкового бюро при керуючому справами денікінської Особливої наради.

¹⁶ Герасимов Петро Васильович (1877–1919), адвокат, публіцист, кадет, депутат III і IV Державної Думи. Після Лютневої революції 1917 р. в ЦК партії кадетів відповідав за агітацію проти розвалу армії більшовиками. Один з керівників антибільшовицького «Національного центру». У 1919 р. заарештований і розстріляний в Москві.

¹⁷ Степанов Василь Олександрович (1872–1920), гірничий інженер, кадет, депутат III і IV Державної Думи. Товариш міністра торгівлі і промисловості в Тимчасовому уряді. Член «Національного центру». Член денікінської Особливої наради. Помер на шляху до Марселя.

¹⁸ Свечин Олексій Олександрович (1865–1929), полковник у відставці, юрист, земський діяч, кадет, депутат I Державної Думи від Чернігівської губернії. У 1917 р. очолював Чорноморську піхотну дивізію. В еміграції у Франції.

¹⁹ Тут і далі в листах із згадуванням імені Ніна, Ніночка, Н.В. йдеться про дочку академіка — Вернадську (в заміжжі Толль) Ніну Володимирівну (1898–1986). У роки громадянської війни вона жила з батьками в Україні. Разом з ними виїхала 1922 р. з Радянської Росії і залишилася в еміграції в Чехословаччині. Закінчила медичний факультет Карлового університету. Працювала в представництві Російського Червоного хреста в Празі. У 1926 р. вийшла заміж за археолога М.П. Толля (про нього див. коментар № 305 до цього розділу). У 1939 р. вони переїхали в США, де в 1940–1953 рр. Н.В. Вернадська-Толль працювала в психіатричній клініці під Бостоном.

²⁰ В.І. Вернадський залишив Петроград 19 листопада, дружина Наталія Єгорівна приїхала в Полтаву лише 24 грудня 1917 р.

Тут і далі в листах часто згадується Н.Е. (Н. Ег., Нат. Ег. тощо) — Наталія Єгорівна Вернадська (дівоче Старицька) (1860–1943), дочка відомого державного діяча, юриста Єгора Павловича Старицького. Закінчила гімназію в Тифлісі, навчалася на Вищих жіночих курсах у Петербурзі. Вийшла заміж за В.І. Вернадського в 1886 р. Брала участь у просвітницькій та благодійній роботі в 1890-х роках, в 1905–1907 рр. була технічним

секретарем Московського комітету конституційно-демократичної партії. Допомогала Володимирі Івановичу в перекладах і редагуванні його праць. Померла в евакуації, в с. Борове (Акмолинська обл. Казахської РСР), де й похована. В 1988–2007 рр. видано 5 томів листів В.І. Вернадського до Наталії Єгорівни за 1886–1940 рр.

²¹ Йдеться про книгу «Жива речовина в земній корі і її геохімічне значення», яку Вернадський готував упродовж 1916–1922 рр. Основна частина рукопису опублікована в 1978 р.: *Вернадский В.И. Живое вещество*. — М., 1978. — 400 с.

²² Див. коментар № 12 до цього розділу.

²³ Щоденна газета «Полтавский день» виходила в 1913–1917 рр. Була закрита після того, як 18 листопада 1917 р. вийшла з білими шпальтами і лише однією фразою: «Редакція протестує проти воскресіння політичної цензури». Вернадський і полтавські кадети планували відновити видання. Це вдалося лише в травні 1918 р.

²⁴ Стешенко Іван Матвійович (1873–1918), педагог, літературознавець і письменник. Окружний інспектор Київської шкільної округи (1917). Один з організаторів УЦР, генеральний секретар освіти (1917–1918). В січні 1918 р. разом з урядом В. Винниченка пішов у відставку. Працював головним інструктором Міністерства освіти. У червні 1918 р. перебував у Полтаві, де був смертельно поранений невідомими злочинцями.

Мартос Борис Миколайович (1879–1977), кооператор, член УСДРП. 1917 р. член УЦР, генеральний секретар земельних справ. 1918 р. голова Управи Центрального українського кооперативного комітету. За Директорії міністр продовольчих справ, голова уряду, міністр фінансів. З 1920 р. в еміграції (Німеччина, Чехословаччина, США).

²⁵ Науменко Володимир Павлович (1852–1919), філолог, етнограф, педагог. Редактор і видавець журналу «Киевская старина» (1897–1906); один з фундаторів УНТ; фундатор і голова УФДП; член УЦР. Міністр освіти в уряді гетьмана П. Скоропадського (1918). Розстріляний Всеукраїнською ЧК як «бувчий міністр гетьманський» (8 липня 1919 р.). Докладніше про В.П. Науменка див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

²⁶ *Z dziejów Ukrainy: księga pamiątkowa ku czci Włodzimierza Antonowicza, Paulina Święcickiego i Tadeusza Ryłskiego / pod red. Waclawa Lipińskiego*. — Kijów, 1912. — XXIV, 675 s.

²⁷ *Огієнко І. Вчімося рідної мови: Нариси про мову українську*. — К.: Вид-во книгарні Є. Череповського, 1918. — 47 с.

²⁸ Листа М.П. Василенка не знайдено.

²⁹ Йдеться про події після зайняття Києва 26 січня 1918 р. радянськими військами на чолі з М. Муравйовим. Розпочався масовий «червоний терор», жертвами якого стало до 5 тис. людей. Було проголошено Українську робітничо-селянську республіку — до Києва переїхав з Харкова радянський уряд. Членів УЦР було оголошено кримінальними злочинцями, а їхнє майно реквізовано. Панування більшовиків тривало в Києві три тижні, 15(28) лютого вони залишили місто. Владу УЦР вдалося врятувати й повернутися до Києва лише за допомогою країн Четверного союзу після укладення в Бресті миру.

³⁰ Так В.І. Вернадський сприйняв умови Брестського миру, підписаного 27 січня (9 лютого) 1918 р. між УЦР і країнами німецько-австрійського блоку. За його умовами Україна вийшла зі стану війни з країнами німецько-австрійського блоку, Німеччина та Австро-Угорщина зобов'язалися допомогти УЦР відновити контроль над усією територією УНР — Рада погодилася на введення німецько-австрійських військ в Україну. Рада взяла на себе обов'язок поставити союзникам велику кількість хліба, м'яса, яєць та інших продуктів і сировини. Радянська Росія, підписавши власний мир з країнами Четверного союзу, змушена була визнати незалежність УНР. Протягом лютого–квітня 1918 р. німецько-австрійські війська (450 тис.) окупували всю Україну. УЦР повернулася до Києва 7 березня.

³¹ Йдеться про розгін Всеросійських Установчих зборів більшовиками в ніч на 6 (19) січня 1918 р. і залишення П.М. Мілюковим посади голови ЦК кадетської партії.

³² Влада розглядала питання щодо приєднання Вченого сільськогосподарського комітету Міністерства землеробства до Академії наук та її вчених установ. Обговорювалася також можливість перетворення Вченого сільськогосподарського комітету на Російський інститут сільськогосподарських наук. (Див.: СПб. архів РАН, ф. 1, оп. 1а — 1918, спр. 189, арк. 189, 199). Влітку 1917 р. В.І. Вернадський був обраний головою реорганізованого Тимчасовим урядом Сільськогосподарського вченого комітету Міністерства землеробства, заснованого ще в 1837 р.

³³ Очевидно йдеться про кн.: *Огієнко І.* Українська культура: коротка історія культурного життя українського народу. Курс читаний в Українському народному університеті. — К.: Вид-во книгарні Є. Череповського, 1918. — 272, [2] с. (репринт: К., 1991).

³⁴ Перетц Володимир Миколайович (1870–1935), літературознавець, фольклорист, мовознавець, академік Петербурзької АН (1914) і УАН (1919). Закінчив Петербурзький університет. Професор Київського університету. У 1918–1921 рр. в Самарі брав участь в організації першого вузу — Педагогічного інституту, в роботі музею і архіву. З 1921 р. — в Петрограді, керував Товариством дослідників української історії, письменства та мови. Засуджений у справі «Российской национальной партии» («справа славістів»). 1934 р. висланий на 3 роки до Саратова, де займався дослідженням рукописів у бібліотеці університету. Докладніше про В.М. Перетца див. у коментарях до його листування з В.І. Вернадським в другій книзі цього видання.

³⁵ Імшенецький Яків Кіндратович (1858–1938), полтавський земський діяч, статистик, публіцист, начальник відділу Полтавської казенної палати. Депутат І Державної Думи, член ЦК партії кадетів. Очолював Товариство взаємного кредиту в Полтаві, місцеву кадетську парторганізацію. Після громадянської війни працював в радянських установах. У 1938 р. засуджений до розстрілу. У щоденнику під 10 травня 1938 р. В.І. Вернадський занотував: «Из Полтавы сообщают, что там сплошные аресты и террор среди старых людей и совершенно не связанных с современным движ[ением]. Арестован Я.К. Имшенецкий — старый земец и кадет. Он за 80 лет, стал очень богомолен — друг [В.Г.] Короленко. «Молился и писал мемуары». Не за мемуары ли он арестован? Раньше был арестован его сын — А.Я. Имшенецкий (юрист Олександр Якович Імшенецький (1887–1967). — *Укл.*). Оба очень хорошие люди. Я.К. [Имшенецкий] — оригинальный и умный человек — филателист (?)» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1935–1941. — М., 2006. — Кн. 1. — С. 312).

³⁶ Григорович-Барський Дмитро Миколайович (1871–1958), адвокат, голова Київської судової палати (1917). Брав участь в захисті М. Бейліса. Член ЦК кадетської партії. Очолював її київський обласний комітет, 1918 р. був обраний очільником Головного українського комітету партії конституційних демократів. Емігрував, жив у Берліні, Парижі, очолював Об'єднання російських адвокатів, з 1939 р. у США.

³⁷ «Киевская мысль», щоденна політична та літературна газета ліволіберального напрямку. Видавалася в Києві російською мовою в 1906–1918 рр.

³⁸ Делянов Іван Давидович (1818–1898), міністр народної освіти (1882–1888), автор проекту русифікації початкової та середньої освіти в національних окраїнах Росії та інших антидемократичних заходів.

³⁹ Плеве В'ячеслав Костянтинович (1846–1904), державний секретар Росії (1894–1899), міністр внутрішніх справ і шеф жандармів (1902–1904). Був убитий есеро-терористом Є. Сазоновим.

⁴⁰ 6 березня Мала Рада прийняла закон про адміністративно-територіальний поділ України, за яким поділ на губернії скасовувався, а територія УНР поділялася на 32 землі. Сюди увійшли, в тому числі, й спірні території (Підляшшя з центром у Бересті, Дрего-

вищка земля з центром у Мозирі, Стародубський повіт на Сіверщині, Острогозький, частини Корочанського повітів на Подонні). (Див.: Українська Центральна Рада: Документи і матеріали: у 2-х т. — К., 1997. — Т. 2. — С. 181–182). Організація поділу не була завершена. Проіснувала майже 2 місяці до 29 квітня 1918 р. й була скасована за гетьманату П. Скоропадського. Відбулося укрупнення одиниць — з'явилося всього два округи та 9 губерній. А Київ, Одесу, Миколаїв було виділено в окремі адміністративні одиниці. (Див.: *Шабельников В.І.* Реформування адміністративно-територіального устрою України в 1917–1940. — Донецьк, 2006; *Бойко О.Д.* Формування території української незалежної держави в часи Української революції (1917–1921). — К., 2007).

⁴¹ Ймовірно, йдеться про повстання 1846 р. жителів Познані проти німецького панування і антипольської політики пруської монархії.

⁴² «Наша мысль», полтавська щоденна газета, орган п'яти соціалістичних партій, виходила в лютому 1918 р. Її закрили німці 6 травня того ж року.

⁴³ «Вільний голос», щоденна соціалістична газета, виходила з квітня 1918 р. до кінця цього року.

⁴⁴ Церетеллі Іраклій Георгійович (1882–1959), один з лідерів та ідеологів меншовизму. Міністр внутрішніх справ Тимчасового уряду (липень), пошти і телеграфу (травень–серпень). З 1921 р. в еміграції. (Див. також: *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — С. 37–39).

⁴⁵ Йдеться про С.В. Паніну. Див. коментар № 2 до цього розділу.

⁴⁶ Ставлення Вернадського до планів полтавських кадетів стосовно оновленої партії висвітлено в: *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — С. 67–68, 71, 73–74, 236.

⁴⁷ В.І. Вернадський занотує в щоденнику: «С Имшенецким и Бельговским (Леонід Іванович, земський діяч, кадет. — Укл.) обсуждали обращение и платформу украинской партии народной свободы. С ними интересный разговор об украинском языке и украинском вопросе. Оба себя считают украинцами, но считают, что культура духовная общая — Толстой, Тургенев, Гончаров столь же родные украинскому мужику, как и великорусскому. Я в этом во многом с ними согласен, но считаю, что их отношение к украинскому языку недостаточное» (*Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — С. 71).

⁴⁸ Див. коментар № 21 до цього розділу.

⁴⁹ Докладніше див.: Т. 1, кн. 2. — С. 112–114.

⁵⁰ Вернадський Георгій Володимирович (1887–1973), історик, з вересня 1917 по серпень 1918 р. викладав в Пермському університеті, професор Таврійського університету (1918–1920). Завідувач відділу друку в уряді П.М. Врангеля. В еміграції в Константинополі, потім в Афінах, де в 1921–1922 рр. працював бібліотекарем в археологічному товаристві. У березні 1922 р. переселився до Праги, потім з 1927 р. викладач Йельського університету в США.

⁵¹ Йдеться про Музей педагогічного бюро губернського земства, який 1929 р. увійшов до складу Центрального пролетарського музею Полтавщини (сьогодні — Полтавський краєзнавчий музей, його засновано ще 1891 р.). Як зазначала Ніна Володимирівна Вернадська в одному з листів 1917 р., вона працювала в музеї в будинку Полтавського земства під керівництвом М.Я. Рудинського. (АРАН, ф. 518, оп. 2, спр. 43, арк. 111–113).

⁵² Йдеться про насильницьку русифікаторську політику, яку серед інших пропитували і здійснювали Михайло Никифорович Катков (1818–1887), публіцист, критик, редактор і видавець «Русского вестника» і «Московских ведомостей», один з ініціаторів Емського указу стосовно обмежень вживання української мови в Російській імперії; а також Костянтин Петрович Победоносцев (1827–1907), юрист, обер-прокурор Синоду

(1880–1905), який багато років визначав урядову політику щодо освіти та національного питання.

⁵³ Юзефович Михайло Володимирович (1802–1889), попечитель Київського учбового округу, голова Київської археографічної комісії. Юзефовича вважають ідеологом Емського указу, виданого після його «доносу» під назвою «О так называемом украинофильском движении».

Флоринський Тимофій Дмитрович (1854–1919), відомий філолог-славіст, професор Київського університету, член-кореспондент Петербурзької АН. Голова київського цензурного комітету. Засновник Клубу російських націоналістів у Києві. Стояв на жорстких антиукраїнських позиціях. Розстріляний ВЧК. Автор кн.: Несколько слов о малорусском языке (наречии) и новейших попытках усвоить ему роль органа науки и высшей образованности. — К., 1899; Малорусский язык и «украинско-русский» литературный сепаратизм. — СПб., 1900. — 165 с.

⁵⁴ Йдеться про з'їзд кадетської партії, що проходив 8–11 травня 1918 р. в Києві. Було утворено Головний український комітет партії, незалежний від Всеросійського Головного комітету. (Див.: *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — С. 83–84, 238; *Якулов М.* Партія кадетів та Українська держава гетьмана П. Скоропадського // Всеукраїнська науково-практична конференція «Південь України і складання української державності: історія і сучасність». — Одеса, 1994. — С. 133–146).

⁵⁵ М.П. Василенко на той час (від 3 до 20 травня) тимчасово виконував обов'язки міністра закордонних справ Української Держави, а також від 3 травня — міністра народної освіти.

⁵⁶ Старицький Григорій Олександрович (1881–1955), юрист, мировий суддя в Полтаві (1916). Емігрував в 1920-х роках; жив в Болгарії, а потім у США, працював у бібліотеці Йельського університету. Син Олександра Павловича Старицького.

⁵⁷ Під час перебування в Києві В.І. Вернадський отримав пропозицію міністра М.П. Василенка щодо роботи з організації вищої школи та створення Академії наук в Українській Державі і відразу зафіксував в щоденнику (11–12 травня) основні ідеї щодо такої праці. (Див.: *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — С. 85–85). Далі він продовжує виклад попередньої програми роботи в листі, даючи згоду очолити комісії (протоколи засідать обох комісій та інші документи див.: Т. 1, кн. 1).

⁵⁸ Йдеться про філію Київського університету в Криму. Докладніше див.: *Лавров В.В., Ишин А.В.* Летопись создания Таврического университета: 1916–1921 // Крымский архив. — Симферополь. — 2003. — № 9. — С. 98–137.

⁵⁹ Йдеться про незреалізований проект створення вищого навчального закладу за багатомільйонні пожертвування, що їх заповів Сергій Миколайович Калачевський (1849–1911), який володів у Криворізькому районі (Херсонська губернія) залізним рудником. Докладніше про це див.: Т. 1, кн. 1. — С. 192, 200, 577.

⁶⁰ На той час жваво обговорювалося питання реформування Історико-філологічного інституту кн. Безбородька — перетворення на державний університет, українізації вузу. (Див.: *Мируненко О.М.* Творення мережі національної вищої школи за часів владування П. Скоропадського // Українське державотворення: Словник-довідник. — К., 1997. — С. 436–441; Протокол первого заседания Комиссии по высшим учебным заведениям и ученым учреждениям Украины 20 июня 1918 // Т. 1, кн. 1. — С. 493–497).

⁶¹ Див. коментар № 23 в розділі листування В.І. Вернадського з Д.І. Багалієм.

⁶² У щоденнику В.І. Вернадський використовує датування за двома стилями від першого запису 1918 р. — від 17 лютого /2 березня, але вже від травня зазначає лише новий стиль (виняток — друга половина червня — у щоденнику подвійне датування). Повернеться Вернадський до старого календарного стилю після приходу денікінських

військ до Києва наприкінці серпня 1919 р. Щодо від'їзду до Києва, про що є згадка в листі, то насправді Вернадський виїхав, судячи з записів у щоденнику, 1 червня.

⁶³ Листа М.П. Василенка не знайдено.

⁶⁴ Щодо спроб розв'язання проблеми створення Українського державного університету в Києві і збереження державного статусу Київського університету див.: Т. 1, кн. 1. — С. 118–119, 121, 498, 511, 516, 604–604, 637, 639.

⁶⁵ Учений-хімік і художник Петро Іванович Холодний (1876–1930) залишався на посаді товариша керівника освітнього відомства в 1917–1920 рр. За часів міністра М.П. Василенка очолював погоджувальну комісію щодо питання об'єднання Київського університету та Українського народного університету в один державний університет. 1920 р. Холодний емігрував до Польщі.

⁶⁶ Могілянський Микола Михайлович (1871–1933), професор антропології, заступник державного секретаря Української Держави. Виїхав за кордон на чолі місії України до Франції. Жив у Парижі, Празі. Написав мемуари: *Могілянський Н.М.* Трагедія України (Из пережитого в Киеве в 1918 г.). // Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. — Берлин, 1923. — Т. 11. — С. 74–105. (Репринт. М., 1991. — Кн. 6. Т. 11/12).

⁶⁷ Щодо бібліотеки й колекції видатного антрополога, етнографа й археолога Федора Кіндратовича Вовка (1847–1918), які зберігалися в Петрограді, див: Т. 1, кн. 1. — С. 204, 207, 223, 225, 376, 408, 581, 627.

⁶⁸ Кримський Агатангел Юхимович (1871–1942), філолог, сходознавець, славіст, письменник, орієнталіст, історик української мови, дослідник фольклору, перекладач з арабської та західноєвропейських мов. Академік першого складу УАН (з 14 листопада 1918 р.), її неодмінний секретар. Докладніше про А.Ю. Кримського див. у коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

⁶⁹ Лозієв (Лозіів, Лозеєв) Павло Никифорович (Нечипорович) (1894–1981), сходознавець, іраніст, тюрколог. Закінчив юридичний факультет Московського університету і одночасно Лазаревський інститут східних мов (1917). Учень А.Ю. Кримського, разом з ним прибув до Києва, допомагав у багатьох організаційних справах, зокрема в перевезенні з Москви орієнталістичної бібліотеки. Викладав у вузах Києва, позаштатний постійний співробітник Кабінету арабо-іранської філології Історично-філологічної кафедри ВУАН (1926–1928). Репресований 1933 р. Працював у Таджикистані.

⁷⁰ З початку липня 1918 р. на посаді Державного секретаря Української Держави був відомий юрист, колишній товариш обер-прокурора Св. Синоду Сергій Владиславович Завадський (1871–1943?). Емігрував, викладав у Празі.

⁷¹ 7 грудня о 17.00 розпочалося 3-тє засідання Спільного зібрання УАН (протокол див.: Т. 1, кн. 1. — С. 254–257).

⁷² Про Дмитра Івановича Багалія докладніше див. у коментарях до його листування з В.І. Вернадським в цій книзі.

⁷³ В ніч на 18 листопада владу в Харкові захопив від імені Директорії полковник П. Болбочан. Залізничне сполучення з Києвом було перерване, про що Д.І. Багалій повідомив В.І. Вернадського. Проте німецькі частини в Харкові після революції в Німеччині фактично підтримали більшовиків, які пообіцяли за допомогою Москви забезпечити повернення німців на батьківщину. 11 грудня червона Рада робітничих і солдатських депутатів спробувала здійснити в місті переворот — оголосила себе єдиною владою на Харківщині. Радянські ж війська завдали поразки частинам Директорії під Козакою Лопанню, і вже на початку січня 1919 р. Харків став радянським.

⁷⁴ У спогадах про В.І. Вернадського Наталія Дмитрівна Полонська-Василенко (дружина М.П. Василенка, про неї далі в цьому розділі книги) писала: «Червоний терор 1919 року, жертвою якого стали українські вчені, а серед них видатний політичний,

громадський та науковий діяч В.П. Науменко (розстріляний 8 липня. — *Укл.*), примусив значне число вчених Києва покинути місто і шукати тимчасового притулку десь поза містом. М.П. Василенко оселився на дачі професора, колишнього ректора університету, І.В. Єгорова (Іван Васильович, професор хімії. — *Укл.*). Дача була на березі Дніпра, недалеко від гирла Прип'яті. В.І. Вернадський виїхав до Старосілля, на біологічну науково-дослідну станцію на березі Дніпра <...>. В жакливі дні терору (Лев Троцький, відвідавши Київ у кінці квітня 1919 р., знайшов, що київська «чрезвычайка» слабо працює, і доручив їй розстріляти ряд противників радянської влади з числа української інтелігенції. — *Укл.*) В.І. Вернадський із захопленням досліджував старосільські багнища, і там пощастило йому знайти ключ до проблеми живої матерії, якій присвятив він значну частину свого життя <...>. В архіві М.П. Василенка збереглися два листи з Старосілля, що розповідають про процес дослідження. Цей епізод з життя В.І. Вернадського, ці живописно написані листи дають уявлення про його риси характеру як ученого. У листах цих не було «обивательських» скарг на сучасність, побоювань розправи, яка загрожувала, якщо буде розкритий його притулок. (*Полонська-Василенко Н.Д.* Академік В.І. Вернадський (спогади) // *Хроніка-2000.* — К., 2004. — № 57/58. — С. 497–498). В інших спогадах Н.Д. Полонської-Василенко є й такий запис: «Характерное письмо получено Николаем Прокофьевичем от В.И. Вернадского, попавшего в те же дни на станцию в Староселье» (ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 46, арк. 92). Лист дійсно «характерний» і цікавий. По-перше, він має явно конспіративний характер. Вернадський звертається до Василенка: «Дорогой Иван Петрович»; Иван — ім'я господаря дачі Івана Васильовича Єгорова, де жив тоді Василенко; «Петрович» — перша буква по батькові Василенка — Прокопович, і, по-друге, В.І. Вернадський вперше підписується ініціалами «В.В.». Такі були домовленості і умовності між Вернадським і Василенком.

⁷⁵ В.І. Вернадський фактично «переховувався» в Старосіллі, на біологічній станції, після розстрілу ЧК В.П. Науменка. У щоденнику (запис від 25 січня 1920 р.) він згадував: «Я ушел в Староселье после убийства Науменко. В это время психология была подавленной. Ясно выявилась роль в этом убийстве украинских националистов — большевиков-боротьбистов и украинских эсеров. Из разговоров своих с членами этих партий и сведений из чрезвычайки одновременно, которые мне передавал тогда же Крымский, это было мне несомненным. Начали тогда справляться обо мне как имеюшем связи с Кривошеиным (!) (О.В. Кривошеин восени 1918 р. у Києві був одним із засновників монархічного «Совета государственного объединения России». — *Укл.*) і смішували с Бернацким (М.В. Бернацький був міністром фінансів Тимчасового уряду О.Ф. Керенського, а в 1919–1920 рр. на такій самій посаді в урядах А.І. Денікіна і П.М. Врангеля. — *Укл.*). Одночасно указували, что Академия наук ведет контрреволюционную деятельность и во главе стоит бывший министр Временного правительства и крупный помещик, а Крымского убеждали, что какой я украинец и что они не понимают, что он меня защищает. <...> Я думаю, что те украинские группы, которые сознательно устранили Науменко как лицо, мешавшее их самостоятельности, легко могли — и еще легче — найти ненужным и меня. <...> Поэтому доброжелательные советы тогда скрыты, может быть, и были правильны. Но все ведь это гадание». (*Вернадский В.И.* Дневники, 1917–1921: январь 1920 — март 1921. — К., 1997. — С. 24). У Старосіллі В.І. Вернадський активно працював над проблемою живої речовини й повернувся до Києва вже після взяття його Добармією 18 (31) серпня 1919 р.

⁷⁶ Лічков Борис Леонідович (1988–1966), геолог, учень В.І. Вернадського. Секретар Комісії в справах вищої школи та наукових закладів України. Перший директор, а згодом заступник директора Українського геологічного комітету (1918–1927). Доклад-

ніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

⁷⁷ Звіт, який згадує Вернадський, не був опублікований. В.І. Вернадський висловлює, на наш погляд, емоційну оцінку щодо фальсифікації історії у справі утворення вищої української школи на урочистостях під час відкриття Київського і Кам'янець-Подільського університетів. Див. також: Справа про відкриття Київського і Кам'янець-Подільського університетів. — ДАК, ф. 16, оп. 479, спр. 120.

⁷⁸ Див. у нашому виданні листи В.І. Вернадського до Б.Л. Лічкова від 20 червня 1919 р. і від 5 березня 1921 р.

⁷⁹ Рукопис В.І. Вернадського «Об участии живого вещества в создании почв» зберігається в Інституті рукопису НБУВ: ф. І, од. зб. 26584, арк. 1–20. Автограф. Повністю опубл.: Т. 1, кн. 2. — С. 39–64.

⁸⁰ Старинкевич-Борнеман Ірина Дмитрівна (1890/91–1988), хімік, мінералог, учениця і співробітниця В.І. Вернадського. З ним працювала в Києві (1918–1919), потім в Радієвому інституті. Завідувачка хімічної лабораторії Хібінської гірської станції АН СРСР (1932–1936). На її честь названо новий мінерал — іриніт.

⁸¹ Спочатку В.І. Вернадський розгорнув свою лабораторію на кафедрі органічної хімії (завідувач кафедри професор І.В. Єгоров) Київського університету, а потім в лабораторії при Синдикаті цукрозаводчиків у Києві, організованій агрономом і агробіологом, професором Соломоном Львовичем Франкфуртом. Він був членом кадетської партії. Перед революцією завідував рядом дослідних установ, зокрема дослідною станцією Всеросійського товариства цукрозаводчиків. Член Комісії з організації УАН. Емігрував у Німеччину. За деякими відомостями, працював у керівних органах «Всесвітнього союзу ОРТ», що займався розповсюдженням ремісничої та землеробської праці серед євреїв, 1940 р. переїхав до США.

⁸² Книжковий вісник / Ред. Г.П. Житецький. — К., 1919. — Ч. 1, січ.–бер. — 64 с.; Записки Історично-філологічного відділу Української Академії наук / Під ред. П. Зайцева; за головним ред. Д.І. Багалія. — К., 1919. — Кн. 1. — 144, LCVI с.

⁸³ Ківлицький Євген Олександрович (1861–1921), історик, видавець, бібліотекознавець. Співробітник редакцій та газет, в тому числі у журналі «Киевская старина» — головний редактор (1889–1893). Був інспектором Київського учбового округу (1917) та завідувачем справами російської школи в Департаменті народної освіти УНР (1918). Голова Ради бібліотекарів ВБУ (1919–1920). Докладніше про Є.О. Ківлицького див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

⁸⁴ В.І. Вернадський радився щодо свого можливого президенства в УАН з другом і неодмінним секретарем РАН С.Ф. Ольденбургом (див. їхнє листування у другій книзі цього видання) і змінив свою первісну позицію.

⁸⁵ Йдеться про Ніну Володимирівну Вернадську, дочку академіка. Див. також коментар № 19 до цього розділу.

⁸⁶ Носів (Носов) Анатолій Зіновійович (1883–1941), учений-антрополог, етнолог і археолог, науковий співробітник Музею антропології та етнології ВУАН, секретар Тимчасового комітету для заснування ВБУ. Докладніше про А.З. Носова див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

⁸⁷ Академік УАН Степан Прокопович Тимошенко (1878–1972), який не побажав залишатися під владою більшовиків, після від'їзду до Ростова 1919 р. вже не повертався до Києва, опинився в Югославії. Проте дізнавшись, що 7 травня 1920 р. поляки й війська УНР зайняли Київ, Тимошенко приїхав за родиною. До США він переїхав 1922 р., там

зробив також блискучу кар'єру. Залишив спогади: *Тимошенко С.П.* Воспоминания / Предисл. Е.А. Вечорина. — Париж: Об-ние С.-Петербург. политехников, 1963. — 416 с.; (репр.: К., 1993. — 424 с.).

⁸⁸ Про хворобу В.І. Вернадського на початку 1920 р. докладніше див.: *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921: январь 1920 — март 1921. — К, 1997.

⁸⁹ Ректором Таврійського університету В.І. Вернадського було обрано 10 жовтня 1920 р., після смерті першого ректора Р.І. Гельвіга. 12 січня 1921 р. Вернадський відмовився від посади, а 23 лютого він виїхав із Сімферополя до Москви.

⁹⁰ Листа Вернадського не знайдено.

⁹¹ М.П. Василенко поїхав до Ростова разом із Вернадським, коли Києву загрозувало повернення більшовиків наприкінці листопада 1919 р. Він залишився в Ростові до березня 1920 р. вже після відновлення в місті радянської влади.

⁹² Йдеться про С.В. Паніну. Див. коментар № 2 до цього розділу.

⁹³ Йдеться про молодшого товариша Василенка лікаря Дмитра Миколайовича Требинського (1887–1933, за іншими відомостями 1934), сина його доброї знайомої Марії Миколаївни Требинської, племінника дружини історика, київського професора І.В. Луцицького Марії Вікторівни Луцицької.

⁹⁴ Йдеться про Я.К. Імшенецького. Див. також коментар № 35 до цього розділу.

⁹⁵ Йдеться про Д.І. Багалія.

⁹⁶ Сумцов Микола Федорович (1854–1922), фольклорист, етнограф та літературознавець, громадський діяч. Професор Харківського університету, член-кореспондент Петербурзької АН (з 1905 р.), член Чеської АН. Академік кафедри українського письменства з класу української народної словесності УАН (з 25 травня 1919 р.). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

⁹⁷ Петлюра Симон Васильович (1879–1926), головний отаман військ УНР. Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

⁹⁸ Трегубов Семен Іванович (1856–1935), протоієрей, кандидат богослов'я. Закінчив Київську духовну академію, став законовчителем Колегії П. Галагана, з 1896 р. священник Софійського собору, згодом настоятель Стрітенської церкви. Вінчав Івана Франка.

⁹⁹ «Dziennik Kijowski», одне з польськомовних видань Києва. Газета виходила в 1906–1920 рр. Наклад доходив до 5 тис. примірників.

¹⁰⁰ Пілсудський Юзеф Клеменс (1867–1935), перший керівник відродженої польської держави, засновник польської армії, маршал Польщі, у 1926–1928 рр. і з 1930 р. прем'єр-міністр країни.

¹⁰¹ Йдеться про те, що М.П. Василенко на посаді міністра народної освіти гетьманської Української Держави влітку 1918 р. був ініціатором й, до деякої міри, ідеологом створення УАН. Академіком Василенка обрано 26 липня 1920 р. на Спільному зібранні УАН.

¹⁰² Левицький Орест Іванович (1848–1922), історик, правознавець, архівіст, археограф, етнограф і письменник. Академік УАН (1918). В. о. президента УАН–ВУАН (з грудня 1919 р.); голова Правничого товариства при ВУАН (1921); президент ВУАН (березень 1922 р.).

Орженцький Роман Михайлович (1863–1923), економіст, статистик. Академік УАН (1919), ВУАН (1921), голова президії Соціально-економічного відділу ВУАН (1921–1922). Емігрував у Польщу (1922).

Птуха Михайло Васильович (1884–1961), економіст, демограф, статистик, академік УАН (з 1920 р.), член-кореспондент АН СРСР (з 1943 р.). Докладніше див. біографічну

довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

¹⁰³ Тутковський Павло Аполлонович (1858–1930), геолог, палеонтолог, фізико-географ, академік УАН (1918), голова Фізично-математичного відділу (1919–1930), один з організаторів Національного геологічного музею України. Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

¹⁰⁴ Яната Олександр Алоїзович (1888–1938), ботанік, професор київських і харківських вузів, один із засновників «Українського ботанічного журналу». З 1928 р. був ученим секретарем Сільськогосподарського наукового комітету України. В Харкові організував і очолював Інститут прикладної ботаніки й Інститут рослинництва. 1933 р. репресований. 1938 р. загинув на засланні на Колимі.

¹⁰⁵ Йдеться, очевидно, про І.І. Касьяненка та К.С. Тараненка.

Касьяненко Іван Іванович (1877–1942), інженер, один з піонерів української авіації, професор Київського політехнічного інституту. З 1921 р. ректор Київського сільськогосподарського інституту, пізніше був ректором Харківського сільськогосподарського інституту. Репресований.

Тараненко Корній Семенович (середина 1880-х — 1937(?), діяч партії боротьбистів, економіст-практик. На Трудовому конгресі 1918 р. очолював боротьбистську фракцію. В 1919 р. член Ради Народних Комісарів УСРР. Заступник голови, згодом голова Вищої ради народного господарства. Пізніше на господарчій роботі. Засуджений 1937 р. військовою колегією Верховного суду СРСР, розстріляний.

¹⁰⁶ Корчак-Чепурківський Овксентій Васильович (1857–1947), санітарний лікар, епідеміолог і гігієніст. За гетьманату П. Скоропадського (1918) директор Санітарного департаменту Міністерства народного здоров'я та опікування Української Держави, професор Українського державного університету в Києві, декан його медичного факультету. Дійсний член УАН (з лютого 1921 р.), неодмінний секретар ВУАН (1928–1934).

Граве Дмитро Олександрович (1863–1939), математик. Академік УАН (1920), почесний член АН СРСР (1929). Очолював Інститут математики АН УСРР (1934–1939).

Синайський Василь Іванович (1876–1949), правознавець, професор Київського університету, директор Київського юридичного інституту (1918–1920). Від січня 1921 р. керівник Комісії для вивчення звичаєвого права України ВУАН. У жовтні 1922 р. виїхав до Латвії, професор Ризького університету. Від 1944 р. жив у Празі, згодом у Брюсселі.

¹⁰⁷ Петров Микола Іванович (1840–1921), історик української літератури і науки, археограф, етнограф, професор богослов'я. Член-кореспондент Петроградської АН (1916), академік УАН (1918).

Біляшівський Микола Федотович (1867–1926), археолог, етнограф, мистецтвознавець, музейний діяч. Академік УАН по кафедрі української археології (з 1919 р.), голова Комітету охорони пам'яток старовини і мистецтва в Україні. Організатор і директор Київського міського художньо-промислового і наукового музею (тепер Національний художній музей України). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у цій книзі.

Мищенко Федір Іванович (1874–1933), історик Візантії, фахівець з історії церкви та церковного права. Професор Київської духовної академії, юридичного інституту і Київського університету. Академік УАН (1920), голова Комісії з вивчення візантійського письменства і його впливів на Україну. Голова Візантологічної комісії ВУАН (1926). Виключений з числа академіків колегією Наркомосу УСРР (березень 1928 р.), звільнений з усіх посад (1929).

Срезневський Борис Ізмаїлович (1857–1934), метеоролог і кліматолог, академік УАН (з 19 квітня 1920 р.), організатор метеорологічної служби в Україні, директор Київської метеорологічної обсерваторії (1919–1934).

Плотніков Володимир Олександрович (1873–1947), фізико-хімік, академік УАН (з 1920 р.), член-кореспондент АН СРСР (1932), професор Київського політехнічного інституту, директор Інституту хімії АН УРСР, з 1945 р. завідувач лабораторії Інституту загальної та неорганічної хімії АН УРСР.

Пфейффер Георгій (Юрій) Вільгельмович (Васильович) (1872–1946), математик, професор Київського університету. Академік УАН (з 1920 р.), директор Інституту математики і фізики ВУАН (1921–1923), директор об'єднаного Інституту математики і фізики АН УРСР (1941–1944).

¹⁰⁸ Іконников Володимир Степанович (1841–1923), історик. Заслужений професор Київського університету. Головний редактор «Университетских известий» (1873–1913), голова Тимчасової комісії для розбору давніх актів. Член-кореспондент (29 грудня 1893 р.), академік Петербурзької АН (1914), академік УАН (1921). Іконникова обрано академіком по кафедрі російської історії 14 березня 1921 р. Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

¹⁰⁹ Спільне засідання УАН 7 березня 1921 р. обрало на дійсних академіків А.В. Старкова та А.В. Корчака-Чепурківського.

Старков Арсен Вікторович (1874–1927), біолог, анатом, професор Київського університету, академік УАН (1921). Організував в Академії лабораторію для дослідження центральної нервової системи. У 1922 р. виїхав у відрядження до Праги, професор Українського вищого педагогічного інституту. Залишився позаштатним академіком ВУАН. Пізніше був професором Ризького університету.

¹¹⁰ Ліндеман Володимир Карлович (1868–1933), паталог, бактеріолог і токсиколог, професор Київського університету, директор Київського бактеріологічного інституту. За 20 років роботи в Київському університеті створив наукову школу загальних паталогів. Поклав початок роботам з питань протигазового (фосген, хлор та ін.) захисту і медичної допомоги ураженим. З 1922 р. — в Польщі: професор Варшавського університету, пізніше професор Ягеллонського університету в Кракові.

¹¹¹ Образцов Василь Парменович (1849–1920), лікар-терапевт, заслужений ординарний професор Київського університету, створив оригінальну школу терапевтів, яка за методами клінічного обстеження хворого відрізнялася від сучасних йому російських та західноєвропейських шкіл. Депутат III Державної Думи (1907–1912).

¹¹² Можливо, слід розуміти, як «Грушевские и К^о».

¹¹³ Архієпископ Василій (в миру Дмитро Іванович Богдашевський; 1861–1933), єпископ Російської православної церкви. Богослов. Противник автокефалістського розколу і оновленчества. У 1923 р. заарештований і засланий на Північ Росії. На початку 1926 р. повернувся із заслання, зведений в сан архієпископа Канівського, став одночасно першим вікарієм Київської єпархії.

¹¹⁴ Кащенко Микола Феофанович (1855–1935), біолог, ембріолог, акліматизатор, селекціонер. Ректор Томського університету, професор Київського політехнічного інституту. Академік УАН (1919). Директор Акліматизаційного саду та Зоологічного музею УАН. Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

¹¹⁵ Мітіліно Михайло Іванович (1875–1930), правознавець, професор Київського університету, Київського комерційного інституту, ректор Київського інституту народного господарства (1921–1922). Член Комісії для вивчення фінансових та банківських

питань та Комісії для виучування радянського (цивільного) права ВУАН. Був співробітником Інституту радянського права в Москві.

¹¹⁶ Спекторський Євген Васильович (1875–1951), історик права, соціолог, професор Варшавського університету, ректор Київського університету. Емігрував, в 1924–1927 рр. професор Російського юридичного факультету в Празі, університетів в Белграді, Празі, Люблянні (1935). Останні роки прожив в США.

Демченко Григорій Васильович (1869–1958), правознавець, професор Київського університету, голова Київського юридичного товариства. Емігрував до Югославії, професор Белградського університету.

Ясинський Михайло Микитович (1862–1935), правознавець, заслужений професор Київського університету, член Київської археографічної комісії. З 1919 р. — в еміграції (Словенія), професор Люблянського університету.

Білімович Антон Дмитрович (1879–1970), математик, механік. Професор Новоросійського університету (Одеса), його ректор (1918). Емігрував до Сербії, професор Белградського університету, член-кореспондент (1925), дійсний член Сербської АН та мистецтв (1936).

Білімович Олександр Дмитрович (1876–1963), професор політекономії і статистики Київського університету. Член Особливої наради при Денікіні, начальник Управління землеробства і землеустрою. В еміграції в Югославії, Німеччині (від 1920 р.), США (1948).

Зіньківський Василь Васильович (1881–1962), філософ, екстраординарний професор Київського університету. Міністр віросповідань Української Держави (1918). 1919 р. виїхав за кордон, спочатку до Сербії, де викладав філософію в Белградському університеті. З 1926 р. осів у Парижі: професор філософії Богословського православного інституту. 1942 р. прийняв священство. Залишив спогади: *Зеньковський В.В.* Пять месяцев у власти (15 мая — 19 октября 1918 г.): Воспоминания. — М., 1995. — 238 с.

Тарановський Федір Васильович (1875–1936), правознавець, професор Петроградського університету, декан юридичного факультету Катеринославського університету (1918). Академік першого складу УАН (1918), голова Третього відділу УАН. Професор Таврійського університету (1919–1920). Емігрував до Югославії, академік Сербської АН (1933). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

¹¹⁷ Костянтинович Володимир Миколайович (1872–1920), патологоанатом, приват-доцент Київського університету і професор Українського державного університету.

Богданов Сергій Михайлович (1859–1920), агроном, професор Київського університету. Брав діяльну участь в організації мережі дослідних установ України.

Таранухін Василь Андрійович (1876–1920), доктор медицини, працював у Петербурзькому жіночому медичному інституті, завідувач клінічним відділенням Київського військового госпіталю. Професор, завідувач кафедри судової медицини Київського університету. Учень В.В. Підвисоцького.

Малков Григорій Митрофанович (1869–1919), терапевт, у 1905–1919 рр. завідувач кафедри спеціальної патології і терапії медичного факультету Київського університету.

Кістяківський Богдан (Федір) Олександрович (1868–1920), філософ, соціолог, правознавець, публіцист. Кадет. Професор Київського університету, один з організаторів УАН, академік по кафедрі соціології (з січня 1919 р.). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

Гарф Ернест Карлович (1880–1920), інженер-технолог, викладач політехнічних курсів Товариства розповсюдження грамотності в Києві, співробітник Київського політех-

нічного інституту. Учень С.П. Тимошенка. Володів майстернею авіаційних приладів. Старший лаборант Інституту технічної механіки УАН (1919).

¹¹⁸ Кістяківський Володимир Олександрович (1865–1952), фізикохімік, професор Петербурзького політехнічного інституту. Академік УАН (з березня 1919 р., з 1923 р. — позаштатний). В 1920–1921 рр. викладав у Терському університеті в П'ятигорську. В 1921 р. повернувся до роботи в Петроградський політехнічний інститут. Член-кореспондент (1924), академік АН СРСР (1929). У 1929 р. в Ленінграді організував та очолював Колоїдно-електрохімічну лабораторію, від 1934 р. — Колоїдно-електрохімічний інститут.

Лучицький Володимир Іванович (1877–1949), геолог, петрограф, професор Київського університету (1913–1923, 1945–1949), Московської гірничої академії (1923–1930), академік АН УРСР (1945), директор Інституту геологічних наук АН. Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

Орлов Олександр Якович (1880–1954), астроном, геофізик. Завідувач кафедри астрономії та директор астрономічної обсерваторії Новоросійського університету (1912–1934); академік кафедри астрономії УАН (з 21 червня 1919 р.), член-кореспондент АН СРСР (1927); обраний академіком АН УРСР (1939, повторно, після виходу з ВУАН в 1921 р.). Директор Полтавської гравіметричної (1926–1934) та Карпатської астрономічної (1939–1944) обсерваторій. Директор Головної астрономічної обсерваторії АН УРСР (1944–1948 та 1950–1951).

¹¹⁹ Йдеться про відомий магазин залізних виробів «Едуард Брабец».

¹²⁰ Йдеться про Добровольського Костянтина Ерастовича (1867–1946), медика та гігієніста, професора Київського університету, Таврійського університету по кафедрі гігієни, Київського медичного інституту, співробітника Київського санітарно-бактеріологічного інституту (1932–1941); а також про його дружину Добровольську Ганну Францівну (померла 1935 р.). В квартирі Добровольських (на Тарасівській, 7) Вернадський з дружиною жив в 1918 р.

¹²¹ В.І. Вернадський повідомив в листах з Криму, що не зможе виїхати до Києва і повертається до Петрограда, 7 березня він вже був у Москві.

¹²² Старицький Георгій Єгорович (1867–1946), кадет, присяжний повірений, Полтавський губернатор в адміністрації Денікіна. Брат дружини В.І. Вернадського. У 1920 р. емігрував до Болгарії, де працював у банку, підробляючи художньою фотографією, співпрацював в Народному етнографічному музеї в Софії. Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

¹²³ Ольденбург Сергій Федорович (1863–1934), сходознавець-індолог, екстраординарний академік (1903), ординарний академік (1908), неодмінний секретар Петербурзької АН та АН СРСР (1904–1929). Друг В.І. Вернадського із студентських років. У листуванні Вернадського з Василенком часто згадується як С.Ф., С. Фед., Сергей Федорович тощо. Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

¹²⁴ Єсманський Павло Матвійович (1887–?), інженер, дослідник вугілля. Старший асистент Катеринославського гірничого інституту, співробітник Постійної комісії для вивчення природних багатств України УАН; завідувач науково-технічного відділу Укруднаргоспу (1919). В 1920-х роках засновник і директор Таганрозького інституту наукової організації виробництва, автор першого в СРСР трактування управління — теорії трудових функцій або організаційної механіки. Див. його лист до В.І. Вернадського у другій книзі цього видання.

¹²⁵ Сушицький Феоктист Петрович (1883–1920), філолог, ректор Українського державного університету (1917–1918). Очолював департамент вищої та середньої освіти Міністерства народної освіти (1918). Співробітник та керівник Археографічної комісії ВУАН (1919–1920). Наприкінці 1919 р. їздив до Ростова в справі збереження Українського державного університету.

¹²⁶ Клодницький Іван Іванович (1884–1949), зоолог, викладач Київського ветеринарно-зоотехнічного інституту, згодом професор Київського університету.

¹²⁷ Зелінська Марія Миколаївна, співробітниця канцелярії неодмінного секретаря УАН. Щодо рукописів Вернадського див. далі його лист та коментар № 151 до цього розділу.

¹²⁸ Мельник-Антонович Катерина Миколаївна (1859–1942), археолог, історик. Друга дружина В.Б. Антоновича. Працювала в УАН: завідувачка бібліотеки Першого відділу, співробітниця Комісії для складання історико-географічного та біографічного словника (з 1919 р.). Редактор комісії для видання праць В.Б. Антоновича (від 1920 р.). Звільнена з роботи після «чистки» в апараті ВУАН (1930).

¹²⁹ Див. коментар № 21 до цього розділу.

¹³⁰ Йдеться про його науково-популярні лекції: *Антонович В.* Бесіди про часи козацькі на Україні. — Чернівці, 1897. — 159 с. (2-е вид. як: *Антонович В.* Виклади про часи козацькі на Україні. — Чернівці, 1912. — 232 с.).

¹³¹ Докладніше про Михайла Сергійовича Грушевського див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у цій книзі.

¹³² Дорошенко Дмитро Іванович (1882–1951), історик, один із засновників УЦР. Розходився в поглядах стосовно шляхів становлення української державності з М. Грушевським. Керував Міністерством закордонних справ Української Держави. З 1919 р. — в еміграції (Чехословаччина, Польща, Німеччина, Канада). Директор Українського наукового інституту, президент Української вільної академії мистецтв та наук у Мюнхені (1945–1951). Автор спогадів «Мої спогади про давнє минуле. 1901–1914» та «Мої спогади про недавнє минуле. 1914–1920» (перевид.: К., 2007).

¹³³ М.С. Грушевський дуже образно висловив свою позицію щодо відмови від запропонованого президентства в Академії, проте парадна форма чиновника II класа (за Табелем про ранги) — дійсного таємного радника — передбачала білі суконні або казімирові штани до колін з білими шовковими панчохами і черевиками з пряжкою; або суконні або казімирові штани з чоботами. (Див.: *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, орден в Российской империи. — М.: Наука, 1991).

¹³⁴ Черняхівський Євген Григорович (1873–1938), відомий хірург, доктор медицини. Один з організаторів Природничо-лікарської секції УНТ, професор медичного факультету Українського державного університету, де започаткував викладання хірургії українською мовою. Перший ректор Київського медичного інституту (1920–1921). З 1924 р. заступник голови Медичної секції при ВУАН.

¹³⁵ В 1921 р. насправді ліве крило партії українських есерів, що опинилося за кордоном, «наводило мости» щодо повернення на батьківщину, проводилися навіть переговори з урядовцями, проте ряд обставин, зокрема судовий процес над однопартійцями в Україні, поради українських друзів тощо, зупинив М. Грушевського. Лише у листопаді 1923 р. М. Грушевський дав згоду обиратися членом ВУАН і вирішив повернутися в Україну. Він був обраний дійсним академіком по кафедрі української історії на Спільному зібранні (Раді) ВУАН від 31 грудня 1923 р. На початку березня 1924 р. сім'я Грушевських повернулася до Києва.

¹³⁶ В.С. Іконникова обрано 14 березня 1921 р.

¹³⁷ Палієнко Микола Іванович (1869–1937), юрист, професор і проректор Харківського університету (1912–1918), професор Таврійського університету (1919–1921), ака-

демій ВУАН (1930) по кафедрі держави і права. Брав участь у підготовці Конституції УСРР 1929 р.

¹³⁸ Йдеться про Б.О. Кістяківського. Див. також коментар № 117 до цього розділу.

¹³⁹ Васьковський Євген Володимирович (1866–1942), правознавець, професор, проєктор Новоросійського університету. За участь студентів університету в революційних подіях 1906–1907 рр. був усунутий з посади із заборотою перебувати на державній службі протягом трьох років. Під час громадянської війни в Україні переїхав до Литви, викладав у Вільнюському університеті. Пізніше переїхав до Варшави, член Польської АН.

¹⁴⁰ Алешо Олександр Гаврилович (1890–1922), антрополог та етнограф. За дорученням Етнографічного відділу Російського музею Олександра III здійснював антропологічні дослідження та збирав етнографічні колекції на Херсонщині (1913–1914). Співробітник Російського музею (1918). З січня 1919 р. дійсний член-секретар УНТ у Києві, голова етнографічної секції Губкопису. Дослідник спадщини Ф.К. Вовка, засновник Музею антропології та етнології ім. Ф. Вовка при ВУАН (від 1921 р.). Див. його лист до В.І. Вернадського у цій книзі.

¹⁴¹ Гнатюк Володимир Михайлович (1871–1926), фольклорист, етнограф. Член-кореспондент Петербурзької АН (1902), дійсний член НТШ, академік ВУАН (1924). На початку 1920-х років директор «Української видавничої спілки».

¹⁴² Незрозуміло, про кого йдеться. Нема підтверджень, що правник М.М. Ясинський викладав у цей час у Кам'янці, він, скоріше, був вже в Югославії. Див. коментар № 116 до цього розділу.

¹⁴³ Сташевський Євген Дмитрович (1884–1938), історик, економіст, професор Київського університету. Професор Кам'янця-Подільського ІНО (1921–1923). Працював у Комісії народного господарства ВУАН. Директор Музею сільськогосподарської промисловості Цукротресту (1924–1933). Співробітник Інституту історії України АН УРСР (1937–1938). Заарештований 1938 р., загинув під час допиту.

¹⁴⁴ Косинський Володимир Андрійович (1864–1938), економіст, статистик. Професор Київського політехнічного інституту. Член Комісії з вироблення законопроекту про заснування УАН, міністр праці Української Держави (листопад 1918 р.). Академік першого складу УАН (з 14 листопада 1918 р.). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання. Про проблему поновлення Косинського в статусі академіка див. докладніше: Т. 1, кн. 1. — С. 329–334, 610.

¹⁴⁵ Очевидно, йдеться про Петра Павловича Кудрявцева (1868–1940), історика, філософа, теолога. Позаштатний професор кафедри історії та стародавньої філософії Таврійського університету. Висланий разом із Вернадським з Криму. Позаштатний співробітник кількох комісій ВУАН. 1938 р. був заарештований за підозрою в контрреволюційній діяльності, але невдовзі звільнений. Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

¹⁴⁶ В.І. Вернадський повернувся з Криму до Москви 7 березня і за місяць, 8 квітня, перебрався до Петрограда. Він збирався приїхати раніше, однак друзі порадили почекати в зв'язку із можливою загрозою від ЧК — більшовики ліквідували в березні Кронштадтський заколот.

¹⁴⁷ Комісія з дослідження Курської магнітної аномалії була створена при Московському відділенні КЕПС під головуванням П.П. Лазарева в лютому 1919 р. У січні 1920 р. перепідпорядкована Геологічному комітету, а в червні стала самостійною структурою поза АН — при Гірничій раді ВРНГ. Комісію очолив І.М. Губкін, а П.П. Лазарев став заступником. В.І. Вернадський і ряд інших учених були включені до складу комісії 14 лютого 1921 р. (*Вернадский В.И. Дневники: 1921–1925.* — М., 1998. — С. 19).

¹⁴⁸ На 30 березня В.І. Вернадський ще не отримав листів М.П. Василенка від 24–26 лютого та 25 березня, виходячи з того, що не знав про смерть Є.О. Ківлицького.

¹⁴⁹ Йдеться, очевидно, про Григорія Федоровича Гринька (1890–1938), народного комісара освіти УСРР (1920–1923). Пізніше був головою Держплану УСРР, наркомом фінансів СРСР. У 1937 р. заарештований в справі т. зв. правотроцькістського блоку, розстріляний.

¹⁵⁰ Київська публічна бібліотека, заснована 1866 р. Тепер — Національна парламентська бібліотека України.

¹⁵¹ Долею частини свого архіву, а також речей, які залишалися від 1919 р. в Києві, Вернадський зайнявся відразу ж, налагодивши зв'язок, — вже в перших листах до А.Ю. Кримського та М.П. Василенка. Протягом тривалого часу вирішувалися питання пересилання та перевезення з okazji рукописів, книжок, деяких речей. (Див. також листування із А.Ю. Кримським та В.І. Липським у другій книзі цього видання). Однак значну частину архіву Вернадський так і не отримав, в тому числі листи, щоденник 1918 р., чернетки наукових статей. Це сталося, очевидно, й тому, що рукописи не були зосереджені в одному місці.

¹⁵² Йдеться про гранки кн.: Опыт описательной минералогии: [В 2 т.] Т. 2: Сернистые и селенистые соединения. Вып. 2. — Пг.: Изд-во Рос. акад. наук, 1922. — С. 145–264.

¹⁵³ Очевидно, йдеться про: *Вернадский В.И.* [Предварительная программа экспериментального исследования биогеохимической роли вида и пространства как ресурса] // Т. 1, кн. 2. — С. 108–109.

¹⁵⁴ Безсмертна Марія Іванівна (1881–1941, за іншими відомостями 1942), біолог, біохімік. Працювала в Пастерівському інституті. В кінці 1917–1918 рр. хімік в Комісії чистих реактивів в Петрограді. Співробітник ВУАН (1919–1923). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до її листування з В.І. Вернадським у цій книзі.

¹⁵⁵ Б.Л. Лічков і Ф.Г. Добржанський були на той час у Києві.

Добржанський Феодосій Григорович (1890–1975), зоолог, генетик, співробітник ВУАН, в еміграції в США. Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

¹⁵⁶ Дуб'янський Віктор Вікторович (1880–1925), петрограф, фізичний географ, професор Київського університету. Секретар комісії з вивчення природних багатств України при УАН (1919–1921); віце-директор Укргеолтресту. Член Українського геологічного комітету. Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

¹⁵⁷ Див. запис у щоденнику від 18 листопада 1921 г. (*Вернадский В.И.* Дневники: 1921–1925. — С. 51–52).

¹⁵⁸ Фомін Олександр Васильович (1867–1935), ботанік, професор Київського університету. Член Комісії по виробленню законопроекту про заснування УАН (з 1918 р.), академік ВУАН (з 1921 р.). Директор Інституту ботаніки АН УРСР (з 1931 р.). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

¹⁵⁹ Кушакевич Сергій Юхимович (1873–1920), зоолог, професор Київського університету. Директор Дніпровської біостанції в с. Старосілля. Товариш голови Комісії для виучування фауни (1919), член Постійної комісії для виучування природних багатств України УАН (1919). Емігрував в 1920 р., помер від тифу в дорозі.

¹⁶⁰ *Ильинский Н.В.* Вологодский Север: очерки производительных сил края: с фототипией и картой Северного края. — Вологда: издание Научно-технического комитета по изучению производительных сил Северного края при Вол. Г.С.Н.Х (1-я Национальная типография), 1919. — 93 с., 2 л. ил., карт.

¹⁶¹ Йдеться про книгу відомого економіста-аграрника, письменника Олександра Васильовича Чайнова (1888–1937): *Кремнев И. [Чайнов А.В.] Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии /с предисл. П. Орловского [В. Воровского]. — М.: Госиздат, 1920. — Ч. I, XIV. — 61 с.*

В.І. Вернадський так оцінив книгу: «Читал <...> утопию (антибольшевистскую) — крестьянскую Чайнова (Кремнева). Любопытна; комично издание — Государственная типография с предисловием — критикой — слабым и как все чиновничьи отписки — производящим впечатление банальности» (*Вернадский В.И. Дневники: 1921–1925. — С. 27*).

¹⁶² «Уезжаю на ближайших неделях на север — на Мурманскую биологическую станцию — освоиться с океаническим живым веществом», — писав В.І. Вернадський 8 липня 1921 р. Б.Л. Лічкову (див. відповідний розділ у другій книзі цього видання). Але 14 липня 1921 р. Вернадського заарештували (у в'язниці він провів майже добу, був звільнений після звернення М.О. Семашка). Отримавши, про всяк випадок, «охоронні грамоти» від наукових установ, Володимир Іванович із дочкою Ніною 17 липня виїхав на Мурманську біологічну станцію в Александровську, де до серпня 1921 р. брав участь в роботі Північної науково-промислової експедиції (Враження про арешт і обшук в квартирі В.І. Вернадський записав у щоденнику 17 липня, див.: *Из дневников В.И. Вернадского 1921 г. / Публ. М.Ю. Сорокиной // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. — М.; Л., 1991. — С. 475–486*).

¹⁶³ В.І. Вернадський іноді досить емоційно оцінював своїх опонентів: ще 1919 р. він писав у щоденнику: «Надо сознаться, что узкий и мелкий шовинизм этого (українського — Укл.) движения, с одной стороны, не отвечающее действительности самохвальство, магія glorioza (магія слави (лат.). — Укл.), несправедливое отношение к русской культуре, та нетерпимость, которая является одной из самых тяжелых сторон национальных движений, удивительная фальшивая политика, с другой — заслоняет живые корни этого движения, его значение как проявление человеческой личности и форму ее сознания и в окружающем <...>. Удивительно мало среди людей, охваченных этим движением, людей, которые сохраняют нетронутыми моральные принципы, когда вопрос переходит в область национальной политики: Ефремов, Стебницкий, Носов — а если взять остальных — Багалеи, Крымский, Грушевские, Корчак-Чепурковский, Ганицкий, Сушицкий и т. д., многие из которых лично порядочные люди — теряют порядочность, когда переходят в область национальных вождедений и национальной политики. Такие люди — слабые, но с искрой божьей, как А. Грушевский, Перфецкий, Данилевич, в конце концов, совершают бесчестные поступки. В этом отношении интересна — с общечеловеческой точки зрения — биография М.С. Грушевского и не только его роль активная, аморальная, но и пассивная — то, что он испытывал от окружающих в том же роде, например, в историю с его президентством в Львовском науковом товаристве. Прообраз дал В.Б. Антонович с его валленродизмом?» (*Вернадский В.И. Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — С. 158*).

¹⁶⁴ Див. лист В.І. Липського від 1 березня 1921 р. у другій книзі цього видання. Там же докладніше про акад. Володимира Іполитовича Липського (1863–1937).

¹⁶⁵ Див. розділ листування В.І. Вернадського з А.Ю. Кримським у другій книзі цього видання.

¹⁶⁶ В.І. Вернадський писав у ці дні в щоденнику: «Ненависть к этой власти такая, какую никогда не возбуждала другая власть» (*Вернадский В.И. Дневники: 1921–1925. — С. 48*).

¹⁶⁷ Британський музей — найбільший в світі музей, заснований в Лондоні 1753 р.

¹⁶⁸ Є.О. Ківлицький (про нього див. коментар № 83 до цього розділу) помер у Києві 4 (17) січня 1921 р. Звістку про це В.І. Вернадський отримав від М.П. Василенка (24–26

лютого) і А.З. Носова. (Див. лист Носова від 27 лютого 1921 р. у другій книзі цього видання).

¹⁶⁹ Йдеться про Сергія Федоровича Ольденбурга. Див. коментар № 123 до цього розділу.

¹⁷⁰ Правильно: «Наука и ее работники» — спеціальний інформаційний орган Петроградської комісії з покращення побуту вчених (комиссии по улучшению быта ученых — КУБУ). Журнал виходив у 1920–1922 рр. (22 номери).

¹⁷¹ М.П. Василенко починав писати відповідь на лист Вернадського ще від 30 березня, а закінчив, вже отримавши лист від 20 квітня 1921 р.

¹⁷² Ферсман Олександр Євгенович (1883–1945), геохімік, мінералог, академік Російської АН (1919), учень В.І. Вернадського. Один із основоположників геохімії. Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання. Див. також: Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману / Сост. Н.В. Филиппова. — М.: Наука, 1985. — 272 с.

¹⁷³ Барвінок Василь Іванович (1879–1943), історик церкви, візантолог, магістр богослов'я, бібліограф і архівіст. До кінця 1917 р. працював в центральних установах Священного Синоду в Петрограді. У 1918 р. в Міністерстві сповідань Української Держави. У 1919–1928 рр. співробітник ряду структур ВУАН, у 1928–1933 рр. — у Всеукраїнському археологічному комітеті.

¹⁷⁴ Макаренко Микола Омелянович (1877–1938), історик, мистецтвознавець, археолог. Працював в Ермітажі (1902–1919), упорядковував величезну археологічну колекцію музею і видав путівник по колекції (1916). Директор Музею мистецтв ім. Ханенків (1919), член Всеукраїнської археологічної комісії. Виступав проти широкомасштабного нищення давніх храмів у Києві. Репресований 1934 р. Розстріляний.

¹⁷⁵ Див. листи В.І. Липського від 1–5 березня і 6 травня 1921 р. у другій книзі цього видання.

¹⁷⁶ На цей час університет вже було перетворено на ІНО.

¹⁷⁷ Єфремов Сергій Олександрович (1876–1939), публіцист, літературознавець. Ідеолог і теоретик української революції 1917–1921 рр. Позаштатний академік УАН класи красного українського письменства (з 1919 р.). Зазнав переслідувань від радянської влади та денікінського режиму. З червня 1920 р. Єфремов переховувався під прізвиськом Ігнатенка-Колодія у приміських селах Глевасі й Боярці та передмісті Києва Приорці. На прохання ВУАН був амністований. Академік кафедри історії українського письменства (з 1921 р.). Віце-президент ВУАН. Репресований в справах «Братства української державності» та «Союзу визволення України». Засуджений у 1930 р. Помер на засланні. Див: *Єфремов С.О.* Щоденники. 1923–1929 / Упоряд. О.С. Путро [та ін.]. — К., 1997. — 834 с.; *Єфремов С.О.* Щоденник (1.01.1895–4.02.1896). Про дні минулі (спогади) (1876–1907) / Упоряд. І. Гирич. — К., 2011. — 792 с. Див. також лист С.О. Єфремова до В.І. Вернадського у другій книзі цього видання.

¹⁷⁸ Можливо, йдеться про комуніста А.П. Машкіна, який 1921 р. був членом Наукового комітету Головпрофосвіти Наркомосу УРСР, а 1923 р. став головою Центрметодкому та методкому Головпрофосвіти.

¹⁷⁹ Стебницький Петро Януарійович (1862–1923), учений, публіцист. У Петербурзі брав активну участь в діяльності української громади, зокрема в організації українських фракцій I і II Державної Думи, у виданні українських журналів і газет. Комісар у справах України при Тимчасовому уряді (1917). За гетьманату П. Скоропадського 1918 р. заступник голови делегації Української Держави на мирових переговорах з РСФРР, міністр народної освіти і мистецтва Української Держави (24 жовтня — 14 листопада 1918 р.). Керівник Комісії ВУАН для складання енциклопедичного словника.

¹⁸⁰ Кордт Веніамін Олександрович (1860–1934), картограф, археограф, бібліотекознавець, фундатор НБУВ. З 1894 р. завідувач бібліотеки Київського університету, завідувач Центрального архіву давніх актів Київської, Волинської та Подільської губерній, бібліотекар КІНО. Член і голова Тимчасового комітету зі створення ВБУ (1918–1923), завідувач картографічного відділу ВБУ (з 1926 р.). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

¹⁸¹ Меженко Юрій Олексійович (справжнє прізвище Іванов-Меженко; 1892–1969), бібліограф, літературознавець, колекціонер. Закінчив Московський університет. У 1922–1931 рр. очолював Український науково-дослідний інститут книгознавства, з 1934 р. керував науково-бібліографічною роботою в Державній публічній бібліотеці ім. М.Є. Салтикова-Щедріна, з 1945 р. директор Бібліотеки АН УРСР.

¹⁸² Данилевич Василь Юхимович (1872–1936), історик, археолог. Доцент Київського університету, професор КІНО, член Тимчасової комісії по заснуванню НБУ, її голова (грудень 1920 р.). Працював у різних структурах ВУАН, в Інституті червоної професури (1930).

¹⁸³ Житецький Ігнат (Гнат) Павлович (1866–1929), історик, літературознавець, педагог. Член та голова Тимчасового комітету зі створення ВБУ, редактор журналу «Книжний Вісник», старший бібліотекар та завідувач відділу рукописів (1919–1929), член Археографічної комісії УАН. Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

Балінський Іван Мартинович (1879–1927), історик. Старший бібліотекар (з червня 1919 р.), керівник газетно-графічного відділу ВБУ. Приват-доцент Київського університету (з 1920 р.), викладав також в інших вищих навчальних закладах. Науковий співробітник Комісії для вивчення історії західноруського та українського права УАН (1921–1927).

¹⁸⁴ Веселовський Сергій Феофанович (1878–?), інженер-економіст, один з організаторів сільськогосподарської науки в Україні. Був заступником голови УЦР. За часів Української Держави генеральний консул у РСФФР. професор, ректор Київського політехнічного інституту (1920–1921), професор Київського сільськогосподарського інституту. У 1930-х роках репресований. З часом на еміграції.

¹⁸⁵ Дем'янчук Василь Климентович (1897–1937), мовознавець, помічник секретаря Комісії з вироблення законопроекту про утворення УАН, учений діловод I відділу УАН та канцелярії неодмінного секретаря, старший науковий співробітник Комісії історії української мови ВУАН (1928–1929). В 1930-ті роки репресований, засланий на північ. 1937 р. розстріляний.

¹⁸⁶ Про полишення В.І. Вернадським посади президента УАН див.: Т. 1, кн. 1. — С. 367–369.

¹⁸⁷ Див.: *Щапов А.П.* Великорусские области и Смутное время: (1606–1613 г.) // Отеч. записки. — 1861. — № 10. — С. 579–616; № 11. — С. 79–118; *То же* // *Щапов А.П.* Сочинения: В 3 т. — СПб., 1906. — Т. 1. — С. 648–709. *Щапов А.П.* Избранное. / Сост. А.С. Маджаров. — Иркутск, 2001.

¹⁸⁸ Зілов Петро Олексійович (1850–1921), фізик. Закінчив Московський університет. В 1905–1912 рр. був попечителем Київського навчального округу. З 1900 р. видавав журнал «Фізичний огляд». У 1912 р. вийшов у відставку. Помер 1 травня 1921 р.

¹⁸⁹ Можливо, йдеться про Дмитра Петровича Лукьянова, старшого техніка акліматизування Акліматизаційного саду УАН. Повне прізвище Василенко називає в наступному листі.

¹⁹⁰ Історичне товариство Нестора-літописця, наукове товариство, що існувало в Києві у 1872/1873–1931 рр. Було створене при Київському університеті. М.П. Василенко був останнім його головою.

¹⁹¹ Смирнов Павло Петрович (1882–1947), історик, в 1912–1920 рр. викладав в Київському університеті, професор (з 1919 р.), професор КІНО. 1923 р. заарештований і засуджений на процесі «Центру дії», засланий до Туркестану. 1927–1934 рр. професор Середньоазійського університету в Ташкенті. 1938–1947 рр. професор Історико-архівного інституту в Москві. Лауреат Сталінської премії (1943).

¹⁹² Бібліотеку П.О. Зілова, яка налічувала 2100 томів наукової літератури з усіх розділів фізики як російською, так і іноземними мовами, журнали з фізики, хімії та інших дисциплін, набула в 1920-х роках бібліотека Горецького сільськогосподарського інституту (з 1925 р. — Білоруська державна сільськогосподарська академія) (*Кухарева Л.І., Степенкова А.Д.* Первая сельскохозяйственная библиотека в стране // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии: научно-методический журнал. — 2010. — № 1. — С. 201).

¹⁹³ Йдеться про проблему ревіндикації і реституції різноманітних польських культурних цінностей, архівних матеріалів, бібліотек за умовами Ризького мирного договору від 18 березня 1921 р. (Докладніше див.: *Гетьманчук М.* До питання про реалізацію Українською РСР XI статті Ризького договору щодо повернення Польщі культурних цінностей у 1921–1926 рр. // Проблеми слов'язознавства. — 1999. — Вип. 50. — С. 193–202; *Старостин Е.В.* Рижский мирный договор 1921 г.: Проблемы «архивной реституции» // Студії з арх. справи та документознавства. — 2003. — Т. 9. — С. 163–166; *Себта Т.М., Черкаська Н.О.* Фонди магнатських архівів та судово-адміністративних установ КЦАДА у контексті взаємних претензій Рейхскомісаріату України і Генерал-губернаторства // Архіви України. — № 4–6. — К., 2003. — С. 184–312).

¹⁹⁴ Йдеться про Ф.В. Тарановського. Див. також коментар № 116 до цього розділу.

¹⁹⁵ Заболотний Данило Кирилович (1866–1929), мікробіолог, епідеміолог, академік ВУАН (1922), академік АН СРСР (1929), президент ВУАН (1928–1929). Професор Петербурзького жіночого медичного інституту, ректор Одеського медичного інституту, професор Військово-медичної академії. 1928 р. переїхав до Києва, обраний президентом ВУАН, засновник та перший директор Інституту мікробіології і епідеміології (нині Інститут мікробіології і вірусології ім. Д. Заболотного НАН України).

¹⁹⁶ Іван Тимофєєв син Семенов (Іван Тимофійович Семенов; бл. 1555–1631), один з впливових наказних дяків Росії, письменник, мислитель. Автор «Временника по седмой тысящи от сотворения света во осмой в первые лета», однієї з найбільших літературно-філософських пам'яток поч. XVII ст. (Временник Ивана Тимофеева. — М; Л., 1951. — 512 с. (репр.: СПб., 2004); *Рыбаков Д.А.* «Временник Ивана Тимофеева» — несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 2 (28). — С. 60–65).

¹⁹⁷ Йдеться про будинок Першої київської гімназії (збудований 1852 р. на Бібіковському (Т. Шевченка) бульварі, № 14 архітектором О.В. Беретті). Після революції 1917 р. тут розміщувалися Наркомат освіти, з 1920 р. — ВБУ, окремі кафедри УАН, сьогодні це — корпус Інституту філології Національного університету ім. Т. Шевченка.

¹⁹⁸ Воблий Костянтин Григорович (1876–1947), економіст, статистик, географ. Академік УАН (1919), віце-президент АН УСРР (1928–1930). Керівник Комісії з вивчення народного господарства України при ВУАН. Директор Інституту економіки АН УСРР (1943–1947). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у цій книзі.

¹⁹⁹ Очевидно, йдеться про Український православний церковний собор на Київщині, який відбувся 22–26 травня 1921 р. Після проголошення Всеукраїнською православною церковною радою 5 травня 1920 р. автокефалії на рівні регіонів розпочалася підготовка до Всеукраїнського православного церковного собору (14–30 жовтня 1921 р., в Києві), який здійснив організаційне оформлення Української автокефальної православної церк-

ви (УАПЦ). (Докладніше див.: *Сухоплюев И.* Майский Собор автокефалистов Киевщины 1921 г. // *Антирелигиозная пропаганда: Сб. материалов.* Харьков, 1922. — С. 149–155; *Пилявець Л.* I Український православний собор Київщини // *Людина і світ.* — 1997. — № 5/6. — С. 8–13; Перший Всеукраїнський православний церковний собор УАПЦ 14–30 жовтня 1921 року: Документи і матеріали. — К.; Львів, 1999).

²⁰⁰ Родинний будинок Грушевських на розі вулиць Паньківської та Микільсько-Ботанічної в Києві було спалено й зруйновано 25 січня 1918 р. під час цілеспрямованого артобстрілу більшовиками. Тут загинули мистецька збірка та архів М. Грушевського, в тому числі й величезна епістолярна спадщина кінця 1914 — початку 1918 р.

²⁰¹ За клопотанням М.П. Василенка, з 1 липня 1921 р. В.С. Іконникову поновили утримання від РАН (у звітах він вказував роботу із завершення нової книги свого фундаментального «Опыта русской историографии», присвяченої спогадам й мемуарам, листуванню, а також запискам іноземців про Росію, за яку обіцяли гонорар в 6000 руб.). Однак пенсії від РАН Іконников не отримав. (Ця інформація люб'язно надана професором В.І. Ульяновським).

²⁰² Платонов Сергій Федорович (1860–1933), історик, академік РАН (1920). З 1890 р. професор Петербурзького університету. У 1895–1902 рр. викладав історію великим князям. У 1908 р. став членом-кореспондентом АН. Після 1917 р. очолював Археографічну комісію, Пушкінський Дім, Бібліотеку АН та ін. У 1930 р. був заарештований за сфабрикованою ОГПУ «академічною справою» істориків, засланий до Самари, де помер у лікарні від серцевої недостатності.

²⁰³ За рішенням НКО УРСР, Київську комісію для розбору давніх актів навесні 1921 р. було злито з Постійною комісією для видання пам'яток мови, літератури та історії при Історично-філологічному відділі УАН і створено на їхній базі Археографічну комісію ВУАН. (*Журба О.І.* Київська археографічна комісія, 1843–1921: Нарис історії і діяльності. — К., 1993) Щодо актів про копні суди та інші заплановані видання Київської комісії для розбору давніх актів, здійснити які не вдалося, див.: *Едиційна археографія в Україні XIX–XX ст.: Плани, проекти, проспекти видань.* Вип. 1. — К., 1993.

²⁰⁴ Моргілевський Іполит Владиславович (1889–1942), інженер-технолог, історик архітектури, мистецтвознавець, член-кореспондент Академії архітектури СРСР (з 1941 р.). З 1920 р. очолював секцію архітектури Всеукраїнського комітету охорони пам'яток старовини й мистецтва (ВУКОПИС). Упродовж багатьох років досліджував Софійський та Михайлівський собори в Києві, Борисоглібський собор у Чернігові та ін. Див: *Моргілевський І.* Київська Софія в світлі нових спостережень // *Київ та його околиця в історії і пам'ятках.* — К., 1926. — С. 81–108.

²⁰⁵ Шміт (Шмідт) Федір Іванович (1877–1937), мистецтвознавець, археолог, академік УАН (1921). У 1908–1912 рр. учений секретар Російського археологічного інституту в Константинополі. У 1912–1920 рр. професор Харківського університету. Ще до революції досліджував розпис і мозаїки Софійського собору в Києві. Ректор Археологічного інституту в Києві (1922–1924), керівник Археологічного комітету при I відділі ВУАН. Директор Державного інституту історичних мистецтв (1924–1930) в Ленінграді. Репресований у 1933 р., засланий до Казахстану, потім до Узбекистану. У 1937 р. розстріляний.

²⁰⁶ Йдеться про Старицьку (ур. Васькова-Примакова) Єлизавету Петрівну. Див. коментар № 3 до цього розділу.

²⁰⁷ Ільїнський Григорій Андрійович (1876–1937), філолог, історик, археолог. Член-кореспондент РАН з 1921 р. (АН СРСР з 1925 р.) Викладав в Петербурзькому, Харківському, Юр'євському, Саратовському, Казанському, Московському університетах. У 1934 р. репресований в «справі славістів», засланий на Соловки, потім до Томська, де

працював бібліотекарем в краєзнавчому музеї. У 1937 р. знову заарештований і розстріляний.

²⁰⁸ Кулик Леонід Олексійович (1883–1942), мінералог, спеціаліст з вивчення метеоритів. Почав працювати з В.І. Вернадським ще 1911 р. З 1921–1922 рр. працював в установах АН СРСР, керував рядом метеоритних експедицій, в тому числі з вивчення обстановки падіння Тунгуського метеориту. На початку війни вступив добровольцем у народне ополчення, був поранений і помер на окупованій території від висипного тифу.

²⁰⁹ Всеросійський комітет допомоги голодуючим (Помгол), створений в Москві за згодою Радянського уряду 21 липня 1921 р., став формою суспільного життя для значної частини діячів колишніх опозиційних партій. Уже 27 серпня 1921 р. комітет був розпущений. За звинуваченням в «контрреволюційній» діяльності, зв'язках з «антоновщиною» і «злочинних» зносинах із закордоном репресіям було піддано багато членів Помголу.

²¹⁰ 16 травня 1921 р., згідно з протоколом Спільного зібрання, для виборів на посаду Голови-президента було намічено як кандидатів академіків М.П. Василенка, В.С. Іконникова, А.Ю. Кримського, О.І. Левицького та П.А. Тутковського. Проте Кримський та Іконников відмовилися балотуватися. Протягом місяця, коли відбулося ще 7 засідань Спільного зібрання, питання обрання президента на порядок денний не виносилося. Нарешті 18 липня більшістю всіх голосів проти трьох на Голову-президента УАН було обрано М.П. Василенка. Його знов переоберуть президентом 17 жовтня 1921 р. (після затвердження для УАН статусу «Всеукраїнської» академії). Проте через незатвердження НКО Василенко відмовиться від посади 27 лютого 1922 р.

²¹¹ Караваєв Володимир Опанасович (1867–1939), зоолог, професор, доктор біологічних наук, мандрівник. Директор Севастопольської біологічної станції (1898), директор Зоологічного музею АН України (1926–1934). Багато подорожував Європою, Азією, Африкою.

Шапошніков Володимир Георгійович (1870–1952), хімік-технолог, органік, професор Київського політехнічного інституту, Київського інституту народного господарства, Північно-Кавказського політехнічного інституту в Катеринодарі (1919–1920). Член Комісії по виробленню законопроекту про заснування УАН (з серпня 1918 р.), академік кафедри прикладної хімії ВУАН (з червня 1922 р.). Директор Інституту хімічної технології, засновник Інституту органічної хімії АН УРСР. Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

Оппоков Євген Володимирович (1869–1937), гідролог і гідрогеолог, організатор першої в СРСР науково-дослідної кафедри гідрології при Київському політехнічному інституті (1922), директор Інституту водного господарства ВУАН (з 1926 р.). Академік ВУАН (1929) і ВАСГНІЛ (1935). Був заарештований в жовтні 1937 р. за звинуваченням у контрреволюційній роботі, розстріляний. В.І. Вернадський у щоденнику 11 червня 1941 р. записав: «Оппоков сидит из-за своих исследований Днепра, сделанных до революции. Работы Выржиковского (сидит) полузасекречены» (*Вернадский В.И. Дневники, 1935–1941. — М., 2008. — Кн. 2: 1939–1941. — С. 237*). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

Де-Метц Георгій Георгійович (1861–1947), фізик, спеціаліст в області радіоактивності, професор Київського університету, Київського політехнічного інституту, голова секції прикладної фізики Постійної комісії для виучування природних багатств України (1919), співробітник Комісії для дослідів над питаннями геофізики (1921–1922). Декан природничого факультету Кубанського університету в Краснодарі (1920).

²¹² Харлампович Костянтин Васильович (1970–1932), історик церкви, освіти. Член-кореспондент Петербурзької АН (1916), академік кафедри історії української церкви

Історично-філологічного відділу УАН (з червня 1919 р.), пізніше — кафедри культури і шкільного руху в Україні XVII та XVIII ст. Першого відділу УАН. Викладав церковну історію у Казанському університеті, професор (1921), голова Товариства археології, історії, етнології в Казані. 1924 р. його було заарештовано, вислано до Киргизії на три роки. 1928 р. НКО УСРР не затвердив його дійсним членом ВУАН. До Києва повернувся 1930 р. Останні роки проживав у Ніжині.

Пічета Володимир Іванович (1878–1947), історик-славист. Закінчив Московський університет, викладав в Катеринославі, Москві. Ректор Білоруського державного університету (1921–1929). Академік Білоруської АН (1928–1930, виключений за рішенням Раднаркому БСРС як ворог пролетарської диктатури). 1930 р. репресований в «справі АН», засланий до В'ятки. Член-кореспондент АН СРСР з 1939 р., академік з 1946 р.

²¹³ М'якотин Венедикт Олександрович (1867–1937), історик, публіцист, один з лідерів партії народних соціалістів. Член редакції журналу «Русское багатство». Організатор і керівник «Союзу відродження Росії» (1918) В кінці 1920 р. заарештований в справі «Тактичного центру». На початку квітня 1921 р. звільнений. У 1922 р. висланий з Росії без права повернення. Жив у Берліні, Празі, Софії. Добрий знайомий М.П. Василенка. Див. також коментар № 33 до листування В.І. Вернадського з М.С. Грушевським.

²¹⁴ Йдеться про Універсальну систему десяткової класифікації літератури в бібліотечній справі. Була запропонована в кінці XIX ст. бельгійськими вченими-документознавцями Полем Отле (1868–1944) і Анрі Лафонтеном (1854–1943). З їхньої ініціативи в Брюсселі були створені і Міжнародне бібліографічне бюро та Міжнародний бібліографічний інститут.

²¹⁵ Ймовірно, йдеться про клопотання позаштатного академіка УАН І.О. Малиновського, засудженого більшовиками за участь у денікінському уряді — «Особливій нараді». Від 28 грудня 1920 р. по 9 вересня 1921 р. він відбував покарання в Івановському таборі особливого призначення НКВС РСФРР.

Малиновський Іоанікій (Онікій) Олексійович (1868–1932), юрист, історик права, професор Томського (1899–1911), Варшавського, Донського (з 1917 р.) університетів. Позаштатний академік кафедри історії західноукраїнського та українського права (1919); голова Комісії для вивчення звичаєвого права України. 1919 р. в. о. начальника управління народної освіти денікінської Особливої наради. Заарештований більшовиками (червень 1920 р.), знаходився в таборі під Москвою. В період ув'язнення залучався до роботи за фахом в Інституті радянського права Нарком'юсту РСФРР (1921–1922). Звільнений 1925 р., академік ВУАН (1925), переїхав до Києва (1926). У ВУАН очолював Комісію для виучування звичаєвого права, секцію кримінального права у Комісії для виучування радянського права. Звільнений з ВУАН через т. з. «чистки» (1930). Офіційно поновлений у списках АН України 1992 р., реабілітований юридично (в справі 1920 р.) в січні 1993 р.

²¹⁶ Алюзії на героїв роману Л.М. Толстого «Війна і мир».

²¹⁷ Можливо, йдеться про вдову Ф.К. Вовка Олександрю Юріївну Вовк (дівоче — Реммельмаер), її дочку Галину Федорівну Вовк (1896–1966) та сина Юрія Федоровича Вовка. Відомо, що 1943 р. всі вони виїхали на Захід.

²¹⁸ Кістяківська Марія Вільямівна (дівоче Беренштам) (1869–1943), літератор, вдова Б.О. Кістяківського. Автор популярної праці «Рассказы о борьбе человека с природой». На початку 1920-х років працювала в структурах III відділу ВУАН.

Кістяківський Михайло Богданович (бл. 1909 — після 1930 р.), наприкінці 1920-х років працював на посаді бібліотекаря ВУАН. Помер у молодому віці внаслідок нещасного випадку.

Кістяківський (Кістяковський) Олександр Богданович (1904–1983), зоолог, зоогеограф, орнітолог-фауніст, систематик та еколог, професор Київського університету.

Кістяковський Георгій (Ігор; Джордж) Богданович (1900–1982), американський фізико-хімік. Емігрував до Сербії, а далі — до Німеччини. З 1926 р. в США. Професор Гарвардського університету з 1933 р., дійсний член Американської НАН, пізніше її віцепрезидент. Один із творців атомної бомби (керівник відділу вибухових речовин атомної лабораторії в Лос-Аламосі).

Кістяковський Ігор Олександрович (1876–1940), юрист, доцент Київського університету, викладав у Московському університеті, який залишив разом з В. Вернадським та іншими науковцями на знак протесту проти реакційної політики міністра освіти Л. Кассо. Викладав у Московському комерційному інституті. 1918 р. Державний секретар, потім міністр внутрішніх справ Української Держави. З 1919 р. жив у Стамбулі, пізніше — в Парижі. Член Союзу російських адвокатів за кордоном. Його друга дружина — Наталія Михайлівна Кістяковська (дівооче Чубинська; 1900–1946), поетеса.

Чубинський Михайло Павлович (1871–1943), правознавець, професор Харківського університету, Демидовського юридичного ліцею, Юр'євського та Петроградського університетів. Міністр судових справ, в.о. заступника голови Ради міністрів Української Держави (1918). Після падіння режиму П. Скоропадського у 1919 р. перейшов до табору білих. Після поразки Денікіна емігрував до Сербії. Викладав в Белградському, Суботицькому університетах (1922).

Холодний Микола Григорович (1882–1953), ботанік і мікробіолог, академік ВУАН (1929). Співробітник II відділу УАН з окремих наукових доручень (1921, 1923). Професор Київського університету. У 1918–1919 рр. тісно співпрацював з В.І. Вернадським, який високо цінував роботи свого українського колеги, листувався з ним. Праця Холодного «Мысли натуралиста о природе и человеке» (1947) була наслідком листування з Вернадським (*Холодный Н.Г.* Из воспоминаний о В.И. Вернадском // Почвоведение. — 1945. — № 7. — С. 325–326). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

²¹⁹ Див. коментар № 120 до цього розділу.

²²⁰ Можливо, йдеться про географа, статистика Василя Петровича Шибаєва. В 1920-ті роки він був секретарем географічної секції Російського товариства прихильників світознавства (Русское общество любителей мироведения).

²²¹ Мабуть, йдеться про цикл лекцій «Загальний курс геохімії», який В.І. Вернадський читав в Київському університеті в 1918–1919 рр.

²²² 14 травня 1921 р. РНК УСРР прийняла постанову про Всеукраїнську академію наук (ВУАН), якою затверджувала положення — фактично, новий, замінений статут Академії. (Див. Вісті ВУЦВК. — 1921. Ч. 132. — 21 лип. Передрук.: Історія Академії наук України. 1918–1923: Документи і матеріали. — К., 1993. — С. 280–282; Правовий статус Академії наук: Історія та сучасність. — К., 1993. — С. 191–194). 8 серпня 1921 р. Спільне зібрання УАН розглянуло надісланий від РНК новий статут Академії — було констатовано, що «у новому статуті нема про подробиці внутрішнього життя Академії наук, і що їх має встановити сама Академія згідно з 6 розділом нового статуту...» й вирішено тимчасово користуватися «правилами давнішого статуту...». Фактично до 1927–1928 рр. ВУАН продовжувала працювати за старим, 1918 р., статутом, проте мала враховувати зміну юридичного статусу, обмеження автономії, вимоги щодо «комісарського» контролю, затвердження керівництва владою, вирішення з владою питань матеріального та технічного забезпечення, фінансування наукових робіт, зарплати співробітників за штатним розписом.

²²³ Сльозкін Петро Родіонович (1862–1927), агроном, викладав у Петровській землеробській та лісовій академії, з 1899 р. професор Київського політехнічного інституту;

організатор контрольно-насіневої станції. В 1919 р. член сільськогосподарської секції Постійної комісії для виучування природних багатств України.

²²⁴ Докладніше див.: Т. 1, кн. 1. — С. 268, 580–881, 602; Т. 1, кн. 2. — С. 357.

²²⁵ Головою Фізико-математичного відділу УАН був П.А. Тутковський.

²²⁶ Можливо, йдеться про Юрія Олександровича Кониського (1877–1942), брата дружини І.О. Малиновського Марії Олександрівни Малиновської (1870–1941), сина Олександра Яковича Кониського. Відомо, що Ю.О. Кониський був інженером, перед війною з родиною мешкав у Ново-Николаївську (Новосибірськ). Від 1914 р. на фронті (прапорщик). На початку 1922 р. повернувся в Ново-Николаївськ, керував Карською експедицією. 1923 р. переїхав із родиною в Петроград.

²²⁷ Йдеться про І.О. Малиновського. Див. коментар № 215 до цього розділу.

²²⁸ Лазаревський Микола Іванович (1868–1921), юрист, в.о. товариша міністра фінансів, співробітник Міністерства внутрішніх справ Тимчасового уряду, помічник ректора Петроградського університету. Розстріляний за участь в «таганцевському закладі» (всього було розстріляно 61 особу).

Тихвинський Михайло Михайлович (1864–1921), інженер-технолог, професор Київського політехнічного інституту, а з 1917 р. — Петербурзького технологічного інституту. Був головним хіміком «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель». Давній приятель В.І. Леніна. Розстріляний в вересні 1921 р. у справі «Петроградської бойової організації» («таганцевський заклад»), незважаючи на клопотання президента РАН О.П. Карпінського, направлене особисто Леніну. (Див.: *Вернадський В.І.* Дневники: 1921–1925. — С. 123–124).

²²⁹ Гумільов Микола Степанович (1886–1921), улюблений поет В.І. Вернадського. Розстріляний 25 серпня 1921 р. Сам Вернадський так відреагував на страту поета: «В мой мозг, в мой гордый мозг собрались думы» — Н. Гумилев. Убит в момент расцвета. Гордый мозг не может прожить в коммунистическом рабстве» (*Вернадський В.І.* Дневники: 1921–1925. — С. 107).

²³⁰ Хто саме був, важко сказати, але долею цього музею В.І. Вернадський цікавився постійно. Див: *Вернадський В.І.* Заметки о Полтавском музее // Т. 1, кн. 2. — С.115–116.

²³¹ Див: АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 1734.

²³² У лютому 1921 р. Г.В. Вернадському з дружиною вдалося перебраться з Туреччини, куди вони потрапили, покинувши Крим, до Греції. В Афінах вони прожили близько року. Г.В. Вернадський улаштувався на роботу в бібліотеку Грецької археологічної асоціації, де займався виявленням і перекладом візантійських джерел. (*Болховитинов Н.Н.* Жизнь и деятельность Г.В. Вернадского (1887–1973) и его архив // Slavic Research Center Occasional Papers. — Sapporo; Slavic Research Center Hokkaido University, 2002. — № 82. — С. 16).

²³³ Йдеться про Б.Л. Лічкова. Див. коментар № 76 до цього розділу.

²³⁴ Заборону на приватне підприємництво й торгівлю було скасовано із запровадженням в РСФРР і УСРР т.зв. нової економічної політики (непу) навесні 1921 р.

²³⁵ Йдеться, очевидно, про акції учасників повстанського руху, насамперед селянського, який знов активізувався навесні 1921 р. За даними влади, розвідка збройних сил України та Криму на початок квітня мала відомості про 102 загони чисельністю від 20 до 400–500 чоловік у кожному, іноді й більше, окремо діяла армія Н. Махна. При цьому повстансько-партизанські загони підтримувалися місцевим населенням (Розгром збройної внутрішньої контрреволюції на Україні в 1921–1923 рр. — Харків, 1971. — С. 9–11). Рейди по Україні здійснювали, за допомогою польської влади, загони Української партизансько-повстанської армії, її Волинської групи на чолі з генерал-хорунжим, отаманом Юрієм Тютюнником. (Див.: *Премыслер И.* Разгром бандитизма на Украине (1921) //

Воен.-ист. журнал. — 1940. — № 9. — С. 38–45; *Ганжа О.І.* Українське селянство в період становлення тоталітарного режиму (1917–1927). — К.: Ін-т історії України, 2000. — 207 с.).

²³⁶ За умовами Ризької мирної угоди, для вирішення спірних питань щодо реституції утворювалася Російсько-українсько-польська комісія з числа експертів. Групу українських експертів очолив академік Д.І. Багалій. М.П. Василенко став членом київської підкомісії, на долю якої припадали польські вимоги щодо повернення колекції Волинського ліцею в Кременці, архівів князів Сангушків зі Славути, актових книг установ Волинського воєводства, що зберігалися в КЦАДА та ін. (див. також коментар № 193 до цього розділу). В контексті роботи підкомісії можна розглядати й дослідження Василенка: *Василенко М.* Кременецький ліцей і Університет святого Володимира: іст.-юрид. розвідка // Зап. соціал.-екон. відділу УАН. — К., 1923. — Т. 1. — С. 151–199. Додамо, що 1926 р. Василенко як експерт працював разом із російськими фахівцями в справі повернення Литві Литовської метрики. (Див.: *Василенко М.П.* Вибрані твори у трьох томах. — К. 2006–2008. — Т. 3: Спогади. Щоденники. Листування. — 2008. — С. 317–318).

²³⁷ Лобода Микола Іванович (1894–1941), історик. У 1921–1924 рр. ректор КІНО, потім в Москві на посаді секретаря центрального бюро Секції наукових співробітників. 1936 р. засуджений на 5 років за контрреволюційну діяльність. 1941 р. вдруге заарештований і невдовзі без суду розстріляний.

²³⁸ Оглоблин Олександр Петрович (1899–1992), історик. Від 1921 р. викладач КІНО. 1926 р. першим з вітчизняних істориків удостоєний наукового ступеня доктора історії української культури. Під час окупації Києва очолював Київську міську управу (1941), 1942 р. директор Музею-архіву переходової доби в Києві. Виїхав на Захід, з 1945 р. професор УВУ в Мюнхені, 1951 р. переїхав до США. У 1970–1989 рр. президент УВАН у США.

²³⁹ Був обраний на Спільному зібранні 3 жовтня 1921 г. одноголосно на кафедру ботаніки.

²⁴⁰ Козлов Петро Кузьмич (1863–1935), географ, етнограф, біолог, археолог, учень і послідовник М. Пржевальського. Дослідник Центральної Азії. В роки громадянської війни працював науковим співробітником в Асканії-Нова. Академік ВУАН (1928).

²⁴¹ Очевидно, йдеться про історика і політика Павла Миколайовича Мілюкова (1859–1943). Лідер кадетської партії, депутат III і IV Державної Думи, міністр закордонних справ Тимчасового уряду (березень–травень 1917 р.). З листопада 1918 р. жив на Заході. В 1921–1940 рр. редактор паризької газети «Последние новости». Один з найвпливовіших діячів російської еміграції. Залишив спогади: *Мілюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917): в 2-х т. — М., 1990; див також: *Мілюков П.Н.* Дневник. 1918–1921. — М., 2004. — 847 с.

Його дочка Наталія Павлівна Мілюкова (Старинкевич) (1898–1921) померла від дизентерії.

²⁴² «Архив русской революции», серійне видання документальних матеріалів і спогадів з історії Росії періоду Жовтневої революції 1917 р. і громадянської війни 1917–1922 рр. Видавався в 1921–1937 рр. в Берліні колишнім членом ЦК кадетської партії, редактором газети «Речь» Йосипом Володимировичем Гессеном (1865 або 1866–1943). Перевидано в 11 кн. (22 т.) в Москві в 1991–1993 рр.

²⁴³ Йдеться про спогади Володимира Дмитровича Набокова (1870–1922), адвоката, одного з засновників кадетської партії, члена її ЦК, батька письменника В.В. Набокова. В березні 1922 р. був убитий в Берліні під час лекції П.М. Мілюкова: *Набоков В.Д.* Временное правительство: [Воспоминания] // Архив русской революции, изд. Г.В. Гес-

сеном. — Берлін, 1921. — Т. 1. — С. 9–96 (репр.: М., 1991). Інше вид.: *Набоков В.Д.* Временное правительство и большевистский переворот / Предисл. М.Я. Геллера. — London: Overseas Publications Interchange, 1988. — 176 с.

²⁴⁴ Йдеться про проект «Основ Конституции Российского государства», що належав чеху Карелу Крамаржу (1860–1937), майбутньому першому прем'єр-міністру незалежної Чехословаччини (1918–1919): *Крамарж К.* Основы Конституции Российского Государства // Архив русской революции, изд. Г.В. Гессеном. Берлін, 1921. — Т. 1. — С. 263–287 (репр.: М., 1991).

²⁴⁵ Митрополит Михаїл (В.Ф. Єрмаков) (1862–1929), закінчив Київську духовну академію, 1899 р. хіротонізований на єпископа Новгород-Сіверського. У липні 1921 р. призначений Синодом та Вищою Церковною Радою Патріаршим Екзархом України. Відмовився приєднатися до прорадянської «Живої церкви», а також підписати відозву до вірних і духовенства про беззастережну видачу всіх церковних цінностей. У 1923 р. заарештований, після протестів віруючих звільнений і повернений на кафедру екзарха України. У серпні 1925 р. був знову заарештований і до червня 1926 р. жив у Москві без права виїзду, а потім був засланий в Терську обл., де перебував до вересня 1927 р. Після повернення із заслання отримав дозвіл жити в Харкові. Помер і похований в Києві.

²⁴⁶ Спільне зібрання 24 жовтня 1921 р. за клопотанням РАН вирішило повернути колекції птахів та метеликів професора П.П. Сушкіна (з бібліотекою) та колекцію Андрія Миколайовича Авінова (1884–1949) (ІР НБУВ, ф. І, од. зб. 26231, арк. 1).

Сушкін Петро Петрович (1868–1928), зоолог, палеонтолог, професор Харківського, Таврійського (1918–1920) університетів (за його ініціативою в жовтні 1920 р. В.І. Вернадський був обраний ректором останнього). Співробітник Геологічного і Зоологічного музеїв АН СРСР в Петрограді з 1921 р., академік РАН (1923), академік-секретар Відділення фізико-математичних наук АН СРСР (1927–1928).

²⁴⁷ Листа Вернадського поки не знайдено.

²⁴⁸ Див. коментар № 152 до цього розділу.

²⁴⁹ Можливо, йдеться про газетну статтю: *Ukrajina, Polsko a Rusko* // *Pravo Lidu*. — Praha, 1920. — №139. — S. 2–3.

²⁵⁰ Нарком освіти РРФСР Анатолій Васильович Луначарський (1875–1933).

²⁵¹ *Шарлемань М.В.* Перший державний степовий заповідник Асканія Нова. — К., 1921. — 8 с.

²⁵² Всеукраїнський православний церковний собор, що відбувся 14–30 жовтня 1921 р. в Києві, в Софійському соборі, організаційно оформив Українську автокефальну православну церкву (УАПЦ), оголосив недійсним акт від 1686 р. про підпорядкування Київської митрополії Московському патріархату РПЦ. Собор обрав і хіротонізував руками всіх присутніх пресвітерів на першого єпископа УАПЦ й митрополита Київського і всієї України протоієрея Василя Липківського. (Перший Всеукраїнський православний церковний собор УАПЦ 14–30 жовтня 1921 року: Документи і матеріали. — К.; Львів, 1999).

²⁵³ Моці св. митрополита Київського Макарія, вбитого татарами 1 травня 1497 р. в с. Стріголов на р. Прип'яті під час подорожі з Вільно до Києва, тепер перебувають у Володимирському соборі.

²⁵⁴ «Вісті Всеукраїнської Академії наук» на той час видавати не вийшло. Почали виходити лише 1928 р., з 1936 р. — «Вісник АН УРСР».

²⁵⁵ Можливо, йдеться про Федора Михайловича Морозова (1883–1962), мистецтвознавця, в 1921 р. помічника вченого секретаря Комісії для дослідження собору св. Софії.

²⁵⁶ Такого листа В.І. Вернадського досі не знайдено.

²⁵⁷ З ініціативи В.І. Вернадського та В.Г. Хлопіна 1 січня 1922 р. постановою спеціальної комісії при Наркомосі РРФСР був заснований Державний радієвий інститут. Директором інституту був призначений Вернадський, його заступником — Хлопін

²⁵⁸ Соколов Іван Іванович (1865–1939), філолог-класик, візантиніст, історик церкви і канонічного права. Професор Санкт-Петербурзької духовної академії. 1919 р. займав у Київському університеті кафедру візантології. Член Археографічної комісії, співробітник I відділу УАН з особливих доручень. Повернувся до Петрограда, професор Петроградського богословського інституту. Працював у Ленінградському інституті сходознавства. Заарештований 22 грудня 1933 р., у 1934 р. засуджений до 5 років заслання в Башкирію. Помер в Уфі.

²⁵⁹ М.П. Василенко використовує написання прізвища — Левицький, як і в деяких протоколах Спільного зібрання ВУАН. Йдеться про Левитського Леоніда Макаровича (1892 — за деякими відомостями 1973), від вересня 1920 р. завідувача Київського губернського відділу народної освіти, повноважного представника Наркомосвіти у ВУАН, ректора Київського медичного інституту (1921–1927). В лютому 1922 р. інституцію повноважного представника НКО було скасовано, але швидко відновлено у формі уповноваженого Укрнауки, представника Київського бюро Наукового комітету Укрголовпрофосвіти у зв'язку з утворенням науково-дослідних кафедр. У 1930–1932 рр. Левитський — представник НКО в Раді ВУАН. 1933 р. репресований, висланий до Казахстану.

²⁶⁰ Василенко подає температуру за шкалою Реомюра, що відповідає 25 °С.

²⁶¹ Вотчал Євген Пилипович (1864–1937), фахівець у галузі фізіології рослин. Професор Київського політехнічного інституту (1898–1932). Член Комісії по виробленню законопроекту про заснування УАН, керівник кафедри сільськогосподарської біології Фізично-математичного відділу ВУАН (1918). 5 грудня 1921 р. обраний академіком ВУАН на кафедрі сільськогосподарської біології. Один із засновників Наукового інституту селекції ВУАН, співробітник Інституту ботаніки АН УРСР.

²⁶² Крилов Микола Митрофанович (1879–1955), математик, механік, професор Петербурзького гірничого інституту. Ініціатор відкриття в Криму філії Київського університету, в якому могли б навчатися хворі студенти. Професор Таврійського університету. Академік ВУАН (обрано 2 січня 1922 р. на кафедрі математичної фізики), член-кореспондент АН СРСР (1928), академік АН СРСР (1929).

²⁶³ Косоногов Йосип Йосипович (1866–1922), фізик, геофізик, метеоролог. Професор Київського університету. Член Комісії по виробленню законопроекту про заснування УАН (з липня 1918 р.); академік кафедри фізики Фізично-математичного відділу ВУАН (з 2 січня 1922 р.). Виїхав за кордон, позаштатний академік ВУАН (з липня 1922 р.).

²⁶⁴ Йдеться про Б.Л. Лічкова. Див. коментар № 76 до цього розділу.

²⁶⁵ Йдеться про перший етап грошової реформи 1922–1924 рр. Радянський уряд для стабілізації карбованця («рубля») провів дві деномінації. У 1922 р. були випущені державні грошові знаки РРФСР зразка 1922 р. — так звані «радзнаки» (рос. — совзнаки), 1 крб. яких прирівнювався до 10 тис. колишніх крб. У 1923 р. були випущені «радзнаки», 1 крб. яких дорівнював 1 млн. колишніх крб. і 100 крб. зразка 1922 р. Одночасно з випуском «радзнаків» наприкінці 1922 р. Держбанк випустив червінці, які передбачали можливість обміну на золото.

²⁶⁶ Відповідно до § 21 Статуту УАН (1918 р.): «Всі видання Академії обов'язково повинні друкуватися українською мовою. Коли б автор забажав, Академія друкує ту саму працю рівночасно іншою мовою, якої забажає автор» (див.: Державний вісник. — 1918. — 26 лист. (№ 78); статут передрук.: Правовий статус Академії наук: Історія та сучасність. — К., 1993. — С. 173–187).

²⁶⁷ Йдеться про спогади Сергія Юлійовича Вітте (1849–1915), російського державного діяча, міністра фінансів (1892–1903), голови уряду (1903–1906), голови Комітету фінансів (до 1915 р.): *Vumme С.Ю.* Воспоминания: Царствование Николая II. — Берлин: Слово, 1922. — Т. 1. — XXXV + 511 с.; Т. 2. Изд. 2-е. — XII + 571 с. (більш. повні перевид.: 1) Воспоминания. — М.; Пг.: Гос. изд-во; Тип. «Печат. двор» в Пг., 1923–1924. — Т. 1–3; 2) Избранные воспоминания, 1849–1911 гг.: В 2-х т. — М., 1997. — Т. 1. 351 с.; Т. 2. 399 с.; 3) Воспоминания, мемуары: В 3-х т. — М.; Минск, 2002.; 4) Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: [В 2-х т., 3-х кн.]. — СПб., 2003).

²⁶⁸ Йдеться про записки одного з керівників «Білого руху» Петра Миколайовича Краснова (1869–1947): *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции, изд. Г.В. Гессеном. — Берлин, 1921. — Т. 1. — С. 97–190 (репр.: М., 1991).

²⁶⁹ Йдеться про спогади Миколи Платоновича Карабчевського (1851–1925), адвоката, письменника і публіциста, видатного оратора, емігранта: *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели: [Воспоминания]: В 2-х т. Берлин: Изд. Ольги Дьяковой и К°, 1921. — Т. 1: В детстве. — 167 с.; Т. 2: Революция и Россия. — 168 с. (перевид. уривку: — Февральская революция. — М.; Л., 1925. — С. 316–335; — М.; Л., 1926. — С. 316–335; Страна гибнет сегодня. — М., 1991. — С. 154–172).

²⁷⁰ Катков Михайло Мефодійович (1861 — за деякими відомостями 1941), правник, професор Київського університету. 1921 р. емігрував до Чехословаччини. Один із засновників Російського юридичного факультету в Празі, де читав лекції з історії римського права.

Якубаніс Генріх (Роман) Іванович (Henryk Roman Jakubanis, 1879–1949), фахівець з античної філософії. Приват-доцент Київського університету. У 1916–1918 рр. викладав у польському Університетському колегіумі. У січні 1922 р. емігрував до Польщі. Професор Люблінського католицького університету. У листопаді 1939 р. заарештований, після півроку за ґратами — звільнений. Помер у Любліні.

Руберт Іван Юлійович (Jānis Ruberts) (1874–1934), офтальмолог, з 1910 р. приват-доцент Київського університету, в 1919–1921 рр. професор Київського медичного інституту. З 1922 р. очолював кафедру очних хвороб Латвійського університету і став у 1932 р. засновником Латвійського офтальмологічного товариства.

Сонні Адольф Ізраїлевич (1861–1922), філолог-класик, заслужений професор Київського університету, Вищих жіночих курсів у Києві. Помер у Києві 8 березня 1922 р.

²⁷¹ Письменник Володимир Галактіонович Короленко (1852–1921), який доводився троюрідним братом В.І. Вернадському, помер 25 грудня 1921 р.

²⁷² Лобода Андрій Митрофанович (1871–1931), фольклорист, літературознавець, етнограф. Професор Київського університету, академік ВУАН (з 1922 р.), член-кореспондент РАН (1924), віце-президент ВУАН (1923–1925).

²⁷³ *Сушицький Т.П. [Ф.П.]* Західноруські літописи як пам'ятки літератури. — К.: ВУАН, 1921. — Ч. 1. — [4], 136 с. (Зб. Іст.-філол. відділу, ч. 2); частина 2 цього дослідження вийшла лише 1929 р., а обидві частини передруковані разом 1930 р.

²⁷⁴ Соболевський Олексій Іванович (1857–1929), філолог-славіст, етнограф, академік Петербурзької АН (1900), член Державної Ради, активний учасник правомонархічного руху, товариш голови Союзу російського народу. Піддавався арештам за більшовиків.

²⁷⁵ Листа не знайдено.

²⁷⁶ Прізвище прочитано укладачами умовно. Йдеться, можливо, про Олексія Петровича Баранникова (1890–1952), індолога, академіка АН СРСР (1939). Закінчив Київський університет. В 1921–1928 рр. учений-хранитель Етнографічного відділу Російського музею, професор Петроградського (Ленінградського) інституту живих східних мов і Ленінградського університету.

²⁷⁷ Гревс Іван Михайлович (1860–1941), історик, культуролог, краєзнавець, засновник петербурзької школи медієвістики, професор університету. Близький друг Вернадського з часу гуртка «Братство». Пішовши 1923 р. з університету внаслідок незгоди з установками М.М. Покровського, читав лекції про вивчення життя міст і архітектурних ансамблів. У 1934 р. продовжив роботу в Ленінградському університеті. *Гревс І.М.* 1) В годы юности. За культуру // Былое. — 1918. — № 12. — С. 42–88; 2) В годы юности. Отрывок 2-й: После студенчества. Наше братство // Былое. — 1921. — № 16. — С. 137–166.

²⁷⁸ Жураковський Анатолій Євгенович (1897–1937), священник, проповідник і церковний письменник. У 1920 р. закінчив Київський університет, прийняв сан священника, в 1923 р. заарештований і засланий в м. Краснококшайск (нині Йошкар-Ола). У 1924 р. звільнений, але в 1930 р. вдруге заарештований. Пройшов в'язниці, Біломорканал і Соловки. У 1937 р. розстріляний в Карелії. У 1981 р. був зарахований до лику святих Російською православною церквою за кордоном.

²⁷⁹ Д.К. Заболотного було офіційно обрано на Спільному зібранні 6 лютого 1922 р. на кафедру експериментальної медицини.

²⁸⁰ Йдеться про вертикальні сейсмографи, розроблені видатним геофізиком, академіком Петербурзької АН князем Борисом Борисовичем Голіциним (1862–1916).

²⁸¹ Косткевич Олександр Іполитович (1865–1922), терапевт, професор Київського університету, викладав в Українському державному університеті.

²⁸² «Berliner Tageblatt», щоденна газета ліберальної спрямованості, що виходила в 1872–1939 рр. в Берліні. Редактором у 1906–1933 рр. був впливовий публіцист Теодор Вольф.

²⁸³ Можливо, йдеться про Петра Григоровича Ковалевського (Ковалівського) (1865–1942), професора Харківського інституту народної освіти, викладача краєзнавства та працезнавства, наукового співробітника Музею Слобідської України ім. Г. Сковороди.

²⁸⁴ Щоголев Павло Єлисейович (1877–1931), літературознавець, історик, пушкініст, один з видавців журналу «Былое» (1906–1907), «Минувшие годы» (1908). У 1917 р. відновив видання «Былое», журнал виходив до 1926 р.

²⁸⁵ Корнілов Олександр Олександрович (1862–1925), історик, автор першого систематичного курсу історії Росії XIX ст., монографій про М.О. Бакуніна. Секретар ЦК кадетської партії; професор Петербурзького політехнічного інституту (1909–1923). Близький друг В.І. Вернадського. (Див.: *Корнилов А.А.* Воспоминания // Вопросы истории. — 1994. — № 2. — С. 147–159; № 3. — С. 126–152; № 4. — С. 136–149; № 5. — С. 106–124; № 7. — С. 120–139; № 8. — С. 108–128; № 9. — С. 112–122; № 10. — С. 122–157; *Корнилов А.А.* Воспоминания / Публ. М. Сорокиной // Минувшее: Исторический альманах. — М.; СПб., 1992. — Вып. 11. — С. 9–118).

²⁸⁶ З 1921 р. професором Сорбонни став Валеріан Костянтинович Агафонов (1863–1955), ґрунтознавець і геолог, старий друг Вернадського. У грудні 1921 р. в РАН надійшло запрошення від ректора Сорбонни П. Аппеля для В.І. Вернадського прочитати курс лекцій в якості професора. У січні 1922 р. Вернадський прийняв запрошення і в травні з дружиною і дочкою виїхав до Франції через Прагу, де знаходився син Г.В. Вернадський з дружиною.

²⁸⁷ На Спільному засіданні 27 лютого 1922 р. М.П. Василенко заявив з цього приводу «про зняття з себе всіх обов'язків Голови-Президента» (ІР НБУВ, ф. І, од. зб. 26244, арк. 2). В грудні 1922 р. М.П. Василенка оберуть головою 3-го, Соціально-економічного, відділу ВУАН.

²⁸⁸ Див. коментар № 259 до цього розділу.

²⁸⁹ Обрання нового президента відбулося 27 березня 1922 р. О.І. Левицький отримав 16 голосів «за» та 4 «чорних кулі».

²⁹⁰ Обрання відбулося 27 березня 1922 р. — О.М. Гілярова було обрано по кафедрі філософії права; Й.Й. Косоногова (про нього див. коментар № 263 до цього розділу) — по кафедрі фізики.

Гіляров Олексій Микитович (1855, за іншими відомостями 1856–1938 рр.), знавець античної філософії. Закінчив Московський університет, професор Київського університету та Вищих жіночих курсів. Академік ВУАН (1922). Прихильник і послідовник панпсихізму Г. Фехнера. Після 1927 р. праці Гілярова як філософа-ідеаліста не видавалися. Син відомого слов'янофіла, публіциста, вченого М.П. Гілярова-Платонова.

²⁹¹ Генуезька конференція (10 квітня — 19 травня 1922 р.) не завершилася легітимацією Заходом Радянської Росії, яка відмовилася визнати всі фінансові зобов'язання дореволюційного часу, а також західні збитки в роки революції та громадянської війни.

²⁹² 28 березня 1922 р. В.Д. Набоков був убитий під час лекції П.Н. Мілюкова «Америка і відновлення Росії» в будівлі Берлінської філармонії. Набоков спробував нейтралізувати чорносотенця, який стріляв у Мілюкова, але був застрелений напарником нападника.

²⁹³ Цього листа не знайдено в архіві В.І. Вернадського, що зберігається в АРАН (ф. 518).

²⁹⁴ Лекції з геохімії, які Вернадський читав у Сорбонні в 1922–1923 рр., були видані французькою мовою в 1924 р.: *Vernadsky V. La géochimie*. — Paris: Alcan, 1924. — 404 р.

²⁹⁵ Можливо, йдеться про статтю: *Vernadsky V.I. A plea for the establishment of a biogeochemical laboratory // The Marine Biological Station at Port Erin (Isle of Man) Annual Report: Transact. of the Liverpool Biol. Soc.* — 1923 — V. 37. — P. 38–43.

²⁹⁶ За посиланням Вернадського, йдеться про кн.: *Lacroix A. Minéralogie de Madagascar*: Vol. 1–3. — Paris: Challamel, 1922–1923. — Vol. 1. — 624 p.; Vol. 2. — 694 p.; Vol. 3. — 450 p.

Cayeux L. Introduction à l'étude Pétrographique des Roches Sédimentaires / par M. Lucien Cayeux: V. 1–2. — Paris, 1916.

²⁹⁷ Г.В. Вернадський з дружиною в січні 1922 р. приїхав з Греції в Прагу і одразу ж включився в роботу з організації російських науково-навчальних установ. Він став професором юридичного факультету Карлова університету, навіть опублікував навчальні посібники з історії російського права XVIII–XX ст. Але під впливом лекцій та спілкування з Н.П. Кондаковим зміцнів інтерес Г.В. Вернадського до вивчення Візантії і Сходу. (Див.: *Болховитинов Н.Н. Жизнь и деятельность Г.В. Вернадского (1887—1973) и его архив // Slavic Research Center Occasional Papers*. — Sapporo; Slavic Research Center Hokkaido University, 2002. — № 82). Ніна Володимирівна Вернадська навчалася на медичному факультеті Карлова університету.

²⁹⁸ Докладніше див: *Письма В.И. Вернадского детям / Публ. М.Ю. Сорокиной // Природа*. — 2004. — № 1. — С. 64–80.

²⁹⁹ В.І. Вернадський привітав М.П. Василенка з одруженням із Наталією Дмитрівною Полонською, яке сталося 28 квітня 1922 р. Далі в листах до Василенка будуть часті привітання дружині — Н.Д. (Нат. Дм., ін. форми). Про неї докладніше далі — коментар № 548 до цього розділу.

³⁰⁰ Вернадський відклав повернення до Петрограда й у подальшому. У червні 1924 р. для робіт з живої речовини він отримав субсидію на рік від створеного підприємцем російського походження Л. Розенталем Фонду (звіт по цим дослідженням був представлений як брошура «*La matière vivante dans la biosphère*», що була опублікована в російському перекладі через 70 років: *Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера*. —

М.: Наука, 1995. — С. 555–602). У вересні 1924 р. через порушення термінів повернення Вернадський був навіть виключений із членів АН СРСР, але в жовтні 1925 р. відновлений в цьому званні. В березні 1926 р. він з дружиною повернувся до Ленінграда. У Празі залишилася дочка Ніна Володимирівна, яка вийшла заміж.

³⁰¹ Фурньє д'Альба Едмунд Едвард (1868–1933), ірландський лінгвіст, філософ, фізик, есперантист, винахідник оптофона. У 1923 р. першим у світі бездротовим способом передав фотографію (зображення короля Георга V).

³⁰² *Василенко М.П.* Академік Орест Іванович Левицький, 9 травня (26 квітня) 1922 р. // Зап. соціал.-екон. відділу УАН. — К., 1923. — Т. 1. — С. XVI–XCVIII; *Він же.* Кременецький ліцей і Університет святого Володимира: іст.-юрид. розвідка // Там само. — С. 151–199.

³⁰³ Див. коментар № 203 до цього розділу.

³⁰⁴ Йдеться про О.В. Корчака-Чепурківського. Див. коментар № 106 до цього розділу.

³⁰⁵ Пізніше, в 1941 р., Вернадський записав в «Хронології»: «10 янв. (1926 г.) свадьба в Празі Ниночки с Николаем Петровичем Тол(л)ь. Этот брак не стал тем, которого бы мы хотели. Мы оба с Наташей были на свадьбе. Свадьба была в церкви, общей для гуситов и православных. Теперь, когда прошло 15 лет, можно судить обо всем иначе. Оба брака детей дали им счастье, но для нас обоих настоящей близости с зятем и невесткой нет. Я считаю Н[иколая] П[етровича] лучшим человеком, чем Нину Верн[адскую] (невестку). Это человек честный, умный, преданный науке. Его первая жена, теперь Владимірова, живет в г. Владимире и иногда бывает у нас. По существу брак Ниночки дал много ей хорошего, и странно мне не быть довольным. Они довольны друг другом, и по существу ничего нельзя сказать. 11.ІІ.1941» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — М.: Наука, 2001. — С. 13).

Толль (Толь) Микола Петрович (1894–1975) був полковником-артилеристом в Білій армії. У Празі закінчив філософський факультет Карлова університету, отримав докторський ступінь, археолог, в 1932–1938 рр. директор Інституту ім. Н.П. Кондакова, з 1939 р. — в США, обіймав кафедру іраністики в Йельському університеті.

³⁰⁶ Майже трирічну перерву в листуванні можна, очевидно, пояснити розумінням обох кореспондентів недоцільності Василенку писати за кордон в умовах переслідування владою за звинуваченням в контрреволюційних діях і зв'язках з еміграцією. Зазначимо також, що в листах до Вернадського після повернення того з-за кордону Василенко жодного разу не намагається розповісти про свою долю за ці роки. Про важкі роки, на які припали арешт у вересні 1923 р., суд і вирок у квітні 1924 р. в справі «Київського обласного центру дії», в'язниця, звільнення, майже півторарічна боротьба дружини Н.Д. Полонської-Василенко за амністію, повернення до праці тощо див: *Вороненко В.В., Кістерська Л.Д., Матвєєва Л.В., Усенко І.Б.* Микола Прокопович Василенко. — К., 1991. — 272 с.; *Усенко І.Б.* Етапи життя і творчості М.П. Василенка // *Вибрані твори у трьох томах.* — К., 2006. — Т. 1: Історичні праці. — С. 5–24; *Вєрба І.В.* Життя і творчість Наталії Полонської-Василенко (1884–1973). — Ніжин, 2008. — С. 99–103; *Полонська-Василенко Н.* Спогади. — К.: Видавн. дім «Києво-Могилянська академія», 2011.

³⁰⁷ Йдеться про створення Академії наук СРСР на базі Російської АН на підставі постанови ЦВК і РНК СРСР від 27 липня 1925 р. До урочистостей щодо 200-річчя Академії наук в Росії, яке відзначалося 5 вересня 1925 р., вже було прийнято і новий статут АН СРСР.

³⁰⁸ Йдеться про план утворення Ботанічного саду при УАН. Його мали розмістити на землях Голосіївського лісу, однак остаточно дозволу від властей на це не вдалося отримати. Лише восени 1935 р. для ботанічного саду при Інституті ботаніки АН УСРР

виділили ділянки площею в 117 га на схилах Дніпра, на Звіринці — нині Національний ботанічний сад ім. М. Гришка НАН України.

³⁰⁹ В.О. Кістяківський, не отримавши належних умов для наукової роботи в Києві, повернувся в Петроград, а 1924 р. був обраний членом-кореспондентом РАН.

³¹⁰ О.І. Левицький помер 9 травня 1922 р., побувши президентом ВУАН менше двох місяців. Посада на кафедрі звичаєвого права України залишилась вакантною. І.О. Малиновського, якого було звільнено достроково від відбування покарання в Росії, знову обрано академіком ВУАН 6 квітня 1925 р. У січні 1926 р. він переїхав до Києва.

³¹¹ Гуляев Олександр Михайлович (1863–1923), юрист, професор Київського, Московського університетів, академік ВУАН (з 1923 р.).

Гордон Володимир Михайлович (1871–1926), юрист, засновник харківської наукової школи правознавців. Професор Харківського, Таврійського університетів, Харківського інституту народного господарства, академік ВУАН (з 1925 р.).

³¹² Йдеться про вплив і самовладдя в Петербурзькій АН І.Д. Шумахера (1690–1761), який багато років фактично правив Академією і якого М.В. Ломоносов назвав «бичем для професорів».

³¹³ Див., наприклад: *Грич І.Б.* 1) М. Грушевський і С. Єфремов (до історії наукових, літературних і особистих взаємин) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. — К., 1994. — № 3. — С. 65–75; 2) М. Грушевський і С. Єфремов на тлі суспільно-політичного життя кін. ХІХ — 20-х рр. ХХ ст. // Укр. історик. — 1996. — Ч. 1–4(128–131). — С. 142–187.

³¹⁴ [Грушевський М.С.] Всеукраїнська Академія Наук (ВУАН) // Україна. — 1925. — № 1/2. — С. 211–221. В цій статті, зокрема, критикувалася концепція створеної за гетьманату П. Скоропадського Академії, яка, за оцінкою автора, була «чужим обручительним паростком», некоректно звинувачувалися академіки-фундатори УАН у тому, що вони не брали участі в українській науковій і громадській роботі. (Докладніше про контраверсійні підходи Грушевського та Вернадського до концепції УАН див. зокрема: *Сохань П.С., Ульяновський В.І., Кіржаєв С.М.* М.С. Грушевський і Academia: Ідея, змагання, діяльність. — К., 1993. — С. 43–54; 82–83). Додамо: у вересні 1942 г. Вернадський записав у щоденнику, що «все собирався прочитати — но не прочел до сих пор» статтю Грушевського в «Україні». (*Вернадский В.И.* Дневники: июль 1941 — август 1943 гг. — М., 2010. — С. 268).

³¹⁵ Спогади В.І. Вернадського про заснування УАН див.: Т. 1, кн. 1. — С. 543–567; 641–665.

³¹⁶ На Спільному зібранні Академії в березні 1926 р. її президент В.І. Липський прочитав замітку з газети «Известия» за 9 березня 1926 р. про те, що в Ленінград повернувся «знаменитий російський геолог і мінералог академік Вернадський». Спільне зібрання УАН постановило надіслати Вернадському, який «грав найвизначну роль в заснуванні Академії наук і був її першим президентом», телеграму з привітанням з приводу його повернення, висловивши сподівання, що він «знову стане в найтісніший зв'язок з Українською Академією наук». (*Ситник К.М., Апанович Е.М., Стойко С.М.* В.И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине. — 2-е изд. испр. и доп. — К.: Наук. думка, 1988. — С. 110).

³¹⁷ *Василенко М.П.* Як скасовано Литовського Статута (з історії кодифікації західно-руського та українського права) // Зап. соціал.-екон. відділу УАН. — 1926. — Т. 2/3. — С. 232–316 (окр.: К., 1926. — 85 с.). Перевид. у кн.: *Василенко М.П.* Вибрані твори у трьох томах. — К., 2006. — Т. 2: Юридичні праці. — С. 286–354.

³¹⁸ Йдеться про Г.Є. Старицького та Г.В. Вернадського. Див. коментарі № 122 і № 50 до цього розділу.

³¹⁹ Російська громадська бібліотека ім. І.С. Тургенєва існує в Парижі 1875 р. Фінансову допомогу їй надає паризька мерія.

³²⁰ В.І. Вернадський згадав звіт про роботу Комісії в справах вищої школи та наукових закладів України, секретарем якої був Б.Л. Лічков (звіт не було надруковано). Проте питанням утворення Академії опікувалася інша комісія, секретарем якої був В.Л. Модзалевський, і матеріали цієї комісії було надруковано. (Див.: Збірник праць Комісії для вироблення законопроекту про заснування Української Академії наук у Києві. — К., 1919. — IV, 88, XXXIV с.; виданий був також російськомовний варіант — Сборник трудов Комиссии по выработке законопроекта об учреждении Украинской Академии наук в Киеве. — К., 1919. — 136 с.; 1918 р. окремо було також надруковано пояснювальну записку міністра народної освіти та мистецтва М. Василенка до Ради міністрів Української Держави щодо законопроекту про заснування УАН — передрук. у: Історія Академії наук. Документи і матеріали: В 3-х т. — Т. 1: 1918–1923 рр. — К., 1993. — С. 148–161).

³²¹ Йдеться про кн.: *Дорошенко Д.І.* Історія України, 1917–1923 р.: [в 2т.]. Т. 1: Доба Центральної Ради. — Ужгород, 1923. — 437, XXI с.; Т. 2: Українська Гетьманська Держава 1918 року. — Ужгород, 1930. — 424, LXXXVI с. (перевид. з передм. та комент. К.Ю. Галушка. — К., 2002). Див також: *Дорошенко Д.І.* Мої спомини про недавнє минуле, (1914–1918): (в 4-х ч.). Ч. 3: Доба Гетьманщини, (1918). — Л.: Червона Калина, 1923. — 122 с. Можна припустити, що Вернадський якимось чином спілкувався з Д. Дорошенком, коли майже за 4 роки до видання (Ужгород, 1930) знав про главу в книзі українського емігранта. В архіві В.І. Вернадського (АРАН, ф. 518) нема листів Д.І. Дорошенка.

³²² Див. коментар № 151 до цього розділу.

³²³ Філософська лірика Ф. Тютчева, його поетичні образи надихали В.І. Вернадського в его науковому осмисленні єдності будови світу, розвитку в системі «природа — суспільство — людина». Рядки поета Вернадський неодноразово цитував у своїх наукових працях. Епіграфом до першого нариса книги академіка «Біосфера» (Л., 1926) — «Біосфера и космос», стали, наприклад, рядки:

«Невозмутимый строй во всем,

Созвучье полное в природе».

³²⁴ У празький період життя Г.В. Вернадський знайомиться з П.М. Савицьким, одним з ідеологів євразійської течії. В рамках цієї течії Г.В. Вернадський пише роботу «Начертание русской истории с евразийской точки зрения» (1927 г.). Сам Георгій Володимирович десятиліттям пізніше зазначав: «Вся Евразия как целое должна рассматриваться, как единое историческое месторазвитие. Процесс заселения и объединения русским народом обширной территории Евразии нельзя понять иначе, как на основе концепции Евразии, как особого историко-географического мира. В этом смысле и нужно видеть в Евразии, как в целом, историческое месторазвитие русского народа» (*Вернадский Г.В.* Краткое изложение евразийской точки зрения на русскую историю — рукоп. Цит. за: *Козляков В.Н.* Георгий Владимирович Вернадский (1887—1873) и его «Очерки по русской историографии» // *Вернадский Г.В.* Русская историография. — М., 1998. — С. 13).

³²⁵ Г.В. Вернадський був активним учасником і одним з організаторів знаменитого Кондаковського семінарія в Празі, який пізніше перетворився на інститут. На III з'їзді російських академічних груп у Празі 25 вересня 1924 р. в день його відкриття Г.В. Вернадський виступив з промовою «О значении научной деятельности Н.П. Кондакова. К 80-летию со дня рождения, 1844 — 1 ноября 1924». Видана окремою брошурою в Празі 1924 р.: Сборник статей, посвященный памяти Н.П. Кондакова = Recueil d'études,

dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov: Archeologie. Histoire de l'art. Etudes byzantines. — Prague: Seminarium Kondakovianum, 1926. — 295 p.

³²⁶ Ще 1924 р. В.І. Вернадський писав сину: «По вопросу об Украинской Академии Наук ты, мне кажется, не прав. Нельзя ее сравнивать с Российской, которая и сейчас стоит вне сравнения со всеми — закордонными и внутрirusскими научными русскими организациями. И сейчас я вижу, что ее научная работа — и качественно, и количественно — вполне сравнима с такими большими европейскими организациями, как Institut de France или Kaiser Wilhelm Institute. А Украинская Академия, начатая среди революции и работающая в советских условиях, все сделала и делает большую работу» (Письма В.И. Вернадского детям / Публ. М.Ю. Сорокиной // Природа. — 2004. — № 1. — С. 77).

³²⁷ *Дорошенко Д.І.* Огляд української історіографії: Держав. школа: Історія. Політологія. — Прага, 1923. — XXX, 255с. (перевид.: К., 1996).

³²⁸ *Вернадский Г.В.* Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года: Историко-юридический очерк. — Прага: Русская юридическая секция, 1925. — III, 263, VIII, IV с. (Литогр. видання). Через нестачу коштів опублікувати книгу як слід не вдалося. У 1933 р. після авторських виправлень і доповнень Серж Ольденбург переклав цю книгу французькою, і вона набула поширення не тільки в Європі, але і в США: *Vernadsky G.* La charte constitutionnelle de l'empire Russe de l'an 1820 / Trad. du russe par Serge Oldenbourg. — Paris: Librairie du Recueil Sirey, 1933. — VIII, 283 p. (Див.: *Болховитинов Н.Н.* Жизнь и деятельность Г.В. Вернадского... — С. 21).

³²⁹ Йдеться про князя Репніна (Репніна-Волконського) Миколу Григоровича (1778–1845), малоросійського генерал-губернатора (1816–1834), якого деякі дослідники вважають українським автономістом. Про нього див.: *Павловський І.Ф.* К истории Малороссии во время генерал-губернаторства кн. Н.Г. Репнина (Очерки, материалы и переписка по архивным данным) // Тр. Полтав. губ. учен. архивн. комиссии. — Полтава, 1905. — Вып. 1. — 214 с. (листування М.Г. Репніна — С. 124–154) та інші праці Павловського; *Шандра В.С.* Малоросійське генерал-губернаторство в період урядування М.Г. Репніна (1816–1834) // Укр. іст. журн. — 2000 — № 4. — С. 79–90; № 5. С. 78–88.

Щодо архіву — питання про місцезнаходження яготинського архіву родини Репніних залишається відкритим. (Див.: *Чикаленко-Келлер Г.* Репніни та Яготинська бібліотека // Науковий збірник УВАН. — Нью-Йорк, 1953. — С. 138–152. Передрук: Бібліотечний вісник. — 1993. — № 1/2. — С. 39–53).

³³⁰ Йдеться про С.О. Єфремова. Див. коментар № 177 до цього розділу.

³³¹ Йдеться про Ганну Георгіївну Старицьку, племінницю Н.Є. Вернадської.

³³² З 1921 р. родина Вернадських проживала в одній квартирі з сім'єю історика-візантолога академіка Федора Івановича Успенського (1845–1928) в «будинку академіків» (Василівський острів, 7-ма лінія, буд. 2). В березні 1920 р. Ф.І. Успенський звертався до Ради РАН «в надежде, что будут приняты хотя бы некоторые меры, дабы дать мне покой в моем скромном помещении из двух комнат». «Вот уже пять дней, — писав Ф.І. Успенський, — как квартира академика В.И. Вернадского, временно занимаемая мной, подвергается ежедневному разгрому. Все помещения осматриваются, ящики и сундуки взламываются, все в них содержимое переносится в особые корзины и ящики и запечатывается (...) Разбрасывают вещи и делают существование как для меня, так в особенности для моей больной жены отяготительным. По ошибке или по излишней ревности в опись попали и мои собственные драгоценные рукописи ...» (цит. за: *Лебедева Г.Е., Якубский В.А.* К истории изучения творческой биографии академика Ф.И. Успенского (петроградско-ленинградский период жизни Ф.И. Успенского, судьба научного наследия) // Античная древность и средние века. — Екатеринбург, 2004. — Вып. 35. — С. 258).

³³³ Див. лист до А.Ю. Кримського від 22 березня 1926 р. в другій книзі цього видання.

³³⁴ В архіві В.І. Вернадського зберігся супровідний лист від канцелярії неодмінного секретаря ВУАН від 30 березня 1926 р., в якому перераховано назви 54 відісланих видань Академії (АРАН, ф. 518, оп. 4. спр. 101, арк. 1).

³³⁵ *Тітов Х.І. [Ф.І.]* Стара вища освіта в Київській Україні XVI — поч. XIX в.: із 180 мал. / Передм. А.Ю. Кримського. — К.: УАН, 1924. — II, (13–432) с.: — (Зб. іст.-філол. від.; № 20).

Грушевська К.М. З примітивної культури. — К.: Держвидав України, 1924. — 224 с. (Передмову до книги — про діяльність Українського соціологічного інституту — написав академік М.С. Грушевський).

³³⁶ Очевидно, йдеться про кн.: *Багалій Д.І.* Нарис української історіографії. — К.: Друкарня Української Академії Наук, 1925. — Т. 1, вип. 2: Джерелознавство. — 108 с.

³³⁷ Можливо, йдеться про: Російсько-український словник. Т. 1. — К.: Червоний шлях, 1924. — XIV, 290 с. (Зб. іст.-філ. відділу ВУАН; № 24).

³³⁸ Мабуть, йдеться про: *Резанов В.* Драма українська: Старовинний театр український. Вип. 1: Вступ. Сценічні виставки в Галичині. — К., 1926. — 204 с. (Зб. іст.-філ. відділу ВУАН; № 7); *Теж саме.* — Вип. 3: Шкільні дійства великоднього циклу: Дод. — К., 1926. — 394 с.

³³⁹ Збірка матеріалів до історії Лівобережної України та українського права XVII–XVIII вв. / Підг. М. Василенко // Укр. археогр. зб. — К., 1926. — С. 50–164.

³⁴⁰ Бялиницький-Біруля Олексій Андрійович (1864–1937), зоолог і художник-пейзажист, професор Ленінградського університету, директор Зоологічного музею АН СРСР, дослідник Арктики.

³⁴¹ Коковцов (Коковцев) Павло Костянтинович (1861–1942), сходознавець-гебраїст, семітолог, ординарний академік Петербурзької АН з 1912 р., однокашник В.І. Вернадського по Петербурзькій гімназії. Закінчив факультет східних мов Петербурзького університету.

³⁴² Академік М.Ф. Біляшівський помер 21 квітня 1926 р. Про нього див. коментар № 107 до цього розділу.

³⁴³ Ханенко Богдан Іванович (1850–1917), підприємець, меценат. Голова Товариства цукробурякових та рафінадних заводів братів Терещенків. На базі власних колекцій створив Київський художньо-промисловий і науковий музей (1904), зібрання творів мистецтва заповідав Києву.

³⁴⁴ Щербаківський Данило Михайлович (1877–1927), археолог, музейний діяч, мистецтвознавець. Завідувач історико-побутового та етнографічного (згодом — народного мистецтва) відділу в Київському історичному музеї (1910–1927), зібрав значну колекцію. Співорганізатор Української державної академії мистецтв. Протистояв розоренню музею спеціальними комісіями ЧК, домігся повернення з Москви та Петрограда до Києва близько 5000 речей. Через цькування й переслідування покичив життя самогубством.

³⁴⁵ З цього питання див.: *Ульяновський В.І.* Бібліотека «знань» і технологія праці Володимира Іконнікова // Студії з архівної справи та документознавства. — К., 2004. — Т. 11. — С. 224–238.

³⁴⁶ Особу не встановлено.

³⁴⁷ Можливо, йдеться про якийсь видання історика Василя Івановича Семевського (1848–1916) або ж його брата, історика і видавця часопису «Русская старина» Михайла Івановича Семевського (1837–1892).

³⁴⁸ Платонов Сергій Федорович (1860–1933), історик, академік РАН, був директором Бібліотеки АН з 1925 по 1928 р.

³⁴⁹ Марр Микола Якович (1864/1865–1934), сходознавець і лінгвіст, академік РАН, був директором Державної публічної бібліотеки з 1924 по 1930 р.

³⁵⁰ Йдеться про Б.Л. Лічкова. Див. коментар № 76 до цього розділу.

³⁵¹ До книги, написаної й видрукованої російською (в старій дореволюційній граматиці), додано сторінку змісту та передмову (с. I–II) від УАН українською, набрано також українську назву — форзац. Цікаво, що в передмові, написаній неодмінним секретарем ВУАН А.Ю. Кримським і датованій 1 липня 1924 р., зазначено, що цю книгу врятовано від потрапляння в макулатуру київськими Губполітосвітою та Губполітконтролем (реверанс у бік влади і подяка неодмінного секретаря) — аркуші книжки були віддруковані, але не сфальцьовані. Щодо повноти книжки А.Ю. Кримський вказав, що розвідка Ф.І. Тітова «безперечно мала б складатися з двох частин» — та, що віддрукована й збереглась, завершується в основному історією Київської академії до 1819 р. і «має цілком самостійний інтерес». Другої ж частини — після перетворення згаданої в Духовну академію — немає, й Кримський пропонує особливо не жалкувати, бо «коли б вона зацілила, то тепер була б виглядала, як дивовижний, навіть сміхотворний анахронізм».

³⁵² *Vernadsky V.I. L'autotrophie de l'humanité // Revue générale des Sciences. — Paris, 1925. — Vol. 36, № 17/18. — P. 495–502.*

³⁵³ Праці Комісії для виучування історії західноруського та українського права / Під ред. М.П. Василенка. — К., 1925. — Вип 1. — X, 182 с.; К., 1925. — Вип 2. — XIV, 306 с.

³⁵⁴ В.І. Вернадський отримав запрошення на II Всесоюзний геологічний з'їзд, що відбувся в Києві з 30 вересня по 6 жовтня 1926 р. Його обрали головою з'їзду. Це був перший приїзд В.І. Вернадського до Києва після 1919 р.

³⁵⁵ В.І. Вернадський разом з дружиною відпочивав у Єсентуках з 15 липня по 20 вересня 1926 р.

³⁵⁶ Нейолова Лідія Олександрівна, двоюрідна сестра В.І. Вернадського, дочка його тітки по материнській лінії Єлизавети Петрівни Нейолової (дівоч. Константинович) (1824–1889). Померла в глибокій старості в Києві під час німецької окупації в 1941 або в 1942 р. Володимир Іванович матеріально допомагав їй аж до початку війни. (Див. також листування В.І. Вернадського в В.І. Липським у другій книзі цього видання).

³⁵⁷ Див. лист В.І. Вернадського до А.Ю. Кримського від 13 лютого 1927 р. у другій книзі цього видання.

³⁵⁸ Ювілейний збірник на пошану Академіка Дмитра Йвановича Багалія з нагоди сімдесятої річниці життя та п'ядесятих роковин наукової діяльності. — К.: З друкарні Української Академії Наук, 1927. — XI, 1187 с., розд. паг.; див. також: Ювілей академіка Дмитра Івановича Багалія (1857–1927) / Упоряд.: М.З. Левченко. — К.: Друк. Всеукр. АН, 1929. — XX, 218 с. (Зб. іст.-філол. відділу ВУАН; № 626).

³⁵⁹ Йдеться про необрання Є.В. Оппокова на академіка під час попереднього голосування у 2-му відділенні УАН. Докладніше див. лист Є.В. Оппокова до В.І. Вернадського від 30 листопада 1926 р. у другій книзі цього видання

³⁶⁰ Очевидно, Ланге Октавій Костянтинович (1883–1975), гідрогеолог і геолог, в 1919–1924 рр. хранитель Геологічного музею Московського університету, професор Середньоазіатського (пізніше Ташкентського) університету, Середньоазіатського політехнічного інституту, Московського університету.

³⁶¹ У 1921 р. В.І. Вернадський ініціював створення Комісії з історії науки. Постанова про створення такої комісії, що згодом отримала назву Комісії з історії знань, було прийнято на Загальних зборах Академії наук 14 травня 1921 р. Але від'їзд Вернадського в тривале закордонне відрядження перервав роботу комісії. 6 грудня 1924 р. Загальні

збори постановили «закрити КІЗ». Після повернення до Ленінграда Вернадський ставить питання про відновлення роботи комісії. Перше засідання КІЗ відбулося 14 листопада 1926 р. На ньому Вернадський зробив доповідь «Думки про сучасне значення історії знань». Вернадський був головою комісії до 1931 р. Видання: Труды Комиссии по истории знаний. Л., 1927–1931. Вып. 1–11. На базі КІЗ 1932 р. утворено Інститут історії науки і техніки АН СРСР. Детальніше див.: Комиссия по истории знаний, 1921–1932 гг.: Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сб. документов / Сост. В.М. Орел, Г.И. Смагин. — СПб., 2003. — 765 с.

Див. також: *Вернадский В.И.* 1) Записка о необходимости возобновления работ Комиссии по истории знаний // Изв. АН СССР. — Сер. 6. — 1926. — Т. 20, № 18. — С. 1692–1694; 2) Мысли о современном значении истории знаний: Докл., прочит. на 1-м заседании Комис. по истории знаний 14 окт. 1926. — Л.: Изд-во АН СССР, 1927. — 17 с. (Тр. Комис. по истории знаний; Вып. 1); 3) Памяти академика К.М. фон Бэра // Первый сборник памяти Бэра. — Л.: Изд-во АН СССР, 1927. — С. 1–9. — (Тр. Комис. по истории знаний; Вып. 2).

³⁶² 2 січня 1927 р. в приміщенні Бібліотеки Академії наук СРСР (Біржова лінія, 1) відкрилася виставка в пам'ять одного з основоположників ембріології і порівняльної анатомії академіка Карла Максимовича Бера (1792—1876) з нагоди сторіччя від дня його обрання членом-кореспондентом АН. В.І. Вернадський виступив з промовою на відкритті виставки. Основні торжества, присвячені пам'яті Бера, вирішено було провести 27 серпня 1928 р. Проте торжество відбулося 20 березня.

³⁶³ Урочисте засідання Академії наук, присвячене 200-річчю від дня смерті Ісаака Ньютона, відбулося 21 березня 1927 р. Був виданий збірник: Ньютон, 1727–1927. — Л., 1927. — 73 с.

³⁶⁴ *Василенко Н.П.* 1) О.М. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии // Киев. старина. 1903. — № 1. — С. 1–52; № 2. — С. 295–322; № 3. — С. 462–491; № 5. — С. 315–346; № 10. — С. 140–152; № 11. — С. 389–430; № 12. — С. 699–735. (окр.: К., 1904. — 231 с.; перевид. у кн.: *Василенко М.П.* Вибрані твори у трьох томах. — К., 2006. — Т. 1: Історичні праці. — С. 352–384); 2) О. Бодянский і його поетична творчість // Україна. — 1914. — Кн. 4. — С. 25–41; 3) Академік Орест Іванович Левицький, 9 травня (26 квітня) 1922 г. // Зап. соціал.-екон. відділу. — 1923. — Т. 1. — С. VIII–XI; 4) Кремінецький ліцей і університет св. Володимира: іст.-юрид. розвідка // Там само. — С. 151–199.

³⁶⁵ Очевидно, йдеться про Івана Адамовича Красуського (1866–1937), хіміка, інженера-технолога. Професор Харківського університету, ректор Харківського технологічного інституту (1919, 1922), директор Українського інституту прикладної хімії (1923–1927).

³⁶⁶ Савченко Федір Якович (1892 — після 1938), історик. За сприяння М. Грушевського повернувся 1925 р. в Україну з-за кордону, де навчався. Був членом очолюваної академіком Науково-дослідної кафедри історії України при ВУАН; очолював також Комісію заходознавства і америкознавства. У 1931 р. заарештований в справі «Українського національного центру»; у 1932 р. засуджений до 5 років позбавлення волі. Після політизоляторів переїхав до м. Саратова, де викладав англійську та італійську мови в середніх навчальних закладах. 1937 р. заарештований вдруге; подальша доля невідома (ймовірно, загинув в ув'язненні).

³⁶⁷ *Василенко М.П.* Територія України XVII віку: (Розвідка з історії права) // Ювілейний збірник на пошану академіка Дмитра Івановича Багалія з нагоди сімдесятої річниці життя та п'яти-десятих роковин наукової діяльності (ВУАН. 36. іст.-філол. відділу; № 51). — К., 1927. — Ч. 1. — С. 112–132.

Василенко М.П. «Права, по котрым судится малоросійський народ» як джерело до історії державного права України XVIII в. // Ювілейний збірник на пошану академіка Михайла Сергійовича Грушевського. З нагоди шістдесятої річниці життя та сорокових роковин наукової діяльності (ВуАН. 36. іст.-філол. відділу; № 76). — К., 1928. — Т. 1. — С. 245–252.

³⁶⁸ Петрушевський Дмитро Мойсейович (1863–1942), історик-медієвіст. Професор МДУ. У 1920-ті роки директор Інституту історії РАН, член-кореспондент (з 1924 р.), академік (з 1929 р.) АН СРСР.

³⁶⁹ Дійсно, мати академіка Грушевського Глафіра Захарівна Оппокова (Грушевська) (1847–1918) була рідною сестрою Володимира Захаровича Оппокова, батька Є.В. Оппокова.

³⁷⁰ Очевидно, Лаппо Іван Іванович (1869–1944), історик, професор Юр'євського університету (1905–1919), в 1921–1933 рр. приват-доцент юридичного факультету Російського народного університету в Празі, в 1933–1940 рр. професор Університету Вітаутаса Великого в Каунасі. (Див. його: *Lanno И.И.* Литовский статут 1588: В 2-х т., Каунас, 1934–1938.)

³⁷¹ Грабар Володимир Еммануїлович (1865–1956), правознавець. Академік ВУАН (з 22 листопада 1926 р.), друг Вернадського. Від 1923 р. професор Московського університету, консультант Наркомату зовнішньої торгівлі СРСР. З обранням 1926 р. академіком ВУАН по кафедрі міжнародного права передбачалося, що вчений буде штатним академіком, хоча й житиме постійно в Москві, а в Київ періодично найждатиме для наукової роботи й участі в академічних заходах. Проте Наркомос УСРР відмовив йому в цьому.

³⁷² Величезну бібліотеку Київського університету було поділено: частина залишилася в ІНО, а також передавалася до деяких інших вузів, але найбільша, найцінніша з наукового погляду частина, без розпорощення основного фонду літератури XVII–XIX ст., була приєднана до ВБУ 1927 р. і наступні три роки із врахуванням добудови приміщення Бібліотеки на вул. Володимирській.

³⁷³ Влітку 1926 р. В.І. Вернадський отримав запрошення прочитати курс лекцій в Карловому університеті в Празі, однак відрядження відбулося лише в лютому–квітні 1928 р. У травні 1927 р. В.І. Вернадський був у відрядженні до Німеччини і Норвегії терміном на 3 місяці. Поїздка розпочалася з участі в «Тижні радянської науки» в Берліні (19–26 червня), де Володимир Іванович виступив з доповідями «Геохімічна енергія життя в біосфері» і «Каолінове ядро в земній корі». Першу доповідь було надруковано: *Wernadskij W.* Über die geochemische Energie des Lebens in der Biosphaere // Zentralblatt für Mineralogie, Geologie und Paläontologie. — Stuttgart, 1928. — Abt. B. 11. — S. 583–594. (рос. виданий в кн.: Биогеохимические очерки. — М.; Л., 1940. — С. 126–134).

³⁷⁴ *Vernadskij V. (W. Vernadsky).* Études biogéochimiques. I.: Sur la vitesse de la transmission de la vie dans la biosphère // Изв. АН СССР (Bulletin de l'Académie des Sciences de l'URSS). — Сер. 6. — 1926. — Т. 20, № 9. — С. 727–744; II.: La vitesse maximum de la transmission de la vie dans la biosphère // Ibid. — 1927. — Т. 21, № 2. — С. 241–254.

³⁷⁵ Можливо, Єлизавета (Ельза) Аргутинська-Долгорукова (дівоче Флейшер) (1873–?), художниця. В 1942 р. була депортована з Берліна в гетто в Терезин, у Чехії. Там вона зустріла й кінець війни.

³⁷⁶ Див. лист В.І. Вернадського до О.П. Виноградова від 23 травня 1927 р. (Переписка В.І. Вернадського и А.П. Виноградова, 1927–1944. — М.: Наука, 1995. — С. 5–8).

³⁷⁷ Лебедянцев Олександр Никандрович (1878–1941), агроном, агрохімік, учень В.І. Вернадського. Професор Московського університету, директор Шатилівської до-

слідної станції. Активно співпрацював з В.І. Вернадським, брав участь у виконанні біо-геохімічних досліджень.

³⁷⁸ Див. коментар № 361 до цього розділу.

³⁷⁹ Питання про обрання М.П. Василенка членом КІЗ розглядалося 31 січня 1928 р. (Див.: Спб. філіал РАН, ф. 154, оп. 1, спр. 2, арк. 12).

³⁸⁰ Яснопольський Леонід Миколайович (1873–1957), економіст, професор Київського університету та Київського інституту народного господарства. Академік ВУАН (1925). Очолював Постійну комісію ВУАН з вивчення продуктивних сил України (1926–1930), працював в науково-дослідних закладах Москви (1931–1936), в Інституті економіки АН УРСР (з 1936 р.). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

³⁸¹ Йдеться, очевидно, про II конференцію археологів СРСР в Херсонесі 10–13 вересня 1927 р. Див: Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сент. 1927 г. по случаю 100-летия херсонесских раскопок (1827–1927). — Севастополь: Херсонес. музей, 1927. — 67 с.

³⁸² Магнітуда землетрусу в Криму в ніч на 12 вересня 1927 р. склала 6,8 з епіцентром в морі на південний схід від Ялти. Загинули 3 людини, поранення отримали 65 людей, землетрус заподіяв значні руйнування.

³⁸³ Йдеться, очевидно, про Миколу Олександровича Столярова (1870–1942), математика. Закінчив Київський університет, був професором Київського політехнічного інституту, Харківського технологічного інституту (1914–1920), Київського ІНО (1920–1932). Потім викладав в Мінську, де загинув під час німецької окупації.

³⁸⁴ Очевидно, йдеться про реформу середньої освіти, яку запровадив 1871 р. в Росії міністр освіти Д.А. Толстой, коли для викладання стародавніх мов у гімназіях було запрошено іноземців, в основному німців та чехів.

³⁸⁵ Яворський Матвій Іванович (1885–1937), історик, академік ВУАН (1929). Закінчив Львівський університет (1910). Під час Першої світової війни був старшиною австрійської армії, потім сотником УГА. В 1920 р. вступив до КП(б)У. В 1920–1929 рр. жив і працював у Харкові: керівник Управління науковими установами Наркомату освіти (Укрголовнауки) (1926), завідував Українським інститутом марксизму. З 1929 р. — в Києві: секретар Історично-філологічного відділу ВУАН. Репресований у 1931 р., засланий на Соловки, де, за офіційними даними, помер.

³⁸⁶ Див. коментар № 361 до цього розділу.

³⁸⁷ Див. коментар № 358 до цього розділу.

³⁸⁸ Ювілейний збірник на пошану академіка Михайла Сергійовича Грушевського: З нагоди шістдесятої річниці життя та сорокових роковин наукової діяльності. — К., 1928. — Т. 1. — XII, 492 с. — (ВУАН. 36. іст.-філол. відділу; № 76); Т. 2. — XII, 524 с.; Т. 3: Матеріали до бібліогр. Акад. М.С. Грушевського за 1925–1928 рр. — К., 1929. — 108 с.

³⁸⁹ Яновський Феофіл Гаврилович (1860–1928), терапевт, академік ВУАН (6 червня 1927 р., кафедра клінічної медицини), з 1905 р. професор Київського університету, з 1921 р. — Київського медінституту. Створив школу українських терапевтів.

Солнцев Сергій Іванович (1872–1936), економіст, академік ВУАН (6 червня 1927 р., кафедра політичної економії), АН СРСР (1929). Професор Томського (1913–1917), Одеського (1917–1919), Петроградського (1921–1926) університетів. Працював у Раді по вивченню продуктивних сил АН СРСР (з 1929 р.).

³⁹⁰ Російський юридичний факультет в Празі мав статус приватного навчального закладу. Матеріальна база його діяльності формувалася з плати студентів за навчання (60 чеських крон за півріччя) і грошових дотацій з держбюджету Чехословаччини. З середини 20-х років фінансова допомога Чехословацького уряду стала урізатися, а

потім була припинена. Був припинений прийом нових студентів з 1925/26 навчального року і оголошено про завершення діяльності вузу як навчального закладу після випуску останніх студентів, тобто з весни 1929 р.

Незважаючи на подібні проблеми з фінансуванням, доля УВУ в Празі склалася інакше. Від початку діяльності 1921 р. через складне матеріальне становище, зменшення субсидії чеських урядових установ УВУ був на грані закриття кілька разів (наприкінці 1925, 1928, 1931 рр.) Від 1934 р. припинилася державна дотація на УВУ — загроза ліквідації висіла над університетом аж до початку війни. Під час війни діяв під жорстким контролем німецької окупаційної влади. Радянські війська закрили університет, конфіскували майно та архів, адміністрація і частина професорів були репресовані. Восени 1945 р. в Мюнхені вчені-емігранти відновили діяльність УВУ.

³⁹¹ Йдеться про Б.Л. Лічкова. Див. коментар № 76 до цього розділу.

³⁹² Переїзд Г.В. Вернадського в Америку відбувся в серпні 1927 р., коли йому виповнилося вже сорок років. Його запросили до Йельського університету на посаду research associate in history тільки на один рік. Перед від'їздом в США Георгій Володимирович кілька тижнів провів з батьками в Празі. Громадянство США отримав 1933 р.

³⁹³ Г.В. Вернадський написав листа до Комісії з вивчення історії західноруського та українського права, датованого 4 квітня 1928 р.: «Благодарю за присылку мне IV выпуска «Праць» Комиссии. Очень прошу [присылать] мне и все дальнейшие издания Комиссии (по адресу, указанному выше, в Соединенные Штаты Америки, а не в Прагу). С совершенным уважением Г. Вернадский» (ІР НБУВ, ф. 40, од. зб. 247, арк. 1).

³⁹⁴ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. — Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. — Ч. 1. — 264 с. (перевид.: СПб., 2000; М., 2004).

³⁹⁵ *Вернадский Г.В.* Опыт истории Евразии: с половины VI века до настоящего времени. — Берлин, 1934. — 187 с. (перевид.: М., 2006).

³⁹⁶ *Толль Н.П.* Скифы и гунны: Из истории кочевого мира: Опыт истории Евразии: вып. 1; *Савицкий П.Н.* О задачах кочевниковедения: (почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?). — Прага: Евраз. кн. изд-во, 1928. — 106 с. (1–77; 83–106).

³⁹⁷ Докладніше див.: «Из хронологии 1927 г.» // *Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — С. 39–46.

³⁹⁸ Вернадський з дружиною планував приїхати до Києва на місяць. Однак приїхав пізніше і один: прибув 17 серпня і перебував в Україні до 30 серпня 1928 р. Див. також: Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. 1927–1944. — М.: Наука, 1995. — Листи № 23, 24, 26, 27. Див. також коментар № 423 до цього розділу.

³⁹⁹ *Breasted J.H.* The Conquest of Civilization. — New York and London: Harper and Brothers, 1926. — XXVI, 717 p.; *Брэстед Дж.Г.* История Египта с древнейших времен до персидского завоевания: в 2-ч т. / Авториз. пер. с англ. В.М. Викентьева. М., 1915.

⁴⁰⁰ Див. коментар № 361 до цього розділу.

⁴⁰¹ Йдеться, очевидно, про Фердинанда Петровича Врангеля (1797–1870), одного із засновників Російського географічного товариства, мореплавця, адмірала, почесного члена Петербурзької АН, дослідника Арктики.

⁴⁰² Йдеться про будинок, побудований за проектом архітектора П.Ф. Альошина для Першої жіночої (Ольгинської) гімназії. 1927 р. недобудовану будівлю (вул. Володимирська, 55) було передано ВУАН. Через рік, після закінчення робіт, будинок одержав назву «Новий будинок Всеукраїнської Академії Наук» — тут розмістилися академічні установи.

⁴⁰³ В.І. Вернадський був у Києві на початку травня — взяв участь в засіданні 3 травня Ради ВУАН з обрання її нового президента — Д.К. Заболотного. (Див.: ПФА

РАН, ф. 2, оп. 1–1928, спр. 191, арк. 63зв.). Віце-президентом було обрано К.Г. Воблого, неодмінним секретарем — А.Ю. Кримського. Проте Наркомат освіти УСРР не затвердив обрання А.Ю. Кримського, замість нього «тимчасово» на цю посаду було призначено О.В. Корчака-Чепурківського (працював до 1939 р.).

⁴⁰⁴ Йдеться про Д.М. Петрушевського. Див. коментар № 368 до цього розділу.

⁴⁰⁵ Йдеться про вибори до АН СРСР, які відбулися тільки на початку 1929 р.

⁴⁰⁶ Вернадські приїхали на відпочинок в Єсентуки в липні 1928 р.

⁴⁰⁷ Газета «Правда» від 19 квітня 1928 р. опублікувала повідомлення АН СРСР про 42 вакансії дійсних членів, одночасно викладався новий порядок виборів. Вакансії розподілялися так: з математичних наук — 3, фізичних — 2, хімічних — 6, технічних — 4, геологічних — 4, біологічних — 4, історичних — 6, соціально-економічних — 4, філософських — 2, сходознавчих — 3, по мовах та літературі європейських народів — 3.

⁴⁰⁸ 17 червня газета «Ленинградская правда» опублікувала статтю «Академический ковчег целехонек», в якій Академія наук піддавалася критиці за те, що в її установах працюють колишні царські чиновники. За даними газети, до літа 1928 р. в Академії наук з 1079 службовців налічувалося 12 осіб — членів ВКП(б), кандидатів партії і комсомольців. «Ленінградська правда» опублікувала ще 6 заміток проти АН. Більш детально див: *Кольцов А.В.* Создание и деятельность КЕПС. 1915–1930. — СПб, 1999.

⁴⁰⁹ 11 червня 1928 р. В.І. Вернадського було обрано членом-кореспондентом Французької (Паризької) академії наук по секції мінералогії. (СПб. філіал РАН, ф. 1, оп. 1а-1928, спр. 177, арк. 148).

⁴¹⁰ Іван Петрович Павлов (1849–1936), фізіолог, лауреат Нобелівської премії в галузі медицини і фізіології (1904) був обраний членом-кореспондентом Французької АН 13 березня 1911 р.

⁴¹¹ Див. далі лист Н.Д. Полонської-Василенко від 20 червня 1928 р.

⁴¹² Акад. Ф.Г. Яновський помер 8 липня 1928 р.

⁴¹³ Йдеться про вченого-терапевта Івана Вікторовича Базилевича (1899–1965), співробітника науково-дослідної кафедри внутрішніх хвороб ВУАН, Інституту клінічної фізіології. Зазнав репресій у 1930–1931 рр. Викладав у відкритому німцями в період окупації Києва Медичному інституті. Виїхав до Німеччини, дійсний член УВАН у Мюнхені.

⁴¹⁴ Кримов Олексій Петрович (1872–1954), хірург, академік Академії медичних наук СРСР (1945), один з провідних вітчизняних хірургів — основоположників герніології 1930 — початку 1950-х років. У 1923–1929 рр. працював у Київській робітничій лікарні. З 1930 р. до кінця життя очолював кафедру факультетської хірургічної клініки Київського медінституту.

⁴¹⁵ Йдеться про Анатолія Федоровича Коні (1844–1927), юриста, літератора, видатного судового оратора.

⁴¹⁶ Волкович Микола Маркіянович (1858–1928), хірург, професор Київського університету, організатор і голова Київського хірургічного товариства. З 1923 р. керував науково-дослідною кафедрою медицини при Київському відділенні Главнауки, а в подальшому ВУАН.

⁴¹⁷ Зворикін Костянтин Олексійович (1861–1928), професор, ректор Київського політехнічного інституту (1904–1905); завідувач науково-дослідної кафедри механічної технології (1922–1927). Помер 7 липня 1928 р.

⁴¹⁸ Єрченко Петро Феофанович (1868–1927), професор Київського політехнічного інституту, в 1917–1919 р. його ректор.

⁴¹⁹ Вернадський згадав про Студентське науково-літературне товариство при Петербурзькому університеті (існувало в 1882–1887 рр.). Після замаху на Олександра III

1 березня 1887 р. члени товариства П.І. Андреюшкін, В.Д. Генералов, О.І. Ульянов, П.Я. Шевирьов були страчені. Товариство закрили. Згідно з усним переказом (джерело — Г.Д. Шаховська), В.І. Вернадський і С.Ф. Ольденбург в перших числах березня 1887 р. знищили деякі речові докази підготовки О.І. Ульяновим теракту: втопили в Неві ящик з компонентами, що застосовувалися для виробництва бомб. (*Вернадський В.І.* Дневники: 1935–1941. — М., 2006. — Кн. 1. — С. 52). У «Хронології» Вернадський, згадуючи членів Ради об'єднаних земляцтв і Студентського науково-літературного товариства О.І. Ульянова, В.К. Агафонова, Й.Д. Лукашевича та інших, зазначав, що Зварикін (так подає публікатор) був пізніше професором Технологічного інституту в Томську. (Див.: Страницы автобиографии В.И. Вернадского. — М.: Наука, 1981. — С. 54).

Лукашевич Йосип Дементійович (1863–1928), геолог, був засуджений до довічного тюремного ув'язнення за участь в теракті 1 березня 1887 р. В'язень Шліссельбурзької в'язниці, звільнений після революції 1905 р. З 1913 р. співробітник Геолкому. З 1919 р. жив у Польщі.

Агафонов Валеріан Костянтинівич (1863–1955), геолог, мінералог. Працював охоронцем Мінералогічного музею. У 1906 р. виїхав з Росії, видавав в Лондоні, потім в Парижі газету есерів «Революционная мысль». Професор Таврійського університету (1920–1921). З 1921 р. професор геології в Сорбонні.

⁴²⁰ Йдеться про С.Ф. Ольденбурга. Див. коментар № 123 до цього розділу.

⁴²¹ Яновський Віктор Феофілович (1891–1938), правознавець. 1919 р. приват-доцент Київського юридичного інституту, Севастопольського юридичного інституту (1919–1920) і Таврійського університету в Сімферополі (1920–1921). Від жовтня 1921 р. до жовтня 1930 р. викладав у Київському інституті народного господарства (з 1925 р. професор). З 1926 р. постійний позаштатний співробітник Комісії для вивчення звичаєвого права України ВУАН. У 1938 р. заарештований за підозрою в шпигунстві; в квітні 1939 р. засуджений на 10 років позбавлення волі. Помер у тюрмі. Див. його лист до В.І. Вернадського у другій книзі цього видання.

⁴²² Яновський Михайло Феофілович (?– 1940), архівіст і бібліограф. За деякими даними, виїхав за кордон і загинув 1940 р. в Мексиці.

⁴²³ Наведемо цікаві записи Вернадського у щоденнику, зроблені в ці дні (24–27 серпня академік був у Старосіллі):

«28.VIII.<1928>

Київ

Вчера вернулся из поездки в Староселье [24–27 серпня академік був у Старосіллі. — Укл.], оттуда назад в Киев, из Киева в заповедник Конча-Заспа, там ночевал две ночи. В Староселье — обсуждение работы по опред[елению] геох[имических] констант. Прогулка с Липским в большой лес. В Конче-Заспе (Шарлемань) частью пешком, частью на телегах — превосходная прогулка. Вернулись вчера на моторн[ой] лодке в Киев около 12 1/2 дня. Был в Нац[иональной] библ[иотеке], где видел И.П. Житецкого (отд[ел] рукописей очень слабо развивается, случайный. Библиотека страдает от недостатка средств), затем [видел] Анну Фед[оровну] Вовк (Украинка). У Гилярова — в связи с моими работами по жив[ому] вещ[еству]. Интересный, философский разговор. У Кащенко в его домашнем саду. Повидимому, ему удастся ввести в жизнь персик. Вечером с Липским. После его ухода в 10-м часу мы оба легли спать, когда вдруг приехал Вотчал. С ним несколько слов довольно оживленного разговора. Раньше еще днем А.П. [Виноградов] — послал телеграмму о днягах в Ленинград.

Меня всегда удивляло, как мало помогают детям Волкова. Украинское гражданство проявляет здесь свои отрицательные черты.

29.VIII.<1928>

Київ

Вчера утром ко мне заходил М.М. Могилянский; был в Боярке у Н.П. Василенко — гулял в лесу, оттуда в Политех[нический] Инст[итут] к Е.Ф. Вотчалу — обедал вместе <с> В.И.Липским. Вечер с Липским. Рано лег и рано встал.

Сейчас настроение здесь тревожное. Крестьянство подавлено все растущими налогами, очень возбуждено, и отголоски растущего недовольства достигают и всех с ним сталкивающихся. С разных сторон доходят слухи о том, что крест[ьяне] расправятся с панами — городом — при первой войне, слухи о которой благодаря газетам сейчас нервируют население. Разные люди самым различным образом все говорят о злобе и раздражении населения. Е.Ф. [Вотчал] рассказывал разговор с возчиком (который сейчас, после разг[овора], его избегает) — что в один день на Украине вырежут всех евреев. Антисемитизм растет, и сейчас очередная тревога в еврейских кругах. Новое повышение продов[ольственного] налога при неурожае еще больше волнует население. Вместе с тем, все боятся высказываться, боясь сыска. Все движения подавляются быстро и сурово: из деревень высылают всех лиц, замеченных как выделяющихся из среднего уровня.

Меня поразили рассказы о бандитизме (600 р.) вдоль Днепра; сейчас говорят опять о какой-то тайной ватажке в Подолии вблизи границы...

30.VIII. <1928>

Поезд за Жлобиным

Вчера — бумаги, с Липским — об Укр[аинской] акад[емии]. Биолог[ическая] станция, переговоры с А.П. [Виноградовым]. С Шарлеманем об изучении [Конча-]Заспы для точного определения k_3 (—геохимической константы) рыб. С Гиришем об изучении (Витал[ий] Михайлович) Гириш [насправді: Дірш Віталій Михайлович (1904–1982), зоолог, співробітник Зоологічного музею ВУАН. — Укл.] саранчовых для геох[имических] конст[ант] (80 р. на 1 1/2 лета). С Шапош [никовым] простился (благ[одаря] укр[аинца-м?](<нрзб> — взяли с нас меньше в лаборатории, чем предлагалось другими)» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — С. 89–95).

⁴²⁴ *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма: 1871–1919. — М.; Л., 1927. — 483 с.; Изд. 2-е, доп. — М.; Л., 1928. — 511 с.

⁴²⁵ *Сиповський В.* Україна в російському письменстві: Ч.1: (1801–1850 рр.). — К., 1928. — 460 с. (Зб. Іст.-філол. відділу ВУАН. № 59). Див. також. коментар № 358 до цього розділу.

⁴²⁶ Див. коментар № 396 до цього розділу.

Савицький Петро Миколайович (1895–1968), географ, історик, один з основоположників євразійства. Директор російської гімназії в Празі (1940–1944). У 1945 р. репресований в СРСР. У 1955 р. звільнений, йому дозволили повернутися до Чехословаччини.

⁴²⁷ Ініціатором перегляду роботи КЕПС був академік А.М. Крилов. В.І. Вернадський на прохання Президії АН склав записку «Про завдання АН СРСР в галузі вивчення продуктивних сил країни» (27 березня 1928 р.).

⁴²⁸ Записку було надруковано: *Вернадский В.И.* О задачах и организации прикладной научной работы в Академии наук СССР. — Л.: Изд-во АН СССР, 1928. — 43 с.

⁴²⁹ 22 жовтня 1928 р. в Малому конференц-залі АН СРСР відбулося заключне засідання президії особливих комісій з виборів до АН. На це засідання був запрошений від України Юрій Іванович Озерський, який представляв Управління науковими організаціями України. Були внесені імена кандидатів, у тому числі і від України, для балотування в Академію.

5 грудня 1928 р. одногосно було обрано у дійсні члени АН СРСР від України Д.К. Заболотного і В.О. Кістяківського, 12 грудня більшістю голосів було обрано академіком М.С. Грушевського.

Озерський (Зебницький) Юрій Іванович (1896–1937), педагог. Закінчив Ніжинський історико-філологічний інститут. З 1921 р. на відповідальних посадах у Наркомосі, з грудня 1928 р. завідувач Упрнауки (Управління науковими установами Наркомосвіти). Голова ДВОУ. Репресований 1933 р. у справі «Української військової організації». Розстріляний.

⁴³⁰ «Mercure de France», паризький журнал, що виходив з 1890 р.

⁴³¹ Нідерле Любор (1865–1944), чеський археолог, історик, іноземний член-кореспондент Петербурзької АН (1906); професор Карлового університету (1898–1929). Ініціатор запрошення Н.П. Кондакова в Прагу і видання його фундаментальної праці «Русская икона» російським відділом Міністерства закордонних справ Чехословацької Республіки.

⁴³² *Грушевський М.С.* Історія української літератури: Т. 1–5. — Львів; Київ, 1922–1925. Перевид. із включенням підготовленого ще 1930 р. 6-го тому: *Грушевський М.С.* Історія української літератури: В 6 т., 9 кн. — К.: Либідь, 1993. — («Літературні пам'ятки України»).

⁴³³ Йдеться про начальника Фінансово-економічного управління Наркомату освіти Василя Хомича Бутвина (1888–?), був членом колегії НКО.

⁴³⁴ В.І. Липський в червні 1928 р., залишивши посаду президента, переїхав до Одеси, де очолив Одеський ботанічний сад.

⁴³⁵ Йдеться про Дніпровську ГЕС (Дніпрельстан), збудовану в 1927–1932 рр. за планом ГОЕЛРО. Вона стала тоді найбільшою в Європі — 558 тисяч кВт потужності.

⁴³⁶ Йдеться про Д.К. Заболотного, обраного 3 травня 1928 р. На засіданні Ради під час обрання головував В.І. Вернадський. Заболотний помер від важкої хвороби 15 грудня 1929 р.

⁴³⁷ Очевидно, йдеться про ч. 1 кн.: *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее предшественники в России в XIX и начале XX века: Материалы: ч. 1–2. — Л.: Акад. наук СССР, 1929–1931. — 218 + VI + 223 с. (перевид.: К., 2004. — (Серия «Научное наследие востоковедов»)).

Бузескул Владислав Петрович (1858–1931), історик античності, історіограф, професор Харківського університету. З 1921 р. професор ХІНО. Академік РАН (1922; з 1925 — АН СРСР), академік ВУАН (1925). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у цій книзі.

⁴³⁸ Соловйов Михайло Михайлович (1877–1942), зоолог, історик науки. У 1928–1929 рр. вчений секретар «КІЗ». Співробітник КЕПС. В 1934–1936 рр. співробітник Архіву АН СРСР, з 1936 р. співробітник Інституту історії науки і техніки.

⁴³⁹ Йдеться про Корнілову Наталію Олександрівну (1908–1990), художника-оформителя (закінчила Ленінградський художньо-промисловий технікум (1930)). Про О.О. Корнілова див. коментар № 285 до цього розділу.

⁴⁴⁰ Академік Ф.І. Успенський помер 10 вересня 1928 р. в Ленінграді. Вернадські жили в одній квартирі з Успенськими. Володимир Іванович брав участь в похороні.

⁴⁴¹ Академік П.П. Сушкін помер у Кисловодську 17 вересня 1928 р.

⁴⁴² Радлов Ернест Львович (Леопольдович) (1854–1928), філософ, філолог і перекладач. Закінчив Петербурзький університет. Упродовж багатьох років (1880–1899 і 1916–1927) працював в імператорській Публічній бібліотеці, в 1917–1924 рр. директор бібліотеки. Член-кореспондент РАН (1920). 1927 р. з ініціативи В.І. Вернадського Е.Л. Радлов висунув свою кандидатуру в академіки по кафедрі філософії, проте під-

ступність офіційних істориків-марксистів змусила його зняти себе з виборів. Помер 28 грудня 1928 р. 7 квітня 1929 р. на засіданні Комісії з історії знань В.І. Вернадський виступив з промовою «Пам'яті Е.Л. Радлова».

⁴⁴³ Йдеться про К.Г. Воблого. Див. коментар № 198 до цього розділу.

⁴⁴⁴ 25 жовтня 1928 р. було прийнято рішення про реорганізацію Геологічного комітету, а в січні 1930 р. Геолком був ліквідований.

⁴⁴⁵ Йдеться про I Всесоюзну конференцію істориків-марксистів в Москві (28 грудня 1928 р. — 4 січня 1929 р.). На секції історії народів СРСР М. Яворський зробив доповідь «Про сучасні антимарксистські течії в українській історичній науці». Сам М. Яворський невдовзі, вже в лютому 1929 р., став об'єктом гострої критики за «ідеалізацію та політичну реабілітацію українських дрібнобуржуазних націоналістичних партій», а на XI з'їзді КП(б)У (червень 1930 р.) «теорії» академіка Яворського названо «наскрізь антимарксистськими». (XI з'їзд КП(б)У. Стеногр. звіт. — Х., 1930. — С. 285).

Липинський В'ячеслав (Вацлав) Казимирович (1882–1931), політичний діяч, історик, історіософ, соціолог, теоретик консерватизму. За гетьманату П. Скоропадського посол в Австро-Угорщині. В еміграції в Австрії. Ініціатор і один із засновників позапартійної організації «Український союз хліборобів-державників».

⁴⁴⁶ *Гревс И.М.* История одной любви: И.С. Тургенев и Полина Виардо. — М.: Современные проблемы, 1927. — 262 с. (2-е вид. — М., 1928).

⁴⁴⁷ Матеріали до історії українського права / [Підг. до вид. й передм. М.П. Василенка]. — К., 1929. — Т. 1. — XIII, 336 с. (ВУАН. Зб. соціал.-екон. відділу; № 11).

⁴⁴⁸ Праці Комісії для вивчення історії західноруського та українського права. Вип. 6 / За ред. Голови коміс. акад. Н.П. Василенка. — К, 1929. — С. XII, 528. [Василенко М.П. Передмова. — С. V–X]. (ВУАН. Зб. соціал.-екон. відділу; № 18).

⁴⁴⁹ Йдеться про О.В. Корчак-Чепурківського, неодмінного секретаря ВУАН з літа 1928 р. після незатвердження владою переобраного в травні А.Ю. Кримського.

⁴⁵⁰ Скрипник Микола Олексійович (1872–1933), державний і партійний діяч. 1918 р. очолював Народний Секретаріат, перший уряд радянської України. 1921 р. нарком внутрішніх справ, у 1922–1927 рр. нарком юстиції і генеральний прокурор УСРР. У 1927–1933 нарком освіти. В умовах цькування за «націоналістичні» помилки застрелився.

⁴⁵¹ Затонський Володимир Петрович (1888–1938), державний і партійний діяч. 1913–1917 рр. приват-доцент, викладач фізики в Київському політехнічному інституті. З березня 1918 р. голова ВУЦВК. Неодноразово призначався наркомом освіти (1917, 1919, 1922, 1933). Академік ВУАН (1929). Боровся з «націонал-ухильництвом» в освіті і культурі. В 1925–1927 рр. секретар ЦК КП(б)У. Зарештований в листопаді 1937 р. та був розстріляний.

⁴⁵² Шліхтер Олександр Григорович (1868–1940), державний і партійний діяч, вчений-економіст. У 1917–1919 рр. наркомзем, наркомпрод РРФСР, наркомпрод України. Від 1921 р. на дипломатичній роботі. 1927 р. наркомзем УРСР. Директор Українського інституту марксизму-ленінізму (1930–1933). Академік ВУАН (1929), академік АН БРСР (1934), віце-президент АН УРСР (1931–1938).

⁴⁵³ Семковський (Бронштейн) Семен Юлійович (1882–1937), філософ. Член ЦК меншовиків, від 1920 р. — більшовик. Викладав у Київському університеті, в 1920–1922 рр. професор Харківської академії теоретичних знань. Заснував першу в Україні науководослідну кафедру марксизму і марксознавства, яка потім перетворилася на Український інститут марксизму. Академік ВУАН (1929). Репресований і розстріляний в березні 1937 р.

⁴⁵⁴ Йдеться про Д.М. Петрушевського. Див. коментар № 368 до цього розділу.

⁴⁵⁵ 9 травня 1929 р. в Празі народилася Тетяна Миколаївна Толль (1929–2004?), єдина внучка В. І. та Н.Є. Вернадських.

⁴⁵⁶ Поїздка до Києва не відбулася.

⁴⁵⁷ Йдеться про німецько-російське транспортне акціонерне товариство «Дерутра» (DeRuTra — «Deutsch-Russische Transportgesellschaft»).

⁴⁵⁸ Ймовірно, працівник господарської частини ВУАН.

⁴⁵⁹ Вибори нових членів ВУАН відбулися 29 червня 1929 р. Серед новообраних академіків були висуванці партійних органів М. Скрипник, О. Шліхтер, В. Затонський, голова Держплану СРСР Г. Кржижановський, комуністи С. Семковський, В. Юринець, М. Яворський.

⁴⁶⁰ В.І. Вернадський перебував за кордоном (Німеччина, Чехословаччина) з 25 червня по 3 жовтня 1929 р.

⁴⁶¹ Йдеться про Давида Борисовича Рязанова (Гольдендаха) (1870–1938), директора Інституту К. Маркса і Ф. Енгельса (1921–1931). У січні 1929 р. був обраний академіком. Протестував проти необрання колег-партійців, вимагав докорінної реорганізації Академії. Пославшись на здоров'я, відмовився від участі в роботі Академії та відхилив пропозицію Президії АН СРСР балотуватися на пост віце-президента. У 1931 р. заарештований, виключений з партії і засланий до Саратова. У 1937 р. знову заарештований і незабаром розстріляний.

⁴⁶² Славік (Slavík) Франтішек (1876–1957), чеський геолог, професор Карлового університету в Празі (1910–1947), член Чехословацької АН, директор Мінералогічного інституту Празького університету. Був близько знайомий з В.І. Вернадським з 1910-х років, листувався з ним.

⁴⁶³ Місто-замок Груба Скала (Hrubá Skála) у Чеському раю (Český ráj), заповіднику на північному сході Чехії, на середній течії річки Йізера, відомому «скельними містами» з піщанику — композиції з 50-тиметрових скель-колон, каньйонів і лабіринтів.

⁴⁶⁴ Йдеться про когось з роду баронів Еренталь (Ehrenthal).

⁴⁶⁵ Можливо, йдеться про кн.: *Vernadsky W.J. Geochemie in ausgewählten Kapiteln / Autorisierte Übersetzung aus dem russischen, von E. Kordes. Akademische Verlagsgesellschaft m. b. H. — Leipzig: Akademische Verlagsgesellschaft m. b. H., 1930. — VI, 370 S.*; а також про німецький переклад кн. *Vernadsky W.I. La biosphère. — Paris: Alcan, 1929. — XII, 232 p.*, який так й не побачив світу. В 1942 р. Вернадський згадував: «В 1930 г. в проспектах о печатающихся книгах появилось извещение о появлении моей книги (сборника статей «Живое вещество») и немецкого (советского) издания моей «Биосферы». Мне кажется, в этом году, когда пострадали многие издания (от) введения в цензуру философских государственных организаций — прообраз того, что было в инквизиции в Риме при папах и в Сорбонне в Париже — точно так же как в организациях большевистской партии (при Сталине?) — (введена) техника иезуитского органа». (*Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. — С. 179*).

⁴⁶⁶ *Vernadsky G. A History of Russia / With a preface by Michael Rostovtzeff. — New Haven: Yale University Press, 1929. — XIX, 397 p.* Лише за життя автора перевидавалася 6 разів.

⁴⁶⁷ Арциховський Володимир Мартинович (1876–1931), ботанік, фізіолог рослин, професор Донського політехнічного інституту, в 1918–1923 рр. очолював Донський сільськогосподарський інститут та Інститут сільського господарства і меліорації. Пізніше професор Московського лісотехнічного інституту.

⁴⁶⁸ В.І. Вернадський виступав з цією доповіддю в Московському товаристві дослідників природи, а також 17 листопада в Ленінграді. Окремою статтею вийшла в 1931 р.: *Вернадский В.И. Изучение явлений жизни и новая физика // Изв. АН СССР. — Сер. 7, ОМОН. — М.; Л., 1931. — Вып. 3. — С. 403–437; Те ж саме // Биогеохимические очерки. — М.; Л., 1940. — С. 175–197.*

⁴⁶⁹ Ймовірно, Савицький Микола Миколайович (1892–1984), лікар-терапевт, професор Військово-медичної (Медико-хірургічної) академії (1931), академік АМН СССР (1956).

⁴⁷⁰ В кінці липня в Ленінград прибула урядова комісія з перевірки апарату АН на чолі з Ю.П. Фігатнером. Комісія працювала до кінця серпня.

⁴⁷¹ Йдеться про В.Е. Грабаря. Див. коментар № 371 до цього розділу.

⁴⁷² Йдеться про приватний фізіотерапевтичний санаторій, який облаштував професор медицини Київського університету Михайло Микитович Лапинський (1862–1947).

⁴⁷³ Палладін Олександр Володимирович (1885–1972), біохімік. З 1925 по 1970 р. очолював Український біохімічний інститут (з 1931 р. — Інститут біохімії), професор Київського університету. Академік АН УРСР (з 1929 р.; у 1934–1939 рр. її неодмінний секретар, 1946–1962 рр. президент), академік АН СРСР (1942). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

⁴⁷⁴ *Петрушевский Д.М.* П.Г. Виноградов как социальный историк. — Л.: Изд-во АН СССР, 1930. — 27 с. (Труды Комиссии по истории знаний; Вып. 9).

⁴⁷⁵ «Все попытки мои, — писав В.І. Вернадский в «Хронології», — получить командировку за границу для научной работы в 1930–1931 гг. были тщетны» (АРАН, ф. 518, оп. 2, спр. 48, арк. 3).

⁴⁷⁶ Очевидно, В.І. Вернадський писав про підготовку до XVI з'їзду ВКП(б), що відбувся влітку (26 червня — 13 липня) 1930 р.

⁴⁷⁷ Про «чистки» див., наприклад: *Полонська-Василенко Н.* Українська Академія Наук: нарис історії. В 2-х ч. — Мюнхен, 1955–1958 (перевид. — К, 1993); *Білокінь С.* Київська вчена корпорація (20–50-ті рр. XX ст.) // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика. — К., 2008. — Вип. 14. — С. 288–305.

⁴⁷⁸ *Вернадский В.И.* История минералов земной коры. Т. 2: История природных вод. — Л., 1933–1936. — Ч. 1, вып. 1–3; Див також: *Вернадский В.И.* 1) Пластовые воды биосферы и стратисферы // Социалистич. реконстр. и наука. — 1932. — Вып. 2. — С. 52–70; 2) Пластовые воды биосферы и стратисферы в связи с классификацией природных вод // 1-й Всесоюз. гидрогеол. съезд, Ленинград, 1931. — Л.; М.: Геол.-развед. изд-во, 1933. — Сб. 8. — С. 65–69.

⁴⁷⁹ Див. коментар № 437 до цього розділу.

⁴⁸⁰ Царское Село в листопаді 1918 р. було перейменовано в Детское Село ім. товариша Урицького (після 1937 р. — Пушкін). У 1920 р., з ініціативи О.М. Горького, який очолював тоді Петроградську комісію з поліпшення побуту вчених, в Детському Селі була організована оздоровниця для вчених. У 1930 р. Вернадські провели в ній місяць.

⁴⁸¹ Добірку листів В.І. Вернадського 1930–1931 рр. з приводу закордонного відрядження, адресованих партійним і державним діячам, див.: Академія наук в рішеннях Політбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС: 1922–1952. — М.: РОССПЭН, 2000. С. 97–102.

⁴⁸² Першою науковою спробою створення теорії походження Землі була відома гіпотеза Канта-Лапласа (кінець XVIII ст.), згідно з якою земне ядро повинно було бути вогненно-рідким; земна кора ж в основному представляє собою продукт остудження колись суцільно вогненно-рідкої кулі Землі. В.І. Вернадський заперечував космогонію Канта-Лапласа, відкидав протиставлення «ядра» і «кори» і обидва ці поняття вважав ненауковими. Однак сам не розробляв проблеми походження Землі.

⁴⁸³ У цей період В.І. Вернадський оформлює свої думки про перехід біосфери в сферу розуму — ноосферу.

⁴⁸⁴ Дуже докладно й яскраво «багатомісячний клопіт» задля отримання відрядження В.І. Вернадський описав у безцензурному листі до сина Георгія 5 травня 1932 р. з Праги: «В 1930 году меня не пустили за границу довольно странным образом — не ответа ни да,

ни нет (мне и Академии). Так дотянулось дело до конца года (тогда 1 октября), когда в порядке формальном была снята моя командировка (на 3 месяца) в числе прочих — неиспользованных кредитов. Я добивался ее прежде всего для окончания работы над геохимической энергией жизни, в которой, мне казалось, я пришел к выявлению пути разрешения проблем, над которыми я остановился бессильно в 1925 году.

Мне представляется теперь — что причиной этого были главным образом мое выступление в конце 1929 или начале 1930 в связи с рассмотрением устава Академии Наук и опасения — м.б. основанные на каких-нибудь сплетнях в заграничной среде о том, что я не вернусь. Те же разговоры идут в академической среде и сейчас! И сужу я об этом потому, что в 1930 году мог бы — для меня ясно — получить командировку один — без мамы.

Как бы то ни было — обстановка мне не ясна. В 1929 году меня выставили коммунисты-академики (Покровский, Рязанов) от своей группы и от академиков в вице-президенты, причем я узнал об этом незадолго, не был захвачен вполне врасплох и решительно отказался. Этот отказ дал первую трещину — отказался, желая иметь возможность интенсивно научно работать и указывая на ухудшение здоровья. Затем у меня шла борьба за иную, чем прошло, постановку изучения производ[ительных] сил. Когда не прошел мой проект, я отказался вступить в новую форму, не думая делать протеста, а надеясь скоро уехать на более долгий срок за границу и отдаться научной работе. Я увидел и почувствовал, что это было принято как протест — но игнорировал. Во время выступления об Уставе АН (в комиссии по выборам которого я попал) — я выступил в публичном заседании (это была моя ошибка), где в очень сдержанных словах, но ясно и определенно указал на необходимость свободной научной работы и бережного отношения к дарованиям, охраны талантливых людей как величайшего блага страны. Это была бомба. У меня были сейчас же [потребованы] объяснения, причем с величайшим, как оказывается, трудом была остановлена травля меня в печати и задержано проникновение в печать этой моей ошибки (публичности). В объяснениях мне указали, что с величайшим трудом академикам-коммунистам удастся достигнуть и того, что не разрушается Академия — они ведут за это борьбу — и что в данный политический момент — это мое заявление могло иметь последствия за границей, какие я, конечно, не желал — борьбы с режимом, ибо внешнее положение в этот момент было очень острое (особ[енно] во Франции). Я ответил, что ни того, ни другого я своим заявлением давать не желал и что абсолютно не знаю, что такое произошло на Западе. Поэтому мое предложение я взял назад из обсуждения, мотивируя, кажется, тем, что я не вижу в нем нужды, принял во внимание все обстоятельства — что-то вроде этого. Инцидент был исчерпан. Думаю, что он сыграл роль в дальнейшем. На фоне полной приниженности он показался огромным.

Как бы то ни было — убедившись к концу года в полной невозможности получить командировку, идя до конца — я обращался к Сталину с откровенным письмом о значении ее для меня как ученого и с телеграммой с просьбой ответить, когда он молчал — ни на то, ни на другое я не получил ответа — узнав стороной, что С[талин] сказал, что я не партийный (я в письме к нему ссылался на совет Лунач [арского] ему написать) и должен был идти через Предс[едателя] Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров] (тогда был Рыков). И мне уже все теперь неясно во всей последовательности — но примерно это было так.

В конце концов в конце 1930 (тогда год кончался октябрем) я подал в ЦИК заявление, прося выдать паспорта мне и маме без всякой валюты (я думал тогда, что вопрос в валюте), указывая, что я не собираюсь эмигрировать, но не могу и не хочу скрывать, что могу — для жизни — взять место за границей, которое заставит меня остаться там дольше — что я стою вне политики, что я не могу как ученый бросить открывающиеся передо мной большие достижения — результат всей моей научной мысли. Что я могу

ошибиться — но для меня это категорическая необходимость; заместителей себе — выдающихся — в обоих учреждениях я подготовил. В то же время без командировки — благодаря бедности здесь литературы и невозможности спокойной работы — плохой обстановки моей работы — я не могу эту задачу разрешить в советских условиях. Все мои заявления к Сталину и это в ЦИК были прямы, без всякой фальши, тверды и откровенны. Мое заявление в ЦИК в копии представлено Непр[еменному] Секр[етарю] Ак[адемии] Наук. Вскоре, кажется, в конце ноября 1930 я получил приглашение Парижского Университета прочесть в Сорбонне лекции по геохимии и примерно около этого времени из Акад[емии] Наук официальный запрос о командировках академиков на 1931 г.

Тогда я подал другое заявление в Ак[адемию] Н[аук] и через нее в Ученый Комитет (при ЦИК), которому она подчинена. В нем, указывая на мое заявление в ЦИК Союза, я просил о командировке на год для лекций в Париже и работе над моим сочинением, думал, французским. В частных разговорах указывал, что оно может заменить первое.

Дело рассматривалось в особом порядке и все шло как будто хорошо (тут я узнал, что главное или одно из главных препятствий это поездка совместно с женой. Я и Сталину и во ВЦИК и в новом заявлении писал, что хочу видеть и внучку и должен и для работы поехать с мамой). Как бы то ни было, в марте 1931 года мне было торжественно объявлено решение правительства (словесное), в котором указывалось всяческое уважение ко мне, что дело обсуждалось в особом порядке и очень внимательно, но, к сожалению, на этот год моя командировка не может состояться, что через год дело будет пересмотрено в том же особом порядке и что если не случится ничего чрезвычайного (напр., войны), оно получит благоприятное решение. В то же время, учитывая очень бедную обстановку моей научной работы, на мою биогеох[имическую] лабораторию и невозможность сейчас ее поставить наст[оящим] образом отпускается 3 000 р. валютой и 30 000 р. обычными и мне будет предоставлены всякие удобства для работы здесь. В чем дело, я так и не мог выяснить. В письменном — и устном — ответе я сказал, что прошу передать правительству, что я очень огорчен, решительно не понимаю, для чего это все нужно, — но подчиняюсь этому решению и надеюсь, что окажется возможным дать мне командировку раньше годового срока и что думаю, что предоставить мне нужные условия для работы в пределах Союза в предлагаемой форме невозможно. Летом прошлого года нас устроили прекрасно — по советским условиям — в тихой комнате в Петергофском Доме отдыха для ученых на четыре месяца (maximum допускаемого — два месяца) и на 4 месяца я получил отпуск — но сразу выяснилось, что для того, чтобы получить нужные книги, надо было тратить 5 часов, причем из нужных мне книг я получил 1/6–1/4 часть. Я увидел, что я не могу заниматься нужным мне образом. Вначале я был в негодовании — но затем я занялся одним частным вопросом моей книги — о биологическом времени, взяв его в глубоком разрезе времени вообще. Нужна была небольшая литература и размышления. Эта работа дала мне очень много, и я сделал осенью доклад в Академии «О проблеме времени в современной науке»; сейчас доклад подписан уже к печати в сверстанном виде и, я думаю, скоро будет напечатан. После него я начал вновь хлопоты, 6 февраля написал письмо Молотову, где откровенно изложил все дело и просил разрешения годовой командировки с перерывом ее на полгода. 22 февраля в личной беседе с Молотовым (я был в депутатии Акад[емии] Наук по поводу постройки Химич[еской] лаборатории), я получил от него определенный ответ, что могу ехать, куда хочу. Немедленно в начале марта я через Академию начал хлопоты о выезде между 10–15 апреля. 4 апреля — в бытность в Москве я узнал, что все как будто устроено — и паспорта, и деньги — и что я смогу выехать между 10–15 апреля, как хотел. Однако прошла неделя после 4-го и никаких признаков движения не было. Мне самые близкие к советской власти академики начали указывать, что я не получу командировки, рассказывая всякие слухи и сплетни, тем

более, что два академика (Ипатьев и Чичибабин) не вернулись. Я решился написать письмо Молотову в 20-х числах апреля. Вернувшийся из Москвы Непрем[енный] Секретарь Акад[емии] (дня через два после моего письма Молотову) привез известие, что какое-то ведомство (думаю крест[ьянско]-раб[очая] инспекция?), которое не было предупреждено, протестовало против паспорта Нат[алье] Ег[оровне], не возражая против моей командировки. Я решился уже послать срочное письмо Управл[яющему] канцелярией Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров] с просьбой спросить Молотова о моем письме, как вдруг, вернувшись домой часа через два, все переменялось с театральной быстротой. Сперва запрос через Дом ученых Ком[иссии] помощи ученым (при Сов[ете] Нар[одных] Ком[иссаров]) с вопросом, получил ли я и жена паспорта, причем, в случае отрицат[ельного] ответа, спрашивавший, мне лично неизвестный, управляющий делами, должен был известить Москву «телеграммой молния». Решили послать телеграмму, когда через 1/2 часа я был вызван телефоном завед. иностр. отделом Ленинград. округа, что из Москвы ему велено немедленно выдать паспорта мне и жене и что я могу сейчас же их получить. Телеграмма молния была отменена, а я получил еще телеграмму от Упр[авляющего] Дел[ами] Совнарк[ома], к которому хотел было раньше обратиться с извещением о паспортах и о том, что паспорта должны быть выданы, и с просьбой телеграфно его уведомить о их получении. Очевидно, мое письмо Молотову воздействовало и он проверял исполнение своего обещания. Пришлось послать паспорта для виз в Москву и назад. И я получил их назад 27 апр[еля], а денег не было. Была мне телеграмма от Ученого Комитета при ЦИК, что они будут высланы в Дом ученых (необычный путь) — попытки ускорить телефоном и телеграммой были неудачны; я решил 27 апр[еля] послать телеграмму тому лицу, которое справлялось обо мне в Доме ученых — и 29 апр[еля] получил телеграмму молнию, что деньги переведены по телеграмме в Госуд[арственный] Банк. 30 апр[еля] был последний срок их получения, т. к. 1–4 мая банк заперт. 30 апр[еля] я получил деньги — но оказалось, что билета на Ригу нет на 2 мая, когда я хотел выехать. Новые хлопоты, и, наконец, на вокзале я достал билеты в день отъезда, заказав их накануне (причем официальное бюро дало раньше мне ложные сведения; это обычная плохая работа бездельников).

Для <меня> именно важно было выехать в этом году, ибо я чувствую, что начинаю подходить в новой огромной проблеме, которая захватит меня всего и я не смогу вернуться к геохим[ической] энергии. Так со мной уже было с вопросом полиморфизма в конце прошлого столетия, когда я, как вижу теперь, подошел к принципам геохимии... Я сейчас опять вернулся к вопросам фазовых равновесий (полиморфизм частный случай) в связи с термическим режимом земли, который выявляет мне м. пр. ледниковые периоды как частный случай механизма биосферы и как проявление радиоактивности химич[еских] элементов и свойств атомов.» (*Вернадский В.И. Письма академика В.И. Вернадского сыну (1922–1936) / Публ. и прим. М.Ю. Сорокиной // Архив РАН. Публикации — Интернет-ресурс: <http://www.arran.ru/?q=ru/vernad3> (версия: <http://www.russiangrave.ru/index.php?id=99>).*

⁴⁸⁵ Гулак Микола Іванович (1822–1899), учений, педагог. В 1845–1847 рр. чиновник канцелярії Київського генерал-губернатора, співробітник Археографічної комісії, один з організаторів Кирило-Мефодіївського товариства, належав до його лівої, революційно-демократичної групи, очолюваної Т.Г. Шевченком; у 1847–1850 рр. був ув'язнений в Шліссельбурзькій фортеці; 1850–1856 рр. жив у Пермі під наглядом поліції; 1859–1887 рр. провадив педагогічну і наукову діяльність в Україні, в Грузії та Азербайджані. Його «Опыт геометрий о четырех измерениях» (Тифлис, 1877) згадував П. Флоренський у своїх працях «Столп и утверждение истины» та «Смысл» идеализма». М. Гулака як свого викладача в тифліській гімназії згадував М.С. Грушевський (*Грушевський М. Спомини / Публ. й прим. С. Білоконя // Київ. — 1988. — № 11. — С. 126, 128–129*).

⁴⁸⁶ Особу встановити не вдалося.

⁴⁸⁷ Вернадські жили в санаторії ЦеКУБУ в Старому Петергофі у травні–вересні 1931 р. після відмови В.І. Вернадському у закордонному відрядженні. Вернадський пише ЦКУБУ, хоча офіційна аббревіатура ЦеКУБУ — «Центральная комиссия по улучшению быта ученых» (Центральна комісія з поліпшення побуту вчених). Створена за ініціативою О.М. Горького постановою Раднаркому від 10 листопада 1921 р.

⁴⁸⁸ Збірник статей «Живое вещество» був підготовлений В.І. Вернадським до друку навесні 1929 р., проте, у зв'язку з посиленням цензури, книга з друку не вийшла, залишилася в гранках. При цьому вже були посилання на книгу навіть у зарубіжних публікаціях. У 1935 р. також була спроба видати книгу, але безуспішно. Лише 1940 р. «Живое вещество» під іншою назвою — «Биогеохимические очерки» — побачило світ, проте була відсутня найбільш «крамольна» стаття — «Начало и вечность жизни», з купюрами вийшла «Автотрофность человечества». (Докладніше див: *Аксенов Г.П.* Невышедшая книга — неизвестное понятие // *Вопр. истории естествозн. и техн.* — 1997. — № 3. — С. 129–135). Без купюр вийшла лише 1978 р.: *Вернадский В.И.* Живое вещество. — М, 1978. — 358 с.

У щоденнику Вернадський записав 14 березня 1931 р.: «Последние месяцы со всех сторон я вижу начало нападений на мои взгляды. Недопущение печатания моей «Биосферы» (немецкой) и моего «Жив[ого] вещ[ества]». Каган (В.Ф. Каган, завідувач науковим відділом Держвидаву. — *Укл.*) говорив, що он пропустив, не ознакомившись з моїми взглядами. По-видимому, [противодействовал] Левин (М.Л. Левін, один з редакторів «Большой Советской Энциклопедии». — *Укл.*). Ромм (П.В. Ромм, завідувач науковим підвідділом Ленінградського відділення Держвидаву. — *Укл.*) говорив мне, что если бы дискуссия [вокруг] Деборина не привела к его крушению месяца [на] два раньше предполаг[авшегося] выпуска «Ж[ивого] в[ещества]» [весной] — книга бы вышла. Думаю, имело значение мое выступление в связи с обсужд[ением] структуры А[кадемии] н[аук]» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — С. 194). В 1940 р. Вернадський зазначив у щоденнику (17 липня): «15 июля вышли мои «Биогеохимические очерки». Эта книга имеет свою историю, которая ярко рисует пренебрежение к свободе мысли в нашей стране. Если это не изменится, то это грозит печальными последствиями, т. к. (не соблюдаются) принципы высоких идеалов гуманизма, равенства всех, демократии, признания силы научного знания, науки, а не религии (причем большевики — ошибочно — не отделяют философию от науки). Эта книга была отпечатана и должна была выйти в 1930 году под заглавием «Живое вещество»» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1935–1941. — М., 2006. — Кн. 2. — С. 116).

⁴⁸⁹ Йдеться, мабуть, про статтю: *Вернадский В.И.* Об условиях появления жизни на Земле (1930) // *Изв. АН СССР.* — Сер. 7, ОМЕН. — М.; Л., 1931. — Вып. 5. — С. 633–653.

⁴⁹⁰ *Vernadsky G.* A History of Russia / With a preface by Michael Rostovtzeff: 2nd ed. — New Haven: Yale University Press, 1930. — XIX, 413 p.

⁴⁹¹ Поїздка відбулася в травні–листопаді 1932 р. (Чехословаччина, Франція, Німеччина). «С разрешения А.В. Луначарского, — згадував В.І. Вернадский, — я официально через Ученый Комитет и лично декану Шарль Морену послал в Париж просьбу отложить чтение на год. Я не мог выяснить и понять причину такой отсрочки командировки. Я понял только, что это связано с совершенно неизвестной и непонятной мне обстановкой, бывшей тогда, главным образом, во Франции» (АРАН, ф. 518, оп. 2, спр. 48, арк. 25зв.).

⁴⁹² В Спасо-Преображенській пустині, де ще проживали ченці, в 1921–1922 рр. було відкрито санаторій — у віданні Комітету з поліпшення побуту вчених. Незабаром нові сусіди майже повністю зайняли територію монастиря. У 1938 р. храм Преображення

Господнього був підірваний. Обитель припинила своє існування. З 2005 р. почалося відновлення Спасо-Преображенської пустині.

⁴⁹³ Сгоров Іван Васильович (1869–1931), хімік, професор Київського комерційного інституту, університету, інститутів народної освіти та народного господарства в Києві.

⁴⁹⁴ В.П. Бузескул помер 1 червня 1931 р. в Харкові.

⁴⁹⁵ Йдеться про статтю: *Вернадский В.И.* Изучение явлений жизни и новая физика // Изв. АН СССР. — Сер.7, ОМЕН. — М.; Л., 1931. — Вып. 3. — С. 403–437. — Отд. оттиск. М.; Л., 1931. — 35 с. (Перевид. в: Тр. Биогеохимической лаборатории. — Вып. 16. — М.: Наука, 1980. — С. 246–277). Щодо другої статті — достеменно з'ясувати не вдалося.

⁴⁹⁶ Перебуваючи в санаторії В.І. Вернадський почав активно працювати над проблемою часу–простору, яку завершив в 1942 р. в капітальній праці «Простір і час в неживій і живій природі» (увійшла до кн.: *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. Кн. 1. — М.: Наука, 1975. — С. 85–148).

⁴⁹⁷ Див. про це записи в щоденнику: *Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — С. 197–208, а також [Из «Хронологии 1931 г.»] // Там само. — С. 214.

⁴⁹⁸ Див., наприклад: *Білокінь С.І.* Київська вчена корпорація (20–50-ті рр. ХХ ст.) // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. — К., 2008. — Вип. 14. — С. 288–305.

⁴⁹⁹ У березні 1931 р. М.С. Грушевський змушений був залишити Київ і переїхати до Москви. Тут його заарештували (інкримінували участь у т. зв. Українському національному центрі), але через деякий час звільнили. Після звільнення йому не дозволено було жити в Україні. Працював у Москві під тотальним наглядом ОДПУ–НКВС. (*Пристайко В.І., Шановал Ю.І.* Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934: історична література. — К., 1996. — 335 с.; *Шановал Ю.І.* Загадка смерті Михайла Грушевського // Укр. іст. журнал. — 2006. — № 5. — С. 83–98).

⁵⁰⁰ Див. коментар № 489 до цього розділу.

⁵⁰¹ Багато років В.І. Вернадський жив, навчався і працював в Петербурзі. Однак дослідники називають тільки дві петербурзькі адреси вченого: вул. Маяковського (колишня Надеждинська), 34, квартира 8, і 7-ма лінія, 2, квартира 12 («Будинок академіків», де Вернадські жили з 1914 по 1935 р. Після повернення у в березні 1926 р. з Парижа Вернадські мешкали в своїй старій квартирі, але вже разом з академіком Ф.І. Успенським та його дружиною Надією Ерастівною Успенською.

⁵⁰² Йдеться про академіка, історика В'ячеслава Петровича Волгіна (1879–1962), який був неодмінним секретарем АН СРСР з 3 березня 1930 р. до 20 листопада 1935 р.

⁵⁰³ *Вернадский В.И.* Проблема времени в современной науке: [доклад, прочитанный 26 декабря 1931 г. на общем собрании АН СССР] // Изв. АН СССР. — Сер. 7, ОМЕН. — М.; Л., 1932. — Вип. 4. — С. 511–541.

⁵⁰⁴ *Артемський А.Я.* Що таке Всеукраїнська Академія Наук. — К.: ВУАН, 1931. — 95 с.

З 1930 р. Андрій Якович Артемський (1898–1938) був секретарем Комісії науково-культурної пропаганди і секретарем комуністичного осередку ВУАН. В 1933 р. репресований.

⁵⁰⁵ Докладніше див.: *Юркова О.В.* Діяльність Науково-дослідної кафедри історії України М.С. Грушевського (1924–1930 рр.). — К.: Ін-т історії України НАН України, 1999. — 433 с. *Вона ж.* «Україна» на історичному фронті: від наукового часопису українознавства до журналу циклу історичних наук // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. — К., 2007. — № 16. — С. 327–355.

⁵⁰⁶ А.В. Луначарський з 1929 р. займав посаду голови Вченого комітету при ЦВК СРСР. У секретній записці для Політбюро ЦК ВКП (б) від 25 січня 1931 р. А.В. Луна-

чарський писав: «С Вернадским поручено (нарадою при Ленінградському обкомі з участю представників ДПУ та фракції академіків-комуністів. — Укл.) переговорить мене с тем, чтобы ценой обещания создать по возможности наилучшую обстановку для научной работы добиться того, чтобы Вернадский больше не настаивал на командировке, а отложил бы ее». Вернадский записав в щоденнику: «В апреле 1931 г. А.В. Луначарский сообщил мне устное решение правительства о моей заграничной командировке. Он сказал, что правительство рассмотрело все дело и не нашло возможным разрешить мне командировку в этом году, но что в том же особом порядке в апреле 1932 г. этот вопрос будет пересмотрен и, если не будет каких-либо особых обстоятельств, — благополучно разрешен. В то же время, принимая во внимание недостаточную научную обстановку, в какой я работаю, правительство ассигновало в необычном порядке — Биогеохимической лаборатории, директором которой я состою, 3000 руб. валютой и 30000 руб. червонцами. В то же самое время я должен был быть поставлен в возможно наилучшие условия на 4 месяца для работы здесь вместо поездки за границу.

Я не мог выяснить и понять причину такой отсрочки командировки <...> Я просил устно и письменно А.В. Луначарского довести до сведения правительства, что, подчиняясь этому решению, я очень огорчен этой отсрочкой и что уверен, что не смогу здесь получить нужных условий для работы, и что я надеюсь, что срок отсрочки может быть сокращен, просил вместе с тем возможности личного выяснения недоразумения и указывал на тягостность отсрочки в моем возрасте (70 лет)» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — С. 194; 213–214). Див. також: *Антонова Н.С., Дроздова Н.В.* Свобода всего дороже: [письма В.И. Вернадского А.В. Луначарскому, неперемному секретарю АН СССР В.П. Волгину, в ЦИК СССР и секретарю ВЦИК А.С. Енукидзе] // *Вестник РАН.* — 1993. — Т. 63, № 3. — С. 259–260.

⁵⁰⁷ Йдеться про курорт П'ештяни (Піштяни, Піщани, Пісчани, Piešťany) на південному заході Словаччини, лікувальний центр ревматичних хвороб.

⁵⁰⁸ У травні — листопаді 1932 р. Вернадський побував у Чехословаччині (де жила сім'я доньки Ніни Володимирівни), Німеччині (Мюнстер, Геттінген, Берлін, Лейпциг) і Франції (Париж). У травні він взяв участь в зустрічі Бунзенівського товариства в форматі першого Міжнародного з'їзду з вивчення радіоактивності в Мюнстері.

⁵⁰⁹ Доповідь В.І. Вернадського «Океанографія і геохімія» (3 квітня 1932 р. в Державному океанографічному інституті) призначалася для публікації в «Трудах Государственного океанографического института», але його видання не було здійснено. Німецька версія була опублікована: Vernadsky W. Ozeanographie und Geochemie // *Tschermak's mineralogische und petrographische Mitteilungen.* — Wien, 1933. — Bd. 44, H. 2/3. — S. 168–192.

⁵¹⁰ *Деборин А.М.* Проблема времени в освещении акад. Вернадского // *Изв. АН СССР.* — Сер. 7, ОМОН. — М.; Л., 1932. — Вып. 4. — С. 543–569. Цю статтю редакція подала слідом за статтею-довіддю Вернадського — див. коментар № 503 до цього розділу.

Деборін (Іоффе) Абрам Мойсейович (1881–1963), філософ, історик, академік АН СРСР з 1929 р., заступник директора Інституту К. Маркса і Ф. Енгельса, 1926–1930 рр. відповідальний редактор філософського журналу «Под знаменем марксизма». На початку 1931 р. була розгромлена його філософська школа після обвинувачення в «меншовицькому ідеалізмі» за недооцінку революційного перевороту.

⁵¹¹ У Мюнстері на 37-й зустрічі Бунзенівського товариства В.І. Вернадський зробив 17 травня доповідь «Радиоактивность и новые проблемы геологии» — *Vernadsky W.I.* Die Radioaktivität und die neuen Probleme der Geologie // *Zeitschrift für Elektrochemie und angewandte physikalische Chemie: hrsg. von der Deutsche Bunsen-Gesellschaft für Ange-*

wandte. — Halle, 1932. — Bd. 38, № 8a. — S. 519–527 (рос. оновлене вид.: *Вернадский В.И.* Радиоактивность и новые проблемы геологии // Основные идеи геохимии. — Л., 1935. — С. 23–40; нов. вид. у кн.: *Вернадский В.И.* Труды по радиогеологии. — М.: Наука, 1997. — С. 139–151); *Chlopin V., Vernadsky W.I.* Radium- und mesothoriumhaltige natürliche Gerwässer // Ibid. — S. 527–529.

⁵¹² У листі до О.П. Виноградова від 24 травня 1932 р. В.І. Вернадський писав з Праги: «Сейчас самое интересное в Мюнстере было указание на нейтроны и на распад изотопов, были и Рузерфорд, и Чадвик. Здесь новый огромный шаг в неизвестное». (Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. 1927–1944. — М.: Наука, 1995. — С. 84).

Див. також звіт академіка: *Вернадский В.И.* Геохимия, биогеохимия и радиология на новом этапе: Извлечения из отчета и заграничной командировке 1932 г. // Вестник АН СССР. — 1933. — № 11. — С. 17–24.

⁵¹³ Це фактично єдиний лист М.П. Василенка, надісланий ним В.І. Вернадському, судячи з дати й змісту, за кордон.

⁵¹⁴ Різниченко Володимир Васильович (1870–1932), геолог, директор Українського геологічного комітету, Науково-дослідного геологічного інституту ВУАН, академік ВУАН (1929).

Симинський Костянтин Костянтинович (1879–1932), механік, професор Київського політехнічного інституту, академік ВУАН (1926), у 1921–1932 рр. директор Інституту технічної механіки ВУАН.

Кордиш Леон Йосипович (1878–1932), фізик, професор Київського університету та Київського політехнічного інституту. У 1929 р. був обраний членом-кореспондентом ВУАН, працював у Науково-дослідному інституті фізики.

⁵¹⁵ Ймовірно, В. Вернадський згадав своє перебування й роботу в 1924–1925 рр. в передмісті Парижа, на Сені — Bourg la Reine (Seine).

⁵¹⁶ На закиди А.М. Деборіна В.І. Вернадський відповів статтею: *Вернадский В.И.* По поводу критических замечаний академика А.М. Деборина // Изв. АН СССР. — Сер. 7, ОМЕН. — М.; Л., 1933. — Вып. 3. — С. 395–407. Проте редакція подала тут і відповідь: *Деборин [Иоффе] А.М.* Критические замечания на критические замечания акад. В.И. Вернадского // Там само. — С. 409–419.

⁵¹⁷ Про це див. спогади Н.Є. Вернадської (*Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — С. 322).

⁵¹⁸ Окрім листівки від 13 червня 1932 р., іншої кореспонденції до Василенка не знайдено.

⁵¹⁹ У листі до В.І. Вернадського з Самарканда 17 квітня 1941 г., намагаючись оформити докторський ступінь, Б.Л. Лічков попросив академіка дати відгук про наукові надбання. «Думаю, что Вам такой отзыв составит было бы нетрудно. Ведь у Вас обо мне есть все данные. В 1932 г., если помните, меня неудачно представляли в члены-корреспонденты Академии, и в «делах» должна быть копия сделанного тогда представления; ее можно использовать», — зазначив Б.Л. Лічков (Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым (1940–1944). — М.: Наука, 1980. — С. 255). Проте інших документальних підтверджень щодо пропозиції обрання Лічкова в члени-кореспонденти АН СРСР знайти, на жаль, не вдалося. Відомо також, що Вернадський і український академік В.О. Сельський запропонували Лічкова в члени-кореспонденти АН УРСР. Проте слід врахувати, що 5 січня 1934 р. Лічков був заарештований в Ленінграді за звинуваченням в «приналежності до Ленінградському формуванню організації Російської національної партії, що ставила за мету повалення Радянської влади і встановлення фашистської диктатури», нібито очолюваної академіками В.І. Вернадським і М.С. Кур-

наковим. Лічков був звинувачений в тому, що, «будучи завербований академіком Вернадським, проводив шкідництво в області практичного вирішення сапропелевої проблеми». Засуджений до 10 років примусових робіт. Достроково звільнений в листопаді 1939 р., але залишений працювати в системі НКВС і лише в січні 1941 р. «звільнився від Волгобуда». Судимість знята в 1947 р., проте повністю реабілітований лише 1956 р. (Репрессированные геологи. Изд. 3-е, испр. и доп. — М.; СПб., 1999. — С. 198).

⁵²⁰ Див. коментар № 502 до цього розділу.

⁵²¹ Йдеться про книгу «Биогеохимическая энергия в земной коре» (рукопис — АРАН, ф. 518, оп. 1, спр. 12). Вернадський у листуванні не раз згадує про роботу над «головною книгою життя», проте назва й структура дослідження не залишалися незмінними. Очевидно, основним підсумком роботи академіка з цієї проблематики стала книга «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», практично закінчена до 1944 р. і опублікована 1965 р. (нове вид.: М.: Наука, 2001. — 376 с.).

⁵²² Див. записку В.І. Вернадського «О необходимости создания научно-мощного радиевого института в срочном порядке» (АРАН, ф. 518, оп. 1, спр. 322, арк. 1–7зв.).

⁵²³ Див. коментар № 516 до цього розділу.

⁵²⁴ 13 серпня Вернадський з дружиною виїхав у чергове піврічне відрядження через Варшаву до Праги. Спочатку відпочили в родині дочки, а в жовтні–грудні 1933 р. Володимир Іванович займався науковою роботою, читав лекції з радіогеології в Лондоні і Парижі. В СРСР Вернадські повернулися на початку лютого 1934 р.

⁵²⁵ 19–22 грудня 1933 р. В.І. Вернадський прочитав в Сорбонні цикл лекцій «La Géochimie de l'eau» (рукопис див.: АРАН, ф. 518, оп. 1, спр. 70, 38 арк.).

⁵²⁶ Своім європейським спостереженням учений отримав підтвердження пізніше в книзі: Симон Андрэ. О тех, кто предал Францию. Сборник статей французских писателей. — М., 1941. — 397 с.

⁵²⁷ Очевидно, йдеться про: *Вернадский В.И.* 1) Проблемы биогеохимии. Вып. 1: Значение биогеохимии для познания биосферы. — Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — 48 с.; 2) Проблемы биогеохимии. [Вып.:] II: О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы. — 2 изд. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — 34 с.

Щодо третього випуску, можливо, йшлося про статтю: «Проблемы биогеохимии. Вып. 3: О состояниях пространства в геологических явлениях земли на фоне роста науки XX столетия», яка збереглася в архіві академіка (ф. 518, оп. 1, спр. 3) і яку було видано 1980 р. (*Вернадский В.И.* О состояниях пространства в геологических явлениях. На фоне роста науки XX столетия // Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. Труды Биогеохимической лаборатории. Т. 16. — М., 1980. — С. 85–164. Початкова назва вип. 3 «Проблем биогеохимии» була — «О состояниях физического пространства». Закінчив статтю Вернадський лише в березні 1943 р. в евакуації в Боровому Казахської РСР, розширивши і змінивши назву (Письма к сыну и дочери / Публ. подгот. Д. Холлоуэй, В.Я. Френкель, И.И. Мочалов // Вестн. АН СССР. — 1990. — № 12. — С. 125).

⁵²⁸ Йдеться про Л.О. Нейолову, див. коментар № 356 до цього розділу.

⁵²⁹ Можливо, йдеться про Михайла Михайловича Могилянського (1873–1942), письменника і публіциста, за професією адвоката. Працював в кадетській газеті «Речь». 1923 р. очолив Постійну комісію ВУАН зі складання «Біографічного словника українських діячів». Науковий співробітник ВУАН. Звільнений з Академії 1933 р. Помер в евакуації в Красноярському краї. Див. також його листи до В.І. Вернадського у другій книзі цього видання.

⁵³⁰ 25 квітня 1934 р. РНК СРСР прийняла постанову «Про переведення АН СРСР до Москви». В.І. Вернадський переїхав до Москви на початку літа 1935 р., коли перевезли

очолювану ним Біогеохімічну лабораторію. А Радієвий інститут (був у віданні Наркомату освіти), директором якого академік був у 1922–1939 рр., було вирішено перебазувати з Ленінграда до Москви лише навесні 1943 р., від 1941 р. інститут був в евакуації в Казані.

⁵³¹ Йдеться про арешт Б.Л. Лічкова 5 січня 1934 р. у «справі славистів» (справа «Російської національної партії»). Вже 29 березня 1934 р. учений був засуджений.

⁵³² В Узькому (колишня поміщицька садиба) від лютого 1922 р. й до нашого часу розташовано санаторій для вчених (належав ЦеКУБУ, згодом Комісії сприяння вченим, а в 1937 р. — АН СРСР). Тепер це територія Москви.

⁵³³ Помер в Ленінграді 28 лютого 1934 р. 25 квітня відбулися Загальні збори АН, присвячені пам'яті С.Ф. Ольденбурга.

⁵³⁴ Йдеться про записку, подану В.І. Вернадським до Президії АН СРСР 3 серпня 1934 р., — «Про перехід Всесоюзної Академії Наук з Ленінграда до Москви» (АРАН, ф. 518, оп. 1, спр. 324, арк. 24–32; оп. 4, спр. 13, арк. 2–11. Машинописна копія).

⁵³⁵ Ці міркування вченого дуже близькі до його думок про ноосферу.

⁵³⁶ VII Менделєєвський з'їзд хіміків, присвячений сторіччю від дня народження Д.І. Менделєєва, проходив у Ленінграді 10–13 вересня 1934 р.

⁵³⁷ Йдеться про генетика Ізраїля Йосиповича Агола (1891–1937), який з кінця травня 1934 р. кілька місяців був неодмінним секретарем Президії АН УРСР (його змінив О.В. Палладін, без будь-якої офіційної ухвали чи повідомлення на Загальних зборах). У 1934–1937 рр. завідувач відділу Інституту зоології та біології АН УРСР. Репресований і розстріляний.

⁵³⁸ Нові міркування вченого про ноосферу.

⁵³⁹ Йдеться про Біогеохімічну лабораторію АН СРСР.

⁵⁴⁰ Шмальгаузен Іван Іванович (1884–1963), зоолог-морфолог, професор Київського, Воронежського, Московського університетів. Академік УАН (1922), академік АН СРСР (1935), директор Інституту зоології та біології АН УРСР (Київ), Інституту еволюційної морфології АН СРСР (Москва). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

⁵⁴¹ Під час сесії АН СРСР, першої після переїзду Академії до Москви, 20 грудня 1934 г. В.І. Вернадський виступив з доповіддю «Про деякі явища в радіогеології».

⁵⁴² «Комиссия содействия ученым», правонаступниця ЦеКУБУ. Див. коментар № 487 до цього розділу.

⁵⁴³ Вернадські виїхали за кордон лише в середині серпня і повернулися в середині листопада 1935 р.

⁵⁴⁴ На початку літа 1935 р. Вернадські переїхали в Москву в запроповану їм Академією квартиру в Дурновському провулку, між Арбатом і Молчанівкою. У Москві Вернадський починав в 1890 р. викладацьку кар'єру, а в 1911 р., після того як залишив на знак протесту університет, повернувся в Петербург, де очолив Мінералогічний музей і зосередився на науковій роботі в рамках Академії наук.

⁵⁴⁵ Надсон Георгій Адамович (1867–1939), ботанік, мікробіолог, генетик. Член-кореспондент (1928), дійсний член (1929) АН СРСР. Директор Інституту мікробіології АН СРСР (1934–1938); редактор першого в Росії журналу (1914–1938) з загальної мікробіології. Репресований і розстріляний.

⁵⁴⁶ Плетньов Дмитро Дмитрович (1871/1872–1941), медик-терапевт, професор, був членом кадетської партії. Консультант лікувально-санітарного управління Кремля. Репресований у 1937 р. Засуджений на 25 років в'язниці. Розстріляний, коли німці підходили до Орла.

⁵⁴⁷ Див. записи про Україну в щоденнику за 30 червня 1935 р.: *Вернадский В.И. Дневники: 1935–1944.* — М., 2006. — Кн. 1: 1935–1938. — С. 20.

⁵⁴⁸ *Полонська-Василенко (уроджена Меньшова) Наталія Дмитрівна (1884–1973)*, історик, археограф, доктор історичних наук. Учениця М. В. Довнар-Запольського. Закінчила Києво-Фундуклеївську жіночу гімназію, 1911 р. — Вищі жіночі курси (Київ), 1913 р. — Київський університет. В 1912–1915 рр. асистент по кафедрі російської історії та кафедрі методики, з 1916 р. викладач Вищих жіночих курсів, з 1916 р. приват-доцент Київського університету, де завідувала археологічним музеєм. У 1917–1920 рр. викладала на Вищих жіночих курсах А.В. Жекуліної. Одна із фундаторів та вчений секретар Київського археологічного інституту (1917–1924). У 1921–1923 рр. викладач і директор київської трудової школи № 56. В 1925–1927 рр. архівний реєстратор і помічник ученого архівіста Київського центрального архіву давніх актів. У 1927–1931 рр. професор Київського художнього інституту. В 1924–1933 рр. науковий співробітник різних кафедр і комісій ВУАН; з 1929 р. член Постійної комісії для складання біографічного словника діячів України; в 1929–1934 рр. вчений секретар Комісії для вивчення соціально-економічної історії України XVIII–XIX ст.; у 1930–1934 рр. член Археографічної комісії ВУАН. У 1934–1938 рр. науковий співробітник рукописного відділу Всенародної бібліотеки України і 1938–1941 рр. старший науковий співробітник сектору історії України доби феодалізму Інституту історії АН УРСР. Одночасно в 1940–1941 рр. професор Київського державного університету. З початком німецької окупації Києва 20 жовтня 1941 р. очолила Археологічний інститут, а з грудня того ж року і Київський центральний архів давніх актів. У 1942 р. співробітник Музею-архіву переходової доби м. Києва. У вересні 1943 р. виїхала спочатку до Львова, а потім на еміграцію. Професор Українського вільного університету в Празі (1944–1945) та Мюнхені (1945–1973), Української православної академії в Мюнхені (1946). Дійсний член Української вільної академії наук (1948), Міжнародної вільної академії наук у Парижі (1952).

Основні праці: *Полонська-Василенко Н.* 1) Домашний и общественный быт Московской Руси. — К., 1912. — 64 с. 2) Українська Академія Наук: нарис історії: в 2-х ч. — Мюнхен, 1955–1958 (перевид. — К, 1993); 3) Запоріжжя XVIII століття та його спадщина: в 2-х т. — Мюнхен, 1965–1967; 4) Історія України: у 2-х т. — Мюнхен, 1972–1976 (репр. — К., 1992. — 592 с.); 5) Спогади. — К.: Видавн. Дім «Києво-Могилянська академія», 2011. — 542 с.

Література: *Моргун О.* До життєпису Наталії Дмитрівни Полонської-Василенко-Моргун // *Укр. історик.* — 1983. — № 2–4. — С. 51–54; *Ульяновський В.І.* Наталія Дмитрівна Полонська-Василенко-Моргун: Сторінками життєпису // *Полонська-Василенко Н.* Історія України: у 2-х т. — 1995. — Т. 1. — С. V–LXXXVIII; *Верба І.В.* Життя і творчість Н.Д. Полонської-Василенко (1884–1973). — К., 2000. — 356 с. (нове вид: Ніжин, 2008. — 324 с.).

⁵⁴⁹ Після арешту М.П. Василенка 1923 р. на його квартиру по Тарасівській, 20 почалися зазіхання щодо ущільнення. Під тиском всіляких комісій Наталія Дмитрівна віддала одну кімнату родині колишньої служниці М.С. Великохатко. (*Бонь О.І.* Історія повсякденності української наукової інтелігенції (за матеріалами фонду Миколи Прокоповича Василенка в ЦДАМЛМ України) // *Література та культура Полісся*, — Ніжин, 2010. — Вип. 60. — С. 104–112).

⁵⁵⁰ Відповідь на цей лист написала Н.Є. Вернадська: див.: ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 20, арк. 42–42 зв.

⁵⁵¹ Йдеться про «Бюлетень Бюро Київської секції наукових робітників», що видавався в 1926–1931 рр. з перервами.

⁵⁵² Маркевич Арсеній Іванович (1855–1942), історик, археолог, бібліограф, член-кореспондент АН СРСР (1927). Голова Таврійської ученої архівної комісії, один з ініціаторів створення Таврійського університету. Загинув у блокадному Ленінграді.

Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання.

⁵⁵³ Свенсон Микола Олександрович (1869 — після 1927 р.), хірург, професор. Працював в університетській клініці, інших установах Києва.

Маньковський Борис Микитович (1883–1962), невропатолог, професор Київського інституту удосконалення лікарів і Київського медичного інституту, науковий керівник Київського психоневрологічного інституту, дійсний член АМН СРСР (з 1944 р.).

⁵⁵⁴ На листи від 20 листопада 1933р. та від 30 квітня 1934 р. Вернадський не отримав відповіді Василенка. Лише після цього листа до Н.Д. Полонської була відповідь Миколи Прокоповича від 25 жовтня 1934 р.

⁵⁵⁵ Про разгром гуманітарної науки в УРСР див. також запис у щоденнику Вернадського від 22 грудня 1934 р. (*Вернадський В.І.* Дневники: 1926–1934. — С. 368–369).

⁵⁵⁶ Вперше було частково видано в еміграції 1988 р. в українському перекладі, можливо, за зробленим Н.Д. Полонською-Василенко машинописним примірником: *Василенко М.П.* Моє життя // Укр. історик. — 1988. — № 1–4; 1989. — № 1–3, № 4; 1990. — № 1–4. Сучасні дослідники видали друком ці спогади повністю за рукописом: *Василенко М.П.* Моя жизнь // Василенко М.П. Вибрані твори: У 3 т.: Т. 3. Спогади. Щоденники. Листування. — К., 2008. — С. 13–282.

⁵⁵⁷ Можливо, йдеться про літературознавця та етнографа, професора Київського інституту народної освіти, а згодом університету Степана Володимировича Савченка (1889–1942).

⁵⁵⁸ Див. лист Вернадського від 25 листопада 1934 р.

⁵⁵⁹ Тіло акад. М.С. Грушевського, який помер у Кисловодську 25 листопада 1934 р., привезли до Києва 28 листопада. Тіло перевезли до Академії наук, де до нього було відкрито доступ з 18 до 22-ї години, наступного дня, 29 листопада, — з 10 до 13-ї години. Того ж дня відбувся похорон на Байковому цвинтарі.

⁵⁶⁰ М.П. Василенко помер 3 жовтня 1935 р. від раку печінки, як це вказано у свідоцтві про його смерть (ЦДАМЛМ України, ф. 542, оп. 1, спр. 37, арк. 3).

⁵⁶¹ Див. лист Б.Л. Лічкова В.І. Вернадському від 3 листопада 1935 р. у другій книзі цього видання.

⁵⁶² Йдеться, очевидно, про смерть зоотехніка, академіка ВАСГНІЛ Михайла Федоровича Іванова (1871–1935), українського академіка, ботаніка Олександра Васильовича Фоміна (див. коментар № 158 до цього розділу) та французького сходознавця Сильвена Леві (1863–1935).

⁵⁶³ *Чайковский П.И.* Переписка с Н.Ф. фон-Мекк: В 3-х т. / Ред. и прим. В.А. Жданова и Н.Т. Жегина; вст. статья Б.С. Пшибышевского. — М.–Л.: Academia, 1934–1935.

Тулуб З.П. Людоловы: Ист. ром. в 2-х т., 1615–1622. — М.: ГИХЛ, 1934. — Т. 1. — 416 с.

⁵⁶⁴ Директором ВБУ в 1933–1936 рр. був Василь Михайлович Іванушкін (1903–1937), агроном, економіст, редактор, книгознавець. Виключений з партії «за притуплення партійної пильності» (пожежа, що сталася в газетному відділі в 1935 р.) і звільнений з Бібліотеки (травень 1936 р.). Репресований 1937 р. та розстріляний.

⁵⁶⁵ Гольдман Олександр Генріхович (1884–1971), фізик, академік ВУАН (1929). Заснував Інститут фізики АН та «Український фізичний журнал». Член Президії АН, секретар Відділення природничих і математичних наук (1930–1938). Репресований 1938 р. До Києва, до Інституту фізики, повернувся після 1956 р.

⁵⁶⁶ Академічна багатотиражка, яка заступила аналогічну «За радянську Академію», що видавалася в 1930–1934 рр.

⁵⁶⁷ Архів М.П. Василенка зберігається в двох сховищах: ІР НБУВ (ф. 40) та ЦДАМЛМ України (ф. 542).

⁵⁶⁸ Йдеться про Д.М. Петрушевського. Див. коментар № 368 до цього розділу.

⁵⁶⁹ Йдеться про видання: Дело Киевского областного «Центра действия». — К.: Юриздат НКЮ УССР, 1927. — XII, 820 с.

⁵⁷⁰ Праця: *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни: Вып. 1–4. — М.; «Недра», 1926–1927, відкрила свого часу жанр хроніки характеристик і думок.

⁵⁷¹ Ці спогади були вперше видані в еміграції в українському перекладі, можливо, за зробленим Н.Д. Полонською-Василенко машинописним примірником: *Василенко М.П.* Два тижні в Лук'янівській тюрмі: Из спогадів // Укр. історик. — 1972. — № 1/2; 1973. — № 1/2. Сучасна публікація за рукописом: *Василенко М.П.* Две недели в Лукьяновской тюрьме // Василенко М.П. Вибрані твори: У 3 т.: Т. 3. Спогади. Щоденники. Листування. — К., 2008. — С. 283–301.

⁵⁷² В.І. Вернадский записав пізніше в «Хронологии 1935 г.»: «3 октября 1935 года умер Николай Прокофьевич Василенко, родился в 1866 году (по указанию Яснопольского — умер 69 лет — последние годы инвалид, едва двигался — какая-то ужасная болезнь — но ум его сохранялся до конца).

В сложной истории Украинской Академии, основателем которой он, в сущности, был (фразу не закінчено. — *Укл.*). Только благодаря ему мне удалось провести ее в жизнь.

Н.П. Василенко, с которым я познакомился в 1917 году, когда мы оба стали товарищами министра народного просв[ещения] С.Ф. Ольденбурга. Мы очень сошлись, т. к. имели близкие дружеские связи с теми юрьевскими профессорами, питомцем которых был Н.П. [Василенко].

Это были М.А. Дьяконов, которого я знал еще по студенч[ескому] научно-литер[атурному] общ[еству] в 1882–1885, В.М. Грабарь (В.Е. Грабар. — *Укл.*), с которым познакомился и сошелся в Париже в 1889–1890, Д.Д. Гримм, с которым я познакомился ближе кажется в 1906 году в Гос[ударственном] Совете ((или в) 1911).

В 1917 я встретился с Н[иколаем] П[рокофьевичем] как со своим человеком. В Киеве до приезда Наташи [Н.Е. Вернадской] я жил в маленьком домике (№ 20) на Тарасовской ул[ице] — там же я останавливался у него в маленькой квартире, тогда холостяцкой, переполненной книгами.

Н[иколай] П[рокофьевич] был, мне кажется, <нрзб>, но симпатич[ный] человек, имевший огромные связи и со старыми украинцами Старой громады, и с более молодыми поколениями.

Я думаю, что его личная жизнь при его обаятельности была очень сложной. Теперь мало кто может мне дать эти сведения. Большой друг его, Мария..., высокая полная украинка, фамилию которой забыл, старше его — очень честная и симпатичная. Думаю, что он к ней относился как к матери. У нее, кажется, была семья, дети ее ближе к его возрасту. Теперь только один Яснопольский может дать мне эти сведения.

У него остались большие записки, очень интересные. Один том, переданный его женой, Полонской Н.Д., кажется мне, остался на столе у меня в Москве. Н.Д. Полонская-Василенко после смерти Н[иколая] П[рокофьевича] стала профессором, защитила докторскую диссертацию, она бывала у нас в Москве в 1940, кажется, году. Очень хорошее впечатление. Она вышла вновь замуж — какой-то бывший земский статистик или что-то вроде. Я его не видел. Они остались в Киеве, и судьба их сейчас мне неизвестна.

Мне кажется, Н[иколай] П[рокофьевич] был одно время арестован — но как-будто он был в больнице? Я его не видел между 1918–1926.

В 1926 году после пребывания за границей с 1922 до 1926 я впервые увидел Н[иколая] П[рокофьевича] — умственно полного жизни, но медленно ходящего старика. Он провожал меня на железную дорогу. После 1928, как-будто бы до 1936 года, я больше в Киеве не был? Надо справиться. Надо прочесть его истор[ические] работы.

Я помню, что приехал в 1926 в Киев. Я пробыл в Киеве несколько недель. Выехал из Москвы на съезд геологический, не думая принимать в нем деятельное участие — моей целевой задачей было завязать вновь мои связи с Украинской Академией наук. В Киеве (президентом был Липский?) я остановился в академическом доме (бывший пансион им[ени] Левашевой) — на ул[ице] Короленко. Уехал в Киев 28.IX — выехал в Ленинград 7.X. Был всего около 10 дней. Совершенно неожиданно для меня меня выбрали председателем съезда. Мне очень было мало времени видиться с друзьями — поэтому я остался очень недоволен своим пребыванием.

Съезд был очень интересный — между прочим, на нем состоялось постановление об образовании 1) Четвертичной комиссии и 2) об образовании Комиссии по вечной мерзлоте — предс[едателем] которой согласился [стать] ак[адемик] В.А. Обручев.

Мне кажется, что Василенко в 1926 году был в относительно лучшем положении, чем в 1928, он в это время жил на даче. В Киеве я виделся со всеми украинцами» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1935–1941. — М., 2006. — Кн. 1. — С. 47–48).

⁵⁷³ Див. лист до М.П. Василенка від 1 серпня 1934 р.

⁵⁷⁴ Наталія Дмитрівна щиро відізналася на ці поради Вернадського, вона стала впорядковувати архів Василенка, передруковувати частину рукописів, готувати спогади про нього. Вона стала фактично першим біографом академіка М.П. Василенка. (*Полонська-Василенко Н.Д.* 1) Микола Прокопович Василенко // Голос державника [Мюнхен]. — 1947. — № 6. — С. 3–26; 2) Микола Прокопович Василенко і ВУАН // Україна [Париж]. — 1951. — № 5. — С. 337–345; 3) Академік М.П. Василенко // Віра і культура [Вінніпег]. — 1956. — № 31. — С. 23–41; 4) Микола Прокопович Василенко — життя та наукова діяльність // Укр. історик. — 1966. — Ч. 3/4 (11/12). — С. 41–51; 5) Микола Прокопович Василенко (1866–1966, з нагоди 100-ліття з дня народження) // Визвольний шлях [Лондон]. — 1967. — Кн. 9. — С. 1043–1059).

⁵⁷⁵ Див. лист до М.П. Василенка від 18 травня 1918 р.

⁵⁷⁶ 3 вересня 1886 р. В.І. Вернадський одружився з Н.Є. Старицькою.

⁵⁷⁷ В лютому 1886 р. утворилося «Братство» — гурток молоді — своєрідний духовний союз, ідейно-моральні установки якого зберігалися протягом усього життя. Живими, як вказує в листі Володимир Іванович, залишалися лише Гревси, Шаховські та Вернадські (докладніше про «Братство» див.: *Вернадский В.И.* Памяти профессора Н.Г. Ушинского // Природа. — 1935. — № 2. — С. 80; *Аксенов Г.П.* Сила «Братства» // Природа. — 1988. — № 2. — С. 82–93; *Шаховской Д.И.* Письма о Братстве // Звенья: Историч. альманах. — М.; СПб., 1992. — Вып. 2. — С. 174–318).

⁵⁷⁸ Вернадський тут ділиться своїми думками щодо ноосфери.

⁵⁷⁹ Французька версія доповіді Вернадського 1931 р. «Проблема часу в сучасній науці» (див. коментар № 503 до цього розділу): *Vernadsky W.* Le problème du temps dans la science contemporain // *Revue générale des sciences pures et appliquées.* — Paris, 1935. — Vol. 46, № 7. — P. 208–213; № 10. — P. 308–312.

⁵⁸⁰ Біблійна формула щодо християнського шлюбу, який, в першу чергу, дає можливість для духовного єднання подружжя. Як казав апостол Павло: «покине чоловік батька свого й матір і приліпиться до дружини своєї, і будуть двоє одним тілом» (Мф. 19: 5).

⁵⁸¹ Д.М. Петрушевський і Л.М. Яснопольський.

⁵⁸² Йдеться про Катерину Прокопівну Василенко, яка з донькою Ольгою (студенткою Інституту народної освіти) проживала у квартирі М.П. Василенка на Тарасівській, 20 до приходу туди як дружини Н.Д. Полонської-Василенко.

⁵⁸³ 21 лютого 1936 р. Раднаркому УСРР затвердив новий Статут Академії наук і ухвалив перейменувати ВУАН на Академію наук УСРР. Статут було вироблено групою вчених під керівництвом неодмінного секретаря Академії О.В. Палладіна. Цей проект

було розглянуто 4–8 січня Радою Академії наук і схвалено (Правовий статус Академії наук: Історія та сучасність. — К., 1993. — С. 64; 199–206). «Гетьманській» Академії дісталася й від А. Артемського в брошурі «Що таке Всеукраїнська Академія Наук» (1931) (див. коментар № 504 до цього розділу). Почала насаджуватися брехлива ідеологічна догма про утворення Академії 1919 р. за більшовиків. Пізніше О.В. Палладін у книзі щодо 25-річчя Академія наук зазначав: «Поступаючись вищезазначеним вимогам щодо утворення Академії наук, буржуазний гетьманській уряд водночас боявся, що Академія Наук може стати провідником більшовицьких ідей, і тому, затверджуючи закон (про утворення УАН — *Укл.*), він не забезпечив його реалізації, а навпаки робив все так, що Академія наук в 1918 р. фактично не існувала. Заснування Академії Наук наприкінці 1918 року було лише декларацією, яка не мала під собою ніякої матеріальної бази і була лише відповіддю на вимогу передової української, а почасти й російської інтелігенції утвердити на Україні Академію наук; новозаснованій установі не було відпущено ніяких коштів і не було надано будь-якого приміщення» (*Палладін О.В.* Академія наук Української Радянської Соціалістичної Республіки: 1919–1944. — К.: Вид-во АН УРСР, 1945. — С. 4).

⁵⁸⁴ *Василенко Н.П.* Очерки по истории Западной Руси и Украины. — К., 1916. — XII, 589 с. (перевид.: *Василенко Н.П.* Вибрані твори у трьох томах. — К.: Юридична думка, 2006. — Т. 1: Історичні праці. — С. 24–225.

⁵⁸⁵ Президент АН УРСР від 1930 р. Олександр Олександрович Богомолець (1881–1946). Докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у цій книзі.

⁵⁸⁶ Світальський Микола Гнаатович (1884–1937), геолог, петрограф. Академік ВУАН (1930), віце-президент Академії (1935). Директор Інституту геології АН УРСР. Розстріляний в 1937 р.

⁵⁸⁷ Див. коментар № 546 до цього розділу.

⁵⁸⁸ Йдеться про художника Григорія Григоровича Мясоедова (1834–1911).

⁵⁸⁹ Див. коментар № 556 до цього розділу.

⁵⁹⁰ Див. коментар № 571 до цього розділу.

⁵⁹¹ Щодо цієї збірки див.: Корпус магдебурзьких грамот українським містам: два проекти видань 20–40-х років. XX ст. / Укл. В. Андрейцев, В. Ульяновський, В. Короткий. — К., 2002. — С. 4–41.

⁵⁹² Перераховані рукописи, фрагменти або незавершені праці можуть мати, безумовно, історіографічну цінність, питання ж їхнього можливого видання належить до справ сучасних дослідників. Найбільш повну бібліографію друківаних праць М.П. Василенка див.: *Василенко М.П.* Вибрані твори: У 3 т.: Т. 3. Спогади. Щоденники. Листування. — К., 2008. — С. 703–716.

⁵⁹³ На жаль, розгорнутої біографії М.П. Василенка Наталія Дмитрівна так і не написала.

⁵⁹⁴ Радде-Фоміна Ольга Густавівна (1876–?), дружина академіка О.В. Фоміна, ботанік; в окупованому Києві — науковий співробітник, вчений секретар Інституту ботаніки, виїхала на Захід із німцями.

Про Марію Сильвестрівну Грушевську докладніше в розділі листування В.І. Вернадського з М.С. Грушевським.

⁵⁹⁵ Ушинський Микола Григорович (1864–1934), медик, мікробіолог. Професор Новоросійського (в Одесі) університету. Друг В.І. Вернадського зі студентських років, член Братства. З початку 20-х років і до кінця життя обіймав кафедру в Азербайджанському державному університеті в Баку (див. некролог: *Вернадский В.И.* Памяти профессора Н.Г. Ушинского // *Природа*. — 1935. — № 2. — С. 80; перевид.: *Вернадский В.И.* Статьи об ученых и их творчестве. — М.: Наука, 1997. — С. 269–270).

⁵⁹⁶ Такого листа до О.О. Богомольця, на жаль, не знайдено.

⁵⁹⁷ Див. коментар № 584 до цього розділу.

⁵⁹⁸ Можливо, йдеться про: *Вернадский В.И.* О некоторых основных проблемах биогеохимии // Изв. АН СССР. ОМОН. Сер. геол. — 1938. — Т. 18. № 1. — С. 19–34.

⁵⁹⁹ Див. коментар № 584 до цього розділу.

⁶⁰⁰ Йдеться про необхідність для М.П. Василенка заробляти публікаціями, наприклад, для Енциклопедичного словника (Брокгауз-Єфрон) або для перекладів томів «Всесвітньої історії» і «Історії нового часу» Юліуса Пфлуг-Гартунга (Pflugk-Harttung). Як приклад, наведено також видавниче товариство «И.Д. Сытин и К°».

⁶⁰¹ *Василенко Н.П.* Исторические сведения о кабардинском народе. — К., 1913. — 283 с. Книгу замовив і оплатив В.М. Кудашев. (*Дзагалов А.С.* Владимир Кудашев в архивных источниках Украины и воспоминаниях киевского приват-доцента Николая Василенко // Исторический вестник КБИГИ. — Нальчик, 2007. — Вып. 5. — С. 183–205).

⁶⁰² Йдеться про О.О. Богомольця. Див. коментар № 585 до цього розділу.

⁶⁰³ Йдеться про публіцистичну діяльність М.П. Василенка та його редакторську роботу в газетах «Киевское слово», «Киевские отклики», «Киевские отголоски», «Киевский голос» та «Отголоски жизни».

⁶⁰⁴ За нелегальне збирання коштів на допомогу робітникам Києва й Петербурга, публікацію в «Киевских откликах» статей «антидержавного» змісту із закликком стосовно встановлення республіканського ладу в Росії, на захист політичних в'язнів М. Василенка було засуджено до року тюремного ув'язнення, яке він відбув в одиночній камері в'язниці «Кресты» в Петербурзі у жовтні 1908 р. — червні 1909 р. У в'язниці він вивчав право та екстерном склав іспити за програмою юридичного факультету Новоросійського університету (Одеса).

⁶⁰⁵ Офіційна пропаганда навісила на М.П. Василенка ярлик «українського буржуазного націоналіста», його ім'я практично було викреслено з історії УАН. Докладніше див.: *Усенко І.Б.* Етапи життя і творчості М.П. Василенка // Василенко М.П. Вибрані твори у трьох томах. — К., 2006. — Т. 1: Историчні праці. — С. 5–23.

⁶⁰⁶ Про історика, архівіста, археографа Вадима Львовича Модзалевського (1882–1920) докладніше див. біографічну довідку в коментарях до його листування з В.І. Вернадським у другій книзі цього видання. Частина листів Василенка до Модзалевського надрукована у кн.: *Василенко М.П.* Вибрані твори: У 3 т.: Т. 3. Спогади. Щоденники. Листування. — К., 2008.

⁶⁰⁷ Очевидно, алюзія на образ Пимена, літописця, який у О.С. Пушкіна в «Борисі Годунові» у нічній тиші Чудова монастиря відтворює криваве минуле російської землі.

⁶⁰⁸ Вернадські пробули в Карлсбаді з середини серпня до 9 вересня 1926 р. Потім Володимир Іванович побував в Празі, Парижі, Лондоні. Повернулися до СРСР 14 листопада 1926 р.

⁶⁰⁹ Чирвинський Володимир Миколайович (1883–1942), геолог і геохімік, член ряду секцій Постійної комісії УАН по вивченню природних багатств Україні, професор Київського гірничо-геологічного інституту, а також університету. Керував складанням геологічних мап України. Приїздив до Вернадського в справах видання збірника на честь 50-річчя наукової діяльності академіка. Чирвинський помер в Києві під час німецької окупації.

⁶¹⁰ Йдеться про Спільне зібрання (засідання Ради ВУАН) 3 травня, на якому, за головування В.І. Вернадського, було проведено обрання нового президента Академії — Д.К. Заболотного.

⁶¹¹ В.І. Вернадський завжди уважно слідкував за політичними подіями в Європі, про що свідчать його численні нотатки у щоденниках різних років.

⁶¹² Листи Г.В. Вернадського та Н.В. Вернадської-Толль до батьків див.: АРАН, ф. 518, оп. 3, спр. 282–323.

⁶¹³ Йдеться про 17-ту сесію Міжнародного геологічного конгресу в Москві 21–29 липня 1937 р. Проте реалізувати задуми поїздки в Україну та Крим Вернадському не судилося.

⁶¹⁴ Докладніше див.: *Вернадский В.И.* Из «Хронологии 1936 г.» // *Вернадский В.И.* Дневники: 1935–1941. — М., 2006. — Кн. 1. — С. 105.

⁶¹⁵ Бонч-Бруєвич Володимир Дмитрович (1873–1955), співробітник «Искры», багатьох більшовицьких газет. В 1917–1920 рр. керуючий справами РНК. В подальшому на науковій роботі. З 1933 р. директор Державного літературного музею (Москва). З 1945 р. директор Музею історії релігії та атеїзму АН СРСР (Ленінград).

⁶¹⁶ Йдеться про О.О. Богомольця. Див. коментар № 585 до цього розділу.

⁶¹⁷ Л.М. Яснопольський тоді жив і працював у Москві.

⁶¹⁸ На початку 1930-х років Н.Д. Полонська-Василенко як співробітниця Комісії соціально-економічної історії України ВУАН склала розвідку на 4-х друк. арк. «Робітництво Києво-Межигірської фаянсової фабрики», проте через звільнення роботу не закінчила. (*Верба І.В.* Життя і творчість Н.Д. Полонської-Василенко, 1884–1973. — К., 2000. — С. 113–115). Нарис з історії Києво-Межигірської фаянсової фабрики залишився неопублікованим (див. рукописи у ЦДАВО України — ф. 3806, оп. 1, спр. 7, арк. 1–90; та ІР НБУВ — ф. 42, од. зб. 14, арк. 1–104).

⁶¹⁹ Моргун Олександр Михайлович (1874–1961), економіст, земський діяч і кооператор, за фахом правник. Після війни професор Української високої економічної школи в Мюнхені та Українського техніко-господарського інституту в Регенсбурзі, член Союзу Гетьманців Державників Німеччини і Австрії. У фонді Н.Д. Полонської-Василенко в Архіві УВУ (Мюнхен): «Посвідка про шлюб Моргуна Олександра Михайловича і Василенко-Полонської Наталі Дмитрівни № 567», датована 28.08.1937 р.

⁶²⁰ Очевидно, йдеться про Михайла Михайловича Могилянського. Див. коментар № 529 до цього розділу.

⁶²¹ Йдеться про один з перших радянських підручників з історії під редакцією Андрія Васильовича Шестакова — за два роки — члена-кореспондента АН ССРСР: *Шестаков А.В.* Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов. — М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1937. — 222 с.

⁶²² Йдеться, судячи з відповіді Вернадського від 7 грудня 1937 р., про якусь роботу Георгія Володимировича Вернадського.

⁶²³ Див. лист А.Ю. Кримського від 7 жовтня 1937 р. у другій книзі цього видання.

⁶²⁴ Директором Інституту історії України АН УРСР в 1936–1941 рр. був Сергій Миколайович Белоусов (1897–1985). Див.: *Юркова О.В.* Документи для створення і перші роки діяльності Інституту історії України АН УРСР, 1936–1941. — К., 2001. — 210 с.

⁶²⁵ Судячи з листа, Н.Д. Полонська-Василенко надіслала В.І. Вернадському примірник (машинопис) спогадів М.П. Василенка «Моя життя» (див. коментар № 556 до цього розділу). Володимир Іванович повернув примірник через Л.М. Яснопольського.

⁶²⁶ Очевидно, йдеться про: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. — М., 1929–1934. — Ч. 1–4.

⁶²⁷ Видані лише наприкінці ХХ ст.: *Кістяківський О.Ф.* Щоденник (1874–1885): В 2-х т. — К.: Наукова думка, 1994–1995. — Т. 1: 1874–1879. — 647 с.; Т. 2: 1880–1885. — 583 с.

⁶²⁸ Н.Д. Полонська-Василенко захистила дисертацію на здобуття вченого ступеня доктора історичних наук в Інституті історії СРСР (Москва) 18 жовтня 1940 р. Тема: «Очерки по истории заселения южной Украины в середине XVIII века (1734–1775 гг.)»; опоненти: член-кореспондент АН СРСР В.І. Пічета, доктор історичних наук, професор

А.А. Савич, доктор історичних наук, професор О.П. Оглоблин. Полонська-Василенко стала однією із трьох докторів історичних наук в Україні з української історії (два інших — М.Н. Петровський і О.П. Оглоблин). (*Верба І.* Зі спогадів Федора Павловича Шевченка про Олександра Оглоблина та Наталю Полонську-Василенко // Збірник на пошану Федора Павловича Шевченка. — К., 2004. — Т. 1. — С. 138–140).

⁶²⁹ Йдеться, мабуть, про частину архіву В.І. Вернадського кінця 1917 — початку 1919 р., яка так і залишилась у Києві після від'їзду президента УАН до Ростова. Чомусь ці документи Вернадський так і не забрав, наприклад, коли приїздив до Києва 1928 р., а після організаційної реконструкції ВУАН на початку 1930-х років вони опинилися серед інших документів ВУАН — у відділі рукописів ВБУ (тепер ІР НБУВ). (*Апанович Е.М., Киржаєв С.Н.* Рукописные материалы В.И. Вернадского, документы о его жизни и деятельности в архивохранилищах Киева // Бюл. комис. по разработке науч. наследия акад. В.И. Вернадского. — Л., 1990. — № 7. — С. 6–7). Див. також коментар № 151 до цього розділу.

⁶³⁰ Наталія Єгоровна, перебуваючи з В.І. Вернадським в Узкому, оступилася в кімнаті, впала й отримала тріщину у стегновій кістці. 4 липня її перевезли до Кремлівської лікарні.

⁶³¹ Див. коментар № 356 до цього розділу.

⁶³² Можна припустити, що Вернадський зустрічався з Наталією Дмитрівною під час перебування в Києві на початку травня 1939 р. для участі в двох конференціях — з питань порівняльної біохімії, а також з пегматитів.

⁶³³ Цього листа поки не знайдено.

⁶³⁴ Спогади М.П. Василенко писав у квітні–жовтні 1924 р. у київській Лук'янівській тюрмі під час відбування покарання в справі «Київського центру дії».

⁶³⁵ Василенко Костянтин Прокопович (1877–1941), журналіст, брат М.П. Василенка. Член РСДРП (меншовик), був головою Київського обласного комітету цієї партії, помічник редактора газети «Киевская мысль». З вересня 1917 р. генеральний секретар праці УЦР, у жовтні 1917 р. призначений комісаром Тимчасового уряду м. Києва. 1923 р. заарештований за звинуваченням в участі в контрреволюційній організації «Київський облцентр дії»; засуджений до 10 років. Утримувався в Лук'янівській тюрмі у Києві, в 1929–1932 рр. — на засланні в Сибіру. 1938 р. знову був репресований органами НКВС і розстріляний. (*Василенко К.П.* Статті. Спогади. Листування.: [В 2 ч.] — К.: Ін-т історії України, 2002. — Ч. 1. — 268, [19] с.; Ч. 2. — 367 с.)

⁶³⁶ *Полонская-Василенко Н.Д.* Из истории Южной Украины XVIII в. Заселение Новороссийской губернии (1764–1775) // Истор. записки. — 1940. — Т. 13. — С. 130–174.

⁶³⁷ 15 січня 1941 р. у Києві А.Ю. Кримському з нагоди 70-річчя був вручений орден Трудового Червоного Прапора (указ Президії Верховної Ради СРСР від 22 червня 1940 р.), але вже 20 липня того ж 1941 р. він був заарештований, а через півроку (25 січня 1942 р.) Агатангел Юхимович загинув у тюремній лікарні в м. Кустанай у Казахстані.

⁶³⁸ Можливо, йдеться про Георгія Єгоровича Старицького, брата Н.С. Вернадської. Див. коментар № 122 до цього розділу.

⁶³⁹ Соколов Юрій Матвійович (1889–1941), фольклорист, літературознавець, академік АН УРСР (1939), директор Інституту українського фольклору (1939–1941).

⁶⁴⁰ Крачковський Ігнатій Юліанович (1883–1951), арабіст, академік Російської АН з 1921 р.; його дружина — Крачковська (дівоче Федорова) Віра Олександрівна (1884–1974), професор-арабіст.

⁶⁴¹ Павловська Марія Карпівна, вчителька, двоюрідна сестра дружини Г.Є. Старицького — С.П. Старицької (Васькової-Примакової). Влітку 1918 р. Вернадські деякий час жили в Києві в квартирі Павловської.

⁶⁴² Спасокукоцький Сергій Іванович (1870–1943), хірург, з 1926 р. — завідувач кафедри, професор 2-го Московського медінституту, академік АН СРСР (1942), брат Спасокукоцького Олександра Івановича (1878–1972), геолога. Див. доповідь, присвячену пам'яті В.І. Вернадського: Т.1, кн. 2. — С. 283–289.

Коментарии

¹ *Василенко Николай Прокофьевич (1866–1935)*, историк государства и права, общественный и политический деятель. Окончил в 1890 г. историко-филологический факультет Дерптского (Юрьевский, теперь Тартуский) университета, получил степень кандидата истории за работу «Критический обзор литературы по истории земских соборов». Как член Киевской Громады (впоследствии Общество украинских прогрессистов), активно участвовал в украинском национальном движении. Плодотворно сотрудничал с журналом «Киевская старина». В 1905 г. редактировал газету национально-демократического направления «Киевские отклики», на страницах которой отстаивал идею украинской государственности, за что был приговорен к тюремному заключению на год. После освобождения сдал экстерном экзамены за курс юридического факультета в Новороссийском университете (Одесса). С 1908 г. член Украинского научного общества в Киеве, редактор его «Записок». В 1909 г. избран приват-доцентом Киевского университета, но лишен права преподавать (подвергся преследованиям по политическим мотивам — его обвиняли в украинском сепаратизме). В 1917 г. избран попечителем Киевского учебного округа. С января 1918 г. член коллегии Генерального суда. Принадлежал к конституционно-демократической партии (кадетов). В мае 1918 г. утвержден гетманом П. Скоропадским министром просвещения и и. о. министра иностранных дел, с июля 1918 г. президент Государственного сената Украинской Державы. Один из основателей УАН, академик (1920), председатель Социально-экономического отдела (1920–1929). 2-й президент УАН (1921–1922), хотя и не утвержден советской властью. Возглавлял Постоянную комиссию по изучению западнорусского и украинского права. В 1923 г. арестован, 8 апреля 1924 г. по обвинению «в участии в контрреволюционной организации «Киевский областной центр действия» был приговорен к 10 годам. По ходатайству УАН амнистирован.

Основные труды: *Василенко М.П.* Вибрані твори у трьох томах. — К.; Юридична думка, 2006–2008. — Т. 1: Історичні праці. 2006. — 608 с.; Т. 2: Юридичні праці. 2006. — 560 с.; Т. 3: Спогади. Щоденники. Листування. 2008. — 720 с.

Литература: *Вороненко В.В., Кістерська Л.Д., Матвєєва Л.В., Усенко І.Б.* Микола Прокопович Василенко. — К., 1991. — 272 с.; *Усенко І.Б.* Етапи життя і творчості М.П. Василенка // Вибрані твори у трьох томах. — К., 2006. — Т. 1: Історичні праці. — С. 5–24; *Рудько С.О.* Суспільно-політична діяльність Миколи Василенка: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Національний ун-т «Острозька академія». — Острог, 2007. — 191 арк.

² Панина Софья Владимировна (1871–1956), с 1917 г. член ЦК кадетской партии, товарищ министра народного просвещения в последнем составе Временного правительства, 28.11–19.12.1917 г. была арестована большевиками. Входила в «Национальный центр», активно помогала Белому движению. В эмиграции с 1920 г. (см. о ней: *Lindenmeyr A.* The First Soviet Political Trial: Countess Sofia Panina before the Petrograd Revolutionary Tribunal // *The Russian Review.* — 2001. — V. 60, № 4. — P. 505–525).

³ Очевидно, речь идет о Старицкой (урожденная Васькова-Примакова) Елизавете Петровне (?–1921), жене Георгия Егоровича Старицкого (с 1902 г.). Н.П. Василенко был знаком с ней с детства.

⁴ Речь идет об ультиматуме большевистского правительства России — «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде» (подписанном В. Лениным и Л. Троцким) от 4 (17) декабря 1917 г. От украинского правительства требовали фактически безусловной поддержки большевиков. На ответ давалось 48 часов. В случае отказа СНК России сочтет УЦР в состоянии открытой войны против советской власти в России и Украине. На следующий день Генеральный Секретариат направил свой ответ. (См.: *Тинченко Я.* Перша українсько-більшовицька війна (грудень 1917 — березень 1918). — К.; Львів, 1996; *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу: історичні есе-хроніки: У 4 т. — Т. 1: Рік 1917. — К., 2010).

⁵ Выборы в Украинское Учредительное собрание были назначены на 27 декабря 1917, а день созыва — на 9 января 1918 г. Однако собственно выборы проходили уже в условиях войны с большевиками и не были завершены. Было избрано 172 депутата на 301 депутатское место. По возвращении в Киев УЦР постановила провести выборы там, где они не состоялись, и назначила созыв собрания на 12 мая. С прекращением деятельности УЦР Украинское Учредительное собрание так и не было создано.

⁶ Речь идет об аресте С.В. Паниной 28 ноября 1917 г. на основании декрета СНК о «предании суду ревтрибуналов членов руководящих учреждений партии кадетов». Как один из руководителей кампании за созыв Учредительного собрания Панина отказалась передать советской власти средства Министерства народного просвещения — она перевела их в иностранный банк и требовала выдать только «законному режиму». 10 декабря 1917 г. ревтрибунал, учитывая заслуги Паниной перед российским освободительным движением, ограничился общественным осуждением, обязав вернуть средства Наркомпроса. 19 декабря ее освободили из тюрьмы.

⁷ Партия кадетов набрала, например, в Киевской губернии 1,9% голосов, в то время как различные социалистические партии более 78%, национальные списки — почти 8,9% голосов, большевики — 4%. Кадеты в целом в Российской республике получили поддержку лишь 4,5% избирателей. (См.: <http://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/russia/1917-uchreditelnoe-sobranie-russia.html>).

⁸ Бубнов Николай Михайлович (1858–1943), историк-медиевист. Окончил Петербургский университет. От 1891 г. экстраординарный профессор, 1895 г. ординарный профессор Киевского университета. От 1905 до 1917 г. трижды избирался деканом историко-филологического факультета. В ноябре 1919 г. выехал в Одессу, а затем эмигрировал. Профессор Люблянского университета.

⁹ Грушевский Александр Сергеевич (1877–1943), историк, литературовед, этнограф. Брат М.С. Грушевского. Приват-доцент Новороссийского, Московского, Петербургского, Украинского народного университетов, профессор Киевского университета. См. также комментарий № 28 в разделе переписки В.И. Вернадского с М.С. Грушевским в этой книге.

¹⁰ Речь идет об Ариадне Тырковой-Вильямс (1869–1962), писательнице, члене ЦК кадетской партии, в эмиграции в Англии и США, а также о ее муже (с 1906 г.) Гарольде Витморе (Уитморе) Вильямсе (1876–1928), известном британском журналисте.

¹¹ Под таким последним названием (ранее под названиями «Свободная речь», «Новая речь», «Век») издавалась в 1917–1918 гг. запрещенная после большевистского переворота газета «Речь», главный орган кадетской партии. «Наш век» закрыли 3 августа 1918 г.

¹² Статья не была написана. Основные ее тезисы см.: *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — К., 1994. — С. 189–190.

¹³ Интересно сравнить развитие взглядов В.И. Вернадского 1917–1919 гг. относительно автономии и местного самоуправления: см. его статьи «Об автономии» (1917) и «Об организации местной власти» (конец 1919 г.): Т. 1, кн. 2. — С. 230–237.

¹⁴ Семья Вернадских владела небольшим «имением» на левом берегу р. Псел на так называемой Бутовой горе с участком леса в районе дачного городка Ереськи (около 7 верст от волостного городка Шишаки) общей площадью почти 12 десятин. Это имение В.И. Вернадский купил в мае–июне 1913 г. у Николая Григорьевича Вирского за 6 тыс. руб. (АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 157, л. 342–346). Здесь в 1913–1914 гг. был построен небольшой дом в два этажа. В конце гражданской войны дача была ограблена и сожжена. Сегодня есть намерения восстановить дом. (См.: *Губарь В.М.* Меморіальні заходи з увічнення пам'яті В.І. Вернадського на Полтавщині (до 147-річчя від дня народження вченого) // Біосферно-ноосферні ідеї В.І. Вернадського й еколого-економічні та гуманітарні проблеми розвитку регіонів. Міжнар. наук.-практ. конф. — Кременчук, 2010. — С. 5–16).

¹⁵ Черненко Николай Николаевич (1863–?), экономист, один из наиболее известных представителей земской статистики в России, кадет, товарищ министра земледелия в правительстве Украинской державы. Заведующий статистико-справочным бюро при управляющем делами денкинского Особого совещания.

¹⁶ Герасимов Петр Васильевич (1877–1919), адвокат, публицист, кадет, депутат III и IV Государственной Думы. После Февральской революции 1917 г. в ЦК партии кадетов отвечал за агитацию против развала армии большевиками. Один из руководителей антибольшевистского «Национального центра». В 1919 г. арестован и расстрелян в Москве.

¹⁷ Степанов Василий Александрович (1872–1920), горный инженер, кадет, депутат III и IV Государственной Думы. Товарищ министра торговли и промышленности во Временном правительстве. Член «Национального центра». Член денкинского Особого совещания. Умер по пути в Марсель.

¹⁸ Свечин Алексей Александрович (1865–1929), полковник в отставке, юрист, земский деятель, кадет, депутат I Государственной Думы от Черниговской губернии. В 1917 г. возглавлял Черноморскую пехотную дивизию. В эмиграции во Франции.

¹⁹ Здесь и далее в письмах с упоминанием имени Нина, Ниночка, Н.В. говорится о дочери академика — Вернадской (в замужестве Толль) Нине Владимировне (1898–1986). В годы гражданской войны она жила с родителями в Украине. Вместе с ними уехала 1922 г. из Советской России и осталась в эмиграции в Чехословакии. Окончила медицинский факультет Карлова университета. Работала в представительстве Российского Красного Креста в Праге. В 1926 г. вышла замуж за археолога Н.П. Толля (о нем см. комментарий № 305 к этому разделу). В 1939 г. они переехали в США, где в 1940–1953 гг. Н.В. Вернадская-Толль работала в психиатрической клинике под Бостоном.

²⁰ В.И. Вернадский покинул Петроград 19 ноября, жена Наталья Егоровна приехала в Полтаву лишь 24 декабря 1917 г.

Здесь и далее в письмах часто упоминается Н.Е. (Нат. Ег. и т.п.) — Наталья Егоровна Вернадская (девичья Старицкая) (1860–1943), дочь известного государственного деятеля, юриста Егора Павловича Старицкого. Окончила гимназию в Тифлисе, училась на Высших женских курсах в Петербурге. Вышла замуж за В.И. Вернадского в 1886 г. Принимала участие в просветительской и благотворительной работе в 1890-х годах, в 1905–1907 гг. была техническим секретарем Московского комитета конституционно-демократической партии. Помогала Владимиру Ивановичу в переводах и редактировании его трудов. Умерла в эвакуации, в с. Боровое (Акмолинская обл. Казахской ССР), где и похоронена. В 1988–2007 гг. издано 5 томов писем В.И. Вернадского к Наталье Егоровне за 1886–1940 гг.

²¹ Речь идет о книге «Живое вещество в земной коре и ее геохимическое значение», которую Вернадский готовил на протяжении 1916–1922 гг. Основная часть рукописи опубликована в 1978 г.: *Вернадский В.И. Живое вещество.* — М., 1978. — 400 с.

²² См. комментарий № 12 к этому разделу.

²³ Ежедневная газета «Полтавский день» выходила в 1913–1917 гг. Была закрыта после того, как 18 ноября 1917 г. вышла с белыми полосами и только одной фразой: «Редакция протестует против воскрешения политической цензуры». Вернадский и полтавские кадеты планировали возобновить издание. Это удалось лишь в мае 1918 г.

²⁴ Стешенко Иван Матвеевич (1873–1918), педагог, литературовед и писатель. Окружной инспектор Киевского учебного округа (1917). Один из организаторов УЦР, генеральный секретарь образования (1917–1918). В январе 1918 г. вместе с правительством В. Винниченко ушел в отставку. Работал главным инструктором Министерства посвещения. В июне 1918 г. находился в Полтаве, где был смертельно ранен неизвестными преступниками.

Мартос Борис Николаевич (1879–1977), кооператор, член УСДРП. В 1917 г. член УЦР, генеральный секретарь земельных дел. В 1918 г. председатель Правления Центрального украинского кооперативного комитета. При Директории министр продовольственных дел, глава правительства, министр финансов. С 1920 г. в эмиграции (Германия, Чехословакия, США).

²⁵ Науменко Владимир Павлович (1852–1919), филолог, этнограф, педагог. Редактор и издатель журнала «Киевская старина» (1897–1906), один из основателей УНТ; основатель и председатель УФДП, член УЦР. Министр образования в правительстве гетмана П. Скоропадского (1918). Расстрелян Всеукраинской ЧК как «бывший министр гетманский» (8 июля 1919 г.). Подробнее о В.П. Науменко см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

²⁶ *Z dziejów Ukrainy: księga pamiątkowa ku czci Włodzimierza Antonowicza, Paulina Świącickiego i Tadeusza Rylskiego / pod red. Waclawa Lipińskiego.* — Kijów, 1912. — XXIV, 675 s.

²⁷ *Огієнко І. Вчімося рідної мови: Нариси про мову українську.* — К.: Вид-во книгарні Є. Череповського, 1918. — 47 с.

²⁸ Письмо Н.П. Василенко не найдено.

²⁹ Речь идет о событиях после занятия Киева 26 января 1918 г. советскими войсками во главе с М. Муравьевым. Начался массовый «красный террор», жертвами которого стали до 5 тыс. человек. Была провозглашена украинская рабоче-крестьянская республика — в Киев переехало из Харькова советское правительство. Членов УЦР объявили уголовными преступниками, а их имущество реквизировали. Господство большевиков продолжалось в Киеве три недели, 15 (28) февраля они покинули город. Власть УЦР удалось спасти и вернуться в Киев только при помощи стран Четверного союза после заключения в Бресте мира.

³⁰ Так В.И. Вернадский воспринял условия Брестского мира, подписанного 27 января (9 февраля) 1918 г. между УЦР и странами немецко-австрийского блока. По его условиям Украина вышла из состояния войны с ними, Германия и Австро-Венгрия обязались помочь УЦР восстановить контроль над всей территорией УНР — Рада согласилась на ввод немецко-австрийских войск в Украину. Рада взяла на себя обязанность поставить союзникам большое количество хлеба, мяса, яиц и других продуктов и сырья. Советская Россия, подписав собственный мир со странами Четверного союза, была вынуждена признать независимость УНР. В течение февраля–апреля 1918 г. немецко-австрийские войска (450 тыс.) оккупировали всю Украину. УЦР вернулась в Киев 7 марта.

³¹ Имеется в виду разгон Всероссийского Учредительного собрания большевиками в ночь на 6 (19) января 1918 г. и уход П.М. Милюкова с поста председателя ЦК кадетской партии.

³² Власть рассматривала вопрос о присоединении Ученого сельскохозяйственного комитета Министерства земледелия к Академии наук и ее ученых учреждений. Обсуждалась также возможность преобразования Ученого сельскохозяйственного комитета в Российский институт сельскохозяйственных наук. (См.: ПФА РАН, ф. 1, оп. 1а — 1918, д. 189, л. 189, 199). Летом 1917 г. В.И. Вернадский был избран председателем реорганизованного Временным правительством Сельскохозяйственного ученого комитета Министерства земледелия, основанного еще в 1837 г.

³³ Очевидно, речь идет о кн.: *Огієнко І.* Українська культура: коротка історія культурного життя українського народу: Курс читаній в Українському народному університеті. К.: Вид-во книгарні Є. Череповського, 1918. — 272, [2] с. (репринт: К., 1991).

³⁴ Перетц Владимир Николаевич (1870–1935), литературовед, фольклорист, языковед, академик Петербургской АН (1914) и УАН (1919). Окончил Петербургский университет. Профессор Киевского университета. В 1918–1921 гг. в Самаре участвовал в организации первого вуза — Педагогического института, в работе музея и архива. С 1921 г. — в Петрограде, руководил Обществом исследователей украинской истории, литературы и языка. Осужден по делу «Российской Национальной партии» («дело славистов»). В 1934 г. выслан на 3 года в Саратов, где занимался исследованием рукописей в библиотеке университета. См. его письма к В.И. Вернадскому во второй книге этого издания.

³⁵ Имшенецкий Яков Кондратьевич (1858–1938), полтавский земский деятель, статистик, публицист, начальник отдела Полтавской казенной палаты. Депутат I Государственной Думы, член ЦК партии кадетов. Возглавлял Общество взаимного кредита в Полтаве, местную кадетскую парторганизацию. После гражданской войны работал в советских учреждениях. В 1938 г. приговорен к расстрелу. В дневнике 10 мая 1938 г. Вернадский записал: «Из Полтавы сообщают, что там сплошные аресты и террор среды старых людей и совершенно не связанных с современным движ[ением]. Арестован Я.К. Имшенецкий — старый земец и кадет. Он за 80 лет, стал очень богомолен — друг [В.Г.] Короленко. «Молился и писал мемуары». Не за мемуары ли он арестован? Раньше был арестован его сын — А.Я. Имшенецкий (юрист Александр Яковлевич Имшенецкий (1887–1967). — *Сост.*). Оба очень хорошие люди. Я.К. [Имшенецкий] — оригинальный и умный человек — филателист (?)». (*Вернадский В.И.* Дневники: 1935–1941. — М., 2006. — Кн. 1: 1935–1938. — С. 312).

³⁶ Григорович-Барский Дмитрий Николаевич (1871–1958), адвокат, председатель Киевской судебной палаты (1917). Принимал участие в защите М. Бейлиса. Член ЦК кадетской партии. Возглавлял ее киевский областной комитет, 1918 г. был избран главой Главного украинского комитета партии конституционных демократов. Эмигрировал, жил в Берлине, Париже, возглавлял Объединение российских адвокатов, с 1939 г. в США.

³⁷ «Киевская мысль», ежедневная политическая и литературная газета леволиберального направления. Издавалась в Киеве на русском языке в 1906–1918 гг.

³⁸ Делянов Иван Давыдович (1818–1898), министр народного просвещения (1882–1888), автор проекта русификации начального и среднего образования в национальных окраинах России и других антидемократических мер.

³⁹ Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904), государственный секретарь России (1894–1899), министр внутренних дел и шеф жандармов (1902–1904). Был убит эсеро-террористом Е. Сазоновым.

⁴⁰ 6 марта Малая Рада приняла закон об административно-территориальном делении Украины, по которому губернии упразднились, а территория УНР делилась на 32 земли. Сюда вошли, в том числе, и спорные территории (Подляшье с центром в Бресте, Дреговичская земля с центром в Мозыре, Стародубский уезд на Севере, Острогжский, части Корочанского уездов на Подонье). (Українська Центральна Рада: Документи і матеріали: у 2-х т. — К., 1997. — Т. 2. — С. 181–182). Процесс не был завершен. Новое деление просуществовало почти 2 месяца до 29 апреля 1918 г. и было отменено при гетмане П. Скоропадском. Произошло укрупнение единиц — появилось всего два округа и 9 губерний. А Киев, Одесса и Николаев были выделены в отдельные административные единицы. (См.: *Шабельников В.І.* Реформування адміністративно-територіального устрою України в 1917–1940. — Донецьк, 2006; *Бойко О.Д.* Формування території української незалежної держави в часи Української революції (1917–1921). — К., 2007).

⁴¹ Вероятно, речь идет о восстании 1846 г. жителей Познани против германского господства и антипольской политики прусской монархии.

⁴² «Наша мысль», полтавская ежедневная газета, орган пяти социалистических партий, выходила в феврале 1918 г. Ее закрыли немцы 6 мая того же года.

⁴³ «Вільний голос», ежедневная социалистическая газета, выходила с апреля 1918 г. до конца этого года.

⁴⁴ Церетелли Ираклий Георгиевич (1882–1959), один из лидеров и идеологов меньшевизма. Министр внутренних дел Временного правительства (июль), почты и телеграфа (май–август). С 1921 г. в эмиграции. (См. также: *Вернадский В.І.* Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — С. 37–39).

⁴⁵ Речь идет о С.В. Паниной. См. комментарий № 2 к этому разделу.

⁴⁶ О планах полтавских кадетов касательно обновления партии, отношении к этому Вернадского см.: *Вернадский В.І.* Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — С. 67–68, 71, 73–74, 236.

⁴⁷ В.І. Вернадский запишет в дневнике: «С Имшенецким и Бельговским (Леонид Иванович, земский деятель, кадет. — *Сост.*) обсуждали обращение и платформу украинской партии народной свободы. С ними интересный разговор об украинском языке и украинском вопросе. Оба себя считают украинцами, но считают, что культура духовная общая — Толстой, Тургенев, Гончаров столь же родные украинскому мужику, как и великорусскому. Я в этом во многом с ними согласен, но считаю, что их отношение к украинскому языку недостаточное». (*Вернадский В.І.* Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — С. 71).

⁴⁸ См. комментарий № 21 к этому разделу.

⁴⁹ Подробнее см.: Т. 1, кн. 2. — С. 112–114.

⁵⁰ Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973), историк, с сентября 1917 по август 1918 г. преподавал в Пермском университете, профессор Таврического университета (1918–1920). Заведующий отделом печати в правительстве П.Н. Врангеля. В эмиграции в Константинополе, затем в Афинах, где в 1921–1922 гг. работал библиотекарем в археологическом обществе. В марте 1922 г. переселился в Прагу, затем с 1927 г. преподаватель Йельского университета в США.

⁵¹ Речь идет о Музее педагогического бюро губернского земства, который в 1929 г. вошел в состав Центрального пролетарского музея Полтавщины (сегодня — Полтавский краеведческий музей, он основан еще в 1891 г.). Как отмечала Нина Владимировна Вернадская в одном из писем 1917 г., она работала в музее в здании Полтавского земства под руководством М.Я. Рудинского (АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 43, л. 113–113).

⁵² Речь идет о насильственной русификаторской политике, которую среди других пропагандировали и осуществляли Михаил Никифорович Катков (1818–1887), публицист, критик, редактор и издатель «Русского вестника» и «Московских ведомостей»,

один из инициаторов Эмского указа и ограничений употребления украинского языка в Российской империи, а также Константин Петрович Победоносцев (1827–1907), юрист, обер-прокурор Св. Синода (1880–1905), много лет определял правительственную политику в сферах образования и национального вопроса.

⁵³ Юзефович Михаил Владимирович (1802–1889), попечитель Киевского учебного округа, председатель Киевской археографической комиссии. Юзефовича считают идеологом Эмского указа, принятого после его «доноса» под названием «О так называемом украинофильском движении».

Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919), известный филолог-славист, профессор университета, член-корреспондент Петербургской АН. Глава Киевского цензурного комитета. Основатель Клуба русских националистов в Киеве. Стоял на жестких антиукраинских позициях. Расстрелян ВЧК. Автор кн.: Несколько слов о малорусском языке (наречии) и новейших попытках усвоить ему роль органа науки и высшей образованности. — К., 1899; Малорусский язык и «украинско-русский» литературный сепаратизм. — СПб., 1900. — 165 с.

⁵⁴ Речь идет о съезде кадетской партии, который проходил 8–11 мая 1918 г. в Киеве. Был образован Главный украинский комитет партии, независимый от Всероссийского Главного комитета. (См.: *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — С. 83–84, 238). См. также: *Якунов М.* Партія кадетів та Українська держава гетьмана П. Скоропадського // Всеукраїнська науково-практична конференція «Південь України і складання української державності: історія і сучасність». — Одеса, 1994. — С.133–146.

⁵⁵ Н.П. Василенко в то время (с 3 до 20 мая) временно исполнял обязанности министра иностранных дел Украинской Державы, а также с 3 мая — министра народного просвещения.

⁵⁶ Старицкий Григорий Александрович (1881–1955), юрист, мировой судья в Полтаве (1916). Эмигрировал в 1920-х годах; жил в Болгарии, а затем в США, работал в библиотеке Йельского университета. Сын Александра Павловича Старицкого.

⁵⁷ Во время пребывания в Киеве В.И. Вернадский получил предложение министра Н.П. Василенко заняться организацией высшей школы и созданием Академии наук в Украинской Державе и сразу зафиксировал в дневнике (11–12 мая) основные идеи относительно такой работы. (См.: *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — С. 85–85). Далее он продолжил изложение программы работы в письме, дав согласие возглавить соответствующие комиссии (Протоколы заседаний обеих комиссий и другие документы см. в кн.: Т. 1, кн. 1).

⁵⁸ Речь идет о филиале Киевского университета в Крыму. Подробнее см.: *Лавров В.В., Ишин А.В.* Летопись создания Таврического университета: 1916–1921 // Крымский архив. — Симферополь. — 2003. — № 9. — С. 98–137.

⁵⁹ Речь идет о нереализованном проекте создания высшего учебного заведения на многомиллионные пожертвования, завещанные Сергеем Николаевичем Калачевским (1849–1911), который владел в Криворожском районе (Херсонская губерния) железным рудником. Подробнее об этом см.: Т. 1, кн. 1. — С. 200, 577.

⁶⁰ В то время активно обсуждался вопрос реформирования Историко-филологического института кн. Безбородко — превращения в государственный университет, украинизации вуза. (См.: *Мироненко А.Н.* Творення мережі національної вищої школи за часів владування П. Скоропадського // Українське державотворення: Словник-довідник. — К., 1997. — С. 436–441; Протокол первого заседания Комиссии по Высшим учебным заведениям и ученым учреждениям Украины 20 июня 1918 г. // Т. 1, кн. 1. — С. 493–497).

⁶¹ См. комментарий № 23 в разделе переписки В.И. Вернадского с Д.И. Багалеем.

⁶² В дневнике В.И. Вернадский использует датировку по двум стилям с первой записи 1918 г. — 17 февраля / 2 марта, но уже с мая отмечает только новый стиль (исключение — вторая половина июня — в дневнике двойное датирование). Вернется Вернадский к старому календарному стилю после прихода денкинских войск в Киев в конце августа 1919 г. Что касается отъезда в Киев, о чем есть упоминание в письме, то в действительности Вернадский выехал, судя по записям в дневнике, 1 июня.

⁶³ Письмо Н.П. Василенко не найдено.

⁶⁴ О попытках решения проблемы создания Украинского государственного университета в Киеве и сохранения государственного статуса Киевского университета см.: Т. 1, кн. 1. — С. 118–119, 121, 498, 511, 516, 604–604, 637, 639.

⁶⁵ Ученый-химик и художник Петр Иванович Холодный (1876–1930) оставался на посту товарища руководителя образовательного ведомства в 1917–1920 гг. Будучи министром Н.П. Василенко возглавлял согласительную комиссию по вопросу объединения Киевского университета и Украинского народного университета в один государственный университет. В 1920 г. П.И. Холодный эмигрировал в Польшу.

⁶⁶ Могиланский Николай Михайлович (1871–1933), профессор антропологии, заместитель государственного секретаря Украинской Державы. Выехал за границу во главе миссии Украины во Франции. Жил в Париже, Праге. Написал мемуары: *Могиланский Н.М. Трагедия Украины (Из пережитого в Киеве в 1918 г.)* // Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. — Берлин, 1923. — Т. 11. — С. 74–105. (Репринт. М., 1991. — Кн. 6. Т. 11/12).

⁶⁷ О библиотеке и коллекции выдающегося антрополога, этнографа и археолога Федора Кондратьевича Вовка (1847–1918), хранившихся в Петрограде, см.: Т. 1, кн. 1. — С. 204, 207, 223, 225, 376, 408, 581, 627.

⁶⁸ Крымский Агатангел Ефимович (1871–1942), филолог, востоковед, славист, писатель, ориенталист, историк украинского языка, исследователь фольклора, переводчик с арабского и западноевропейских языков. Академик первого состава УАН (с 14 ноября 1918 г.), ее неперемный секретарь. Подробнее о А.Е. Крымском см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

⁶⁹ Лозиев (Лозеев) Павел Никифорович (Нечипорович) (1894–1981), востоковед, иранист, тюрколог. Окончил юридический факультет Московского университета и одновременно Лазаревский институт восточных языков (1917). Ученик А.Е. Крымского, вместе с ним прибыл в Киев, помогал во многих организационных делах, в частности, в перевозке из Москвы ориенталистической библиотеки. Преподавал в вузах Киева, внештатный постоянный сотрудник Кабинета арабо-иранской филологии Историко-филологической кафедры ВУАН (1926–1928). Репрессирован в 1933 г. Работал в Таджикистане.

⁷⁰ С начала июля 1918 г. на должности государственного секретаря Украинской Державы был известный юрист, бывший товарищ обер-прокурора Св. Синода Сергей Владиславович Завадский (1871–1943?). Эмигрировал, преподавал в Праге.

⁷¹ 7 декабря в 17.00 началось 3-е заседание Общего собрания УАН (протокол см.: Т. 1, кн. 1. — С. 254–257).

⁷² О Дмитрие Ивановиче Багалее подробнее см. в разделе переписки с ним В.И. Вернадского.

⁷³ В ночь на 18 ноября власть в Харькове захватил от имени Директории полковник П. Болбочан. Железнодорожное сообщение с Киевом было прервано, о чем Д.И. Багалей сообщил В.И. Вернадскому. Однако немецкие части в Харькове после революции в Германии фактически поддержали большевиков, которые пообещали с помощью Моск-

вы возвращение немцев на родину. 11 декабря красная Рада рабочих и солдатских депутатов попыталась совершить в городе переворот, объявив себя единственной властью на Харьковщине. Советские же войска нанесли поражение частям Директории под Казачьей Лопанью, и уже в начале января 1919 г. Харьков стал советским.

⁷⁴ В воспоминаниях о В.И. Вернадском Наталья Дмитриевна Полонская-Василенко (жена Н.П. Василенко, о ней далее в этом разделе книги) писала: «Красный террор 1919 года, жертвой которого стали украинские ученые, а среди них выдающийся политический, общественный и научный деятель В.П. Науменко (расстрелян 8 июля. — *Сост.*), заставил значительное число ученых Киева покинуть город и искать временного убежища где-нибудь за городом. Н.П. Василенко поселился на даче профессора, бывшего ректора университета, И.В. Егорова (Иван Васильевич, профессор химии. — *Сост.*). Дача была на берегу Днепра, недалеко от устья Припяти. В.И. Вернадский уехал в Староселье, на биологическую научно-исследовательскую станцию на берегу Днепра <...>. В страшные дни террора (Лев Троцкий, посетив Киев в конце апреля 1919 года, нашел, что киевская «чрезвычайка» слабо работает, и поручил ей расстрелять ряд противников советской власти из числа украинской интеллигенции. — *Сост.*) В.И. Вернадский с увлечением исследовал Старосельские болота, и там посчастливилось ему найти ключ к проблеме живой материи, которой он посвятил значительную часть своей жизни <...> «. В архиве Н.П. Василенко сохранились два письма Вернадского из Староселья, рассказывающих о процессе исследования. Этот эпизод из жизни В.И. Вернадского, эти ярко написанные письма, показывают характерные черты его как ученого. В письмах этих не было «обывательских» жалоб на современность, опасений расправы, которая грозила, если будет раскрыто его убежище. (*Полонська-Василенко Н.Д. Академік В.І. Вернадський (спогади) // Хроніка-2000. — К., 2004. — № 57/58. — С. 497–498.*) В других воспоминаниях Н.Д. Полонской-Василенко есть и такая запись: «Характерное письмо получено Николаем Прокофьевичем от В.И. Вернадского, попавшего в те же дни на станцию в Староселье» (ЦГАМЛИ Украины, ф. 542, оп. 1, д. 46, л. 92). Письмо действительно «характерное» и интересное. Во-первых, оно носит явно конспиративный характер. Вернадский обращается к Василенко: «Дорогой Иван Петрович», Иван — имя хозяина дачи Ивана Васильевича Егорова, где жил тогда Василенко, «Петрович» — первая буква отчества Василенко — Прокофьевич, и, во-вторых, В.И. Вернадский впервые подписывается инициалами «В.В.». Такими, скорее всего, были договоренности и условности между Вернадским и Василенко.

⁷⁵ В.И. Вернадский фактически «скрывался» в Староселье, на биологической станции, после расстрела ЧК В.П. Науменко. В дневнике (запись от 25 января 1920 г.) он вспоминал: «Я ушел в Староселье после убийства Науменко. В это время психология была подавленной. Ясно выявилась роль в этом убийстве украинских националистов — большевиков-боротьбистов и украинских эсеров. Из разговоров своих с членами этих партий и сведений из чрезвычайки одновременно, которые мне передавал тогда же Крымский, это было мне несомненным. Начали тогда справляться обо мне как имеющем связи с Кривошеиным(!) (А.В. Кривошеин осенью 1918 г. в Киеве был одним из основателей монархического «Совета государственного объединения России». — *Сост.*) и смешивали с Бернацким (М.В. Бернацкий был министром финансов Временного правительства А.Ф. Керенского, а в 1919–1920 гг. на такой же должности в правительствах А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. — *Сост.*). Одновременно указывали, что Академия наук ведет контрреволюционную деятельность и во главе стоит бывший министр Временного правительства и крупный помещик, а Крымского убеждали, что какой я украинец и что они не понимают, что он меня защищает. <...> Я думаю, что те украинские группы, которые сознательно устранили Науменко как лицо, мешавшее их самостийничеству, легко могли — и еще легче — найти ненужным и меня. <...> Поэтому доб-

рожелательные советы тогда скрыться, может быть, и были правильны. Но все ведь это гадание» (*Вернадский В.И.* Дневники, 1917–1921: январь 1920 март 1921. — К., 1997. — С. 24). В Староселье В.И. Вернадский активно работал над проблемой живого вещества и вернулся в Киев уже после взятия его Добармией 18 (31) августа 1919 г.

⁷⁶ Личков Борис Леонидович (1988–1966), геолог, ученик В.И. Вернадского. Секретарь Комиссии по делам высшей школы и научных учреждений Украины. Первый директор, а впоследствии заместитель директора Украинского геологического комитета (1918–1927). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

⁷⁷ Отчет, который упоминает Вернадский, не был опубликован. В.И. Вернадский высказывает, на наш взгляд, эмоциональную оценку относительно фальсификации истории в деле образования высшей украинской школы на торжествах во время открытия Киевского и Каменец-Подольского университетов. См. также: Дело об открытии Киевского и Каменец-Подольского университетов. — ГАК, ф. 16, оп. 479, спр. 120.

⁷⁸ См. в нашем издании письмо В.И. Вернадского к Б.Л. Личкову от 20 июня 1919 г. и от 5 марта 1921 г.

⁷⁹ Рукопись В.И. Вернадского «Об участии живого вещества в создании почв» хранится в Институте рукописи НБУВ: ф. I, ед. хр. 26584, л. 1–20. Автограф. Полностью опубл.: Т. 1, кн. 2. — С. 39–64.

⁸⁰ Старынкевич-Борнеман Ирина Дмитриевна (1890/91–1988), химик, минералог, ученица и сотрудница В.И. Вернадского. С ним работала в Киеве (1918–1919), затем в Радиевом институте. Заведующая химической лабораторией Хибинской горной станции АН СССР (1932–1936). В ее честь назван новый минерал — иринит.

⁸¹ Сначала В.И. Вернадский развернул свою лабораторию на кафедре органической химии (заведующий кафедрой профессор И.В. Егоров) Киевского университета, а затем в лаборатории при синдикате сахарозаводчиков в Киеве, организованной агрономом и агробиологом, профессором Соломоном Львовичем Франкфуртом. Он был членом кадетской партии. Перед революцией заведовал рядом исследовательских учреждений, в частности исследовательской станцией Всероссийского общества сахарозаводчиков. Член Комиссии по организации УАН. Эмигрировал в Германию. По некоторым сведениям, работал в руководящих органах «Всемирного союза ОРТ», который занимался распространением ремесленного и земледельческого труда среди евреев, в 1940 г. переехал в США.

⁸² Книжковий вісник / Ред. Г.П. Житецький. — К., 1919. — Ч. 1, січ.–бер. — 64 с.

Записки Історично-філологічного відділу Української Академії наук / Під ред. П. Зайцева; за головним ред. Д.І. Багалія. — К., 1919. — Кн. 1. — 144, LCVI с.

⁸³ Кивлицкий Евгений Александрович (1861–1921), историк, издатель, библиотеквед. Сотрудник редакций и газет, в том числе в журнале «Киевская старина» — главный редактор (1889–1893). Был инспектором Киевского учебного округа (1917) и заведующим делами русской школы в Департаменте народного просвещения УНР (1918). Председатель Совета библиотекарей ВБУ (1919–1920). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

⁸⁴ В.И. Вернадский советовался относительно своего возможного президентства в УАН с другом и постоянным секретарем РАН С.Ф. Ольденбурггом (см. их переписку во второй книге этого издания) и изменил свою первоначальную позицию.

⁸⁵ Речь идет о Нине Владимировне Вернадской, дочери академика. См. также комментарий № 19 к этому разделу.

⁸⁶ Носов (Носив) Анатолий Зиновьевич (1883–1941), ученый-антрополог, этнолог и археолог, научный сотрудник Музея антропологии и этнологии ВУАН, секретарь Вре-

менного комитета по созданию ВБУ. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

⁸⁷ Академик УАН Степан Прокофьевич Тимошенко (1878–1972), который не пожелал оставаться под властью большевиков, после отъезда в Ростов 1919 г. уже не возвращался в Киев, оказался в Югославии. Однако узнав, что 7 мая 1920 г. поляки и войска УНР заняли Киев, Тимошенко приехал за семьей. В США он переехал в 1922 г., там сделал также блестящую карьеру. Оставил воспоминания: *Тимошенко С.П.* Воспоминания / Предисл. Е.А. Вечорина. — Париж: Об-ние С.-Петербург. политехников, 1963. — 416 с.; (репр.: К., 1993. — 424 с.).

⁸⁸ О болезни В.И. Вернадского в начале 1920 г. подробнее см.: *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921: январь 1920 март 1921. — К., 1997.

⁸⁹ Ректором Таврического университета В.И. Вернадский был избран 10 октября 1920 г., после смерти первого ректора Р.И. Гельвига. 12 января 1921 г. Вернадский отказался от должности, а 23 февраля он выехал из Симферополя в Москву.

⁹⁰ Письмо В.И. Вернадского не найдено.

⁹¹ Н.П. Василенко отправился в Ростов вместе с Вернадским, когда Киеву грозило возвращение большевиков в конце ноября 1919 г. Он остался в Ростове до марта 1920 г. уже после восстановления в городе советской власти.

⁹² Речь идет о С.В. Паниной. См. также комментарий № 2 к этому разделу.

⁹³ Речь идет о младшем товарище Василенко, докторе Дмитриии Николаевиче Требинском (1887–1933, по другим данным 1934), сыне его хорошей знакомой Марии Николаевны Требинской, племяннике жены историка, киевского профессора И.В. Луцицкого Марии Викторовны Луцицкой.

⁹⁴ Речь идет о Я.К. Имшенецком. См. также комментарий № 35 к этому разделу.

⁹⁵ Речь идет о Д.И. Багалее.

⁹⁶ Сумцов Николай Федорович (1854–1922), фольклорист, этнограф и литературовед, общественный деятель. Профессор Харьковского университета, член-корреспондент Петербургской АН (с 1905 г.), член Чешской АН. Академик кафедры украинской литературы по классу украинской народной словесности УАН (с 25 мая 1919 г.). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

⁹⁷ Петлюра Симон Васильевич (1879–1926), главный атаман войск УНР. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

⁹⁸ Трегубов Семен Иванович (1856–1935), протоиерей, кандидат богословия. Окончил Киевскую духовную академию, стал законоучителем Коллегии П. Галагана, с 1896 г. священник Софийского собора, впоследствии настоятель Сретенской церкви. Венчал Ивана Франко.

⁹⁹ «Dziennik Kijowski», одно из польскоязычных изданий Киева. Газета выходила в 1906–1920 гг. Тираж доходил до 5 тыс. экз.

¹⁰⁰ Пилсудский Юзеф Клеменс (1867–1935), первый руководитель возрожденного польского государства, основатель польской армии, маршал Польши, в 1926–1928 гг. и с 1930 г. премьер-министр страны.

¹⁰¹ Речь идет о том, что Н.П. Василенко на посту министра народного просвещения гетманской Украинской Державы летом 1918 г. был инициатором и, в некоторой степени, идеологом создания УАН. Академиком Василенко избран 26 июля 1920 г. на Общем собрании УАН.

¹⁰² Левицкий Орест Иванович (1848–1922), историк, правовед, архивист, археограф, этнограф и писатель. Академик УАН (1918). И. о. президента УАН–ВУАН (с декабря

1919 г.); председатель Юридического общества при ВУАН (1921); президент ВУАН (март 1922 г.).

Орженцкий Роман Михайлович (1863–1923), экономист, статистик. Академик УАН (1919), ВУАН (1921), председатель президиума Социально-экономического отдела ВУАН (1921–1922). Эмигрировал в Польшу (1922).

Птуха Михаил Васильевич (1884–1961), экономист, демограф, статистик, академик УАН (с 1920 г.), член-корреспондент АН СССР (1943 г.). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

¹⁰³ Тутковский Павел Аполлонович (1858–1930), геолог, палеонтолог, физико-географ, академик УАН (1918), председатель Физико-математического отдела (1919–1930), один из организаторов Национального геологического музея Украины. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

¹⁰⁴ Яната Александр Алоизович (1888–1938), ботаник, профессор киевских и харьковских вузов, один из основателей «Українського ботанічного журналу». С 1928 г. был ученым секретарем Сельскохозяйственного научного комитета Украины. В Харькове организовал и возглавлял Институт прикладной ботаники и Институт растениеводства. В 1933 г. репрессирован. В 1938 г. погиб в ссылке на Колыме.

¹⁰⁵ Речь идет, очевидно, об И.И. Касьяненко и К.С. Тараненко.

Касьяненко Иван Иванович (1877–1942), инженер, один из пионеров украинской авиации, профессор Киевского политехнического института. С 1921 г. ректор Киевского сельскохозяйственного института, позднее был ректором Харьковского сельскохозяйственного института. Репрессирован.

Тараненко Корней Семенович (середина 1880-х — 1937(?)), деятель партии боротьбистов, экономист-практик. На Трудовом конгрессе в 1918 г. возглавлял боротьбистскую фракцию. В 1919 г. член Совета Народных Комиссаров УССР. Заместитель председателя, затем председатель Высшего совета народного хозяйства. Позже на хозяйственной работе. Осужден в 1937 г. военной коллегией Верховного суда СССР, расстрелян.

¹⁰⁶ Корчак-Чепурковский Авксентий Васильевич (1857–1947), санитарный врач, эпидемиолог и гигиенист. В период гетманата П. Скоропадского (1918) директор Санитарного департамента Министерства народного здоровья и попечительства Украинской Державы, профессор Украинского государственного университета в Киеве, декан его медицинского факультета. Действительный член УАН (с февраля 1921 г.), непреременный секретарь ВУАН (1928–1934).

Граве Дмитрий Александрович (1863–1939), математик. Академик УАН (1920), почетный член АН СССР (1929). Возглавлял Институт математики АН УССР (1934–1939).

Синайский Василий Иванович (1876–1949), правовед, профессор Киевского университета, директор Киевского юридического института (1918–1920). От января 1921 г. руководитель Комиссии по изучению обычного права Украины ВУАН. В октябре 1922 г. уехал в Латвию, профессор Рижского университета. С 1944 г. жил в Праге, затем в Брюсселе.

¹⁰⁷ Петров Николай Иванович (1840–1921), историк украинской литературы и науки, археограф, этнограф, профессор богословия. Член-корреспондент Петроградской АН (1916), академик УАН (1918).

Беляшевский Николай Федотович (1867–1926), археолог, этнограф, искусствовед, музейный деятель. Академик УАН по кафедре украинской археологии (с 1919 г.), председатель Комитета охраны памятников старины и искусства в Украине. Организатор и

директор Киевского городского художественно-промышленного и научного музея (ныне Национальный художественный музей Украины). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским в этой книге.

Мищенко Федор Иванович (1874–1933), историк Византии, специалист по истории церкви и церковному праву. Профессор Киевской духовной академии, юридического института и Киевского университета. Академик УАН (1920), глава Комиссии по изучению византийской литературы и его влияния на Украину. Председатель Византологической комиссии ВУАН (1926). Исключен из числа академиков коллегией Наркомпроса УССР (март 1928 г.), уволен со всех должностей (1929).

Срезневский Борис Измаилович (1857–1934), метеоролог и климатолог, академик УАН (с 19 апреля 1920 г.), организатор метеорологической службы в Украине, директор Киевской метеорологической обсерватории (1919–1934).

Плотников Владимир Александрович (1873–1947), физико-химик, академик УАН (с 1920 г.), член-корреспондент АН СССР (1932), профессор Киевского политехнического института, директор Института химии АН УССР, с 1945 г. заведующий лабораторией Института общей и неорганической химии АН УССР.

Пфейффер Георгий (Юрий) Вильгельмович (Васильевич) (1872–1946), математик, профессор Киевского университета. Академик УАН (с 1920 г.), директор Института математики и физики ВУАН (1921–1923), директор объединенного Института математики и физики АН УССР (1941–1944).

¹⁰⁸ Иконников Владимир Степанович (1841–1923), историк. Заслуженный профессор Киевского университета. Главный редактор «Университетский известий» (1873–1913), председатель Временной комиссии по разбору древних актов. Член-корреспондент (29 декабря 1893 г.), академик Петербургской АН (1914), академик УАН (1921). Иконникова избран академиком по кафедре русской истории 14 марта 1921 г. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

¹⁰⁹ Общее собрание УАН 7 марта 1921 г. избрало А.В. Старкова и А.В. Корчак-Чепурковского академиками.

Старков Арсен Викторович (1874–1927), биолог, анатом, профессор Киевского университета, академик УАН (1921). Организовал в Академии лабораторию для исследования центральной нервной системы. В 1922 г. уехал в командировку в Прагу, профессор Украинского высшего педагогического института. Остался внештатным академиком ВУАН. Позже был профессором Рижского университета.

¹¹⁰ Линдемман Владимир Карлович (1868–1933), патолог, бактериолог и токсиколог, профессор Киевского университета, директор Киевского бактериологического института. За 20 лет работы в Киевском университете создал научную школу общих патологов. Положил начало работ по противогазовой (фосген, хлор и др.) защиты и медицинской помощи пораженным. С 1922 г. — в Польше: профессор Варшавского университета, позже профессор Ягеллонского университета в Кракове.

¹¹¹ Образцов Василий Парменович (1849–1920), врач-терапевт, заслуженный ординарный профессор Киевского университета, создал оригинальную школу терапевтов, которая по методам клинического обследования больного отличалась от современных ему русских и западноевропейских школ. Депутат III Государственной Думы (1907–1912).

¹¹² Возможно, следует понимать как «Грушевские и К°».

¹¹³ Архиепископ Василий (в миру Дмитрий Иванович Богдашевский; 1861–1933), епископ Русской православной церкви. Богослов. Противник автокефалистского раскола и обновленчества. В 1923 г. арестован и сослан на Север России. В начале 1926 г. вер-

нулся из ссылки, возведен в сан архиепископа Каневского, стал одновременно первым викарием Киевской епархии.

¹¹⁴ Кашенко Николай Феофанович (1855–1935), биолог, эмбриолог, акклиматизатор, селекционер. Ректор Томского университета, профессор Киевского политехнического института. Академик УАН (1919). Директор Акклиматизационного сада и Зоологического музея УАН. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

¹¹⁵ Митилино Михаил Иванович (1875–1930), правовед, профессор Киевского университета, Киевского коммерческого института, ректор Киевского института народного хозяйства (1921–1922). Член Комиссии по изучению финансовых и банковских вопросов и Комиссии по изучению советского (гражданского) права ВУАН. Был сотрудником Института советского права в Москве.

¹¹⁶ Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951), историк права, социолог, профессор Варшавского университета, ректор Киевского университета. Эмигрировал, в 1924–1927 гг. профессор Русского юридического факультета в Праге, университетов в Белграде, Праге, Любляне (1935). Последние годы прожил в США.

Демченко Григорий Васильевич (1869–1958), правовед, профессор Киевского университета, председатель Киевского юридического общества. Эмигрировал в Югославию, профессор Белградского университета.

Ясинский Михаил Никитич (1862–1935), правовед, заслуженный профессор университета, член Киевской археографической комиссии. С 1919 г. в эмиграции (Словения), профессор Люблянского университета.

Билимович Антон Дмитриевич (1879–1970), математик, механик. Профессор Новороссийского университета (Одесса), его ректор (1918). Эмигрировал в Сербию, профессор Белградского университета, член-корреспондент (1925), действительный член Сербской АН и искусств (1936).

Билимович Александр Дмитриевич (1876–1963), профессор политэкономии и статистики Киевского университета. Член Особого совещания при А.И. Деникине, начальник Управления земледелия и землеустройства. В эмиграции в Югославии, Германии (от 1920 г.), США (1948).

Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962), философ, экстраординарный профессор Киевского университета. Министр вероисповеданий Украинской Державы (1918). 1919 г. выехал за границу, сначала в Сербию, где преподавал философию в Белградском университете. С 1926 г. жил в Париже: профессор философии Богословского православного института. 1942 г. принял сан священника. Оставил воспоминания: *Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти (15 мая — 19 октября 1918 г.): Воспоминания.* — М., 1995. — 238 с.

Тарановский Федор Васильевич (1875–1936), правовед, профессор Петроградского университета, декан юридического факультета Екатеринославского университета (1918). Академик первого состава УАН (1918), председатель Третьего отдела УАН. Профессор Таврического университета (1919–1920). Эмигрировал в Югославию, академик Сербской АН (1933). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

¹¹⁷ Константинович Владимир Николаевич (1872–1920), патологоанатом, приват-доцент Киевского университета и профессор Украинского государственного университета.

Богданов Сергей Михайлович (1859–1920), агроном, профессор Киевского университета. Принимал деятельное участие в организации сети исследовательских учреждений Украины.

Таранухин Василий Андреевич (1876–1920), доктор медицины, работал в Петербургском женском медицинском институте, заведующий клиническим отделением Киевского военного госпиталя. Профессор, заведующий кафедрой судебной медицины Киевского университета. Ученик В.В. Подвысоцкого.

Малков Григорий Митрофанович (1869–1919), терапевт, в 1905–1919 гг. заведующий кафедрой специальной патологии и терапии медицинского факультета Киевского университета.

Кистяковский Богдан (Федор) Александрович (1868–1920), философ, социолог, правовед, публицист. Кадет. Профессор Киевского университета, один из организаторов УАН, академик по кафедре социологии (с января 1919 г.). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

Гарф Эрнест Карлович (1880–1920), инженер-технолог, преподаватель политехнических курсов Общества распространения грамотности в Киеве, сотрудник Киевского политехнического института. Ученик С.П. Тимошенко. Владел мастерской авиационных приборов. Старший лаборант Института технической механики УАН (1919).

¹¹⁸ Кистяковский Владимир Александрович (1865–1952), физикохимик, профессор Петербургского политехнического института. Академик УАН (с марта 1919 г., с 1923 г. внештатный). В 1920–1921 гг. преподавал в Терском университете в Пятигорске. В 1921 г. вернулся в Петроградский политехнический институт. Член-корреспондент (1924), академик АН СССР (1929). В 1929 г. в Ленинграде организовал и возглавил Коллоидно-электрохимическую лабораторию, с 1934 г. — Коллоидно-электрохимический институт.

Лучицкий Владимир Иванович (1877–1949), геолог, петрограф, профессор Киевского университета (1913–1923, 1945–1949), Московской горной академии (1923–1930), академик АН УССР (1945), директор Института геологических наук АН. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

Орлов Александр Яковлевич (1880–1954), астроном, геофизик. Заведующий кафедрой астрономии и директор астрономической обсерватории Новороссийского университета (1912–1934), академик кафедры астрономии УАН (с 21 июня 1919 г.). Член-корреспондент АН СССР (1927), избран академиком АН УССР (1939, повторно, после выхода из ВУАН в 1921 г.). Директор Полтавской гравиметрической (1926–1934) и Карпатской астрономической (1939–1944) обсерваторий. Директор Главной астрономической обсерватории АН СССР (1944–1948 и 1950–1951).

¹¹⁹ Речь идет об известном магазине скобяных изделий «Эдуард Браец».

¹²⁰ Речь идет о Добровольском Константине Эрастовиче (1867–1946), медике и гигиенисте, профессоре Киевского университета, Таврического университета, Киевского медицинского института, сотрудника Киевского санитарно-бактериологического института (1932–1941); а также о его жене Добровольской Анне Францевне (умерла в 1935 г.). В квартире Добровольских (на Тарасовской, 7) Вернадский с женой жил в 1918 г.

¹²¹ В.И. Вернадский сообщил в письмах из Крыма, что не сможет выехать в Киев и возвращается в Петроград, 7 марта он уже был в Москве.

¹²² Старицкий Георгий Егорович (1867–1946), кадет, присяжный поверенный, Полтавский губернатор в администрации А.И. Деникина. Брат жены В.И. Вернадского. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, где работал в банке, подрабатывая художественной фотографией, сотрудничал в Народном этнографическом музее в Софии. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

¹²³ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед-индолог, экстраординарный академик (1903), ординарный академик (1908), непрременный секретарь Петер-

бургской АН и АН СССР (1904–1929). Друг В.И. Вернадского со студенческих лет. В переписке В.И. Вернадского с Н.П. Василенко часто упоминается как С.Ф., С. Фед., Сергей Федорович и т.п. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

¹²⁴ Есманский Павел Матвеевич (1887–?), инженер, исследователь угля. Старший ассистент Екатеринославского горного института, сотрудник Постоянной комиссии по изучению естественных богатств Украины УАН, заведующий научно-техническим отделом Укрсовнархоза (1919). В 1920-х годах основатель и директор Таганрогского института научной организации производства, автор первой в СССР трактовки управления — теории трудовых функций или организационной механики. См. его письмо к В.И. Вернадскому во второй книге этого издания.

¹²⁵ Сушицкий Феокист Петрович (1883–1920), филолог, ректор Украинского государственного университета (1917–1918). Возглавлял департамент высшего и среднего образования Министерства народного просвещения (1918). Сотрудник и руководитель Археографической комиссии ВУАН (1919–1920). В конце 1919 г. ездил в Ростов по делу сохранения Украинского государственного университета.

¹²⁶ Клодницкий Иван Иванович (1884–1949), зоолог, преподаватель Киевского ветеринарно-зоотехнического института, впоследствии профессор Киевского университета.

¹²⁷ Зелинская Мария Николаевна, сотрудница канцелярии неперемного секретаря УАН. Относительно рукописей В.И. Вернадского см. далее его письмо и комментарий № 151 к этому разделу.

¹²⁸ Мельник-Антонович Екатерина Николаевна (1859–1942), археолог, историк. Вторая жена В.Б. Антоновича. Работала в УАН: заведующая библиотекой Первого отдела, сотрудница Комиссии по составлению историко-географического и биографического словаря (с 1919 г.). Редактор комиссии по изданию трудов В.Б. Антоновича (от 1920 г.). Уволена с работы после «чистки» в аппарате ВУАН (1930).

¹²⁹ См. комментарий № 21 к этому разделу.

¹³⁰ Речь идет о его научно-популярных лекциях: *Антонович В. Бесіди про часи козацькі на Україні*. — Чернівці, 1897. — 159 с. (2-е изд. как: *Антонович В. Виклади про часи козацькі на Україні*. — Чернівці, 1912. — 232 с.).

¹³¹ Подробнее о Михаиле Сергеевиче Грушевском см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским в этой книге.

¹³² Дорошенко Дмитрий Иванович (1882–1951), историк, один из основателей УЦР. Расходился во взглядах относительно путей становления украинской государственности с М. Грушевским. Руководил Министерством иностранных дел Украинской Державы. С 1919 г. — в эмиграции (Чехословакия, Польша, Германия, Канада). Директор Украинского научного института, президент Украинской свободной академии искусств и наук в Мюнхене (1945–1951). Автор воспоминаний «Мої спогади про давнє минуле. 1901–1914» та «Мої спогади про недавнє минуле. 1914–1920» (переизд.: К., 2007).

¹³³ М.С. Грушевский очень образно выразил свою позицию относительно отказа от предложенного президентства в Академии, но парадная форма чиновника II класса (по Табели о рангах) — действительного тайного советника — предполагала белые суконные или казимировые штаны до колен с белыми шелковыми чулками и башмаками с пряжкой, или суконные или казимировые штаны с сапогами. (См.: *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. — М.: Наука, 1991).

¹³⁴ Черняховский Евгений Григорьевич (1873–1938), известный хирург, доктор медицины. Один из организаторов естественно-врачебной секции УНТ, профессор медицинского факультета Украинского государственного университета, где начал преподавание хирургии на украинском языке. Первый ректор Киевского медицинского института (1920–1921). С 1924 г. заместитель председателя Медицинской секции при ВУАН.

¹³⁵ В 1921 г. в действительности левое крыло партии украинских эсеров, оказавшееся за границей, «наводило мосты» по возвращению на родину, проводились даже переговоры с чиновниками, однако ряд обстоятельств, в частности судебный процесс над однопартийцами в Украине, советы украинских друзей и т.д., остановили М.С. Грушевского. Только в ноябре 1923 г. М.С. Грушевский дал согласие избираться членом ВУАН и решил вернуться в Украину. Он был избран действительным академиком по кафедре украинской истории на Общем собрании (Совете) ВУАН с 31 декабря 1923 г. В начале марта 1924 г. семья Грушевских вернулась в Киев.

¹³⁶ В.С. Иконников был избран 14 марта 1921 г.

¹³⁷ Палиенко Николай Иванович (1869–1937), юрист, профессор и проректор Харьковского университета (1912–1918), профессор Таврического университета (1919–1921), академик ВУАН (1930) по кафедре государства и права. Участвовал в подготовке Конституции УССР 1929 г.

¹³⁸ Речь идет о Б.А. Кистяковском. См. также комментарий № 117 к этому разделу.

¹³⁹ Васьяковский Евгений Владимирович (1866–1942), правовед, профессор, проректор Новороссийского университета. За участие студентов университета в революционных событиях 1906–1907 гг. был отстранен от должности, с запретом находиться на государственной службе в течение трех лет. Во время гражданской войны в Украине переехал в Литву, преподавал в Вильнюсском университете. Позднее переехал в Варшаву, член Польской АН.

¹⁴⁰ Алешо Александр Гаврилович (1890–1922), антрополог и этнограф. По поручению Этнографического отдела Русского музея Александра III осуществлял антропологические исследования и собирал этнографические коллекции на Херсонщине (1913–1914). Сотрудник Русского музея (1918). С января 1919 г. действительный член-секретарь УНТ в Киеве, председатель этнографической секции Губкописа. Исследователь наследия Ф.К. Вовка, основатель Музея антропологии и этнологии им. Ф. Вовка при ВУАН (с 1921 г.). См. его письмо к В.И. Вернадскому в этой книге.

¹⁴¹ Гнатюк Владимир Михайлович (1871–1926), фольклорист, этнограф. Член-корреспондент Петербургской АН (1902), действительный член НТШ, академик ВУАН (1924). В начале 1920-х годов директор «Української видавничої спілки».

¹⁴² Непонятно, о ком идет речь. Нет подтверждений того, что правовед М.Н. Ясинский преподавал в это время в Каменце-Подольском, он, скорее, был уже в Югославии. См. комментарий № 116 к этому разделу.

¹⁴³ Сташевский Евгений Дмитриевич (1884–1938), историк, экономист, профессор Киевского университета. Профессор Каменца-Подольского ИНО (1921–1923). Работал в Комиссии народного хозяйства ВУАН. Директор Музея сельскохозяйственной промышленности Сахартреста (1924–1933). Сотрудник Института истории Украины АН УССР (1937–1938). Арестован в 1938 г., погиб во время допроса.

¹⁴⁴ Косинский Владимир Андреевич (1864–1938), экономист, статистик. Профессор Киевского политехнического института. Член Комиссии по выработке законопроекта об учреждении УАН, министр труда Украинской Державы (ноябрь 1918 г.). Академик первого состава УАН (с 14 ноября 1918 г.). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания. О проблеме восстановления Косинского в статусе академика см. подробнее: Т. 1, кн. 1. — С. 329–334, 610.

¹⁴⁵ Очевидно, речь идет о Петре Павловиче Кудрявцеве (1868–1940), историке, философе, теологе. Внештатный профессор кафедры истории и древней философии Таврического университета. Выслан вместе с В.И. Вернадским из Крыма. Внештатный сотрудник нескольких комиссий ВУАН. В 1938 г. был арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности, но вскоре освобожден. Подробнее см. биографи-

ческую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

¹⁴⁶ В.И. Вернадский вернулся из Крыма в Москву 7 марта и через месяц, 8 апреля, перебрался в Петроград. Он собирался приехать раньше, но друзья посоветовали подождать в связи с возможной угрозой от ЧК — большевики ликвидировали в марте Кронштадтский мятеж.

¹⁴⁷ Комиссия по исследованию Курской магнитной аномалии была создана при отделении КЕПС под председательством П.П. Лазарева в феврале 1919 г. В январе 1920 г. переподчинена Геологическому комитету, а в июне стала самостоятельной структурой вне АН — при горном совете ВСНХ. Комиссию возглавил И.Н. Губкин, а П.П. Лазарев стал заместителем. В.И. Вернадский и ряд других ученых были включены в состав комиссии 14 февраля 1921 г. (*Вернадский В.И. Дневники: 1921–1925.* — М., 1998. — С. 19).

¹⁴⁸ На 30 марта В.И. Вернадский еще не получил писем Н.П. Василенко от 24–26 февраля и 25 марта, поскольку не знал о смерти Е.А. Кивлицкого.

¹⁴⁹ Речь, очевидно, о Григории Федоровиче Гринько (1890–1938), народном комиссаре просвещения УССР (1920–1923). Позже был председателем Госплана УССР, наркомом финансов СССР. В 1937 г. арестован по делу т. н. правотроцкистского блока, расстрелян.

¹⁵⁰ Киевская публичная библиотека, основанная 1866 г. Теперь Национальная парламентская библиотека Украины.

¹⁵¹ Судьбой части своего архива, а также вещей, которые оставались от 1919 г. в Киеве, Вернадский занялся сразу же, наладив связь, — уже в первых письмах А.Е. Крымского и Н.П. Василенко. В течение длительного времени решались вопросы пересылки и перевозки с оказией рукописей, книг, некоторых вещей. (См. также переписку с А.Е. Крымским и В.И. Липским во второй книге этого издания). Однако значительную часть архива Вернадский так и не получил, в том числе письма, дневник 1918 г., черновики научных статей. Это произошло, очевидно, и потому, что рукописи не были сосредоточены в одном месте.

¹⁵² Речь идет о гранках кн.: Опыт описательной минералогии: [В 2 т.] Т. 2: сернистые и селенистые соединения. Вып. 2. — Пг.: Изд-во Рос. акад. наук, 1922. — С. 145–264.

¹⁵³ Очевидно, речь идет о: *Вернадский В.И.* [Предварительная программа экспериментального исследования биогеохимической роли вида и пространства как ресурса] // Т. 1, кн. 2. — С. 108–109.

¹⁵⁴ Бессмертная (Безсмертная) Мария Ивановна (1881–1941, по другим данным 1942 г.), биолог, биохимик. Работала в Пастеровском институте. В конце 1917–1918 гг. химик в Комиссии чистых реактивов в Петрограде. Сотрудник ВУАН (1919–1923). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к ее переписке с В.И. Вернадским в этой книге.

¹⁵⁵ Б.Л. Личков и Ф.Г. Добржанский были в то время в Киеве.

Добржанский Феодосий Григорьевич (1890–1975), зоолог, генетик, сотрудник ВУАН, в эмиграции в США. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

¹⁵⁶ Дубянский Виктор Викторович (1880–1925), петрограф, физический географ, профессор Киевского университета. Секретарь комиссии по изучению природных богатств Украины при УАН (1919–1921); вице-директор Укргеолтреста. Член Украинского геологического комитета. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

¹⁵⁷ См. запись в дневнике от 18 ноября 1921 г. (*Вернадский В.И.* Дневники: 1921–1925. — С. 51–52).

¹⁵⁸ Фомин Александр Васильевич (1867–1935), ботаник, профессор Киевского университета. Член Комиссии по выработке законопроекта об учреждении УАН (с 1918 г.), академик ВУАН (с 1921 г.). Директор Института ботаники АН УССР (с 1931 г.). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

¹⁵⁹ Кушакевич Сергей Ефимович (1873–1920), зоолог, профессор Киевского университета. Директор Днепровской биостанции в с. Староселье. Товарищ председателя Комиссии по изучению фауны (1919), член Постоянной комиссии по изучению природных богатств Украины УАН (1919). Эмигрировал в 1920 г., умер от тифа в дороге.

¹⁶⁰ *Ильинский Н.В.* Вологодский Север: очерки производительных сил края: с фототипией и картой Северного края. — Вологда: издание Научно-технического комитета по изучению производительных сил Северного края при Вл. Г.С.Н.Х (1-я Национальная типография), 1919. — 93 с., 2 л. ил., карт.

¹⁶¹ Речь идет о книге известного экономиста-агрария, писателя Александра Васильевича Чайнова (1888–1937): *Кремнев И.* [Чайнов А.В.] Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии / с предисл. П. Орловского [В. Воровского]. — М.: Госиздат, 1920. — Ч. I, XIV. — 61 с.

В.И. Вернадский так оценил книгу: «Читал <...> утопию (антибольшевистскую) — крестьянскую Чайнова (Кремнева). Любопытна; комично издание — Государственная типография с предисловием — критикой — слабым и как все чиновничьи отписки — производящим впечатление банальности» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1921–1925. — С. 27).

¹⁶² «Уезжаю на ближайший неделях на север — на Мурманскую биологическую станцию — освоиться с океаническим живым веществом», — писал В.И. Вернадский 8 июля 1921 г. Б.Л. Личкову (см. соответствующий раздел этого издания, кн. 2). Но 14 июля 1921 г. Вернадского арестовали (в тюрьме он провел почти сутки, был освобожден после обращения Н.А. Семашко). Получив, на всякий случай, «охранные грамоты» от научных учреждений, Владимир Иванович с дочерью Ниной 17 июля выехал на Мурманскую биологическую станцию в Александровске, где в августе 1921 г. участвовал в работе Северной научно-промышленной экспедиции. (Впечатления об аресте и обыске в квартире В.И. Вернадский записал в дневнике 17 июля, см.: Из дневников В.И. Вернадского 1921 г. / Публ. М.Ю. Сорокиной // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. — М.; Л., 1991. — С. 475–486).

¹⁶³ В.И. Вернадский иногда достаточно эмоционально оценивал своих оппонентов — еще в 1919 г. он писал в дневнике: «Надо сознаться, что узкий и мелкий шовинизм этого (украинского — *Сост.*) движения, с одной стороны, не отвечающее действительности самохвальство, *mania glorioza* (магия славы (лат.) — *Сост.*), несправедливое отношение к русской культуре, и нетерпимость, которая является одной из самых тяжелых сторон национальных движений, удивительная фальшивая политика, с другой — заслоняет живые корни этого движения, его значение как проявление человеческой личности и форму ее сознания и в окружающем <...>. Удивительно мало среди людей, охваченных этим движением, людей, которые сохраняют нетронутыми моральные принципы, когда вопрос переходит в область национальной политики: Ефремов, Стебницкий, Носов — а если взять остальных — Багалея, Крымский, Грушевские, Корчак-Чепурковский, Ганицкий, Сушицкий и т. д., многие из которых лично порядочные люди — теряют порядочность, когда переходят в область национальных вождедений и национальной политики. Такие люди — слабые, но с искрой божьей, как А. Грушевский, Перфецкий, Данилевич, в конце концов, совершают бесчестные поступки. В этом отношении инте-

ресна — с общечеловеческой точки зрения — биография М.С. Грушевского и не только его роль активная, аморальная, но и пассивная — то, что он испытывали от окружающих в том же роде, например, в историю с его президентством в Львовском научном обществе. Прообраз дал В.Б. Антонович с его валленродизмом?» (*Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921: октябрь 1917 — январь 1920. — С. 158).

¹⁶⁴ См. письмо В.И. Липского от 1 марта 1921 г. во второй книге этого издания. Там же подробнее об академике Владимире Ипполитовиче Липском (1863–1937).

¹⁶⁵ См. раздел переписки В.И. Вернадского с А.Е. Крымским во второй книге этого издания.

¹⁶⁶ В.И. Вернадский писал в эти дни в дневнике: «Ненависть к этой власти такая, какую никогда не возбуждала другая власть» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1921–1925. — С. 48).

¹⁶⁷ Британский музей, крупнейший в мире музей, который основан в Лондоне 1753 г.

¹⁶⁸ Е.А. Кивлицкий (о нем. см. комментарий № 83 в этом разделе) умер в Киеве 4 (17) января 1921 г. Известие об этом В.И. Вернадский получил от Н.П. Василенко (24–26 февраля) и А.З. Носова (см. письмо Носова от 27 февраля 1921 г. во второй книге этого издания).

¹⁶⁹ Речь идет о Сергее Федоровиче Ольденбурге. См. комментарий № 123 в этом разделе.

¹⁷⁰ Правильно: «Наука и ее работники», специальный информационный орган Петроградской комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ). Журнал выходил в 1920–1922 гг. (22 номера).

¹⁷¹ Н.П. Василенко начинал писать ответ на письмо Вернадского еще от 30 марта, а закончил, уже получив письмо от 20 апреля 1921 г.

¹⁷² Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945), геохимик, минералог, академик Российской АН (1919), ученик В.И. Вернадского. Один из основоположников геохимии. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания. См. также: Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману / Сост. Н.В. Филиппова. — М.: Наука, 1985. — 272 с.

¹⁷³ Барвинок Василий Иванович (1879–1943), историк церкви, византолог, магистр богословия, библиограф и архивист. К концу 1917 г. работал в центральных учреждениях Священного Синода в Петербурге. В 1918 г. в Министерстве исповеданий Украинской Державы. В 1919–1928 гг. сотрудник ряда структур ВУАН, в 1928–1933 гг. во Всеукраинском археологическом комитете.

¹⁷⁴ Макаренко Николай Емельянович (1877–1938), историк, искусствовед, археолог. Работал в Эрмитаже (1902–1919), обустроивал огромную археологическую коллекцию музея и выдал путеводитель по коллекции (1916). Директор Музея искусств им. Ханенко (1919), член Всеукраинской археологической комиссии. Выступал против широкомасштабного уничтожения древних храмов в Киеве. Репрессирован в 1934 г. Расстрелян.

¹⁷⁵ См. письма В.И. Липского от 1–5 марта и 6 мая 1921 г. во второй книге этого издания.

¹⁷⁶ В это время университет уже был преобразован в ИНО.

¹⁷⁷ Ефремов Сергей Александрович (1876–1939), публицист, литературовед. Идеолог и теоретик украинской революции 1917–1921 гг. Внештатный академик УАН классы художественной украинской литературы (с 1919 г.). Подвергся преследованиям от советской власти и деникинского режима. С июня 1920 г. Ефремов скрывался под фамилией Игнатенко-Колодий в пригородных селах Глеваха и Боярка и пригороде Киева Приорке. По просьбе ВУАН был амнистирован. Академик кафедры истории украинской литературы (с 1921 г.). Вице-президент ВУАН. Репрессирован по делам «Братства украинской державности» и «Союза освобождения Украины». Осужден в 1930 г. Умер в

ссылке. См.: *Ефремов С.О.* Щоденники. 1923–1929 / Упоряд. О.С. Путро [та ін.]. — К., 1997. — 834 с.; *Ефремов С.О.* Щоденник (1.01.1895–4.02.1896). Про дні минулі (спогади) (1876–1907) / Упоряд. І. Гирич. — К., 2011. — 792 с. См. также письмо С.А. Ефремова к В.И. Вернадскому во второй книге этого издания.

¹⁷⁸ Возможно, речь идет о коммунисте А.П. Машкине, который в 1921 г. был членом Научного комитета Главпрофобразования Наркомпроса РСФСР, а в 1923 г. стал председателем Центруметодкома и методкома Главпрофобразования.

¹⁷⁹ Стебницький Петр Януарьевич (1862–1923), ученый, публицист. В Петербурге активно участвовал в деятельности украинской общины, в частности в организации украинских фракций I и II Государственной Думы, в издании украинских журналов и газет. Комиссар по делам Украины при Временном правительстве (1917). При гетманате П. Скоропадского в 1918 г. заместитель главы делегации Украинской Державы на мировых переговорах с РСФСР, министр народного просвещения и искусства Украинской Державы (24 октября — 14 ноября 1918 г.). Руководитель Комиссии ВУАН для составления энциклопедического словаря.

¹⁸⁰ Кордт Вениамин Александрович (1860–1934), картограф, археограф, библиотековед, один из основателей НБУ. С 1894 г. заведующий библиотекой Киевского университета, заведующий Центральным архивом древних актов Киевской, Волынской и Подольской губерний, библиотекарь КИНО. Член и председатель Временного комитета по созданию ВБУ (1918–1923), заведующий картографическим отделом ВБУ (с 1926 г.). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

¹⁸¹ Меженко Юрий Алексеевич (настоящая фамилия Иванов-Меженко; 1892–1969), библиограф, литературовед, коллекционер. Окончил Московский университет. В 1922–1931 гг. возглавлял Украинский научно-исследовательский институт книговедения, с 1934 г. руководил научно-библиографической работой в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, с 1945 г. директор Библиотеки АН УССР.

¹⁸² Данилевич Василий Ефимович (1872–1936), историк, археолог. Доцент Киевского университета, профессор КИНО, член Временной комиссии по учреждению НБУ, ее председатель (декабрь 1920 г.). Работал в различных структурах ВУАН, в Институте красной профессуры (1930).

¹⁸³ Житецкий Игнат Павлович (1866–1929), историк, литературовед, педагог. Член и председатель Временного комитета по созданию ВБУ, редактор журнала «Книжный вестник», старший библиотекарь и заведующий отделом рукописей (1919–1929), член Археографической комиссии УАН. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

Балинский Иван Мартынович (1879–1927), историк. Старший библиотекарь (с июня 1919 г.), руководитель газетно-графического отдела ВБУ. Приват-доцент Киевского университета (с 1920 г.), преподавал также в других высших учебных заведениях. Научный сотрудник Комиссии по изучению истории западнорусского и украинского права УАН (1921–1927).

¹⁸⁴ Веселовский Сергей Феофанович (1878–?), инженер-экономист, один из организаторов сельскохозяйственной науки в Украине. Был заместителем председателя УЦР. Во времена Украинской Державы генеральный консул в РСФСР, профессор, ректор Киевского политехнического института (1920–1921), профессор Киевского сельскохозяйственного института. В 1930-х годах репрессирован. Позднее в эмиграции.

¹⁸⁵ Демьянчук Василий Климентьевич (1897–1937), языковед, помощник секретаря Комиссии по разработке законопроекта об образовании УАН, ученый делопроизводитель I отдела УАН и канцелярии неперемного секретаря, старший научный сотрудник

Комиссии истории украинского языка ВУАН (1928–1929). В 1930-е годы репрессирован, сослан на север. В 1937 г. расстрелян.

¹⁸⁶ Об уходе В.И. Вернадского с поста президента УАН см.: Т. 1, кн. 1. — С. 367–369.

¹⁸⁷ См.: *Щанов А.П.* Великорусские области и Смутное время: (1606–1613 г.) // Отеч. записки. — 1861. — № 10. — С. 579–616, № 11. — С. 79–118; То же // *Щанов А.П.* Сочинения: В 3 т. — СПб., 1906. — Т. 1. — С. 648–709; *Щанов А.П.* Избранное. / Сост. А.С. Маджаров. — Иркутск, 2001.

¹⁸⁸ Зилов Петр Алексеевич (1850–1921), физик. Окончил Московский университет. В 1905–1912 годах был попечителем Киевского учебного округа. С 1900 г. издавал журнал «Физическое обозрение». В 1912 г. вышел в отставку. Умер 1 мая 1921 г.

¹⁸⁹ Возможно, речь идет о Дмитрие Петровиче Лукьянове, старшем технике акклиматизирования Акклиматизационного сада УАН. Полную фамилию Василенко называет в следующем письме.

¹⁹⁰ Историческое общество Нестора-летописца, научное общество, существовавшее в Киеве в 1872/1873–1931 гг. Было создано при Киевском университете. Н.П. Василенко был последним его председателем.

¹⁹¹ Смирнов Павел Петрович (1882–1947), историк, в 1912–1920 гг. преподавал в Киевском университете, профессор (с 1919 г.), профессор КИНО. В 1923 г. арестован и осужден на процессе «Киевского областного центра действия», сослан в Туркестан. В 1927–1934 гг. профессор Среднеазиатского университета в Ташкенте. В 1938–1947 гг. профессор Историко-архивного института в Москве. Лауреат Сталинской премии (1943).

¹⁹² Библиотеку П.А. Зилова, которая насчитывала 2100 томов научной литературы по всем разделам физики как на русском, так и на иностранных языках, журналы по физике, химии и другим дисциплинам, получила в 1920-х годах библиотека Горьцкого сельскохозяйственного института (с 1925 г. Белорусская государственная сельскохозяйственная академия). (*Кухарева Л.И., Степенкова А.Д.* Первая Сельскохозяйственная библиотека в стране // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии: научно-методический журнал. — 2010. — № 1. — С. 201).

¹⁹³ Речь идет о проблеме ревиндикации и реституции разнообразных польских культурных ценностей, архивных материалов, библиотек по условиям Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. (Подробнее см.: *Гетьманчук М.* До питання про реалізацію Українською РСР XI статті Ризького договору щодо повернення Польщі культурних цінностей у 1921–1926 рр.// Проблеми слов'язознавства. — 1999. — Вип. 50. — С. 193–202; *Старостин Е.В.* Рижский мирный договор 1921 г.: Проблемы «архивной реституции» // Студії з арх. справи та документознавства. — 2003. — Т. 9. — С. 163–166; *Себта Т.М., Черкаська Н.О.* Фонди магнатських архівів та судово-адміністративних установ КЦАДА у контексті взаємних претензій Рейхскомісаріату України і Генерал-губернаторства // Архіви України. — № 4–6. — К., 2003. — С. 184–312).

¹⁹⁴ Речь идет о Ф.В. Тарановском. См. также комментарий № 116 к этому разделу.

¹⁹⁵ Заболотный Даниил Кириллович (1866–1929), микробиолог, эпидемиолог, академик ВУАН (1922), академик АН СССР (1929), президент ВУАН (1928–1929). Профессор Петербургского женского медицинского института, ректор Одесского медицинского института, профессор Военно-медицинской академии. В 1928 г. переехал в Киев, избран президентом ВУАН, основатель и первый директор Института микробиологии и эпидемиологии (ныне Институт микробиологии и вирусологии им. Д. Заболотного НАН Украины).

¹⁹⁶ Иван Тимофеев сын Семенов (Иван Тимофеевич Семенов; ок. 1555–1631), один из влиятельных приказных дьяков России, писатель, мыслитель. Автор «Временника по седмой тысящи от Сотворения света во осмой в первые лета» — одного из крупнейших

литературно-философских памятников нач. XVII в. (Временник Ивана Тимофеева. — М; Л., 1951. — 512 с. (Репр.: СПб., 2004); Рыбаков Д.А. «Временник Ивана Тимофеева» — несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 2 (28). — С. 60–65).

¹⁹⁷ Речь идет о доме Первой киевской гимназии (построен 1852 г. на Бибиковском (Т. Шевченко) бульваре, № 14; архитектор А.В. Беретти). После революции 1917 г. здесь размещались Наркомат просвещения, с 1920 г. ВБУ, отдельные кафедры УАН, теперь это корпус Института филологии Национального университета им. Т. Шевченко.

¹⁹⁸ Воблый Константин Григорьевич (1876–1947), экономист, статистик, географ. Академик УАН (1919), вице-президент АН УССР (1928–1930). Руководитель Комиссии по изучению народного хозяйства Украины при ВУАН. Директор Института экономики АН УССР (1943–1947). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским в этой книге.

¹⁹⁹ Очевидно, речь идет об Украинском православном церковном соборе на Киевщине, который состоялся 22–26 мая 1921 г. После провозглашения автокефалии Всеукраинским православным церковным советом 5 мая 1920 г. на уровне регионов началась подготовка к Всеукраинскому православному церковному собору (14–30 октября 1921 г., в Киеве), который осуществил организационное оформление Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ). (Подробнее см.: Сухоплюев И. Майский Собор автокефалистов Киевщины 1921 г. // Антирелигиозная пропаганда: Сб. материалов. Харьков, 1922. — С. 149–155; Пилявець Л. І Український православний собор Київщини // Людина і світ. — 1997. — № 5/6. — С. 8–13; Перший Всеукраїнський православний церковний собор УАПЦ 14–30 жовтня 1921 року: Документи і матеріали. — К.; Львів, 1999).

²⁰⁰ Семейный дом Грушевских на углу улиц Паньковской и Никольско-Ботанической в Киеве был сожжен и разрушен 25 января 1918 г. во время целенаправленного артобстрела большевиками. Здесь погибли художественное собрание и архив М.С. Грушевского, в том числе и огромное эпистолярное наследие конца 1914 — начала 1918 г.

²⁰¹ По ходатайству Н.П. Василенко, с 1 июля 1921 г. В.С. Иконникову возобновили содержание от РАН (в отчетах он указывал работу по завершению новой книги своего фундаментального «Опыта русской историографии», посвященной воспоминаниям и мемуарам, переписке, а также запискам иностранцев о России, за которую обещали гонорар в 6000 руб). Однако пенсии РАН Иконников не получил (эта информация любезно предоставлена профессором В.И. Ульяновским).

²⁰² Платонов Сергей Федорович (1860–1933), историк, академик РАН (1920). С 1890 г. профессор Петербургского университета. В 1895–1902 гг. преподавал историю великим князьям. В 1908 г. стал членом-корреспондентом АН. После 1917 г. возглавлял Археологическую комиссию, Пушкинский Дом, Библиотеку АН и др. В 1930 г. был арестован по сфабрикованному ОГПУ «Академическому делу» историков, сослан в Самару, где умер в больнице от сердечной недостаточности.

²⁰³ По решению НКО УССР Киевская комиссия для разбора древних актов весной 1921 г. была объединена с Постоянной комиссией для издания памятников языка, литературы и истории при Историко-филологическом отделе УАН и создана на их базе Археологическая комиссия ВУАН. (Журба О.І. Київська археологічна комісія, 1843–1921: Нарис історії і діяльності. — К., 1993). Об актах о копных судах и других запланированных изданиях Киевской комиссии для разбора древних актов, осуществить которые не удалось, см.: Едиційна археологія в Україні XIX–XX ст.: Плани, проекти, проспекти видань. Вип. 1. — К., 1993).

²⁰⁴ Моргилевский Ипполит Владиславович (1889–1942), инженер-технолог, историк архитектуры, искусствовед, член-корреспондент Академии архитектуры СССР (1941 г.).

С 1920 г. возглавлял секцию архитектуры Всеукраинского комитета охраны памятников старины и искусства (ВУКОПИС). Многие годы исследовал Софийский и Михайловский соборы в Киеве, Борисоглебский собор в Чернигове и др. (См.: *Моргилевський І. Київська Софія в світлі нових спостережень // Київ та його околиця в історії і пам'ятках.* — К., 1926. — С. 81–108).

²⁰⁵ Шмит (Шмидт) Федор Иванович (1877–1937), искусствовед, археолог, академик УАН (1921). В 1908–1912 гг. ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе. В 1912–1920 гг. профессор Харьковского университета. Еще до революции исследовал росписи и мозаики Софийского собора в Киеве. Ректор Археологического института в Киеве (1922–1924), руководитель Археологического комитета при I отделе ВУАН. Директор Государственного института истории искусств (1924–1930) в Ленинграде. Репрессирован в 1933 г., сослан в Казахстан, затем в Узбекистан. В 1937 г. расстрелян.

²⁰⁶ Речь идет о Старицкой (урожденная Васькова-Примакова) Елизавете Петровне. См. комментарий № 3 к этому разделу.

²⁰⁷ Ильинский Григорий Андреевич (1876–1937), филолог, историк, археолог. Член-корреспондент РАН с 1921 г. (АН СРСР с 1925 г). Преподавал в Петербургском, Харьковском, Юрьевском, Саратовском, Казанском, Московском университетах. В 1934 г. репрессирован по «делу славистов», сослан на Соловки, затем в Томск, где работал библиотекарем в краеведческом музее. В 1937 г. вновь арестован и расстрелян.

²⁰⁸ Кулик Леонид Алексеевич (1883–1942), минералог, специалист по изучению метеоритов. Начал работать с В.И. Вернадским еще в 1911 г. С 1921–1922 гг. в учреждении АН СССР, руководил рядом метеоритных экспедиций, в том числе по изучению обстоятельств падения Тунгусского метеорита. В начале войны вступил добровольцем в народное ополчение, был ранен и скончался на оккупированной территории от сыпного тифа.

²⁰⁹ Всероссийский комитет помощи голодающим (Помгол) был создан в Москве с согласия Советского правительства 21 июля 1921 г., стал формой общественной жизни для значительной части деятелей бывших оппозиционных партий. Уже 27 августа 1921 г. комитет был распущен. По обвинению в «контрреволюционной» деятельности, связях с «антоновщиной» и «преступных» отношениях с границей репрессиям подверглись многие члены Помгола.

²¹⁰ 16 мая 1921 г., согласно протоколу Общего собрания, для выборов на пост Председателя-президента были намечены в качестве кандидатов академики Н.П. Василенко, В.С. Иконников, А.Е. Крымский, О.И. Левицкий и П.А. Тутковский. Однако Крымский и Иконников отказались баллотироваться. В течение месяца, когда состоялось еще 7 заседаний Общего собрания, вопрос избрания президента на повестку дня не выносился. Наконец, 18 июля большинство всех голосов против трех на пост Председателя-президента УАН был избран Н.П. Василенко. Его вновь переизберут президентом 17 октября 1921 г. (после утверждения для УАН статуса «Всеукраинской» академии). Однако из-за не утверждения Наркомпросом Василенко откажется от должности 27 февраля 1922 г.

²¹¹ Караваев Владимир Афанасьевич (1867–1939), зоолог, профессор, доктор биологических наук, путешественник. Директор Севастопольской биологической станции (1898), директор Зоологического музея АН Украины (1926–1934). Много путешествовал по Европе, Азии, Африке.

Шапошников Владимир Георгиевич (1870–1952), химик-технолог, органик, профессор Киевского политехнического института, Киевского института народного хозяйства, Северо-Кавказского политехнического института в Екатеринодаре (1919–1920). Член Комиссии по разработке законопроекта об учреждении УАН (с августа 1918 г.), ака-

демик кафедры прикладной химии ВУАН (с июня 1922 г.). Директор Института химической технологии, основатель Института органической химии АН УССР. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

Оппоков Евгений Владимирович (1869–1937), гидролог и гидрогеолог, организатор первой в СССР научно-исследовательской кафедры гидрологии при Киевском политехническом институте (1922), директор Института водного хозяйства ВУАН (с 1926 г.). Академик ВУАН (1929) и ВАСХНИЛ (1935). Был арестован в октябре 1937 г. по обвинению в контрреволюционной работе, расстрелян. В.И. Вернадский в дневнике 11 июня 1941 г. записал: «Оппоков сидит из-за своих исследований Днепра, сделанных до революции. Работы Выржиковского (сидит) полузасекречены» (*Вернадский В.И. Дневники, 1935–1941.* — М., 2008. — Кн. 2: 1939–1941. — С. 237). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

Де-Метц Георгий Георгиевич (1861–1947), физик, специалист в области радиоактивности, профессор Киевского университета, Киевского политехнического института, председатель секции прикладной физики Постоянной комиссии по изучению природных богатств Украины (1919), сотрудник Комиссии для опытов над вопросами геофизики (1921–1922). Декан естественного факультета Кубанского университета в Краснодаре (1920).

²¹² Харлампович Константин Васильевич (1970–1932), историк церкви, образования. Член-корреспондент Петербургской АН (1916), академик кафедры истории украинской церкви Историко-филологического отдела УАН (с июня 1919 г.), позже кафедры культуры и школьного движения в Украине XVII и XVIII вв. Первого отдела УАН. Преподавал церковную историю в Казанском университете, профессор (1921), председатель Общества археологии, истории, этнологии в Казани. 1924 г. его арестовали, выслали в Киргизию на три года. В 1928 г. НКО УССР не утвердил его действительным членом ВУАН. В Киев вернулся 1930 г. Последние годы жил в Нежине.

Пичета Владимир Иванович (1878–1947), историк-славист. Окончил Московский университет, преподавал в Екатеринославе, Москве. Ректор Белорусского государственного университета (1921–1929). Академик Белорусской АН (1928–1930, исключен по решению Совнаркома БСРС как враг пролетарской диктатуры). 1930 г. репрессирован в «деле АН», сослан в Вятку. Член-корреспондент АН СССР с 1939 г., академик с 1946 г.

²¹³ Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937), историк, публицист, один из лидеров партии народных социалистов. Член редакции журнала «Русское богатство». Организатор и руководитель «Союза возрождения России» (1918) В конце 1920 г. арестован по делу «Тактического центра». В начале апреля 1921 г. освобожден. В 1922 г. выслан из России без права возвращения. Жил в Берлине, Праге, Софии. Давний знакомый Н.П. Василенко. См. также комментарий № 33 в разделе переписки В.И. Вернадского з М.С. Грушевским.

²¹⁴ Речь идет об Универсальной системе десятичной классификации литературы в библиотечном деле. Была предложена в конце XIX в. бельгийскими учеными-документоведами Полем Отле (1868–1944) и Анри Лафонтеном (1854–1943). По их инициативе в Брюсселе были созданы и Международное библиографическое бюро и Международный библиографический институт.

²¹⁵ Вероятно, речь идет о ходатайстве внештатного академика УАН И.А. Малиновского, осужденного большевиками за участие в денкинском правительстве — «Особом совещании». С 28 декабря 1920 г. по 9 сентября 1921 г. он отбывал наказание в Ивановском лагере особого назначения НКВД РСФСР.

Малиновский Иоаникий Алексеевич (1868–1932), юрист, историк права, профессор Томского (1899–1911), Варшавского, Донского (с 1917 г.) университетов. Внештатный академик кафедры истории западно-украинского и украинского права (1919), председатель Комиссии по изучению обычного права Украины. В 1919 г. и. о. начальника управления народного образования деникинское Особое совещания. Арестован большевиками (июнь 1920 г.), находился в лагере под Москвой. В период заключения привлекался к работе в Институте советского права Наркомюста РСФСР (1921–1922). Освобожден в 1925 г., академик ВУАН (1925), переехал в Киев (1926). В ВУАН возглавлял Комиссию по изучению обычного права, секцию уголовного права Комиссии по изучению советского права. Уволен из ВУАН во время «чистки» (1930). Официально восстановлен в списках АН Украины в 1992 г., реабилитирован юридически (по делу 1920 г.) в январе 1993 г.

²¹⁶ Аллюзии на героев романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

²¹⁷ Возможно, речь идет о вдове Ф.К. Вовка Александре Юрьевне Вовк (девичья Реммельмаер), ее дочери Галине Федоровне Вовк (1896–1966) и сыне Юрии Федоровиче Вовке. Известно, что в 1943 г. все они выехали на Запад.

²¹⁸ Кистьяковская Мария Вильямовна (девичья Беренштам) (1869–1943), литератор, вдова Б.А. Кистьяковского. Автор популярного труда «Рассказы о борьбе человека с природой». В начале 1920-х годов работала в структурах III отдела ВУАН.

Кистьяковский Михаил Богданович (около 1909 — после 1930 г.), в конце 1920-х годов работал библиотекарем ВУАН. Умер в молодом возрасте в результате несчастного случая.

Кистьяковский (Кистьяковский) Александр Богданович (1904–1983), зоолог, зоогеограф, орнитолог-фаунист, систематик и эколог, профессор Киевского университета.

Кистьяковский Георгий (Игорь; Джордж) Богданович (1900–1982), американский физико-химик. Эмигрировал в Сербию, позднее в Германию. С 1926 г. в США. Профессор Гарвардского университета с 1933 г., действительный член Американской национальной АН, позднее ее вице-президент. Один из создателей атомной бомбы (руководитель отдела взрывчатых веществ атомной лаборатории в Лос-Аламосе).

Кистьяковский Игорь Александрович (1876–1940), юрист, доцент Киевского университета, преподавал в Московском университете, который покинул вместе с В. Вернадским и другими учеными в знак протеста против реакционной политики министра просвещения Л. Кассо. Преподавал в Московском коммерческом институте. В 1918 г. Государственный секретарь, затем министр внутренних дел Украинской Державы. С 1919 г. жил в Стамбуле, позже в Париже. Член Союза российских адвокатов за рубежом. Его вторая жена — Наталья Михайловна Кистьяковская (девичья — Чубинская; 1900–1946), поэтесса.

Чубинский Михаил Павлович (1871–1943), правовед, профессор Харьковского университета, Демидовского юридического лицея, Юрьевского и Петроградского университетов. Министр судебных дел, и.о. заместителя председателя Совета министров Украинской Державы (1918). После падения режима Скоропадского в 1919 г. перешел в лагерь белых. После поражения Деникина эмигрировал в Сербию. Преподавал в Белградском, Субботицком университетах (1922).

Холодный Николай Григорьевич (1882–1953), ботаник и микробиолог, академик ВУАН (1929). Сотрудник II отдела УАН по отдельным научным поручениям (1921, 1923) Профессор Киевского университета. В 1918–1919 гг. тесно сотрудничал с В.И. Вернадским, который высоко ценил работы своего украинского коллеги, переписывался с ним. Работа Холодного «Мысли натуралиста о природе и человеке» (1947) стала результатом переписки с Вернадским (*Холодный Н.Г.* Из воспоминаний о В.И. Вернадском // Почвоведение. — 1945. — № 7. — С. 325–326). Подробнее см. био-

графическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

²¹⁹ См. комментарий № 120 к этому разделу.

²²⁰ Возможно, речь идет о географе, статистике Василии Петровиче Шибаеве. В 1920-е годы он был секретарем географической секции Русского общества любителей мироведения.

²²¹ Видимо, речь идет о цикле лекций «Общий курс геохимии», который В.И. Вернадский читал в Киевском университете в 1918–1919 гг.

²²² 14 мая 1921 г. СНК УССР принял постановление о Всеукраинской академии наук (ВУАН), которым утверждал положение — фактически, новый, замененный устав Академии. (См. Вісті ВУЦВК. — 1921. Ч. 132. — 21 лип. Перепеч.: Історія Академії наук України. 1918–1923: Документи і матеріали. — К., 1993. — С. 280–282; Правовий статус Академії наук: Історія та сучасність. — К., 1993. — С. 191–194). 8 августа 1921 г. Общее собрание УАН рассмотрело присланный из СНК новый устав Академии — было констатировано, что «в новом уставе нет о подробностях внутренней жизни Академии наук, и что их должна установить сама Академия согласно 6 разделу нового устава...» и решено временно пользоваться «правилами давнишнего устава...». Фактически до 1927–1928 гг. ВУАН продолжала работать по старому, 1918 г., уставу, однако должна была учитывать изменения юридического статуса, ограничение автономии, требования касательно «комиссарского» контроля, утверждения руководства властью, решения с властями вопросов материального и технического обеспечения, финансирования научных работ, зарплаты сотрудников по штатному расписанию.

²²³ Слезкин Петр Родионович (1862–1927), агроном, преподавал в Петровской земледельческой и лесной академии, с 1899 г. профессор Киевского политехнического института; организатор контрольно-семенной станции. В 1919 г. член сельскохозяйственной секции Постоянной комиссии по изучению природных богатств Украины.

²²⁴ Подробнее см.: Т. 1, кн. 1. — С. 268, 580–881, 602; Т. 1, кн. 2. — С. 357.

²²⁵ Председателем Физико-математического отдела УАН был П.А. Тутковский.

²²⁶ Возможно, речь идет о Юрии Александровиче Конисском (1877–1942), брате жены И.А. Малиновского Марии Александровны Малиновской (1870–1941), сыне Александра Яковлевича Конисского. Известно, что Ю.А. Конисский был инженером, перед войной с семьей жил в Ново-Николаевске (Новосибирск). С 1914 г. на фронте (прапорщик). В начале 1922 г. вернулся в Ново-Николаевск, руководил Карской экспедицией. В 1923 г. переехал с семьей в Петроград.

²²⁷ Речь идет об И.А. Малиновском. См. комментарий № 215 к этому разделу.

²²⁸ Лазаревский Николай Иванович (1868–1921), юрист, и.о. товарища министра финансов, сотрудник Министерства внутренних дел Временного правительства, помощник ректора Петроградского университета. Расстрелян за участие в «таганцевском мятеже» (всего казнили 61 человека).

Тихвинский Михаил Михайлович (1864–1921), инженер-технолог, профессор Киевского политехнического института, а с 1917 г. — Петербургского технологического института. Был главным химиком «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель». Давний приятель В.И. Ленина. Расстрелян в сентябре 1921 г. по делу «Петроградской боевой организации» («таганцевский мятеж»), несмотря на ходатайство президента РАН А.П. Карпинского, направленное лично Ленину. (См.: *Вернадский В.И. Дневники: 1921–1925.* — С. 123–124).

²²⁹ Гумилев Николай Степанович (1886–1921), любимый поэт В.И. Вернадского. Расстрелян 25 августа 1921 г. Сам Вернадский так отреагировал на казнь поэта: «В мой мозг, в мой гордый мозг собрались думы», — Н. Гумилев. Убит в момент расцвета.

Гордый мозг не может прожить в коммунистическом рабстве» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1921–1925. — С. 107).

²³⁰ Кто именно был, трудно сказать, но судьбой этого музея В.И. Вернадский интересовался постоянно. (См.: *Вернадский В.И.* Заметки о Полтавской музее // Т. 1, кн. 2. — С. 115–116).

²³¹ См.: АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1734.

²³² В феврале 1921 г. Г.В. Вернадскому с женой удалось перебраться из Турции, куда они попали, покинув Крым, в Грецию. В Афинах они прожили около года. Г. Вернадский поступил на работу в библиотеку Греческой археологической ассоциации, где занимался выявлением и переводом византийских источников. (*Болховитинов Н.Н.* Жизнь и деятельность Г.В. Вернадского (1887-1973) и его архив // *Slavic Research Center Occasional Papers.* — Sapporo; Slavic Research Center Hokkaido University, 2002. — № 82. — С. 16).

²³³ Речь идет о Б.Л. Личкове. См. комментарий № 76 к этому разделу.

²³⁴ Запрет на частное предпринимательство и торговлю был отменен с введением в РСФСР и УССР т. наз. новой экономической политики (нэпа) весной 1921 г.

²³⁵ Речь, очевидно, об акциях участников повстанческого движения, прежде крестьянского, которое вновь активизировалось весной 1921 г. По данным властей, разведка вооруженных сил Украины и Крыма на начало апреля имела сведения о 102 отрядах численностью от 20 до 400–500 человек в каждом, иногда и более, отдельно действовала армия Н. Махно. При этом повстанческо-партизанские отряды поддерживались местным населением. (*Кучер О.О.* Розгром збройної внутрішньої контрреволюції на Україні в 1921–1923 рр. — Харків, 1971. — С. 9–11). Рейды по Украине осуществляли с помощью польской власти отряды Украинской партизанско-повстанческой армии, ее Вольнской группы во главе с генерал-хорунжим, атаманом Юрием Тютюнником. (См.: *Премыслер И.* Разгром бандитизма на Украине (1921) // *Воен.-ист. журнал.* — 1940. — № 9. — С. 38–45; *Ганжа О.І.* Українське селянство в період становлення тоталітарного режиму (1917–1927). — К.: Ін-т історії України, 2000. — 207 с.).

²³⁶ По условиям Рижского мирного договора, для решения спорных вопросов респитуции образовывалась Российско-украинско-польская комиссия из числа экспертов. Группу украинских экспертов возглавил академик Д.И. Багалей. Н.П. Василенко стал членом киевской подкомиссии, на долю которой приходились польские требования о возвращении коллекции Вольнского лицея в Кременце, архивов князей Сангушко из Славуты, актовых книг учреждений Вольнского воеводства, которые хранились в КЦАДА и др. (См. также комментарий № 193 к этому разделу). В контексте работы подкомиссии можно рассматривать и исследование Василенко: *Василенко М.* Кременецкий лицей і Університет святого Володимира: іст.-юрид. розвідка // *Зап. соціал.-екон. відділу УАН.* — К., 1923. — Т. 1. — С. 151–199. Добавим, что в 1926 г. Василенко как эксперт работал вместе с российскими специалистами над решением проблемы возвращения Литве Литовской метрики. (См.: *Василенко М.П.* Избранные произведения в трех томах. — М. 2006–2008. — Т. 3: Воспоминания. Дневники. Переписка. — 2008. — С. 317–318).

²³⁷ Лобода Николай Иванович (1894–1941), историк. В 1921–1924 гг. ректор КИНО, затем в Москве в должности секретаря центрального бюро Секции научных сотрудников. В 1936 г. осужден на 5 лет за контрреволюционную деятельность. В 1941 г. вновь арестован и вскоре без суда расстрелян.

²³⁸ Оглоблин Александр Петрович (1899–1992), историк. С 1921 г. преподаватель КИНО. 1926 г. первым из отечественных историков удостоен ученой степени доктора истории украинской культуры. Во время оккупации Киева возглавлял Киевскую городскую управу (1941), в 1942 г. директор Музея-архива переходного периода в Киеве.

Уехал на Запад, с 1945 г. профессор УВУ в Мюнхене, в 1951 г. переехал в США. В 1970–1989 гг. президент УВАН в США.

²³⁹ Был избран на Общем собрании 3 октября 1921 г. единогласно на кафедру ботаники.

²⁴⁰ Козлов Петр Кузьмич (1863–1935), географ, этнограф, биолог, археолог, ученик и последователь Н. Пржевальского. Исследователь Центральной Азии. В годы гражданской войны работал научным сотрудником в Аскании-Нова. Академик ВУАН (1928).

²⁴¹ Очевидно, речь идет об историке и политике Павле Николаевиче Милюкове (1859–1943). Лидер кадетской партии, депутат III и IV Государственной Думы, министр иностранных дел Временного правительства (март–май 1917 г.). С ноября 1918 г. жил на Западе. В 1921–1940 гг. редактор парижской газеты «Последние новости». Один из самых влиятельных деятелей русской эмиграции. Оставил воспоминания: *Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917)*: в 2-х т. — М., 1990; см. также: *Милюков П.Н. Дневник. 1918–1921.* — М., 2004. — 847 с.

Его дочь Наталья Павловна Милюкова (Старынкевич) (1898–1921) умерла от дизентерии.

²⁴² «Архив русской революции», серийное издание документальных материалов и воспоминаний по истории России периода Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны 1917–1922 гг. Издавался в 1921–1937 гг. в Берлине бывшим членом ЦК кадетской партии, редактором газеты «Речь» Иосифом Владимировичем Гессеном (1865 или 1866–1943). Переиздано в 11 кн. (22 т.) в Москве в 1991–1993 гг.

²⁴³ Речь идет о воспоминаниях Владимира Дмитриевича Набокова (1870–1922), адвоката, одного из основателей кадетской партии, члена ее ЦК, отца писателя В.В. Набокова. В марте 1922 г. был убит в Берлине во время лекции П.Н. Милюкова. *Набоков В.Д. Временное правительство: [Воспоминания] // Архив русской революции, изд. Г.В. Гессеном.* — Берлин, 1921. — Т. 1. — С. 9–96. (Репр.: М., 1991). Другое изд.: *Набоков В.Д. Временное правительство и большевистский переворот / Предисл. М.Я. Геллера.* — London: Overseas Publications Interchange, 1988. — 176 с.

²⁴⁴ Речь идет о проекте «Основ Конституции Российского государства», принадлежавший чеху Карелу Крамаржу (1860–1937), будущему первому премьеру-министру независимой Чехословакии (1918–1919): *Крамарж К. Основы Конституции Российского Государства // Архив русской революции, изд. Г.В. Гессеном.* Берлин, 1921. — Т. 1. — С. 263–287. (Репр.: М., 1991).

²⁴⁵ Митрополит Михаил (В.Ф. Ермаков) (1862–1929), окончил Киевскую духовную академию, 1899 г. хиротонизирован в епископа Новгород-Северского. В июле 1921 г. назначен Синодом и Высшим Церковным Советом патриаршим экзархом Украины. Отказался присоединиться к просоветской «Живой церкви», а также подписать воззвание к верующим и духовенству о безоговорочной выдаче всех церковных ценностей. В 1923 г. арестован, после протестов верующих освобожден и возвращен на кафедру экзарха Украины. В августе 1925 г. был вновь арестован и до июня 1926 г. жил в Москве без права выезда, а затем был сослан в Терскую обл., где находился до сентября 1927 г. После возвращения из ссылки получил разрешение жить в Харькове. Умер в Киеве.

²⁴⁶ Общее собрание 24 октября 1921 г. по ходатайству РАН решило вернуть коллекцию птиц и бабочек профессора П.П. Сушкина (с библиотекой) и коллекцию Андрея Николаевича Авинова (1884–1949) (ИР НБУВ, ф. I, ед. хр. 26231, л. 1).

Сушкин Петр Петрович (1868–1928), зоолог, палеонтолог, профессор Харьковского, Таврического (1918–1920) университетов (по его инициативе в октябре 1920 г. В.И. Вернадский был избран ректором последнего), Сотрудник Геологического и Зоологического музеев АН СССР в Петрограде с 1921 г., академик РАН (1923), академик-секретарь Отделения физико-математических наук АН СССР (1927–1928).

²⁴⁷ Письмо Вернадского пока не найдено.

²⁴⁸ См. комментарий № 152 к этому разделу.

²⁴⁹ Возможно, речь идет о газетной статье: *Ukrájina, Polsko a Rusko // Pravo Lidu*. — Praha, 1920. — № 139. — S. 2–3.

²⁵⁰ Нарком просвещения РРФСР Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933).

²⁵¹ *Шарлемань М.В.* Перший державний степовий заповідник Асканія Нова. — К., 1921. — 8 с.

²⁵² Всеукраїнський православний церковний собор, который состоялся 14–30 октября 1921 г. в Киеве в Софийском соборе, организационно оформил Украинскую автокефальную православную церковь (УАПЦ), объявил недействительным акт от 1686 г. о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату РПЦ. Собор избрал и хиротонизировал руками всех присутствующих пресвитеров, а также протоиерея Василия Липкивского в первого епископа УАПЦ и митрополита Киевского и всея Украины. (Перший Всеукраїнський православний церковний собор УАПЦ 14–30 жовтня 1921 року: Документи і матеріали. — К.; Львів, 1999).

²⁵³ Могила св. митрополита Киевского Макария, убитого татарами 1 мая 1497 г. в с. Стриголов на Припяти во время путешествия из Вильно в Киев, теперь находится во Владимирском соборе.

²⁵⁴ «Вісті Всеукраїнської Академії наук» в то время издавать не получилось. Начали выходить лишь в 1928 г., с 1936 г. «Вісник АН УРСР».

²⁵⁵ Возможно, речь идет о Федоре Михайловиче Морозове (1883–1962), искусствовед, в 1921 г. помощнике ученого секретаря Комиссии по исследованию собора св. Софии.

²⁵⁶ Такого письма В.И. Вернадского до сих пор не найдено.

²⁵⁷ По инициативе В.И. Вернадского и В.Г. Хлопина 1 января 1922 г. постановлением специальной комиссии при Наркомпросе РРФСР был учрежден Государственный Радиевый институт. Директором института был назначен Вернадский, его заместителем — Хлопин.

²⁵⁸ Соколов Иван Иванович (1865–1939), филолог-классик, византист, историк церкви и канонического права. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии. 1919 г. занимал в Киевском университете кафедру византологии. Член Археографической комиссии, сотрудник I отдела УАН по особым поручениям. Вернулся в Петроград, профессор Петроградского богословского института. Работал в Ленинградском институте востоковедения. Арестован 22 декабря 1933 г., в 1934 г. приговорен к 5 годам ссылки в Башкирию. Умер в Уфе.

²⁵⁹ Н.П. Василенко использует написание фамилии — Левицкий, как и в некоторых протоколах Общего собрания ВУАН. Речь идет о Левитском Леониде Макаровиче (1892 — по некоторым сведениям 1973 г.), с сентября 1920 г. заведующем Киевским губернским отделом народного образования, полномочном представителе Наркомпроса в ВУАН, ректоре Киевского медицинского института (1921–1927). В феврале 1922 г. должность полномочного представителя НКО была отменена, но быстро восстановлена в форме уполномоченного Укрнауки, представителя Киевского бюро Научного комитета Укрглавпрофобразования в связи с образованием научно-исследовательских кафедр. В 1930–1932 гг. Левитский — представитель НКО в Совете ВУАН. В 1933 г. был репрессирован, сослан в Казахстан.

²⁶⁰ Василенко указывает температуру по шкале Реомюра, что соответствует 25 °С.

²⁶¹ Вотчал Евгений Филиппович (1864–1937), специалист в области физиологии растений. Профессор Киевского политехнического института (1898–1932). Член Комиссии по выработке законопроекта об учреждении УАН, руководитель кафедры сельскохозяйственной биологии Физико-математического отдела ВУАН (1918). 5 декабря 1921 г.

избран академиком ВУАН на кафедре сельскохозяйственной биологии. Один из основателей Научного института селекции ВУАН, сотрудник Института ботаники АН УССР.

²⁶² Крылов Николай Митрофанович (1879–1955), математик, механик, профессор Петербургского горного института. Инициатор открытия в Крыму филиала Киевского университета, в котором могли бы учиться больные студенты. Профессор Таврического университета. Академик ВУАН (избран 2 января 1922 г. на кафедре математической физики), член-корреспондент АН СССР (1928), академик АН СССР (1929).

²⁶³ Косоногов Иосиф Иосифович (1866–1922), физик, геофизик, метеоролог. Профессор Киевского университета. Член Комиссии по выработке законопроекта об учреждении УАН (с июля 1918 г.), академик кафедры физики Физико-математического отдела ВУАН (со 2 января 1922 г.). Уехал за границу, внештатный академик ВУАН (с июля 1922 г.).

²⁶⁴ Речь идет о Б.Л. Личкове. См. комментарий № 76 к этому разделу.

²⁶⁵ Речь идет о первом этапе денежной реформы 1922–1924 гг. Советское правительство для стабилизации рубля провело две деноминации. В 1922 г. были выпущены государственные денежные знаки РСФСР образца 1922 г. — так называемые совзнаки. Новый 1 руб. приравнивался к 10 тыс. прежних рублей. В 1923 г. были выпущены совзнаки, 1 рубль которых равнялся 1 млн. прежних руб. и 100 руб. образца 1922 г. Одновременно с выпуском совзнаков в конце 1922 г. Госбанк выпустил червонцы, которые предусматривали возможность обмена на золото.

²⁶⁶ Согласно § 21 Устава УАН (1918 г.): «Все издания Академии обязательно должны печататься на украинском языке. Если бы автор пожелал, Академия печатает ту же работу одновременно на другом языке, на котором пожелает автор» (див.: Державний вісник. — 1918. — 26 лист. (№ 78); устав переизд.: Правовий статус Академії наук: Історія та сучасність. — К., 1993. — С. 173–187).

²⁶⁷ Речь о воспоминаниях Сергея Юльевича Витте (1849–1915), российского государственного деятеля, министра финансов (1892–1903), главы правительства (1903–1906), председателя Комитета финансов (до 1915 г.): *Vumme С.Ю.* Воспоминания: Царствование Николая II. — Берлин: Слово, 1922. — Т. 1. — XXXV + 511 с.; Т. 2. Изд. 2-е. — XII + 571 с. (более полные переиздан.: *Vumme С.Ю.* 1) Воспоминания. — М.; Пг.: Гос. изд-во; Тип. «Печать. Двор» в Пг., 1923–1924. — Т. 1–3, 2) Избранные воспоминания, 1849–1911 гг.: В 2-х т. — М., 1997. — Т. 1. 351 с.; Т. 2. 399 с., 3) Воспоминания, мемуары: В 3-х т. — М.; Минск, 2002., 4) Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: [В 2-х т., 3-х кн.]. — СПб., 2003).

²⁶⁸ Речь идет о записке одного из руководителей «Белого движения» Петра Николаевича Краснова (1869–1947): *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции, изд. Г.В. Гессеном. — Берлин, 1921. — Т. 1. — С. 97–190 (Репр.: М., 1991).

²⁶⁹ Речь о воспоминаниях Николая Платоновича Карабчевского (1851–1925), адвоката, писателя и публициста, выдающегося оратора, эмигранта: *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели: [Воспоминания]: В 2-х т. Берлин: Изд. Ольги Дьяковой и К°, 1921. — Т. 1: В детстве. — 167 с.; Т. 2: Революция и Россия. — 168 с. (Переизд. отрывка: — Февральская революция. — М.; Л., 1925. — С. 316–335; — М.; Л., 1926. — С. 316–335; Страна гибнет сегодня. — М., 1991. — С. 154–172).

²⁷⁰ Катков Михаил Мефодиевич (1861 — по некоторым сведениям 1941 г.), юрист, профессор Киевского университета. 1921 г. эмигрировал в Чехословакию. Один из основателей Русского юридического факультета в Праге, где читал лекции по истории римского права.

Якубанис Генрих (Роман) Иванович (Henryk Roman Jakubanis, 1879–1949), специалист по античной философии. Приват-доцент Киевского университета. В 1916–1918 гг. преподавал в польском Университетском коллегіуме. В январе 1922 г. эмигрировал в

Польшу. Профессор Люблинского католического университета. В ноябре 1939 г. арестован, после полугода в заключении — уволен. Умер в Люблине.

Руберт Иван Юльевич (Jānis Ruberts) (1874–1934), офтальмолог, с 1910 г. приват-доцент Киевского университета, в 1919–1921 гг. профессор Киевского медицинского института. С 1922 г. возглавлял кафедру глазных болезней Латвийского университета и стал в 1932 г. основателем Латвийского офтальмологического общества.

Сонни Адольф Израилевич (1861–1922), филолог-классик, заслуженный профессор Киевского университета, профессор Высших женских курсов в Киеве. Умер в Киеве 8 марта 1922 г.

²⁷¹ Писатель Владимир Галактионович Короленко (1852–1921), который приходился троюродным братом В.И. Вернадскому, умер 25 декабря 1921 г.

²⁷² Лобода Андрей Митрофанович (1871–1931), фольклорист, литературовед, этнограф. Профессор Киевского университета, академик ВУАН (с 1922 г.), член-корреспондент РАН (1924), вице-президент ВУАН (1923–1925).

²⁷³ Сушицкий Т.П. [Ф.П.] Західноруські літописи як пам'ятки літератури. — К.: ВУАН, 1921. — Ч. 1. — [4], 136 с. (Зб. Іст.-філол. відділу, ч. 2); Часть 2 этого исследования вышла лишь в 1929 г., а обе части перепечатаны вместе в 1930 г.

²⁷⁴ Соболевский Алексей Иванович (1857–1929), филолог-славист, этнограф, академик Петербургской АН (1900), член Государственного Совета, активный участник правомонархического движения, товарищ председателя Союза русского народа. Подвергался арестам при большевиках.

²⁷⁵ Письмо не найдено.

²⁷⁶ Фамилия прочитана составителями условно. Речь, возможно, об Алексее Петровиче Баранникове (1890–1952), индологе, академике АН СССР (1939). Окончил Киевский университет. В 1921–1928 гг. ученый-хранитель Этнографического отдела Русского музея, профессор Петроградского (Ленинградского) института живых восточных языков и Ленинградского университета.

²⁷⁷ Гревс Иван Михайлович (1860–1941), историк, культуролог, краевед, основатель петербургской школы медиевистики, профессор университета. Близкий друг Вернадского со времен кружка «Братство». Уйдя в 1923 г. из университета из-за несогласия с установками М.Н. Покровского, читал лекции об изучении жизни городов и архитектурных ансамблей. В 1934 г. продолжил работу в Ленинградском университете. *Гревс И.М.* 1) В годы юности. За культуру // Былое. — 1918. — № 12. — С. 42–88; 2) В годы юности. Отрывок 2-й: После студенчества. Наше братство // Былое. — 1921. — № 16. — С. 137–166.

²⁷⁸ Журавковский Анатолий Евгеньевич (1897–1937), священник, проповедник и церковный писатель. В 1920 г. окончил Киевский университет, принял сан священника, в 1923 г. арестован и сослан в г. Краснококшайск (ныне Йошкар-Ола). В 1924 г. освобожден, но в 1930 г. вновь арестован. Прошел тюрьмы, Беломорканал и Соловки. В 1937 г. расстрелян в Карелии. В 1981 г. был причислен к лику святых Русской православной церковью за рубежом.

²⁷⁹ Д.К. Заболотный был официально избран на Общем собрании 6 февраля 1922 г. на кафедру экспериментальной медицины.

²⁸⁰ Речь идет о вертикальных сейсмографах, разработанных выдающимся геофизиком, академиком Петербургской АН князем Борисом Борисовичем Голицыным (1862–1916).

²⁸¹ Косткевич Александр Ипполитович (1865–1922), терапевт, профессор Киевского университета, преподавал в Украинском государственном университете.

²⁸² «Berliner Tageblatt», ежедневная газета либеральной направленности, выходившая в 1872–1939 гг. в Берлине. Редактором в 1906–1933 гг. был влиятельный публицист Теодор Вольф.

²⁸³ Возможно, речь идет о Петре Григорьевиче Ковалевском (1865–1942), профессоре Харьковского ИНО, преподавателе краеведения и трудоведения, научном сотруднике Музея Слободской Украины им. Г. Сковороды.

²⁸⁴ Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931), литературовед, историк, пушкинист, один из издателей журнала «Былое» (1906–1907), «Минувшие годы» (1908). В 1917 г. возобновил издание «Былое», журнал выходил до 1926 г.

²⁸⁵ Корнилов Александр Александрович (1862–1925), историк, автор первого систематического курса истории России XIX в., монографий о М.О. Бакунине. Секретарь ЦК кадетской партии, профессор Петербургского политехнического института (1909–1923). Близкий друг В.И. Вернадского. (См.: *Корнилов А.А.* Воспоминания // Вопросы истории. — 1994. — № 2. — С. 147–159, № 3. — С. 126–152, № 4. — С. 136–149, № 5. — С. 106–124, № 7. — С. 120–139, № 8. — С. 108–128, № 9. — С. 112–122, № 10. — С. 122–157; *Корнилов А.А.* Воспоминания / Публ. М. Сорокиной // Минувшее: Исторический альманах. — М.; СПб., 1992. — Вып. 11. — С. 9–118).

²⁸⁶ С 1921 г. профессором Сорбонны стал Валериан Константинович Агафонов (1863–1955), почвовед и геолог, старый друг Вернадского. В декабре 1921 г. в РАН поступило приглашение от ректора Сорбонны П. Аппеля для В.И. Вернадского прочесть курс лекций в качестве профессора. В январе 1922 г. Вернадский принял приглашение и в мае с женой и дочерью уехал во Францию через Прагу, где находился сын Г.В. Вернадский с женой.

²⁸⁷ На совместном заседании 27 февраля 1922 г. Н.П. Василенко заявил по этому поводу «о снятии с себя всех обязанностей Председателя-президента» (ИР НБУВ, ф. 1, ед. хр. 26244, л. 2). В декабре 1922 г. Н.П. Василенко избран председателем 3-го, Социально-экономического, отдела ВУАН.

²⁸⁸ См. комментарий № 259 к этому разделу.

²⁸⁹ Избрание нового президента состоялось 27 марта 1922 г. О.И. Левицкий получил 16 голосов «за» и 4 «черных шара».

²⁹⁰ Избрание состоялось 27 марта 1922 г. — А.Н. Гиляров был избран по кафедре философии права; И.И. Косоногов (о нем. см. комментарий № 263 к этому разделу) — по кафедре физики.

Гиляров Алексей Никитич (1855, по другим данным 1856 — 1938), знаток античной философии. Окончил Московский университет, профессор Киевского университета и Высших женских курсов. Академик ВУАН (1922). Сторонник и последователь пансихизма Г. Фехнера. После 1927 г. труды Гилярова как философа-идеалиста не издавались. Сын известного славянофила, публициста, ученого Н.П. Гилярова-Платонова.

²⁹¹ Генуэзская конференция (10 апреля — 19 мая 1922 г.) не завершилась легитимацией Западом Советской России, которая отказалась признать все финансовые обязательства дореволюционного времени, а также западные убытки в годы революции и гражданской войны.

²⁹² 28 марта 1922 г. В.Д. Набоков был убит во время лекции П.Н. Милюкова «Америка и восстановление России» в здании Берлинской филармонии. Набоков попытался нейтрализовать черносотенца, который стрелял в Милюкова, но был застрелен напарником нападающего.

²⁹³ Это письмо не найдено в архиве В.И. Вернадского в АРАН (ф. 518).

²⁹⁴ Лекции по геохимии, которые Вернадский читал в Сорбонне в 1922–1923 гг., были изданы на французском языке в 1924 г.: *Vernadsky V.* La géochimie. — Paris: Alcan, 1924. — 404 p.

²⁹⁵ Возможно, речь идет о статье: *Vernadsky V.I. A plea for the establishment of a bio-geochemical laboratory // The Marine Biological Station at Port Erin (Isle of Man) Annual Report: Transact. of the Liverpool Biol. Soc. — 1923 — V. 37. — P. 38–43.*

²⁹⁶ В ссылке Вернадского речь идет о кн.: *Lacroix A. Minéralogie de Madagascar: Vol. 1–3. — Paris: Challamel, 1922–1923. — Vol. 1. — 624 p.; Vol. 2. — 694 p.; Vol. 3. — 450 p.*

Cayeux L. Introduction à l'étude Pétrographique des Roches Sédimentaires / par M. Lucien Cayeux: V. 1–2. — Paris, 1916.

²⁹⁷ Г.В. Вернадский с женой в январе 1922 г. приехал из Греции в Прагу и сразу же включился в работу по организации российских научно-образовательных учреждений. Он стал профессором юридического факультета Карлова университета, даже опубликовал учебные пособия по истории русского права XVIII–XX вв. Но под влиянием лекций и общения с Н.П. Кондаковым укрепился интерес Г.В. Вернадского к изучению Византии и Востока. (См.: *Болховитинов Н.Н. Жизнь и деятельность Г.В. Вернадского (1887–1973) и его архив // Slavic Research Center Occasional Papers. — Sapporo; Slavic Research Center Hokkaido University, 2002. — № 82*). Нина Владимировна Вернадская училась на медицинском факультете Карлова университета.

²⁹⁸ Подробнее см.: *Письма В.И. Вернадского детям / Публ. М.Ю. Сорокиной // Природа. — 2004. — № 1. — С. 64–80.*

²⁹⁹ В.И. Вернадский поздравил Н.П. Василенко с бракосочетанием с Натальей Дмитриевной Полонской, которое состоялось в конце апреля 1922 г. Далее в письмах к Василенко часто будут слова приветствия жене — Н.Д. (Нат. Дм., др. формы). О ней подробнее далее — комментарий № 548 к этому разделу.

³⁰⁰ Вернадский отложил возвращение в Петроград и в дальнейшем. В июне 1924 г. для работ по живому веществу он получил субсидию на год от созданного предпринимателем российского происхождения Л. Розенталем Фонда (отчет по этому исследованию был представлен как брошюра «*La matière vivante dans la biosphère*», которая была опубликована в русском переводе через 70 лет: *Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. М.: Наука, 1995. — С. 555–602*). В сентябре 1924 г. из-за нарушения сроков возврата Вернадский был даже исключен из членов АН СССР, но в октябре 1925 г. восстановлен в этом звании. В марте 1926 г. он с женой вернулся в Ленинград. В Праге осталась дочь Нина Владимировна, которая вышла замуж.

³⁰¹ Фурнье Д'Альба Эдмунд Эдвард (1868–1933), ирландский лингвист, философ, физик, эсперантист, изобретатель оптофона. В 1923 г. первым в мире беспроводным способом передал фотографию (изображение короля Георга V).

³⁰² *Василенко М.П. Академік Орест Іванович Левицький, 9 травня (26 квітня) 1922 р. // Зап. соціал.-екон. відділу УАН. — К., 1923. — Т. 1. — С. XVI–XCVIII; Он же. Кременецький ліцей і Університет святого Володимира: іст.-юрид. розвідка // Там же. — С. 151–199.*

³⁰³ См. комментарий № 203 к этому разделу.

³⁰⁴ Речь идет об А.В. Корчак-Чепурковском. См. комментарий № 106 к этому разделу.

³⁰⁵ Позже, в 1941 г., Вернадский записал в «Хронологии»: «10 января (1926 г.) свадьба в Праге Ниночки с Николаем Петровичем Тол (л)ем. Этот брак не стал тем, которого бы мы хотели. Мы оба с Наташей были на свадьбе. Свадьба была в церкви, общей для гуситов и православных. Теперь, когда прошло 15 лет, можно судить обо всем иначе. Оба брака детей дали им счастье, но для нас обоих настоящей близости с зятем и невесткой нет. Я считаю Н[иколая] П[етровича] лучшим человеком, чем Нину Верн[адскую] (невестка). Это человек честный, умный, преданный науке. Его первая

жена, теперь Владимірова, живе в г. Владиміре и иногда бывает у нас. По существу брак Ниночки дал много ей хорошего, и странно мне не быть довольным. Они довольны друг другом, и по существу ничего нельзя сказать. 11.ІІ.1941» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — М.: Наука, 2001. — С. 13).

Толль (Толь) Николай Петрович (1894–1975), был полковником-артиллеристом в Белой армии. В Праге окончил философской факультет Карлова университета, получил докторскую степень, археолог, в 1932–1938 гг. директор Института им. Н.П. Кондакова, с 1939 г. в США, занимал кафедру иранистики в Йельском университете.

³⁰⁶ Почти трехлетний перерыв в переписке можно, очевидно, объяснить пониманием обоих корреспондентов нецелесообразности писать Василенко за границу в условиях преследования его властями по обвинению в контрреволюционных действиях и связях с эмиграцией. Отметим также, что в письмах к Вернадскому после возвращения того из заграницы Василенко ни разу не пытается рассказать о своей судьбе в эти годы. О тяжелых годах, на которые пришлось арест в сентябре 1923 г., суд и приговор в апреле 1924 г. по делу «Киевского областного центра действия», тюрьма, освобождение, почти полуторагодовая борьба жены Н.Д. Полонской-Василенко за амнистию, возвращение к труду и др. см.: *Вороненко В.В., Кістерська Л.Д., Матвєєва Л.В., Усенко І.Б.* Микола Прокопович Василенко. — К., 1991. — 272 с.; *Усенко І.Б.* Етапи життя і творчості М.П. Василенка // *Вибрані твори у трьох томах.* — К., 2006. — Т. 1: Історичні праці. — С. 5–24; *Вєрба І.В.* Життя і творчість Наталії Полонської-Василенко (1884–1973). — Ніжин, 2008. — С. 99–103; *Полонська-Василенко Н.* Спогади. — К.: Видавн. дім «Києво-Могилянська академія», 2011.

³⁰⁷ Речь идет о создании Академии наук СССР на базе Российской АН на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 г. К торжествам, приуроченным к 200-летию Академии наук в России, которое отмечалось 5 сентября 1925 г., уже был принят и новый устав АН СССР.

³⁰⁸ Речь идет о плане создания Ботанического сада при УАН. Его должны были разместить на землях Голосеевского леса, однако окончательно разрешения от властей на это не удалось получить. Лишь осенью 1935 г. для ботанического сада при Институте ботаники АН УССР выделили участки площадью в 117 га на склонах Днепра, на Зверинце (ныне Национальный ботанический сад им. Н. Гришко НАН Украины).

³⁰⁹ В.А. Кистяковский, не получив должных условий для научной работы в Киеве, вернулся в Петроград, а в 1924 г. был избран членом-корреспондентом РАН.

³¹⁰ О.И. Левицкий умер 9 мая 1922 г., пробыв президентом ВУАН менее двух месяцев. Должность на кафедре обычного права Украины осталась вакантной. И.А. Малиновский, который был освобожден досрочно от отбывания наказания в России, вновь избран академиком ВУАН 6 апреля 1925 г. В январе 1926 г. он переехал в Киев.

³¹¹ Гуляев Алексей Михайлович (1863–1923), юрист, профессор Киевского, Московского университетов, академик ВУАН (с 1923 г.).

Гордон Владимир Михайлович (1871–1926), юрист, основатель харьковской научной школы правоведов. Профессор Харьковского, Таврического университетов, Харьковского института народного хозяйства, академик ВУАН (с 1925 г.).

³¹² Речь идет о влиянии и самовласти в Петербургской АН И.Д. Шумахера (1690–1761), много лет фактически правившего Академией, которого М.В. Ломоносов назвал «бичом для профессоров».

³¹³ См., например: *Гирич І.Б.* 1) М. Грушевський і С. Єфремов (до історії наукових, літературних і особистих взаємин) // *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки.* — К., 1994. — № 3. — С. 65–75; 2) М. Грушевський і С. Єфремов на тлі суспільно-політичного життя кін. ХІХ — 20-х рр. ХХ ст. // *Укр. історик.* — 1996. — Ч. 1–4(128–131). — С. 142–187.

³¹⁴ [Грушевський М.С.] Всеукраїнська Академія Наук (ВУАН) // Україна. — 1925. — № 1/2. — С. 211–221. В этой статье, в частности, критиковалась концепция созданной в период гетманата П. Скоропадского Академии, которая, по оценке автора, была «чужим обрусительным ростком», некорректно обвинялись академики-основатели УАН в неучастии в украинской научной и общественной работе. (Подробнее о разных подходах Грушевского и Вернадского к концепции УАН см., в частности: *Сохань П.С., Ульяновський В.І., Кіржаєв С.М.* М. С. Грушевський і Academia: Ідея, змагання, діяльність. — К., 1993. — С. 43–54; 82–83). Добавим: в сентябре 1942 г. Вернадский записал в дневнике, что «все собирался прочитать — но не прочел до сих пор» статью Грушевского в «Україні» (*Вернадский В.І.* Дневники: июль 1941 — август 1943 гг. — М., 2010. — С. 268).

³¹⁵ Воспоминания В.И. Вернадского об учреждении УАН см.: Т. 1, кн. 1. — С. 543–567; 641–665.

³¹⁶ На Общем собрании Академии в марте 1926 г. ее президент В.И. Липский прочитал заметку из газеты «Известия» за 9 марта 1926 г. о том, что в Ленинград вернулся «знаменитый русский геолог и минералог академик Вернадский». Общее собрание УАН постановило направить Вернадскому, который «играл значительную роль в создании Академии наук и был ее первым Президентом», телеграмму с поздравлениями по поводу его возвращения, выразив надежду, что он «снова станет в теснейшую связь с Украинской Академией наук» (*Ситник К.М., Апанович Е.М., Стойко С.М.* В.И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине. — 2-е изд. испр. и доп. — К.: Наук. думка, 1988. — С. 110).

³¹⁷ *Василенко М.П.* Як скасовано Литовського Статута (з історії кодифікації західно-руського та українського права) // Зап. соціал.-екон. відділу УАН. — 1926. — Т. 2/3. — С. 232–316 (отд.: К., 1926. — 85 с.). Переизд. в кн.: *Василенко М.П.* Вибрані твори у трьох томах. — К., 2006. — Т. 2: Юридичні праці. — С. 286–354.

³¹⁸ Речь идет о Г.Е. Старицком и Г.В. Вернадском. См. комментарии № 122 и № 50 к этому разделу.

³¹⁹ Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева существует в Париже 1875 г. Финансовую помощь ей оказывает парижская мэрия.

³²⁰ В.И. Вернадский вспомнил отчет о работе Комиссии по делам высшей школы и научных учреждений Украины, секретарем которого был Б.Л. Личков (отчет не был напечатан). Однако вопросом создания Академии занималась другая комиссия, секретарем которой был В.Л. Модзалевский, и материалы этой комиссии были опубликованы. (См.: Збірник праць Комісії для вироблення законопроекту про заснування Української Академії наук у Києві. — К., 1919. — IV, 88, XXXIV с.; издан также русскоязычный вариант — Сборник трудов Комиссии по выработке законопроекта об учреждении Украинской Академии наук в Киеве. — К., 1919. — 136 с.; в 1918 г. была отдельно напечатана пояснительная записка министра народного просвещения и искусства Н.П. Василенко в Совет министров Украинской Державы относительно законопроекта об учреждении УАН. — Перепеч. в: Історія Академії наук. Документи і матеріали: В 3-х т. — Т. 1: 1918–1923 pp. — К., 1993. — С. 148–161).

³²¹ Речь идет о кн.: *Дорошенко Д.І.* Історія України, 1917–1923 р.: [в 2т.]. Т. 1.: Доба Центральної Ради. — Ужгород, 1923. — 437, XXI с.; Т. 2: Українська Гетьманська Держава 1918 року. — Ужгород, 1930. — 424, LXXXVI с. (переизд. с передисл. и комент. К.Ю. Галушка. — К., 2002). См. также: *Дорошенко Д.І.* Мої спомини про недавнє минуле, (1914–1918): (в 4-х ч.). Ч. 3: Доба Гетьманщини, (1918). — Л.: Червона Калина, 1923. — 122 с. Можно предположить, что Вернадский каким-то образом общался с Д. Дорошенко, когда почти за 4 года до издания (Ужгород, 1930) знал о главе в

книге украинского эмигранта. В архиве В.И. Вернадского (АРАН, ф. 518) нет писем Д.И. Дорошенко.

³²² См. комментарий № 151 к этому разделу.

³²³ Философская лирика Ф. Тютчева, его поэтические образы вдохновляли В.И. Вернадского в его научном осмыслении единства мироздания, развития в системе «природа — общество — человек». Строки поэта Вернадский неоднократно цитировал в своих научных трудах. Эпиграфом к первому очерку книги академика «Биосфера» (Л., 1926) — «Биосфера и космос», стали, например, строки:

«Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе».

³²⁴ В пражский период жизни Г.В. Вернадский знакомится с П.М. Савицким, одним из идеологов евразийского течения. В рамках этого течения Г.В. Вернадский пишет работу «Начертание русской истории с евразийской точки зрения» (1927 г.). Сам Георгий Владимирович десятилетием позже отмечал: «Вся Евразия как целое должна рассматриваться, как единое историческое месторазвитие. Процесс заселения и объединения русским народом обширной территории Евразии нельзя понять иначе, как на основе концепции Евразии, как особого историко-географического мира. В этом смысле и нужно видеть в Евразии, как в целом, историческое месторазвитие русского народа» (*Вернадский Г.В.* Краткое изложение евразийской точки зрения на русскую историю — рукоп. Цит. по: *Козляков В.Н.* Георгий Владимирович Вернадский (1887–1873) и его «Очерки по русской историографии» // *Вернадский Г.В.* Русская историография. — М., 1998. — С. 13).

³²⁵ Г.В. Вернадский был активным участником и одним из организаторов знаменитого Кондаковского семинариума в Праге, который позже превратился в институт. На III съезде русских академических групп в Праге 25 сентября 1924 г. в день его открытия Г.В. Вернадский выступил с речью «О значении научной деятельности П.Н. Кондакова. К 80-летию со дня рождения, 1844 — 1 ноября 1924». Издан отдельной брошюрой в Праге в 1924 г.

Сборник статей, посвященный памяти Н.П. Кондакова = *Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N.P. Kondakov: Archeologie. Histoire de l'art. Etudes byzantines.* — Prague: *Seminarium Kondakovianum*, 1926. — 295 p.

³²⁶ Еще в 1924 г. В.И. Вернадский писал сыну: «По вопросу об Украинской Академии Наук ты, мне кажется, не прав. Нельзя ее сравнивать с Российской, которая и сейчас стоит вне сравнения со всеми — закордонными и внутрирусскими научными русскими организациями. И сейчас я вижу, что ее научная работа — и качественно, и количественно — вполне сравнима с такими большими европейскими организациями, как *Institut de France* или *Kaiser Wilhelm Institute*. А Украинская Академия, начатая среды революции и работающая в советских условиях, все сделала и делает большую работу» (Письма В.И. Вернадского детям / Публ. М.Ю. Сорокиной // *Природа.* — 2004. — № 1. — С. 77).

³²⁷ *Дорошенко Д.И.* Огляд української історіографії. Держав. школа: Історія. Політологія. — Прага, 1923. — XXX, 255 с. (переизд.: К., 1996).

³²⁸ *Вернадский Г.В.* Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года: Историко-юридический очерк. — Прага: Русская юридическая секция, 1925. — III, 263, VIII, IV с. (Литогр. издание). Из-за недостатка средств опубликовать книгу, как следует, не удалось. В 1933 г. после авторских исправлений и дополнений Серж Ольденбург перевел эту книгу на французский, и она получила распространение не только в Европе, но и в США: *Vernadsky G.* La charte constitutionnelle de l'empire Russe de l'an 1820 / Trad. du russe par Serge Oldenbourg. — Paris: Librairie du Recueil Sirey, 1933. — VIII, 283 p. (См.: *Болховитинов Н.Н.* Жизнь и деятельность Г.В. Вернадского... — С. 21).

³²⁹ Речь идет о князе Репнине (Репнине-Волконском) Николае Григорьевиче (1778–1845), малороссийском генерал-губернаторе (1816–1834), которого некоторые исследователи считают украинским автономистом. О нем см.: *Павловский И.Ф.* К истории Малороссии во время генерал-губернаторства кн. Н.Г. Репнина (Очерки, материалы и переписка по архивным данным) // Тр. Полтав. губ. учен. архивн. комиссии. — Полтава, 1905. — Вып. 1. — 214 с. (Переписка Н.Г. Репнина — С. 124–154) и другие работы Павловского; *Шандра В.С.* Малоросійське генерал-губернаторство в період урядування М.Г. Репніна (1816–1834) // Укр. іст. журн. — 2000 — № 4. — С. 79–90; № 5. С. 78–88.

Что касается архива, — вопрос о местонахождении яготинского архива семьи Репниных остается открытым. (См.: *Чикаленко-Келлер Г.* Репніни та Яготинська бібліотека // Науковий збірник УВАН. — Нью-Йорк, 1953. — С. 138–152. Перепеч.: Бібліотечний вісник. — 1993. — № 1/2. — С. 39–53).

³³⁰ Речь идет о С.А. Ефремове. См. комментарий № 177 к этому разделу.

³³¹ Речь идет об Анне Георгиевне Старицкой, племяннице Н.Е. Вернадской.

³³² С 1921 г. семья Вернадских проживала в одной квартире с семьей историка-византолога академика Федора Ивановича Успенского (1845–1928) в «доме академиков» (Васильевский остров, 7-я линия, д. 2). В марте 1920 г. Ф.И. Успенский обращался в Совет РАН «в надежде, что будут приняты хотя бы некоторые меры, дабы дать мне покой в моем скромном помещении из двух комнат». «Вот уже пять дней, — писал Ф.И. Успенский, — как квартира академика В.И. Вернадского, временно занимаемая мной, подвергается ежедневном разгрому. Все помещения осматриваются, ящики и сундуки взламываются, все в них содержимое переносится в особые корзины и ящики и запечатывается (...) Разбрасывают вещи и делают существование как для меня, так в особенности для моей больной жены отягощающим. По ошибке или по излишней ревности в опись попали и мои собственные драгоценные рукописи ...» (цит. по: *Лебедева Г.Е., Якубский В.А.* К истории изучения творческой биографии академика Ф.И. Успенского (петроградский-ленинградский период жизни Ф.И. Успенского, судьба научного наследия) // Античная древность и средние века. — Екатеринбург, 2004. — Вып. 35. — С. 258).

³³³ См. письмо А.Е. Крымского от 22 февраля 1926 г. во второй книге этого издания.

³³⁴ В архиве В.И. Вернадского сохранилось сопроводительное письмо от канцелярии неперменного секретаря ВУАН от 30 марта 1926 г., в котором перечислены названия отправленных 54 изданий Академии (АРАН, ф. 518, оп. 4. д. 101, л. 1).

³³⁵ *Титов Х.І. [Ф.І.]* Стара вища освіта в Київській Україні XVI — поч. XIX в.: із 180 мал. / Передм. А.Ю. Кримського. — К.: УАН, 1924. — II, (13–432) с.: — (Зб. іст.-філол. від.; № 20).

Грушевська К.М. З примітивної культури. — К.: Держвидав України, 1924. — 224 с. (Предисловие к книге — о деятельности Украинского социологического института — написал академик М. С. Грушевский).

³³⁶ Очевидно, речь идет о кн.: *Багалій Д.І.* Нарис української історіографії. — К.: Друкарня Української Академії Наук, 1925. — Т. 1, вип. 2: Джерелознавство. — 108 с.

³³⁷ Возможно, речь идет о: Російсько-український словник. Т. 1. — К.: Червоний шлях, 1924. — XIV, 290 с. (Зб. іст.-філ. відділу ВУАН; № 24).

³³⁸ Видимо, речь идет о: *Резанов В.* Драма українська: Старовинний театр український. Вип. 1: Вступ. Сценічні виставки в Галичині. — К., 1926. — 204 с. (Зб. іст.-філ. відділу ВУАН; № 7); *То же.* — Вип. 3: Шкільні дійства великодняго циклу: Дод. — К., 1926. — 394 с.

³³⁹ Збірка матеріалів до історії Лівобережної України та українського права XVII–XVIII вв. / Підг. М. Василенко // Укр. археогр. зб. — К., 1926. — С. 50–164.

³⁴⁰ Бялиницький-Біруля Алексей Андреевич (1864–1937), зоолог і художник-пейзажист, професор Ленінградського університету, директор Зоологічного музею АН СРСР, дослідник Арктики.

³⁴¹ Коковцов (Коковцев) Павел Константинович (1861–1942), востоківед-гебраїст, семітолог, ординарний академик Петербургської АН з 1912 г., однокласник В.І. Вернадського по Петербургській гімназії. Закінчив факультет східних мов Петербургського університету.

³⁴² Академик Н.Ф. Беляшевський помер 21 квітня 1926 г. О нем см. коментарій № 107 к цьому розділу.

³⁴³ Ханенко Богдан Іванович (1850–1917), підприємця, меценат. Голова Товариства цукрових і рафінованих заводів братів Терещенко. На базі власних колекцій створив Київський художньо-промисловий і науковий музей (1904), збирання творів мистецтва заповідав Києву.

³⁴⁴ Щербаковський Даниїл Михайлович (1877–1927), археолог, музейний діяч, історик мистецтва. Голова історико-життєвого і етнографічного (в подальшому — народного мистецтва) відділу в Київському історичному музеї (1910–1927), зібрав цінну колекцію. Організатор Української державної академії мистецтв. Протиборствовав розрушенню музею спеціальними комісіями ЧК, досягнув повернення з Москви і Петрограда в Київ близько 5000 речей. Через переслідування покінчив життя самогубством.

³⁴⁵ По цьому питанню см.: *Ульяновський В.І.* Бібліотека «знань» і технологія праці Володимира Іконнікова // *Студії з архівної справи та документознавства.* — К., 2004. — Т. 11. — С. 224–238.

³⁴⁶ Личность не установлена.

³⁴⁷ Можливо, мова йде про якийсь видання історика Василя Івановича Семевського (1848–1916) або його брата, історика і видавця журналу «Русская старина» Михайла Івановича Семевського (1837–1892).

³⁴⁸ Платонов Сергей Федорович (1860–1933), історик, академик РАН, був директором Бібліотеки АН з 1925 по 1928 г.

³⁴⁹ Марр Николай Яковлевич (1864/1865–1934), востоківед і лінгвіст, академик РАН, був директором Державної публічної бібліотеки з 1924 по 1930 г.

³⁵⁰ Речь идет о Б.Л. Личкове. См. комментарий № 76 к этому разделу.

³⁵¹ В виданні, надрукованому російською мовою (за старою дореволюційною граматицею), додана сторінка змісту і передмова (с. I–II) від УАН українською, набрано також українське названня — форзац. Інтересно, що в передмові, написаній невідомим секретарем ВУАН А.Є. Кримським і датованою 1 липня 1924 г., вказано, що ця книга врятована від попадання в макулатуру киевськими Губполітобразованням і Губполітконтролем (реверанс в бік влади і вдячність невідомому секретарю) — листи книги були віддруковані, але не сфальшовані. Відносно повноти книги А.Є. Кримський вказав, що дослідження Ф.І. Титова «безумовно, повинно складатися з двох частин» — та, що віддрукована і збережена, завершується в основному історією Київської академії в 1819 г. і «має вповні самостійний інтерес». Другої ж частини — після перетворення згаданої в Духовну академію — немає, і Кримський пропонує особливо не жаліти, тому що, «якщо б вона збереглася, то тепер би виглядала як дивовижний, навіть сміхотворний анахронізм».

³⁵² *Vernadsky V.I. L'autotrophie de l'humanité // Revue générale des Sciences.* — Paris, 1925. — Vol. 36, № 17/18. — P. 495–502.

³⁵³ Праці Комісії для вивчення історії західноруського та українського права / Під ред. М.П. Василенка. — К., 1925. — Вип. 1. — X, 182 с.; К., 1925. — Вип. 2. — XIV, 306 с.

³⁵⁴ В.И. Вернадский получил приглашение на II Всесоюзный геологический съезд, который состоялся в Киеве 30 сентября — 6 октября 1926 г. Его избрали председателем съезда. Это был первый приезд В.И. Вернадского в Киев после 1919 г.

³⁵⁵ В.И. Вернадский с женой отдыхал в Ессентуках с 15 июля по 20 сентября 1926 г.

³⁵⁶ Неёлова Лидия Александровна, двоюродная сестра В.И. Вернадского, дочь его тетки по материнской линии Елизаветы Петровны Неёловой (в девичестве Константинович) (1824–1889). Умерла в глубокой старости в Киеве во время немецкой оккупации в 1941 или в 1942 г. Владимир Иванович материально помогал ей до начала войны. (См. также переписку В.И. Вернадского с В.И. Липским во второй книге этого издания).

³⁵⁷ См. письмо В.И. Вернадского к А.Е. Крымскому от 13 февраля 1927 г. во второй книге этого издания.

³⁵⁸ Ювілейний збірник на пошану Академіка Дмитра Івановича Багалія з нагоди сімдесятої річниці життя та п'ятдесятих роковин наукової діяльності. — К.: 3 друкарні Української Академії Наук, 1927. — XI, 1187 с., розд. паг. См. также: Ювілей академіка Дмитра Івановича Багалія (1857–1927) / Упоряд.: М.З. Левченко. — К.: Друк. Всеукр. АН, 1929. — XX, 218 с. (Зб. іст.-філол. відділу ВУАН; № 626).

³⁵⁹ Речь идет о неизбрании Е.В. Оппокова академиком во время предварительного голосования во 2-м отделении УАН. Подробнее см. письмо Е.В. Оппокова к В.И. Вернадскому от 30 ноября 1926 г. во второй книге этого издания.

³⁶⁰ Очевидно, Ланге Октавий Константинович (1883–1975), гидрогеолог и геолог, в 1919–1924 гг. хранитель Геологического музея Московского университета, профессор Среднеазиатского (позже Ташкентского) университета, Среднеазиатского политехнического института, Московского университета.

³⁶¹ В 1921 г. В.И. Вернадский инициировал создание Комиссии по истории науки. Постановление о создании такой комиссии, впоследствии получившей название Комиссии по истории знаний, было принято на Общем собрании РАН 14 мая 1921 г. Но отъезд Вернадского в длительную заграничную командировку прервал работу комиссии. 6 декабря 1924 г. Общее собрание постановило «закрыть КИЗ». По возвращении в Ленинград Вернадский ставит вопрос о возобновлении работы комиссии. Первое заседание КИЗ состоялось 14 ноября 1926 г. На нем Вернадский сделал доклад «Мысли о современном значении истории знаний». Вернадский был председателем комиссии до 1931 г. Издания: Труды Комиссии по истории знаний. Л., 1927–1931. Вып. 1–11. На базе КИЗ в 1932 г. создан Институт истории науки и техники АН СССР. Подробнее см. Комиссия по истории знаний, 1921–1932 гг.: Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сб. документов / Сост. В.М. Орел, Г.И. Смагин. — СПб., 2003. — 765 с.

См. также: *Вернадский В.И.* 1) Записка о необходимости возобновления работ Комиссии по истории знаний // Изв. АН СССР. — Сер. 6. — 1926. — Т. 20, № 18. — С. 1692–1694, 2) Мысли о современном значении истории знаний: Докл., прочит. на 1-м заседании Комис. по истории знаний 14 окт. 1926. — Л.: Изд-во АН СССР, 1927. — 17 с. (Тр. Комис. по истории знаний; Вып. 1). 3) Памяти академика К.М. фон Бэра // Первый сборник памяти Бэра. — Л.: Изд-во АН СССР, 1927. — С. 1–9. — (Тр. Комис. по истории знаний; Вып. 2).

³⁶² 2 января 1927 г. в помещении Библиотеки Академии наук СССР (Биржевая линия, 1) открылась выставка в память одного из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии академика Карла Максимовича Бэра (1792–1876) по случаю столетия со дня его избрания членом-корреспондентом АН. В.И. Вернадский выступил с речью на открытии выставки. Основные торжества, посвященные памяти Бэра, было решено провести 27 августа 1928 г. Однако торжество состоялось 20 марта.

³⁶³ Торжественное заседание Академии наук, посвященное 200-летию со дня смерти Исаака Ньютона, состоялось 21 марта 1927 г. Был издан сборник: Ньютон, 1727–1927. — Л., 1927. — 73 с.

³⁶⁴ *Василенко Н.П.* 1) О.М. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии // Киев. старина. 1903. — № 1. — С. 1–52, № 2. — С. 295–322; № 3. — С. 462–491, № 5. — С. 315–346; № 10. — С. 140–152; № 11. — С. 389–430; № 12. — С. 699–735. (отд.: К., 1904. — 231 с.; переизд. в кн.: *Василенко М.П.* Вибрані твори у трьох томах. — К., 2006. — Т. 1: Историчні праці. — С. 352–384); 2) О. Бодяньський і його поетична творчість // Україна. — 1914. — Кн. 4. — С. 25–41; 3) Академік Орест Іванович Левицький, 9 травня (26 квітня) 1922 г. // Зап. соціал.-екон. відділу. — 1923. — Т. 1. — С. VIII–XI; 4) Кременецький ліцей і університет св. Володимира: іст.-юрид. розвідка // Там же. — С. 151–199.

³⁶⁵ Очевидно, речь идет об Иване Адамовиче Красуском (1866–1937), химике, инженере-технологе. Профессор Харьковского университета, ректор Харьковского технологического института (1919, 1922), директор Украинского института прикладной химии (1923–1927).

³⁶⁶ Савченко Федор Яковлевич (1892 — после 1938 г.), историк. При содействии М. Грушевского вернулся 1925 г. в Украину из-за границы, где учился. Был членом возглавляемой академиком Научно-исследовательской кафедры истории Украины при ВУАН; возглавлял также Комиссию западоведения и америковедения. В 1931 г. арестован по делу «Украинского национального центра»; в 1932 г. приговорен к 5 годам лишения свободы. После политизаторов переехал в г. Саратов, где преподавал английский и итальянский языки в средних учебных заведениях. В 1937 г. арестован вторично; дальнейшая судьба неизвестна (предположительно, погиб в заключении).

³⁶⁷ *Василенко М.П.* Територія України XVII віку: (Розвідка з історії права) // Ювілейний збірник на пошану академіка Дмитра Івановича Багалія з нагоди сімдесятої річниці життя та п'яти-десятих роковин наукової діяльності (ВУАН. 36. іст.-філол. відділу; № 51). — К., 1927. — Ч. 1. — С. 112–132.

Василенко М.П. «Права, по которым судится малороссийский народ» як джерело до історії державного права України XVIII в. // Ювілейний збірник на пошану академіка Михайла Сергійовича Грушевського. З нагоди шістдесятої річниці життя та сорокових роковин наукової діяльності (ВУАН. 36. іст.-філол. відділу; № 76). — К., 1928. — Т. 1. — С. 245–252.

³⁶⁸ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942), историк-медиевист. Профессор МГУ. В 1920-е годы директор Института истории РАНИОН, член-корреспондент (с 1924 г.), академик (с 1929 г.) АН СССР.

³⁶⁹ Действительно, мать академика Грушевского Глафира Захаровна Оппокова (Грушевская) (1847–1918) была родной сестрой Владимира Захаровича Оппокова, отца Е.В. Оппокова.

³⁷⁰ Очевидно, Лаппо Иван Иванович (1869–1944), историк, профессор Юрьевского университета (1905–1919), в 1921–1933 гг. приват-доцент юридического факультета Русского народного университета в Праге, в 1933–1940 профессор Университета Витаутаса Великого в Каунасе. (См. его: *Ланно И.И.* Литовский статут 1588: В 2-х т., Каунас, 1934–1938).

³⁷¹ Грабарь Владимир Эммануилович (1865–1956), правовед. Академик ВУАН (с 22 ноября 1926 г.), друг Вернадского. С 1923 г. профессор МГУ, консультант Наркомата внешней торговли СССР. С избранием 1926 г. академиком ВУАН по кафедре международного права предполагалось, что ученый будет штатным академиком, хотя и жить будет постоянно в Москве, а в Киев периодически наезжать для научной работы и участия в академических мероприятиях. Однако Наркомпрос УССР отказал ему в этом.

³⁷² Огромная библиотека Киевского университета была разделена: часть осталась в ИНО, а также передавалась в другие вузы, но самая ценная с научной точки зрения часть — как единый комплекс основного фонда литературы XVII–XIX вв. — была присоединена к ВБУ в 1927 г. и последующие 3 года с учетом достройки помещения Библиотеки на ул. Владимирской.

³⁷³ Летом 1926 г. В.И. Вернадский получил приглашение прочесть курс лекций в Карловом университете в Праге, однако командировка состоялась лишь в феврале–апреле 1928 г. В мае 1927 г. В.И. Вернадский был в командировке в Германии и Норвегии сроком на 3 месяца. Поездка началась с участия в «Неделе советской науки» в Берлине (19–26 июня), где Владимир Иванович выступил с докладами «Геохимическая энергия жизни в биосфере» и «Каолиновое ядро в земной коре». Первый доклад был напечатан: *Wernadskij W. Über die geochemische Energie des Lebens in der Biosphaere // Zentralblatt für Mineralogie, Geologie und Paläontologie.* — Stuttgart, 1928. — Abt. B. 11. — S. 583–594. (Рус. издание в кн.: Биогеохимические очерки. — М.; Л., 1940. — С. 126–134).

³⁷⁴ *Vernadskij V. (W. Vernadsky). Études biogéochimiques. I.: Sur la vitesse de la transmission de la vie dans la biosphère // Изв. АН СССР (Bulletin de l'Académie des Sciences de l'URSS).* — Сер. 6. — 1926. — Т. 20, № 9. — С. 727–744; II.: La vitesse maximum de la transmission de la vie dans la biosphère // *Ibid.* — 1927. — Т. 21, № 2. — С. 241–254.

³⁷⁵ Возможно, Елизавета (Эльза) Аргутинская-Долгорукова (девичья Флейшер) (1873–?), художница. В 1942 г. была депортирована из Берлина в гетто в Терезин в Чехии. Там она встретила и конец войны.

³⁷⁶ См. письмо В.И. Вернадского к А.П. Виноградову от 23 мая 1927 г. (Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова, 1927–1944. — М.: Наука, 1995. — С. 5–8).

³⁷⁷ Лебедянец Александр Никандрович (1878–1941), агроном, агрохимик, ученик В.И. Вернадского. Профессор Московского университета, директор Шатиловской опытной станции. Активно сотрудничал с В.И. Вернадским, принимал участие в выполнении биогеохимических исследований.

³⁷⁸ См. комментарий № 361 к этому разделу.

³⁷⁹ Вопрос об избрании Н.П. Василенко членом КИЗ рассматривался 31 января 1928 г. (См.: ПФА РАН, ф. 154, оп. 1, д. 2, л. 12).

³⁸⁰ Яснопольский Леонид Николаевич (1873–1957), экономист, профессор Киевского университета и Киевского института народного хозяйства. Академик ВУАН (1925). Возглавлял постоянную комиссию ВУАН по изучению производительных сил Украины (1926–1930), работал в научно-исследовательских учреждениях Москвы (1931–1936), в Институте экономики АН УССР (с 1936 г.). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

³⁸¹ Речь, очевидно, о II конференции археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 г. См.: Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сент. 1927 г. по случаю 100-летия херсонесских раскопок (1827–1927). — Севастополь: Херсонес. музей, 1927. — 67 с.

³⁸² Магнитуда землетрясения в Крыму в ночь на 12 сентября 1927 г. составила 6,8 с эпицентром в море юго-восточнее Ялты. Погибли 3 человека, ранения получили 65 человек, землетрясение причинило значительные разрушения.

³⁸³ Речь, очевидно, о Николае Александровиче Столярове (1870–1942), математике. Окончил Киевский университет, был профессором Киевского политехнического института, Харьковского технологического института (1914–1920), Киевского ИНО (1920–1932). Затем преподавал в Минске, где погиб во время немецкой оккупации.

³⁸⁴ Очевидно, речь идет о реформе среднего образования, которую провел в 1871 г. в России министр просвещения Д.А. Толстой, когда для преподавания древних языков в гимназиях были приглашены иностранцы, в основном немцы и чехи.

³⁸⁵ Яворский Матвей Иванович (1885–1937), историк, академик ВУАН (1929). Окончил Львовский университет (1910). Во время Первой мировой войны был начальником австрийской армии, потом сотником УГА. В 1920 г. вступил в КП(б)У. В 1920–1929 годах жил и работал в Харькове: руководитель Управления научными учреждениями Наркомата просвещения (Укрглавнауки) (1926), заведовал Украинским институтом марксизма. С 1929 г. в Киеве: секретарь Историко-филологического отдела ВУАН. Репрессирован в 1931 г., сослан на Соловки, где, по официальным данным, умер.

³⁸⁶ См. комментарий № 361 к этому разделу.

³⁸⁷ См. комментарий № 358 к этому разделу.

³⁸⁸ Ювілейний збірник на пошану академіка Михайла Сергійовича Грушевського: 3 нагоди шістдесятої річниці життя та сорокових роковин наукової діяльності. — К., 1928. — Т. 1. — XII, 492 с. — (ВУАН. 36. іст.-філол. відділу; № 76); Т. 2. — XII, 524 с.; Т. 3: Матеріали до бібліогр. Акад. М.С. Грушевського за 1925–1928 рр. — К., 1929. — 108 с.

³⁸⁹ Яновский Феофил Гаврилович (1860–1928), терапевт, академик ВУАН (6 июня 1927 г., кафедра клинической медицины), с 1905 г. профессор Киевского университета, с 1921 г. Киевского мединститута. Создал школу украинских терапевтов.

Солнцев Сергей Иванович (1872–1936), экономист, академик ВУАН (6 июня 1927 г. кафедра политической экономии), АН СССР (1929). Профессор Томского (1913–1917), Одесского (1917–1919), Петроградского (1921–1926) университетов. Работал в Совете по изучению производительных сил АН СССР (1929 г.).

³⁹⁰ Русский юридический факультет в Праге имел статус частного учебного заведения. Материальная база его деятельности формировалась из платы студентов за обучение (60 чешских крон за полугодие) и денежных дотаций из госбюджета Чехословакии. С середины 20-х годов финансовая помощь Чехословацкого правительства стала урезаться, а затем прекратилась. Был прекращен прием новых студентов 1925/26 учебного года и объявлено о завершении деятельности вуза как учебного заведения после выпуска последних студентов, т.е. весной 1929 г.

Несмотря на подобные проблемы с финансированием, судьба УВУ в Праге сложилась иначе. С начала деятельности в 1921 г. из-за сложного материального положения, уменьшения субсидий чешских правительственных учреждений УВУ был на грани закрытия несколько раз (в конце 1925, 1928, 1931 гг.). С 1934 г. прекратилась государственная дотация на УВУ — угроза ликвидации висела над университетом до начала войны. Во время войны действовал под жестким контролем немецких оккупационных властей. Советские войска закрыли университет, конфисковали имущество и архив, администрация и часть профессоров были репрессированы. Осенью 1945 г. в Мюнхене ученые-эмигранты возобновили деятельность УВУ.

³⁹¹ Речь идет о Б.Л. Личкове. См. комментарий № 76 к этому разделу.

³⁹² Переезд Г.В. Вернадского в Америку состоялся в августе 1927 г., когда ему исполнилось уже сорок лет. Его пригласили в Йельский университет на должность research associate in history только на один год. Перед отъездом в США Георгий Владимирович несколько недель провел с родителями в Праге. Гражданство США получил в 1933 г.

³⁹³ Г.В. Вернадский написал письмо в Комиссию по изучению истории западно-русского и украинского права, датировано 4 апреля 1928 г.: «Благодарю за присылку мне IV выпуска «Праць» Комиссии. Очень прошу [присылать] мне и все дальнейшие

издания Комиссии (по адресу, указанному выше, в Соединенные Штаты Америки, а не в Прагу). С совершенным уважением Г. Вернадский». (ИР НБУВ, ф. 40, ед. хр. 247, л. 1).

³⁹⁴ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. — Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. — Ч. 1. — 264 с. (переизд.: СПб., 2000; М., 2004).

³⁹⁵ *Вернадский Г.В.* Опыт истории Евразии: с половины VI века до настоящего времени. — Берлин, 1934. — 187 с. (переизд.: М., 2006).

³⁹⁶ *Толль Н.П.* Скифы и Гунны: Из истории кочевий мира: Опыт истории Евразии: вып. 1; *Савицкий П.Н.* О задачах кочевниковедения: (почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?). — Прага: Евраз. кн. изд-во, 1928. — 106 с. (1–77; 83–106).

³⁹⁷ Подробнее см.: «Из хронологии 1927 г.» // Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. — С. 39–46.

³⁹⁸ Вернадский с женой планировал приехать в Киев на месяц. Однако приехал позже и один: прибыл 17 августа и находился в Украине до 30 августа 1928 г. См. также: Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. 1927–1944. — М.: Наука, 1995. — Письма № 23, 24, 26, 27. См. также комментарий № 423 к этому разделу.

³⁹⁹ *Breasted J. H.* The Conquest of Civilization. — New York and London: Harper and Brothers, 1926. — XXVI, 717 p.; *Брэстед Дж.Г.* История Египта с древнейших времен до персидского завоевания: в 2-ч т. / Авториз. пер. с англ. В.М.Викентьева. М., 1915.

⁴⁰⁰ См. комментарий № 361 к этому разделу.

⁴⁰¹ Речь, очевидно, о Фердинанде Петровиче Врангеле (1797–1870), одном из основателей Русского географического общества, мореплавателя, адмирала, почетного члена Петербургской АН, исследователя Арктики.

⁴⁰² Речь идет о здании, построенном по проекту архитектора П.Ф. Алешина для Первой женской (Ольгинской) гимназии. В 1927 г. недостроенное здание (ул. Владимирская, 55) было передано ВУАН. Через год, после окончания работ, дом получил название «Новый дом Всеукраинской Академии Наук» — здесь разместились академические учреждения.

⁴⁰³ В.И. Вернадский был в Киеве в начале мая — принял участие в заседании 3 мая Совета ВУАН по избранию ее нового президента — Д.К. Заболотного (см.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1–1928, д. 191, л. 63 об.). Вице-президентом был избран К.Г. Воблый, непременным секретарем — А.Е. Крымский. Однако Наркомат просвещения УССР не утвердил избрание А.Е. Крымского, вместо него «временно» на эту должность был назначен А.В. Корчак-Чепурковский (работал до 1939 г.).

⁴⁰⁴ Речь идет о Д.М. Петрушевском. См. комментарий № 368 к этому разделу.

⁴⁰⁵ Речь идет о выборах в АН СССР, которые состоялись только в начале 1929 г.

⁴⁰⁶ Вернадские приехали на отдых в Ессентуки в июле 1928 г.

⁴⁰⁷ Газета «Правда» от 19 апреля 1928 г. опубликовала сообщение АН СССР о 42 вакансиях действительных членов, одновременно разъяснялся новый порядок выборов. Вакансии распределялись так: по математическим наукам — 3, физическим — 2, химическим — 6, техническим — 4, геологическим — 4, биологическим — 4, историческим — 6, социально-экономическим — 4, философским — 2, востоковедческим — 3, по языкам и литературе европейских народов — 3.

⁴⁰⁸ 17 июня газета «Ленинградская правда» опубликовала статью «Академический ковчег целехонек», в которой Академия наук подвергалась критике за то, что в ее учреждениях работают бывшие царские чиновники. По данным газеты, к лету 1928 г. в Академии наук из 1079 служащих насчитывалось 12 человек — членов ВКП(б), кандидатов партии и комсомольцев. «Ленинградская правда» опубликовала еще 6 заметок против АН. Более подробно см.: Создание и деятельность КЕПС. 1915–1930. — СПб., 1999.

⁴⁰⁹ 11 июня 1928 г. В.И. Вернадский был избран членом-корреспондентом Французской (Парижской) академии наук по секции минералогии. (ПФА РАН, ф. 1, оп. 1а–1928, д. 177, л. 148).

⁴¹⁰ Иван Петрович Павлов (1849–1936), физиолог, лауреат Нобелевской премии в области медицины и физиологии (1904) был избран членом-корреспондентом Французской АН 13 марта 1911 г.

⁴¹¹ См. далее письмо Н.Д. Полонской-Василенко от 20 июня 1928 г.

⁴¹² Академик Ф.Г. Яновский умер 8 июля 1928 г.

⁴¹³ Речь идет об ученом-терапевте Иване Викторовиче Базилевиче (1899–1965), сотруднике научно-исследовательской кафедры внутренних болезней ВУАН, Института физиологии. Подвергся репрессиям в 1930–1931 гг. Преподавал в открытом немцами в период оккупации Киева Медицинском институте. Уехал в Германию, действительный член УВАН в Мюнхене.

⁴¹⁴ Крымов Алексей Петрович (1872–1954), хирург, академик Академии медицинских наук СССР (1945), один из ведущих отечественных хирургов — основоположников герниологии 1930-х — начала 1950-х годов. В 1923–1929 гг. работал в Киевской рабочей больнице. С 1930 г. до конца жизни возглавлял кафедру факультетской хирургической клиники Киевского мединститута.

⁴¹⁵ Речь идет об Анатолии Федоровиче Кони (1844–1927), юристе, литераторе, известном судебном ораторе.

⁴¹⁶ Волкович Николай Маркианович (1858–1928), хирург, профессор Киевского университета, организатор и председатель Киевского хирургического общества. С 1923 г. руководил научно-исследовательской кафедрой медицины при Киевском отделении Главнауки, а в дальнейшем ВУАН.

⁴¹⁷ Зворыкин Константин Алексеевич (1861–1928), профессор, ректор Киевского политехнического института (1904–1905), заведующий научно-исследовательской кафедрой механической технологии (1922–1927). Умер 7 июля 1928 г.

⁴¹⁸ Ерченко Петр Феофанович (1868–1927), профессор Киевского политехнического института, в 1917–1919 г. его ректор.

⁴¹⁹ В.И. Вернадский вспомнил Студенческое научно-литературное общество при Петербургском университете (существовало в 1882–1887 гг.). После покушения на Александра III 1 марта 1887 г. члены общества П.И. Андреюшкин, В.Д. Генералов, А.И. Ульянов, П.Я. Шевырев были казнены. Общество закрыли. Согласно устному пересказу (источник — А.Д. Шаховская), В.И. Вернадский и С.Ф. Ольденбург в первых числах марта 1887 г. уничтожили некоторые вещественные доказательства подготовки А.И. Ульяновым теракта: утопили в Неве ящик с компонентами, которые применялись для производства бомб. (*Вернадский В.И. Дневники: 1935–1941.* — М., 2006. — Кн. 1. — С. 52). В «Хронологии» Вернадский, вспоминая членов Совета объединенных землячеств и Студенческого научно-литературного общества А.И. Ульянова, В.К. Агафонова, И.Д. Лукашевича и др., отмечал, что Зварыкин (так подает публикатор) был позже профессором Технологического института в Томске. (См.: Страницы автобиографии В.И. Вернадского. — М.: Наука, 1981. — С. 54).

Лукашевич Иосиф Дементьевич (1863–1928), геолог, был приговорен к пожизненному тюремному заключению за участие в теракте 1 марта 1887 г. Узник Шлиссельбургской тюрьмы, освобожден после революции 1905 г. С 1913 г. сотрудник Геолкома. С 1919 г. жил в Польше.

Агафонов Валериан Константинович (1863–1955), геолог, минералог. Работал охранником Минералогического музея. В 1906 г. уехал из России, издавал в Лондоне, затем в Париже газету эсеров «Революционная мысль». Профессор Таврического университета (1920–1921). С 1921 г. профессор геологии в Сорбонне.

⁴²⁰ Речь идет о С.Ф. Ольденбурге. См. комментарий № 123 к этому разделу.

⁴²¹ Яновский Виктор Феофилович (1891–1938), правовед. В 1919 г. приват-доцент Киевского юридического института, Севастопольского юридического института (1919–1920) и Таврического университета в Симферополе (1920–1921). С октября 1921 по октябрь 1930 г. преподавал в Киевском институте народного хозяйства (с 1925 г. профессор). С 1926 г. постоянный нештатный сотрудник Комиссии по изучению обычного права Украины ВУАН. В 1938 г. арестован по подозрению в шпионаже; в апреле 1939 г. осужден на 10 лет лишения свободы. Умер в тюрьме. См. его письмо к В.И. Вернадскому во второй книге этого издания.

⁴²² Яновский Михаил Феофилович (?–1940), архивист и библиограф. По некоторым данным, уехал за границу и погиб 1940 г. в Мексике.

⁴²³ Приведем интересные записи Вернадского в дневнике, сделанные в эти дни (24–27 августа академик был в Староселье):

«28.VIII. <1928>

Киев

Вчера вернулся из поездки в Староселье [24–27 августа академик был в Староселье. — *Сост.*], оттуда обратно в Киев, из Киева в заповедник Конча-Заспа, там ночевал две ночи. В Староселье — обсуждение работы по опред[елению] геох[имических] констант. Прогулка с Липским в большой лес. В Конче-Заспе (Шарлемань) частью пешком, частью на телеге — превосходная прогулка. Вернулись вчера на моторн[ой] лодке в Киев около 12 1/2 дня. Был в Нац[иональной] библиотек[е], где видел И.П. Житецкого (отд[ел] рукописей очень слабо развивается, случайный. Библиотека страдает от недостатка средств), затем [видел] Анну Фед[оровну] Вовк (Ucrainica). У Гилярова — в связи с моими работами по жив[ому] вещ[еству]. Интересный, философский разговор. У Кашенко в его домашнем саду. Повидимому, ему удастся ввести в жизнь персик. Вечером с Липским. После его ухода в 10-м часу мы оба легли спать, когда вдруг приехал Вотчал. С ним несколько слов довольно оживленного разговора. Раньше еще днем А.П. [Виноградов] — послал телеграмму о деньгах в Ленинград.

Меня всегда удивляло, как мало помогают детям Волкова. Украинское громадянство проявляет здесь свои отрицательные черты.

29.VIII. <1928>

Киев

Вчера утром ко мне заходил М.М. Могилянский; был в Боярке в Н.П. Василенко — гуляли в лесу, оттуда в Политех[нический] Инст[итут] к Е.Ф. Вотчалу — обедал вместе <с> В.И. Липским. Вечер с Липским. Рано лег и рано встал.

Сейчас настроение здесь тревожное. Крестьянство подавлено все растущими налогами, очень возбуждено, и отголоски растущего недовольства достигают и всех с ним сталкивающихся. С разных сторон доходят слухи о том, что крест[ьяне] расправятся с панами — городом — при первой войне, слухи о которой благодаря газетам сейчас нервируют население. Разные люди самым различным образом все говорят о злобе и раздражении населения. Е.Ф. [Вотчал] рассказывал разговор с возчиком (который сейчас, после разг[овора], его избегает) — что в один день на Украине вырежут всех евреев. Антисемитизм растет, и сейчас очередная тревога в еврейских кругах. Новое повышение продов[ольственного] налога при неурожае еще больше волнует население. Вместе с тем, все боятся высказываться, боясь сыска. Все движения подавляются быстро и сурово: из деревень высылают всех лиц, замеченных как выделяющихся из среднего уровня.

Меня поразили рассказы о бандитизме (600 р.) вдоль Днепра; сейчас говорят опять о какой-то тайной ватажке в Подолии вблизи границы...

30.VIII. <1928>

Поезд за Жлобиным

Вчера — бумаги, с Липским — об Укр[аинской] акад[емии]. Биолог[ическая] станция, переговоры с А.П. [Виноградовым]. С Шарлеманем об изучении [Конча-]Заспы для точного определения k_3 (-геохимической константы) рыб. С Гиршем об изучении (Витал[ий] Михайлович) Гирш [в действительности: Дирш Виталий Михайлович (1904–1982) — зоолог, сотрудник Зоологического музея ВУАН. — *Сост.*] саранчовых для геох[имических] конст[ант] (80 р. на 1 1/2 лета). С Шапош[никовым] простился (благ[одаря] укр[аинцам?]) (<нрзб> — взяли с нас меньше в лаборатории, чем предлагалось другими)» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — С. 89–95).

⁴²⁴ *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма: 1871–1919. — М.; Л., 1927. — 483 с.; Изд. 2-е, доп. — М.; Л., 1928. — 511 с.

⁴²⁵ *Сиповський В.* Україна в російському письменстві: Ч. 1: (1801–1850 pp.). — К., 1928. — 460 с. (Зб. Іст.-філол. відділу ВУАН. № 59).

См. также. комментарий № 358 к этому разделу.

⁴²⁶ См. комментарий № 396 к этому разделу.

Савицкий Петр Николаевич (1895–1968), географ, историк, один из основоположников евразийства. Директор русской гимназии в Праге (1940–1944). В 1945 г. репрессирован в СССР. В 1955 г. освобожден, ему разрешили вернуться в Чехословакию.

⁴²⁷ Инициатором пересмотра работы КЕПС был академик А.М. Крылов. В.И. Вернадский по просьбе Президиума АН составил записку «О задачах АН СССР в области изучения производительных сил страны» (27 марта 1928 г.).

⁴²⁸ Записка напечатана: *Вернадский В.И.* О задачах и организации прикладной научной работы в Академии наук СССР. — Л.: Изд-во АН СССР, 1928. — 43 с.

⁴²⁹ 22 октября 1928 г. в Малом конференц-зале АН СССР состоялось заключительное заседание президиума особых комиссий по выборам в АН. На это заседание был приглашен от Украины Юрий Иванович Озерский, который представлял Управление научными организациями Украины. Были внесены имена кандидатов, в том числе и от Украины, для баллотирования в Академию.

5 декабря 1928 г. единогласно были избраны в действительные члены АН СССР от Украины Д.К. Заболотный и В.А. Кистяковский, 12 декабря большинством голосов был избран академиком М.С. Грушевский.

Озерский (Земницкий) Юрий Иванович (1896–1937), педагог. Окончил Нежинский историко-филологический институт. С 1921 г. на ответственных должностях в Наркомпросе, с декабря 1928 г. заведующий Упрнаукой (Управление научными учреждениями Наркомпроса). Председатель Государственного издательского объединения Украины (ДВОУ). Репрессирован в 1933 г. по делу «Украинской военной организации». Расстрелян.

⁴³⁰ «Mercure de France», парижский журнал, выходивший с 1890 г.

⁴³¹ Нидерле Любор (1865–1944), чешский археолог, историк, иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1906), профессор Карлова университета (1898–1929). Инициатор приглашения Н.П. Кондакова в Прагу и издания его фундаментального труда «Русская икона» русским отделом Министерства иностранных дел Чехословацкой Республики.

⁴³² *Грушевський М.С.* Історія української літератури: Т. 1–5. — Львів; Київ, 1922–1925. Переизд. с включением подготовленного еще в 1930 г. 6-го тома: *Грушевський М.С.* Історія української літератури: В 6 т., 9 кн. — К.: Либідь, 1993. — («Літературні пам'ятки України»).

⁴³³ Речь идет о начальнике финансово-экономического управления Наркомата образования Василии Фомиче Бутвине (1888–?), был членом коллегии НКО.

⁴³⁴ В.И. Липский в июне 1928 г., оставив пост президента, переехал в Одессу, где возглавил Одесский ботанический сад.

⁴³⁵ Речь идет о Днепровской ГЭС (Днепрострой), построенной в 1927–1932 гг. по плану ГОЭЛРО. Она стала тогда крупнейшей в Европе — 558 тысяч кВт мощности.

⁴³⁶ Речь идет о Д.К. Заболотном, избранном 3 мая 1928 г. На заседании Рады во время избрания председательствовал В.И. Вернадский. Заболотный умер от тяжелой болезни 15 декабря 1929 г.

⁴³⁷ Очевидно, речь идет о ч. 1 кн.: *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века: Материалы: ч. 1–2. — Л.: Акад. наук СССР, 1929–1931. — 218, VI с.; 223 с. (переизд.: К., 2004. — (Серия «Научное наследие востоковедов»).

Бузескул Владислав Петрович (1858–1931), историк античности, историограф, профессор Харьковского университета. С 1921 г. профессор ХИНО. Академик РАН (1922; с 1925 г. — АН СССР), академик ВУАН (1925). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским в этой книге.

⁴³⁸ Соловьев Михаил Михайлович (1877–1942), зоолог, историк науки. В 1928–1929 г. ученый секретарь КИЗ. Сотрудник КЕПС. В 1934–1936 гг. сотрудник Архива АН СССР, с 1936 г. сотрудник Института истории науки и техники.

⁴³⁹ Речь идет о Корниловой Наталии Александровне (1908–1990), художнике-оформителе (окончила Ленинградский художественно-промышленный техникум (1930). О А.А. Корнилове см. комментарий № 285 к этому разделу.

⁴⁴⁰ Академик Ф.И. Успенский умер 10 сентября 1928 г. в Ленинграде. Вернадские жили в одной квартире с Успенскими. Владимир Иванович участвовал в похоронах.

⁴⁴¹ Академик П.П. Сушкин умер в Кисловодске 17 сентября 1928 г.

⁴⁴² Радлов Эрнест Львович (Леопольдович) (1854–1928), философ, филолог и переводчик. Окончил Петербургский университет. На протяжении многих лет (1880–1899 и 1916–1927) работал в императорской Публичной библиотеке, в 1917–1924 директор библиотеки. Член-корреспондент РАН (1920). В 1927 г. по инициативе В.И. Вернадского Э. Радлов выдвинул свою кандидатуру в академики по кафедре философии, однако интриги официальных историков-марксистов заставили его снять свою кандидатуру с выборов. Умер 28 декабря 1928 г. 7 апреля 1929 г. на заседании Комиссии по истории знаний В.И. Вернадский выступил с речью «Памяти Э.Л. Радлова».

⁴⁴³ Речь идет о К.Г. Воблом. См. комментарий № 198 к этому разделу.

⁴⁴⁴ 25 октября 1928 г. было принято решение о реорганизации Геологического комитета, а в январе 1930 г. Геолком был ликвидирован.

⁴⁴⁵ Речь идет о I Всесоюзной конференции историков-марксистов в Москве (28 декабря 1928 г. — 4 января 1929 г.). На секции истории народов СССР М. Яворский сделал доклад «О современных антимарксистских течениях в украинской исторической науке». Сам М. Яворский вскоре, уже в феврале 1929 г., стал объектом острой критики за «идеализацию и политическую реабилитацию украинских мелкобуржуазных националистических партий», а на XI съезде КП(б)У (июнь 1930 г.) «теории» академика Яворского названы «насквозь антимарксистскими». (XI з'їзд КП(б)У. Стеногр. звіт. — Х., 1930. — С. 285).

Липинский Вячеслав (Вацлав) Казимирович (1882–1931), политический деятель, историк, историософ, социолог, теоретик консерватизма. При гетманате П. Скоропадского — посол в Австро-Венгрии. В эмиграции в Австрии. Инициатор и один из основателей внепартийной организации «Украинский союз хлеборобов-державников».

⁴⁴⁶ *Гревс И.М.* История одной любви: И.С. Тургенев и Полина Виардо. — М.: Современные проблемы, 1927. — 262 с. (2-е изд. — М., 1928).

⁴⁴⁷ Матеріали до історії українського права / [Підг. до вид й передм. М.П. Василенка]. — К., 1929. — Т. 1. — XIII, 336 с. (ВУАН. Зб. соціал.-екон. відділу; № 11).

⁴⁴⁸ Праці Комісії для виучування історії західноруського та українського права. Вип. 6 / За ред. Голови коміс. акад. М.П. Василенка. — К., 1929. — С. XII, 528. [Василенко М.П. Передмова. — С. V–X]. (ВУАН. Зб. соціал.-екон. відділу; № 18).

⁴⁴⁹ Речь идет об А.В. Корчак-Чепурковском, непременно секретаре ВУАН с лета 1928 г. после неутверждения властью переизбранного в мае А.Е. Крымского.

⁴⁵⁰ Скрипник Николай Алексеевич (1872–1933), государственный и партийный деятель. 1918 г. возглавлял Народный Секретариат — первое правительство Советской Украины. В 1921 г. нарком внутренних дел, в 1922–1927 гг. нарком юстиции и генеральный прокурор УССР. В 1927–1933 гг. нарком просвещения. В условиях гонения за «националистические» ошибки застрелился.

⁴⁵¹ Затонский Владимир Петрович (1888–1938), государственный и партийный деятель. В 1913–1917 гг. приват-доцент, преподаватель физики в Киевском политехническом институте. С марта 1918 г. председатель ВУЦИК. Неоднократно назначался наркомом просвещения (1917, 1919, 1922, 1933). Академик ВУАН (1929). Боролся с «национал-уклонизмом» в образовании и культуре. В 1925–1927 гг. секретарь ЦК КП(б)У. Арестован в ноябре 1937 г. и расстрелян.

⁴⁵² Шлихтер Александр Григорьевич (1868–1940), государственный и партийный деятель, ученый-экономист. В 1917–1919 гг. наркомзем, наркомпрод РСФСР, наркомпрод Украины. С 1921 г. на дипломатической работе. В 1927 г. наркомзем УССР. Директор Украинского института марксизма-ленинизма (1930–1933). Академик ВУАН (1929), академик АН БССР (1934), вице-президент АН УССР (1931–1938).

⁴⁵³ Семковский (Бронштейн) Семен Юльевич (1882–1937), философ. Член ЦК меньшевиков, с 1920 г. — большевик. Преподавал в Киевском университете, в 1920–1922 гг. — профессор Харьковской академии теоретических знаний. Основал первую в Украине научно-исследовательскую кафедру марксизма и марксологии, которая потом превратилась в Украинский институт марксизма. Академик ВУАН (1929). Репрессирован и расстрелян в марте 1937 г.

⁴⁵⁴ Речь идет о Д.М. Петрушевском. См. комментарий № 368 к этому разделу.

⁴⁵⁵ 9 мая 1929 г. в Праге родилась Татьяна Николаевна Толль (1929–2004?), единственная внучка В.И. и Н.Е. Вернадских.

⁴⁵⁶ Поездка в Киев не состоялась.

⁴⁵⁷ Речь идет о немецко-российском транспортном акционерном обществе «Дерутра» (DeRuTra — «Deutsch-Russische Transportgesellschaft»).

⁴⁵⁸ Вероятно, работник хозяйственной части ВУАН.

⁴⁵⁹ Выборы новых членов ВУАН состоялись 29 июня 1929 г. Среди новоизбранных академиков были выдвиженцы партийных органов Н. Скрипник, А. Шлихтер, В. Затонский, председатель Госплана СССР Г. Кржижановский, коммунисты С. Семковский, В. Юринец, М. Яворский.

⁴⁶⁰ В.И. Вернадский находился за границей (Германия, Чехословакия) с 25 июня по 3 октября 1929 г.

⁴⁶¹ Речь о Давиде Борисовиче Рязанове (Гольдендах) (1870–1938), директоре Института К. Маркса и Ф. Энгельса (1921–1931). В январе 1929 г. был избран академиком. Протестовал против избрания коллег-партийцев, требовал коренной реорганизации Академии. Сославшись на здоровье, отказался от участия в работе Академии и отклонил предложение Президиума АН СССР баллотироваться на пост вице-президента. В 1931 г. арестован, исключен из партии и сослан в Саратов. В 1937 г. вновь арестован и вскоре расстрелян.

⁴⁶² Славик (Slavik) Франтишек (1876–1957), чешский геолог, профессор Карлова университета в Праге (1910–1947), член Чехословацкой АН, директор Минералогического института Пражского университета. Был близко знаком с В.И. Вернадским с 1910-х годов, переписывался с ним.

⁴⁶³ Град-замок Груба Скала (Hrubá Skála) в Чешском раю (Český ráj), заповеднике на северо-востоке Чехии, в среднем течении реки Йизера, известном «скальными городами» из песчаника — композиции из 50-метровых скал-колонн, каньонов и лабиринтов.

⁴⁶⁴ Речь идет о ком-то из рода баронов Эренталь (Ehrenthal).

⁴⁶⁵ Возможно, речь идет о кн.: *Vernadsky W.J. Geochemie in ausgewählten Kapiteln / Autorisierte übersetzung aus dem russischen, von E. Kordes. Akademische Verlagsgesellschaft m. b. H. — Leipzig: Akademische Verlagsgesellschaft m. b. H., 1930. — VI, 370 S.*, а также о немецком переводе кн. *Vernadsky W.I. La biosphère. — Paris: Alcan, 1929. — XII, 232 p.*, который так и не увидел света. В 1942 г. Вернадский вспоминал: «В 1930 г. в проспектах о печатающихся книгах появилось извещение о появлении моей книги (сборника статей «Живое вещество») и немецкого (советского) издания моей «Биосферы». Мне кажется в этом году, когда пострадали многие издания (от введения в цензуру философских государственных организаций — прообраз того, что было в инквизиции в Риме при папах и в Сорбонне в Париже — точно так же как в организациях большевистской партии (при Сталине?) — (введена) техника иезуитского органа» (*Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. — С. 179*).

⁴⁶⁶ *Vernadsky G. A History of Russia / With a preface by Michael Rostovtzeff. — New Haven: Yale University Press, 1929. — XIX, 397 p.* Только при жизни автора переиздавалась 6 раз.

⁴⁶⁷ Арциховский Владимир Мартынович (1876–1931), ботаник, физиолог растений, профессор Донского политехнического института, в 1918–1923 гг. возглавлял Донской сельскохозяйственный институт и Институт сельского хозяйства и мелиорации. Позже профессор Московского лесотехнического института.

⁴⁶⁸ В.И. Вернадский выступал с этим докладом в Московском обществе естествоиспытателей, а также 17 ноября в Ленинграде. Отдельной статьей вышел в 1931 г.: *Вернадский В.И. Изучение явлений жизни и новая физика // Изв. АН СССР. — Сер. 7, ОМЕН. — М.; Л., 1931. — Вып. 3. — С. 403–437; То же // Биогеохимические очерки. — М.; Л., 1940. — С. 175–197.*

⁴⁶⁹ Вероятно, Савицкий Николай Николаевич (1892–1984), врач-терапевт, профессор Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии (1931), академик АМН СССР (1956).

⁴⁷⁰ В конце июля в Ленинград прибыла правительственная комиссия по проверке аппарата АН во главе с Ю.П. Фигатнером. Комиссия работала до конца августа.

⁴⁷¹ Речь идет о В.Э. Грабаре. См. комментарий № 371 к этому разделу.

⁴⁷² Речь идет о частном физиотерапевтическом санатории, который обустроил профессор медицины Киевского университета Михаил Никитич Лапинский (1862–1947).

⁴⁷³ Палладин Александр Владимирович (1885–1972), биохимик. С 1925 по 1970 г. возглавлял Украинский биохимический институт (с 1931 г. Институт биохимии), профессор Киевского университета. Академик АН УССР (с 1929 г.; в 1934–1939 гг. ее неперменный секретарь, 1946–1962 гг. президент), академик АН СССР (1942). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

⁴⁷⁴ *Петрушевский Д.М. П.Г. Виноградов как социальный историк. — Л.: Изд-во АН СССР, 1930. — 27 с. (Труды Комиссии по истории знаний; Вып. 9).*

⁴⁷⁵ «Все попытки мои, — писал В.И. Вернадский в «Хронологии», — получить командировку за границу для научной работы в 1930–1931 гг. Были тщетны» (АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 48, л. 3).

⁴⁷⁶ Очевидно, В.И. Вернадский писал о подготовке к XVI съезду ВКП(б), состоявшегося летом (26 июня — 13 июля) 1930 г.

⁴⁷⁷ О «чистках» см., например: *Полонська-Василенко Н.* Українська Академія Наук: нарис історії. В 2-х чч. — Мюнхен, 1955–1958 (переизд. — К, 1993); *Білокінь С.* Київська вчена корпорація (20–50-ті рр. ХХ ст.) // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. — К., 2008. — Вип. 14. — С. 288–305.

⁴⁷⁸ *Вернадский В.И.* История минералов земной коры. Т. 2: История природных вод. — Л., 1933–1936. — М. 1, вып. 1–3; См. также: *Вернадский В.И.* 1) Пластовые воды биосферы и стратисферы // Социалистич. реконстр. и наука. — 1932. — Вып. 2. — С. 52–70, 2) Пластовые воды биосферы и стратисферы в связи с классификацией природных вод // 1-й Всесоюз. гидрогеол. съезд, Ленинград, 1931. — Л.; М.: геол.-развед. изд-во, 1933. — Сб. 8. — С. 65–69.

⁴⁷⁹ См. комментарий № 437 к этому разделу.

⁴⁸⁰ Царское Село в ноябре 1918 г. переименовали в Детское Село им. товарища Урицкого (после 1937 г. — Пушкин). В 1920 г. по инициативе А.М. Горького, который возглавлял тогда Петроградскую комиссию по улучшению быта ученых, в Детском Селе была организована здравница для ученых. В 1930 г. Вернадские провели в ней месяц.

⁴⁸¹ Подборку писем В.И. Вернадского 1930–1931 гг. по поводу заграничной командировки, адресованных партийным и государственным деятелям, см.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС: 1922–1952. — М.: РОССПЭН, 2000. С. 97–102.

⁴⁸² Первой научной попыткой создания теории происхождения Земли была известная гипотеза Канта-Лапласа (конец XVIII в.), согласно которой земное ядро должно было быть огненно-жидким; земная кора же в основном представляет собой продукт остывания некогда сплошь огненно-жидкого шара Земли. В.И. Вернадский не принимал космогонию Канта-Лапласа, отвергал противопоставление «ядра» и «коры» и оба эти понятия считал ненаучными. Однако сам не разрабатывал проблемы происхождения Земли.

⁴⁸³ В этот период В.И. Вернадский оформляет свои мысли о переходе биосферы в сферу разума — ноосферу.

⁴⁸⁴ Очень подробно и ярко «многочисленные хлопоты» для получения командировки В.И. Вернадский описал в бесцензурном письме к сыну Георгию 5 мая 1932 г. из Праги: «В 1930 году меня не пустили за границу довольно странным образом — не ответа ни да, ни нет (мне и Академии). Так затянулось дело до конца года (тогда 1 октября), когда в порядке формальном была снята моя командировка (на 3 месяца) в числе прочих — неиспользованных кредитов. Я добивался ее прежде всего для окончания работы над геохимической энергией жизни, в которой, мне казалось, я пришел к выявлению пути разрешения проблем, над которыми я остановился бессильно в 1925 году.

Мне представляется теперь — что причиной этого были главным образом мое выступление в конце 1929 или начале 1930 в связи с рассмотрением устава Академии Наук и опасения — м.б. основанные на каких-нибудь сплетнях в заграничной среде о том, что я не вернусь. Те же разговоры идут в академической среде и сейчас! И сужу я об этом потому, что в 1930 году мог бы — для меня ясно — получить командировку один — без мамы.

Как бы то ни было — обстановка мне не ясна. В 1929 году меня выставили коммунисты-академики (Покровский, Рязанов) от своей группы и от академиков в вице-президенты, причем я узнал об этом незадолго, не был захвачен вполне врасплох и

решительно отказался. Этот отказ дал первую трещину — отказался, желая иметь возможность интенсивно научно работать и указывая на ухудшение здоровья. Затем у меня шла борьба за иную, чем прошло, постановку изучения производ[ительных] сил. Когда не прошел мой проект, я отказался вступить в новую форму, не думая делать протеста, а надеясь скоро уехать на более долгий срок за границу и отдаться научной работе. Я увидел и почувствовал, что это было принято как протест — но игнорировал. Во время выступления об Уставе АН (в комиссии по выборам которого я попал) — я выступил в публичном заседании (это была моя ошибка), где в очень сдержанных словах, но ясно и определенно, указал на необходимость свободной научной работы и бережного отношения к дарованиям, охраны талантливых людей как величайшего блага страны. Это была бомба. У меня были сейчас же [потребованы] объяснения, причем с величайшим, как оказывается, трудом была остановлена травля меня в печати и задержано проникновение в печать этой моей ошибки (публичности). В объяснениях мне указали, что с величайшим трудом академикам-коммунистам удастся достигнуть и того, что не разрушается Академия — они ведут за это борьбу — и что в данный политический момент — это мое заявление могло иметь последствия за границей, какие я, конечно, не желал — борьбы с режимом, ибо внешнее положение в этот момент было очень острое (особ[енно] во Франции). Я ответил, что ни того, ни другого я своим заявлением давать не желал и что абсолютно не знаю, что такое произошло на Западе. Поэтому мое предложение я взял назад из обсуждения, мотивируя, кажется, тем, что я не вижу в нем нужды, принял во внимание все обстоятельства — что-то вроде этого. Инцидент был исчерпан. Думаю, что он сыграл роль в дальнейшем. На фоне полной приниженности он показался огромным.

Как бы то ни было — убедившись к концу года в полной невозможности получить командировку, идя до конца — я обращался к Сталину с откровенным письмом о значении ее для меня как ученого и с телеграммой с просьбой ответить, когда он молчал — ни на то, ни на другое я не получил ответа — узнав стороной, что С[талин] сказал, что я не партийный (я в письме к нему ссылаясь на совет Лунач[арского] ему написать) и должен был идти через Предс[едатель] Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров] (тогда был Рыков). И мне уже все теперь неясно во всей последовательности — но примерно это было так.

В конце концов в конце 1930 (тогда год кончался октябрем) я подал в ЦИК заявление, прося выдать паспорта мне и маме без всякой валюты (я думал тогда, что вопрос в валюте), указывая, что я не собираюсь эмигрировать, но не могу и не хочу скрывать, что могу — для жизни — взять место за границей, которое заставит меня остаться там дольше — что я стою вне политики, что я не могу как ученый бросить открывающиеся передо мной большие достижения — результат всей моей научной мысли. Что я могу ошибиться — но для меня это категорическая необходимость; заместителей себе — выдающихся — в обоих учреждениях я подготовил. В то же время без командировки — благодаря бедности здесь литературы и невозможности спокойной работы — плохой обстановки моей работы — я не могу эту задачу разрешить в советских условиях. Все мои заявления к Сталину и это в ЦИК были прямы, без всякой фальши, тверды и откровенны. Мое заявление в ЦИК в копии представлено Непр[еменному] Секр[етарю] Ак[адемии] Наук. Вскоре, кажется, в конце ноября 1930 я получил приглашение Парижского Университета прочесть в Сорбонне лекции по геохимии и примерно около этого времени из Акад[емии] Наук официальный запрос о командировках академиков на 1931 г.

Тогда я подал другое заявление в Ак[адемию] Н[аук] и через нее в Ученый Комитет (при ЦИК), которому она подчинена. В нем, указывая на мое заявление в ЦИК Союза, я

просил о командировке на год для лекций в Париже и работе над моим сочинением, думал, французским. В частных разговорах указывал, что оно может заменить первое.

Дело рассматривалось в особом порядке и все шло как будто хорошо (тут я узнал, что главное или одно из главных препятствий это поездка совместно с женой. Я и Сталину и во ВЦИК и в новом заявлении писал, что хочу видеть и внучку и должен и для работы поехать с мамой). Как бы то ни было, в марте 1931 года мне было торжественно объявлено решение правительства (словесное), в котором указывалось всяческое уважение ко мне, что дело обсуждалось в особом порядке и очень внимательно, но к сожалению, на этот год моя командировка не может состояться, что через год дело будет пересмотрено в том же особом порядке и что если не случится ничего чрезвычайного (напр., войны), оно получит благоприятное решение. В то же время, учитывая очень бедную обстановку моей научной работы, на мою биогеох[имическую] лабораторию и невозможность сейчас ее поставить наст[оящим] образом, отпускается 3 000 р. валютой и 30 000 р. обычными и мне будет предоставлены всякие удобства для работы здесь. В чем дело, я так и не мог выяснить. В письменном — и устном — ответе я сказал, что прошу передать правительству, что я очень огорчен, решительно не понимаю, для чего это все нужно, — но подчиняюсь этому решению и надеюсь, что окажется возможным дать мне командировку раньше годового срока и что думаю, что предоставить мне нужные условия для работы в пределах Союза в предлагаемой форме невозможно. Летом прошлого года нас устроили прекрасно — по советским условиям — в тихой комнате в Петергофском Доме отдыха для ученых на четыре месяца (maximum допускаемого — два месяца) и на 4 месяца я получил отпуск — но сразу выяснилось, что для того, чтобы получить нужные книги надо было тратить 5 часов, причем из нужных мне книг я получил 1/6–1/4 часть. Я увидел, что я не могу заниматься нужным мне образом. Вначале я был в негодовании — но затем я занялся одним частным вопросом моей книги — о биологическом времени, взяв его в глубоком разрезе времени вообще. Нужна была небольшая литература и размышления. Эта работа дала мне очень много и я сделал осенью доклад в Академии «О проблеме времени в современной науке»; сейчас доклад подписан уже к печати в сверстанном виде и, я думаю, скоро будет напечатан. После него я начал вновь хлопоты, 6 февраля написал письмо Молотову, где откровенно изложил все дело и просил разрешения годовой командировки с перерывом ее на полгода. 22 февраля в личной беседе с Молотовым (я был в депутатии Акад[емии] Наук по поводу постройки Химич[еской] лаборатории), я получил от него определенный ответ, что могу ехать, куда хочу. Немедленно в начале марта я через Академию начал хлопоты о выезде между 10–15 апреля. 4 апреля — в бытность в Москве я узнал, что все как будто устроено — и паспорта, и деньги — и что я смогу выехать между 10–15 апреля, как хотел. Однако прошла неделя после 4-го и никаких признаков движения не было. Мне самые близкие к советской власти академики начали указывать, что я не получу командировки, рассказывая всякие слухи и сплетни, тем более, что два академика (Ипатьев и Чичибабин) не вернулись. Я решил написать письмо Молотову в 20-х числах апреля. Вернувшийся из Москвы Непрем[енный] Секретарь Акад[емии] (дня через два после моего письма Молотову) привез известие, что какое-то ведомство (думаю крест[ьянско]-раб[очая] инспекция?), которое не было предупреждено, протестовало против паспорта Нат[алье] Ег[оровне], не возражая против моей командировки. Я решил уже послать срочное письмо Управл[яющему] канцелярией Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров] с просьбой спросить Молотова о моем письме, как вдруг, вернувшись домой часа через два, все переменялось с театральной быстротой. Сперва запрос через Дом ученых Ком[иссии] помощи ученым (при Сов[ете] Нар[одных] Ком[иссаров]) с вопросом, получил ли я и жена паспорта, причем в случае отрицат[ельного] ответа спрашивавший, мне лично неизвестный, управляющий делами,

должен был известить Москву «телеграммой молния». Решили послать телеграмму, когда через 1/2 часа я был вызван телефоном завед. иностр. отделом Ленинград. округа, что из Москвы ему велено немедленно выдать паспорта мне и жене и что я могу сейчас же их получить. Телеграмма молния была отменена, а я получил еще телеграмму от Упр[авляющего] Дел[ами] Совнарк[ома], к которому хотел было раньше обратиться с извещением о паспортах и о том, что паспорта должны быть выданы, и с просьбой телеграфно его уведомить о их получении. Очевидно, мое письмо Молотову воздействовало и он проверял исполнение своего обещания. Пришлось послать паспорта для виз в Москву и назад. И я получил их назад 27 апр[еля], а денег не было. Была мне телеграмма от Ученого Комитета при ЦИК, что они будут высланы в Дом ученых (необычный путь) — попытки ускорить телефоном и телеграммой были неудачны; я решил 27 апр[еля] послать телеграмму тому лицу, которое справлялось обо мне в Доме ученых — и 29 апр[еля] получил телеграмму молнию, что деньги переведены по телеграмме в Госуд[арственный] Банк. 30 апр[еля] был последний срок их получения, т. к. 1–4 мая банк заперт. 30 апр[еля] я получил деньги — но оказалось, что билета на Ригу нет на 2 мая, когда я хотел выехать. Новые хлопоты и, наконец, на вокзале я достал билеты в день отъезда, заказав их накануне (причем официальное бюро дало раньше мне ложные сведения; это обычная плохая работа бездельников).

Для <меня> именно важно было выехать в этом году, ибо я чувствую, что начинаю подходить в новой огромной проблеме, которая захватит меня всего и я не смогу вернуться к геохим[ической] энергии. Так со мной уже было с вопросом полиморфизма в конце прошлого столетия, когда я, как вижу теперь, подошел к принципам геохимии... Я сейчас опять вернулся к вопросам фазовых равновесий (полиморфизм частный случай) в связи с термическим режимом земли, который выявляет мне м. пр. ледниковые периоды как частный случай механизма биосферы и как проявление радиоактивности химич[еских] элементов и свойств атомов...» (*Вернадский В.И.* Письма академика В.И. Вернадского сыну (1922–1936) / Публ. и прим. М.Ю. Сорокиной // Архив РАН. Публикации — Интернет-ресурс: <http://www.arran.ru/?q=ru/vernad3> (версия: <http://www.russiangrave.ru/index.php?id=99>).

⁴⁸⁵ Гулак Николай Иванович (1822–1899), ученый, педагог. В 1845–1847 гг. чиновник канцелярии Киевского генерал-губернатора, сотрудник Археографической комиссии, один из организаторов Кирилло-Мефодиевского общества, принадлежал к его левой, революционно-демократической группе, возглавляемой Т. Шевченко; в 1847–1850 гг. был заключен в Шлиссельбургской крепости; в 1850–1856 годах жил в Перми под надзором полиции; в 1859–1887 гг. продолжал педагогическую и научную деятельность в Украине, в Грузии и Азербайджане. Его «Опыт геометрий в четырех измерениях» (Тифлис, 1877) упоминал П. Флоренский в своих трудах «Столп и утверждение истины» и «Смысл» идеализма). М. Гулака как своего преподавателя в тифлисской гимназии вспоминал М.С. Грушевский. (*Грушевский М.* Спомини / Публ. й прим. С. Білоконя // Київ. — 1988. — № 11. — С. 126, 128–129).

⁴⁸⁶ Личность установить не удалось.

⁴⁸⁷ Вернадские жили в санатории ЦеКУБУ в Старом Петергофе в мае–сентябре 1931 г. после отказа В.И. Вернадскому в заграничной командировке. В.И. Вернадский пишет «ЦКУБУ», хотя официальная аббревиатура ЦеКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых. Создана по инициативе А.М. Горького постановлением Совнаркома от 10 ноября 1921 г.

⁴⁸⁸ Сборник статей «Живое вещество» был подготовлен В.И. Вернадским в печать весной 1929 г., однако в связи с усилением цензуры книга в свет не вышла, осталась в гранках. При этом уже были ссылки на книгу даже в зарубежных публикациях. В 1935 г. также была попытка издать книгу, однако безуспешно. Лишь в 1940 г. «Живое ве-

щество» под другим названием — «Биогеохимические очерки» — увидело свет, однако отсутствовала наиболее «крамольная» статья «Начало и вечность жизни», с купюрами вышла «Автотрофность человечества» (подробнее см.: *Аксенов Г.П.* Невышедшая книга — неизвестное понятие // *Вопр. истории естествозн. и техн.* — 1997. — № 3. — С. 129–135). Без купюр вышла только в 1978 г.: *Вернадский В.И.* Живое вещество. — М., 1978. — 358 с.

В дневнике Вернадский записал 14 марта 1931 г.: «Последние месяцы со всех сторон я вижу начало нападений на мои взгляды. Недопущение печатания моей «Биосферы» (немецкой) и моего «Жив[ого] вещ[ества]». Каган (В.Ф. Каган — заведующий научным отделом Госиздата. — *Сост.*) говорил, что он пропустил, не ознакомившись с моими взглядами. По-видимому, [противодействовал] Левин (М.Л. Левин — один из редакторов «Большой Советской Энциклопедии». — *Сост.*). Ромм (П.В. Ромм — заведующий научным подотделом Ленинградского отделения Госиздата. — *Сост.*) говорил мне, что если бы дискуссия [вокруг] Деборина не привела к его крушению месяца [на] два раньше предполаг[авшегося] выпуска «Ж[ивого] в[ещества]» [весной] — книга бы вышла. Думаю, имело значение мое выступление в связи с обсужд[ением] структуры А[кадемии] н[аук]». (*Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — С. 194). В 1940 г. Вернадский отметил в дневнике (17 июля): «15 июля вышли мои «Биогеохимические очерки». Эта книга имеет свою историю, которая ярко рисует пренебрежение к свободе мысли в нашей стране. Если это не изменится, то это грозит печальными последствиями, т[ак] к[ак] (не соблюдаются) принципы высоких идеалов гуманизма, равенства всех, демократии, признания силы научного знания, науки, а не религии (причем большевики — ошибочно — не отделяют философию от науки). Эта книга была отпечатана и должна была выйти в 1930 году под заглавием «Живое вещество». (*Вернадский В.И.* Дневники: 1935–1941. — М., 2006. — Кн. 2. — С. 116).

⁴⁸⁹ Речь, видимо, о статье: *Вернадский В.И.* Об условиях появления жизни на Земле (1930) // Изв. АН СССР. — Сер. 7, ОМОН. — М.; Л., 1931. — Вып. 5. — С. 633–653.

⁴⁹⁰ *Vernadsky G.* A History of Russia / With a preface by Michael Rostovtzeff: 2nd ed. — New Haven: Yale University Press, 1930. — XIX, 413 p.

⁴⁹¹ Поездка состоялась в мае–ноябре 1932 г. (Чехословакия, Франция, Германия). «С разрешения А.В. Луначарского, — вспоминал В.И. Вернадский, — я официально через Ученый Комитет и лично декану Шарлю Морену послал в Париж просьбу отложить чтение на год. Я не мог выяснить и понять причину такой отсрочки командировки. Я понял только, что это связано с совершенно неизвестной и непонятной мне обстановкой, бывшей тогда, главным образом, во Франции» (АРАН, ф. 518, оп. 2, д. 48, л. 25об.).

⁴⁹² В Спасо-Преображенской пустыни, где еще проживали монахи, в 1921–1922 гг. был открыт санаторий — в ведении Комитета по улучшению быта ученых. Вскоре новые соседи почти полностью заняли территорию монастыря. В 1938 г. храм Преображения Господня был взорван. Обитель прекратила свое существование. С 2005 г. началось восстановление Спасо-Преображенской пустыни.

⁴⁹³ Егоров Иван Васильевич (1869–1931), химик, профессор Киевского коммерческого института, университета, институтов народного образования и народного хозяйства в Киеве.

⁴⁹⁴ В.П. Бузескул умер 1 июня 1931 г. в Харькове.

⁴⁹⁵ Речь идет о статье: *Вернадский В.И.* Изучение явлений жизни и новая физика // Изв. АН СССР. — Сер. 7, ОМОН. — М.; Л., 1931. — Вып. 3. — С. 403–437. — Отд. оттиск. М.; Л., 1931. — 35 с. (переизд. в: *Тр. Биогеохимической лаборатории.* — Вып. 16. — М.: Наука, 1980. — С. 246–277). Относительно второй статьи — точно выяснить не удалось.

⁴⁹⁶ Находясь в санатории, В.И. Вернадский начал активно работать над проблемой времени-пространства, которую завершил в 1942 г. в капитальном труде «Пространство и время в неживой и живой природе». (Вошел в кн.: *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. Кн. 1. — М.: Наука, 1975. — С. 85–148).

⁴⁹⁷ См. об этом записи в дневнике: *Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — С. 197–208, а также [Из «Хронология 1931 г.»] // Там же. — С. 214.

⁴⁹⁸ См., например: *Білокінь С.І.* Київська вчена корпорація (20–50-ті рр. ХХ ст.) // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. — К., 2008. — Вип. 14. — С. 288–305.

⁴⁹⁹ В марте 1931 г. М.С. Грушевский вынужден был покинуть Киев и переехать в Москву. Здесь его арестовали (инкриминировали участие в так называемом Украинском национальном центре), но через некоторое время освободили. После освобождения ему не разрешено было жить в Украине. Работал в Москве под тотальным контролем ОГПУ–НКВД. (*Пристайко В.І., Шаповал Ю.І.* Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934: историческая литература. — К., 1996. — 335 с.; *Шаповал Ю.І.* Загадка смерті Михайла Грушевського // Укр. іст. журнал. — 2006. — № 5. — С. 83–98).

⁵⁰⁰ См. комментарий № 489 к этому разделу.

⁵⁰¹ Много лет В.И. Вернадский жил, учился и работал в Петербурге. Однако исследователи называют только два петербургских адреса ученого: ул. Маяковского (бывшая Надеждинская), 34, квартира 8, и 7-я линия, 2, квартира 12 («Дом академиков», где Вернадские жили с 1914 по 1935 г.). После возвращения в марте 1926 г. из Парижа Вернадские жили в своей старой квартире, но уже вместе с академиком Ф.И. Успенским и его женой Надеждой Эрастовной Успенской.

⁵⁰² Речь идет об академике, историке Вячеславе Петровиче Волгине (1879–1962), который был постоянным секретарем АН СССР с 3 марта 1930 г. до 20 ноября 1935 г.

⁵⁰³ *Вернадский В.И.* Проблема времени в современной науке: [доклад, прочитанный 26 декабря 1931 г. на общем собрании АН СССР] // Изв. АН СССР. — Сер. 7, ОМЕН. — М.; Л., 1932. — Вып. 4. — С. 511–541.

⁵⁰⁴ *Артемский А.Я.* Що таке Всеукраїнська Академія Наук. — К.: ВУАН, 1931. — 95 с.

С 1930 г. Андрей Яковлевич Артемский (1898–1938) был секретарем Комиссии научно-культурной пропаганды и секретарем коммунистической ячейки ВУАН. В 1933 г. репрессирован.

⁵⁰⁵ Подробнее см.: *Юркова О.В.* Діяльність Науково-дослідної кафедри історії України М.С. Грушевського (1924–1930 рр.). — К.: Ін-т історії України НАН України, 1999. — 433 с.; *Вона ж.* «Україна» на історичному фронті: від наукового часопису українознавства до журналу циклу історичних наук // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. — К., 2007. — № 16. — С. 327–355.

⁵⁰⁶ А.В. Луначарский с 1929 г. занимал должность председателя Ученого комитета при ЦИК СССР. В секретной записке для Политбюро ЦК ВКП (б) от 25 января 1931 г. А.В. Луначарский писал: «С Вернадским поручено [совещанием при Ленинградском обкоме с участием представителей ГПУ и фракции академиков-коммунистов. — *Сост.*] переговорить мне с тем, чтобы ценой обещания создать по возможности наилучшую обстановку для научной работы добиться того, чтобы Вернадский больше не настаивал на командировке, а отложил бы ее». Вернадский записал в дневнике: «В апреле 1931 г. А.В. Луначарский сообщил мне устное решение правительства о моей заграничной командировке. Он сказал, что правительство рассмотрело все дело и не нашло возможным разрешить мне командировку в этом году, но что в том же особом порядке в апреле 1932 г. этот вопрос будет пересмотрен и, если не будет каких-либо особых обстоятельств — благополучно разрешен. В то же время, принимая во внимание недостаточную научную обстановку, в какой я работаю, правительство ассигновало в необычном порядке — Биохимической лаборатории, директором которой я состою,

3000 руб. валютой и 30000 руб. червонцами. В то же самое время я должен был быть поставлен в возможно наилучшие условия на 4 месяца для работы здесь вместо поездки за границу.

Я не мог выяснить и понять причину такой отсрочки командировки <...> Я просил устно и письменно А.В. Луначарского довести до сведения правительства, что, подчиняясь этому решению, я очень огорчен этой отсрочкой и что уверен, что не смогу здесь получить нужных условий для работы, и что я надеюсь, что срок отсрочки может быть сокращен, просил вместе с тем возможности личного выяснения недоразумения и указывал на тягостность отсрочки в моем возрасте (70 лет)» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — С. 194; 213–214). См. также: *Антонова Н.С., Дроздова Н.В.* Свобода всего дороже: [письма В.И. Вернадского А.В. Луначарскому, непереманному секретарю АН СССР В.П. Волгину, в ЦИК СССР и секретарю ВЦИК А.С. Енукидзе] // Вестник РАН. — 1993. — Т. 63, № 3. — С. 259–260.

⁵⁰⁷ Речь идет о курорте Пьештяны (Пиштяны, Песчане, Песчаное, Piešťany) на юго-западе Словакии — лечебный центр ревматических болезней.

⁵⁰⁸ В мае–ноябре 1932 г. Вернадский побывал в Чехословакии (где жила семья дочери Нины Владимировны), Германии (Мюнстер, Геттинген, Берлин, Лейпциг) и Франции (Париж). В мае он принял участие во встрече Бунзеновского общества в формате первого Международного съезда по изучению радиоактивности в Мюнстере.

⁵⁰⁹ Доклад В.И. Вернадского «Океанография и геохимия» (3 апреля 1932 г. в Государственном океанографическом институте) предназначался для публикации в «Трудах Государственного океанографического института», но его издание не было осуществлено. Немецкая версия была опубликована: *Vernadsky W.* Ozeanographie und Geochemie // *Tschermak's mineralogische und petrographische Mitteilungen.* — Wien, 1933. — Bd. 44, H. 2/3. — S. 168–192.

⁵¹⁰ Деборин (Иоффе) А.М. Проблема времени в освещении акад. Вернадского // Изв. АН СССР. — Сер. 7, ОМОН. — М.; Л., 1932. — Вып. 4. — С. 543–569. Эту статью редакция подала вслед за статьей-докладом Вернадского — см. комментарий № 503 к этому разделу.

Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич (1881–1963), философ, историк, академик АН СССР с 1929 г., заместитель директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса, 1926–1930 гг. ответственный редактор философского журнала «Под знаменем марксизма». В начале 1931 г. была разгромлена его философская школа после обвинения в «меньшевистском идеализме» за недооценку революционного переворота.

⁵¹¹ В Мюнстере на 37-й встрече Бунзеновского общества В.И. Вернадский сделал 17 мая доклад «Радиоактивность и новые проблемы геологии» — *Vernadsky W.I.* Die Radioaktivität und die neuen Probleme der Geologie // *Zeitschrift für Elektrochemie und angewandte physikalische Chemie*; hrsg. von der Deutsche Bunsen-Gesellschaft für Angewandte. — Halle, 1932. — Bd. 38, № 8a. — S. 519–527, (рус. обновленное изд.: *Вернадский В.И.* Радиоактивность и новые проблемы геологии // Основные идеи геохимии. — Л., 1935. — С. 23–40; нов. изд. в кн.: *Вернадский В.И.* Труды по радиогеологии. — М.: Наука, 1997. — С. 139–151); *Chlopin V., Vernadsky W.I.* Radium- und mesothoriumhaltige natürliche Gerwässer // *Ibid.* — S. 527–529.

⁵¹² В письме А.П. Виноградову от 24 мая 1932 г. В.И. Вернадский писал из Праги: «Сейчас самое интересное в Мюнстере было указание на нейтроны и на распад изотопов, были и Рузерфорд, и Чадвик. Здесь новый огромный шаг в неизвестное» (Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. 1927–1944. — М.: Наука, 1995. — С. 84).

См. также отчет академика: *Вернадский В.И.* Геохимия, биогеохимия и радиология на новом этапе: Извлечение из отчета и заграничной командировке 1932 г. // Вестник АН СССР. — 1933. — № 11. — С. 17–24.

⁵¹³ Это фактически единственное письмо Н.П. Василенко, отправленное им В.И. Вернадскому, судя по дате и содержанию, за границу.

⁵¹⁴ Резниченко Владимир Васильевич (1870–1932), геолог, директор Украинского геологического комитета, Научно-исследовательского геологического института ВУАН, академик ВУАН (1929).

Симинский Константин Константинович (1879–1932), механик, профессор Киевского политехнического института, академик ВУАН (1926), в 1921–1932 гг. директор Института технической механики ВУАН.

Кордыш Леон Иосифович (1878–1932), физик, профессор Киевского университета и Киевского политехнического института. В 1929 г. был избран членом-корреспондентом ВУАН, работал в Научно-исследовательском институте физики.

⁵¹⁵ Вероятно, В.И. Вернадский вспомнил свое пребывание и работу в 1924–1925 гг. в пригороде Парижа, на Сене — Bourg la Reine (Seine).

⁵¹⁶ На упреки А.М. Деборина В.И. Вернадский ответил статьей: *Вернадский В.И.* По поводу критических замечаний академика А.М. Деборина // Изв. АН СССР. — Сер. 7, ОМЕН. — М.; Л., 1933. — Вып. 3. — С. 395–407. Однако редакция подала здесь и ответ: *Деборин [Иоффе] А.М.* Критические замечания на критические замечания акад. В.И. Вернадского // Там же. — С. 409–419.

⁵¹⁷ Об этом см. воспоминания Н.Е. Вернадской. (*Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — С. 322).

⁵¹⁸ Кроме открытки от 13 июня 1932 г., другой корреспонденции к Василенко не найдено.

⁵¹⁹ В письме к В.И. Вернадскому из Самарканда 17 апреля 1941 г., пытаюсь оформить докторскую степень, Б.Л. Личков попросил академика дать отзыв о научных достижениях: «Думаю, что Вам такой отзыв составить было бы нетрудно. Ведь у Вас обо мне есть все данные. В 1932 г., когда помните, меня неудачно представляли в члены-корреспонденты Академии, и в «делах» должна быть копия сделанного тогда представления; ее можно использовать», — отметил Б.Л. Личков (переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым (1940–1944). — М.: Наука, 1980. — С. 255). Однако других документальных подтверждений относительно предложения избрания Личкова в члены-корреспонденты АН СССР найти, к сожалению, не удалось. Известно также, что Вернадский и украинский академик В.А. Сельский предложили Личкова в члены-корреспонденты АН УССР в 1944 г. Однако следует учесть, что 5 января 1934 г. Личков был арестован в Ленинграде по обвинению в «принадлежности к Ленинградскому формированию организации Российской национальной партии, ставившей целью свержение Советской власти и установление фашистской диктатуры», якобы возглавляемой академиками В.И. Вернадским и Н.С. Курнаковым. Личков был обвинен в том, что, «будучи завербован академиком Вернадским, проводил вредительство в области практического решения сапропелевой проблемы». Приговорен к 10 годам принудительных работ. Досрочно освобожден в ноябре 1939 г., но оставлен работать в системе НКВД, и только в январе 1941 г. «освободился от Волгостроя». Судимость снята в 1947 г., однако полностью реабилитирован только в 1956 г. (Репрессированные геологи. Изд. 3-е, испр. и доп. — М.; СПб., 1999. — С. 198).

⁵²⁰ См. комментарий № 502 к этому разделу.

⁵²¹ Речь идет о книге «Биогеохимическая энергий в земной коре» (рукопись — АРАН, ф. 518, оп. 1, д. 12). Вернадский в переписке не раз упоминает о работе над «главной книгой жизни», однако название и структура исследования не оставались неизменными. Очевидно, основным итогом работы академика по этой проблематике стала книга «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», практически законченная к 1944 г. и опубликованная в 1965 г. (новое изд.: М.: Наука, 2001. — 376 с.).

⁵²² См. записку В.И. Вернадского «О необходимости создания научно-мощного радиевого института в срочном порядке» (АРАН, ф. 518, оп. 1, д. 322, л. 1–7об.).

⁵²³ См. комментарий № 516 к этому разделу.

⁵²⁴ 13 августа Вернадский с женой выехал в очередную полугодовую командировку через Варшаву в Прагу. Сначала отдохнули в семье дочери, а в октябре–декабре 1933 г. Владимир Иванович занимался научной работой, читал лекции по радиогеологии в Лондоне и Париже. В СССР Вернадские вернулись в начале февраля 1934 г.

⁵²⁵ 19–22 декабря 1933 г. В.И. Вернадский прочитал в Сорбонне цикл лекций «La Géochimie de l'eau» (рукопись см.: АРАН, ф. 518, оп. 1, д. 70, 38 л.).

⁵²⁶ Своим европейским наблюдениям ученый получил подтверждение позже в книге: *Симон Андрэ. О тех, кто предал Францию. Сборник статей французских писателей.* — М., 1941. — 397 с.

⁵²⁷ Очевидно, речь идет о: *Вернадский В.И.* 1) Проблемы биогеохимии. Вып. 1: Значение биогеохимии для познания биосферы. — Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — 48 с., 2) Проблемы биогеохимии. [Вып.:] II: О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы. — 2 изд. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — 34 с.

Что касается третьего выпуска, то, возможно, речь шла о статье: «Проблемы биогеохимии. Вып. 3: О состояниях пространства в геологических явлениях земли на фоне роста науки XX столетия», которая сохранилась в архиве академика (ф. 518, оп. 1, д. 3) и была издана 1980 г. (*Вернадский В.И. О состояниях пространства в геологических явлениях. На фоне роста науки XX столетия // Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. Труды Биогеохимической лаборатории. Т. 16.* — М., 1980. — С. 85–164. Первоначальное название вып. 3 «Проблем биогеохимии» было — «О состояниях физического пространства». Окончил статью Вернадский только в марте 1943 г. в эвакуации в Боровом Казахской ССР, расширив и изменив название (Письма к сыну и дочери / Публ. подгот. Д. Холлоуэй, В.Я. Френкель, И.И. Мочалов // *Вестн. АН СССР.* — 1990. — № 12. — С. 125).

⁵²⁸ Речь идет о Л.А. Неёловой, см. комментарий № 356 к этому разделу.

⁵²⁹ Возможно, речь идет о Михаиле Михайловиче Могилянском (1873–1942), писателе и публицисте, адвокате по профессии. Работал в кадетской газете «Речь». В 1923 г. возглавил Постоянную комиссию ВУАН по составлению «Биографического словаря украинских деятелей». Научный сотрудник ВУАН. Уволен из Академии 1933 г. Умер в эвакуации в Красноярском крае. См. также его письма к В.И. Вернадскому во второй книге этого издания.

⁵³⁰ 25 апреля 1934 г. СНК СССР принял постановление «О переводе АН СССР в Москву». В.И. Вернадский переехал в Москву в начале лета 1935 г., когда перевезли возглавляемую им Биогеохимическую лабораторию. А Радиевый институт (находился в ведении Наркомата просвещения), директором которого академик был в 1922–1939 гг., было решено перебазировать из Ленинграда в Москву лишь весной 1943 г., с 1941 г. институт был в эвакуации в Казани.

⁵³¹ Речь идет об аресте Б.Л. Личкова 5 января 1934 г. по «делу славистов» (дело «Российской национальной партии»). Уже 29 марта 1934 г. ученый был осужден.

⁵³² В Узком (бывшая помещичья усадьба) с февраля 1922 г. и до настоящего времени находится санаторий для ученых (принадлежал ЦеКУБУ, впоследствии Комиссии содействия ученым, а в 1937 г. — АН СССР). Теперь это территория Москвы.

⁵³³ Умер в Ленинграде 28 февраля 1934 г. 25 апреля состоялось Общее собрание АН, посвященное памяти С.Ф. Ольденбурга.

⁵³⁴ Речь идет о записке, представленной В.И. Вернадским в Президиум АН СССР 3 августа 1934 г., — «О переходе Всесоюзной Академии Наук из Ленинграда в Москву» (АРАН, ф. 518, оп. 1, д. 324, л. 24–32; оп. 4, д. 13, л. 2–11. машинописная копия).

⁵³⁵ Эти рассуждения ученого очень близки к его мыслям о ноосфере.

⁵³⁶ VII Менделеевский съезд химиков, посвященный столетию со дня рождения Д.И. Менделеева, проходил в Ленинграде 10–13 сентября 1934 г.

⁵³⁷ Речь идет о генетике Израиле Иосифовиче Аголе (1891–1937), который с конца мая 1934 г. несколько месяцев был неизменным секретарем Президиума АН УССР (его сменил А.В. Палладин без какого-либо официального постановления или сообщения на Общем собрании). В 1934–1937 гг. заведующий отделом Института зоологии и биологии АН УССР. Репрессирован и расстрелян.

⁵³⁸ Новые рассуждения ученого о ноосфере.

⁵³⁹ Речь идет о биогеохимической лаборатории АН СССР.

⁵⁴⁰ Шмальгаузен Иван Иванович (1884–1963), зоолог-морфолог, профессор Киевского, Воронежского, Московского университетов. Академик УАН (1922), академик АН СССР (1935), директор Института зоологии и биологии АН УССР (Киев), Института эволюционной морфологии АН СССР (Москва). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

⁵⁴¹ Во время сессии АН СССР, первой после переезда Академии в Москву, 20 декабря 1934 г. В.И. Вернадский выступил с докладом «О некоторых явлениях в радиогенологии».

⁵⁴² «Комиссия содействия ученым», правопреемник ЦеКУБУ. См. комментарий № 487 к этому разделу.

⁵⁴³ Вернадские выехали за границу лишь в середине августа и вернулись в середине ноября 1935 г.

⁵⁴⁴ В начале лета 1935 г. Вернадские переехали в Москву в предложенную им Академией квартиру в Дурновском переулке, между Арбатом и Молчановкой. В Москве Вернадский начинал в 1890 г. преподавательскую карьеру, а в 1911 г., после того, как покинул в знак протеста университет, вернулся в Петербург, где возглавил Минералогический музей и сосредоточился на научной работе в рамках Академии наук.

⁵⁴⁵ Надсон Георгий Адамович (1867–1939), ботаник, микробиолог, генетик. Член-корреспондент (1928), действительный член (1929) АН СССР. Директор Института микробиологии АН СССР (1934–1938); редактор первого в России журнала (1914–1938) по общей микробиологии. Репрессирован и расстрелян.

⁵⁴⁶ Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1871/1872–1941), медик-терапевт, профессор, был членом кадетской партии. Консультант лечебно-санитарного управления Кремля. Репрессирован в 1937 г. Осужден на 25 лет тюрьмы. Расстрелян, когда немцы подходили к Орлу.

⁵⁴⁷ См. записи об Украине в дневнике за 30 июня 1935 г.: *Вернадский В.И.* Дневники: 1935–1944. — М., 2006. — Кн. 1: 1935–1938. — С. 20.

⁵⁴⁸ *Полонская-Василенко (урожденная Меньшова) Наталья Дмитриевна (1884–1973)*, историк, археограф, доктор исторических наук. Ученица М.В. Довнар-Запольского. Закончила Киево-Фундуклеевскую женскую гимназию, в 1911 г. — историко-филологическое отделение Высших женских курсов (Киев), в 1913 г. — историко-филологический факультет Киевского университета. В 1912–1915 гг. ассистент по кафедре русской истории и кафедре методики, с 1916 г. преподаватель Высших женских курсов, с 1916 г. приват-доцент Киевского университета, где заведовала археологическим музеем. В 1917–1920 гг. преподавала на Высших женских курсах А.В. Жекулиной. Одна из основателей и ученый секретарь Киевского археологического института

(1917–1924). В 1921–1923 гг. преподаватель и директор киевской трудовой школы № 56. В 1925–1927 гг. архивный регистратор и помощник ученого архивиста Киевского центрального архива древних актов. В 1927–1931 гг. профессор Киевского художественного института. В 1924–1933 гг. научный сотрудник различных кафедр и комиссий ВУАН, с 1929 г. член Постоянной комиссии по составлению биографического словаря деятелей Украины; в 1929–1934 гг. ученый секретарь Комиссии по изучению социально-экономической истории Украины XVIII–XIX вв.; в 1930–1934 гг. член Археографической комиссии ВУАН. В 1934–1938 гг. научный сотрудник рукописного отдела Всенародной библиотеки Украины. В 1938–1941 гг. старший научный сотрудник сектора истории Украины эпохи феодализма Института истории АН УССР. Одновременно в 1940–1941 гг. профессор Киевского государственного университета. С началом немецкой оккупации Киева 20 октября 1941 г. возглавила Археологический институт, а с декабря того же года и Киевский центральный архив древних актов. В 1942 г. сотрудник Музея-архива переходного периода в Киеве. В сентябре 1943 г. выехала сначала во Львов, а затем в эмиграцию. Профессор Украинского вольного университета в Праге (1944–45) и Мюнхене (1945–73), профессор Украинской православной академии в Мюнхене (1946). Действительный член Украинской вольной академии наук (1948), Международной вольной академии наук в Париже (1952).

Основные труды: *Полонська-Василенко Н.* 1) Домашний и общественный быт Московской Руси. — К., 1912. — 64 с.; 2) Українська Академія Наук: нарис історії: в 2-х ч. — Мюнхен, 1955–1958 (переизд. — К., 1993); 3) Запоріжжя XVIII століття та його спадщина: в 2-х т. — Мюнхен, 1965–1967; 4) Історія України: у 2-х т. — Мюнхен, 1972–1976 (репр. — К., 1992. — 592 с.); 5) Спогади. — К.: Видавн. дім «Києво-Могилянська академія», 2011. — 542 с.

Литература: *Моргун О.* До життєпису Наталії Дмитрівни Полонської-Василенко-Моргун // Укр. історик. — 1983. — № 2–4. — С. 51–54; *Ульяновський В.І.* Наталія Дмитрівна Полонська-Василенко-Моргун: Сторінками життєпису // Полонська-Василенко Н. Історія України: у 2-х т. — 1995. — Т. 1. — С. V–LXXXVIII; *Верба І.В.* Життя і творчість Н.Д. Полонської-Василенко (1884–1973). — К., 2000. — 356 с. (новое изд.: Ніжин, 2008. — 324 с.)

⁵⁴⁹ После ареста Н.П. Василенко в 1923 г. на его квартиру по Тарасовской, 20 начались посягательства с целью «уплотнения». Под давлением всевозможных комиссий Наталья Дмитриевна отдала одну комнату семье бывшей прислуги М.С. Великохатько. (*Бонь О.І.* Історія повсякденності української наукової інтелігенції (за матеріалами фонду Миколи Прокоповича Василенка в ЦДАМЛМУ) // Література та культура Полісся, — Ніжин, 2010. — Вип. 60. — С. 104–112).

⁵⁵⁰ Ответ на это письмо написала Н.Е. Вернадская, см.: ЦГАМЛИ Украины, ф. 542, оп. 1, д. 20, л. 42–42 об.

⁵⁵¹ Речь идет о «Бюллетене Бюро Киевской секции научных работников», который издавался в 1926–1931 гг. с перерывами.

⁵⁵² Маркевич Арсений Иванович (1855–1942), историк, археолог, библиограф, член-корреспондент АН СССР (1927). Председатель Таврической ученой архивной комиссии, один из инициаторов создания Таврического университета. Погиб в блокадном Ленинграде. Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания.

⁵⁵³ Свенсон Николай Александрович (1869 — после 1927 г.), хирург, профессор. Работал в университетской клинике, других учреждениях Киева.

Маньковский Борис Никитович (1883–1962), невропатолог, профессор Киевского института усовершенствования врачей и Киевского медицинского института, научный

руководитель Киевского психоневрологического института, действительный член АМН СССР (1944 г.).

⁵⁵⁴ На письма от 20 ноября 1933 г. и от 30 апреля 1934 г. Вернадский не получил ответа Василенко. Только после этого письма к Н.Д. Полонской был ответ Николая Прокофьевича от 25 октября 1934 г.

⁵⁵⁵ О разгроме гуманитарной науки в СССР см. также запись в дневнике Вернадского от 22 декабря 1934 г. (*Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. — С. 368–369).

⁵⁵⁶ Впервые были частично изданы в эмиграции 1988 г. в украинском переводе, возможно, по сделанному Н.Д. Полонской-Василенко машинописному экземпляру: *Василенко М.П.* Моє життя // Укр. історик. — 1988. — № 1–4; 1989. — № 1–3, № 4; 1990. — № 1–4. Современное полное издание по рукописи см.: *Василенко М.П.* Моя жизнь // Василенко М.П. Вибрані твори: У 3 т.: Т. 3. Спогади. Щоденники. Листування. — К., 2008. — С. 13–282.

⁵⁵⁷ Возможно, речь идет о литературоведе и этнографе, профессоре Киевского института народного образования, а затем университета Степане Владимировиче Савченко (1889–1942).

⁵⁵⁸ См. письмо Вернадского от 25 ноября 1934 г.

⁵⁵⁹ Тело академика М.С. Грушевского, который умер в Кисловодске 25 ноября 1934 г., привезли в Киев 28 ноября. Тело перевезли в Академию наук, где к нему был открыт доступ с 18 до 22 часов, а на следующий день, 29 ноября, — с 10 до 13 часов. В тот же день состоялись похороны на Байковом кладбище.

⁵⁶⁰ Н.П. Василенко умер 3 октября 1935 г. от рака печени, как это указано в свидетельстве о его смерти (ЦГАМЛИ Украины, ф. 542, оп. 1, д. 37, л. 3).

⁵⁶¹ См. письмо Б.Л. Личкова к В.И. Вернадскому от 3 ноября 1935 г. во второй книге этого издания.

⁵⁶² Речь, очевидно, о смерти зоотехника, академика ВАСХНИЛ Михаила Федоровича Иванова (1871–1935), украинского академика, ботаника Александра Васильевича Фомина (см. комментарий № 158 к этому разделу) и французского востоковеда Сильвена Леви (1863–1935).

⁵⁶³ *Чайковский П.И.* Переписка с Н.Ф. фон-Мекк: В 3-х т. / Ред. и прим. В.А. Жданова и Н.Т. Жегина; вст. статья Б.С. Пшибышевского. — М.–Л.: Academia, 1934–1935.

Тулуб З.П. Людоловы: Ист. ром. в 2-х тт., 1615–1622. — М.: ГИХЛ, 1934. — Т. 1. — 416 с.

⁵⁶⁴ Директором ВБУ в 1933–1936 гг. был Василий Михайлович Иванушкин (1903–1937), агроном, экономист, редактор, книговед. Исключен из партии «за притупление партийной бдительности» (пожар, который произошел в газетном отделе в 1935 г.) и уволен из Библиотеки (май 1936 г.). Репрессирован в 1937 г. и расстрелян.

⁵⁶⁵ Гольдман Александр Генрихович (1884–1971), физик, академик ВУАН (1929). Основал Институт физики АН и «Украинский физический журнал». Член Президиума АН, секретарь Отделения естественных и математических наук (1930–1938). Репрессирован в 1938 г. В Киев, в Институт физики, вернулся после 1956 г.

⁵⁶⁶ Академическая многотиражка, которая сменила аналогичную «За радянську Академію», издававшуюся в 1930–1934 гг.

⁵⁶⁷ Архив Н.П. Василенко оказался в двух хранилищах: ИР НБУВ (ф. 40) и ЦГАМЛИ Украины (ф. 542).

⁵⁶⁸ Речь идет о Д.М. Петрушевском. См. комментарий № 368 к этому разделу.

⁵⁶⁹ Речь идет об издании: Дело Киевского областного «Центра действия». — К.: Юриздат НКЮ УССР, 1927. — XII, 820 с.

⁵⁷⁰ Исследование: *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни: Вып. 1–4. — М., «Недра», 1926–1927, открыло в свое время жанр хроники характеристик и мнений.

⁵⁷¹ Эти воспоминания были впервые изданы в эмиграции в украинском переводе, возможно, по сделанному Н.Д. Полонской-Василенко машинописному экземпляру: *Василенко М.П.* Два тижні в Лук'янівській тюрмі: Із спогадів // Укр. історик. — 1972. — № 1/2; 1973. — № 1/2. Современная публикация по рукописи: *Василенко М.П.* Две недели в Лукьяновской тюрьме // Василенко М.П. Вибрані твори: У 3 т.: Т. 3. Спогади. Щоденники. Листування. — К., 2008. — С. 283–301.

⁵⁷² В.И. Вернадский записал позже в «Хронологии 1935 г.»: «3 октября 1935 года умер Николай Прокофьевич Василенко, родился в 1866 году (по указанию Яснопольского — умер 69 лет — последние годы инвалид, едва двигался — какая-то ужасная болезнь — но ум его сохранялся до конца).

В сложной истории Украинской Академии, основателем которой он, в сущности, был (фраза не закончена. — *Сост.*). Только благодаря ему мне удалось провести ее в жизнь.

Н.П. Василенко, с которым я познакомился в 1917 году, когда мы оба стали товарищами министра народного просв[ещения] С.Ф. Ольденбурга. Мы очень сошлись, т[ак] к[ак] имели близкие дружеские связи с теми юрьевскими профессорами, питомцем которых был Н.П. [Василенко].

Это были М.А. Дьяконов, которого я знал еще по студенч[ескому] научно-литер[атурному] общ[еству] в 1882–1885, В.М. Грабарь (В.Э. Грабарь. — *Сост.*), с которым познакомился и сошелся в Париже в 1889–1890, Д.Д. Grimm, с которым я познакомился ближе кажется в 1906 году в Гос[ударственном] Совете (или в) 1911).

В 1917 я встретился с Н[иколаем] П[рокофьевичем] как со своим человеком. В Киеве до приезда Наташи [Н.Е. Вернадской] я жил в маленьком домике (№ 20) на Тарасовской ул[ице] — там же я останавливался у него в маленькой квартире, тогда холостяцкой, переполненной книгами.

Н[иколай] П[рокофьевич] был, мне кажется, <нрзб>, но симпатич[ный] человек, имевший огромные связи и со старым украинцами Старой громады, и с более молодыми поколениями.

Я думаю, что его личная жизнь при его обаятельности была очень сложной. Теперь мало кто может мне дать эти сведения. Большой друг его, Мария ..., высокая полная украинка, фамилию которой забыл, старше его — очень честная и симпатичная. Думаю, что он к ней относился как к матери. У нее, кажется, была семья, дети ее ближе к его возрасту. Теперь только один Яснопольский может дать мне эти сведения.

У него остались большие записки, очень интересные. Один том, переданный его женой, Полонской Н.Д. кажется, мне, остался на столе у меня в Москве. Н.Д. Полонская-Василенко после смерти Н[иколая] П[рокофьевича] стала профессором, защитила докторскую диссертацию, она бывала у нас в Москве в 1940, кажется, году. Очень хорошее впечатление. Она вышла вновь замуж — какой-то бывший земский статистик или что-то вроде. Я его не видел. Они остались в Киеве, и судьба их сейчас мне неизвестна.

Мне кажется, Н[иколай] П[рокофьевич] был одно время арестован — но как-будто он был в больнице? Я его не видел между 1918–1926.

В 1926 году после пребывания за границей с 1922 по 1926 я впервые увидел Н[иколая] П[рокофьевича] — умственно полного жизни, но медленно ходящего старика. Он провожал меня на железную дорогу. После 1928, как-будто бы до 1936 года, я больше в Киеве не был? Надо справиться. Надо прочесть его истор[ические] работы.

Я помню, что приехал в 1926 в Киев. Я пробыл в Киеве несколько недель. Выехал из Москвы на съезд геологический, не думая принимать в нем деятельное участие — моей целевой задачей было завязать вновь мои связи с Украинской Академией наук. В Киеве (президентом был Липский?) Я остановился в академическом доме (бывший пансион им[ени] Левашевой) — на ул[ице] Коротенко. Уехал в Киев 28.IX — выехал в

Ленинград 7.X. Был всего около 10 дней. Совершенно неожиданно для меня меня выбрали председателем съезда. Мне очень было мало времени видиться с друзьями — поэтому я остался очень недоволен своим пребыванием.

Съезд был очень интересный — между прочим, на нем состоялось постановление об образовании 1) четвертичной комиссии и 2) об образовании Комиссии по вечной мерзлоте — предс[едателем] которой согласился [стать] ак[адемик] В.А. Обручев.

Мне кажется, что Василенко в 1926 году был в относительно лучшем положении, чем в 1928, он в это время жил на даче. В Киеве я виделся со всеми украинцами» (*Вернадский В.И.* Дневники: 1935–1941. — М., 2006. — Кн. 1. — С. 47–48).

⁵⁷³ См. письмо к Н.П. Василенко от 1 августа 1934 г.

⁵⁷⁴ Наталья Дмитриевна искренне откликнулась на эти советы Вернадского — стала организовывать архив Василенко, перепечатывать часть рукописей, готовить воспоминания о нем. Она стала фактически первым биографом академика Н.П. Василенко. (*Полонська-Василенко Н.* 1) Микола Прокопович Василенко // Голос державника [Мюнхен]. — 1947. — № 6. — С. 3–26; 2) Микола Прокопович Василенко і ВУАН // Україна [Париж]. — 1951. — № 5. — С. 337–345; 3) Академік М.П. Василенко // Віра і культура [Вінніпег]. — 1956. — № 31. — С. 23–41; 4) Микола Прокопович Василенко — життя та наукова діяльність // Укр. історик. — 1966. — Ч. 3/4 (11/12). — С. 41–51; 5) Микола Прокопович Василенко (1866–1966, з нагоди 100-ліття з дня народження) // Визвольний шлях [Лондон]. — 1967. — Кн. 9. — С. 1043–1059).

⁵⁷⁵ См. письмо к Н.П. Василенко от 18 мая 1918 г.

⁵⁷⁶ 3 сентября 1886 г. В.И. Вернадский женился на Н.Е. Старицкой.

⁵⁷⁷ В феврале 1886 г. образовалось «Братство» — кружок молодежи — своеобразный духовный союз, идейно-нравственные установки которого сохранялись в течение всей жизни. Живыми, как указывает в письме Владимир Иванович, оставались лишь Гревс. *Гревс И.М.* История одной любви: И.С. Тургенев и Полина Виардо. — М.: Современные проблемы, 1927. — 262 с. (2-е изд. — М., 1928), Шаховские и Вернадские (подробнее о «Братстве» см.: *Вернадский В.И.* Памяти профессора Н.Г. Ушинского // Природа. — 1935. — № 2. — С. 80; *Аксенов Г.П.* Сила «Братства» // Природа. — 1988. — № 2. — С. 82–93; *Шаховской Д.И.* Письма о братства // Звенья: Историч. альманах. — М.; СПб., 1992. — Вып. 2. — С. 174–318).

⁵⁷⁸ Вернадский здесь делится своими мыслями о ноосфере.

⁵⁷⁹ Французская версия доклада Вернадского 1931 г. «Проблема времени в современной науке» (см. комментарий № 503 к этому разделу): *Vernadsky W.* Le problème du temps dans la science contemporain // *Revue générale des sciences pures et appliquées.* — Paris, 1935. — Vol. 46, № 7. — P. 208–213; № 10. — P. 308–312.

⁵⁸⁰ Библейская формула относительно христианского брака, который, в первую очередь, дает возможность для духовного единения супругов. Как говорил апостол Павел: «оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть» (Мф. 19: 5).

⁵⁸¹ Д.М. Петрушевский и Л.Н. Яснопольский.

⁵⁸² Речь идет о Екатерине Прокофьевне Василенко, которая с дочерью Ольгой (студенткой Института народного образования) проживала в квартире Н.П. Василенко на Тарасовской, 20 до прихода туда как жены Н.Д. Полонской-Василенко.

⁵⁸³ 21 февраля 1936 г. Совнарком УССР утвердил новый Устав Академии наук и постановил переименовать ВУАН в Академию наук УССР. Устав был разработан группой ученых под руководством неперменного секретаря Академии А.В. Палладина. Этот проект был рассмотрен 4–8 января Советом Академии наук и одобрен (Правовый статус Академії наук: Історія та сучасність. — К., 1993. — С. 64; 199–206). «Гетман-

ской» Академии досталось и от А. Артемского в брошюре «Що таке Всеукраїнська Академія Наук» (1931) (см. комментарий № 504 к этому разделу). Начала насаждаться лживая идеологическая догма о создании Академии 1919 г. при большевиках. Позже А.В. Палладин в книге о 25-летию Академии наук отмечал: «Уступая вышеупомянутым требованиям о создании Академии наук, буржуазное гетманское правительство одновременно боялось, что Академия Наук может стать проводником большевистских идей, и поэтому, утверждая закон (о создании УАН. — *Сост.*), оно не обеспечило его реализации, а наоборот делало все так, что Академия наук в 1918 г. фактически не существовала. Учреждение Академии Наук в конце 1918 года было лишь декларацией, которая не имела под собой никакой материальной базы и была лишь ответом на требование передовой украинской, а отчасти и русской интеллигенции утвердить на Украине Академию наук; новоиспеченному учреждению не было отпущено никаких средств и не было предоставлено какого-либо помещения» (*Палладин О.В.* Академія наук Української Радянської Соціалістичної Республіки: 1919–1944. — К.: Вид-во АН УРСР, 1945. — С. 4).

⁵⁸⁴ *Василенко Н.П.* Очерки по истории Западной Руси и Украины. — К., 1916. — XII, 589 с. (переизд.: *Василенко М.П.* Вибрані твори у трьох томах. — К.: Юридична думка, 2006. — Т. 1: Історичні праці. — С. 24–225.

⁵⁸⁵ Президент АН СССР с 1930 г. Александр Александрович Богомолец (1881–1946). Подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским в этой книге.

⁵⁸⁶ Свительский Николай Игнатьевич (1884–1937), геолог, петрограф. Академик ВУАН (1930), вице-президент Академии (1935). Директор Института геологии АН УССР. Расстрелян в 1937 г.

⁵⁸⁷ См. комментарий № 546 к этому разделу.

⁵⁸⁸ Речь идет о художнике Григории Григорьевиче Мясоедове (1834–1911).

⁵⁸⁹ См. комментарий № 556 к этому разделу.

⁵⁹⁰ См. комментарий № 571 к этому разделу.

⁵⁹¹ Касательно этого сборника см.: Корпус магдебургских грамот украинским міс-там: два проекта видань 20–40-х років. XX ст. / Укл. В. Андрейцев, В. Ульяновский, В. Короткий. — К., 2002. — С. 4–41.

⁵⁹² Перечисленные рукописи, фрагменты или незавершенные работы могут иметь, безусловно, историографическую ценность, вопрос же их возможного издания относится к компетенции современных исследователей. Наиболее полную библиографию печатных работ Н.П. Василенко см.: *Василенко М.П.* Вибрані твори: У 3 т.: Т. 3. Спогади. Щоденники. Листування. — К., 2008. — С. 703–716.

⁵⁹³ К сожалению, развернутой биографии Н.П. Василенко Наталья Дмитриевна так и не написала.

⁵⁹⁴ Радде-Фомина Ольга Густавовна (1876–?), жена академика А.В. Фомина, ботаник; в оккупированном Киеве — научный сотрудник, ученый секретарь Института ботаники, уехала на Запад с немцами.

О Марии Сильвестровне Грушевской подробнее в разделе переписки В.И. Вернадского с М.С. Грушевским.

⁵⁹⁵ Ушинский Николай Григорьевич (1864–1934), медик, микробиолог. Профессор Новороссийского (в Одессе) университета. Друг В.И. Вернадского со студенческих лет, член Братства. С начала 20-х годов и до конца жизни занимал кафедру в Азербайджанском государственном университете в Баку. См. некролог: *Вернадский В.И.* Памяти профессора Н.Г. Ушинского // *Природа*. — 1935. — № 2. — С. 80; переизд.: *Вернадский В.И.* Статьи об ученых и их творчестве. — М.: Наука, 1997. — С. 269–270).

⁵⁹⁶ Такое письмо к А.А. Богомольцу, к сожалению, не найдено.

⁵⁹⁷ См. комментарий № 584 к этому разделу.

⁵⁹⁸ Возможно, речь идет о: *Вернадский В.И.* О некоторых основных проблемах биогеохимии // Изв. АН СССР. ОМОН. Сер. геол. — 1938. — Т. 18. № 1. — С. 19–34.

⁵⁹⁹ См. комментарий № 584 к этому разделу.

⁶⁰⁰ Речь идет о необходимости для Н.П. Василенко зарабатывать публикациями, например, для Энциклопедического словаря (Брокгауз-Ефрон) или для перевода томов «Всемирной истории» и «Истории нового времени» Юлиуса Пфлуг-Гартунга (Pflugk-Hartung). Как пример, приведено также издательское общество «И.Д. Сытин и К°».

⁶⁰¹ *Василенко Н.П.* Исторические сведения о кабардинском народе. — К., 1913. — 283 с. Книгу заказал и оплатил В.М. Кудашев (*Дзагалов А.С.* Владимир Кудашев в архивных источниках Украины и воспоминаниях Киевского приват-доцента Николая Василенко // Исторический вестник КБИГИ. — Нальчик, 2007. — Вып. 5. — С. 183–205).

⁶⁰² Речь идет об А.А. Богомольце. См. комментарий № 585 к этому разделу.

⁶⁰³ Речь идет о публицистической деятельности Н.П. Василенко и его редакторской работе в газетах «Киевское слово», «Киевские отклики», «Киевские отголоски», «Киевский голос» и «Отголоски жизни».

⁶⁰⁴ За нелегальный сбор средств на помощь рабочим Киева и Петербурга, публикацию в «Киевских откликах» статей «антигосударственного» содержания с призывом установления республиканского строя в России, в защиту политических заключенных Н. Василенко был приговорен к году тюремного заключения, которое он отбыл в одиночной камере тюрьмы «Кресты» в Петербурге в октябре 1908 г. — июне 1909 г. В тюрьме он изучал право и экстерном сдал экзамены по программе юридического факультета Новороссийского университета (Одесса).

⁶⁰⁵ Официальная пропаганда навесила на Н.П. Василенко ярлык «украинского буржуазного националиста», его имя было практически вычеркнуто из истории УАН. Подробнее см.: *Усенко І.Б.* Етапи життя і творчості М.П. Василенка // Василенко М.П. Вибрані твори у трьох томах. — К., 2006. — Т. 1: Історичні праці. — С. 5–23.

⁶⁰⁶ Об историке, архивисте, археографе Вадиме Львовиче Модзалевском (1882–1920) подробнее см. биографическую справку в комментариях к его переписке с В.И. Вернадским во второй книге этого издания. Часть писем Василенко к Модзалевскому напечатана в кн.: *Василенко М.П.* Вибрані твори: У 3 т.: Т. 3. Спогади. Щоденники. Листування. — К., 2008.

⁶⁰⁷ Очевидно, аллюзия на образ Пимена, летописца, который у А.С. Пушкина в «Борисе Годунове» в ночной тишине Чудова монастыря воссоздает кровавое прошлое русской земли.

⁶⁰⁸ Вернадские пробыли в Карлсбаде с середины августа до 9 сентября 1926 г. Затем Владимир Иванович побывал в Праге, Париже, Лондоне. Вернулись в СССР 14 ноября 1926 г.

⁶⁰⁹ Чирвинский Владимир Николаевич (1883–1942), геолог и геохимик, член ряда секций Постоянной комиссии УАН по изучению природных богатств Украины, профессор Киевского горно-геологического института, а также университета. Руководил составлением геологических карт Украины. Приезжал к Вернадскому в делах издания сборника в честь 50-летия научной деятельности академика. Чирвинский умер в Киеве во время немецкой оккупации.

⁶¹⁰ Речь идет об Общем собрании (заседании Совета ВУАН) 3 мая, на котором, под председательством В.И. Вернадского, было проведено избрание нового президента Академии Д.К. Заболотного.

⁶¹¹ В.И. Вернадский всегда внимательно следил за политическими событиями в Европе, о чем свидетельствуют его многочисленные записи в дневниках разных лет.

⁶¹² Письма Г.В. Вернадского и Н.В. Вернадской-Толль к родителям см.: АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 282–323.

⁶¹³ Речь идет о 17-й сессии Международного геологического конгресса в Москве 21–29 июля 1937 г. Однако реализовать замыслы поездки в Украину и Крым Вернадскому не удалось.

⁶¹⁴ Подробнее см.: *Вернадский В.И.* Из «Хронологии 1936 г.» // *Вернадский В.И.* Дневники: 1935–1941. — М., 2006. — Кн. 1. — С. 105.

⁶¹⁵ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955), сотрудник «Искры», многих большевистских газет. В 1917–1920 гг. управляющий делами СНК. В дальнейшем на научной работе. С 1933 г. директор Государственного литературного музея (Москва). С 1945 г. директор Музея истории религии и атеизма АН СССР (Ленинград).

⁶¹⁶ Речь идет об А.А. Богомольце. См. комментарий № 585 к этому разделу.

⁶¹⁷ Л.Н. Яснопольский тогда жил и работал в Москве.

⁶¹⁸ В начале 1930-х годов Н.Д. Полонская-Василенко как сотрудница Комиссии социально-экономической истории Украины ВУАН подготовила исследование на 4 печ. л. «Рабочие Киево-Межигорской фаянсовой фабрики», однако из-за увольнения работу не закончила. (*Верба І.В.* Життя і творчість Н.Д.Полонської-Василенко, 1884–1973. — К., 2000. — С. 113–115). Очерк из истории Киево-Межигорской фаянсовой фабрики остался неопубликованным (см. рукописи в ЦДАВО Украины — ф. 3806, оп. 1, д. 7, л. 1–90; и ИР НБУВ — ф. 42, ед. хр. 14, л. 1–104).

⁶¹⁹ Моргун Александр Михайлович (1874–1961), экономист, земский деятель и ко-оператор, по специальности юрист. После войны профессор Украинской высокой экономической школы в Мюнхене и Украинского технико-хозяйственного института в Регенсбурге, член Союза Гетманцев Державников Германии и Австрии. В фонде Н.Д. Полонской-Василенко в Архиве УВУ (Мюнхен): «Свидетельство о браке Моргуна Александра Михайловича и Василенко-Полонской Натальи Дмитриевны № 567», датированное 28.08.1937.

⁶²⁰ Очевидно, речь идет о Михаиле Михайловиче Могилянском. См. комментарий № 529 к этому разделу.

⁶²¹ Речь идет об одном из первых советских учебников по истории под редакцией Андрея Васильевича Шестакова (через два года стал членом-корреспондентом АН СССР): *Шестаков А.В.* Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов. — М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1937. — 222 с.

⁶²² Речь идет, судя по ответу Вернадского от 7 декабря 1937 г., о какой-то работе Г.В. Вернадского.

⁶²³ См. письмо А.Е. Крымского от 7 октября 1937 г. во второй книге этого издания.

⁶²⁴ Директором Института истории Украины АН УССР в 1936–1941 гг. был Сергей Николаевич Белоусов (1897–1985). См.: *Юркова О.В.* Документи для створення і перші роки діяльності Інституту історії України АН УРСР, 1936–1941. — К., 2001. — 210 с.

⁶²⁵ Судя по письму, Н.Д. Полонская-Василенко направила В.И. Вернадскому экземпляр (машинопись) воспоминаний Н.П. Василенко «Моя жизнь» (см. комментарий № 556 к этому разделу). Владимир Иванович, вероятно, вернул экземпляр через Л.Н. Яснопольского.

⁶²⁶ Очевидно, речь идет о: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. — М., 1929–1934. — Ч. 1–4.

⁶²⁷ Изданы только в конце XX ст.: *Кістяківський О.Ф.* Щоденник (1874–1885): В 2-х т. — К.: Наук. думка, 1994–1995. — Т. 1: 1874–1879. — 647с.; Т. 2: 1880–1885. — 583 с.

⁶²⁸ Н.Д. Полонская-Василенко защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук в Институте истории СССР (Москва) 18 октября 1940 г. Тема: «Очерки по истории заселения южной Украины в середине XVIII века (1734–1775 гг.)»; оппоненты: член-корреспондент АН СССР В.И. Пичета, доктор исторических наук, профессор А.А. Савич, доктор исторических наук, профессор А.П. Оглоблин. Полонская-Василенко стала одной из трех докторов исторических наук в Украине по украинской истории (двое других — Н.Н. Петровский и А.П. Оглоблин). (*Верба І. Зі спогадів Федора Павловича Шевченка про Олександра Оглоблина та Наталю Полонську-Василенко // Збірник на пошану Федора Павловича Шевченка. — К., 2004. — Т. 1. — С. 138–140.*)

⁶²⁹ Речь идет, видимо, о части архива В.И. Вернадского конца 1917 — начала 1919 г., которая так и осталась в Киеве после отъезда президента УАН в Ростов. Почему-то эти документы Вернадский так и не забрал, например, когда приезжал в Киев в 1928 г.; а после организационной реконструкции ВУАН в начале 1930-х годов они оказались среди прочих документов ВУАН — в отделе рукописей ВБУ (теперь ИР НБУВ). (*Апанович Е.М., Киржаев С.Н. Рукописные материалы В.И. Вернадского, документы о его жизни и деятельности в архивохранилищах Киева // Бюл. комис. по разработке науч. наследия акад. В.И. Вернадского. — Л., 1990. — № 7. — С. 6–7.*) См. также комментарий № 151 к этому разделу.

⁶³⁰ Наталья Егоровна, находясь с В.И. Вернадским в Узком оступилась в комнате, упала и получила трещину в бедренной кости. 4 июля ее перевезли в Кремлевскую больницу.

⁶³¹ См. комментарий № 356 к этому разделу.

⁶³² Можно предположить, что Вернадский встречался с Натальей Дмитриевной во время пребывания в Киеве в начале мая 1939 г. для участия в двух конференциях по сравнительной биохимии, а также по пегматитам.

⁶³³ Это письмо пока не найдено.

⁶³⁴ Воспоминания Н.П. Василенко писал в апреле — октябре 1924 г. в киевской Лукьяновской тюрьме во время отбывания наказания по делу «Киевского центра действия».

⁶³⁵ Василенко Константин Прокофьевич (1877–1941), журналист, брат Н.П. Василенко. Член РСДРП (меньшевик), был председателем Киевского областного комитета этой партии, помощником редактора газеты «Киевская мысль». С сентября 1917 г. генеральный секретарь труда УЦР, в октябре 1917 г. назначен комиссаром Временного правительства Киева. В 1923 г. арестован по обвинению в участии в контрреволюционной организации «Киевский облцентр действий»; приговорен к 10 годам. Содержался в Лукьяновской тюрьме в Киеве, в 1929–1932 гг. — в ссылке в Сибири. 1938 г. вновь был репрессирован органами НКВД и расстрелян (*Василенко К.П. Статті. Спогади. Листування. [В 2 ч.] — К.: Ін-т історії України, 2002.– Ч. 1. — 268, [19] с.; Ч. 2. — 367 с.*)

⁶³⁶ *Полонская-Василенко Н.Д. Из истории Южной Украины XVIII в.: Заселение Новороссийской губернии (1764–1775) // Истор. записки. — 1940. — Т. 13. — С. 130–174.*

⁶³⁷ 15 января 1941 г. в Киеве А.Е. Крымскому по случаю 70-летия был вручен орден Трудового Красного Знамени (указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1940 г.), но уже 20 июля того же 1941 г. он был арестован, а через полгода (25 января 1942 г.) Агатангел Ефимович погиб в тюремной больнице в городе Кустанай в Казахстане.

⁶³⁸ Возможно, речь идет о Георгии Егоровиче Старицком, брате Н.Е. Вернадской. См. комментарий № 122 к этому разделу.

⁶³⁹ Соколов Юрий Матвеевич (1889–1941), фольклорист, литературовед, академик АН УССР (1939), директор Института украинского фольклора (1939–1941).

⁶⁴⁰ Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951), арабист, академик Российской АН с 1921 г., его жена Крачковская (девичья Федорова) Вера Александровна (1884–1974), профессор-арабист.

⁶⁴¹ Павловская Мария Карповна, учительница, двоюродная сестра жены Г.Е. Старицкого — Е.П. Старицкой (Васьковой-Примаковой). Летом 1918 г. Вернадские некоторое время жили в Киеве в квартире Павловской.

⁶⁴² Спасокукоцкий Сергей Иванович (1870–1943), хирург, с 1926 г. заведующий кафедрой, профессор 2-го Московского мединститута, академик АН СССР (1942), брат Спасокукоцкого Александра Ивановича (1878–1972), геолога. См. его доклад, посвященный памяти В.И. Вернадского: Т. 1, кн. 2. — С. 283–289.